

*The Other
Boleyn Girl*

PHILIPPA
GREGORY

TWO SISTERS COMPETING FOR THE GREATEST
PRIZE...THE LOVE OF A KING

Annotation

Филиппа Грегори изучала в Эдинбургском университете классическую английскую литературу, работала на радио и телевидении, первые свои литературные гонорары получила, начав писать детские книжки, но по-настоящему знаменитой писательницей стала только благодаря серии исторических романов, в центре которых — блистательный двор английских королей и королев. Особый успех выпал на долю книги «Другая Болейн», переносящей читателя в Англию XVI века: после того, как роман сделался мировым бестселлером, на Би-би-си был снят телесериал по его мотивам, а теперь к выходу в мировой прокат готовится и полноценная киноэкранизация с Натали Портман и Скарлетт Йохансон в главных ролях.

Придворные интриги, столкновение семейных интересов превратили нежно любивших друг друга сестер Марию и Анну Болейн в непримиримых соперниц: подстрекаемые родным братом они вступают в борьбу за сердце короля Генриха VIII и место на его ложе. Начиная схватку, сестры и представить себе не могут, что поражение принесет Марии любовь и счастье, а взошедшая на трон Анна заплатит за свою победу головой.

- [Филиппа Грегори](#)
  - [Весна 1521](#)
  - [Весна 1522](#)
  - [Лето 1522](#)
  - [Зима 1522](#)
  - [Весна 1523](#)
  - [Лето 1523](#)
  - [Зима 1523](#)
  - [Весна 1524](#)
  - [Лето 1524](#)
  - [Зима 1524](#)
  - [Весна 1525](#)

- [Осень 1525](#)
- [Весна 1526](#)
- [Лето 1526](#)
- [Осень 1526](#)
- [Зима 1526](#)
- [Весна 1527](#)
- [Лето 1527](#)
- [Осень 1527](#)
- [Зима 1527](#)
- [Лето 1528](#)
- [Осень 1528](#)
- [Весна 1529](#)
- [Лето 1529](#)
- [Осень 1529](#)
- [Рождество 1529](#)
- [Лето 1530](#)
- [Осень 1530](#)
- [Рождество 1530](#)
- [Весна 1531](#)
- [Лето 1531](#)
- [Осень 1531](#)
- [Весна 1532](#)
- [Лето 1532](#)
- [Осень 1532](#)
- [Зима 1532](#)
- [Весна 1533](#)
- [Лето 1533](#)
- [Осень 1533](#)
- [Зима 1533](#)
- [Весна 1534](#)
- [Лето 1534](#)
- [Зима 1535](#)
- [Весна 1535](#)
- [Лето 1535](#)
- [Осень 1535](#)
- [Зима 1536](#)
- [Весна 1536](#)

- [Май 1536](#)
  - [notes](#)
    - [1](#)
    - [2](#)
    - [3](#)
    - [4](#)
    - [5](#)
    - [6](#)
    - [7](#)
    - [8](#)
    - [9](#)
    - [10](#)
    - [11](#)
    - [12](#)
    - [13](#)
    - [14](#)
    - [15](#)
    - [16](#)
    - [17](#)
    - [18](#)
    - [19](#)
    - [20](#)
    - [21](#)
    - [22](#)
    - [23](#)
    - [24](#)
    - [25](#)
    - [26](#)
    - [27](#)
    - [28](#)
    - [29](#)
    - [30](#)
    - [31](#)
-

Филиппа Грегори
Другая Болейн

Весна 1521

Слышен приглушенный рокот барабанов, но мне ничего не видно — только кружева на корсаже, дама передо мной полностью закрывает эшафот. Я при дворе уже больше года, бывала на многих празднествах, но на таком — никогда.

Шаг в сторону, вытянуть шею — и наконец я вижу осужденного, рядом с ним священник, вот они вышли из Тауэра, медленно ступают по лужайке, туда, где ждет деревянный помост. Плаха — посредине, палач давно готов, рукава засучены, черный капюшон опущен на лицо. Похоже на маскарад, все такое ненастоящее, придворное увеселение, да и только. Король ^[1] на троне рассеян, будто повторяет про себя речь — готов простить преступника. Рядом с ним трое, лица мрачные: мой муж Уильям Кэри — года не прошло, как мы поженились, мой брат Георг и мой отец — сэра Томас Болейн. Я переминаюсь с ноги на ногу в маленьких шелковых туфельках, хорошо бы король поскорее даровал помилование, тогда можно будет пойти позавтракать. Мне всего тринадцать, и я зверски голодна.

Герцог Бекингем еще далеко от эшафота, но уже скинул теплый плащ. Он наш близкий родственник, я зову его «дядюшка». Он был на моей свадьбе, подарил позолоченный браслет. Отец говорит, герцог не раз уже ссорился с королем, у него самого в жилах королевская кровь, и гарнизон он держит слишком большой — это не радует короля, который пока не слишком прочно сидит на троне. Хуже всего, люди слышали, герцог как-то сказал — у короля нет сына и наследника и он, наверно, так и умрет, не оставив после себя потомка.

Подобных мыслей вслух не произносят. Король, двор, да и вся страна — все уверены, королева скоро, совсем скоро, родит мальчика. А кто с этим не согласен, уже ступил на скользкую дорожку — ту, что кончается деревянными ступеньками на эшафот. Герцог, мой дядя, уже идет по этим ступенькам, шаги твердые, ни малейшего признака страха. Хороший придворный никогда не скажет неприятной правды. Жизнь при дворе — сплошной праздник.

Дядя Бекингем как раз подошел к краю эшафота — настало время последних слов. Мне ничего не слышно, да и в любом случае я не

свожу глаз с короля — пора уже ему подать реплику, произнести положенное королевское помилование. Этот человек, там, на эшафоте, залитый бледными лучами золотистого утреннего солнца, играл с королем в теннис, состязался на турнирах, сотни раз пил с ним и в кости резался, они — товарищи с детства. Хорошо, король преподавал ему урок — и к тому же при всем честном народе, а теперь надо его простить, а нам всем отправляться завтракать.

Фигура вдали повернулась к духовнику, герцог склонил голову, поцеловал четки. Упал на колени перед плахой, вцепился в нее обеими руками. Интересно, как это — прижаться щекой к гладкому навощенному дереву, ощущать легкое дуновение теплого ветерка, слышать резкие крики чаек. Даже если знаешь, что все делается невзправду, просто маскарад, все равно странно, наверное. Каково сейчас дяде положить голову на плаху, а палач уже тут как тут, наготове?

Палач взмахнул топором. Я взглянула на короля, дальше откладывать уже некуда. Дядя раскинул руки, сигнал — к казни готов. Я снова перевела взгляд на короля, он, наверное, уже встал. Нет, все еще сидит, усмешка на лице, как всегда, красивом. Я все еще гляжу на него, опять барабанная дробь, и вдруг барабаны резко замолкают, удар топора, один, затем другой, третий — такой знакомый, домашний звук, будто дрова рубят. Глазам своим не верю: дядина голова катится по соломе, устилающей помост, из обрубка шеи — фонтан крови. Палач в черном капюшоне кладет заляпанный кровью топор, поднимает голову за клочок густых, курчавых волос, теперь всем видна эта странная маска-лицо, черная повязка между лбом и носом, зубы скалятся в прощальной дерзкой ухмылке.

Король медленно поднялся на ноги. А мне по-ребячьи подумалось: «Наверно, ему ужасно стыдно, затаил до последней секунды, и все пошло наперекосяк. Он ошибся, не вмешался вовремя».

Но ошибалась, конечно, я. Вовсе он не затаил, не забыл. Вот так, перед целым двором расправился с дядей — пусть все видят, кто у них король. Двух королей не бывает, король один, и зовут его Генрих. И у этого короля будет сын, а кто сомневается — тому позорная смерть.

Притихший двор возвращается в Вестминстерский дворец. Три больших барки идут на веслах вверх по течению. Люди толпятся на берегу, снимают шапки и плюхаются на колени, когда мимо быстро

проплывает королевская барка. Разноцветный вихрь вымпелов, дорогие одежды сияют на солнце. Я, вместе с придворными дамами, на второй барке, с королевой. Рядом сидит моя мать. Взглянула на меня — что случается нечасто — и спросила:

— Ты такая бледненькая, Мария, тебе дурно?

— Я думала, его не казнят. Думала, король его помилует.

Мать наклонилась — губы у самого моего уха, никто другой не расслышит из-за скрипа барки и ударов весел по воде, бросила резко:

— А ты еще дурочка. И говоришь глупости. Смотри и учись, Мария. При дворе ошибкам места нет.

Весна 1522

— Я еду завтра во Францию, привезу твою сестру Анну^[2] домой, — объявил отец, стоя на ступенях Вестминстерского дворца. — Пусть займет место при дворе королевы Марии Тюдор,^[3] когда та вернется в Англию.

— Я думала — она остается во Франции. Выйдет замуж за французского графа или кого-то в этом роде.

Он покачал головой:

— У нас на нее другие виды.

Я знала — спрашивать отца о его планах бесполезно. Больше всего на свете меня страшило — вдруг она сделает лучшую партию, чем я, и тогда мне по гроб жизни тащиться за шлейфом ее платья, покуда ей шествовать впереди.

— И пожалуйста, без этого сердитого выражения на лице, — потребовал отец.

Я тут же улыбнулась льстивой придворной улыбкой и послушно произнесла: — Конечно, отец.

Он кивнул и собрался уходить, а я присела в низком реверансе. Выпрямилась, неторопливо отправилась в спальню мужа. Там на стене висит небольшое зеркало, я застыла перед ним, уставившись на свое отражение. «Все будет в порядке, — шепчут мои губы, — я ведь Болейн, это вам не мелочь, моя мать — урожденная Говард, а Говарды одна из самых знатных семей страны. Я из Болейнов, я из Говардов, — закусила губу. — Но ведь и она тоже».

Улыбнулась ничего не значащей придворной улыбкой — в зеркале отразилось хорошенькое веселое личико.

Я младшая сестра, но уж не самая распоследняя. Замужем за Уильямом Кэри, королевским фаворитом. Меня отличает королева, я самая молодая фрейлина. Никому не позволю мне жизнь испортить. Даже ей это не удастся.

Анна и отец задержались в пути из-за весенних бурь, а я вдруг поняла, что в глубине души по-ребячьи надеюсь — вдруг корабль разобьется и она утонет. Думая о ее смерти, я испытывала странную смесь чувств: тут и непонятная острая боль, настоящее отчаянье, и в то

же время бурная радость. Будто мир без Анны для меня не существует, но в мире просто нет места для нас обеих.

Как бы там ни было, ничего особенного не случилось, и она добралась благополучно. Я увидела ее, когда она вместе с отцом сходила по трапу на королевский причал, откуда ко дворцу шла мощенная гравием дорожка. Даже издали, из окна на первом этаже удалось разглядеть широкий подол ее платья, модный покрой плаща, и это зрелище элегантно развевающейся материи вызвало приступ чистой, беспримесной зависти. Я смотрела на нее, пока она не скрылась из виду, и заторопилась к своему месту в парадной спальне королевы.

План простой — пусть сначала увидит меня, по-домашнему устроившуюся в богато украшенной вышитыми гобеленами комнате, и тогда я поднимусь и поприветствую ее, такая взрослая и грациозная. Но стоило дверям распахнуться и ей войти, как меня охватила бурная радость, и с громким криком «Анна!» я бросилась ей навстречу, только юбки летели. И Анна — голова высоко поднята, выражение лица высокомерное, бросает хмурые взгляды по сторонам — вдруг перестала быть важной юной особой пятнадцати лет от роду и бросилась, распахнув объятия, ко мне.

— Ты выросла, — задыхаясь, проговорила она, крепко обхватив меня, прижавшись щекой к щеке.

— Это просто каблуки *ужасно* высокие. — Я вдохнула такой знакомый аромат. Мыло, розовая вода на теплой коже, запах лаванды, пропитавший одежду.

— Ты как?

— Хорошо, а ты?

— *Vien sur!*^[4] А свадьба?

— Неплохо. Красивые платья.

— А он?

— Превосходно. Всегда с королем, тот ему благоволит.

— И ты это сделала?

— Сто лет назад.

— Больно было?

— Очень.

Она чуть отодвинулась, вглядываясь мне в лицо.

— Ну, не слишком больно, — поправилась я. — Он старается быть поласковой. Всегда дает мне вино. Но вообще-то просто ужасно.

Хмурый вид исчез, она хихикнула, в глазах светится смех.

— Почему ужасно?

— Он писает в ночной горшок, а мне все видно.

Она просто зашлась от смеха:

— Быть не может!

— Довольно, девочки. — Из-за спины Анны появился отец. — Мария, представь сестру королеве.

Я повернулась, повела Анну сквозь толпу придворных дам, туда, где, в кресле у камина, выпрямившись, сидела королева.

— Она строгая, — предупредила я Анну, — тут тебе не Франция.

Екатерина Арагонская^[5] пристально взглянула на Анну, меня охватил приступ страха — вдруг сестра понравится ей больше, чем я.

Анна присела перед королевой в безупречном французском реверансе и величаво, будто весь дворец принадлежит ей одной, подошла ближе. Чарующий, мелодичный голос, каждый жест — все напоминает о французском дворе. Я с удовольствием заметила — королева восприняла манеры Анны с явным холодком. Я потянула сестру на скамью у окна.

— Она ненавидит все французское. Будешь продолжать в том же духе — не сможешь остаться при ней.

Анна пожала плечами:

— Но это модно, нравится ей или нет. Как же мне себя вести?

— Может, по-испански, если уж непременно хочешь кого-то изображать?

Анна хихикнула:

— Носить такие чепцы? Ей словно крышу на голову нахлобучили!

— Ш-ш-ш, — сказала я с упреком. — Она достойная женщина. Лучшая королева в Европе.

— Она старуха, — отрезала Анна. — Одевается как старуха, хуже всех в Европе, да еще из самой глупой страны в Европе! У нас нет времени на Испанию.

— У кого это — у нас? — холодно осведомилась я. — Не у англичан же?

— Les Francois!^[6] — раздраженно бросила Анна. — Bien sur! Я теперь настоящая француженка.

— Ты коренная англичанка, как Георг и я. Вспомни, я тоже была при французском дворе. Зачем ты всегда притворяешься особенной?

— Каждому нужно что-нибудь этакое.

— Этакое?

— Каждой женщине необходима изюминка — то, что притягивает взгляды, делает ее центром внимания. Я собираюсь быть француженкой!

— Строишь из себя невесть что, — протянула я осуждающе. Анна смерила меня взглядом.

— Я притворяюсь не больше и не меньше, чем ты, — спокойно произнесла она. — Моя маленькая сестричка, моя золотая сестричка, моя сладкая сестричка.

Я встретила ее взгляд. Мои светлые глаза утонули в ее, темных, я знала, что улыбаюсь ее улыбкой, она — мое зеркальное отражение, просто потемней.

— Ах так, — протянула я, все еще отказываясь признать ее правоту. — Ах так...

— Именно так. Я — темноволосая француженка, модная и таинственная, ты — милая, простодушная, белокурая англичанка. Вот это будет парочка! Кто против нас устоит?

Я расхохоталась. Она всегда умела меня рассмешить. Сквозь мелкие стекла в свинцовом переплете окна увидела у конюшни короля с группой охотников.

— Это король? — спросила Анна. — Правда, так красив, как говорят?

— Он просто чудо. Правда-правда. А уж танцует и скачет верхом... просто слов нет.

— Сюда придет?

— Вероятно. Всегда к ней заходит.

Анна с отвращением глянула туда, где в окружении придворных дам сидела с шитьем на коленях королева.

— Интересно почему?

— Потому что любит ее! Такая чудесная история. Ее выдали за его брата, а брат умер молодым, и она не знала, что делать и куда идти, тогда он решил жениться на ней и сделать ее королевой. Правда, романтично, и любит он ее по-прежнему.

Анна подняла красиво очерченные брови и оглядела комнату. Придворные дамы прислушивались к шуму возвращающейся охоты, расправляли юбки и поудобнее устраивались на стульях — настоящая живая картина для входящих. Дверь распахнулась, на пороге громогласно хохотал очень довольный собой король Генрих.

— Мне удалось застать вас врасплох!

— Какая приятная неожиданность, — сердечно произнесла королева.

Друзья и приятели короля ввалились в комнату вслед за ним. Первым вошел мой брат Георг, замер на пороге, увидев Анну, но, как настоящий придворный, сдержал радость и низко склонился над рукой королевы.

— Ваше величество, — произнес он со вздохом. — Я пробыл на солнце все утро, но ослеплен только сейчас.

Королева вежливо улыбнулась, не отрывая взгляда от его темных кудрей.

— Можете поздороваться со своей сестрой.

— Мария здесь? — равнодушно спросил Георг, будто не видя нас обеих.

— Другая ваша сестра, Анна, — поправила королева. Легким жестом руки в кольцах она поманила нас к себе.

Георг склонился в поклоне, но не двинулся с места, чтобы не отходить от трона.

— Как по-вашему, она изменилась? — спросила королева.

— Надеюсь, изменится еще больше, имея перед глазами такой образец, как вы.

— Очень мило, — благодарно улыбнулась королева и взмахом руки отправила его к нам.

— Здравствуйте, мисс Красотка, — обратился он к Анне. — Здравствуйте, миссис Красотка, — ко мне.

Анна взглянула на брата из-под темных бровей:

— Хотела бы я тебя обнять!

— Уйдем отсюда, как только будет возможно, — решил Георг. — Хорошо смотришься, Аннамария.

— У меня все превосходно. У тебя?

— Как нельзя лучше.

— Что собой представляет муж нашей маленькой Марии? — спросила она, с любопытством глядя на Уильяма, склонившегося к руке королевы.

— Правнук третьего графа Сомерсета, в большой милости у короля. — Георга интересовали только семейные связи и близость к трону. — Хорошая партия. Знаешь, Анна, тебя привезли домой, чтобы выдать замуж.

— Отец не сказал, за кого.

— Думаю, за Ормонда.

— Буду графиней! — победно улыбнулась Анна.

— Подумаешь, ирландской, — тут же возразила я.

Мой муж отошел от трона и с удивлением встретил дерзкий, настойчивый взгляд Анны. Генрих уселся позади королевы и оглядел комнату.

— К нам сегодня присоединилась сестра моей дорогой Марии Кэри, — заметила королева. — Анна Болейн.

— Сестра Георга? — осведомился король. Брат поклонился:

— Да, ваше величество.

Король повернулся к Анне, она нырнула в глубоком реверансе, потом подняла голову и вызывающе улыбнулась. Это не произвело на него впечатления. Король любил беззаботных, весело хохочущих женщин, ему не мог понравиться пристальный, дерзкий взгляд темных глаз.

— Счастливы, что сестра вернулась? — спросил он меня.

Я тоже присела в низком реверансе. Немного покраснела, но слова лились без труда.

— Конечно, ваше величество. Как же не мечтать об обществе такой сестры, как Анна!

Брови у него сошлись к переносице. Король явно предпочитал грубоватые мужские шутки женским колкостям. Перевел взгляд с меня на изображающую загадочность Анну, и тут наконец до него дошло. Расхохотавшись, прищелкнул пальцами и протянул мне руку:

— Не беспокойтесь, моя милая. Никто не затмит новобрачную в первые годы семейного счастья. К тому же мы оба, Кэри и я, предпочитаем светловолосых женщин.

Все присутствующие рассмеялись, среди них и темноволосая Анна, и когда-то золотоволосая, а теперь седеющая королева. Глупо не

рассмеяться от всего сердца, если король изволил пошутить. Я тоже смеялась, только куда искреннее и веселей, чем они.

Музыканты взяли первый аккорд, и Генрих притянул меня к себе.

— Такая славная девочка, — сказал он одобрительно. — Кэри сказал, ему так понравилась молодая невеста, что он теперь знать никого не захочет, кроме двенадцатилетних девственниц.

Нелегко было продолжать улыбаться. Мы кружились в танце.

— Ему повезло, — благосклонно сказал король.

— Ему повезло снискать ваше расположение, — запинаясь, произнесла я — как не сказать комплимент королю!

— А еще больше повезло с вашим расположением. — Он громко захохотал и закружил меня в танце.

Я поймала быстрый одобрительный взгляд брата, но приятнее всего — прочесть зависть в глазах Анны, сам король Англии держит меня в объятиях.

В ожидании помолвки Анна легко вписалась в повседневную жизнь английского двора. Она все еще не виделась со своим будущим мужем; казалось, споры о приданом и владении имуществом будут длиться вечно. Даже влияние кардинала Уолси^[7] — а у него был свой интерес в этом, как, впрочем, и во всяком другом, заваривающемся в Англии деле, — не могло ничего ускорить. Тем временем Анна флиртовала с изящностью истинной француженки, с показной любезностью прислуживала сестре короля, каждый день проводила несчетные часы в болтовне, верховой езде, играх со мной и Георгом. У нас были схожие вкусы, да и по возрасту мы были близки, хоть я в свои четырнадцать считалась еще ребенком, когда Анне было уже пятнадцать, а Георгу девятнадцать. Мы — ближайшие родственники, но все еще почти чужие друг другу. Мы с Анной оставались при французском дворе, пока Георг учился быть придворным в Англии. Теперь, воссоединившись, мы стали известны при дворе как тройка Болейн, вернее — очаровательная тройка Болейн. Частенько король, бывая во внутренних покоях, оглядывался вокруг и звал тройку Болейн или посылал кого-нибудь на другой конец дворца привести нас.

Наша главная задача — украшать собою многочисленные развлечения короля: рыцарские турниры, теннис, верховую езду, охоту с гончими, соколиную охоту, танцы. Он любит жить в постоянном возбуждении, наш долг обеспечить, чтобы он никогда не скучал.

Иногда, очень редко, перед обедом или во время дождя, когда охотиться невозможно, он находил путь в покои королевы, тогда она откладывала шитье или книгу и отсылала нас.

Если я медлила, то успевала заметить ее улыбку, так она никогда не улыбалась никому, кроме короля, даже дочери, принцессе Марии. Однажды я вошла, не подозревая, что король там, и обнаружила, он словно любовник сидит у ног королевы, положив голову к ней на колени, а она гладит его золотисто-рыжеватые кудри, наматывает их на палец, и они блестят ярко, словно кольца, которые король когда-то дарил юной принцессе с такими же сияющими волосами, той, на ком женился вопреки всем советам.

Я вышла неслышно, пока меня не заметили. Они так редко бывают наедине, не хочется разрушать чары. Бросилась искать Анну. Плотно закутавшись в плащ, с букетом подснежников в руке, она гуляла вместе с Георгом по холодному саду.

— Король наедине с королевой, — выпалила я.

— В постели? — Анна удивленно подняла брови. Я покраснела:

— Конечно нет, сейчас два часа.

— Ты счастлива в браке, если думаешь, что в постели можно оказаться только ночью, — улыбнулась Анна.

Георг протянул мне руку.

— Она счастлива, — ответил он за меня. — Уильям говорил королю, что никогда не встречал девушки милее. Но чем они занимались, Мария?

— Просто сидели.

Мне совершенно не хотелось описывать Анне эту сцену.

— Так ей сына не получить, — отрезала Анна.

— Ш-ш-ш, — одновременно произнесли мы с Георгом. Мы придвинулись друг к другу, понизили голос.

— Она, наверно, потеряла надежду, — сказал Георг. — Сколько ей сейчас? Тридцать восемь? Тридцать девять?

— Всего лишь тридцать семь, — возмутилась я.

— У нее еще не прекратилось обыкновенное женское?

— О, Георг!

— Не прекратилось, — сухо ответила Анна, — но что толку? Это ее вина. Дело не в короле — у него есть бастард от Бесси Блаунт,^[8] он уже учится ездить на пони.

— Есть еще масса времени...

— Ты права, еще есть время ей умереть, а ему снова жениться, — задумчиво произнесла Анна. — Она ведь не очень крепка здоровьем, правда?

— Анна! — На сей раз я искренне возмутилась. — Это подло. Георг оглянулся вокруг, убедился, в саду никого нет, кроме двух сестер Сеймур с матерью, но нарочито не обратил на них внимания. Эта семья была нашим главным соперником в борьбе за влияние и успех, и мы предпочитали не замечать их.

— Звучит подло, но это правда, — отрезал Георг. — Кто будет королем после него, если у него нет сына?

— Принцесса Мария^[9] может выйти замуж, — предположила я.

— Иностранцу править Англией? Мне этого не вынести, — возразил Георг. — Нельзя допустить еще одну войну за трон.

— Принцесса Мария может стать королевой и не выходить замуж, — наугад предложила я. — Будет править самостоятельно.

Анна недоверчиво фыркнула, в холодном воздухе стало видно облачко пара от ее дыхания.

— Ну да, — насмешливо протянула Анна. — Ездить верхом по-мужски и участвовать в турнирах. Девушке не управиться с такой страной, лорды съедят ее живьем.

Мы остановились возле фонтана в центре сада. Анна с заученной грацией опустила на край водоема, и золотые рыбки с надеждой подплыли к ней.

Она стянула вышитую перчатку и поболтала в воде длинными пальцами. Подплыли рыбки, широко разевая рты, но ничего не получили.

— Волнует ли это короля? — спросила Анна свое колеблющееся отражение.

— Конечно, — ответил Георг. — Ничего в мире нет важнее. Думаю, он собирается узаконить сына Бесси Блаунт и сделать его наследником, если у королевы не будет потомства.

— Бастард на троне?

— Не зря же его крестили Генрихом Фицроем, — парировал Георг. — Все знают, что он сын короля. Если Генрих проживет достаточно долго, чтобы сохранить для него страну, если он заставит

Сеймуров и нас, Говардов, согласиться, если Уолси сохранит влияние на церковь и власти за рубежом... что сможет его остановить?

— Маленький мальчик, к тому же бастард, — задумчиво протянула Анна. — Шестилетняя девочка, стареющая королева и король в расцвете сил.

Она посмотрела на нас, медленно отведя взгляд от бледного отражения в воде, и спросила:

— Что может случиться? Что-то должно случиться! Интересно — что?

Кардинал Уолси прислал королеве письмо, приглашая нас в свое поместье в Йорке на бал-маскарад во вторник на Масленой неделе. Голос у меня дрожал от восторга, когда я по просьбе королевы читала письмо: большой маскарад, крепость под названием «Зеленая вилла», и пять дам будут танцевать с пятью кавалерами, осаждающими крепость.

— О, ваше величество. — Голос у меня прерывался от волнения.

— Что?

— Вот бы и мне позволили пойти, — продолжила я робко, — просто посмотреть на праздник.

— Думаю, что ты надеешься на большее, а? — Ее голубые глаза блеснули.

— Оказаться среди танцующих, — призналась я. — Звучит так заманчиво!

— Вполне может случиться. Сколько дам требует от меня кардинал?

— Пять, — ответила я, стараясь сохранять спокойствие, и краем глаза заметила, что Анна села на стул и прикрыла глаза. Я точно знала, о чем она думает, ее голос звучал у меня в голове так ясно, как если бы она кричала вслух: «Выберите меня! Выберите меня! Выберите меня».

Это подействовало.

— Мисс Анна Болейн, — задумчиво произнесла королева. — Королева Мария Французская, графиня Девон, Джейн Паркер^[10] и ты, Мария.

Мы с Анной переглянулись. Пятерка была подобрана странно: тетка короля, его сестра королева Мария, богатая наследница Джейн Паркер, которая станет нашей невесткой, если только ее отец и наш договорятся о приданом, и мы обе.

— Мы будем в зеленом? — спросила Анна. Королева улыбнулась:

— Вероятнее всего. Мария, не напишешь ли ты письмо кардиналу? Сообщи, что мы с удовольствием принимаем приглашение и просим прислать распорядителя праздника, чтобы выбрать костюмы и обсудить порядок танцев.

— Я сделаю! — Анна поднялась со стула и подошла к столу, где были приготовлены бумага, перо и чернила. — У Марии такой неразборчивый почерк, что кардинал может принять ее письмо за отказ.

Королева рассмеялась.

— Французская выучка! — сказала она мягко. — Напишите кардиналу, мисс Болейн, на своем превосходном французском, или, может быть, вы собираетесь писать на латыни?

Взгляд Анны не дрогнул.

— Как предпочитает ваше величество, я достаточно бегло владею обоими языками.

— Напишите, мы жаждем принять участие в празднике, — спокойно ответила королева. — Вот досада, вы не владеете испанским.

Распорядитель праздника прибыл, чтобы разучивать с нами нужные па танцев, но это только послужило сигналом для беспощадной битвы, правда ведущейся при помощи улыбок и нежных слов. Мы никак не могли договориться, кто кого будет изображать на маскараде. В конце концов вмешалась королева и, не допуская никаких обсуждений, распределила роли сама. Я получила роль Доброты, сестра короля королева Мария — роль Красоты, Джейн Паркер — Постоянства. «Уж она как вцепится...» — прошептала мне Анна. Сама Анна стала Стойкостью. «Интересно, что она подумала о тебе», — шепнула я в ответ. У Анны вырвался нервный смешок.

Нас атакуют индейские женщины — на самом деле придворная певческая капелла, а спасти нас должен король с кругом избранных друзей. Нас предупредили, что король переоденется, и придется очень постараться, чтобы не разгадать прозрачную уловку — кто скрывается под золотой маской на золотоволосой голове и к тому же выше всех в зале.

Это скорее походило на шуточное сражение, чем на танец, а шума и веселья было даже больше, чем я могла предположить. Георг осыпал меня лепестками роз, а я вылила на него потоки розовой воды. Певчие

оказались просто маленькими мальчиками. От волнения они все перепутали, напали на рыцарей, были сбиты с ног и, кружась и хохоча, попадали на землю. Когда дамы вышли из замка, чтобы танцевать с таинственными рыцарями, моим кавалером оказался самый высокий — сам король, и я, все еще задыхаясь после сражения с Георгом, с розовыми лепестками на шляпе и в волосах, с засахаренными фруктами, застрявшими в складках платья, смеясь, подала ему руку и закружилась в танце, будто он самый обыкновенный человек, а я — простая кухонная девчонка на деревенском празднике. Подали сигнал снять маски, но король закричал:

— Играйте! Потанцуем еще!

Вместо того, чтобы пригласить другую партнершу, он снова повел меня в контрдансе — мы двигаемся рука в руке, его глаза сияют в прорези золотой маски. Я беспечно улыбаюсь в ответ и ощущаю, как его радостное восхищение проникает мне в душу.

— Завидую вашему мужу, ведь когда вы сегодня ночью снимете платье, то осыплете его сладостями, — сказал он вполголоса, когда танец снова свел нас и мы стояли бок о бок, наблюдая за другой парой в центре круга.

Я не нашла остроумного ответа, это не просто положенный куртуазный комплимент. Образ мужа, осыпаемого сладостями — такой домашний и вместе с тем очень эротичный.

— Вам нечему завидовать. Все это — ваше.

— Почему?

— Потому что вы король, — начала я, забыв, что он хочет остаться неузнанным, и поправила: — Король Зеленой виллы, Король Дня. Пусть вам завидует сам король Генрих — ведь вы выиграли сегодня великое сражение.

— А что вы думаете о короле Генрихе? Я взглянула на него с невинным видом:

— Он величайший король, которого знала эта страна. Большая честь быть при его дворе, высочайшая привилегия находиться рядом с ним.

— Полюбили бы вы его как мужчину?

Я опустила глаза и покраснела:

— Не осмеливаюсь и думать об этом. Король даже не взглянул в мою сторону.

— Взглянул, и не раз, можете быть уверены, — решительно заявил он. — А если взглянет еще разок, мисс Доброта, оправдаете ли вы свое имя, будете ли добры к нему?

— Ваше... — Я прикусила язык, чуть не сказав «ваше величество», и оглянулась в поисках Анны. Как никогда, пригодилось бы мне сейчас ее остроумие.

— Ваше имя Доброта, — напомнил король.

Я улыбнулась ему, украдкой взглянула сквозь маску:

— Значит, придется быть доброй.

Музыканты кончили играть и ждали, готовые выполнять приказания короля.

— Снять маски, — провозгласил он и сорвал маску с лица. Увидев короля Англии, я открыла рот от удивления и пошатнулась.

— Она падает в обморок! — закричал Георг.

Разыграно было хорошо. Я упала на руки королю, Анна скользнула ко мне, отколола маску и — блестящая игра — сбросила мою шляпу так, что поток золотистых волос рассыпался по руке короля.

Я открыла глаза. Его лицо было совсем близко. Почувствовала запах его волос, дыхание на своей щеке. Губы так близко, словно собирается меня поцеловать.

— Вы должны быть добры ко мне, — напомнил он.

— Вы король... — произнесла я недоверчиво.

— Вы обещали мне доброту.

— Но я не знала, что это вы, ваше величество.

Он нежно поднял меня и перенес к окну. Сам открыл окно, холодный воздух ворвался в помещение. Я тряхнула головой, пусть волосы развеваются на сквозняке.

— Упали в обморок от страха? — прошептал он.

Я опустила глаза.

— От счастья, — прошептала я нежно, словно девственница на исповеди.

Король наклонил голову и поцеловал мне руку. Потом встал на ноги и громко провозгласил:

— А теперь обедать!

Я обернулась, ища глазами Анну. Она сняла маску, окинула меня долгим оценивающим взглядом, взглядом Болейнов и Говардов, ее

взгляд говорил: «Что тут произошло и как мне это использовать?»

Будто под золотой маской была другая, красивая маска из собственной кожи, и только под ней — настоящая женщина, улыбающаяся мне тайно от всех.

Король подал руку королеве, та с такой радостной готовностью поднялась со стула, словно ей доставляло удовольствие наблюдать, как ее муж флиртует со мной. Но на меня она взглянула пристально и сурово, как бы кладя конец нашей дружбе.

— Надеюсь, вы оправились от обморока, миссис Кэри? Может быть, вам лучше пойти в свою комнату?

— У нее просто кружится голова от голода, — быстро вмешался Георг. — Могу я проводить сестру к столу?

Анна выступила вперед:

— Король напугал ее, когда снял маску. Никто и предположить не мог, что это вы, ваше величество!

Король рассмеялся от удовольствия, и весь двор рассмеялся вслед за ним. Только королева поняла, что мы трое так вывернули ее приказ, что вопреки высказанному ею желанию я все-таки приму участие в обеде. Она оценила силу трех. Я — не Бесси Блаунт, за которую некому заступиться. Я — Болейн, а Болейны действуют сообща.

— Пообедайте с нами, Мария, — пригласила она, но в словах ее не было теплоты.

Мы свободно уселись за круглый стол, рыцари Зеленой виллы и дамы вперемежку. Кардинал Уолси, как хозяин, сел напротив короля и королевы, а остальные разместились кто где хотел. Георг усадил меня рядом с собой, а Анна завладела вниманием моего мужа. Король, сидя напротив, пристально смотрел на меня, я старательно отводила глаза. Справа от Анны устроился Генрих Перси Нортумберленд, а по другую сторону от Георга — Джейн Паркер, которая внимательно наблюдала за мной, будто пытаюсь разгадать секрет моего успеха.

Я ела немного, хотя на столе были и пироги, и паштеты, и разные виды мяса, и дичь. Я взяла только немного салата, любимого блюда королевы, выпила вина с водой. Мой отец присоединился к нам во время трапезы, подсел к моей матери. Она сразу же зашептала ему что-то на ухо, он окинул меня взглядом — чисто торговец лошадьми, оценивающий молодую кобылку. Но поднимала ли я глаза или

смотрела в сторону, пристальный взгляд короля преследовал меня постоянно.

По окончании трапезы кардинал пригласил нас в зал послушать музыку. Анна свела меня по ступенькам, и когда появился король, мы обе сидели на скамье напротив стены. Так естественно для него осведомиться о моем самочувствии. Конечно, мы с Анной встали, когда подошел король, он сел на освободившуюся скамью и предложил мне место рядом. Анна сделала шаг в сторону, будто поболтать с Генрихом Перси, и тем самым заслонила нас с королем от всего двора, особенно от пристального взгляда улыбающейся королевы Екатерины. Мой отец подошел к ней, и пока музыканты играли, завел разговор. Все проделано легко и непринужденно, получается, в комнате, полной людей, король и я невидимы для посторонних глаз, музыка заглушает наш шепот, а все члены семьи Болейн дружно стараются скрыть происходящее.

— Вам лучше? — спросил король вполголоса.

— Никогда в жизни так хорошо себя не чувствовала.

— Завтра я собираюсь на верховую прогулку. Вы сможете присоединиться?

— Если ее величество обойдется без меня, — ответила я, не решаясь рисковать милостью королевы.

— Попрошу королеву освободить вас на утро. Объясню — вам необходим свежий воздух.

— Каким бы вы были замечательным врачом, ваше величество! Можете поставить диагноз и обеспечить лечение в течение всего дня!

— А вам надлежит стать послушной пациенткой и следовать всем советам.

— Обещаю. — Я опустила глаза, но все равно чувствовала его пристальный взгляд. Душа моя парила, так высоко я не улетала даже в мечтах.

Он понизил голос:

— Со временем придется прописать вам постельный режим.

Я поймала его пристальный взгляд, покраснела, попыталась ответить, сбилась и замолчала. Музыка тоже внезапно смолкла.

— Играйте еще, — попросила моя мать.

Королева Екатерина оглянулась вокруг, ища короля, и заметила его рядом со мной.

— Начнем танцы? — спросила она.

Это был королевский приказ. Анна и Генрих Перси^[11] заняли свои места в ряду, музыканты заиграли. Я вскочила на ноги, Генрих направился к королеве и сел подле нее. Моим партнером оказался Георг.

— Выше голову! — резко бросил он. — А то выглядишь виноватой.

— Она смотрит на меня.

— Конечно. Но важнее, что на тебя смотрит *он*, а еще важнее, отец и дядя Говард тоже смотрят и ждут от тебя поведения, подобающего молодой преуспевающей даме. Ты поднимаешься наверх, миссис Кэри, и мы все поднимемся вместе с тобой.

Вскинув голову, я беззаботно улыбнулась брату. Танцевала так грациозно, как только могла, приседала, поворачивалась, кружилась в его заботливых руках, а король и королева оба наблюдали за мной.

Семейный совет держали в большом доме дяди Говарда. Мы собрались в библиотеке, где книги в темных переплетах смягчали уличный шум. Двое слуг в наших говардовских ливреях стояли снаружи у дверей, чтобы никто не помешал и не смог подслушать. Мы собирались обсудить семейные дела, семейные тайны. Никого, кроме Говардов, рядом быть не должно.

Причиной и героем встречи была я, и все вертелось вокруг меня. Я — та пешка, которой надо рискнуть для достижения успеха. Все сосредоточилось на мне. Сердце мое билось чаще от сознания собственной значительности и одновременно трепетало от страха — вдруг подведу всех.

— Она может иметь детей? — спросил дядя Говард у моей матери.

— У нее регулярные месячные, и она здоровая девочка.

Дядя кивнул:

— Если король возьмет ее и она понесет от него бастарда, нам будет ради чего играть.

В этот момент ужасающей сосредоточенности я вдруг заметила — его рукава, отороченные мехом, скользнули по деревянной поверхности стола, яркий цвет плаща вобрал в себя блеск огня в камине.

— Она не может продолжать спать с Кэри. Брак надо приостановить, пока король благоволит ей.

Я онемела от изумления. Интересно, кто скажет об этом моему мужу? И кроме того, мы поклялись быть вместе, мы заключили брак, чтобы иметь детей, и кого Бог соединил, человек разлучить не может.

— Я не должна... — начала я.

Анна дернула меня за платье, прошипела:

— Ш-ш-ш!

Мелкие жемчужины на ее французском чепце словно заговорщицки подмигнули мне.

— С Кэри поговорю я, — решил отец.

Георг сжал мою руку:

— Если ты забеременеешь, король должен быть уверен, что ребенок от него.

— Я не могу стать его любовницей!

— У тебя нет выбора, — покачал головой брат.

— Я не смогу этого сделать! — сказала я громко.

Уютно устроившись в крепких объятьях Георга, я смотрела вдоль длинного стола на дядю, чей острый ястребиный взгляд не упускал ничего.

— Сэр, я люблю королеву, она великая женщина, и я не могу ее предать. Я поклялась перед Богом принадлежать только своему мужу, как я могу предать его? Конечно, король это король, но вы ведь не всерьез, правда? Сэр, я никак не могу.

Он не ответил. Такова была его власть, он даже не считал нужным отвечать.

— Ну и что мне делать с такой чувствительной совестью? — произнес он, ни к кому не обращаясь.

— Предоставьте это мне, — просто сказала Анна. — Я сумею объяснить Марии положение вещей.

— Не молода ли ты для роли наставника?

Она встретила взгляд дяди со спокойной уверенностью.

— Я воспитывалась при самом блистательном дворе мира и времени даром там не теряла. Внимательно наблюдала, разглядела все, на что стоило смотреть. Я понимаю, что здесь требуется, и научу Марию, как себя вести.

Дядя мгновение помедлил.

— Не стоит изучать науку флирта слишком уж подробно, мисс Анна.

— Конечно нет, — ответила она безмятежно, как монахиня. Я пожала плечами:

— С какой стати мне слушаться Анну?

Я была разочарована, с чего это Анна завладела их вниманием. Мы же собрались обсуждать меня!

— Хорошо, я доверяю тебе подготовить Марию. И тебе тоже, Георг. Ты знаешь вкусы короля, следи, пусть Мария будет у него на глазах.

Оба кивнули. Последовало недолгое молчание.

— Я поговорю с отцом Кэри, — предложил мой отец. — Уильям, наверно, и сам этого ждет, он далеко не дурак.

Дядя мельком взглянул через стол на Анну и Георга. Они стояли по обе стороны от меня, больше похожие на тюремщиков, чем на друзей.

— Помогайте сестре, — приказал дядя. — Обеспечьте все, что нужно, для обольщения короля. Идите на любые хитрости, доставайте все, что ей потребуется, научите ее всему необходимому. Не забывайте, мы будем наблюдать, посмотрим, удастся ли вам обоим уложить сестру в его постель. Награда будет велика. Но при неудаче мы потеряем все. Помните об этом!

Расставание с мужем оказалось неожиданно мучительным. Я мерила шагами спальню, пока горничная собирала вещи, чтобы перенести их в покои королевы. Он стоял среди хаоса туфель и платьев, брошенных на кровать, плащей, развешанных по стульям, шкапулок с драгоценностями, стоящих здесь и там, и не мог скрыть потрясения.

— Вижу, вы делаете карьеру, мадам.

Он был приятный молодой человек, из тех, что нравятся женщинам. Если бы наши семьи сначала не приказали нам заключить брак, а потом не велели расстаться, мы вполне могли бы привязаться друг к другу.

— Мне очень жаль, — неуклюже пробормотала я. — Вы знаете, я должна слушаться отца и дядю.

— Знаю, — резко ответил он. — Мне тоже приходится покоряться.

К моему облегчению, в дверях появилась, сияя озорной улыбкой, Анна.

— Как поживаете, Уильям Кэри? Вот приятная встреча!

Казалось, нет для нее большей радости, чем встретить зятя среди моей разбросанной одежды и обломков его надежд на счастливый брак и сына.

— Анна Болейн! — Он сухо поклонился. — Пришли помочь сестре — все выше и выше, да?

— Конечно, как и все мы. Никто из нас не прогадает, если Марии улыбнется удача.

Она бесстрашно выдержала его взгляд.

— Мне пора. — Он отвернулся к окну. — Король пригласил меня на охоту.

Помедлив, он пересек комнату и вежливо поцеловал мне руку. Я потерянно стояла среди раскиданной повсюду одежды.

— Сожалею о вас. И о себе также. Когда вы пошлете за мной, быть может, через месяц, быть может, через год, я постараюсь вспомнить сегодняшний день и вас, ребенка, потерявшегося среди всех этих платьев. Я вспомню, что вы невиновны в интригах, что по крайней мере сейчас вы просто маленькая девочка, а не член семьи Болейн.

Королева ничего не сказала по поводу того, что я стала одинокой женщиной и живу теперь вместе с Анной в маленькой комнате неподалеку от ее покоев. Внешне ее отношение ко мне не изменилось. Она всегда вежлива и спокойна. Если нужно что-нибудь для нее сделать: написать письмо, спеть, унести комнатную собачку, она просит меня об этом так же ласково, как прежде. Но она больше не приказывает мне почитать вслух Библию, никогда не приглашает сесть у ее ног, пока шьет, не благословляет меня перед сном. Я больше не ее любимая маленькая камеристка.

Но какое утешение ложиться спать вместе с Анной! Как во Франции, в дни нашего детства, мы задерживаем полог и шепчемся в темноте без опасения, что нас подслушают. Иногда Георг украдкой оставляет королевские покои, чтобы навестить нас, забирается на высокую постель и, укрепив в шатком равновесии свечу в изголовье, достает колоду карт или кости и играет с нами, пока все остальные

девушки спят в соседних комнатах, не подозревая — неподалеку прячется мужчина.

Брат и сестра не поучали меня. Согласно своему коварному плану, они ожидали, пока я сама не признаюсь — роль, которую мне предстоит сыграть, выше моего понимания.

Я не сказала ни слова, когда мою одежду перенесли с одного конца дворца на другой, молчала, пока двор переезжал в Кент, в любимый замок короля Эльтам, не возражала, двигаясь в составе кортежа бок о бок с мужем, а он ласково говорил о погоде и хвалил мою лошадь, вернее — лошадь Джейн Паркер, одолженную мне с большой неохотой, только как дань семейным амбициям. Но когда мы остались наедине с Георгом и Анной в саду Эльтама, я заговорила решительно:

— Не смогу этого сделать!

— Чего именно? — резко спросил Георг.

Мы выгуливали собачку королевы, которую растрясло за целый день поездки на луке седла, и теперь она выглядела совсем больной.

— Ко мне, Фло! — ободряюще позвал брат. — Ищи, ищи!

— Я не могу быть с мужем и королем в одно и то же время! Как можно шутить и смеяться с королем, когда за нами муж наблюдает?

— Почему бы и нет?

Анна бросила мяч, он покатился по земле, но собачка вместо того, чтобы бросится вдогонку, без особого интереса проводила его глазами.

— Беги же! — воскликнула Анна. — Вот глупое создание!

— Я чувствую, что это неправильно.

— Ты знаешь лучше, чем твоя мать?

— Конечно нет!

— Лучше, чем отец? Чем дядя?

Я покачала головой.

— Они планируют для тебя великое будущее, — торжественно произнесла Анна. — Любая девушка в Англии жизнь отдаст за выпавшую тебе возможность, а ты жеманишься. Смеяться его шуткам она, видите ли, не может! Да у тебя мозгов меньше, чем у Фло.

Анна легонько поддела собачонку носком сапожка для верховой езды, подтолкнула ее в нужном направлении, но Фло уселась на дорожке, такая же упрямая и несчастная, как я.

— Полегче! — предостерег сестру Георг, нежно взяв меня под руку. — Все не так плохо. Уильям ехал рядом с тобой, чтобы тебя подбодрить, а не для того, чтобы ты чувствовала себя виноватой. Он знает, у короля особый путь. Мы все это знаем. Уильям и сам будет в выигрыше, ты принесешь ему благоволение короля. Выполнишь свой долг, возвысишь его семью. Он будет только благодарен. Поверь, ты не делаешь ничего плохого.

Я медлила, переводя взгляд с брата на сестру.

— Еще одно... — с трудом призналась я.

— Что еще? — спросил Георг. Анна следила глазами за собачонкой, но я знала, все ее внимание направлено на меня.

— Я не знаю, как это делается, — почти прошептала я. — С Уильямом это бывало от силы раз в неделю, в полной темноте, быстро и никогда мне особо не нравилось. Я просто не знаю, как полагается себя вести.

Георг поперхнулся смешком и обнял меня за плечи.

— Прости, я не хотел над тобой смеяться. Но ты все неправильно поняла. Ему вовсе не нужна опытная женщина. Их хватает в любой бане в Сити. Он хочет тебя. Именно ты ему нравишься. Ему будет приятна твоя застенчивость и неуверенность. Так что все в порядке.

— Эй! — раздался крик позади нас. — Тройка Болейн!

Мы обернулись. На верхней террасе стоял король, все еще в дорожном плаще и лихо заломленной шляпе.

— Мы идем!

Георг отвесил низкий поклон, мы с Анной одновременно присели в реверансе.

— Не устали в дороге? — спросил король. Вопрос был общим, но смотрел он на меня.

— Вовсе нет!

— У вас славная кобылка, только спина коротковата. Я достану вам новую лошадь.

— Ваше величество очень добры. Это лошадь не моя. Я была бы рада иметь собственную.

— Можете выбрать что-нибудь подходящее на конюшнях. Пойдемте прямо сейчас и посмотрим.

Он протянул руку, я мягко положила ладонь на дорожную ткань его рукава.

— Я вас почти не чувствую. — Он положил руку сверху и плотно прижал. — Вот так. Я хочу знать, что держу вас, миссис Кэри! — Голубые глаза сияли, он дотронулся до моего французского чепца, потом до волос, потом до лица. — Я *должен* знать, что держу вас!

Рот у меня пересох, дыхание перехватило, но я улыбнулась, чувствуя одновременно и страх и желание.

— Я счастлива быть с вами.

— В самом деле? — внезапно напрягшись, спросил король. — Это правда? Не принуждение? Не хочу фальши. Придете ко мне по собственной воле?

— О, ваше величество! Разве я не танцевала с вами на празднестве у кардинала Уолси, даже не зная, кто вы.

Воспоминания были ему приятны.

— О да! Вы лишились чувств, когда я снял маску. Кто же, по-вашему, это был?

— Я об этом не думала. Знаю, звучит глупо, но мне казалось, что вы гость на празднике, новый прекрасный незнакомец, с которым мне, к счастью, довелось танцевать.

Он рассмеялся:

— О, миссис Кэри! Такое милое личико и такие рискованные мысли! Мечтали о прекрасном незнакомце, который явится ко двору и выберет вас?

— Я не хотела ничего плохого. — На мгновение я испугалась, что это слишком сладко даже для него. — Когда вы пригласили меня танцевать, просто забыла, как подобает себя вести. Уверена, что не сделала бы ничего дурного. Просто наступил момент, когда я...

— Когда вы?

— Когда я забыла.

Мы дошли до арки, ведущей к конюшням. Король остановился под каменным сводом, развернул меня к себе. Я почувствовала каждую частичку своего тела, от сапожек для верховой езды, скользящих по булыжнику, до глаз, устремленных вверх, на него.

— Может быть, забудете снова?

Я медлила с ответом, но тут раздался голос Анны:

— Какую лошадь вы, ваше величество, предполагаете выбрать для моей сестры? Надеюсь, убедитесь, какая она хорошая наездница.

Король выпустил меня и повел нас на конюшню. Мужчины осматривали одну лошадь за другой.

— Помоги ему увлечься, — прошептала Анна, подходя ко мне, — но не давай понять, что и сама увлечена. Пусть добивается тебя, не подозревая, что его заманивают. Если он предоставляет тебе выбор — идти вперед или отступить, как сейчас, всегда отступай...

Король с улыбкой повернулся ко мне, пока Георг приказывал слуге вывести из стойла красивую гнедую лошадку.

— Но не слишком быстро, — предостерегающе прошептала сестра, — дай возможность себя поймать.

Вечером я на виду у всего двора танцевала с королем, а на другой день скакала бок о бок с ним на новой лошади. Королева, сидя за главным столом, следила за нами во время танца, а провожая короля на охоту, махнула рукой на прощанье. Все знали, что король соблазняет меня и я уступлю, когда мне прикажут уступить. Один лишь король ни о чем не догадывался и полагал, что скорость ухаживания зависит лишь от силы его страсти.

Первая награда пришла несколькими неделями позже, в апреле. Отец был назначен казначеем, это открывало ему доступ к ежедневным доходам королевского двора и позволяло расхищать их по своему усмотрению. Однажды перед обедом он отозвал меня для разговора с глазу на глаз, пока ее величество занимала свое место за почетным столом.

— Мы с дядей довольны тобой. Георг и Анна уверяют, что под их руководством ты все делаешь правильно.

Я присела в реверансе.

— Это только начало, — напомнил отец. — Не забывай, ты должна не только обладать, но еще и сохранять.

Я вздрогнула, когда он произнес знакомые слова венчального обряда.

— Я помню, — только и смогла я сказать. — Не забуду.

— Он уже на что-нибудь решился?

— Нет еще. Только слова и взгляды.

— А ты отвечаешь?

— Улыбками.

Я не сказала отцу, что с ума схожу от счастья — за мной ухаживает самый могущественный человек в королевстве. Легко

следовать советам сестры и улыбаться без конца. Легко краснеть, если одновременно мечтаешь и убежать подальше, и прижаться как можно теснее.

Отец кивнул:

— Неплохо. Можешь вернуться на свое место.

Я снова сделала реверанс и поспешила в залу, успев как раз перед тем, как вошли слуги. Королева сурово посмотрела на меня, будто собираясь сделать выговор, но поймала взгляд своего мужа. Король не отрываясь смотрел на меня — вот я иду по зале, занимаю место среди ожидающих дам. Странное выражение появилось у него на лице, словно он не видел и не слышал ничего, словно вся зала исчезла и осталась только я, мой голубой плащ с капюшоном, пушистые волосы, не закрывающие лицо, улыбка, трепещущая на губах, — в ответ на его желание. Королева тоже ощутила жар его взгляда, сжала тонкие губы и отвернулась.

Вечером он пришел в ее покои.

— Нельзя ли послушать музыку? — попросил он.

— Миссис Кэри нам сыграет, — приветливо откликнулась королева, подталкивая меня вперед.

— Ее сестра Анна поет мелодичнее, — возразил король.

Анна победно взглянула на меня.

— Спойте нам одну из ваших французских песенок!

Анна присела в грациозном реверансе.

— Вашему величеству достаточно приказать. — Легкий французский акцент в ее речи усилился.

Королева молча следила за этой переменной. Я поняла ее удивление — неужели теперь королевская прихоть обратилась на другую сестру Болейн? Но он просто притворялся. Анна села на скамеечку посреди комнаты с лютней на коленях и запела — он прав, мелодичнее, чем я. Королева сидела в своем любимом кресле с мягкими расшитыми подлокотниками и удобной спинкой, на которую она никогда не опиралась. Вместо того, чтобы расположиться рядом с ней в таком же кресле, король подошел ко мне, занял пустующее место Анны.

— Красивая работа. — Он смотрел на шитье у меня в руках.

— Рубашки для бедных. Королева добра к бедным.

— Да, конечно. Но как быстро ваша игла снует вниз и вверх! Я бы сразу все запутал. Какие у вас проворные крошечные пальчики!

Он склонился к моей руке, а я поймала себя на том, что мечтаю дотронуться до густых завитков у него на шее.

— Ваши ручки вдвое меньше моих, — протянул он. — Покажите-ка мне.

Я воткнула иголку в шитье и протянула руку — ладонью вперед. Пристально глядя мне в лицо, он сделал то же самое. Наши руки еще не соприкоснулись, а я уже ощутила тепло его ладони. Усы над верхней губой слегка курчавятся. Интересно, они мягкие, как темные редкие усики моего мужа, или жесткие, как золотая проволока? Похоже, они крепкие и колючие, расцарапают мне кожу, и каждый догадается, что мы целовались. Но его чувственные губы манили, я мечтала коснуться их, попробовать на вкус.

Он медленно приближал свою ладонь к моей, как танцор в паване. Вот ладони соприкоснулись, меня точно обожгло. Его губы дрогнули, кажется, он это заметил. Моя холодная ладошка скользнула вдоль его руки, кончики пальцев встретились. Я ощутила тепло его кожи, нащупала мозоль от стрельбы из лука на одном из пальцев, почувствовала жесткую ладонь мужчины, который скачет верхом, охотится, играет в теннис и может весь день напролет держать копье или меч. Я отвела взгляд от его губ, заметила, с какой радостной готовностью он смотрит на меня. Его взгляд собрался в одну точку, словно солнечный свет, прошедший сквозь зажигательное стекло. Да, он просто излучает страсть.

— Кожа такая мягкая, — шепчет он, — а ручки крохотные, как я и думал...

Предполагалось, мы сравниваем длину наших пальцев, и хотя этот предлог давно исчерпал себя, мы продолжаем сидеть ладонь к ладони, глаза в глаза. Медленно, непреклонно, его рука сжимает мою и держит нежно, но крепко.

Анна допела песню и, без паузы, не меняя тона, чтобы не разрушить чары, начала другую, но тут вмешалась королева.

— Ваше величество смущает миссис Кэри, — произнесла она со смешком, будто ухаживание мужа за женщиной двадцатью тремя годами моложе могло ее только позабавить. — Ваш друг Уильям не поблагодарит, если его жена по вашей милости начнет лениться. Она

обещала подрубить рубашки для монахинь из Духова монастыря, но еще и половины не сделала.

Король отпустил меня и обернулся к жене.

— Уильям меня простит, — отозвался он беспечно.

— Я бы хотела сыграть в карты, — сказала королева. — Присоединитесь ко мне, муженек?

На мгновение я решила — у нее получится, на ее стороне — долгие годы привязанности. Король встал, пошел было к королеве, но обернулся. В моем взгляде не было расчета — ну, почти не было. Просто молодая женщина, страстно провожающая мужчину глазами.

— Моей партнершей будет миссис Кэри. Может, пошлете за Георгом Болейном, тогда сыграем с двумя Болейнами.

— Я предпочитаю Джейн Паркер, — спокойно ответила королева.

— Отлично проделано!

Вечером, в нашей спальне, Анна причесывалась возле камина. Она склонила голову набок, темные длинные волосы упали на плечо душистым водопадом.

— Трюк с ладонями очень хорош. Чем это таким вы занимались?

— Он сравнивал размер наших рук.

Я заплела косу, надела ночной чепец, завязала белые ленты.

— Когда наши руки соприкоснулись, я почувствовала...

— Что?

— Ожог. Правда, будто его прикосновение могло обжечь меня.

Анна взглянула с сомнением:

— Что ты имеешь в виду?

Я уже не могла остановиться.

— Я хотела, чтобы он до меня дотронулся. Абсолютно умирала от желания. Хотела его поцеловать.

— Ты хочешь его? — недоверчиво спросила Анна. Обхватив себя руками, я опустилась на низкий каменный подоконник.

— О Боже, да. Я не представляла, что дойду до этого. Да, да!

— Надеюсь, отец с матерью тебя не услышат. Тебе приказали ловко вести игру, а не предаваться мечтам, словно ты — томящаяся от любви дурочка.

— Ты думаешь, он меня не хочет?

— Хочет — сию минуту. А через неделю? Через год?

Тут раздался стук, и Георг просунул голову в дверь:

— Можно войти?

— Только ненадолго, — нелюбезно отозвалась Анна. — Мы уже ложимся.

— Я тоже собираюсь лечь. Мы пили с отцом, сейчас я иду спать, а утром встану пораньше и на трезвую голову повешусь.

Я едва слушала. Глядя в окно, я вспоминала, как ладонь Генриха касалась моей ладони.

— Что случилось? — спросила Анна.

— Свадьба назначена на будущий год. Завидуете?

— Почему все вступают в брак, кроме меня? — раздраженно спросила Анна. — С Ормондами дело заглохло, а больше никого на примете нет. Мне что, в монахини идти?

— Неплохая мысль, — отозвался Георг. — А меня они примут?

— Хорошая аббатиса из тебя выйдет! — Я наконец уловила смысл их разговора и со смехом отвернулась от окна.

— Получше некоторых! — весело отозвался Георг, пытаюсь сесть на скамью, но промахнулся и шлепнулся на пол.

— Ты пьян! — укорила я брата.

— И от этого злишься, — добавила Анна.

— Что-то в моей будущей жене просто поражает. Какая-то она, — он искал слово, — протухшая...

— Ерунда, — возразила Анна. — У нее большое приданое и хорошие связи, королева к ней благоволит, отец ее — уважаемый и богатый человек. Чего тебе еще?

— У нее рот как кроличий силок, а глаза одновременно и теплые и холодные.

Анна рассмеялась:

— Поэт!

— Я понимаю, что Георг имеет в виду. Страстная и скрытная одновременно.

— Просто благоразумная, — возразила Анна.

Георг покачал головой:

— Холодная и жаркая разом. Сплошные причуды, ничего не разберешь. Собачья жизнь меня ждет.

— Женись, ляг с ней в постель и отправь в деревню, — нетерпеливо возразила Анна. — Ты же мужчина, можешь поступать, как захочешь.

Георг заметно повеселел.

— Сплавлю ее в Гевер!

— Или в Рочфорд-Холл. А король обязательно пожалует тебе новое поместье на свадьбу.

Георг поднес к губам фляжку.

— Кто-нибудь хочет попробовать?

— Давай! — Я пригубила холодное терпкое красное вино.

Анна поджала губы.

— Я иду спать. А ты, Мария, постыдилась бы пить в такое время. — Она откинула одеяла, забралась в постель и подоткнула простыни. — Оба вы слишком беспечны, — изрекла сестра.

Георг скорчил гримасу:

— Она еще и командует!

— Очень строгая, — прошептала я, изображая почтительность. — Никогда не подумаешь, что полжизни провела при французском дворе и занималась лишь тем, что флиртовала.

— Больше похожа на испанку, чем на француженку, — поддразнил Георг.

— К тому же незамужняя. Испанская дуэнья.

Анна откинулась на подушку и натянула одеяла:

— Не старайтесь, я все равно не слушаю.

— Кто ее возьмет? — задал вопрос Георг. — Кому она нужна?

— Кто-нибудь найдется! Младший сын или бедный старый сквайр.

Я передала фляжку Георгу.

— Вот увидите, — донеслось с кровати, — мой брак будет лучше, чем у вас обоих. И если в ближайшее время дело не сдвинется, я сама что-нибудь придумаю.

Георг вернул мне фляжку:

— Прикончи ее! Мне уже более чем достаточно.

Большим глотком я допила вино и забралась на кровать со своей стороны.

— Спокойной ночи, Георг!

— Посажу немного возле огня. У нас, Болейнов, все отлично, не так ли? Я обручен, ты почти затащила короля в постель, а маленькая мадемуазель Совершенство свободна и весь брачный рынок к ее услугам.

— Да, у нас все отлично.

Я вспомнила настойчивый взгляд голубых глаз короля на своем лице, медленно скользящий от верха моей шляпы до воротника плаща, зарылась в подушку, чтобы никто не услышал, прошептала:

— Генрих. Ваше величество. Любовь моя.

На следующий день неподалеку от Эльтама проводился турнир. Усадьбу Фиарсон построил во время предыдущего царствования один из многочисленных придворных, достигших богатства при отце короля. Все они были людьми практичными, а предыдущий король самым крепким орешком из всех.

Дом был большой, величественный, однако без крепостной стены и рва. Сэр Джон Ловик верил в вечный мир в Англии, поэтому построил дом, не нуждающийся в защите, дом, который невозможно защитить. Вокруг бело-зеленой шахматной доской разбиты сады — белые камни, дорожки и бордюры вокруг клумб, окруженных зеленью травы. Дальше парк, где хозяин охотится на оленей, а между парком и садами ровная, зеленая лужайка круглый год ожидает — не захочет ли король устроить турнир.

Шатер для королевы и придворных дам затянут вишнево-красным и белым шелком, хорошо сочетающимся с вишневым платьем королевы. В ярком наряде она выглядит румяной и помолодевшей. Я в зеленом, это платье я надевала во время маскарада на Масленой неделе, когда король впервые обратил на меня внимание. Зеленый оттеняет мои волосы, и они кажутся еще более золотистыми, глаза сияют. Я стояла возле кресла королевы и знала — любой, переводя взгляд с нее на меня, думает, королева — прекрасная дама, но годится мне в матери. А мне только четырнадцать, я готова для любви, готова для страсти, полностью созревшая женщина и в то же время девушка в цвету.

В трех первых сражениях принимали участие придворные невысокого ранга — надеялись, рискуя жизнью, привлечь к себе внимание. Они были достаточно искусны, не говоря уже о паре весьма впечатляющих приемов, а когда один рыцарь сбросил с коня куда более крупного противника, раздались громкие рукоплескания. Победитель спешил и снял в знак благодарности шлем. Стройный, светловолосый, привлекательный. Анна толкнула меня локтем:

— Кто это?

— Всего лишь один из Сеймуров.

Королева повернулась ко мне:

— Миссис Кэри, не сходите ли к шталмейстеру, чтобы узнать, когда скачет мой муж и какого коня он выбрал?

Я повернулась, собираясь выполнить приказание, и поняла, почему меня отсылают — по лужайке к нашему шатру медленно приближался король. Я сделала реверанс и пошла не торопясь, надеясь, он заметит, как я медлю около навеса. Вдруг он прервал разговор и ускорил шаг. Его доспехи с золотой насечкой пылают серебром. Кожаные ремни, держащие нагрудник, перчатки — красные, гладкие как бархат. Он кажется таким высоким — героический полководец давних войн. Металл сверкает на солнце, пришлось даже отступить в тень и прикрыть ладонью глаза.

— Миссис Кэри в ярко-зеленом!

— Вы весь сияете!

— А вы, наверно, ослепительны даже в самом темном наряде!

Я молча смотрела на него. Окажись Анна или Георг поблизости, они подсказали бы мне подходящий ответ. Но вся моя находчивость исчезла, вытесненная страстью. Незачем говорить, по лицу видно — я полна желаний. Король тоже молчал. Так мы и стояли — глаза в глаза, сосредоточенно вопрошая друг друга, читая во взгляде ответную страсть.

— Я должен видеть вас наедине, — сказал наконец король.

Я не стала кокетничать.

— Ваше величество, я не могу.

— Не хотите?

— Не смею.

Он глубоко вдохнул, будто мог ощутить запах желаний.

— Вы можете довериться мне.

Я оторвала от него взгляд, отвернулась и, ничего не видя вокруг, повторила бесхитростно:

— Не смею.

Он поднес мою руку к губам и поцеловал. Я ощутила тепло его дыхания и, наконец, нежное прикосновение усов.

— Мягкие!

Он поднял глаза:

— Мягкие?

— Ваши усы, — объяснила я. — Все думала, какие они при прикосновении.

— Вы думали о моих усах?

У меня загорелись щеки.

— Да.

— Какие от них ощущения при поцелуе?

Опустила голову, чтобы не видеть сияния его голубых глаз, и незаметно кивнула.

— Вам хотелось, чтобы я вас поцеловал?

Я подняла глаза и сказала в отчаянии:

— Ваше величество, мне пора идти. Королева послала меня с поручением и захочет знать, куда я делась.

— Куда послала?

— К шталмейстеру, чтобы узнать, на какой лошади вы скачете.

— Я сам могу ей это сказать. Зачем вам идти по такому солнцепеку?

— Мне не трудно исполнить ее просьбу.

Он неодобрительно фыркнул:

— Видит Бог, у королевы достаточно слуг, чтобы гонять их взад-вперед. При ней — вся испанская свита, а я с трудом содержу даже маленький двор.

Краем глаза я заметила Анну — она вышла из-за драпировок и застыла, увидев нас с королем так близко друг от друга. Он мягко отстранился:

— Пойду к королеве — отвечу на все вопросы о лошадях. А вы куда?

— Приду через минуту. Мне нужно прийти в себя, я чувствую... — Я запнулась, не в силах выразить свои ощущения.

Он нежно взглянул на меня:

— Слишком юна для таких игр, Болейн там или не Болейн. Думаю, вам помогают — учат, как попадаться мне на глаза, как поступать.

Я бы призналась в семейном заговоре, если бы не Анна. Стоя в тени шатра, она наблюдала за нами. Пришлось покачать головой:

— Это не игра.

Отвернулась. Губы задрожали.

— Клянусь, для меня это не игра, ваше величество.

Он взял меня за подбородок, повернул к себе.

С ужасом, смешанным с восторгом, я ждала — сейчас он меня поцелует на виду у всех.

— Вы меня боитесь?

Я устояла перед искушением прижаться к его руке.

— Боюсь того, что может случиться.

— Между нами? — Он улыбнулся самоуверенно — похоже, желанная женщина почти у него в руках. — Ничего плохого не случится, Мария, если вы меня полюбите. Даю слово. Будете моей возлюбленной, моей маленькой королевой.

Я только рот раскрыла.

— Подарите мне свой шарф, чтобы на турнире у меня был ваш залог, — потребовал он.

Я оглянулась по сторонам:

— Только не здесь!

— Тогда передайте через Георга. Я не буду носить шарф на виду. Спрячу под нагрудник поближе к сердцу.

Я кивнула.

— Так дадите мне залог?

— Если желаете.

— Еще как желаю.

Отвесив поклон, он повернулся к шатру королевы. Анна исчезла, как добрый дух.

Спустя пару минут я сама отправилась вслед за ними. Встретив вопросительный взгляд королевы, присела в реверансе.

— Ваше величество, я вернулась, потому что увидела — король сам направляется к вам, чтобы ответить на все вопросы.

— Надо было послать слугу, — резко заметил король. — Нечего было гонять миссис Кэри в такую жару по солнцепеку.

Королева помедлила лишь секунду.

— Мне очень жаль. Как неразумно с моей стороны.

— Не передо мной нужно извиняться, — многозначительно произнес король.

Я думала, она заупрямится; Анна рядом со мной вся напряглась, и я поняла — она тоже ждет, что же теперь сделает принцесса Испании и королева Англии.

— Простите, миссис Кэри, если я доставила вам неудобство, — сказала та спокойно.

Жалкая победа. Богато устланный коврами шатер, женщина, годящаяся мне в матери, и я полна сочувствия — ей же так больно. Я даже забыла о короле, остались только мы двое, обреченные стать источником страдания друг для друга.

— Всегда рада служить вам, королева Екатерина, — ответила я, и это было правдой.

Она взглянула на меня, будто читая мои мысли, и повернулась к мужу:

— Лошади готовы к турниру? Вы уверены в себе, ваше величество?

— Сегодня — или я, или Суффолк.

— Вы будете осторожны, сир? Не беда — проиграть такому бойцу, как герцог, но если что-то случится с вами — королевству конец.

Короля не особо обрадовало такое проявление любви и заботы.

— Вы правы — пока у нас нет сына.

Королева вздрогнула, краски сбежали с ее лица.

— Еще есть время, — прошептала она чуть слышно. — У нас еще есть время.

— Не так уж много, — отрезал он. — Мне пора, надо подготовиться.

Он прошел мимо, даже не взглянув на меня. Анна, я и остальные дамы присели в реверансе. Выпрямившись, я заметила — королева смотрит на меня не как на соперницу, она снова видит во мне свою маленькую камеристку, всегда готовую услужить. Казалось, она ищет того, кто понимает, как ужасна участь женщины в этом мире мужчин.

Вошел Георг, грациозно преклонил колени перед королевой:

— Ваше величество, я пришел к прекраснейшей даме Кента, Англии и всего мира.

— Встаньте, Георг Болейн, — улыбнулась королева.

— Я бы предпочел умереть у ваших ног, — возразил он.

Королева легонько ударила его по руке веером:

— Я бы предпочла услышать о шансах короля в предстоящем турнире.

— Кто поставит против него? Он лучший наездник. Но я готов держать пари пять к двум во втором сражении. Сеймур против

Говарда. Ни малейших сомнений, кто победит.

— Предлагаете поставить на Сеймура?

— Чтобы на нем было ваше благословение? Ни за что! Поставьте на моего кузена Говарда, ваше величество, и можете быть уверены в победе, а также в том, что поддержали одно из самых славных и верных семейств в стране.

Она рассмеялась:

— Вы просто отъявленный льстец! Сколько вы готовы проиграть?

— Скажем, пять крон?

— Идет!

— Я тоже поставлю, — вдруг заявила Джейн Паркер.

— Не могу предложить вам те же ставки, потому что все мое состояние и так в вашем распоряжении. — Георг отвечал вежливо, но улыбка на лице погасла.

Это был все тот же язык куртуазной любви, язык флирта, непрестанно употребляемый в аристократических кругах, иногда он значил очень многое, но чаще вовсе ничего не значил.

— Я просто хочу поставить несколько крон. — Джейн старалась вызвать Георга на комплимент, в чем он всегда был мастер.

Анна и я насмешливо наблюдали за ней, даже и не думая помочь.

— Если я проиграю ее величеству — а вы видели, как милостиво она согласилась меня разорить, — у меня ничего не останется для других. Ведь рядом с ее величеством у меня ничего не остается для других — ни денег, ни сердца, ни глаз.

— Ни стыда ни совести, — подхватила королева. — Разве можно так разговаривать с невестой?

Георг поклонился:

— Все мы — звездочки, окружающие прекрасную луну. Величайшая красота затмевает все.

— Уходите прочь, сверкайте где-нибудь еще, моя милая звездочка.

Георг поклонился и отошел за шатер. Я скользнула за ним.

— Давай скорее, он — следующий.

Длинный белый шелковый шарф украшал верх моего платья. Я вытянула его из зеленых петель платья и вручила брату. Шарф исчез у него в кармане.

— Джейн видела нас.

— Не имеет значения. — Георг покачал головой. — У нас с ней общие интересы, хочет она этого или нет. Мне пора идти.

Когда я вернулась в шатер, глаза королевы на мгновение остановились на пустых петлях у меня на груди, но она промолчала.

— Начинают! — воскликнула Джейн. — Очередь короля.

Я увидела — двое поддерживают его, помогая сесть в седло, так тяжелы доспехи. Карл Брендон, герцог Суффолк, зять короля, тоже вооружился, и вот уже двое всадников едут к нашему шатру. Король склоняет копьё, приветствуя королеву, и так и держит опущенным, проезжая мимо шатра. Он приветствует и меня, я вижу его улыбку сквозь поднятое забрало. На плече из-под нагрудника выбивается что-то белое — я знаю, это кончик шарфа. Герцог Суффолк следом тоже склоняет копьё перед королевой, а мне сухо кивает. Анна у меня за спиной тихонько вздыхает.

— Суффолк признал тебя, — шепчет она.

— Похоже на то.

— Конечно признал. Он поклонился. Похоже, король говорил о тебе с ним или со своей сестрой Марией, а уж она сказала мужу. Значит, он настроен серьезно, а как же иначе.

Я оглянулась. Королева смотрит вниз на арену, где король придержал коня. Боевой конь вскидывает голову, переступает с ноги на ногу в ожидании сигнала. Король легко сидит в седле, вокруг шлема — маленькая золотая диадема, забрало опущено, копьё направлено вперед. Королева наклоняется, чтобы лучше видеть. Звучит труба, всадники вонзают шпоры в бока коней, и те срываются с места, так что земля летит из-под копыт. Копья устремляются вперед, как стрелы, летящие в цель, трепещут вымпелы на концах копий, всадники сближаются. Король получает скользкий удар — и отражает его щитом, ответный выпад оказывается удачнее — минуя щит, копьё короля с глухим стуком бьет в нагрудник Суффолка. Внезапный удар выбивает противника из седла, а вес доспехов довершает остальное — он переваливается через круп лошади и со страшным грохотом падает на землю. Его жена вскакивает на ноги.

— Карл! — И, подобрав, словно простолюдинка, юбки, несется к мужу, без движения лежащему на траве.

— Надо, пожалуй, тоже пойти. — Анна заспешила за своей госпожой.

Я отыскала глазами короля. Оруженосец освобождает его от тяжелых доспехов. Снял нагрудник — и вот мой белый шарф медленно падает на землю, а король ничего не замечает. Сняв ножные латы и наплечники, король на ходу натягивает плащ и спешит туда, где пугающе неподвижно лежит его друг. Королева Мария на коленях, поддерживает голову мужа, пока оруженосец стаскивает с него доспехи. Поднимает глаза на приближающегося брата, улыбается:

— Ничего страшного. Он уже обругал Питера — тот прищемил ему кожу пряжкой.

— Хвала Господу! — отвечает король со смехом.

Двое с носилками уже спешат к ним. Суффолк садится и решительно заявляет:

— Я в состоянии ходить! Будь я проклят, если меня унесут с поля битвы, пока я еще не умер!

— Вот и хорошо. — Генрих поставил зятя на ноги, подбежал еще кто-то, и они повели спотыкающегося Суффолка прочь, поддерживая его с обеих сторон.

— Оставайся, — бросил король сестре через плечо. — Устроим его поудобнее и поищем какую-нибудь повозку.

Услышав приказание, королева Мария остановилась. Тут подбежал королевский паж с шарфом в руках.

— Не сейчас, — резко произнесла королева Мария. Парень замер в нерешительности.

— Но это он выронил, ваше величество. Когда снимал нагрудник.

Она протянула руку, и паж отдал шарф. Она, с отсутствующим видом комкая шарф в кулаке, смотрела вслед мужу — король вел его в дом, где сэръ Джон Лавик уже торопился открыть двери, позвать слуг, и направилась обратно к шатру. Я бросилась было к королеве Марии, но замерла, не зная, что мне делать.

— Как он? — спросила королева Екатерина. Королева Мария нашла в себе силы улыбнуться:

— Неплохо. Голова ясная, кости целы, нагрудник едва погнут.

— Что это у вас?

Королева Мария опустила глаза на измятую ткань:

— Ах это! Король выронил, а паж поднял и отдал мне. Она раскрыла ладонь, не видя и не слыша ничего, по-прежнему занятая только мужем.

— Пойду к нему, — решила она. — Анна, вы и все остальные можете после обеда остаться с королевой.

Екатерина одобрительно кивнула, и королева Мария поспешила к дому. Проводив ее глазами, королева, как всегда неторопливо, развернула шелк. Тонкая ткань легко скользила между пальцами. И возле бахромы — вышитая ярко-зеленым шелком монограмма: МБ.

— Видимо, это ваше? — Ее слабый голос был полон презрения. Она держала шарф двумя пальцами, на расстоянии вытянутой руки, словно дохлую мышь, найденную на дне буфета.

— Давай, — шепнула Анна и подтолкнула меня в спину. — Возьми.

Я сделала шаг вперед. Королева выронила шарф, но я успела подхватить. Жалкий клочок ткани выглядел хуже половой тряпки.

— Спасибо, — смиренно произнесла я.

За обедом Генрих едва взглянул на меня. Несчастный случай поверг короля в меланхолию — придворные уже научились ее опасаться, — столь свойственную еще его отцу.

Королева не могла быть милее и приятней, но ни беседа, ни очаровательные улыбки, ни музыка не могли развеселить короля. Он без смеха наблюдал за ужимками шута, слушал музыку — и пил все больше. Королева никак не могла развеселить его, потому что отчасти сама была причиной плохого настроения. Он смотрел на жену, женщину на пороге старости, и видел смерть за ее плечом. Пусть она проживет еще десяток лет, проживет сколько угодно — лицо уже покрывается морщинами, месячные скоро прекратятся... Королева напрямик движется к старости, так и не оставив наследника. К чему поединки, песни и танцы, игры весь день напролет, если нет мальчика, принца Уэльского, — значит, король не исполнил величайший, главнейший долг перед королевством. А бастард от Бесси Блаунт — не в счет.

— Уверена, Карл Брендон скоро поправится, — начала королева.

На столе стояли засахаренные сливы и пряное, сладкое вино. Королева сделала глоток, но вряд ли почувствовала вкус — король сидел рядом с ней с искаженным, потемневшим лицом — вылитый отец, а уж тот никогда не любил невестку.

— Не думайте, что это ваша вина, Генрих. Видит Бог, поединок был честным, вы даже первым получили удар.

Король повернулся в кресле и холодно взглянул на королеву. Улыбка исчезла с ее лица, но она не спросила, в чем дело. Зрелая и мудрая леди, она не станет расспрашивать рассерженного мужчину о причине гнева. Бесстрашно улыбнулась и подняла бокал.

— Ваше здоровье, Генрих! — с теплотой в голосе произнесла королева. — Благодарю Бога — сегодня не вы получили рану. Бывало, умирая от страха, я бежала из шатра на арену, и сейчас, жалея вашу сестру королеву Марию, я ликую — сегодня не вы получили рану.

— *Мастерски* сделано, — шепнула Анна мне в самое ухо.

Это сработало. Мрачный взгляд посветлел. Генрих был покорен мыслью, что женщина может так за него волноваться.

— Никогда не видел вас в тревоге.

— Муж мой, я в тревоге день и ночь, но пока вы здоровы и счастливы, пока в конце концов возвращаетесь домой, на что мне жаловаться?

— Ага, — еле слышно произнесла Анна. — Она дала ему разрешение и обезоружила тебя.

— Что ты имеешь в виду?

— Очнись! Разве не ясно? Она развеяла его дурное настроение и разрешила быть с тобой — если он вернется, когда все будет кончено.

Король поднял бокал для ответного тоста.

— А что будет дальше? — тихонько спросила я. — Ты же у нас все знаешь?

— Он возьмет тебя — ненадолго, — небрежно бросила Анна. — Но ты не встанешь между ними. Тебе его не удержать. Она стара, это правда, но обожает короля, а ему это необходимо. Во времена его юности Екатерина считалась прекраснейшей дамой во всем королевстве. Тебе этого не побороть, такая, как ты, для этого не подходит. Ты мила, почти влюблена в него, что полезно, но я не сомневаюсь — тебе его покорить не удастся.

— А кому удастся? — ошеломленно спросила я — она и вправду меня в грош не ставит. — Тебе, что ли?

Она взглянула на короля с королевой. Так военный оценивает стену перед осадой. Чисто профессиональный интерес.

— Я, пожалуй, смогла бы. Но будет нелегко.

— Он хочет меня, а не тебя, — напомнила я. — Он моей благосклонности добивается. Мой шарф носил на груди.

— И выронил, даже не заметив, — с всегдашней безжалостной точностью заметила Анна. — В любом случае — дело не в его желаниях. Он жаден и испорчен, его можно подбить почти на все, что угодно. Но ты на это не способна.

— Почему это не способна? — возмутилась я. — С чего ты взяла, что сумеешь удержать его лучше меня?

Казалось, ее безупречно прекрасное лицо вырезано из льда.

— Женщина, которая возьмется управлять им, никогда не должна забывать, что действует по плану. А ты готова получать удовольствие в постели и за столом, в то время как единственным удовольствием должно быть постоянное на него влияние, постоянный контроль над королем. В таком браке нет места плотской страсти, что бы там Генриху ни казалось. А это требует немалого искусства.

Обед закончился в пять часов, и лошади уже ждали перед домом — можно сразу прощаться с хозяином, садиться в седло и скакать в Эльтам. Когда мы встали из-за пиршественных столов, я заметила, как слуги сбрасывают остатки хлеба и мяса в большие корзины, чтобы продать их за бесценок возле кухонных дверей. Этот след расточительности и мошенничества тянулся за королем по всей стране, словно слизь за улиткой.

Бедняки приходят посмотреть турнир, ждут, пока двор отобедает, а потом собираются возле кухонных дверей в ожидании остатков пиршества. Им выносят объедки — ломти хлеба, обрезки мяса, недоеденные пироги. Ничего не пропадет впустую, бедные заберут все. Расчетливо — как свиней разводить.

Именно возможность приработка так привлекает королевских слуг. В любом месте каждый слуга может слегка словчить и отложить что-нибудь на черный день. Последний кухонный мальчишка имеет свой маленький доход от хлебных корок, от жира, капающего с жаркого, даже от подливки. И на вершине этой кучи объедков мой отец — он теперь управляет всеми расходами королевского двора, наблюдает, какую долю получает каждый, и о себе не забывает. Даже у камеристки, приставленной к королеве для мелких услуг, готовой в любой момент соблазнить короля прямо под носом у своей госпожи, причинив ей самое большое горе, которое одна женщина может причинить другой, — даже у нее есть свой доходец. Ее тайный промысел начинается после трапезы, когда никто ни на кого не

обращает внимания, тут в дело идут и обрывки любовных залогов, и недоеденные во время любовной игры цукаты.

Мы скакали домой. Солнце садилось, становилось прохладно. Я закуталась в плащ, но откинула капюшон, чтобы видеть дорогу и темнеющее небо, на котором уже показались первые звезды. На середине пути лошадь короля поравнялась с моей.

— Хорошо провели день? — спросил король.

— Вы потеряли мой шарф, — ответила я с обидой. — Паж отдал его королеве Марии, а та — королеве Екатерине. Ваша жена сразу же его узнала и вернула мне.

— Ну и что?

Мне бы вспомнить обо всех мелких унижениях, которым подвергается королева Екатерина, будто это ее королевский долг. Король не слышит от нее ни одной жалобы, только Богу в тихой молитве поверяет она свои горести.

— Это было ужасно. Не стоило давать вам шарф.

— Вы его получили обратно, — отозвался король без всякого сочувствия. — Если уж он вам так дорог.

— Да не в этом дело. — Я уже не могла остановиться. — Теперь королева точно знает, что шарф — мой. Вернула на виду у всех дам, швырнула на землю, я едва успела подхватить.

— Ну и что? — Голос звучит сурово, на лице вместо улыбки угроза. — Что изменилось? Она видела, как мы танцуем, разговариваем. Она видела — я ищу вашего общества, пожимаю вам ручки прямо у нее на глазах. И нечего сейчас ныть и жаловаться.

— Вовсе я не ною! — Я была уязвлена в самое сердце.

— Еще как ноете, — решительно возразил он. — Безо всякого на то основания и, смею сказать, безо всякого права. Вы мне не жена, мадам, и не любовница. А больше я ни от кого не собираюсь выслушивать жалоб. Я король Англии. Если вам что-то не нравится, всегда остается Франция. Возвращайтесь ко французскому двору.

— Ваше величество, я...

Он пришпорил коня, и тот перешел с рыси на легкий галоп.

— Желаю вам доброй ночи, — бросил он через плечо.

Плащ развевался по ветру, реяли перья на шляпе, и он покинул меня, а я ничего не успела сказать, не смогла позвать его обратно.

Я ничего не рассказала Анне, хотя та ожидала полного отчета. Мы в молчании проследовали из покоев королевы в нашу комнату.

— Не буду ничего говорить, — объявила я непреклонно. — Оставь меня в покое.

Анна сняла чепец и принялась расплетать волосы. Я прыгнула на кровать, сбросила платье, натянула ночную сорочку и скользнула под одеяло, даже не причесавшись и не умывшись.

— Нельзя же так ложиться, — возмутилась сестра.

— Бога ради, — я уткнулась в подушку, — оставь меня в покое.

— Что он сделал? — Анна улеглась рядом со мной.

— Даже и не спрашивай, все равно не скажу. Она кивнула и задула свечу.

Дымок догорающего фитиля достиг моих ноздрей, и мне почудился запах беды. Скрытая темнотой от испытующего взгляда сестры, я перевернулась на спину, уставилась на полог над головой и предалась размышлениям — вдруг король так рассердился, что больше не захочет меня видеть?

Мне стало холодно. Я провела рукой по лицу и обнаружила — щеки мокры от слез. Пришлось вытереться краем простыни.

— Ну, что еще? — сонно пробормотала Анна.

— Ничего.

— Ты его упустила! — осуждающе произнес дядя Говард, глядя не на меня, а на большой обеденный стол в парадной зале Эльтама. Наши слуги караулили при входе, и больше никого, кроме пары псов да спящего в золе камина мальчишки, не было. В дальнем конце залы, у других дверей, тоже стояли слуги в говардовских ливреях. Дворец, собственный дворец короля оказался вполне надежным местом для наших интриг.

— Он уже был у тебя в руках, и ты его упустила! Что ты сделала не так?

Я покачала головой. Слишком глубока моя тайна, чтобы вывалить ее на гладкую поверхность стола, принести в жертву каменному лицу дяди Говарда.

— Я жду ответа! Ты его упустила. Он уже неделю в твою сторону и не смотрит. Что ты сделала не так?

— Ничего, — прошептала я.

— Что-то точно было не так! На турнире он прячет на груди твой шарф, чем же ты ухитрилась расстроить его потом?

Я бросила укоризненный взгляд на брата — только он мог выдать меня дяде. Георг виновато пожал плечами.

— Король выронил шарф, а паж отдал королеве Марии.

Горло перехватило от волнения и горя.

— Ну? — резко спросил отец.

— Она отдала шарф королеве. Королева вернула мне.

Я переводила взгляд с одного сурового лица на другое.

— Они обе поняли, что это значит, — продолжала я безнадежно. — А по дороге домой я сказала королю, как несчастна — ведь он позволил всем увидеть мой подарок.

Дядя Говард резко выдохнул, отец стукнул кулаком по столу, а мать отвернулась, будто у нее не было сил смотреть на меня.

— О Господи! — Дядя взглянул на мою мать. — Ты уверяла, она должным образом воспитана. Полжизни провела при французском дворе, а хнычет, словно деревенская девка.

— Как ты могла? — только и спросила мать.

Я покраснела, опустила голову и увидела отражение собственного несчастного лица в полированной поверхности стола.

— Я же ничего плохого не хотела, простите меня.

— Ничего страшного не случилось, — вступился Георг. — Вы слишком мрачно на все смотрите. Он не будет долго сердиться.

— Он смотрит зверем, — резко оборвал его отец. — Разве ты не знаешь — как раз сейчас перед ним танцуют сеймуровские девчонки.

— Они и вполовину так не хороши, как Мария, — не сдавался брат. — Ну сказала что-то не к месту. Может, ему даже понравится, что в ней не хватает лоску. Зато видна страсть.

Отец, слегка успокоенный, кивнул, но дядя продолжал барабанить пальцами по столу.

— Ну и что же теперь?

— отошлите ее, — внезапно произнесла Анна. Ее слова не просто привлекли внимание, не в том дело, что она заговорила последней, нет, ее убежденность просто завораживала.

— Отослать? — переспросил дядя.

— Отправьте ее в Гевер, а ему скажите — она больна. Пусть думает — она умирает от горя.

— А дальше что?

— Король попытается ее вернуть. Тогда она сможет вертеть им, как захочет. Все, что нужно сделать, — сестра язвительно улыбнулась, — все, что ей нужно сделать по возвращении, — сумею очаровать самого образованного, самого остроумного, самого привлекательного государя в христианском мире. Думаете, справится?

В холодном молчании отец, мать, дядя и даже Георг изучали меня.

— Я бы тоже не справилась, — чопорно добавила Анна, — но ее научу, как очутиться в его постели, а что будет дальше — в руках Божьих.

Дядя Говард не сводил глаз с Анны.

— А научить, как его удержать, тоже сможешь?

Сестра подняла голову и улыбнулась — живое воплощение самоуверенности:

— Смогу — на некоторое время. Он же только мужчина, в конце концов.

Дядя коротко рассмеялся — столько пренебрежения к его полу прозвучало в ненароком вырвавшейся фразе.

— Поосторожнее, — посоветовал он. — Мы, мужчины, не случайно оказались там, где мы есть. Мы выбрали силу и власть, нам не до женщин, мы используем наше положение, чтобы утвердить законы, позволяющие навсегда удержаться наверху.

— Это верно, — согласилась Анна. — Но мы же не о большой политике говорим. Мы говорим о желаниях короля. Сестре просто надо поймать его и удержать — достаточно долго, чтобы он сделал ей ребенка, Говарда, королевского бастарда. Чего нам еще требовать?

— А у нее получится?

— Будет учиться. Она уже на полпути к этому. В конце концов, король выбрал ее.

Легким пожатием плеч Анна дала понять — она невысокого мнения о королевском выборе.

Воцарилось молчание. Дядя, видимо, размышлял обо мне и моем будущем в качестве племенной кобылы, об интересах семьи. Внезапно он посмотрел на Анну, будто увидел в первый раз:

— Не многие девушки мыслят столь ясно в твоём возрасте.

— Я тоже Говард, — усмехнулась она.

— Странно, что ты сама не пытаешься поймать его.

— Я размышляла над этим, — призналась Анна. — Как любая другая женщина в Англии.

— Ну и?..

— Я же Говард, — повторила Анна. — Важно, чтобы одна из нас его подцепила. Какая разница кто? Если ему нравится Мария, если у нее будет ребенок — признанный сын короля, наша семья будет первой в стране, вне конкуренции. И мы сможем сделать это. Сможем управлять королем!

Дядя кивнул. Он знал — совесть короля похожа на домашнее животное, его легко пасти, но иногда случаются приступы упрямства.

— Похоже, стоит тебя поблагодарить за разработанный план.

Она не поклонилась, а заносчиво, как цветок на стебле, повернула голову:

— Мечтаю увидеть сестру фавориткой короля. Это в такой же мере мое дело, как и ваше.

Мать шикнула было на уж слишком самоуверенную старшую дочь, но дядя покачал головой:

— Дай ей сказать. Она не глупее нас с тобой, и мне кажется, она права. Мария поедет в Гевер и будет ждать, пока король не пошлет за ней.

— А он пошлет, — сказала Анна со знанием дела. — Пошлет непременно.

Со мной поступили как со свертком, как с пологом от постели, как с тарелками для верхнего стола в зале, оловянными кружками для нижнего. Запаковали и отправили в Гевер — служить приманкой для короля. Я его не видела перед отъездом, ни с кем не поговорила. Мать сообщила королеве, что я переутомилась, и испросила для меня позволения на несколько дней оставить службу и отдохнуть дома. Королева, бедняжка, решила — она выиграла, Болейны отступили.

Поездка была недолгая, чуть больше двенадцати миль. Для обеда остановились на обочине дороги, перекусили хлебом и сыром, которые взяли с собой. Отец мог бы прибегнуть к гостеприимству любого большого дома по пути, нас хорошо знали как близких к королю придворных и везде приняли бы превосходно. Но он не хотел прерывать поездку.

Вся дорога в ямах и рытвинах, тут и там валяются поломанные колеса — повозки частенько переворачиваются. Но лошади твердо

ступают по сухой земле, время от времени мы даже пускаем их в галоп. Обочины дороги сплошь заросли зеленой весенней травой, из нее выглядывают колокольчики и крупные белые ромашки. В живой изгороди жимолость переплелась с буйными побегами боярышника, у корней сине-фиолетовая Черноголовка и долговязые, неуклюжие стебли белоцветки — изящные белые цветы с пурпурными прожилками. Позади живой изгороди, на тучных пастбищах, опустив головы, жуют траву упитанные коровы, на холмах — овцы, да иногда в тени дерева можно заметить пастушка, лениво наблюдающего за стадом.

Общинные земли, по большей части узкие надель, представляют собой приятное зрелище — лук и морковь посажены ровными рядами, тянутся вверх, как солдаты на параде. Палисадники у деревенских домишек — сплошная путаница нарциссов и лекарственных трав, овощей и примул, выюнки на живой изгороди из цветущего боярышника, рядом отгорожен закут для свиней, на навозной куче возле задней двери кукарекает петух. Отец скачет молча, с довольным видом, покуда дорога ведет нас под гору, минуя Эденбридж и заболоченные луга, в Гевер, к нашим собственным землям. Лошади идут медленнее, с трудом двигаясь по мокрой дороге, но отец спокоен — поместье уже близко.

Это было владение его отца — до того, как перешло к нему, но раньше поместье не принадлежало нашей семье. Мой дед был человеком с более чем скромными средствами и выдвинулся только благодаря своей ловкости. Отданный в ученики торговцу шелком в Норфолке, он стал в конце концов лорд-мэром Лондона. Все же мы получили еще больше благодаря связям с Говардами, но это недавно и только через мою мать, Елизавету Говард, дочь герцога Норфолка, брак с которой для отца оказался весьма выгодной партией.

Он привез молодую жену в Эссекс, в наш большой дом в Рочфорде. Потом — в Гевер, где она пришла в ужас от того, как мал замок, как тесны и убоги внутренние комнаты.

Отец, чтобы порадовать жену, тут же решил перестроить замок. Первым делом в главном зале навесили потолок — прежде, в старинном духе, там были видны стропила. В таком же стиле перестроили и остальные комнаты — теперь мы могли обедать и отдыхать куда более удобно и уединенно.

Въехали в ворота парка. Привратник и его жена с поклонами бросились нам навстречу. Помахав им, двинулись дальше по немощеной дороге ко рву, через который перекинут деревянный мост. Моя лошадка заупрямилась, испугалась эха, как только копыта застучали по деревянному настилу.

— Вот дура, — коротко бросил отец, оставив меня в недоумении, кого он имеет в виду — дочь или лошадь.

Он послал свою охотничью лошадь вперед, и моя лошадка, поняв, что опасности нет, послушно двинулась следом. Я въехала на подъемный мост позади отца и остановилась, ожидая, когда из караульной появятся слуги, чтобы отвести на конюшню наших лошадей. Мне помогли спешиться, и хотя после долгой езды ноги едва держали меня, я пошла следом за отцом по подъемному мосту, мимо сторожки, под угрожающие зубья решетки — прямо в приветливый внутренний дворик замка.

Парадная дверь открыта настежь, йомен-смотритель буфетной и старшие домочадцы кланяются отцу, с полдюжины слуг толпятся позади. Отец оглядывает всех — некоторые в ливреях, другие нет, две служанки поспешно развязывают фартуки из мешковины, надетые поверх парадных, — и обнаруживается несвежее полотно, кухонный мальчишка выглядывает из-за угла — глубоко въевшаяся грязь едва прикрыта тряпьем. Отец, уловив общее ощущение нерадивости и беспорядка, сдержанным кивком здоровается со своими людьми.

— Ну, хорошо. Это моя дочь Мария. Миссис Мария Кэри. Комнаты для нее приготовлены?

— Да, сэр. — Слуга поклонился. — Все готово. Спальня миссис Кэри приготовлена.

— А обед?

— Сию минуту.

— Мы поедим во внутренних комнатах. А завтра устроим обед в зале, пусть люди повидают меня. Передай всем — общий обед будет завтра. А сегодня вечером я не желаю, чтобы меня беспокоили.

Одна из служанок вышла вперед и присела в реверансе:

— Позвольте показать вам комнату, миссис Кэри.

Отец кивнул, и я последовала за ней. Мы прошли сквозь широкие двери, свернули налево, в узкий коридор. Каменная винтовая лестница ведет в хорошенькую комнату, где стоит кровать с бледно-голубым

пологом. Окно выходит на ров с водой, дальше открывается вид на парк. Другая дверь — в небольшую галерею с каменным камином, любимую комнату моей матери.

— Умыться хотите? — грубовато спросила служанка, показывая на кувшин, полный холодной воды. — Могу горячей принести.

Я содрала с рук перчатки для верховой езды, протянула ей. Вспомнилась неизменно угодливая прислуга во дворце Эльтам.

— Подай горячей воды и проследи, чтобы сюда принесли мою одежду. Хочу сменить платье.

Она поклонилась и вышла, бормоча себе под нос, чтобы не забыть: «Горячая вода. Одежда».

Я подошла к окну, встала на колени на низкую скамью, выглянула наружу сквозь мелкие стекла в свинцовом переплете.

Весь день я пыталась не думать ни о Генрихе, ни об оставленном дворе, но сейчас, в этом убогом доме, я поняла — потеряна не только любовь короля, потеряна и ставшая уже необходимой роскошь. Я не желала быть мисс Болейн из Гевера. Не желала быть дочерью владельца малюсенького замка в Кенте, когда мне совсем недавно покровительствовал сам король Англии. Далеко я ушла от Гевера, и мне ни к чему возвращаться назад.

Отец остался только на три дня, срок достаточный, чтобы повидать управляющего и тех арендаторов, кто особенно настойчиво добивался встречи с ним, разрешить спор о межевом столбе, отправить любимую кобылу к жеребцу — теперь он был готов к отъезду. Должно быть, провожая его на подъемном мосту, я выглядела очень несчастной, если он заметил это, даже вскакивая в седло.

— Ну, что случилось? Соскучилась без придворной жизни?

— Да, — ответила я коротко, не стоит объяснять отцу, что скучаю я не только по двору, больше всего — невыносимо — мне не хватает Генриха.

— Некого винить, кроме себя, — грубовато отозвался он. — Надеюсь, Анна с Георгом смогут все исправить. Если не выйдет, даже не знаю, что с тобой станет. Может, уговорим Кэри принять тебя обратно? Будем надеяться, он тебя простит.

На моем лице отразился ужас, а отец захохотал. Я придвинулась ближе и схватила его за руку в перчатке, небрежно держащую поводья.

— Если король обо мне спросит, скажете, я очень сожалею, если оскорбила его?

Он покачал головой:

— Давай уж следовать совету Анны. Похоже, она понимает, как с ним управляться. А ты будешь делать, что тебе скажут, Мария. Один раз все испортила, теперь изволь слушаться.

— Почему Анна должна решать, что мне делать? — возразила я. — Почему важно только ее мнение?

Отец высвободил руку.

— У нее есть голова на плечах, она знает себе цену. А ты — ты ведешь себя как четырнадцатилетняя девчонка, влюбившаяся в первый раз.

— Но я и есть четырнадцатилетняя девчонка, влюбившаяся в первый раз!

— Вот именно, — отрезал он безо всякого снисхождения. — Поэтому мы и прислушиваемся к Анне.

Он даже не дал себе труда попрощаться. Повернул лошадь и поскакал по мосту дальше к воротам.

Подняла руку, чтобы помахать, если он обернется, но он не обернулся. Ускакал, прямо держась в седле, глядя вперед. Как настоящий Говард. Мы никогда не оборачиваемся. У нас нет времени на сожаления об упущенных возможностях. Если план не сработал, придумаем другой, если меч сломался, возьмем запасной. Если ступенька рухнет прямо перед нами, перешагнем через нее и продолжим путь наверх. Все выше и выше — вот девиз Говардов, и мой отец вернется ко двору, вернется к королю, даже не кинув на меня прощальный взгляд.

К концу недели я обошла все дорожки сада и изучила парк во всех направлениях от исходной точки — подъемного моста. Начала вышивку для алтаря церкви Святого Петра в Гевере и успела закончить квадратный фут неба — на самом деле довольно унылого, потому что там не было других цветов, кроме голубого. Написала три письма Анне и Георгу и отправила ко двору в Эльтам. Три раза посыльный уезжал и три раза возвращался с добрыми пожеланиями вместо ответа.

К концу второй недели я приказала вывести лошадь из конюшни и отправилась на долгую прогулку в полном одиночестве — не могла выносить даже компанию молчаливого слуги. Я старалась скрывать

свою раздражительность — благодарила горничную за каждую мелкую услугу, садясь обедать, склоняла голову, когда священник возносил молитву. А хотелось вскочить и заорать от отчаяния — меня заперли здесь, а там двор переезжает из Эльтама в Виндзор. Сдерживала ярость изо всех сил — я так далеко от двора, я выключена из жизни.

К третьей неделе я впала в состояние покорной безнадежности. Ни от кого ничего не слышно, и я решила — Генрих вовсе не собирается меня возвращать, а муж заупрямился и не желает знать жену, покрытую позором — король ухаживал за ней, но любовницей не сделал. Такая женщина авторитета мужу не прибавит. Такую лучше всего сослать в деревню. Анне и Георгу я писала еще дважды на прошлой неделе, но ответа снова не получила. Но во вторник на третьей неделе моего заточения я получила наскоро нацарапанную записку от брата.

Не отчаивайся — держу пари, ты думаешь, все тебя покинули. Он говорит о тебе постоянно, а я напоминаю о твоём несравненном очаровании. Уверен, и месяца не пройдет, как он пошлет за тобой. Постарайся получше выглядеть. Г. Анна передает, что напишет немного позже.

Письмо брата было единственным утешением за все время долгого ожидания. Пошел второй месяц деревенской жизни, наступил май — самый счастливый месяц при дворе, время пикников и путешествий, а мои дни тянулись бесконечно.

Мне совершенно не с кем было поговорить. Никакого общества. Служанка болтала, помогая мне одеваться, во время завтрака я сидела одна за верхним концом стола и могла разговаривать только с просителями, приезжавшими по делам к отцу. Немного гуляла в саду, немного читала.

После полудня я садилась на лошадь и мчалась все дальше и дальше. Изучала дороги и тропинки, что тянулись от дома, и даже стала узнавать некоторых арендаторов с маленьких ферм. Запомнила их имена и, если видела человека, работающего в поле, останавливала лошадь — поздороваться и спросить, что он выращивает.

Май — лучшее время для фермеров. Сено скошено и разложено для просушки, скоро сметают стога и покроют соломой, чтобы сохранить корм на зиму. Пшеница, ячмень и рожь растут и наливаются в полях, телята набирают вес на материнском молоке, и в каждом доме, на каждой ферме подсчитывают прибыль от ежегодной продажи шерсти.

Это время досуга, краткой передышки в тяжелой работе, и крестьяне устраивают танцы на лужайке, соревнования и скачки, пока не наступило главное дело года — уборка урожая.

Сначала, объезжая верхом поместье Болейнов, я оглядывалась вокруг и не понимала ничего, а теперь знала все дороги за оградой замка, знала, как зовут крестьян, что они выращивают.

Если в обеденное время крестьяне приходили ко мне с жалобой на то, что такой-то и такой-то плохо обрабатывает выделенный ему участок, я сразу понимала, о чем идет речь — проезжала там накануне и видела заросли сорняков и крапивы, единственный заброшенный клочок земли среди ухоженного общинного поля. Не отрываясь от еды, я предостерегала арендатора — он может лишиться надела, если не начнет вести себя, как подобает. Я знала, кто из крестьян сажает хмель, а кто виноградную лозу, и даже пообещала одному из фермеров — если урожай винограда будет хорош — попросить отца послать в Лондон за французом, пусть учит в замке Гевер искусству виноделия.

Совсем нетрудно каждый день скакать по окрестностям — я любила бывать на воздухе, слушать пенье птиц в лесу, вдыхать запах цветущей жимолости, пробивающейся сквозь живую изгородь по обе стороны тропы. Я любила Джесмонду — кобылу, которую король выбрал для меня, — как рвется она в галоп, как настороженно подрагивают у нее уши, как радостно она ржет, когда я вхожу во двор конюшни с морковкой в руке. Я любила сочность травы у реки, мерцание желтых и белых цветов на лугах, яркость красных маков в полях пшеницы. Я любила канюков, парящих высоко в небе, поднимающихся выше жаворонков и лениво кружащих над пустошью, прежде чем взмахнуть широкими крыльями и улететь прочь.

Все это помогало убить время, пока я не вернусь ко двору, не буду рядом с Генрихом. Но во мне крепло убеждение — если мне не суждено вернуться ко двору, из меня, на худой конец, выйдет прекрасный землевладелец. Наиболее предприимчивые молодые

фермеры в окрестностях Эденбриджа видели, что существует спрос на люцерну, но не знали никого, кто ее выращивает, не знали даже, где достать семена. Я написала фермеру в нашем поместье в Эссексе и получила семена вместе с полезными советами. Сразу же засеяли поле и пообещали засеять другое, как только станет ясно, подходящая ли почва. И я подумала — пусть я всего лишь молодая женщина, я сделала замечательную вещь. Без меня что их ожидало? Стукнуть кулаком по столу в таверне и поклясться, что деньги будут после нового урожая? А с моей помощью можно попытаться, и если повезет, в мире появятся еще два преуспевающих человека. Если судить по дедушкиной истории, они могут далеко пойти.

Как же они были довольны! Я выезжала посмотреть, хорошо ли идет вспашка, и они бросались ко мне по полю, грязь из-под башмаков во все стороны, и принимались объяснять, когда собираются бросать семена в землю. Им нужен хозяин, проявляющий интерес. Никого другого нет, тогда сгожусь и я. Им казалось — меня можно уговорить войти в долю, вложить деньги, и тогда мы будем процветать вместе.

Я рассмеялась, глядя с лошади вниз на их загорелые, обветренные лица.

— У меня нет денег.

— Вы знатная дама, — запротестовал один из них. Его взгляд скользнул по аккуратным кисточкам на моих кожаных башмачках, инкрустированному седлу, дорогому платью, золотой пряжке на шляпе. — Что на вас сегодня надето, стоит больше, чем я зарабатываю за год.

— Знаю. Но оно на мне и останется.

— Может, отец даст денег или муж? — принялся убеждать другой. — Лучше поставить на свои земли, чем на удачу в картах.

— Я женщина. У меня нет ничего своего. Посмотри на себя — ты процветаешь, но можно ли назвать твою жену богатой женщиной?

Он глуповато хихикнул:

— Моей жене ничего не принадлежит.

— Ну и со мной то же самое. Я живу как мой отец, как мой муж. Ношу платье, подобающее дочери такого отца, жене такого мужа. Но у меня нет собственных денег. В этом смысле я не богаче твоей жены.

— Но вы Говард, а я никто, — заметил он.

— И все равно — я женщина. Я могу быть одной из высших или никем — как ты.

— От чего это зависит? — пытался понять он.

Я вспомнила, как вдруг омрачилось лицо Генриха, когда он на меня рассердился, и ответила:

— От судьбы.

Лето 1522

Шел третий месяц моей ссылки, июнь месяц, сады Гевера благоухали розами. Запах висел в воздухе, как дым, тяжелые головки цветов клонились к земле. Я получила письмо от Анны.

Дело сделано. Постаралась попасться ему на глаза и заговорила о тебе. Сказала ему — у тебя сил нет больше выносить разлуку, такая у тебя к нему слабость. Семья разгневалась, потому что ты не желала скрывать свою любовь, вот и сослали в надежде: с глаз долой — из сердца вон. Пойми этих мужчин, их натура такова, ты ему куда больше нравишься, когда страдаешь. Другими словами, можешь возвращаться ко двору. Мы в Виндзоре. Отец сказал — пусть возьмет пяток слуг и возвращается немедленно. Приезжай прямо перед ужином, только убедись сначала, что тебя никто не заметил, и сразу же в нашу комнату, я тебе скажу, как себя вести.

Виндзорский замок. Наверно, самый красивый из всех, принадлежащих Генриху. Сидит на верхушке зеленого холма словно серая жемчужина на бархатной подушке. На башенках развеваются королевские штандарты, подъемный мост опущен, по нему туда-сюда снуют разносчики, катят повозки, тележки пивоваров. В каком замке ни будь, двор высасывает все, что можно, из окрестных селений. Виндзор немало преуспел на службе столь прибыльным аппетитам замка.

Я проскользнула в боковую дверь и, не поправшись на глаза никому из знакомых, добралась до комнаты Анны. Там никого не было. Села — придется подождать. Как я и думала, она появилась ровно в три, сняла с головы чепец и чуть не закричала, увидев меня.

— Решила, что ты — привидение. Ну ты меня и напугала.

— Сама же велела пробраться в комнату потихоньку.

— Да-да, хотела тебе рассказать, какие тут дела творятся. Только что с королем разговаривала. Мы были на арене для турниров, глядели на лорда Перси. Mon dieu!^[12] Ну и жара!

— И что он сказал?

— Лорд Перси? Он просто очарование.

— Нет, король.

Анна улыбнулась насмешливо:

— Спрашивал о тебе.

— И что ты ему ответила?

— Дай подумать. — Она бросила чепец на постель, распустила волосы, которые рассыпались по плечам тяжелой темной волной, подобрала их одной рукой, охлаждая шею. — Никак не припомню. Такая жара!

Я уже привыкла — пусть дразнит, мне все равно. Села тихонько на маленький деревянный стульчик у пустого камина и даже головы не повернула, пока сестра умывалась — лицо, руки, шея, причесывалась, закручивала волосы, непрерывно восклицая по-французски и жалуясь по поводу невыносимой жары. Ни за что не оглянусь.

— Кажется, припоминаю.

— Не важно, — отозвалась я. — Сама с ним увижусь за ужином. Пусть тогда все мне и говорит, если хочет. Ты мне вовсе не нужна.

— Еще как нужна, — возмутилась Анна. — Куда ты без меня! Даже не знаешь, что сказать.

— Уж знаю довольно — влюбится как миленький и снова попросит у меня шарф, — хладнокровно заявила я. — Уверена, уж сумею с ним учтиво поговорить после ужина.

— Откуда такое спокойствие? — Анна чуть отступила и оглядела меня с головы до пят.

— Было время подумать. — Хорошо, голос звучит ровно.

— И что?

— Теперь знаю, чего хочу.

Она ждала продолжения.

— Его.

— Каждая женщина Англии его хочет, — кивнула Анна. — С чего бы тебе оказаться каким-то исключением.

Я пренебрежительно пожала плечами:

— А если не сложится, обойдусь и без него.

— От тебя ничего не останется, если Уильям не возьмет тебя обратно. — Взор сестры затуманился.

— И это переживу, — возразила я. — Мне в Гевере понравилось. Каждый день ездила верхом, гуляла в саду. Была совсем одна почти три месяца, в жизни никогда столько времени не проводила сама по себе. Оказалось, двор мне вовсе и не нужен, ни королева, ни король, ни даже ты. Люблю ездить верхом, носиться по полям. Мне понравилось разговаривать с крестьянами, наблюдать, как зреет урожай, растут плоды.

— Собираешься стать крестьянкой? — пренебрежительно рассмеялась она.

— Мне бы понравилось быть крестьянкой. — Голос мой звучал ровно. — Я люблю короля, — дыхание перехватило, — страшно люблю. Но если ничего не выйдет, буду жить счастливо на маленькой ферме.

Анна подошла к комоду в изножье кровати и вытащила свежий чепец. Погляделась в зеркало, пригладила волосы, надела головной убор. Немедленно ее темная, волнующая красота заиграла новой элегантностью. Она это знала, конечно.

— Будь я на твоём месте, по мне — либо король, либо никто. — Ради него я бы голову на плаху положила.

— Я его хочу. Мужчину. Не короля.

Сестра пожала плечами:

— Одно от другого неотделимо. Сколько бы ты его ни желала, о короне на голове забыть не удастся. Лучше его нету. Во всем королевстве не найдется никого подобного ему. Пришлось бы ехать во Францию к королю Франциску или в Испанию к императору,^[13] чтобы найти ему равного.

Я покачала головой:

— Видела и императора, и французского короля. Ни на одного из них второй раз не поглядела бы.

Анна оторвалась от зеркала, спустила корсаж чуть пониже — чтобы грудь была видна в полной красе. Сказала отрывисто:

— Тогда ты просто дура.

Вот мы готовы, и сестра повела меня в спальню королевы.

— Она тебя возьмет обратно, но горячего приема не жди, — бросила через плечо, когда часовой перед дверью вскинул руку в

приветственном салюте, а потом распахнул широкие двери в парадную спальню королевы. Мы обе, сестры Болейн, вошли — ни тени смущения, будто ползамка нам принадлежит.

Королева сидела под окном на низкой скамье, окно открыто нараспашку, пусть веет прохладный вечерний ветерок. Музыкант устроился рядом, перебирает струны лютни. Придворные дамы расположились вокруг. Одни вышивают, другие сидят без дела, ждут — скоро позовут к ужину. Казалось, королева живет мирной жизнью, в доме мужа, окружена подругами, глядит в окно на маленький городок и свинцового цвета излучину реки вдали. Увидела меня, лицо не изменилось. Слишком хорошая выучка, никогда не выдаст своего разочарования. Небрежно улыбнулась:

— А, миссис Кэри. Выздоровели, вернулись наконец ко двору?

Я присела в глубоком реверансе:

— Как будет угодно вашему величеству.

— Все это время провели в родительском доме, так долго?

— Да, в замке Гевер, ваше величество.

— Должно быть, хорошо отдохнули. Там вокруг ведь ничего нет. Одни овцы да коровы?

— Вы правы, там только фермы, — кивнула я. — Но мне нашлись занятия. Ездил верхом, глядела на поля, разговаривала с крестьянами.

На минутку ее заинтересовали эти далекие поля, столько лет уже живет в Англии, а ничего, кроме охоты, пикников да королевских кортежей, не видела. Но тут она вспомнила, почему мне пришлось оставить двор.

— Его величество приказал вам вернуться?

У меня за спиной предупреждающе зашипела Анна, но я и внимания не обратила. Романтическая глупость, но мне не хотелось лгать, глядя прямо в честные глаза этой благородной дамы. Почтительно произнесла:

— Король послал за мной, ваше величество.

Королева кивнула и взглянула на свои руки, покойно лежащие на коленях.

— Ну, тогда вам повезло, — только и сказала она.

Долгое молчание. Как же мне хотелось признаться — сказать, я полюбила вашего мужа, но я знала, она вознесена слишком высоко. Дух этой женщины закален как лучшая сталь, издает только чистый

звук. Не в пример всем нам, она — чистое серебро, а мы так, жестянки, плебейская смесь олова со свинцом.

Тяжелые двойные двери распахнулись.

— Его величество король, — провозгласил герольд, и Генрих небрежной походкой вошел в комнату.

— Позвольте сопроводить вас на ужин, — начал он и осекся — увидел меня. Понимающий взгляд королевы скользил с его застывшего от неожиданности лица к моему и обратно.

— Мария! — воскликнул король.

Я даже забыла сделать реверанс, только смотрела на него во все глаза. Даже еле слышное восклицание Анны не вывело меня из транса. Король тремя быстрыми шагами пересек комнату, взял мои руки в свои, прижал к груди. Жесткая вышивка камзола оцарапала мне пальцы, но шелковая рубашка казалась сквозь прорези камзола мягче пуха.

— Любовь моя, — шепнул он еле слышно. — Добро пожаловать обратно.

— Благодарю вас...

— Они мне доложили, тебя сослали преподать урок. Не ошибусь ли, если скажу, что ты вернулась, так ничему и не научившись?

— Да, да, несомненно, — только и могла бормотать я.

— Они тебя бранили?

Я коротко рассмеялась, взглянула на него — голубые глаза сияют.

— Нет, немножко поворчали, и все.

— Хочешь снова быть при дворе?

— Да, да.

Королева поднялась на ноги.

— Пора идти к столу, время ужина, — сказала она, не обращая ни к кому в особенности. Генрих обернулся через плечо. Она протянула ему руку, величественная, как истинная дочь Испании. Он шагнул к ней, верный многолетней привычке повиновения и поклонения. Мне ничего не приходило в голову — как вновь завладеть его вниманием? Я пошла вслед за ней, низко наклонилась поправить шлейф платья, она ступала истинно по-королевски, невысокая, коренастая, но прекрасная, несмотря на читающуюся на лице усталость.

— Благодарю вас, миссис Кэри, — ласково произнесла королева. И повела всю процессию в обеденную залу, рука легко покоится в руке мужа. Он наклонился, слушая, что она ему говорит, и даже не взглянул в мою сторону.

Георг подошел поздороваться со мной в конце ужина, приблизился к столу королевы, где сидели все мы, дамы, перед нами вино и засахаренные фрукты. Он поднес мне засахаренную сливу.

— Сладость сладчайшей. — И поцеловал в лоб.

— Спасибо за записку, Георг.

— Ты меня просто забросала отчаянными жалобами. Только за одну первую неделю получил от тебя целых три письма. Так ужасно было?

— Первую неделю — да. А потом я привыкла. К концу первого месяца деревенская жизнь мне даже стала нравиться.

— Ну, мы старались, как могли, вернуть тебя ко двору.

— А дядя при дворе? — Я поискала дядюшку взглядом. — Я его еще не видела.

— Нет, в Лондоне с Уолси. Но он знает, что происходит, не беспокойся. Велел передать, ему все про тебя будет известно, и он надеется, ты знаешь, как себя вести.

Джейн Паркер через стол обратилась к Георгу:

— Собираетесь стать придворной дамой? Сидите за дамским столом, занимаете дамский стул.

— Прошу прощения, дорогие дамы, не буду вам мешать. — Георг неторопливо поднялся.

Десяток голосов разом, перебивая друг друга, заверил, он вовсе не мешает. Мой брат — красавчик, частый посетитель покоев королевы. Никто, кроме его кисло-сладкой невесты, не возразит — пусть сколько хочет сидит за дамским столом.

Он склонился над ее рукой:

— Госпожа Паркер, благодарю за напоминание, мне и впрямь пришло время вас оставить — За куртуазными словами и сладким тоном плохо скрытое раздражение. Он наклонился и крепко поцеловал меня в губы. — Дай Бог тебе поторопиться, маленькая Марианна, — шепнул прямо в ухо, — на тебя надежды всей семьи.

— Подожди, Георг, — поймала я его руку, когда он повернулся, чтобы уйти. — Мне кое-что надо спросить.

— В чем дело?

Я потянула его за рукав, заставляя склониться ко мне. Прошептала в ухо:

— Думаешь, он меня любит?

— А, любовь, — выпрямился он.

— Отвечай.

— Что это вообще такое? — Брат пожал плечами. — Мы пишем о ней стихи все дни напролет, поем песни все ночи напролет, но мне весьма сомнительно, что она существует в реальной жизни.

— Георг!

— Он тебя хочет, в этом сомневаться не приходится. Готов даже пойти на некоторый риск ради обладания тобой. Если это называется любовью, он тебя любит.

— Мне большего и не нужно, — с тихой радостью проговорила я. — Хочет меня. Готов пойти ради меня на риск. По мне, если это не любовь, то что же?

Мой брат-красавчик склонился надо мной.

— Как тебе будет угодно, Мария. Если тебя такое устраивает, — выпрямился и сразу же отступил. — Ваше величество.

Перед нами стоял король собственной персоной.

— Георг, не могу позволить тебе провести весь вечер в разговорах с сестрой, ты и так предмет зависти всего двора.

— Без сомнения, — со всей возможной придворной куртуазностью произнес брат. — Две сестры-красавицы и ни одной заботы.

— Сдается мне, пора начинать танцы, — объявил король. — Ты пойдешь в паре с госпожой Болейн, а я с госпожой Кэри.

— Почту за счастье. — Георгу даже оглядываться не надо было, только шелкнул пальцами — Анна, всегда наготове, тут как тут.

— Мы танцуем, — скомандовал брат.

Король взмахнул рукой, музыканты заиграли контрданс, составился круг из восьми танцоров, танец начался, сначала в одну сторону, потом в другую. Прямо передо мной знакомое, красивое лицо Георга, рядом гладкое личико Анны. Выражение на лице — будто изучает новую книгу. Сестра внимательно, словно читала псалтырь, всматривалась в настроение короля. Поглядывала то на меня, то на него, наверно, пыталась определить, насколько сильно и неодолимо его

желание. И даже не повернув головы, проверила — а в каком настроении королева, что видит, что чувствует.

Я усмехнулась про себя. Анна и королева — нашла коса на камень, никто не в силах пробраться сквозь внешний лоск этой дочери Испании. Анна — придворная дама до мозга костей, второй такой не сыскать, но она рождена быть подданной. Королева Екатерина рождена принцессой. С той минуты, как она научилась говорить, научилась и держать язык за зубами. С той минуты, как сделала первые шаги, научилась поступать осмотрительно и говорить милостиво и с богатым, и с бедным, ибо никогда не знаешь, кто тебе понадобится — бедный или богатый. Королева Екатерина владела интригой и играла в придворные игры богатейшего двора еще прежде, чем Анна родилась на свет.

Сколько Анна ни пытайся разгадать, каково королеве видеть меня так близко к королю, видеть наши взгляды, утопающие друг в друге, желание, поднимающееся в обоих горячей волной, королева никогда не выдаст своих чувств, на лице ее написан лишь вежливый интерес. В конце каждой фигуры танца она одобрительно хлопает в ладоши, хвалит танцоров. Вдруг танец кончился, Генрих и я застыли, ни музыкантов, ни танцоров вокруг, чтобы укрыть нас, заслонить. Мы одни, выставлены напоказ, все еще держимся за руки, в молчании не сводим глаза друг с друга, мы вместе. Вот так бы и стоять целую вечность.

— Bravo, — раздался уверенный, твердый голос королевы. — На редкость красиво.

— Он пошлет за тобой, — сказала Анна в тот вечер, когда мы раздевались у себя в комнате. Она уже сняла платье и тщательно его расправила на комод в изножье кровати, положила чепец рядом. Туфельки заботливо поставлены одна подле другой под кровать. Сестра вытащила ночную сорочку и села перед зеркалом расчесать волосы.

Протянула щетку мне и закрыла глаза, пока я нежно расчесывала ее длинные, до пояса, волосы.

— Или сегодня, или в крайнем случае завтра днем. Пойдешь?

— Пойду, конечно.

— Только помни, кто ты, — предупредила сестра. — Не давайся сразу же, с порога. Никаких тайных углов второпях. Приличная

комната и приличная кровать.

— Посмотрим.

— Это важно, — нахмурилась она. — Если он подумает, тебя можно взять как маленькую потаскушку, он тебя возьмет и тут же забудет. Неплохо было бы продержаться чуть подольше. Если отдашься слишком легко, его хватит на раз или два, и все.

Я взяла прядь ее мягких волос и принялась заплетать косу.

— Ой, — вскрикнула она. — Не тяни так сильно.

— А ты перестань поучать. Оставь меня в покое, дай мне самой с этим справиться. Пока что все неплохо получается.

— Это еще полдела. — Она пожала плечами, белыми и гладкими, улыбнулась своему отражению в зеркале. — Любая дурочка сумеет понравиться мужчине. А вот попробуй его удержать.

Стук в дверь. Мы обе замерли. Темные глаза Анны взглянули в глаза моего отражения в зеркале. Я уставилась на нее.

— Вдруг король?

Но я уже открывала дверь.

Там стоял Георг — бордовый замшевый камзол, тот, что был на нем во время ужина, сорочка сверкает сквозь прорези белизной полотна, на темноволосой голове — бордовая же шапочка, расшитая жемчугом.

— Vivat! Vivat Marianne!^[14] — Он шагнул в комнату и закрыл за собой дверь. — Он приказал пригласить тебя на бокал белого вина. Мне велено извиниться за поздний час, но венецианский посол только что отбыл. Весь вечер говорили только о войне с Францией, и теперь он полон страсти к Англии, Генриху и святому Георгу. Уверю тебя, ты вольна поступать, как сочтешь нужным. Можешь выпить бокал вина и вернуться в свою постель. Ты сама себе хозяйка.

— Он уже что-нибудь предложил? — встряла в разговор Анна.

Георг закатил глаза к потолку и выговорил сестре:

— Немного сдержанности не повредит. Он же не покупает ее, ну, не в открытую. Ее приглашают на бокальчик вина. Ценой мы сочтемся попозже.

Я вдруг вспомнила.

— Мой чепец! Анна, скорее, заплети мне волосы. Она покачала головой:

— Прямо как ты есть, с волосами, рассыпавшимися по плечам. Смотришься, как девственница в день венчания, правда, Георг? Именно то, что ему надо.

Брат кивнул:

— Весьма хороша. Расшнуруй ей чуток корсаж.

— Ей полагается быть дамой.

— Чуть-чуть. Мужчины любят бросить взгляд на то, что покупают.

Анна слегка распустила шнуровку, расшитый перед корсажа немного ослаб. Она потянула его вниз, к талии, так куда более соблазнительно.

— Превосходно, — кивнул брат.

Она отступила назад и оглядела меня с тем же выражением, с каким наш отец осмотрел бы кобылу прежде, чем отправить ее к жеребцу.

— Неплохо бы помыться, — внезапно решила сестра. — По крайней мере подмышки, и передок не забудь.

Я жалобно поглядела на Георга, но он решительно кивнул:

— Да, помойся. Он от дурных запахов приходит в ужас.

— Давай-давай! — Анна повелительно указала на кувшин и тазик.

— Тогда вы оба выйдите.

Георг повернулся к двери.

— Мы подождем снаружи.

— И задницу, — Анна уже закрывала за собой дверь, — главное, не забывать про задницу. Чистота везде и во всем.

Закрытая дверь оборвала мой ответ — весьма неподобающий для юной леди. Я быстро сполоснулась холодной водой и насухо вытерлась. Взяла у Анны со столика цветочной воды, подушила волосы, шею и ноги у самых бедер. Потом открыла дверь.

— Чистая уже? — резко спросила сестра.

Я кивнула.

Она смотрела на меня с тревогой:

— Тогда иди. И посопровствляйся хоть немножко. Пораздумывай, посомневайся, не давайся ему сразу в руки.

Я отвернулась. Мне уже немного надоели ее глупости.

— Девочке тоже полагается хоть какое удовольствие получить, — ласково произнес Георг.

— Ну не в постели же, — оборвала сестра. — Она там ради его удовольствия, а не ради своего.

Я уже больше не слушала. В ушах молотом стучала кровь, сердце трепетало — он за мной послал, я скоро его увижу.

— Пошли, — сказала я Георгу. — Скорей.

Анна вернулась в комнату.

— Я тебя буду ждать.

— Не знаю, вернусь ли я сегодня.

— Надеюсь, что нет, — кивнула сестра. — Но я все равно подожду. Посижу у камина, посмотрю, как восходит солнце.

Ну, вот, она будет бодрствовать ради меня в своей девичьей спальне, пока я наслаждаюсь любовью в постели короля.

— Как тебе, наверно, хочется оказаться на моем месте, — с несказанным удовольствием произнесла я.

— Конечно, он же король. — Она и глазом не моргнула.

— И хочет *меня*, — расставила я все точки над «i».

Георг склонился и взял меня под руку, повел узкими ступенями по лестнице, ведущей к парадной зале. Мы крались вниз словно пара связанных друг с другом привидений. Никто нас не заметил. В теплом пепле громадного камина спали несколько поварят, охрана дремала, положив головы на столы.

Мы миновали королевский стол на возвышении, за ним дверь в анфиладу королевских покоев. Там начиналась широкая лестница, богато украшенная пышными гобеленами всех цветов, от яркого шелка до туманного лунного света. Два стражника с оружием стояли на часах перед королевской опочивальней, но увидев меня — золотистые волосы распущены по плечам, уверенная улыбка, — позволили мне пройти.

Парадная королевская опочивальня за двойными дверями привела меня в изумление. Раньше я здесь всегда бывала в толпе придворных. Сюда приходили все, кто добивался какой-либо милости от короля. Просители подкупали влиятельных сановников, чтобы оказаться поближе к королю, вдруг он спросит, зачем они здесь и что им надо. Эта огромная комната со стрельчатыми сводами всегда была полна народа в богатых одеждах, людей, жаждущих королевского благоволения. Сейчас все пусто, в углах тени. Георг сжал мои ледяные пальцы.

Перед нами оказалась дверь в личные покои короля, еще два стражника, на этот раз со скрещенными пиками.

— Его величество приказал нам явиться, — отрапортовал Георг.

Пики звякнули, размыкаясь, солдаты отсалютовали, поклонились и распахнули большие тяжелые двери.

Король сидел у камина, закутавшись в широкую бархатную накидку, отороченную мехом. Услышав, как отворилась дверь, вскочил на ноги.

Я склонилась в глубоком реверансе:

— Вы посылали за мной, ваше величество.

Он не мог отвести глаз от моего лица.

— Да, посылал... благодарю за то, что пришли... Я хотел вас видеть... поговорить... Я хотел, чтобы... Я хотел... хотел тебя, — наконец выпалил он.

Я подвинулась чуть ближе. Сейчас, подумала я, до него донесется аромат духов. Наклонила голову и почувствовала — волосы упали тяжелой волной. Я видела, он переводит взгляд с лица на волосы, с волос на лицо. Позади меня тихонько закрылась дверь, Георг, не говоря ни слова, вышел. Генрих даже не заметил его ухода.

— Вы оказываете мне честь, ваше величество, — прошептали мои губы.

Он покачал головой, не от нетерпения, просто как человек, у которого нет времени на все эти игры.

— Я хочу тебя, — решительно повторил он снова, будто женщине ничего другого и знать не надо. — Я хочу тебя, Мария Болейн.

Я снова ступила чуть ближе, наклонилась. Почувствовала тепло его дыхания, губы на моих волосах.

— Мария, — прошептал он, задыхаясь от желания.

— Ваше величество?

— Зови меня Генрих, хорошо? Хочу услышать, как твои губки произносят мое имя.

— Генрих.

— А ты меня хочешь? — зашептал он. — Меня, мужчину? Будь я крестьянином у твоего отца, ты бы меня хотела? — Он поднял мой подбородок, взглянул прямо в глаза. Я не отвела взгляда.

Нежно, ласково коснулась его лица, провела ладошкой по мягкой курчавой бороде. Он прикрыл глаза, потом повернул лицо и поцеловал

мою руку, все еще ласкавшую его лицо.

— Да, — ответила я. Что за дело, какая все-таки чушь, разве можно представить себе этого человека кем-то иным, не королем Англии. Король всегда остается королем, а я всегда остаюсь Марией из рода Говардов. — Будь ты никто и будь я никто, все равно бы тебя любила. Будь ты крестьянин, убирающий хмель, я бы тебя любила. Будь я девчонка, убирающая хмель, любил бы ты меня?

Он притянул меня ближе, тепло его рук грело сквозь корсаж.

— Да, да, — уверял он. — Я везде бы тебя узнал по твоей верной любви. Кто бы я ни был и кто бы ты ни была, я всегда тебя узнаю по твоей верной любви.

Наклонился и поцеловал меня, сначала чуть касаясь, нежно, а потом все сильнее и сильнее. Губы такие теплые. Повел меня за руку к постели под балдахином, уложил, зарылся лицом между пышных грудей, не сдавленных корсажем, так заботливо ослабленным для него Анной.

На рассвете я приподнялась на локте и глянула в квадраты стекол в свинцовых рамах. Небо становилось светлее, я знала — Анна тоже сейчас глядит на восходящее солнце, наблюдает, как разгорается заря, и думает — ее сестра стала любовницей короля и самой влиятельной дамой в Англии, уступающей лишь королеве. Интересно, о чем она сейчас мечтает, сидя у окна, слушая, как утренние птички робко пробуют свои первые нотки. Что она чувствует — король предпочел меня, от меня теперь зависит благосостояние семьи. Каково это, знать — я, а не она, нежусь в королевской постели.

Говоря по правде, все и так ясно. В ней сейчас бурлит та самая смесь чувств, которую всегда испытывала я — восхищение и зависть, гордость и бешеное соперничество, страстное пожелание успеха сестре и непреодолимое желание, чтобы соперница с треском провалилась. Король повернулся на другой бок.

— Ты проснулась? — раздался полуприглушенный одеялом голос.

— Да. — Я тут же очнулась от мечтаний. Что сейчас делать, уходить? Нет-нет, из множества покрывал выпросталось улыбающееся лицо.

— С добрым утром, красавица моя, как спалось?

Отражая его радость, ответила сияющей улыбкой:

— Прекрасно.

— Весела и довольна?

— Счастливее, чем когда-либо в жизни.

— Тогда иди сюда. — Он протянул ко мне руки, я скользнула в его объятия, в теплый запах его тела, ощутила крепкие бедра, руки, обнимающие мои плечи, лицо, зарывшееся в мою шею.

— О, Генрих, — ребячливо протянула я, — любовь моя.

— Знаю, знаю, — улыбнулся обворожительной улыбкой. — Подвинься-ка поближе.

Я оставалась с ним, пока солнце уже совсем не взошло. Теперь пора поторапливаться обратно к себе, а то скоро слуги заполнят все коридоры.

Генрих сам помог мне надеть платье, затянул шнуровку сзади на корсаже, набросил мне на плечи свой плащ — защитить от утреннего холода. Открыл дверь спальни, мой брат Георг лежал, примостившись на скамье под окном. Увидел короля, вскочил, поклонился, шляпа в руках. Увидел меня за широкой спиной короля, улыбнулся нежно.

— Проводи мадам Кэри к ней в комнату, — приказал король. — Пошли ко мне пажа, Георг, хочу сегодня начать день пораньше.

Георг поклонился, протянул мне руку.

— И приходи сегодня на мессу в мою часовню, — уже в дверях спальни обернулся король.

— Благодарю вас. — Брат с беззаботной грацией поблагодарил за величайшую милость, которой только мог удостоиться придворный. Пока я ныряла в реверансе, дверь за королем закрылась, и мы пустились в обратный путь через приемную и залу.

Было уже поздно, младшая прислуга сновала взад и вперед, разжигая огромные бревна в камине парадного зала, подметая полы. Солдаты, спавшие, положив головы на столы, поднимались, протирали глаза, зевали, проклинали крепкое вино, ударившее вчера в голову.

Я накинула капюшон королевского плаща, прикрыла растрепанную гриву волос, мы быстро пробежали через залу и вверх по лестнице к покоям королевы.

Георг постучал, Анна открыла дверь, впустила нас. Лицо побледневшее, явно всю ночь не спала, глаза покраснели. Что за удовольствие глядеть, как сестра бесится от зависти.

— Ну и как? — бросила она.

Я взглянула на несмятое покрывало:

— Ты не ложились?

— Не могла, надеюсь, ты-то поспала хоть немножко.

Я сделал вид, что не замечаю ее непристойных намеков.

— Давай рассказывай, — скомандовал Георг. — Нам просто нужно знать, все ли у тебя в порядке, Мария. Отец захочет узнать, и мама, и дядя Говард. Тебе лучше сразу привыкнуть — придется о таких вещах говорить вслух. Это теперь не твое личное дело.

— Самое что ни на есть личное дело на свете.

— Не для тебя, — холодным тоном произнесла Анна. — Перестань разыгрывать невинную дурочку. Ты с ним спала?

— Да, — бросила я в ответ.

— Больше одного раза?

— Да.

— Хвала Господу! — воскликнул брат. — Дело сделано. Мне пора, он позвал меня с собой на мессу, — шагнул ко мне, крепко обнял. — Молодец, сестренка. Поговорим потом, мне надо идти.

Георг неосторожно хлопнул дверью, Анна шикнула ему вслед, затем повернулась к комоду с платьями.

— Надень вот это, кремовое, нечего выглядеть потаскушкой. Я тебе приготовила горячей воды, помойся. — Она подняла руку, отменяя мои протесты. — Мойся, не спорь. И голову помой. Ты должна быть сама чистота, Мария. Не будь же такой ленивой шлюшкой. Давай снимай платье, и поторапливайся, через час нам уже идти на мессу с королевой.

Я повиновалась, как, впрочем, всегда.

— Ты за меня хоть чуть-чуть рада? — спросила я, выпутываясь из корсажа и нижних юбок.

Ее лицо в зеркале, взмахнула ресницами, скрывая зависть.

— Я счастлива за семью. Ты-то тут при чем, что про тебя думать?

Король сидел на галерее над часовней, слушал заутреню. Мы гуськом пробирались в молельню королевы. Я прислушалась — бормотание писца, подносящего королю бумаги на подпись, а внизу в часовне священник совершает положенные ритуалы мессы. Король всегда занимался делами во время утренней службы — традиция, воспринятая им от отца. Многие думали, дела таким образом освящаются. Другие, как мой дядя, считали, что король торопится

отделаться от бумаг побыстрее и оттого не обращает на них должного внимания.

Я опустилась на колени на подушечку в личной молельне королевы. Платье цвета слоновой кости переливается, складки эффектно обрисовывают бедра. В нежной глубине, внутри все еще ощущается его тепло, вкус губ на губах. Несмотря на ванну, на которой так настаивала Анна, мне все равно казалось, лицо и волосы все еще хранят запах его пота. Я закрыла глаза — не в молитвенном экстазе, а в любовном.

Королева преклонила колени рядом со мной. Лицо печально, голова под тяжелым плоеным чепцом поднята прямо и гордо. Платье чуть распахнуто у ворота, так чтобы можно было дотронуться пальцем до власяницы, которую она всегда носит прямо на голом теле. Серьезное лицо, усталое, сумрачное, теперь она склонилась над четками, постаревшая, дряблая, обвислая кожа щек и подбородка, глаза крепко зажмурены.

Месса тянется бесконечно. Я завидую Генриху, его хоть отвлекают деловые бумаги. Королева, погруженная в молитву, кажется, никогда не теряет сосредоточенности, пальцы не устают перебирать бусины четок, глаза закрыты. Только когда служба закончилась, священник вытер сосуды белоснежным платком и унес их, она позволила себе протяжный вздох, будто услышала что-то такое, чего нашим ушам слышать было не дано. Потом обернулась и улыбнулась каждой придворной даме, даже мне.

— Пора уже перестать поститься, — ласково обратилась к нам королева. — Может быть, и король с нами позавтракает.

Пока мы одна за другой проходили мимо двери на галерею, я помедлила на мгновение — не может же быть, чтобы он не сказал мне ни слова. Будто почувствовав невысказанное желание, Георг, мой брат, открыл дверь как раз в это мгновение и громко произнес:

— Доброе утро, дражайшая сестричка.

Генрих, сидящий в глубине комнаты, поднял голову от бумаг, увидел меня — в дверном проеме, словно в рамке картины, кремовое платье, выбранное Анной, пышные волосы почти скрыты головным убором в тон платью, юное лицо открыто. Король еле слышно выдохнул, охваченный желанием, мои щеки чуть покраснели, на губах нежная улыбка.

— Добрый день, сир. Добрый день, братец, — тихо проговорила я, не сводя глаз с лица Генриха.

Король поднялся на ноги, протянул руку, будто хотел затащить меня внутрь. Поймал взгляд писца, отдернул руку, сказал:

— Приду завтракать с вами, передайте королеве, я присоединюсь к обществу через пару минут. Как только закончу с этими... с этими...

Он небрежным жестом указал на бумаги, словно понятия не имел, о чем там идет речь.

Он пересек комнату — форель, плывущая на свет фонаря браконьера, произнес тихо, чтобы никто, кроме меня, не слышал:

— А ты, как ты поживаешь?

— Хорошо, — я бросила на него быстрый, шаловливый взгляд, — разве что устала немножко.

— Плохо спалось, дорогая? — усмехнулся в ответ.

— Совсем не спалось.

— Не понравилась постель?

Я запнулась, я не Анна, у меня нет сестриного таланта к словесным баталиям. Пришлось ответить чистую правду:

— Очень понравилась, сир.

— Придешь снова спать в эту постель?

Что за чудная минута, мне пришел в голову подходящий ответ.

— Сир, я надеюсь как можно скорее снова *не* спать в этой постели.

Король откинул голову, засмеялся, наклонился поцеловать мне руку:

— Как прикажете, моя дорогая, я ваш верный слуга.

Я глаз не могла отвести от его лица, пока губы прижимались к моей руке. Он выпрямился, наши взгляды встретились, утонули друг в друге, переполняемые желанием.

— Мне пора, королева будет спрашивать.

— Я не заставлю себя ждать, уж поверь.

Я улыбнулась напоследок, бросилась бегом по галерее догонять остальных дам. Каблучки стучат по каменным плитам пола, прикрытым камышовыми циновками, шелковое платье шуршит. Мое молодое тело — такое бодрое, прекрасное и любимое. Любимое не кем иным — самим королем Англии.

Он пришел к завтраку, сел, улыбнулся. Потускневшие глаза королевы взглянули на мои порозовевшие щеки, муаровое сияние платья. Она отвела взгляд. Послала за шталмейстером и музыкантами.

— Собираетесь сегодня на охоту, сир? — ласково спросила она.

— Конечно. А ваши придворные дамы, не хочет ли кто присоединиться?

— Уверена, захотят. — Голос королевы звучал по-прежнему ласково. — Мадемуазель Болейн, мадемуазель Паркер, мадам Кэри, вы три прекрасные наездницы. Не поехать ли вам сегодня на охоту?

Джейн Паркер бросила на меня торжествующий взгляд — мое имя названо третьим. Ей ничего не известно, тепло разливалось у меня внутри. Может радоваться, сколько угодно, она-то ничего не знает.

— Почтем за честь и счастье отправиться с королем на охоту, — ответила за всех Анна. — Все три.

Во дворе замка у конюшен король вскочил на огромного охотничьего коня, а один из пажей поднял меня в седло предназначенной мне лошадки. Я надежно устроилась в седле, расправила складки платья, пусть свисают до земли в элегантном беспорядке. Анна оглядела меня с ног до головы — как всегда, придирчивым взглядом, не упустила ни одной мельчайшей детали. Я обрадовалась, когда ее голова в наимоднейшей французской охотничьей шляпке одобрительно кивнула. Она позвала пажа — посадить ее на лошадь, вот она уже возле меня, наклонилась, крепко удерживая поводья.

— Если он тебя потащит в лес, не давайся, — шепнула сестра. — Помни — ты из рода Говардов, а не какая-то там потаскушка.

— Если он меня захочет...

— Если он тебя захочет, распрекрасно подождет.

Егерь протрубил в рожок, лошади насторожились в ожидании. Генрих улыбнулся веселой мальчишеской усмешкой, я просияла улыбкой в ответ. Моя кобыла, Джесмонда, стремительно, словно пружина бросилась вперед по знаку распорядителя охоты. Мы поскакали по мосту, рысью, гончие светлой, пятнистой волной у копыт охотничьих лошадей. День солнечный, но не слишком теплый, прохладный ветерок играет в луговой траве, мы скачем все дальше от городка, крестьяне, сгребаящие сено, завидев нас, останавливаются, опираясь на грабли, снимают шапки. Разноцветное море благородных

всадников проносится мимо, селяне, завидев королевский штандарт, падают на колени.

Я оглянулась на замок. Створчатое окно покоя королевы распахнуто, я заметила темный чепец, бледное лицо. Она глядит вслед мчащейся охоте. За обедом королева будет улыбаться Генриху, улыбаться мне, будто не видела нас, скачущих бок о бок в ожидании охотничьих забав. Лай гончих внезапно изменил тон, вдруг они, как одна, замолкли. Егерь протрубил в рожок, долгий, протяжный звук — гончие учуяли след.

— Э-ге-гей! — звонко кричит Генрих, пуская лошадь в галоп.

— Сюда! — подхватываю я. В дальнем конце лесной прогалины несется огромный олень, ветвистые рога прижаты к спине. Гончие устремляются за ним, молчаливо, лишь изредка доносится взволнованный короткий лай одной из них. Вот они ворвались в густой подлесок, мы осадили лошадей — надо ждать. Егеря в тревоге уносятся куда-то рысцой, мечутся по лесу взад-вперед, надеются разглядеть, где олень. Один из них внезапно поднимается в стремянах, громко трубит в рожок. Моя лошадь встает на дыбы, потом бросается на звук рожка. Я вцепляюсь в лук седла, хватаюсь за гриву — сейчас не до грации, только бы усидеть в седле, не упасть с лошади напрямиком в грязь.

Олень вырывается вперед, несется изо всех сил к прогалине на опушке леса, а там недалеко заливные луга и река. Собаки стремительной волной мчатся за ним, следом лошади в безумной гонке. Вокруг только грохот лошадиных копыт, я почти закрыла глаза, комья грязи летят прямо в лицо. Я прильнула к шее Джесмонды, тороплю ее. Шляпа давно слетела с головы. Передо мной белая от цветов живая изгородь. Мощный круп лошади подо мной собирается, одним могучим прыжком умное животное перелетает через изгородь, приземляется на другой стороне, и вот она уже снова несется галопом со всеми остальными. Король впереди меня, глаз не сводит с оленя, которого гонят прямо на нас. Волосы мои развеваются, теряются шпильки и булавки, я хохочу безостановочно, несясь навстречу ветру. Кобыла настораживает уши, когда слышит мой смех, но снова на пути изгородь — на этот раз с неглубокой грязной канавой перед ней. Мы обе видим канаву, Джесмонда медлит лишь мгновение и тут же взвивается в воздух, перелетает через препятствие. До меня доносится

сладкий запах жимолости, раздавленной конскими копытами. И мы снова летим, еще быстрее. Олень превращается в маленькую коричневую точку. Он уже в реке, быстро плывет на другую сторону. Распорядитель охоты отчаянно трубит в рожок, это сигнал собакам — не лезьте в воду, возвращайтесь ко мне, оставайтесь на берегу, травите добычу, когда олень попытается выбраться на берег. В охотничьем угаре гончие ничего не слышат. Выжлятник скачет вперед, но половина своры уже в реке, пытаются догнать оленя. Течение слишком сильно, вода слишком глубока для собак. Генрих натянул поводья, смотрит на весь этот хаос.

Я боюсь, он рассердится, но король только хохочет, будто в восторге от хитроумия оленя.

— Беги! Беги! — кричит он вслед зверю. — У меня и без тебя хватает жаркого, полная кладовая оленины.

Все вокруг тоже смеются, словно король совершил невесть какой благородный поступок, я понимаю, остальные тоже боятся — вдруг охотничья неудача рассердит короля. Переводя взгляд с одного сияющего лица на другое, я думаю — что же это за глупость, вся наша жизнь зависит от настроения одного человека. Но он улыбается мне, и я понимаю, у меня-то выбора нет.

Он глядит на мое заляпанное грязью лицо, растрепанные волосы.

— Просто поселянка какая-то, да и только, — говорит он, голос полон нескрываемого желания.

Я стаскиваю перчатку, пытаюсь собрать волосы, все бесполезно. Улыбаюсь уголком рта — да, я знаю, что у него на уме, но не отвечаю, а только шепчу:

— Ш-ш-ш.

Прямо у него за спиной Джейн Паркер, ловит ртом воздух, будто муху проглотила. Поняла наконец, что лучше нас не задирать, мы, Болейны, этого не любим.

Генрих спрыгивает с коня, бросает поводья груму, подходит к моей лошади.

— Угодно ли вам сойти вниз? — Голос ласковый, приглашающий.

Я соскальзываю с крупа коня прямо в его объятья. Он ловит меня, бережно ставит на землю, но из рук не выпускает. На глазах всего двора целует в одну щеку, потом в другую.

— Ты — Королева охоты.

— Мы тебя коронуем венком из полевых цветов, — кричит Анна.

— Да! — Генриху страшно нравится эта затея, все бросаются обрывать жимолость, и спустя пару минут мои золотистые, растрепанные волосы уже венчает источающая медовый запах корона.

Приближается повозка с обедом, слуги натягивают легкий шатер, там будут обедать пятьдесят приближенных, королевских любимчиков. Остальным ставят скамьи. Прибывает королева, ее иноходец идет легким шагом. Она видит — я сижу по левую руку короля, на голове — корона из цветов.

Прошел месяц, Англия наконец вступила в войну с Францией, война официально объявлена, Карл, испанский король, стремительным натиском бросает армию в самое сердце Франции, его английские союзники в это время маршируют от английской крепости Кале на юг к Парижу.

Двор тревожно ожидает новостей в Лондоне, но приходит летняя эпидемия чумы, и Генрих, как всегда, страшась заразы, приказывает начинать путешествие. Мы не переезжаем, скорее убегаем в Хэмптон-Корт. Король повелевает, чтобы все припасы доставлялись только из окрестных деревень, ничего из Лондона, запрещает торговцам, купцам и ремесленникам следовать за двором из нездоровой, затхлой столицы. Чистый дворец у проточной воды должен предохранить нас от болезней.

Из Франции приходят хорошие вести, из Сити — плохие. Кардинал Уолси организует новый переезд двора, сначала на юг, потом на запад, из одного дворца в другой, от одного вельможи к другому, и везде устраиваются маскарады и парадные обеды, охоты, пикники и рыцарские турниры, Генрих веселится как мальчишка, все новое его развлекает. Каждый из придворных, чей дом посещает король, разыгрывает гостеприимного хозяина, как будто несказанно счастлив визиту, а не ужасается чудовищным расходам. Королева путешествует вместе с королем, скача бок о бок по холмам и равнинам, когда устает, перебирается в паланкин. По ночам он то и дело посылает за мной, но среди дня учтив и заботлив по отношению к ней. Ее племянник — единственный союзник английской армии в Европе, дружба с ее семейством означает победу английского оружия. Но королева Екатерина для короля — не только военный союзник. Сколько бы ни любезничал со мной король, он ее мальчик, ее любимый,

избалованный, золотой мальчик. Какая бы девчонка, я или кто другой, ни оказывалась в его спальне, это не мешает их глубокой привязанности, начавшейся, когда она раз и навсегда полюбила этого человека, ребячливого и эгоистичного, чье королевское достоинство ни в какое сравнение не идет с достоинством истинной принцессы.

Зима 1522

На Рождество король держал двор в Гринвиче, и все двенадцать дней после Рождества не прекращались пышные и экстравагантные празднества и забавы. Распорядителем рождественских празднеств был сэръ Уильям Армитеж, это его забота — выдумывать что-нибудь новенькое каждый день. Ежедневные развлечения включали в себя разнообразные удовольствия — с утра на свежем воздухе, где мы становились зрителями поочередно то гонок гребцов, то турниров и соревнований лучников, то медвежьей травли, собачьих или петушьих боев, смотрели на бродячих акробатов и глотателей огня. Затем следовал обед в парадной зале с лучшими винами, элем и пивом, каждый день на столе появлялся новый замысловатый, украшенный марципанами пудинг — просто произведение искусства, да и только. После обеда опять развлечения — каждый день новые, — пьеса или представление, танцы или маскарад. Каждому давалась роль в пьесе, каждому были приготовлены костюмы для карнавала, все веселились, как могли, король всю зиму не переставал хохотать, а королева улыбаться.

Неоконченная военная кампания во Франции с наступлением зимы приостановилась, но всяк понимал — придет весна и снова начнутся бои, Англия и Испания будут сражаться против общего врага. Король Англии и королева из Испании провели эту зиму вместе — во всех смыслах слова «вместе», каждую неделю, невзирая ни на что, они обедали вдвоем, и он проводил ночь в ее постели.

Но в остальные ночи, тоже невзирая ни на что, Георг стучал в дверь комнаты, где помещались мы с Анной, и произносил одну и ту же фразу:

— Он тебя требует. — И я летела как на крыльях к нему, моему любимому, моему королю.

Я не оставалась с ним на всю ночь. В Гринвиче полно иностранных послов со всей Европы, король не может открыто выказывать подобное пренебрежение королевой. Испанский посол, как никто другой, всегда озабочен соблюдением этикета, к тому же он близкий друг королевы. Он, конечно, знал, какую роль я играю при дворе, я ему не нравилась, так что ни к чему мне, растрепанной и

раскрасневшейся, сталкиваться с ним в дверях королевской опочивальни. Лучше уж выскользнуть из теплой королевской постели и пробраться тайком в свою комнату, Георг тащится рядом, непрерывно зевая, время раннее, посол еще не скоро пойдет к мессе.

Анна никогда не спит, всегда ждет меня — эль уже подогрет, камин разожжен, комната теплая. Я прыгаю прямо в постель, она укутывает мне плечи шерстяным пледом, садится рядом расчесать мои спутанные волосы, а Георг подбрасывает еще одно полено в камин и присаживается со своим стаканчиком эля.

— Что за утомительная работа, — жалуется он, — приходится спать каждый день после обеда, а иначе глаза просто сами собой закрываются.

— Анна укладывает меня в постель после обеда, будто я малый ребенок, — недовольно говорю я.

— Хочешь выглядеть такой же осунувшейся и изнуренной, как королева? — возражает Анна.

— Да, у нее вид не слишком цветущий. Она что, больна? — интересуется Георг.

— Просто старость. — В голосе Анны звучит злорадство. — К тому же она все время пытается казаться счастливой и всем довольной. А это так утомительно. Нелегко ведь доставлять удовольствие Генриху, сам понимаешь.

— Вовсе и нет, — звучит мой самодовольный ответ, и мы все трое хохочем.

— Пообещал он тебе какой-нибудь подарок на Рождество? — продолжает расспросы Анна. — Или Георгу? Или кому-нибудь из нас?

— Нет, ничего не сказал. — Я качаю головой.

— Дядя Говард прислал золотую чашу, на ней вычеканены наши гербы. Ты ее подаришь королю, — объявляет Анна. — Я пока ее припрятала в шкафу. Стоит целое состояние. Надеюсь, оно не будет потрачено впустую.

— Он обещал мне сюрприз, — сонно киваю я. Брат и сестра встрепенулись. — Хочет взять меня с собой завтра на верфи.

— Я уж понадеялась на подарок. — Анна корчит недовольную гримаску. — Мы все поедем? Ведь двор?

— Нет, небольшая компания. — Глаза сами собой закрываются, я уже почти засыпаю, но слышу, как Анна встает и идет по комнате,

вынимает мою одежду из комода, чтобы приготовить ее на завтра.

— Наденешь алое платье. Можешь взять мою бордовую накидку, отороченную лебяжьим пухом. На реке будет холодно.

— Спасибо, Анна.

— Я не для тебя стараюсь, не думай. Все делается для благосостояния семьи. Ты сама тут совершенно ни при чем.

От такого ледяного тона во мне все леденеет, но найти остроумный ответ сил уже нет. В полусне слышу, Георг ставит пустой стакан, встает с кресла, нежно целует Анну в лоб.

— Тяжелая работа, но того стоит, — тихо произносит он. — Спокойной ночи, Аннамария, оставляю тебя твоим обязанностям, мне пора заняться своими.

Слышу ее соблазнительный смешок:

— Шлюхи Гринвича — благородное призвание. Увидимся завтра.

Накидка сестры хорошо смотрится вместе с алым платьем для верховой езды, сестра дала мне и свою маленькую французскую охотничью шляпку. Генрих, Анна, я, Георг, мой муж Уильям и еще человек пять скачем дружной группкой вдоль реки к верфям. Там строится новый корабль королевского флота. Зимний день полон солнца, яркие лучи отражаются в воде, с обоих берегов реки несется шум — это гуси прилетели из России зимовать на наших заливных лугах. Гуси гогочут, утки крикают, громко кричат кроншнепы и бекасы. Лошади скачут легким галопом вдоль реки, моя кобыла бок о бок с охотничьей лошадью короля. Рядом с нами Анна и Георг. Генрих пускает коня рысью, но при виде доков переходит на шаг.

Заметив приближающуюся кавалькаду, выходит старший мастер, срывает шапку, низко кланяется королю.

— Я решил прокатиться верхом и поглядеть на вашу работу, — улыбается ему король.

— Какая высокая честь, ваше величество.

— Как идут дела? — Король спрыгивает с коня, бросает поводья конюху — тот уже стоит наготове. Король поворачивается ко мне, снимает меня с седла, берет под руку и ведет в сухие доки.

— И как она тебе нравится? — спрашивает меня Генрих, указывая на гладкий дубовый борт наполовину построенной шхуны, покоящейся на огромных деревянных катках. — Правда, красавица, каких еще поискать?

— Красива и опасна. — Я гляжу на пушечные окна. — У французов уж точно ничего подобного нет.

— Верно, — гордо заявляет Генрих. — Будь у меня в прошлом году на море три такие красавицы, разгромил бы весь французский флот, не дал бы им спрятаться в порту. Тогда бы стал королем Англии и Франции на деле, а не только на словах.

— Говорят, французская армия очень сильна, — неуверенно начинаю я. — А Франциск весьма решителен.

— Он просто павлин, — сердито бросает Генрих. — Все показное. Карл Испанский с ним разберется на юге, а я зайду со стороны Кале. А потом мы разделим Францию пополам. — И, повернувшись к корабельному плотнику: — Когда она будет готова?

— Весной, — отвечает тот.

— Рисовальщик сегодня здесь? — спрашивает король.

— Он здесь, — кланяется стоящий рядом человек.

— Мне пришла в голову прихоть сделать ваш портрет, мадам Кэри. Присядьте, пожалуйста, пусть он набросает ваши черты.

— Конечно, если вы того желаете. — Я даже покраснела от удовольствия.

Генрих кивнул плотнику, тот что-то прокричал с платформы вниз на причал, оттуда торопливо прибежал рисовальщик. Генрих помог мне спуститься по лестнице, усадил на штабель свежераспиленных досок, а молодой человек в грубой домотканой одежде принялся за набросок.

— А что вы собираетесь делать с портретом? — с любопытством спросила я, стараясь сидеть неподвижно и все время улыбаться.

— Подожди, увидишь.

Художник положил лист бумаги.

— Мне этого достаточно.

Генрих обнял меня одной рукой, поставил на ноги.

— Тогда, красавица моя, пора домой, обедать. Поскачем галопом по заливным лугам, мигом домчимся до замка.

Конюхи стоят наготове с лошадьми. Король одним движением поднимает меня в седло и сам вскакивает на коня. Оборачивается убедиться, что все готовы. Лорд Перси подтягивает подпругу лошади Анны. Сестра глядит на него и соблазнительно улыбается. И вот уже

вся компания скачет обратно в Гринвич, солнце садится, окрашивая холодное зимнее небо в кремово-розовые цвета.

Рождественский обед длился чуть ли не весь день. Я и не сомневалась, Генрих пошлет за мной этой ночью. Но он вдруг объявил, что собирается посетить королеву, и все придворные дамы, включая меня, должны, покуда он выпивает с друзьями, составить ей компанию, а потом он отправится в опочивальню ее величества.

Анна сунула мне в руки недошитую рубашку и села рядом, поставила каблучок на подол моего платья — мне не встать, пока она не поднимется.

— Оставь меня в покое, — чуть слышно прошептала я.

— Чтобы я этого дурацкого выражения лица больше не видела, — зашипела сестра. — Шей и улыбайся, как все остальные, будто всем довольна. Надулась как сыч — кому ты такая нужна.

— Провести с ней рождественскую ночь...

— Хочешь знать, почему?

— Хочу.

— Какая-то нищая попрошайка, гадалка, ему сказала, что сегодня он зачнет сына. Вот он и надеется к осени получить наследника. Боже, какие же мужчины идиоты.

— Гадалка?

— Да. Предсказала — будет сын, если он откажется от других женщин. Нечего и спрашивать, кто за это платит.

— Что ты имеешь в виду?

— Сдается мне, что в карманах этой гадалки найдется немало золота, заплаченного Сеймуром, стоит только перевернуть ее и потрясти как следует. Но теперь поздно, ничего не попишешь, зло уже сделано. Он будет в постели королевы эту ночь и все остальные двенадцать ночей. Ты уж постарайся попадаться ему на глаза каждый раз, когда он направляется в ее спальню, — пусть помнит, что теряет.

Я склонилась над шитьем. Анна заметила слезинку, упавшую на подол рубашки, я попыталась стереть ее пальцем.

— Вот дуреха, вернется он к тебе, никуда не денется.

— Думать не могу — он с ней в постели, — шепнула я. — Он ее тоже зовет «красавица моя»?

— Наверно, — грубо оборвала меня Анна. — Редко найдешь мужчину, у которого бы хватило сообразительности время от времени

менять напев. Он исполнит свой долг с королевой, а потом снова оглянется вокруг, так ты уж не забудь попасться ему на глаза и улыбнуться, тогда ты снова в деле.

— Как же улыбаться, когда сердце разбито?

Анна хихикнула:

— Тоже мне, королева трагедии! Улыбаться с разбитым сердцем — это мы, женщины, умеем, а ты женщина, придворная дама и Говард — вот тебе три причины, чтобы быть наиковарнейшим созданием во всем Господнем мире. Ш-ш-ш, он идет.

Первым вошел Георг, улыбнулся мне, опустил на одно колено подле королевы. Чуть покраснев, она протянула ему руку для поцелуя, королева просто сияла от удовольствия при мысли, что король придет к ней. Следом вошел Генрих, положив лорду Перси руку на плечо, рядом мой муж Уильям. Прошел мимо меня, едва кивнув, хотя и я, и Анна встали, когда он появился на пороге, и присели в глубоком реверансе. Король направился прямо к жене. Поцеловал ее в губы и повел в опочивальню. Горничная прошла вслед за королевой и спустя минуту-другую вышла, плотно притворив дверь. Все мы ожидали снаружи в молчанье.

Уильям глянул на меня, улыбнулся:

— Рад повидаться, дорогая женушка. Долго ли еще вы собираетесь оставаться в вашем теперешнем обиталище? Может, мне уже пора снова стать вашим компаньоном в постели?

— Все зависит от распоряжений королевы и воли нашего дядюшки, — спокойным тоном ответил ему Георг, дотронувшись до эфеса шпаги. — Марианне выбирать не приходится, ты же знаешь.

Уильям не стал затевать ссору. Горько улыбнулся, сказал:

— Мир, Георг. Не нужно мне все заново объяснять. Я уже и так понял.

Я отвернулась. Лорд Перси утащил Анну в альков, до меня доносились ее соблазнительные смешки. Она заметила мой взгляд и сказала громко:

— Лорд Перси пишет мне сонет, Мария. Подтверди, у его строфы нарушен размер.

— О, прекрасная дама грозит мне презреньем...

— Неплохое начало. — Я решила помочь бедняге. — А что будет дальше, лорд Перси?

— Ясное дело, ужасное начало, — вмешался Георг. — Ухаживание и презрение — хуже не придумаешь. Податливость — куда более многообещающее начало.

— Податливость меня бы сильно удивила, особенно в девицах Болейн, — не без ядовитости в голосе заявил Уильям. — Хотя все, конечно, зависит от просителя. Сдается мне, Перси Нортумберленд может рассчитывать на податливость.

Анна бросила на него взгляд, весьма далекий от сестринской нежности, но Генрих Перси, полностью погруженный в сочинительство, ничего не заметил.

— Потом будет еще одна строка, я ее не сочинил, а затем что-нибудь вроде — та-та-та та-та-та та-та-та-та забвеньем.

— Рифмуется с «презреньем», — с открытой насмешкой перебил его Георг. — Теперь до меня дошло.

— В поэме нужен какой-нибудь образ, — объясняла Анна Генриху Перси. — Если собираетесь писать сонет возлюбленной, необходимо сравнить ее с чем-то, а затем повернуть это сравнение так, чтобы получилось остроумное заключение.

— Как это? — переспросил он. — Я не могу вас ни с чем сравнивать. Вы это вы. С чем мне вас сравнить?

— Вот это звучит хорошо, — одобрил Георг. — Скажу по чести, Перси, лучше будь оратором, а не поэтом. На твоем месте я бы встал на одно колено и прошептал ей кое-что на ушко. Добьешься победы — только придержишься прозы.

Перси хмыкнул и взял Анну за руку:

— Звездные ночи.

— Та-та-та та-та-та нежные очи, — немедленно откликнулась Анна.

— Не пора ли нам выпить вина? — предложил Уильям. — А то никак не поспеть за таким сверкающим остроумием. Кто сыграет со мной в кости?

— Я сыграю, — ответил Георг прежде, чем Уильям успел бросить вызов мне. — Что на кону?

— Пара монет, не хотел бы я такого противника за игорным столом, боюсь проиграться в пух, Болейн.

— Ни за игорным столом, ни в каком другом месте, — сладко пропел мой братец. — Особенно если Перси нам напишет поэму о

сражении.

— Не похоже, что та-та-та та-та-та та-та-та-та может кому-то сильно угрожать, — отозвалась Анна. — А пока у нас больше ничего нет.

— Я еще ученик, — с достоинством произнес Перси. — Ученик в любви и ученик в поэзии, а вы со мной так плохо обращаетесь. «О, прекрасная дама грозит мне презрением», похоже, я написал правду.

Анна рассмеялась и протянула ему руку для поцелуя. Уильям достал кости из кармана, бросил на стол. Я налила ему вина, поставила рядом. Мне почему-то нравилось прислуживать ему в то время, пока тот, кого я люблю, делит в соседней комнате ложе со своей женой. Меня будто отодвинули в угол, может, там мне и придется остаться.

Мы играли до полуночи, а король все не появлялся.

— Как ты считаешь, — спросил Уильям у Георга, — если он собирается провести с ней всю ночь, может, и нам пора по постелям?

— Мы идем спать, — решительно заявила Анна, властно взяла меня за руку.

— Уже? — умоляюще протянул Перси. — Звезды же появляются на небосклоне ночью.

— И исчезают с рассветом, — ответила Анна. — Звезда нуждается в вуали темноты.

Я поднялась на ноги. Мой муж взглянул на меня.

— А поцелуй на ночь, хорошая женушка, — потребовал он.

После минутного колебания я подошла к нему. Он думал, я просто чмокну его в щеку, но я наклонилась, поцеловала в губы, почувствовала, как он потянулся ко мне.

— Спокойной ночи, муженек. Веселого Рождества.

— Доброй ночи, женушка. С тобой моя постель была бы теплее.

Я кивнула. Что тут можно сказать? Невольно бросила взгляд на дверь в опочивальню королевы, где тот, кого я обожала, спал в объятьях жены.

— Может, все мы в конце концов окажемся рядом с собственными женами? — негромко произнес Уильям.

— Это уж точно, — весело воскликнул Георг, сгребая выигрыш со стола и запихивая его в карман. — Мы все в конце концов окажемся похороненными рядом друг с другом, что бы ни делали при жизни. Подумайте обо мне, рассыпающимся в прах рядом с Джейн Паркер.

Даже Уильям расхохотался.

— А когда он придет, — спросил Перси, — этот счастливый брачный день?

— В середине лета. Но я могу потерпеть и подольше.

— У нее недурное приданое, — заметил Уильям.

— Кого это волнует, — воскликнул Перси. — Любовь — вот что важно.

— И такое произносит один из богатейших людей в королевстве, — с кривой ухмылкой пробормотал мой братец.

Анна подала Перси руку:

— Не обращайтесь внимания, милорд. Я полностью с вами согласна. Любовь — вот что важно. По крайней мере, я так считаю.

— Нет, ты и гроша ломаного не дашь за любовь, — воскликнула я, как только за нами закрылась дверь.

Анна тонко улыбнулась:

— Когда ты научишься смотреть, с кем я разговариваю, а не слушать, что я говорю?

— Перси Нортумберленд? Ты рассуждаешь о браке по любви с Перси Нортумберлендом?

— Вот именно. Вольно тебе хныкать над своим мужем. Мое замужество, уж поверь, будет не чета твоему.

Весна 1523

В первые недели нового года к королеве, казалось, вернулась весенняя пора. Она цвела словно роза в парнике, настроение приподнятое, губы сами собой улыбаются. Власяница, которую она всегда носила под одеждой, отложена в сторону, предательская дряблость шеи и плеч вдруг исчезла, будто радость разгладила все изъязны. Она ни с кем не обсуждала причины подобных изменений, но одна служанка шепнула другой, что у королевы в этом месяце не было обычного женского, и, похоже, гадалка сказала правду — ожидается дитя.

Памятуя о том, сколько раз ей не удавалось доносить до полного срока, для коленопреклоненных молитв было немало причин, поэтому лицо королевы нередко обращалось в тот угол спальни, где стояла статуя Девы Марии, а перед ней молитвенная скамеечка. Каждое утро заставляло королеву на коленях, одна рука прижата к животу, другая лежит на молитвеннике, глаза закрыты, лицо озарено молитвенным экстазом. Чудеса случаются. Вдруг одно чудо случится с ней, с королевой.

Служанки болтали между собой, что и в феврале на простынях не оказалось пятен, мы все думали — скоро она скажет королю. У него был вид, будто он готов к радостным вестям, и мимо меня Генрих проходил так, словно я — пустое место. Танцуй перед ним, прислуживай его жене, терпи насмешливые взгляды остальных фрейлин, но понимай — теперь ты снова всего лишь одна из сестер Болейн, а вовсе не фаворитка.

— Вынести этого не могу, — сказала я Анне. Мы сидели у камина в покоях королевы. Остальные отправились прогуливать собак, но мы с сестрой отказались выходить. От реки поднялся туман, холод стоял невыносимый, я дрожала, несмотря на подбитую мехом одежду. Начиная с той рождественской ночи, когда Генрих прошел мимо, не замечая меня, в спальню королевы, мне все время нездоровилось. Он с тех пор ни разу за мной не посылал.

— Ты что-то уж больно переживаешь, — не без удовольствия заметила сестра. — Вот оно какво — любить короля.

— А что еще мне остается делать? — Я была так несчастна. Пересела к окну — там все же побольше света для шитья. Я перешивала рубашки королевы для раздачи бедным, и то, что они пойдут рабочему люду, отнюдь не означает — можно работать кое-как. Королева проверит все швы, и если они вкривь и вкось, она ласковым тоном прикажет мне все перешить заново.

— Роди она ребенка, и к тому же сына, тебе лучше возвращаться прямо к мужу и заводить собственную семью. Король будет полностью у нее под каблуком, и ждать нечего. Станешь одной из многих, бывших.

— Он меня любит, — неуверенным тоном произнесла я. — Я не одна из многих.

Я повернулась, посмотрела в окно. Ключья тумана клубились над рекой, точно пыль под кроватью.

— Ты всегда одна из многих, — жестоко рассмеялась в ответ Анна. — Нас немало, девушек из семейства Говардов, прекрасно воспитаны, всему научены, хорошенькие, молоденькие, способные рожать. Можно бросать на стол по одной, как кости, пока кому-то не повезет. И ничего особенного не случится, бери одну за другой, а потом отбрасывай за ненужностью. Всегда найдется наготове следующая, еще одна шлюшка из выводка. Ты еще не родилась, а уже была одной из многих. Не прилепится он к тебе — отправишься обратно к Уильяму, а они найдут еще одну ему в искушение, и представление начнется с самого начала. Они ничего не теряют.

— Но мне есть что терять! — воскликнула я.

Сестра склонила голову набок и взглянула на меня, словно советуя вернуться к реальности, забыть нетерпеливую детскую страстность.

— Конечно, тебе есть что терять. Невинность, первую любовь, доверие. Может быть, даже разбитое сердце. Бедная глупышка Марианна, — мягко сказала она. — Один пытается тобой задобрить другого, а тебе достается только разбитое сердечко.

— Так кто же будет следующей? — Моя боль обратилась в насмешку. — Кого еще из семейства Говардов уложат в его постель? Я, кажется, догадываюсь — другую сестру Болейн!

Она бросила на меня быстрый взгляд — глаза, черные как ночь, затем темные ресницы снова прикрыли пылающий взор.

— Ну нет, не меня, у меня свои планы. Мне ни к чему рисковать взлетами и падениями.

— Ты мне сама велела рисковать, — напомнила я ей.

— Тебе это подходит. Я не буду жить такой жизнью, как ты. Ты всегда делаешь, что прикажут, выходишь замуж, за кого велют, спишь в той постели, где велют. Я не такая, у меня своя дорога.

— Я тоже могу пойти своей дорогой.

Анна недоверчиво улыбнулась.

— Уеду в Гевер и буду жить там, — начала я. — Не останусь при дворе. Если я больше не у дел, отправлюсь в Гевер. Этого у меня не отнять.

Дверь опочивальни открылась, я заметила, оттуда вышли горничные, груженные простынями с кровати королевы.

— Второй раз за неделю приказывает поменять белье, — раздраженно проговорила одна.

Мы с Анной быстро переглянулись.

— А простыни запачканы? — тут же спросила Анна.

Горничная ответила дерзким взглядом:

— Королевские простыни! Вы что, хотите, чтобы я вам показала королевские простыни?

Длинные пальцы Анны скользнули в кошелечек и выудили серебряную монету. Пряча монету, служанка торжествующе улыбнулась:

— Вовсе и не запачканные!

Анна отступила назад, а я придержала дверь для обеих женщин.

— Спасибо, — сказала вторая, изумленная моей вежливостью по отношению к прислуге, а потом кивнула мне и тихо пробормотала: — Вся в поту, бедняжка.

— Что? — переспросила я, с трудом веря, она сообщает мне информацию, за которую французский посол не пожалел бы королевского выкупа, а каждый придворный в стране только и жаждал, что знать. — Ты говоришь, у королевы приступы ночного пота? Входит в возраст, да?

— Если еще не вошла, то уже недалеко, — ответила служанка. — Бедная госпожа.

Я обнаружила отца и брата в большой зале, беседующих о чем-то, пока слуги вокруг них накрывают к обеду огромный, установленный

на козлах стол. Отец поманил меня к себе.

— Отец. — Я опустилась в реверансе.

Он без особой нежности поцеловал меня в лоб и сказал:

— Дочь моя, ты хотела меня видеть?

На секунду меня пронзила холодная дрожь — вдруг он забыл мое имя.

— Королева не беременна, — начала я. — Сегодня у нее началось обыкновенное женское. В прошлые месяцы ничего не было — ясное дело, входит в возраст.

— Хвала Господу, — торжествующе воскликнул Георг. — Я сам с собой поспорил на один золотой. Она уже сказала королю?

Я покачала головой:

— Дамские дела начались у нее сегодня утром, она еще короля не видела.

Отец кивнул:

— Значит, мы узнали раньше него. А кто еще знает?

— Горничные, которые меняют белье, и любой, кто им заплатит. Уолси, наверно. Может, этот француз, если подкупил всех служанок.

— Тогда следует поторопиться, если хотим оказаться первыми, кто принесет ему эту новость. Мне самому сказать?

— Нет, — покачал головой Георг, — дело слишком интимное. Может, лучше Мария?

— Ей не стоит сообщать известия, которые его разочаруют, — возразил отец. — Лучше не она.

— Тогда остается Анна, — предложил брат. — Это должен быть кто-то из нашей семейки, напомнить ему о Марии.

— Да, у Анны получится, — согласился отец. — Она всякому сумеет заморочить голову.

— Она в саду, — подала я голос. — Там, где стрельбище лучников.

Мы втроем вышли из большой залы на яркое весеннее солнце. Дул холодный ветер, и желтые нарциссы кивали, залитые светом. У стрельбища толпилась группка придворных, среди них и Анна. Мы увидели, как она шагнула вперед, взгляделась в мишень, натянула лук — до нас донеслось позвякивание тетивы и глухой удар, сообщивший — стрела попала в самое яблочко. Раздались аплодисменты. Генрих

Перси поспешил к мишени, выдернул стрелу и сунул было в свой колчан, явно намереваясь оставить себе.

Анна рассмеялась и протянула руку за стрелой, но заметила нас. Сестра немедленно оторвалась от компании и направилась в нашу сторону.

— Отец.

— Анна. — Ее он поцеловал с большей теплотой, чем меня до того.

— У королевы начались дамские дела, — прямо переходя к делу, бросил Георг. — Мы считаем, что ты должна сообщить об этом королю.

— А почему не Мария?

— Это бросит на нее тень, — объяснил отец. — Ей не пристало судачить со служанками, заглядывать в содержимое ночного горшка.

В первый момент мне подумалось, что Анне тоже не захочется мараться подобными делами, но она только пожала плечами. Она-то знала — за величие Говардов приходится иногда платить подобной монетой.

— И не забудь, Мария должна снова попасться ему на глаза, — добавил отец. — Когда он отвернется от королевы, пусть Мария будет тут как тут, наготове.

— Конечно, — кивнула Анна, и только я расслышала, как дрогнул ее голос. — Мария будет первой.

В этот вечер король, как обычно, вошел в покои королевы посидеть с ней у камина. Мы трое пристально следили за ним — король, верно, уже устал от этой домашней жизни. Но королеве не было равных в умении развлечь короля. Что-нибудь всегда находилось — карточная игра или кости, самая новая книга, которую она читала, высказывая необычные суждения, отстаивая свое мнение. Часто появлялись интересные гости, образованные люди, бывалые путешественники, поддерживающие приятную беседу с королем, не говоря уже об отменнейших музыкантах, а король страстно любил хорошую музыку. Одним из ее фаворитов был Томас Мор, ^[15] и нередко они втроем вели беседы на плоской крыше замка под вечеряющими небесами. Король и Мор обсуждали различные толкования Библии, спорили о том, настало ли уже время разрешить Библию на английском языке, чтобы и простые люди могли ее читать. И конечно

же в покоях королевы было полно хорошеньких женщин. У нее хватало ума заполнить свои комнаты самими смазливymi личиками королевства.

Тот вечер отнюдь не был исключением. Она развлекала его, будто он посол иностранной державы и необходимо добиться его благосклонности. Сначала они с королевой просто беседовали, а потом кто-то попросил его спеть, и он вышел в центр комнаты исполнить одну из песен собственного сочинения. Король попросил кого-нибудь из дам поддержать его сопрановой партией, Анна с притворной скромностью выступила вперед и объявила, что попытается. Сомнений нет, все ноты были взяты с верхом совершенства. Их заставили спеть на бис, они были в восторге от самих себя, Генрих поцеловал руку Анны, а королева приказала подать им, двум певцам, вина.

Анна лишь легонько коснулась его руки, и он как будто слегка отгородился от всех остальных придворных. Только королева и мы, Болейны, заметили эту перемену. Королева приказала одному из музыкантов исполнить еще одну песню. Она прекрасно понимала, что ей не к лицу быть уличенной в слежке за мужем, снова флиртующим с женщинами. Она бросила молниеносный взгляд в мою сторону, проверить, каково мне смотреть, как король держит за руку мою сестру, но я ответила ей ласковой, невинной улыбкой.

— Становитесь истинной придворной дамой, моя маленькая жenuшка, — бросил в мою сторону Уильям Кэри.

— Неужели?

— Помню, как вы впервые появились при дворе, такой свеженький лакомый кусочек, лишь слегка отполированный французскими манерами, а теперь придворная позолота, похоже, уже покрыла душу. Никогда больше не поступаете необдуманно, так ведь?

В первую минуту мне хотелось как-то оправдаться, но я увидела — Анна произнесла пару фраз, и король бросил взгляд в сторону королевы. Анна нежно коснулась его рукава, сказала еще что-то ласковое. Я отвернулась от Уильяма, какое мне до него, в сущности, дело, куда важнее глаз не спускать с человека, которого я люблю. Широкие плечи короля ссутулились, поникли, казалось, его оставила вся сила, лицо беззащитное, как у маленького ребенка. Анна повернулась, чтобы заслонить короля от глаз остальных придворных, а Георг, отвлекая внимание от Анны, льющей горечь в уши короля,

выступил вперед и спросил королеву, не разрешит ли она начать танцы.

Я больше не могла этого выносить, проскользнула мимо группы девиц, громогласно восхищающихся перспективой танцев, и направилась, чуть ли не оттолкнув Анну, к Генриху.

Его лицо было бледно, в глазах — тяжкая тоска. Я взяла его руки в свои и вымолвила только:

— Дорогой мой.

Он повернулся ко мне:

— Ты тоже знала? Все придворные дамы знают?

— Думаю, все, — ответила за меня Анна. — Не нужно ее осуждать за то, что она не хотела вам сказать, бедняжка, это была ее последняя надежда. И ваш последний шанс, ваше величество.

Я почувствовала, как его пальцы сильнее сжали мои.

— Но гадалка мне сказала...

— Я знаю, — ласково ответила я, — ее, наверно, подкупили.

Анна как будто растаяла, оставив нас вдвоем.

— И я с ней спал, так старался, надеялся...

— Я молилась за вас, — прошептали мои губы. — За вас обоих. Мечтала о сыне для тебя, Генрих. Бог свидетель, ничего в жизни так не желала, все надеялась, она подарит тебе законного наследника.

— Но теперь надежды нет. — Король стиснул челюсти, в эту минуту он походил на избалованного ребенка, которому не дали любимую игрушку.

— Да, больше нет, — кивнула я. — Все кончено.

Он резко отпустил мою руку и отвернулся. Танцоры расступались, когда он стремительным шагом рассекал их ряды. Король подошел к улыбающейся жене, произнес громко, так, что всем было слышно:

— Мне доложили, вам нездоровится, мадам. Жаль только, вы сами мне об этом не сказали.

Она бросила взгляд на меня, обвиняя в предательстве — разболтать самую что ни на есть личную тайну. Я отрицательно качнула головой. Она взглядом поискала среди танцоров Анну — та танцевала рука об руку с Георгом. Сестра ответила вежливым, ничего не выражающим взглядом.

— Простите, ваше величество, — со всегдашним достоинством ответила королева, — я бы предпочла выбрать более подобающий

момент для подобного разговора.

— Вы хотите сказать, вам следовало выбрать этот момент безотлагательно, — возразил он. — Но, поскольку вам нездоровится, я предложил бы отпустить двор, вам никто не должен мешать.

Те придворные, которые сразу поняли, в чем дело, шепотом пересказывали стоящим рядом, что происходит, но большинство просто во все глаза смотрели на короля, внезапно пришедшего в такое дурное расположение духа, и на побледневшее, но спокойное лицо королевы.

Генрих резко повернулся, щелкнул пальцами, приказывая своим друзьям-приближенным — Георгу, Генриху, Уильяму, Карлу, Франциску — следовать за ним. Словно собакам свистнул и, больше не говоря ни слова, выскочил из комнаты. Меня порадовало, что Георг, мой брат, отвесил самый низкий поклон королеве. Она отпустила их без единого слова, а потом поднялась и скрылась у себя в покоях.

Музыканты, все более лениво извлекающие звуки из своих инструментов, наконец совсем остановились и принялись оглядываться вокруг в ожидании новых приказаний.

— Идите уже, — нетерпеливо сказала я, — видите, теперь не до танцев и не до пения. Никому больше ваша музыка не нужна, никто не хочет танцевать.

Джейн Паркер взглянула на меня с нескрываемым удивлением:

— Я думала, ты обрадуешься. Король поссорился с королевой. Теперь пора подобрать тебя — побитый персик из канавы.

— Мне казалось, ты поумнела и перестала болтать подобные глупости, — резко произнесла Анна. — Такое сказать о будущей золовке! Ты уж постарайся исправиться, а то как бы не иметь неприятностей с новой семьей.

Джейн не желала уступить в споре Анне.

— С помолвкой у нас все в полном порядке, мы с Георгом, считай, уже обвенчаны. Осталось дело за малым — выбрать день, да и только. Любишь ты меня или ненавидишь, мисс Анна, дело твое. Но ты мне не помеха, нас уже сговорили перед свидетелями.

— Какая, в сущности, разница! — закричала я. — О чем вы таком говорите?

Я вскочила и убежала к себе в комнату. Анна поспешила за мной.

— Что с тобой творится? — без обиняков начала она. — Что, король на нас рассердился?

— Нет, хотя ему бы и следовало, мы сделали редкостно гадкое дело, разболтали секрет королевы.

— Ну да, — кивнула Анна, видно было, ее это нисколько не трогает. — Но он на нас не рассердился?

— Нет, он просто ужасно расстроен.

Анна пошла к двери.

— Куда это ты? — спросила я.

— Пойду прикажу принести сюда ванну. Тебе надо помыться.

— Анна, Анна, — раздраженно повторила я. — Король только что узнал ужасную новость, настроение у него — хуже некуда. Да не позовет он меня сегодня. Завтра помоюсь, если нужно будет.

Она покачала головой:

— Не хочу рисковать. Помоешься сегодня.

Она ошиблась, но промахнулась только на один день. На следующий вечер королева сидела одна в своей опочивальне с приближенными придворными дамами, а я пировала в королевских покоях с братом, его друзьями и самим королем. Веселее вечера и придумать нельзя. Музыка, танцы, карты. В ту ночь я снова оказалась в королевской спальне.

Теперь мы с Генрихом были неразлучны. Весь двор знал — мы любовники, королева знала, даже простые люди, приезжавшие из Лондона полюбоваться, как король обедает, знали. Я носила его золотой браслет на запястье, скакала на его лошади во время псовой охоты. В ушах у меня блестели бриллиантовые сережки, мне пошили три новых платья, одно из золототканой парчи. И в одно прекрасное утро он сказал мне в постели:

— Ты так и не спросила, что случилось с тем портретом, который с тебя рисовали на верфи.

— Совсем о нем позабыла.

— Пойди сюда, поцелуй меня, и я тебе скажу, почему приказал его нарисовать, — лениво проговорил Генрих.

Он откинулся на подушки, было уже далеко не раннее утро, но занавески на кровати еще не отдернули, они защищали нас от нескромных глаз прислуги, вошедшей развести огонь в камине, принести горячей воды, вынести ночной горшок. Я перекатилась в

постели поближе, прижалась к нему — круглые грудки против его теплой груди, позволила распущенным волосам пролиться потоком золота и бронзы. Вдохнула теплый, возбуждающий запах бороды, почувствовала мягкое покалывание коротких волосков над верхней губой, прижалась к его губам, впилась в них, слыша, нет, чувствуя, вырвавшийся стон желания.

Подняла голову, улыбнулась, глядя ему прямо в глаза.

— Вот твой поцелуй, — прошептала хрипло, во мне тоже поднималось желание. — Почему ты приказал художнику нарисовать мой портрет?

— Я тебе покажу, — пообещал он. — После мессы. Отправимся вниз по реке на верфи посмотреть новый корабль, а заодно увидишь, что случилось с рисунком.

— А корабль уже готов? — Мне не хотелось отодвигаться от него, но он уж откинул покрывала, намереваясь встать.

— Да. Будем спускаться на воду на следующей неделе. — Он чуть отдернул занавеску и крикнул слуге позвать Георга. Я накинула платье и плащ, Генрих помог мне спуститься с кровати, поцеловал в щеку. — Пожалуй, позавтракаю с королевой, а потом поедем посмотреть на корабль.

Чудесное было утро. Я надела новый желтого бархата костюм для верховой езды, сшитый из подаренной королем материи. Анна была рядом со мной, в одном из моих старых платьев. Что за удовольствие — наблюдать сестру в своих обносках. В то же время, как это обычно бывает у сестер-соперниц, я в восхищении разглядывала, что она сделала с платьем — приказала его укоротить и слегка перешить в модном французском стиле. На голове маленькая французского покроя шапочка из того же материала, сшитая из обрезков укороченной юбки. Генрих Перси глаз от нее отвести не мог. Но она с равным очарованием флиртвала со всеми приятелями короля. Всего нас было девять. Во главе, бок о бок, скачем мы с Генрихом, за нами Анна с Перси и Уильямом Норрисом. Следом Георг и Джейн — унылая молчаливая парочка, последними Франциск Уэстон и Уильям Бертон, [\[16\]](#) хохочут и перебрасываются шуточками. Впереди — пара конюхов, а сзади — четыре вооруженных солдата.

Мы подъехали к реке. Прилив был высоким, волны накатывали на берег, оставляя белую пену. Чаек ветром относил к земле, мы

слышали их крики, крылья кувыркающихся в воздухе, борющихся с ветром птиц блестели серебром на ярком весеннем солнце. Зеленая изгородь вдоль дороги сияла свежей порослью, кремово-желтые островки первоцветов сверкали на обочинах солнечными зайчиками. Дорога вдоль реки была неплохо утоптана, и лошади без труда скакали легким галопом. Король, верхом на коне, пел мне любовную песню своего сочинения. А когда принялся исполнять во второй раз, я стала ему подпевать. Он рассмеялся, слушая мои попытки. Нет у меня сестринского таланта к пению, ну да какая разница. В тот день все было прекрасно, ничего не могло испортить нашего настроения, мы с возлюбленным скачем вместе, солнце сияет ярче не придумаешь, чудесное путешествие, он счастлив, и я счастлива его счастьем.

Мы добрались до верфи быстрее, чем мне хотелось, и Генрих, спешившись, снял меня с седла, сорвав быстрый поцелуй прежде, чем поставить на землю.

— Красавица моя, — шепнул на ухо, — у меня для тебя небольшой сюрприз.

Он развернул меня в другую сторону, сам встал рядом, чтобы не загораживать великолепное новое судно, почти готовое выйти в море. С характерной высокой кормой и носом боевого корабля, оно было создано для скорости.

— Гляди. — Генрих понял, что я вижу красоту корабля, но упускаю детали. Он указал на имя судна на украшенном орнаментом носу — изогнутые позолоченные буквы складывались в четкую надпись: «Мария Болейн».

Я застыла, читая буквы собственного имени, еще не понимая, в чем дело. Он не рассмеялся, глядя на мое изумленное лицо, просто наблюдал за мной, пока удивление не сменилось наконец пониманием.

— Ты назвал корабль в честь меня! — Я слышала, как дрожит мой голос. Слишком большая почесть, я — такая юная, такая незначительная, а здесь целый корабль, да еще и какой, назван моим именем. Теперь весь мир будет знать, я — возлюбленная короля. Теперь уже не скроешь.

— В честь тебя, красавица моя, — улыбнулся король. Он-то думает, я должна быть в восторге.

Взял меня под руку — руки у меня холодны как лед, — повлек вперед. Резная фигура на носу корабля, благородный, прекрасный

профиль, глядящий туда, вдаль, на Темзу, на море, на Францию. Это же я. Мои губы, слегка приоткрытые, легкая улыбка, будто я и правду готова к ждущим меня приключениям. Словно я не жалкая марионетка в руках семьи Говард, а храбрая, прекрасная леди, сама творящая свою судьбу.

— Это я? — Голос чуть слышен за шумом воды, плещущейся у края сухого дока.

Губы Генриха у самого моего уха, его теплое дыхание греет холодную щеку.

— Ты. И красавица, как ты. Счастлива, Мария?

Я повернулась к нему, он меня обнял, я, привстав на цыпочки, зарыла лицо в теплоту его шеи, сладкий запах бороды и волос, и прошептала:

— О, Генрих.

Мне хотелось спрятаться от его взора, я знала, на лице моем написан ужас, а не удовольствие и сейчас его все заметят.

— Счастлива? — настойчиво переспросил он. Поднял мое лицо, взял за подбородок, будто хотел прочесть душу как манускрипт. — Это огромная честь.

— Я знаю. — Улыбка дрожала у меня на губах. — Благодарю вас.

— И ты будешь спускать его на воду, — пообещал король. — На следующей неделе.

— Не королева? — произнесла я после секундного колебания.

Меня страшила эта участь — занять место королевы при спуске на воду новейшего, наивеличайшего судна, который он когда-либо построил. Но ясно же, кроме меня, некому. Не может же она спускать на воду корабль, носящий мое имя.

Он отмел ее в сторону, словно они не были женаты уже тринадцать лет, и только и сказал:

— Нет, не королева. Ты.

У меня достало сил улыбнуться и тем самым скрыть ужас — я несусь куда-то слишком быстро, слишком далеко, и в конце дороги ждет не беззаботная радость, подобная радости сегодняшнего утра. Нет, там куда темнее и страшнее. Мы пока еще беззаботно скачем, распевая хором, перевирая мелодию, но мы уже не просто возлюбленный со своей подружкой. Если мое имя носит такой корабль, если мне его спускать на воду на следующей неделе, значит, я и впрямь

соперница королевы Англии, враг испанского посла, всего испанского народа, весомая сила при дворе, угроза семье Сеймур. Чем выше меня вознесет милость короля, тем сильнее грозящая мне опасность. Но я так молода, мне всего пятнадцать лет. Честолюбивые мечты не доставляют мне никакого удовольствия.

Как будто догадавшись о моем внутреннем сопротивлении, Анна была уже тут как тут.

— Ваше величество, какая высокая честь оказана моей сестре. Потрясающая шхуна, прекрасная, словно женщина, именем которой названа. Сильный, могучий корабль — как вы, ваше величество. Да благословит эту шхуну Бог, пусть сражается с вашими врагами, кто бы они ни были.

Генрих улыбнулся, услышав комплимент:

— Она обречена на успех. С лицом ангела на носу — другому не бывать.

— Она уже в этом году отправится бить французов? — спросил Георг, взяв меня за руку и легонько ущипнув, чтобы напомнить, в чем заключается работа придворного.

Король грозно усмехнулся:

— Безо всякого сомнения. И если испанский император будет действовать со мной в союзе, план таков — мы атакуем на севере Франции, пока он нападает на юге. Тогда уж обуздаем гордыню Франциска. Без сомнения, будущим летом все так и будет.

— Если мы можем доверять испанцам, — вкрадчиво заметила Анна.

Лицо Генриха потемнело.

— Это они в нас нуждаются, не мы в них. И пусть Карл не забывается, дело не в родстве и семейных связях. Если королева почему-либо со мной не в ладах, ей следует помнить — она в первую очередь королева Англии, а уже потом испанская принцесса, и прежде всего должна быть предана мне, своему королю.

Анна кивнула:

— Ненавижу раздвоенность. Хвала Господу, мы, Болейны, всецело преданы Англии. Целиком, без остатка.

— Несмотря на свои французские платья, — с проблеском остроумия заметил король.

Анна улыбнулась.

— Платье всего лишь платье. Платье Марии сшито из желтого бархата, но вам, лучше чем кому-нибудь другому, известно — под платьем скрывается верноподданное, преданное сердце.

Он повернулся ко мне, улыбнулся:

— Счастлив вознаградить такое верное сердце.

Я чувствовала, как к глазам подступают слезы, попыталась смигнуть их с ресниц, но одна никак не хотела уходить. Генрих наклонился, поцеловал меня в глаза.

— Сладчайшее создание, — прошептал он. — Моя маленькая английская роза.

При спуске прекрасной «Марии Болейн» на воду присутствовал весь двор, только королева заявила, что ей неможется, и осталась дома. Испанский посол наблюдал, как корабль шел к воде, и что бы он ни думал об имени шхуны, вслух он своих мыслей не высказал.

Мой отец пребывал в состоянии неистового раздражения на самого себя, на меня, на короля. Великая честь, оказанная мне и всему семейству, оказалась недешева. В подобных делах королю Генриху равных не было. Когда отец с дядей пришли поблагодарить за такое использование нашего родового имени, он разразился благодарностями за те пожертвования, которые они, несомненно, сделают в пользу замечательного корабля, носящего их имя, что, несомненно, укрепляет их репутацию.

— Так что ставки поднялись еще выше, — весело заметил Георг, пока мы наблюдали, как судно скользит по стапелям по направлению к соленым водам Темзы.

— Куда им быть еще выше? — чуть слышно, шевеля только уголком губ, спросила я. — Итак уже моя жизнь поставлена на карту.

Рабочие верфи, полупьяные от дарового эля, с громкими криками махали шапками. Анна улыбнулась и замахала в ответ. Георг усмехнулся. Ветер теребил перо у него на берете, ворошил темные кудри.

— Теперь отцу придется потратиться, чтобы ты оставалась королевской фавориткой. На карту положено не только твое сердечко и твое счастье, моя маленькая сестричка, но и все семейное состояние. Мы думали, сыграем на его любовной тоске, но дело обернулось так, что он выставил нас заимодавцами. Ставки поднялись выше. Отец и

дядя захотят, чтобы их вложения окупились. Спорю, мы это скоро увидим.

Я отвернулась от Георга, искала глазами Анну. Она стояла немного поодаль, рядом с ней, как обычно, Генрих Перси. Они оба следили за кораблем, буксиры потащили судно по реке, потом развернули и, борясь с течением, пришвартовали к пристани, чтобы оснастить прямо на воде. Лицо Анны оживлено, ей всегда нравится флиртовать.

Она улыбнулась мне и насмешливо крикнула:

— Да здравствует Королева дня. Я скорчила гримаску:

— Перестань меня дразнить, Анна. Мне уже довольно досталось от брата.

Генрих Перси шагнул поближе, взял мою руку, поднес к губам. Взглянув на его склоненную светловолосую голову, я поняла, как высоко меня вознесла моя звезда. Это был Генрих Перси, сын и наследник герцога Нортумберленда. Во всем королевстве не нашлось бы другого с такими возможностями и таким состоянием. Сын самого богатого человека в Англии, влиянием уступающего только самому королю. И вот он склоняет голову и целует мне руку.

— Она больше не будет вас дразнить, — заверил он, поднимая голову и улыбаясь, — поскольку я веду вас обедать. Мне сказали, повара из Гринвича трудятся с рассвета, чтобы все было готово. Король уже направил свои стопы к столу, не пора и нам последовать за ним?

Я помедлила минутку, но королева, которая всегда придавала такое большое значение формальностям, осталась в Гринвиче, лежала там в затемненной комнате с болью в животе и страхом в сердце. На доках толпились лишь ничемные, ничем не занятые придворные. Никому и дела не было ни до каких правил, кроме одного — победитель ступает первым.

— Конечно, — ответила я. — Почему бы и нет.

Лорд Генрих Перси предложил другую руку Анне:

— Могу ли я завладеть обеими сестрами?

— Сдается мне, Библией это запрещено, — игриво парировала Анна. — Библия, однако, разрешает выбирать между сестрами, а потом уж хранить верность выбору. Все остальное — смертный грех.

Лорд Генрих Перси рассмеялся:

— Не беспокойтесь, я смогу получить индульгенцию. Папа Римский, без сомнения, отпустит мне грехи. С двумя такими сестрами как можно ожидать от смертного, что он сумеет сделать выбор.

Мы отправились домой только после того, как пали сумерки и на бледном небе начали проступать звезды. Я скакала рядом с королем, рука в руке, пусть лошади идут неторопливой иноходью по проложенной по берегу реки дороге. Мы въехали под арку, ведущую во дворец, прямо к настежь открытой двери. Он натянул поводья, лошади встали. Король снял меня с седла и прошептал в самое ухо: «Как бы я хотел, любовь моя, чтобы ты была королевой — все дни, не только один день на пиру у реки».

— И он это сказал? — переспросил дядюшка.

Я стояла перед ним, как обвиняемый во время допроса на суде. В помещениях, принадлежащих семье Говард, за большим столом сидел дядя Говард, герцог Суррей, а рядом с ним отец и Георг. На другой стороне комнаты, у меня за спиной, устроились мать и Анна. Я, одна-одинешенька, стояла посредине комнаты, словно нашкодивший ребенок перед старшими.

— Он сказал, что хотел бы видеть меня королевой все дни, — еле слышно прошептала я. До чего же ненавижу Анну, разболтать такой секрет, ненавижу отца и дядю, их ледяным сердцам ничего не стоит производить вивисекцию страстных речей любовников.

— И что, по твоему мнению, он имел в виду?

— Ничего, — мрачно ответила я. — Это просто любовная болтовня.

— Нам нужно получить хоть что-то взамен этих бесконечных ссуд, — раздраженным голосом проговорил дядя. — Пообещал он тебе какие-нибудь земли? Награду Георгу? Нам?

— Может, намекнешь на это? — предложил отец. — Напомни ему, твой брат собирается жениться.

Я взглянула на Георга с немой мольбой.

— Дело в том, что король весьма чувствителен к подобным вещам, — заметил брат. — Все у него чего-нибудь беспрерывно выпрашивают. Каждое утро, когда он выходит из опочивальни и идет к мессе, выстраиваются целые ряды просителей. Сдается мне, ему нравится, что Мария совсем не такая. По-моему, она ни о чем не должна просить.

— У нее и так в ушах алмазы ценой в целое состояние, — резко вступила в разговор мать. Анна кивнула:

— Она их не выпрашивала. Он сам ей подарил. Ему нравится выказывать щедрость, когда никто не ожидает. Пусть лучше Мария ведет свою игру. У нее такой талант — любить короля.

Я прикусила губу, чтобы ничего не сказать. Да, у меня такой талант — я его люблю. Может, мой единственный талант. А наша семейка, все эти влиятельные мужчины, они просто используют — в интересах семьи, конечно, — мой талант к любви, точно так же, как используют талант Георга к фехтованию или отцовские способности к иностранным языкам.

— Двор на следующей неделе переезжает в Лондон, — бросил мой отец. — Король увидится с испанским послом. Вряд ли он еще что-нибудь такое сделает для Марии, пока нуждается в испанских союзниках для войны с Францией.

— Тогда придется стремиться к миру, — злобно посоветовал дядя.

— Так я и делаю. Я известный миротворец, — ответил отец. — Блажен, не правда ли, как и подобает миротворцу?

Переезд двора всегда являет величественное зрелище, нечто среднее между деревенской ярмаркой, балаганом и ристалищем. Все было организовано кардиналом Уолси, при дворе, да и во всей стране, всяк подчинялся его команде. Он сражался бок о бок с королем в Битве Шпор во Франции, заведовал провиантом, и ни в одном походе солдаты не ели так обильно и не спали так мягко. Он улавливал все, что ни происходило; перевозя двор с одного места на другое, обращал внимание на мельчайшие детали. Что бы ни делалось в политике, все знал — где остановиться, какого лорда осчастливить визитом во время королевского летнего путешествия. И в хитрости ему не откажешь — ни в коем случае не беспокоил короля подобными вопросами, чтобы молодому Генриху доставались одни только удовольствия, пусть думает, будто припасы, слуги и все такое прочее само собой падает с неба.

Именно кардинал определял, кто в каком порядке переезжает. Сначала едут пажи, над головами развеваются штандарты с гербами всех лордов королевского кортежа. Потом, через некоторое время, пусть пыль уляжется, выступает сам король на лучшем коне, седло красной кожи и попона богато украшены всеми атрибутами

королевской власти. Над головой вьется королевский стяг, рядом скачут приятели, которых он выбирает заново каждый день: мой муж Уильям Кэри, сам кардинал Уолси, мой отец, а за ними бесчисленная королевская свита — эти скачут как хотят, то осаживая коней, то снова прищпоривая. Вокруг свободным строем, с пиками наперевес личная королевская охрана. И не то чтобы они его защищают — кому придет в голову нападать на короля? — но толпу, собирающуюся в каждом городке или селении у нас по дороге, чтобы поприветствовать монарха и потаращить глаза на великолепие кортежа, оттесняют.

Потом снова никого, пусть пыль уляжется. И тут кортеж королевы. Она верхом на старой покойного хода лошади под дамским седлом — королева всегда на ней ездит. Платье спадает крупными неуклюжими складками, шитая парча топорщится. На голове замысловатая шляпка, глаза чуть прищурены — солнце светит слишком ярко. Королеве нездоровится. Я знаю, я была рядом с ней, когда она садилась утром на лошадь, и слышала — забираясь в седло, она тихонько ойкнула, как от боли.

За королевской свитой остальные домочадцы — кто верхом, кто в повозках. Распевают песни, попивают эль, чтобы в горле оседало поменьше пыли. Всем нам весело и беззаботно, настроение праздничное, двор покидает Гринвич и едет в Лондон. Начинается новый сезон пиров и забав, и кто знает, что случится в этом году?

В Йоркском дворце у королевы маленькая, чистенькая, уютная комната. У нас всего несколько дней, все распаковать, разложить по местам. Король, как обычно, наносит утренние визиты, а с ним и придворные, среди них лорд Генрих Перси. Его светлость и Анна нередко сидят бок о бок у окна, головы склонились друг к дружке, трудятся над одной из поэм, сочиняемых лордом. Он клянется и божится, что станет под ее руководством великим поэтом, а она утверждает, что ему в жизни ничему не выучиться и все это пустая трата времени, убиваемого на подобного болвана.

Сдается мне, не девушке из семейства Болейн, родившейся в маленьком замке в Кенте, у которой всех владений — горстка полей в Эссексе, подобает называть болваном сына герцога Нортумберленда, но Генрих Перси только хохочет, зовет ее слишком суровой учительницей и убеждает всех, что его талант еще покажет себя, дайте только срок.

— Кардинал вас спрашивал, — говорю я лорду Генриху. Он поднимается, не торопясь, целует руку Анне и направляется на поиски кардинала Уолси. Анна собирает бумаги, над которыми они так самозабвенно трудились, и складывает их в свой ящичек для письменных принадлежностей.

— И что, прорезался его поэтический талант? — спрашиваю я.

Анна с улыбкой пожимает плечами:

— Он, право, не Уайетт.^[17]

— А что касается ухаживаний — здесь он Уайетт?

— Он не женат, а потому весьма привлекателен для тонко чувствующих особ.

— Высоковато будет, даже для тебя.

— Не знаю, не знаю. Я его хочу, он хочет меня, почему бы и нет.

— Попроси отца поговорить с герцогом, — саркастическим тоном советую я. — Посмотрим, что герцог на это ответит.

Анна отвернулась к окну. Внизу виднелись бесконечные ухоженные лужайки Йоркского дворца, почти теряющиеся внизу у реки.

— Не собираюсь просить отца. Поверь мне, сама соображу, как справляться со своими делами.

Я чуть не расхохоталась, но вдруг поняла — сестра говорит серьезно.

— Анна, ты одна ни с чем не можешь справиться. Он еще так молод, тебе самой только семнадцать, такие дела самостоятельно не решают. У его отца уже наверняка все планы готовы, а у наших — отца и дядюшки — тоже небось на тебя свои виды. Мы не сами по себе, мы — из семьи Болейн. Поэтому нами и руководят, направляют нас, куда следует. Посмотри на меня!

— Да, именно, посмотрите-ка на нее! — Она внезапно резко повернулась, излучая, казалось, зловещую силу. — Замуж выдали еще ребенком, а теперь — королевская любовница. Вдвое глупее меня и вполовину не так образованна, а туда же — в самом центре двора! А я — я никто! Быть при тебе фрейлиной — ничего другого не остается. Не желаю больше тебе прислуживать, Мария, это ниже моего достоинства.

— Я никогда тебя не просила... — еле смогла выговорить я.

— Кто заставляет тебя принимать ванну и моет тебе голову? — прозвучал сердитый вопрос.

— Ты, конечно. Но, Анна...

— Кто помогает тебе выбрать подходящее платье, подсказывает, как вести себя с королем? Кто тебя сотни раз выручал, когда глупость и неповоротливый язык не давали найти подходящий ответ?

— Ты. Но, Анна...

— И что от этого хорошего мне? Даже мужа нет, которому король мог бы пожаловать землю в знак своего благоволения ко мне. Некому дать высокую должность за то, что моя сестра — любовница короля. Мне ничего не достается. Вознесись ты хоть выше небес, мне ничего не получить. Приходится искать собственное место.

— Да, тебе необходимо свое место, — согласилась я. — Тут не возразишь. Я только сказала, герцогиней ты станешь вряд ли.

— Не тебе решать, — набросилась на меня сестра. — Кто ты такая? Только мешаешь королю заниматься важным делом — завести сына и наследника, если может, собрать армию и выиграть войну, если сумеет.

— Я не говорю, что мне решать, — шепнула я. — Я просто сказала, они тебе все равно не позволят.

— Когда дело сделано — дело сделано. — Анна решительно потрянула головой. — А пока не сделано — никто ничего не узнает.

Она вдруг, как змея в броске, протянула руку и со всей силой схватила меня. Вывернула мне руку за спину, вцепилась так, что я и шевельнуться не могла, только вскрикнула от нестерпимой боли:

— Анна! Перестань! Больно же.

— Ну вот, послушай, — прошипела мне в самое ухо. — Послушай, Мария. Я веду свою игру, так что ты уж лучше не вмешивайся. Никто ничего не должен знать, пока я сама не скажу, а когда они узнают, будет слишком поздно.

— Собираешься переспать с ним?

Она неожиданно выпустила мою руку, я потеряла плечо и локоть — болит по-настоящему.

— Я его заставлю на мне жениться, — тихим голосом произнесла Анна. — И если ты кому-нибудь хоть словом проболтаешься, я тебя убью.

Теперь я куда внимательней наблюдала за Анной. Было ясно, она вертит им, как хочет. Остались позади долгие зимние месяцы сближения в Гринвиче, а теперь, когда вышло солнышко и мы прибыли в Йоркский дворец, она вдруг пошла на попятный. И чем сильнее сестра отстранялась, тем дальше завлекала ухажера. Стоило ему войти в комнату, она бросала улыбку — словно стрелу пускала прямо в яблочко мишени. Весь ее облик, казалось, зовет, источает желание. Но Анна тут же отворачивалась и больше на него не глядела, сколько он ни оставайся в комнате.

Он состоял в свите кардинала Уолси, и предполагалось, что ему следует ждать его милость, пока тот наносит визит королю или королеве. На деле это означало следующее — юный лорд слонялся по покоям королевы и флиртовал с любой дамой, которая пожелает с ним разговаривать. Понятно, он глаз не спускал с Анны, а она проходила мимо, не глядя, и танцевала с бесчисленными кавалерами. Роняла перчатку, позволяла ему ее поднять, садилась рядом, не произнося ни слова, вернула ему его поэмы, сказав, что не может помогать дальше.

Она явно решила постоянно уклоняться от встречи, и молодой человек никак не мог взять в толк, что же делать, как снова ее заполучить.

В один прекрасный день он подошел ко мне:

— Мадам Кэри, скажите, не обидел ли я чем вашу сестру?

— Не думаю, нет.

— Она раньше так мило мне улыбалась, а теперь от нее все чаще веет холодом.

Я на минуту задумалась, никогда у меня не получались быстрые ответы. Сказать правду — с тобой играют, как кошка с мышкой? Но я знала — Анне такой ответ ни к чему. С другой стороны, можно поступить по-другому, и сестра будет довольна. Я поглядела на него с подлинным состраданием — на мгновенье. Потом одарила улыбкой сестер Болейн и ответила, как подобает даме из семейства Говард:

— Дело в том, милорд, что она боится проявить слишком много тепла.

Я заметила — его наивное мальчишеское лицо осветилось надеждой.

— Слишком много тепла?

— Она же всегда так добра к вам, милорд.

— Да, да, я ее верный раб.

— Мне кажется, она боится слишком к вам привязаться. Он наклонился поближе, будто выхватывая слова прямо у меня изо рта:

— Слишком привязаться?

— Привязанности опасны для мира в душе, — тихо произнесла я.

Он вскочил, отошел от меня, снова вернулся:

— Так я ей нравлюсь?

Я улыбнулась, слегка отвернула голову — ложь никогда мне особенно не удавалась. Но от него так легко не отделаешься. Опустился передо мной на одно колено и впился глазами прямо в лицо.

— Скажите же мне, мадам Кэри, — умоляюще начал он. — Я не сплю ночами. У меня пропал аппетит. Я измучен душой. Скажите мне, вы думаете, она меня любит? Вы думаете, она сможет меня полюбить? Ответьте, сжальтесь над беднягой.

— Не могу вам ответить. — И вправду, что я могла сделать. Ложь бы застряла у меня в горле. — Спросите ее сами.

Он подпрыгнул — словно заяц из кустов, за которым гонятся собаки:

— Спрошу, непременно спрошу. Где она?

— Играет в шары в саду.

Больше ему ничего не надо, распахнул дверь и выскочил из комнаты. Я слышала только стук каблуков по каменным ступеням. Джейн Паркер, сидевшая напротив, недоуменно взглянула на меня.

— Хочешь покорить еще одно сердце? — Она, как всегда, попала впросак.

Я улыбнулась — столь же ядовитой улыбкой — и сказала словно невзначай:

— Одни женщины привлекают мужчин, другие — нет.

Он обнаружил ее на лужайке для игры в шары, где сестра элегантно, с заранее обдуманном намереньем проигрывала сэру Томасу Уайетту.

— Я напишу сонет в вашу честь, — пообещал поэт. — Вы отдали мне победу с непередаваемой добротой.

— Нет, нет, у нас честное состязание.

— Если бы мы играли на деньги, мне бы пришлось, без сомнения, развязать кошелек. Вы, Болейны, проигрываете только тогда, когда на

кону ничего достойного нет.

Анна улыбнулась:

— Следующий раз вы поставите на кон все свое состояние. Видите, я уже убаюкала вас, и вы думаете — бояться нечего.

— Состояния у меня нет, но могу предложить свое сердце.

— Не хотите ли прогуляться со *мною*, — громко, куда громче, чем намеревался, воскликнул, прерывая галантный разговор, Генрих Перси.

Анна изумленно вздрогнула, будто не заметила его раньше:

— О, это вы, лорд Генрих.

— Дама играет в шары, — сказал сэра Томас.

Анна улыбнулась обоим мужчинам разом:

— Я разгромлена наголову, лучше мне пойти прогуляться и обдумать стратегию борьбы. — И она протянула руку лорду Генриху.

Он повел ее прочь от лужайки, по извилистой тропинке, ведущей к скамейке под большим тисом.

— Мисс Анна, — начал он.

— Слишком сыро, чтобы сидеть, правда?

Он немедленно скинул плащ, постелил на каменной скамье.

— Мисс Анна...

— Нет, слишком прохладно, — заявила она и поднялась.

— Мисс Анна! — воскликнул он, на этот раз чуть сердито.

Анна помедлила, повернулась, одарила его самой соблазнительной из своих улыбок.

— Ваше сиятельство?

— Я хочу знать, почему с недавних пор вы так холодны со мной?

Она помолчала минутку, потом, отбросив привычное кокетство, поглядела на него — лицо такое серьезное и прекрасное.

— Я не хотела быть неласковой, — медленно начала она, — я просто пытаюсь быть поосторожней.

— Правда? Я так мучился!

— Я вовсе не желала вас мучить. Мы оказались слишком близко, так оставаться не может.

— Почему? — прошептал юноша.

Она обвела взглядом сад, поглядела на реку, проговорила тихо:

— Я думала, так будет лучше — для меня, а может, и для нас обоих. Наша дружба сделалась слишком тесной, я чувствовала себя

неловко.

Он отступил от нее, потом снова приблизился.

— Я бы в жизни не причинил вам никакого неудобства, — заверил Генрих Перси. — Хотите, поклянусь, что это будет просто дружба и даже тени скандала на вас не упадет.

Она взглянула на него сверкающими черными глазами:

— Пообещаете, что никто и никогда не скажет, что мы влюблены друг в друга?

Он, не говоря ни слова, отрицательно мотнул головой. При этом дворе, где каждый только и мечтает о скандале, как можно такое пообещать.

— Пообещаете, что мы никогда друг в друга не влюбимся?

— Конечно, я люблю вас, мисс Анна, — раздумчиво произнес он. — Нежно, как положено придворному.

Она улыбнулась, будто довольная его ответом:

— Я знаю, это просто весенняя игра и больше ничего. Я тоже, конечно, вас люблю. Но эта игра опасна, если игроки — привлекательный мужчина и молодая девушка. Тогда многие сразу скажут — они просто созданы друг для друга.

— А такое говорят?

— Да, когда мы танцуем. Когда видят, как вы смотрите на меня, как я улыбаюсь в ответ.

— А что еще они говорят? — Он замороженно следил за рассказом.

— Говорят, вы в меня влюблены. Говорят, я влюблена в вас. Говорят, мы по уши увязли в любви, а думаем, это просто игра.

— Боже. — Он вдруг будто прозрел. — Да, ведь это *правда*.

— Но, милорд, что вы такое говорите?

— Каким же я был дураком. Давным-давно уже в вас влюбился, а сам все время думал — это просто забава, вы меня дразните, ничего серьезного.

— Для меня все куда как серьезно, — ласково на него глянув, прошептала она.

Юноша застыл под взглядом этих темных глаз.

— Анна, — шепнул он, — любовь моя.

Ее губы как будто ждали поцелуя. Она выдохнула:

— Генрих. Мой Генрих.

Он приблизился, обнял затянутую в кружева талию. Притянул Анну к себе, та подалась, источая соблазн, чуть двинулась навстречу. Генрих наклонился к ней, губы нашли губы девушки — в первом поцелуе.

— Скажи это, — прошептала Анна, — скажи прямо сейчас, в этот самый момент, скажи мне, Генрих.

— Выходи за меня замуж!

— Вот дело и сделано, — небрежно рассказывала Анна вечером, когда мы остались в спальне вдвоем. Она приказала принести горячей воды, и мы обе сидели в ванне, поочередно терли друг другу спинки и мыли друг дружке волосы. Анна, как и все при французском дворе, большая поклонница чистоты, на этот раз занималась мытьем еще неистовой, чем обычно. Она проверила мои ногти — и на руках, и на ногах, будто я была грязнулей-мальчишкой, дала мне специальную палочку слоновой кости — вычистить уши, словно я была годовалым младенцем, расчесала частым гребнем — нет ли вшей — каждую прядку моих волос, сколько я ни ойкала от боли.

— Ну и... Что сделано? — сердито спросила я, вылезая из ванны и завертываясь в простыню — вода капала на пол. Вошли четыре служанки — вычерпать воду, чтобы можно было унести громоздкую деревянную ванну. Они собирали воду большими грубыми, уже намокшими простынями, так что дело продвигалось медленно. — Все, что ты мне рассказала, — просто флирт, да и только.

— Он сделал мне предложение, — ответила Анна, чуть за служанками закрылась дверь. Она потуже обернулась в простыню и уселась перед зеркалом.

Раздался стук в дверь.

— Ну, кто там еще? — раздраженно крикнула я.

— Это я, — ответил Георг.

— Мы ванну принимаем.

— Ничего, пусть войдет. — Анна уже начала расчесывать иссиня-черные волосы. — Поможет мне расчесать этот колтун.

Брат ступил в комнату и только брови поднял, заметив всю эту мешанину — вода на полу, повсюду мокрые простыни, мы обе, полуодетые, густая грива Анны в беспорядке рассыпалась по плечам.

— Что такое — маскарад? Нарядились русалками?

— Анна решила, надо помыться. Опять!

Сестра протянула брату расческу.

— Расчеши мне волосы, — улыбнулась хитрой улыбкой. — А то Мария всегда их так дерет.

Брат покорно принялся расчесывать густые черные кудри, прядку за прядкой. Он орудовал бережно, будто расчесывая гриву любимой кобыле. Анна от удовольствия даже глаза зажмурила.

— Вши? — внезапно насторожилась она.

— Пока нет, — доверительным шепотом, достойным венецианского парикмахера, ответил брат.

— Что сделано? — повторила я, возвращаясь к рассказу Анны.

— Он у меня в кармане, — без обиняков заявила сестра. — Генрих Перси. Сказал, что меня любит, сделал предложение. Ты и Георг должны быть свидетелями на обручении. Пусть даст мне кольцо, тогда и впрямь дело сделано, не разобьешь, ничуть не слабее, чем венчание в церкви со священником. И я буду герцогиней.

— Господи Боже мой. — Георг застыл с расческой в руках. — Анна! Ты уверена?

— Что мне — упускать такое? — резко бросила она.

— Нет, — согласился брат, — но все-таки. Герцогиня Нортумберленд! Боже, Анна, тебе будет принадлежать почти весь север Англии.

Она кивнула, улыбнулась своему отражению в зеркале.

— Господи, мы станем одной из самых влиятельных семей в стране! А может, и во всей Европе! Мария в постели короля, ты — жена одного из самых могущественных его подданных. Мы навсегда вознесем Говардов на небывалую высоту. — Он прервал взволнованную речь, будто уже обдумывал следующий шаг.

— А если Мария забеременеет от короля и родится мальчик, то при поддержке Нортумберлендов он может и на трон претендовать. И я буду дядей короля Англии!

— То-то и оно, — вкрадчиво сказала Анна. — Об этом я и думаю.

Я промолчала, наблюдая за сестриным лицом.

— Семья Говардов на троне, — бормотал Георг себе под нос. — Союз Нортумберлендов и Говардов. И дело уже сделано, да? Как две такие семьи могут сойтись вместе? Только через брак и общего наследника. Мария может родить наследника, а Анна — привязать к нему Перси и его родных.

— Ты думала — я ничего не добьюсь. — Анна показала на меня пальцем.

Я кивнула:

— Считала — ты метишь слишком высоко.

— В следующий раз не возражай, — предупредила сестра. — Я, куда целюсь, туда и попадаю.

— В следующий раз буду знать, — покорно кивнула я.

— А он? — забеспокоился Георг. — Вдруг они его наследства лишат? Хорошенькое тогда будет дело — выйти замуж за мальчишку, которому светила герцогская корона, а достался позор и больше ничего.

Она покачала головой:

— Ничего такого не случится, они им слишком дорожат. Но вам придется меня поддержать, тебе, Георг, и отцу с дядей. Его отец должен убедиться, что мы достаточно для них хороши. Тогда они разрешат помолвку.

— Сделаю все, что смогу, — пообещал брат, — но не забывай, такая гордая семейка. Его собирались женить на Марии Тальбот, пока Уолси не стал возражать против этого брака. Они не захотят тебя вместо нее.

— Ты за его богатством гонишься, да? — задала я свой вопрос.

— Конечно, и за титулом тоже, — грубо бросила сестра.

— Понятно, понятно, но он тебе хоть немножко нравится?

Сначала я подумала — она снова отмахнется от вопроса, отпустит какую-нибудь шуточку, будто его мальчишеское обожание и впрямь ничего для нее не значит. Но она наклонила голову, и свежевывмытые волосы полились Георгу в руки тяжелой темной струей.

— О, я сама знаю, это глупо. Я знаю, он просто мальчишка, и притом глупый мальчишка, но когда он со мной, я тоже становлюсь молоденькой девчонкой. Мне тогда кажется — мы два подростка, влюблены и ничего не страшимся. При нем я такая беспечная, будто он меня заморозил! Словно я и впрямь его люблю.

Казалось, говардовское заклятье холодности вдруг исчезло, разбилось, как зеркало, и все вдруг заиграло настоящими, живыми, яркими красками. Я рассмеялась, схватила сестру за руки, заглянула ей в лицо.

— Правда, чудесно быть влюбленной? — требовала я ответа. — Лучше ничего на свете нет.

Она отняла руки:

— Отвяжись, что ты, право, как маленькая, Мария? Да, да, совершенно чудесно, но перестань надо мной сюсюкать, я этого не переношу.

Георг взял густые пряди ее волос, обернул короной вокруг головы, залюбовался сестриным отражением в зеркале.

— Анна Болейн — и влюблена! Кто бы мог представить!

— Такого бы в жизни не произошло, не будь он вторым человеком в королевстве после самого короля, — напомнила ему сестра. — Я своего долга перед семьей не забываю.

Брат кивнул:

— Я знаю, Аннамария. Мы все знаем, ты целишься высоко. Но семейство Перси! Это куда выше, чем я воображал.

Она двинулась ближе к зеркалу, пристально вглядываясь в свое отражение. Потом спрятала лицо в ладонях:

— Моя первая любовь. Первая и навеки.

— Проси у Бога, чтобы это и впрямь была такая удача — последняя любовь и она же первая, — внезапно трезвым, рассудительным голосом произнес Георг.

Ее темные глаза встретились в зеркале с глазами брата.

— Пожалуйста, Господи, ничего в жизни не хочу больше, чем Генриха Перси. Этим я буду довольна. Знаешь, Георг, не могу даже сказать, как я буду довольна, если получу его.

Как Анна приказала, на следующий день пополудни Генрих Перси пришел в покои королевы. Время выбрано искусно, все фрейлины отправились на мессу, и мы были в комнате одни. Генрих Перси вошел и огляделся, удивляясь непривычным молчанию и пустоте. Анна подошла к нему, взяла обе руки в свои. Я заметила — он выглядит не столько влюбленным, сколько загнанным.

— Любовь моя, — произнесла Анна, и от звука ее голоса лицо юноши просветлено, к нему вернулась былая отвага.

— Анна, — шепнул он.

Пальцы нащупали что-то в кармане, он вытащил кольцо. С моего места у окна я разглядела отблеск алого рубина — символа добродетельных женщин.

— Тебе, — тихо сказал он.

Анна снова взяла его за руку:

— Хочешь, чтобы мы прямо сейчас поклялись друг другу в верности?

Он сглотнул.

— Да.

Она просияла:

— Тогда начнем.

Он взглянул на нас с Георгом, будто надеясь, что мы его остановим.

Мы ободрительно улыгнулись, по-болеиновски, этакая пара симпатичных змей.

— Я, Генрих Перси, беру тебя, Анну Болейн, в свои законные супруги, — произнес он, держа Анну за руку.

— Я, Анна Болейн, беру тебя, Генриха Перси, в свои законные супруги. — Ее голос дрожал куда меньше.

Он нашел средний палец.

— Этим кольцом я обещаю себя тебе. — И надел кольцо на палец. Оно было чуть великовато. Сестре пришлось сжать руку в кулак, чтобы кольцо не упало.

— Этим кольцом я беру тебя, — ответила она.

Он наклонился, поцеловал ее. Когда она повернулась ко мне, глаза ее затуманились желанием.

— Оставьте нас одних, — хрипло приказала она.

Брат и я дали им два часа, а потом услышали, как по каменным плитам коридора зазвучали шаги королевы и ее дам, возвращающихся с мессы. Мы громко забарабанили в дверь, особым ритмом, означающим «Болейн!», зная, Анна услышит, даже если крепко спит, насытившись любовью. Но, открыв дверь и войдя в комнату, обнаружили их с Генрихом Перси за сочинением мадригала. Она играла на лютне, а он напевал слова, которые они только что сочинили. Головы обоих почти соприкасались в попытке разглядеть на пюпитре написанные нотные знаки, но если не считать этой близости, все было как в любой другой день в течение последних трех месяцев.

Анна улыгнулась мне, когда мы с Георгом, а за нами фрейлины королевы вошли в дверь.

— А мы тут премиленькую мелодию сочинили, все утро трудились, — сладко пропела Анна.

— И как она называется? — спросил Георг.

— «Веселее, веселее», — ответила сестра. — «Веселее, веселее мы идем вперед».

В эту ночь настала очередь Анны тайком выбираться из нашей спальни. Когда башенные часы пробили полночь, она набросила поверх платья темную накидку и направилась к двери.

— Куда это ты направилась среди ночи? — Я была шокирована.

Из-под капюшона накидки показалось бледное лицо сестры.

— К моему мужу, — просто сказала она.

— Анна, так нельзя. — Я была в ужасе. — Тебя могут заметить, и тогда все пропало.

— Мы обручились в глазах Божьих и перед свидетелями. Крепко, как брак, правда ведь?

— Да, — против воли подтвердила я.

— А брак можно объявить несостоявшимся, если он не завершен, так?

— Да.

— Значит, надо поторопиться. Тогда и его семье не увильнуть — если мы оба скажем, что и обручились и поженились.

Я стояла на коленях в кровати, умоляя ее остаться.

— Что, если тебя увидят!

— Не увидят.

— Тогда его семья будет знать, что ты и он бродите по замку по ночам!

Она пожала плечами:

— Какая разница! Дело уже будет сделано.

— А если все закончится ничем... — Под взглядом ее жгучих глаз я оборвала фразу на середине. Она одним прыжком была у кровати, схватила ворот моей ночной рубашки, скрутила его жгутом на шее.

— Оттого я и иду, — прошипела сестра. — Ничего ты не понимаешь. Чтобы все не закончилось ничем. Чтобы никто не мог сказать — ничего не произошло. Чтобы все было подписано и скреплено печатью. Обручились и поженились. Дело сделано, не отречешься. А ты спи. Я вернусь скоро, задолго до рассвета. Но теперь мне пора.

Я кивнула и больше не произнесла ни слова, пока она не взялась за дверное кольцо.

— Но, Анна, ты его любишь?

Капюшон почти закрывал ее лицо, но я все же разглядела уголок улыбки.

— Глупо, ясное дело, в этом признаться, но я вся словно в лихорадке, стоит ему только меня коснуться.

Тут она открыла дверь и исчезла.

Лето 1523

На Майский праздник кардинал Уолси придумал новую забаву — игру в разбойники. Придворные дамы, все в белом, погрузились на барки, и на них — вот неожиданность — напали французские разбойники, все в черном. Вольные английские стрелки, одетые в зеленое, на своих барках попытались отбить пленниц. Завязалась веселая потасовка, противники окатывали друг друга водой из ведер, стреляли налево и направо снарядами, сделанными из свиных пузырей, наполненных водой. Королевская барка, богато изукрашенная зелеными флагами с зеленым же вымпелом на мачте, оснащенная маленькой пушечкой, забрасывала французских разбойников водяными снарядами, так что нападавших пришлось спасать при помощи лодочников с Темзы, которым за это немало заплатили. Одно плохо, им тоже хотелось поучаствовать в битве.

Королева во время сражения вымокла с головы до пят. Она веселилась, как девочка, глядя на мужа в роли Робин Гуда Ноттингемского, с маской на лице и зеленой шапочкой на голове.

Я сидела рядом с королевой, король бросил мне розу. Мы вернулись к пристани Йоркского дворца, там нас приветствовал сам кардинал. Заиграли спрятавшиеся за деревьями музыканты. Золотоволосый, на голову выше всех остальных, Робин Гуд повел меня в танце. Улыбка, я видела, ни на миг не покидала лица королевы, хотя король, танцуя, взял мою руку и прижал ее к зеленому камзолу, там, где было сердце. Чепец не скрывал великолепия торчащей за ухом розы.

Повара кардинала превзошли самих себя. Фаршированные павлины и лебеди, гуси и утки, оленина всех сортов, четыре вида жареной рыбы, а лучше всех жареный карп. Засахаренные фрукты и марципаны в форме цветов и букетов—отпраздновать май — так хороши, что даже есть жалко. После трапезы, когда от реки потянуло прохладой, музыканты заиграли таинственную мелодию и повели нас темнеющими аллеями обратно ко дворцу.

Дворец преобразился, кардинал приказал задрапировать залу зеленой материей, в каждом углу огромные букеты цветов, а в центре два зеленых трона — один для короля, другой для королевы. Перед

тронами маленькие танцовщики исполняют замысловатый танец. Мы заняли свои места, полюбовались на детишек в маскарадных костюмах, а потом и сами принялись танцевать.

Все веселились до полуночи, и только тогда королева поднялась и приказала придворным дамам покинуть залу. Я следовала в ее кортеже, но тут король ухватил меня за подол платья.

— Пойди сюда, — нетерпеливо приказал он.

Королева повернулась, собираясь сделать прощальный реверанс, и увидела — король держится за мою юбку, а я растерянно гляжу на него. Она, не задумываясь, опустилась перед мужем в самом что ни есть изысканном испанском реверансе.

— Спокойной ночи, супруг мой, — голос — слаще не бывает, — спокойной ночи, мадам Кэри.

Я тоже нырнула в реверансе и прошептала, склонив голову:

— Спокойной ночи, ваше величество.

Как мне хотелось опуститься еще ниже, на пол, провалиться сквозь пол, чтобы она не видела моего пылающего лица.

Когда я выпрямилась, королевы уже не было. Король будто совсем о ней позабыл, словно это мать ушла, оставив детишек резвиться на свободе.

— Музыканты, играйте, — весело скомандовал он. — И подать сюда еще вина.

Я огляделась вокруг, придворные дамы удалились вместе с королевой. Георг ободряюще улыбнулся мне и шепнул еле слышно:

— Не тушуйся, сестренка.

Я не знала, что отвечать, но тут Генрих поднял бокал и повернулся ко мне:

— За Королеву мая!

Придворные, которые повторили бы за королем все, что угодно, хоть голландскую скороговорку, подняли бокалы:

— За Королеву мая!

Генрих взял меня за руку и повел к трону, где только что сидела королева. Я покорно следовала за ним, только ноги заплетались. Не готова я сесть в ее кресло.

Он нежно подтолкнул меня у первой ступеньки, я обернулась взглянуть на невинные детские мордашки, на такие знакомые лица приближенных короля.

— Давайте станцуем для Королевы мая!

Он подхватил какую-то девчущку, и они принялись исполнять сложные фигуры танца. Я сидела в кресле королевы, глядя на ее мужа, танцующего передо мной, слегка флиртующего с партнершей, и понимала — у меня на лице такая же улыбка-маска, как у королевы, — все понимающая, все принимающая.

На следующий день после Майского праздника Анна — лицо белее мела — влетела в комнату.

— Посмотри! — прошипела она, бросив на кровать листок бумаги.

Дорогая Анна, сегодня я не могу с вами увидеться. Его преосвященство кардинал все знает, и мне приказано дать ему полное объяснение. Клянусь, я вас не подведу.

— Боже мой, — тихо сказала я. — Кардинал знает. Значит, король тоже узнает.

— И что с того? — проговорила сестра, бросаясь на меня, словно ядовитая змея. — Ну и пусть все знают. Мы обручились по всем правилам, правда ведь? Значит, все и должны узнать.

Я видела, листок бумаги дрожит у нее в руках.

— Что он хочет сказать — он тебя не подведет? — спросила я. — Если обручение было по всем правилам, то и подвести нельзя. О чем он таком говорит?

Анна в три шага добралась до стены, развернулась, шагнула обратно, точно лев в клетке — один из тех, в Тауэре.

— Не знаю, о чем он таком говорит. Он совсем дурачок.

— Ты сказала, он тебя любит.

— Это еще не доказывает, что он не дурак. — Тут ей что-то пришло в голову. — Мне нужно к нему пойти. Он во мне нуждается. Он перед ними не устоит.

— Нельзя тебе идти, лучше обожди.

Она открыла сундук и вытащила накидку.

Тут раздался громopodobный стук в дверь, мы обе замерли. Анна мгновенно сдернула накидку, бросила ее в сундук и устроилась на крышке, будто с самого утра с места не вставала. Я отворила дверь, там стоял слуга кардинала Уолси.

— Госпожа Анна здесь?

Я чуть шире приоткрыла дверь, чтобы он мог ее увидеть. Анна глядела вдаль, на стоящую на якоре барку с ясно различимыми алыми вымпелами кардинала Уолси.

— Не соблаговолите ли пройти в приемную кардинала? — спросил гонец.

Анна повернула голову, но ничего не ответила.

— Немедленно, — добавил он. — Господин мой кардинал приказал, чтобы вы явились незамедлительно.

Она не возмутилась высокомерию этой команды. Ни для кого не секрет — кардинал управляет страной, а потому его слово весит никак не меньше слова самого короля. Анна подошла к зеркалу, бросила взгляд на свое отражение, ущипнула себя за щеки — вернуть на лицо краску, прикусила нижнюю губу, а потом и верхнюю.

— Мне тоже пойти? — спросила я.

— Да, будь рядом со мной, — быстрым шепотом пробормотала она. — Тогда он, может, вспомнит — король тебя слушает. А если там будет и король — ты уж постарайся его умиловать.

— Я не могу ничего требовать, — напомнила я ей тоже шепотом.

Даже в такой момент сестра не удержалась — скорчила одну из своих гримасок:

— *Это* мне известно.

Мы последовали за слугой через парадную залу в комнату, где давал аудиенции Генрих. Там, против обыкновения, никого не было. Король уехал на охоту, большинство придворных вместе с ним. У дверей стояли люди кардинала в алых ливреях. Они отступили, пропуская нас, а потом снова заняли свои места, преграждая дорогу. Его преосвященство не хотел, чтобы нас прерывали.

— Госпожа Анна, — обратился он к сестре, когда та вошла в комнату. — Мне сегодня сообщили ужасную новость.

Анна стояла неподвижно, руки сложены на груди, лицо спокойное.

— Какая жалость, ваше преосвященство, — невозмутимо произнесла она.

— Я узнал, что мой паж, молодой Генрих Нортумберленд, осмелился злоупотребить вашей с ним дружбой и той свободой, которую я ему предоставил, позволяя себе целыми днями флиртовать и болтать о любви в покоях королевы.

Анна покачала головой, но кардинал не дал ей рта раскрыть.

— Я сегодня ему указал, что подобные легкомысленные занятия несовместимы с положением того, кто в будущем унаследует северные графства и чей брак небезразличен его отцу, королю и мне самому. Он не парень с фермы, чтобы заигрывать с молочницами в копне сена, до чего никому и дела нет. Брак для лорда в его положении — событие политическое, никак не меньше. — Кардинал на минуту умолк. — А политика в этом королевстве дело мое и короля.

— Он предложил мне руку и сердце, и я дала свое согласие, — ровным тоном ответила Анна. Я заметила, золотая буква «Б», которую сестра носила на жемчужном ожерелье, плотно обвивающем шею, подрагивает в такт ее быстрому дыханию. — Мы обручены, ваша милость, прошу прощения, если союз вам не по вкусу, но дело уже сделано. И тут уж ничего не изменишь.

Он бросил на нее мрачный взгляд из-под широкой кардинальской шляпы:

— Лорд Генрих согласился подчиниться власти своего отца и его величества короля. Я сообщаю эти новости не из любезности, госпожа Болейн. Может быть, вы остережетесь наносить оскорбление тем, кто поставлен Богом выше вас.

Она побледнела:

— Он никогда не согласится. Он ни за что не подчинится отцу вместо того, чтобы...

— Вместо того, чтобы подчиняться вам? Интересно, так вот и обстояло дело? Но он повинуетя отцу, госпожа Анна. Теперь дело в руках герцога и короля.

— Он обещался мне, мы обручились, — гневно заявила Анна.

— Это было обещание жениться в будущем, — объявил кардинал. — Обещание жениться, если представится возможность.

— Нет, это обещание жениться в настоящем, — непоколебимо стояла на своем Анна — Помолвка перед свидетелями, со вступлением в брачные отношения.

— Ага. — Пухлая рука предупреждающе поднялась. Тяжелое кардинальское кольцо, казалось, подмигнуло Анне — не забывай, кто духовный глава Англии. — Пожалуйста, даже не пытайся меня убедить, что дело сделано. Если я сказал — обещание жениться в будущем, значит, так оно и есть, госпожа Анна. Я никогда не

ошибаюсь. И если дама вступает в отношения с кавалером на основании такого незначительного обещания, это не свидетельствует в пользу ее ума. Такая дама, отдавшаяся кавалеру, а потом брошенная, уже себя погубила, ей больше никогда не выйти замуж.

Анна бросила на меня быстрый взгляд. Наверно, кардинал понимает — смешно проповедовать добродетель девственности той, чья сестра, как известно всему королевству, постоянно нарушает супружескую верность. Но он и взглядом не выдал, что заметил мое присутствие.

— Никому не пойдет на пользу, госпожа Болейн, если чувства к лорду Генриху толкнут вас на ложь.

Я видела — сестра борется с охватившим ее паническим страхом.

— Ваше преосвященство, милорд, — начала она, голос чуть дрожит. — Из меня выйдет неплохая герцогиня Нортумберленд. Я буду заботиться о бедных, о том, чтобы на севере царило правосудие. Я охраню Англию от шотландцев. И всегда буду вашим верным другом, вашей должницей на веки вечные.

Он слегка улыбнулся, словно хотел показать — дружбой с Анной его не подкупишь, у него бывали предложения и получше.

— Не сомневаюсь, из вас вышла бы превосходная герцогиня, если не в Нортумберленде, то где-нибудь еще. Такое решение должен принять ваш отец, ему выбирать, за кого вам выходить замуж. Да и мы с королем можем подсобить. Уладив все остальные дела, моя дорогая дочь во Христе, я позабочусь и о ваших желаниях. Я не позабуду, — теперь он уже не сдерживал улыбки, — я не позабуду, что вам хочется стать герцогиней.

Он протянул ей руку, Анна шагнула вперед, присела в грациозном реверансе, поцеловала кольцо, затем попятилась к двери. Пока за нами не закрылись двери, она не произнесла ни слова. Повернулась и пошла по каменным ступеням, ведущим в сад. Всю дорогу вниз по извилистым тропкам сестра молчала и заговорила только тогда, когда мы добрались до каменной скамьи в зарослях роз, подставляющих солнцу белые и алые лепестки.

— Что мне теперь делать? Думай! Думай!

Я только хотела сказать, что ничего не в силах придумать, как поняла — сестра говорит не со мной, она обращается к самой себе.

— Как же мне перехитрить Нортумберлендов? Сможет Мария уговорить короля? — Она покачала головой. — На Марию полагаться нельзя, она ничего толком не сделает.

Я сдержала негодующий ответ. Анна вышагивала взад-вперед по траве, юбка завивается вокруг сапожек на высоких каблуках. Я села на скамью, не сводя с сестры глаз.

— Послать Георга, пусть подбодрит Генриха? — Она кружила по траве. — Отца? Дядю? В их интересах, чтобы я поднялась повыше. Пускай поговорят с королем, и на кардинала у них есть влияние. Пускай найдут приданое, достойное Нортумберлендов. Им же выгодно, чтобы я стала герцогиней. Они придут на помощь. А когда герцог Нортумберленд придет в Лондон, ему сообщат, что помолвка состоялась и брак заключен.

Семейный совет собрался в доме Говардов в Лондоне. Мать и отец сидели за огромным столом, дядя Говард — между ними. Мы с Георгом, в немилости вместе с Анной, жались у стенки в дальнем конце комнаты. Анна — в самом центре, у стола, словно заключенный у тюремной решетки. Но она не опускала головы, как я. Нос задран, брови слегка подняты, глядит дяде прямо в глаза, ну прямо равная равному.

— Жаль, вместе с французскими модами ты выучилась французским привычкам, — прямо начал дядя. — Я тебя предупреждал — никаких сплетен вокруг твоего имени. Теперь я слышу — ты позволила Перси то, чего позволять не след.

— Я делила ложе со своим мужем, — безо всякого выражения в голосе произнесла Анна.

Дядюшка взглянул на нашу матушку.

— Если ты еще раз повторишь подобную чепуху, я тебя выпорю и сошлю в Гевер навечно, никогда не позволю вернуться ко двору, — тихо сказала мать. — Лучше мне увидеть тебя мертвой, чем обещенной. Говорить такое перед отцом и дядей — постыдилась бы. Ты — позор семьи.

Я сидела за спиной у Анны и не видела ее лица, но заметила — пальцы вцепились в опушку платья, так утопающий хватается за соломинку.

— Ты отправишься в Гевер, куда все не позабудут об этой ужасной ошибке, — прозвучал приказ дяди.

— Прошу прощения, но это вы, а не я, совершаете ужасную ошибку. Мы с лордом Генрихом поженились. Он меня не оставит. Вы с отцом должны повлиять на его отца, на короля, на кардинала. Пусть признают наш брак. Если вы это сделаете, я стану герцогиней Нортумберленд, а значит, одна из Говардов войдет в знатнейшую семью Англии. Если я стану герцогиней, а у Марии родится сын, он будет племянником герцога Нортумберленда и королевским бастардом. Мы тогда сможем посадить его на трон.

Дядя уставился на Анну и тихо произнес:

— За куда меньшее король два года тому назад отправил на плаху герцога Бекингема. Смертный приговор был подписан моим отцом. Этот король заботится о наследниках. Никогда, никогда больше не произноси таких слов, а не то очутишься не в Гевере, а за стенами монастыря, монахиней на веки вечные. Анна, я не желаю, чтобы из-за твоего недомыслия благосостояние семьи подвергалось риску.

Сдержанный тон, скрывавший страшный гнев, потряс сестру. Она пыталась собраться с мыслями, прошептала:

— Я больше ничего не скажу. Но это могло бы сработать.

— Ни за что, — резко ответил отец. — Нортумберлендам ты не нужна. К тому же Уолси не позволит нам взлететь так высоко. А король делает то, что ему Уолси скажет.

— Лорд Генрих мне обещал. — Страстные слова Анны пропали впустую.

Дядя только покачал головой и привстал, показывая — заседание окончено.

— Подождите, — отчаянно крикнула Анна. — Все еще может получиться. Клянусь вам. Если вы меня поддержите и лорд Генрих будет со мной, тогда и кардиналу, и королю, и герцогу придется с этим смириться.

— Они не смирятся. — У дяди явно нет ни малейших сомнений. — Ты просто дурочка. Никто не может справиться с Уолси. Ни один человек в стране. Мы не станем рисковать и наживать в нем врага. Стоит ему пожелать, и в постели короля будет не Мария, а какая-нибудь девчонка из семьи Сеймуров. Все, чего мы добились с Марией, пропадет, если примемся помогать тебе. Это ее шанс, не твой. И ты можешь его погубить. Придется тебя убрать с дороги, на все лето по крайней мере, а то и на год.

Она застыла в ужасе:

— Но я его люблю.

В комнате повисло молчание.

— Да, — повторила она, — я его люблю.

— Это все совершенно несущественно, — ответил ей отец. —

Твое замужество — семейное дело, и заниматься этим будем мы. Отправишься в Гевер, по крайней мере, на год. Нечего околачиваться при дворе, и считай, тебе еще повезло. А если посмеешь ему писать, или же отвечать, или пытаться с ним увидеться, тогда в дело пойдет монастырь, и притом затворнический орден.

— Ну, дела не так уж плохи. — Георг пытался сохранять веселый тон. Мы втроем направлялись к реке, чтобы сесть на лодку и вернуться во дворец. Один слуга в ливрее дома Говардов шагал впереди, расталкивая попрошайек и уличных продавцов, еще один шел за нами следом. Анна брела, ни на что не глядя, не обращая внимания на людские водовороты, запрудившие улицы.

Продавцы торговали товаром с тележек, хлебом, фруктами, живыми утками и курами, только что привезенными из деревни. Находчивые, с хорошо подвешенными языками, толстые лондонские домохозяйки торговались без устали, не то что сельские жители, неторопливые, сосредоточенные, пытающиеся получить побольше выгоды за проданный товар. Бродячие торговцы предлагали книжки с балладами и нотные листы, сапожники показывали готовые сапоги и ботинки, клянясь и божась — подойдут на любую ногу. Цветочницы и продавцы салата, бездельники пажи и трубочисты, факельщики, которым нечего было делать до наступления темноты, подметальщики улиц — тут были все. Слуги, решившие побездельничать чуток по дороге на рынок или с рынка, а перед каждой лавкой сидит на табурете дородная жена владельца, улыбается прохожим, приглашая их зайти и посмотреть, что сегодня продается по дешевке.

Георг без устали, словно острое и увертливое шило, тянет нас с Анной сквозь пестрядь базара. Он явно хочет доставить Анну домой раньше, чем буря в ее душе вырвется наружу.

— Нет, скажу вам, дела совсем не плохи, — все повторяет брат.

Мы наконец добрались до причала на реке, слуга махнул лодочнику.

— В Йоркский дворец, — резко бросил Георг. Наступил прилив, лодка быстро двигалась вверх по реке.

Анна невидящими глазами смотрела по сторонам, на берега, заваленные городским мусором.

Мы пристали к дворцовой пристани, слуга поклонился и отправился на лодке обратно в город. Георг потащил нас с Анной вверх в нашу комнату, и вот мы дома, за закрытой дверью.

Тут Анна обернулась и набросилась на брата, словно дикая кошка. Он поймал ее за запястья, оторвал руки от своего лица.

— Дела совсем не плохи! — заорала она. — Совсем не плохи! Я потеряла любимого, а заодно и репутацию! Я почти уничтожена, должна схоронить себя в деревне, пока все обо мне не позабудут. Совсем не плохи! Мой собственный отец не желает меня поддерживать, моя мать говорит — лучше бы ей увидеть меня мертвой. Ты совсем с ума сошел, идиот? Совсем с ума сошел? Или просто дурак, слепой, глухой недоумок?

Брат все еще держал ее за запястья. Она старалась вцепиться ногтями ему прямо в лицо. Я подобралась сзади и оттащила ее, а она все пыталась брыкаться. Мы стояли пошатываясь, словно трое подравшихся пьяниц, я ударилась об спинку кровати, когда она чуть не высвободилась из моих рук и снова набросилась на брата, но мне удалось вцепиться мертвой хваткой, да и Георг не выпускал ее рук, не давая расцарапать лицо. Казалось, мы сражаемся не с Анной, а с чем-то похуже, каким-то непонятным демоном, овладевшим ею, а вместе с ней и всеми нами, Болейнами. Это демон гордыни, что загнал нас в маленькую комнатку во дворце, довел сестру до такого страшного сумасшествия, подогревает эту жестокую, бессмысленную битву.

— Мир, ради Бога, мир, — кричал Георг, стараясь избежать ее ногтей.

— Мир! — орала в ответ сестра. — О каком мире ты говоришь?

— Ты проиграла, — без обиняков ответил брат. — Теперь незачем сражаться. Ты уже проиграла.

На мгновение она замерла, но мы из осторожности не отпустили ее. Анна уставилась на брата невидящим, бессмысленным взглядом, потом запрокинула голову и расхохоталась диким, безумным смехом.

— Мир! — страстно произнесла она. — О Боже! Да, я умру в мире. Они меня пошлют в Гевер, и я там останусь до самой своей

мирной кончины. И никогда его больше не увижу!

Она издала отчаянный вопль, прямо из глубины сердца, и, перестав сопротивляться, сползла на пол. Георг ослабил мертвую хватку, подхватил сестру. Анна обвила шею брата, спрятала лицо у него на груди. Она рыдала так ужасно, что я сначала не могла разобрать ни слова, а потом поняла — она снова и снова повторяет: «Боже, я его любила, я его любила, моя единственная любовь, о, моя единственная любовь». Тут и из моих глаз ручьем полились слезы.

Они времени даром не теряли. Одежда Анны была упакована, лошадь оседлана, Георгу было приказано сопровождать ее в Гевер в тот же самый день. Никто не сказал лорду Генриху Перси, что она уехала. Он передал для нее письмо, и моя мать, следившая за всем и вся, вскрыла послание, спокойно прочла его и бросила бумагу в камин.

— Что он пишет? — негромко спросила я.

— Клянется в вечной любви, — отвечала она таким тоном, будто считает подобное признание безвкусицей.

— Надо, наверно, ему сообщить, что ее нет.

— Скоро и сам узнает, — пожалала плечами мать, — он сегодня утром виделся с отцом.

Другое письмо прибыло пополудни, имя Анны накорябано дрожащей рукой, чернила слегка смазаны, наверно, капнувшей слезой. Мать — выражение лица каменное — распечатала письмо, и его ожидала участь первого.

— Лорд Генрих? — задала я вопрос. Она только кивнула.

Я поднялась со своего места у камина и пересела к окну.

— Хочу выйти на воздух.

Матушка повернула голову и резко ответила:

— Останешься здесь.

Давняя привычка к повиновению и почтение к матери все еще меня не покинули.

— Как прикажете, матушка. Не разрешите ли пройтись по саду?

— Нет, — прозвучал короткий ответ. — Отец с дядей приказали, чтобы ты никуда не выходила, покада Нортумберленд выясняет отношения с сыном.

— Не возьму в толк, чему может помешать моя прогулка?

— А вдруг ты отнесешь ему записку.

— Ни за что! — воскликнула я. — Богом клянусь, одно вы бы могли заметить, я всегда, *всегда* делаю то, что мне приказано. Вы выдали меня замуж в двенадцать лет, мадам. Спустя два года, только мне исполнилось четырнадцать, вы разрушили мой брак. Вы подложили меня в постель королю, а мне еще пятнадцати не было. Не сомневайтесь, я всегда делаю то, что мне прикажет семья. Если я не боролась за свою свободу, с чего мне бороться за свободу сестры?

Она кивнула:

— Это хорошо. В мире не существует свободы для женщин, борись ты за нее или не борись. Сама видишь, где очутилась Анна.

— Да, в Гевере. Но там она хотя бы свободна пройтись по саду.

— Ты что, завидуешь? — с удивлением спросила мать.

— Мне там было хорошо. Иногда кажется, там куда лучше, чем при дворе. Но сердце Анны разбито.

— Чтобы от нее была хоть какая польза семье, нужны разбитое сердце и сломленный дух, — холодно заметила мать. — Этим приходится заниматься еще в детстве. Я думала, там, при французском дворе, вас обеих научат повиновению, но они, похоже, оплошали. Ну, что же, наверстаем теперь.

В дверь робко постучали, через порог неловко переступил простолюдин в потрепанной одежде.

— Письмо для Анны Болейн. Не велено передавать никому, кроме нее, и молодой господин сказал — смотри, как она его читает.

Я в нерешительности поглядела на мать. Она кивнула, я сломала красную печать с гербом Нортумберлендов и развернула туго свернутую бумагу.

Жена моя,

Дабы не быть клятвопреступником, не нарушу наших клятв друг другу. Я вас не покину, если вы меня не покинете. Отец на меня разгневан ужасно, и кардинал тоже сердится, и потому мне страшно за нас обоих. Но если мы будем держаться друг друга, они нас неразлучат. Пришлите мне хоть слово, хоть одно словечко, что вы меня не покинете, и я вас ни за что не покину.

Генрих

— Он сказал, непременно дождаться ответа.

— Подожди снаружи, — приказал мать посланцу и захлопнула дверь у него перед носом. Потом повернулась ко мне: — Пиши ответ.

Она протянула мне лист бумаги, вложила в пальцы перо и продиктовала:

Лорд Генрих,

Мария пишет это письмо за меня, мне запрещено брать в руки перо, чтобы я вам не отвечала. Все бесполезно. Они не позволят нам пожениться, мне все равно не быть вашей. Не сражайтесь за меня против своего отца и против кардинала, ибо я уже сдалась. Это было просто обещание жениться в будущем, которое ни вас, ни меня ничем не связывает. Освобождаю вас от ваших клятв и сама свободна от моих.

— Вы разобьете этим два сердца, — заметила я, присыпая невысохшие чернила песком.

— Может быть, — холодным тоном отозвалась мать. — Но юные сердца нетрудно склеить, а у сердца того, кто владеет половиной Англии, есть занятия получше, чем страдать от любви.

Зима 1523

Теперь, когда Анна исчезла, я оставалась единственной юной Болейн в мире, к тому же королева решила провести лето с принцессой Марией, и только я скакала рядом с королем во время путешествия. Лето было чудесным — мы вместе с королем мчались по полям, охотились, танцевали каждый вечер, а к возвращению двора в Гринвич в ноябре я шепнула Генриху, что уже второй месяц у меня нет женских дел, а значит, я ношу его ребенка.

По мановению ока все переменялось. У меня теперь были новые покои и горничная к услугам. Генрих купил мне меховую накидку, чтобы я не простудилась. Повитухи, знахарки, гадалки сменяли одна другую в моих покоях, у всех спрашивали одно и то же: «Мальчик?» Большинство отвечали утвердительно, получая в награду золотой, одна или две осмелились сказать «нет», вызвав недовольную гримасу короля. Мать ослабила шнуровку моего платья, мне больше не позволяли быть в постели короля по ночам, оставалось только лежать одной в своей комнате да молиться, чтобы родился сын.

Королева смотрела на мой растущий живот глазами полными горечи и боли. Я знала, что и у нее нет обычных женских дел, но даже вопроса не возникало — она уже не могла зачать. Она продолжала улыбаться во время рождественского пира, маскарада и танцев, сделала Генриху роскошный подарок, который ему ужасно понравился. После двенадцати дней маскарада наступила пора очищения, когда все должно быть ясно и честно, тогда она попросила его о разговоре без свидетелей. У королевы хватило мужества, Бог знает откуда взялось, признаться ему — у нее уже давно нет женских дел, она теперь бесплодна.

— Сама мне сказала, — возмущенно повторял Генрих тем же вечером — я сидела у него в опочивальне, завернувшись в меховую накидку, с большой кружкой подогретого вина в руках, босые ноги протянуты к ревущему огню камина. — Сама сказала, без малейшего стыда.

Я не отвечала. Что я могла сказать — женщине уже почти сорок, ничего тут нет постыдного, ну прекратились месячные, это же нормально. Кому лучше него знать, если бы Бог слышал ее молитвы, у

них бы сейчас росло не меньше десятка детей, и половина — мальчики. Но король будто забыл обо всем. Ему теперь казалось — она не дала мужу того, что обязана дать, я сразу заметила, он не просто разочарован, он возмущен до глубины души.

— Бедняжка, — пробормотала я.

Он испепелил меня взглядом и поправил:

— Богачка. Жена одного из самых богатых людей в Европе, королева Англии, ни больше ни меньше, а что дала взамен — одного ребенка, да и тот — девочка.

Я кивнула, какой смысл спорить с Генрихом. Он наклонился ко мне, положил руку на мой огромный живот.

— Даже если там мой сын, ему все равно носить имя Кэри, и мне от этого никакого проку, ни мне, ни Англии.

— Но все будут знать — он твой. Все знают, что ты сделал этого ребенка.

— Мне же нужен законный сын, — с горячностью в голосе произнес король, будто я, или королева, или какая-то еще женщина могли дать ему сына просто по собственному желанию. — Мне совершенно необходим сын, Мария. Англия должна получить моего наследника.

Весна 1524

Все долгие месяцы ссылки Анна писала мне раз в неделю письма, напоминавшие мои в ту пору, когда меня отослали в деревню. Я помнила, она мне так ни разу и не ответила. Теперь я при дворе, а она там, далеко, во тьме кромешной, беру верх над сестрой щедростью — я-то отвечаю без промедления и, конечно, не премину рассказать о беременности и благосклонности ко мне короля.

Нашу бабушку Болейн тоже послали в Гевер приглядывать за Анной, и теперь обе они — молодая, элегантная леди французского двора и мудрая старуха, свидетельница того, как муж ее внезапно угодил из грязи в князи, ссорились с утра до ночи, как пара кошек на крыше конюшни, отчего обе пребывали постоянно в самом несчастном расположении духа. Анна писала:

Если не смогу вернуться ко двору, сойду с ума. Бабушка колет орехи голыми руками и везде разбрасывает скорлупу, которая хрустит под ногами, как ракушки улиток. Старуха настаивает на ежедневных совместных прогулках по саду, даже когда идет проливной дождь. Считает — дождевая вода полезна для кожи и оттого у англичанок такой бесподобный цвет лица. Смотрю на ее морщинистые, старые щеки и думаю — по мне, так лучше уж оставаться в комнатах.

Она пахнет просто ужасно и будто этого не замечает. Я приказала приготовить ей ванну, так служанка на другой день призналась — бабушка разрешила только посадить ее на табурет и помыть ноги. За столом она непрестанно мычит какую-то мелодию, а какую — сама не знает. Считает, мы должны держать открытый дом, чтобы любой бродяга из Торнбриджа или фермер из Эденбриджа могли войти в залу и любоваться тем, как мы едим, будто у нас — королевский двор и нам больше нечего делать с деньгами, только раздавать нищим.

Пожалуйста, ну пожалуйста, скажи дяде и отцу, если мне позволят вернуться, я буду делать все, что велят, им не надо меня бояться. Я на все готова, только бы уехать отсюда.

Я написала ей в тот же день:

Тебе скоро разрешат вернуться. Я уверена, потому что лорд Генрих помолвлен против воли с леди Марией Тальбот. Говорят, жених во время помолвки разрыдался. Он уехал сражаться на шотландскую границу — командовать отрядом своих людей из Нортумберленда. Их семейству приходится охранять северную границу, пока королевская армия воюет во Франции. Испанцы по-прежнему наши союзники, обе армии пытаются закончить этим летом то, что было начато прошлым.

В этом месяце наконец состоится свадьба Георга и Джейн Паркер. Я спрошу матушку, можно ли тебе приехать на свадьбу. Уверена, в этом она не откажет.

Я чувствую себя неплохо, только очень устаю. Дитя уже огромное и по ночам не дает мне спать — ворочается и брыкается в животе. Генрих ко мне ужасно ласков, и мы надеемся на мальчика.

Хотелось бы, чтобы ты была рядом. Он так мечтает о мальчишке, я просто боюсь — а вдруг девочка! Как бы сделать этого младенца мальчиком? Только не говори мне о спарже. Я все знаю про спаржу. И так уже заставляют ее есть три раза в день.

Королева не спускает с меня глаз. Теперь уже беременности не скроешь, ни для кого не секрет — это от короля. Уильяму не приходится сносить поздравлений с первым ребенком. Все знают и потому молчат, всем удобно, кроме меня. Иногда я себя чувствую полной идиоткой — живот далеко

вперед, по лестнице без одышки не подняться, и муж, который мне улыбается, будто мы едва знакомы.

И еще королева...

Бога молю, чтобы не надо было ходить на службу в ее часовню два раза в день. Уж не знаю, о чем таком она теперь молится, теперь, когда надежд уже нет. Хотелось бы, чтобы ты была рядом. Мне не хватает твоего ядовитого язычка.

Мария

Георг и Джейн Паркер наконец, после множества проволочек, поженились в маленькой церквушке в Гринвиче. Анне разрешили вернуться из Гевера на один день, позволили сидеть на одной из дальних закрытых скамей, где ее никто не увидит, но до свадебного пира не допустили. Но важнее всего — свадьба намечалась на утро, а значит, Анна сможет вернуться из Гевера с вечера, и мы трое, Георг, Анна и я, проведем целую ночь с ужина до рассвета вместе.

Мы готовились к этой ночи, как повивальные бабки готовятся к долгим родам. Георг запасся вином, элем и легким пивом, я прокралась на кухню и выпросила у поваров хлеба, холодного мяса, сыра и фруктов, они с радостью навалили мне целый поднос еды, подумали — я такая голодная, потому что уже на седьмом месяце.

Анна была в коротком платье для верховой езды. Выглядела старше своих семнадцати лет, похудела, побледнела.

— Это все прогулки под дождем со старой ведьмой, — объяснила она угрюмо. Грусть придавала ей новый оттенок — никогда еще сестра не была так безмятежно спокойна. Словно выучила тяжелый урок — удача не падает тебе прямо в руки, словно спелые вишни. Сестра тосковала по тому, кого любила, — Генриху Перси.

— Он мне все время снится, — просто сказала она. — Как бы мне хотелось о нем не думать. Нет смысла оставаться такой несчастной. Я просто устала от этого. Звучит странно, правда. Устала быть несчастной.

Я глянула на брата. Он наблюдал за сестрой, лицо полно сочувствия.

— Когда его свадьба? — уныло спросила Анна.

— Через месяц, — ответил Георг.

Она кивнула:

— Тогда все кончится. Если она, конечно, не умрет.

— Если она умрет, он сможет, наверно, на тебе жениться, — с надеждой в голосе произнесла я.

Анна пожала плечами, сказала резко:

— Ты просто дурочка. Не могу я сидеть и ждать его, надеясь, что Мария Тальбот в один прекрасный день отправится на тот свет. Когда все это кончится, я еще кое на что стожусь, правда ведь? Особенно если ты родишь мальчика. Тогда я буду теткой королевского бастарда.

Непроизвольно я положила руку на живот, будто стараясь охранить младенца — негоже ему слушать, что его тут хотят, только если он мальчишка.

— Он будет носить имя Кэри, — напомнила я ей.

— А если родится мальчик, сильный, здоровый и в придачу золотоволосый?

— Тогда назову его Генрихом. — Я улыбнулась, представляя себе золотоволосого мальчугана. — И король наверняка пожалует ему что-нибудь стоящее.

— Мы все вознесем вместе с ним, — вздохнул мечтательно Георг. — Тетя и дядя королевского сынка. Вдруг он получит какое-нибудь герцогство или графство? Кто знает?

— А ты, Георг? — спросила Анна. — Рад-радешенек в эту радостную ночь? Я думала, ты будешь кутить всю ночь напролет, а не сидеть тут с двумя дамами, одной — толстой как бочка, другой — с разбитым сердцем.

Георг налил еще вина и мрачно уставился в бокал.

— Две дамы, одна — толстая как бочка, другая — с разбитым сердцем, вполне подходят к моему настроению. Я бы не смог танцевать и распевать песни даже ради спасения собственной жизни. До чего же она отвратительна! Моя любимая! Будущая женоушка! Скажите мне по правде, это ведь не только мне кажется? Она такая отвратительная, что всякому хочется держаться от нее подальше?

— Чепуха, вовсе она не отвратительная, — резко ответила я.

— Меня от нее с души воротит, всегда воротило. — Анна своих чувств не скрывает. — Что бы ни случилось, сплетни, слухи,

отвратительный скандал, напраслина — она тут как тут, подслушивает, за всеми наблюдает, в каждом видит только самое худшее.

— Я знаю, — угрюмо отозвался брат. — Боже! До чего милая у меня будет жена!

— В первую брачную ночь можешь ожидать какого-нибудь сюрприза, — хитро подмигнула Анна, подливая себе вина.

— Что такое?

Анна подняла брови.

— Для девственницы она слишком много всего знает. Большой запас сведений, куда более подходящий замужним дамам. Замужним дамам и шлюхам.

Георг остолбенел.

— Только не говорите мне, что она не девица. Не будь она девственницей, я бы точно смог от нее отделаться.

Анна покачала головой:

— Нет, я никогда не видала, чтобы какой мужчина переступил с ней границы приличий. Да и кому бы это понадобилось, ума не приложу. Но она смотрит во все глаза, слушает во все уши, не стесняется задавать разные вопросы и выслушивать всевозможные ответы. Я раз подслушала, как она разговаривала с девицами Сеймур о какой-то любовнице короля. Не о тебе, конечно. — Это было сказано в мою сторону. — Они затеяли целую беседу о поцелуях с открытым ртом, и о том, что делать с языком, и где должен был быть король, снизу или сверху, и про ласки, и про руки, и как доставить ему такое удовольствие, чтобы вовек не забыл.

— Так она знает про эти французские штучки? — изумленно переспросил Георг.

— Уверяла, что знает, — расхохоталась в ответ Анна.

— Вот и славно. — Брат налил себе вина в бокал и помахал бутылкой — хочу ли я еще. — Может, и не так плохо быть ее мужем, может, я зря опасуюсь. Про ласки, про руки... ну и что ты знаешь про руки, глубокоуважаемая Аннамария? Сдается мне, ты услышала не меньше, чем моя будущая женушка.

— Ну нет, меня не спрашивай, — ответила сестра. — Я — девственница. Спроси кого хочешь, хоть матушку, хоть отца, хоть дядю. А лучше кардинала Уолси, он сам меня провозгласил девицей.

Официально объявлена девственницей, да не кем-нибудь, а самим архиепископом Йоркским. Кому быть более девственной, чем я?

— Тогда я тебе расскажу, когда узнаю, — куда более веселым тоном объявил Георг. — Я тебе напишу в Гевер, сможешь читать мои письма вслух бабушке Болейн.

Наутро свадьбы Георг являл собой весьма бледное зрелище, но только мы с Анной знали — тут дело не в беспутной ночи накануне. Он даже не улыбнулся, когда Джейн Паркер подошла к алтарю, но она так сияла, что хватило на обоих.

Сцепив руки на огромном животе, я думала о том времени, когда сама стояла у алтаря и обещала оставить всех и вся и прилепиться к Уильяму Кэри. Он взглянул на меня, слегка улыбнулся, будто тоже думал — тогда, только четыре года назад, нам, крепко взявшимся за руки во время церемонии, такое будущее и в голову бы не пришло.

Король Генрих сидел недалеко от алтаря, глядел на моего брата, венчающегося с молодой невестой, а я думала — семейство неплохо наживается на моем животе. На мою собственную свадьбу король опоздал, да и вообще — он туда явился скорее почтить Уильяма, своего друга, чем выказать уважение семейству Болейн. Но теперь он возглавлял процессию желающих счастья жениху и невесте, когда те после церемонии шли от алтаря по проходу церкви. Потом мы с королем, рука об руку, повели гостей к свадебным столам. Матушка улыбалась мне так, будто я ее единственная дочь, а Анна тихонько выскользнула в боковую дверь, села на лошадь и поскакала обратно в Гевер, сопровождаемая только несколькими слугами.

Я представила себе, как она скачет в Гевер одна и, подъехав к сторожке у ворот, видит в лунном свете хорошенький, словно игрушечный, замок. Мысленным взором видела я дорогу, петляющую между деревьев, ведущую прямо к подъемному мосту. Воображала ржавый скрип опускаемого моста, гулкие удары копыт по деревянному настилу, кони ступают осторожно, сырой дух идет ото рва с водой, дымок несет запах мяса, готовящегося на кухне на вертеле, аромат доносится до всякого, вступающего во внутренний двор. Представляла себе яркий свет луны, заливающий двор, ломаную линию фронтонов крыши на фоне темного неба, и в глубине души, вопреки всему, мечтала очутиться сейчас там, в Гевере, а не изображать шутовскую королеву маскарадного двора. От всей души желала я носить в своем

чреве законного ребенка, сидеть у окна и глядеть на мою землю, даже если это всего лишь маленькое поместье, и знать — в один прекрасный день земля будет по праву принадлежать моему сыну.

Но вместо этого я была счастливицей Болейн, одаренной всеми благами, а главное, королевским благоволением. Кто знает, где пройдут границы земель моего сына, кто знает, как высоко суждено ему подняться?

Лето 1524

Когда пришел июнь, я перестала показываться на людях, готовясь к родам. У меня была затененная комната, увешенная гобеленами. Мне не полагалось ни видеть свет, ни дышать свежим воздухом, пока не пройдут шесть долгих недель после рождения ребенка. Получается, мне придется оставаться в четырех стенах два с половиной месяца. При мне будут матушка и две повивальные бабки, пара служанок и одна горничная. За дверью комнаты по очереди дежурят два знахаря, ожидая, когда их позовут.

— Пусть Анна тоже будет со мной, — попросила я матушку, оглядывая затемненную комнату.

Та нахмурилась:

— Отец приказал ей оставаться в Гевере.

— Ну пожалуйста, это так долго, мне с ней будет веселей.

— Хорошо, пускай тебя навестит, — решила мать. — Но мы не можем ей позволить присутствовать при рождении королевского сына.

— Или дочери.

Она осенила мой живот крестным знаменем и шепнула:

— Проси Господа послать тебе мальчика.

Я больше ничего не сказала, довольная, что удалось выпросить визит сестры. Она приехала на один день и осталась на два. Анна настолько скучала в Гевере, так злилась на бабушку, так хотела оттуда уехать, что даже затемненная комната и сестра, убивающая время за шитьем маленьких распашонок для королевского бастарда, оказались немалым развлечением.

— Была на ферме при усадьбе? — спросила я сестру.

— Нет, только мимо проезжала.

— Мне просто интересно, какой у них урожай клубники.

Она пожала плечами.

— А ферма Петерсов? Не пошла туда на стрижку овец?

— Нет.

— А сколько мы собрали урожая в этом году?

— Не знаю.

— Анна, чем же ты тогда там занимаешься?

— Читаю. Музицирую. Сочиняю песни. Езжу верхом каждый день. Работаю в саду. Чем еще можно заниматься в деревне?

— Я посещала разные фермы.

Сестра только вскинула брови:

— Они все одинаковые. Трава растет — вот и все.

— А что ты читаешь?

— Богословие, — бросила она. — Слышала о Мартине Лютере?

— Конечно слышала. — Я просто остолбенела. — Слышала достаточно, чтобы знать — он еретик и книги его запрещены.

Анна улыбнулась, будто знала какой-то особый секрет:

— Кто сказал, что он еретик? Все зависит от точки зрения. Я прочла все его книги и многих других, кто думает, как он.

— Ты уж лучше об этом молчи. Мать с отцом узнают — ты читаешь запрещенные книги, тебя снова ушлют во Францию или еще куда подальше, с глаз долой.

— На меня никто не обращает внимания, — отмахнулась сестра. — Твоя слава меня совершенно затмила. Существует только один способ привлечь к себе внимание семьи — забраться в постель к королю. Чтобы семья тебя любила, надо стать шлюхой.

Я сложила руки на необъятном животе и улыбнулась, ее ядовитые слова меня совершенно не трогали.

— Вовсе не обязательно меня щипать из-за того, что моя звезда меня туда привела. Тебе никто не приказывал заводить шашни с Генрихом Перси и навлекать на себя позор.

На мгновение с прекрасного лица упала маска, и я увидела тоскующие глаза.

— Ты о нем что-нибудь слышала?

Я покачала головой:

— Даже если бы он и написал, мне этого письма не увидеть.

Думаю, все еще сражается с шотландцами.

Она крепко сжала губы, пытаясь сдержать стон.

— Боже, а вдруг его ранят или убьют?

Я почувствовала, как младенец шевельнулся, положила теплые ладони на растянувшуюся кожу живота.

— Анна, что тебе до него?

Ресницы опустились и скрыли горящие глаза. Сестра ответила:

— Конечно, мне до него и дела нет.

— Он теперь женатый человек. А ты, если хочешь вернуться ко двору, должна о нем крепко-накрепко позабыть.

Анна указала на мой живот и откровенно сказала:

— В этом-то и беда. Вся семья только и занята возможностью рождения королевского сынка. Я написала отцу десятков писем, а в ответ получила только одну записку от его секретаря. Он про меня совершенно забыл. Ему до меня и дела нет. Все, что его волнует, — ты да твой толстый живот.

— Скоро мы все узнаем. — Я старалась казаться спокойной, но на самом деле меня пронзал страх. Если родится девочка, сильная и здоровенькая, Генрих должен быть счастлив — он докажет всему миру, что может произвести потомство. Но ведь король — не обычный человек. Он хочет показать всему миру произведенного им здоровенького мальчишку. Он хочет показать всему миру своего сынка.

Родилась девочка. Столько месяцев надежд и ожиданий, особые службы в церкви — в Гевере и в Рочфорде, ничего не помогло — родилась девочка.

Моя маленькая девочка! Чудесный сверточек с ручками такими маленькими, что казались лапками крошечного лягушонка, с глубокой синевой глаз, напоминающей ночное небо Гевера. На макушке волосики такие черные, чернее не придумаешь, совсем не золотисторыжие кудри Генриха. Ротик — просто розовый бутон, так и хочется поцеловать. Она зевала — ну прямо король, утомленный постоянными восхвалениями. Она плакала — и по розовым щечкам текли настоящие слезки, словно у государыни, которую лишили законных прав. Когда я ее кормила, крепко прижимая к себе, в восторге от того, с какой силой она сосет грудь, крошка надувалась, как маленький ягненок, и засыпала, словно пьяница, отвалившийся от кружки медового вина.

Я не спускала ее с рук. Ко мне приставили кормилицу, но я схитрила и сказала, ужасно болит грудь, просто необходимо кормить самой, и малышку у меня не забрали. Я в нее просто влюбилась. Я настолько ее полюбила, что никак не могла себе представить — чем она могла быть лучше, родись она мальчиком.

Даже Генрих растаял при виде нее, когда пришел с визитом в затененную тишину родильного покоя. Он вынул девочку из колыбельки и с восхищением оглядел совершенную красоту личика,

маленькие ручки и ножки малышки, высывающиеся из-под вышитого платица.

— Назовем ее Елизаветой, — сказал он, легонько покачивая дочку на руках.

— А можно мне выбрать другое имя? — осмелилась спросить я.

— Не нравится Елизавета?

— Мне хотелось назвать ее иначе.

Он пожал плечами. Имя девочки, в сущности, разницы нет.

— Как хочешь. Называй, как тебе угодно. Но до чего же хорошенькая.

Он подарил мне кошелек, набитый золотом, и ожерелье с бриллиантами. Еще он принес несколько книг, свои собственные богословские сочинения, и еще пару страшно толстых томов, рекомендованных кардиналом Уолси. Я поблагодарила короля и отложила книги в сторону, подумала — надо послать их Анне, пусть посмотрит и пришлет мне краткое изложение, тогда я смогу при случае сделать вид, что все прочла.

Визит короля начался довольно формально, мы оба в креслах у камина, но скоро он уложил меня в постель, сам лег рядом и принялся меня нежно и ласково целовать. Скоро он уже захотел заняться любовью, пришлось ему напоминать — я еще не была в церкви, а значит, не прошла очищения после родов. Я робко дотронулась до его жилетки, он со вздохом взял мою руку, прижал к своей отвердевшей плоти. Если бы только кто объяснил, чего он от меня хочет. Но он сам принялся направлять мою руку, шептать на ухо, что делать, и скоро его движения и мои неумелые ласки привели к желаемому — он издал вздох облегчения и замер.

— Довольно тебе этого? — робко спросила я. Он повернулся с ласковой улыбкой.

— Любовь моя, с тобой даже такая малость — огромное наслаждение, особенно после столь долгой разлуки. Когда пойдешь в церковь, на исповеди в этом не признавайся, весь грех на мне. Но ты можешь ввести в искушение и святого.

— А ее ты любишь? — спросила я настойчиво.

Раздался снисходительный, ленивый смешок.

— Почему бы и нет? Хорошенькая, как ее маменька.

Через пару минут он поднялся, оправил одежду. Улыбнулся мальчишеской, шаловливой улыбкой, которую я все еще любила, несмотря на то, что мои мысли были заняты наполовину малышкой в колыбельке, наполовину болью в грудях, распираемых молоком.

— После того, как очистишься в церкви, займешь комнаты поближе к моим, — пообещал он. — Хочу, чтобы ты все время была при мне.

Что за замечательный момент! Король Англии хочет, чтобы я была рядом с ним, постоянно.

— Родишь мне мальчишку, — решительно заявил он.

Мой отец на меня рассердился за рождение девочки, или, по крайней мере, так сказала матушка, сообщая новости из внешнего мира, теперь казавшегося таким далеким. Дядюшка тоже был разочарован, но старался виду не показывать. Я кивнула, будто меня и вправду заботило их мнение. На самом деле я была совершенно счастлива — она открыла глаза утром и посмотрела на меня так пристально, что сразу стало ясно — она меня узнает, знает — я ее мать. Ни отцу, ни дяде не полагалась входить в родильный покой, даже король не мог войти второй раз. Мы будто оставались в особом убежище, тайной комнате, где нет места мужчинам, их планам, их вероломству.

Георг пришел, нарушая, как всегда, положенные правила.

— Тут ничего слишком ужасного не происходит, правда? — всунулось в дверь хорошенькое личико брата.

— Ничего. — Я махнула ему — входи, подставила щеку для поцелуя. Он наклонился и крепко поцеловал меня в губы. — До чего же приятно, сестра, молодая мать, десяток запрещенных удовольствий — и все разом. Поцелуй меня еще разок — так, как целуешь Генриха.

— Отвяжись, — оттолкнула я брата. — Лучше посмотри на малышку.

Он уставился на младенца, спавшего у меня на руках.

— Чудные волосики. А как ты ее назовешь?

Я глянула на закрытую дверь. Я знала — Георгу можно доверять.

— Хочу назвать ее Екатериной.

— Что за странная идея!

— Почему бы и нет. Я ее придворная дама.

— Но это ребенок ее мужа.

Я хихикнула, не в силах скрывать свою радость.

— Я знаю, Георг, но я всегда перед ней преклонялась, с того дня, как стала ее придворной дамой. Я хочу ей показать — я ее уважаю, что бы ни происходило.

Его по-прежнему одолевали сомнения.

— Думаешь, она поймет? Может, наоборот, решит — это вроде насмешки.

От ужаса я инстинктивно сжала дочку еще крепче.

— Не может же королева подумать, что я беру над ней верх.

— Тогда отчего ты плачешь? — спросил Георг. — Незачем плакать, Мария. Не плачь, а то вдруг от этого молоко скиснет.

— Я не плачу. — Я старалась не обращать внимания на слезы на щеках. — Даже не собираюсь плакать.

— Перестань, остановись, Мария. Сейчас матушка придет и будет во всем винить меня — скажут, я тебя расстроил. Мне вообще не полагается тут быть. Почему бы тебе не подождать, пока ты выйдешь, сможешь сама поговорить с королевой и спросить, по душе ли ей такой комплимент. Я ничего другого не имел в виду.

— Хорошо. — У меня сразу полегчало на душе. — Тогда я смогу ей все объяснить.

— Только не плачь. Она королева и слез не любит. Спорим, ты никогда ее не видела плачущей, хоть и была при ней четыре года.

Я задумалась:

— Ты прав, за все четыре года никогда не видела ее плачущей.

— И не увидишь, — удовлетворенно сказал он. — Не такая она женщина, чтобы рассыпаться от несчастий на мелкие кусочки. Она женщина с недюжинной волей.

Следующим посетителем был мой муж Уильям Кэри. Пришел, исполненный обычного хорошего расположения духа, принес миску ранней клубники, которую приказал доставить из Гевера.

— Вкус дома, — ласково произнес он и заглянул в колыбельку.

— Спасибо.

— Мне сказали, девочка, здоровенькая и крепенькая.

— Да, — коротко ответила я, немножко обиженная показным безразличием.

— А как ты ее назовешь? Полагаю, она будет носить мое имя? Не какая-нибудь там Фицрой, чтобы все сразу знали — незаконная дочь

короля.

Я прикусила язык, низко склонила голову и смиренно произнесла:

— Мне ужасно жалко, что тебе нанесено оскорбление, муж мой.

Он кивнул.

— Так как же ее будут звать?

— Она безусловно будет Кэри. Я думала — Екатерина Кэри.

— Как желаете, мадам. Мне только что пожаловали пять неплохих наделов земли в управление и рыцарское звание. Я теперь сэр Уильям, а ты — леди Кэри. Мой доход почти удвоился. Он тебе сказал?

— Нет.

— Он ко мне благоволит — дальше некуда. Если ты нам подаришь мальчишку, я, пожалуй, получу поместье в Ирландии или во Франции. А от этого недалеко и до лорда Кэри. Кто знает, как высоко приведет нас королевский бастард?

Я не отвечала. Уильям говорил нарочито спокойным тоном, но мне слышались в голосе резкие нотки. Не может же он всерьез наслаждаться ролью самого знаменитого в Англии рогоносца.

— Знаешь, мне всегда хотелось играть важную роль при дворе, — горько продолжал он. — Когда я понял, ему нравится мое общество, когда увидел — моя звезда восходит, надеялся стать чем-то вроде твоего отца, царедворцем, который видит всю картину политической жизни, играет важную роль при других дворах Европы, разрешает их споры, ведет переговоры и всегда при этом ставит интересы своей страны на первое место. Но не тут-то было, неисчислимы блага сыплются на меня за безделье, за то, что смотрю в другую сторону, пока моя жена нежится в королевской постели.

Я молчала опустив глаза. Когда подняла взгляд, увидела его улыбку, всегдашнюю полуироническую, грустную, кривую усмешку.

— Так уж получается, моя маленькая женушка, — ласково продолжал он, — не удалось нам побыть вместе. И в постели у нас ничего особенного не получалось, да и не часто мы там оказывались. Не научились мы ни нежности, ни даже страсти. Слишком мало времени было.

— Мне тоже очень жаль, — тихо сказала я.

— Жаль, что не занимались любовью почаще?

— Милорд? — Теперь меня действительно смутила неожиданная резкость тона.

— Мне очень вежливо намекнула твоя родня, что, может, вообще ничего не было, может, мне все приснились и мы с тобой никогда и не занимались любовью. Этого ты хочешь? Хочешь, чтобы я отрицал какие-либо отношения с тобой?

— Нет! — Я была поражена в самое сердце. — Но вы знаете, никто никогда меня не спрашивает о моих желаниях.

— Они, значит, тебе не приказывали доложить королю, что я полный импотент и ни в первую брачную ночь, ни потом вообще ни на что не был способен?

Я покачала головой:

— С чего бы я стала возводить на вас такую напраслину?

Он улыбнулся:

— Признать наш брак недействительным. Тогда ты станешь незамужней женщиной, и следующий ребенок будет Фицроем. Может, Генрих постарается добиться его признания законным сыном и законным наследником. Получится, ты — мать следующего английского короля.

В комнате воцарилось молчанье. Я поняла, что смотрю на мужа невидящим взглядом.

— Они же меня не заставят сказать такое? — еле слышно прошептала я.

— Вы Болейны, — ответил он. — Что случится с тобой, Мария, если наш брак признают недействительным? Будут они тебя подталкивать вверх? Если нет брака, кто ты тогда? Шлюха, без сомнения, маленькая хорошенькая шлюшка.

Мои щеки горели, но я продолжала молчать. Он посмотрел на меня, я заметила — гнев уходит, сменяясь чем-то вроде усталого сострадания.

— Говори все, что нужно, — посоветовал муж. — Все, что тебе прикажут. Если тебя заставят признаться, что всю первую брачную ночь я провел, жонглируя коробочками с притираниями, и так никогда и не добрался до того, что у тебя между ног, признавайся, клянись, если потребуется, — а с тебя потребуют клятв. Тебе придется лицом к лицу столкнуться с ненавистью самой королевы Екатерины, с ненавистью всей Испании, так что без моей ненависти ты можешь обойтись. Бедная глупенькая девочка. Лежи в этой колыбельке мальчишка, они бы уж своего добились, тебе бы пришлось стать

клятвопреступницей в тот самый день, как очистишься в церкви. Они бы от меня избавились и поймали бы Генриха.

Мгновенье мы глядели друг другу в глаза.

— Значит, мы с тобой единственные люди на всем свете, кому не жалко, что родилась девочка, — прошептала я. — Мне ничего не надо сверх уже полученного.

— Да, а как насчет следующего раза? — На его лице снова появилась горькая усмешка.

Была середина лета, и двор, как обычно, переезжал, двигаясь по пыльным дорогам Суссекса и Винчестера, а оттуда в Нью-Форест, чтоб королю было где охотиться на оленей с рассвета до заката, а потом каждую ночь пировать олениной. Муж мой скакал подле короля, ближе не придумаешь, вся ватага вместе — когда двор переезжает, а охотничьи собаки заливаются лаем, несясь перед лошадьми, когда соколов везут в специальных повозках, а выжлятники скачут рядом и поют, чтобы успокоить птиц, для ревности места нет. Мой брат тоже подле короля, рядом с Франциском Уэстоном верхом на новом черном охотничьем коне, огромном и могучем создании, пожалованном им королем из королевских конюшен в знак его благоволения ко мне и моей родне. Мой отец в Европе, ведет бесконечные переговоры между Англией, Францией и Испанией, пытаюсь управлять ненасытными желаниями трех алчных молодых монархов, которые никак не могут поделить между собой титул величайшего правителя Европы. Моя мать путешествует вместе со двором, при ней небольшой кортеж собственных слуг. Мой дядюшка тоже тут, его сопровождают слуги, носящие цвета семейства Говард, он не спускает пристального взора с семейства Сеймур — чего еще они захотят сделать в угоду своим честолюбивым притязаниям. Здесь же и семейство Перси, Карл Брендон и королева Мария, лондонские золотых дел мастера, иностранные дипломаты. Все знатнейшие семьи Англии покинули свои поля, фермы, корабли и шахты, забросили торговлю и городские дома, чтобы охотиться с королем. А то вдруг не им, а кому-то другому пожалуют землю или деньги, окажут благоволение, а то вдруг король бросит ненасытный взор на чью-то другую хорошенькую дочку или жену и желанное место достанется кому-нибудь еще.

Мне, благодарение Богу, удалось от всего этого на время избавиться, я была рада-радешенька медленно ехать по узким дорогам

Кента. Анна встретила меня посреди чисто прибранного двора замка Гевер, лицо черно, словно летняя гроза.

— Ты, должно быть, сошла с ума, — закричала она вместо приветствия. — Что ты тут делаешь?

— Решила провести тут лето, привезла малышку. Мне надо отдохнуть.

— Не похоже, чтобы ты нуждалась в отдыхе. — Она внимательно меня оглядела и с видимой неохотой добавила: — Выглядишь просто красавицей.

— Посмотри лучше на нее. — Я отогнула уголок кружев, чтобы стало видно маленькое личико Екатерины. Она почти все время спала, укачиваемая мерным движением повозки.

Анна из вежливости поглядела на девочку и без особого энтузиазма сказала:

— Миленькая. Но почему ты ее сюда не прислала с кормилицей?

Я вздохнула — Анну не убедишь, что на свете бывают места лучше королевского двора. Я вошла в залу, передала малышку на руки няньке — пусть поменяет пеленки.

— Потом принесешь ее мне обратно, — напомнила я.

Уселась в одно из резных кресел подле большого стола в зале и улыбнулась Анне, стоявшей рядом с нетерпеливым выражением лица — поскорее бы начать допрос.

— Мне до двора особенного дела нет, — прямо объяснила я. — Я нянчу малышку, тебе этого не понять. Мне вдруг будто открылось, в чем на самом деле заключен смысл жизни. Не в благоволении короля или борьбе за лучшее место при дворе. Ни даже в том, чтобы еще немножко поднять престиж нашего семейства. Все это пустяки. Я хочу, чтобы она была счастлива. Не желаю, чтобы ее отослали неизвестно куда, как только она научится ходить. Хочу сама за ней ухаживать, учить ее всему. Хочу, чтобы она выросла здесь, глядя на реку, поля, ивы на заливных лугах. Я не хочу, чтобы она росла чужестранкой в своей родной стране.

Анна не могла взять в толк, о чем я говорю.

— Но она же еще совсем малютка. Может умереть. У тебя будет еще дюжина детей. Ты так себя собираешься вести с каждым из них?

От этих слов я испуганно вздрогнула, но она даже не заметила.

— Не знаю, не знаю, почему я все это ощущаю, но так оно и есть, Анна. Драгоценней этой малышки ничего нет на свете. Она важнее всего остального. Я ни о чем не могу думать — только о ее здоровье и благополучии. Когда она плачет — это как нож прямо в сердце. Не могу вынести даже мысли о том, что она плачет. Я хочу наблюдать, как она растет, а не быть где-то вдали.

— А что говорит король? — Анна, истинная Болейн, желала все знать о короле.

— Я с ним об этом не говорю. Он доволен, что я уехала на лето и отдыхаю. Ему хочется только охотиться. Его прямо гложет охотничья лихорадка. Так что он особенно не возражал.

— Особенно не возражал? — недоверчиво переспросила сестра.

— Совсем не возражал, — поправилась я.

Анна, прикусив палец, кивнула. Я прямо видела, ее мозги пытаются вычислить, какая ей от этого выгода.

— Ну, хорошо. Если тебя не заставляют оставаться при дворе, мне-то уж не о чем беспокоиться. С тобой, видит Бог, тут будет повеселее. Будешь болтать с несносной старухой, а я немножко отдохну от ее бесконечного ворчанья.

— Ты совсем потеряла уважение к старшим, Анна, — улыбнулась я.

— Это уж точно. — Сестра уселась на высокий табурет. — Давай выкладывай все новости. Расскажи мне о королеве, а еще я хочу знать, что Томас Мор думает о этих новых веяньях в Германии. И какие планы относительно французов? Снова будет война?

— Прости, дорогая. — Я покачала головой. — Вчера мне кто-то обо всем этом рассказывал, да только я не слушала.

Она недовольно фыркнула и вскочила на ноги. Сказала раздраженно:

— Хорошо, хорошо, расскажи мне о младенце. Это ведь тебе интересно? Ты же все время сидишь повернув голову, будто слушаешь ее, а не меня. До чего же нелепо. Повернись сейчас же. Нянька не принесет ее обратно быстрее от того, что ты, как гончая, прислушиваешься к каждому писку.

Я расхохоталась, настолько правдиво было это сравнение.

— Это как влюбленность. Мне все время хочется ее видеть.

— Ты всегда влюблена, — сердито заметила сестра. — Ты как огромный кусок масла, все время источаешь любовь то к одному, то к другому. Сначала был король, и нам от этого немало досталось. Теперь младенец, от которого семье ни малейшей пользы. Но тебе и дела нет. Чувства из тебя просто сочатся — страсти, желания. Ты прямо выводишь меня из равновесия.

Я улыбнулась:

— Зато ты полна честолюбия.

— Конечно, а чего же еще? — У нее даже глаза засияли. Между нами, казалось, пролетел дух Генриха Перси.

— Даже не хочешь спросить, видела ли я его? — Жестокий вопрос, я надеялась увидеть боль в ее глазах, но, к своему неудовольствию, ничего подобного не заметила. Лицо оставалось холодным и спокойным, похоже, она больше по нему не рыдает, а может, и вовсе никогда не рыдала ни об одном мужчине.

— Нет. Можешь им сказать, когда спросят, что я его имени даже не упоминала. Он ведь сдался, да? Женился на другой.

— Он думал, ты о нем позабыла.

Сестра отвернулась.

— Будь он настоящим мужчиной, не разлюбил бы меня. — Голос хриплый. — Я бы на его месте никогда не женилась, покуда та, кого я люблю, свободна. Он сдался, он меня не удержал. Я его никогда не прощу. Он для меня умер. И я для него умерла. Я только хочу выбраться из этой могилы и вернуться ко двору. Мне только одно и осталось — честолюбие.

Анна, бабушка Болейн, малышка Екатерина и я провели лето вместе в вынужденной близости. Я отдохнула и окрепла, боли внизу живота, мучившие меня после родов, прошли. Теперь я снова могла скакать на лошади каждый день. Я объездила всю долину, поднималась по холмам Уэльда, наблюдая, как зазеленели травы на полях после первого покоса, как овечья шерсть становится белее и мягче после первой стрижки. Желала жнецам доброго урожая, когда они выходили с серпами на пшеничные поля, глядела, как они нагружают зерном повозки, идущие в амбары и на мельницу. Вечерами мы ели зайчатину, жнецы пустили собак в последнюю несжатую полоску, где укрывались зайцы. Я видела, как маленьких телят отделяют от коров, и мои груди болели от сочувствия, когда я следила за дойными коровами, которые

пытались пробиться через толстую изгородь, тыкались головой в ворота и, горестно мыча, призывали своих детенышей.

— Они скоро позабудут, леди Кэри, — сказал мне один из пастухов. — Поревут пару дней и позабудут.

Я улыбнулась в ответ:

— Мне просто хотелось, чтобы им удалось чуть подольше побыть вместе.

— В этом мире нелегко и человекам и скотам, — серьезно ответил он. — Приходится их разлучать, а то откуда возьмутся ваши масло и сыр.

В саду круглились, краснели яблоки. Я пошла на кухню и попросила кухарку приготовить на ужин большие, маслянистые пирожки с яблоками. Сливы тоже созревали, темнели, чуть не лопались от спелости, и в ленивой летней жаре вокруг деревьев вились осы, пьянея от фруктового сока. Воздух наполнялся сладким ароматом жимолости и тяжелым благоуханьем плодов на ветвях. Мне хотелось, чтобы лето никогда не кончалось. Пусть малышка остается такой же маленькой и хорошенькой, ну просто полное совершенство, а не ребенок. Теперь ее глазки поменяли цвет — уже не голубенькие, как при рождении, а темно-синие, почти черные. Она, похоже, будет темноглазой красавицей, как ее резкая в суждениях тетушка.

Теперь при виде меня малышка улыбалась, я не раз проверяла, и все больше и больше злилась на бабушку Болейн, утверждавшую, что младенцы до двух лет ничего не видят и я зря гну спину над колыбелькой, пою ей, выношу ее в сад, укладывая на ковер под деревьями, а сама ложусь рядом и щекочу ее маленькие ладошки или покусываю крошечные пальчики на ногах.

Король прислал мне весточку только один раз, описал охоту и всю убитую им добычу. Похоже, он не остановится, покуда в Нью-Форесте бродит хотя бы один олень. В конце письма прибавил, что в октябре двор будет в Виндзоре, а к Рождеству переедет в Гринвич и что он ожидает скоро меня увидеть, конечно, без сестры и без младенца, которому он посылает свой поцелуй. Несмотря на нежный поцелуй, я знала — радость этого лета, проведенного с малышкой, подходит к концу, и, хочу я того или нет, мне, как любой деревенской бабе, оставляющей ребенка, чтобы вернуться на работу в поле, пора возвращаться к своей работе.

Зима 1524

Приехав в Виндзор, я нашла короля в отличном расположении духа. Ходили слухи о его флирте с одной из новых придворных дам королевы — Маргаритой Шелтон,^[18] моей кузиной из семейства Говардов, только что появившейся при дворе. Другая история была куда смешней — рассказывали, что одна придворная дама ходила за королем по пятам, пока он, чтобы избавиться от нее поскорее, не залез к ней под юбку прямо за кустом во время охоты и, сделав дело, ускакал, прежде чем она привела в порядок свой наряд. Подсадить в седло ее было некому, вот она и проторчала там целую вечность, покуда кто-то ее не нашел. На сем надежды занять мое место растворились как дым.

Изобиловали невероятные рассказы о разнообразных попойках и пирушках, брат Георг после драки в таверне щеголял подбитым глазом, то и дело раздавались шуточки по поводу некоего пажы, увлекшегося Георгом и отосланного с позором домой после того, как он посвятил моему брату десяток любовных сонетов, подписанных «Ганимед». Кавалеры королевской свиты немало веселились, да и сам Генрих тоже.

Он схватил меня, крепко обнял и поцеловал прямо на глазах у всего двора, хотя, к счастью, королевы при этом не оказалось.

— Красавица моя, как мне тебя не хватало, — восторженно заявил он. — Скажи — ты тоже по мне соскучилась?

Я не могла не улыбнуться, глядя, как заблестели его глаза.

— Конечно. Но я со всех сторон слышу, что у вашего величества нашлось немало развлечений в мое отсутствие.

Послышались легкие смешки — приятели короля оценили шутку. Король тоже — правда, несколько неуверенно — хихикнул.

— Сердце мое тосковало о тебе день и ночь. — Вот она, насмешливая куртуазность придворной любви. — Изнывало во тьме кромешной. Как ты, красавица моя? Как наше дитя?

— Екатерина хороша собой, растет, здоровая и сильная. — Я сделала особое ударение на ее имени. — Сложена просто невероятно, истинная роза Тюдоров.

Тут шагнул вперед мой брат Георг, и король позволил ему поцеловать меня в щеку.

— Добро пожаловать обратно ко двору, сестренка. А как поживает наша маленькая принцесса?

Все замолкли. С лица короля исчезла улыбка. Я в ужасе уставилась на Георга — что за невероятная ошибка. Брат мгновенно повернулся на каблуках и весело сказал королю:

— Я зову малышку Екатерину принцессой, потому что с ней носятся как с истинной царицей. Вы бы видели одежды, которые Мария ей приготовила, вышила своими собственными руками. Постельное белье — пусть императрица нежится. Даже на пеленках и тех — инициалы. Вам, ваше величество, не удержаться от смеха, когда вы ее увидите. Такой маленький тиран, правительница Гевера, все должно делаться, как ей угодно. Кардинал, да и только. Папа Римский в детской кроватке.

Георг замечательно вышел из положения. Генрих расслабился, расхохотался при мысли о младенце-диктаторе, придворные подхватили смех короля, всех позабавил рассказ Георга о малышке.

— Это правда? Ты ее так избаловала? — обратился ко мне король.

— Она у меня первая, — виновато пробормотала я. — Всю эту одежду можно будет оставить для второго.

Правильный ход, мысли короля тут же переключились на следующего младенца.

— Да, конечно, но потерпит ли маленькая принцесса соперников в детской?

— Надеюсь, она будет слишком мала, чтобы обращать внимание на подобные помехи. Может, ей еще и года не исполнится, когда у нее появится маленький братик. Между Марией и Анной куда меньше года, мы семейство плодовитое.

— Георг, постыдился бы, — выговорила ему, улыбаясь, наша матушка. — Но мы были бы счастливы, появившись в Гевере маленький мальчик.

— Я тоже. — Король ласково поглядел на меня. — Маленький мальчик принес бы мне немало счастья.

Как только отец вернулся из Франции, было созвано еще одно семейное совещание. На этот раз для меня поставили кресло у стола. Я больше не девочка, которой дают подробные указания. Я теперь

королевская фаворитка. Я больше не пешка, ну, по крайней мере, ладья в этой игре.

— Скажем, она снова зачнет и родится мальчик, — тихо произнес дядя. — Скажем, королева сама решит уйти, тогда он сможет жениться повторно. Беременная любовница — отличная кандидатура.

На мгновение мне показалось — я все это уже видела во сне. Но тут поняла, как давно ожидала этого момента, муж ведь меня предупреждал. Я помнила наш с ним разговор, просто думать о нем ужасно не хотелось.

— Я замужем, — напомнила я дядюшке.

Матушка пожала плечами:

— Какое там замужем. Всего несколько месяцев. Брачных отношений у вас, считай, и не было.

— Брачные отношения были, — решительно возразила я.

Дядя поднял брови, взглянул в сторону матушки.

— Что вы хотите от молоденькой девчонки, — ответила та. — Много она тогда понимала в брачных отношениях? Она без труда может поклясться — ничего, в сущности, не произошло.

— Не могу, — обратилась я к матери, а потом повернулась к дяде. — Мне на такое никогда не осмелиться. Мне на ее трон не сесть. Она принцесса, с какой стороны ни погляди, а я просто какая-то Болейн. Клянусь, я просто не в силах.

Он и внимания не обратил.

— Тебе ничего особенного не придется делать. Просто выйдешь замуж, как тебе велют, как уже один раз сделала. Все остальное я организую сам.

— Но королева никогда сама не уйдет, — в отчаянье пробормотала я. — Она так сама сказала, она мне говорила. Она сказала — только после моей смерти.

Дядя вскочил с недовольным восклицанием, подошел к окну.

— Сила пока на ее стороне. Если ее племянник в союзе с Англией, никому их брака не разрушить, особенно самому Генриху — не ради же младенца, которого еще даже не зачали. Но стоит выиграть войну с Францией и поделить добычу, она — никто, просто старуха, так и не родившая королю наследника.

— Когда война выиграна, может быть. — В голосе отца слышалось беспокойство. — Но сейчас нельзя рисковать разрывом

отношений с Испанией. Я все лето провел, пытаюсь договориться и как-нибудь да склеить этот союз.

— Что важнее? — сухо отозвался дядя. — Страна или семья? Значит, с Марией все усилия насмарку, а то как бы благополучие страны не пострадало?

Отец не отвечал.

— Конечно, ты не кровный родственник, — продолжал дядюшка весьма ядовитым тоном. — Говард всего лишь по браку.

— Семья важнее, — задумчиво ответил отец. — Должна быть важнее.

— Тогда придется пожертвовать союзом с Испанией против Франции, — ледяным тоном произнес дядюшка. — Избавиться от Екатерины куда важнее, чем добиться мира в Европе. Важнее подложить в постель королю ту, что следует, чем спасти жизнь сражающихся англичан. Такой шанс у нас, у Говардов, появляется лишь раз в сто лет.

Весна 1525

В марте до нас дошли новости из Павии. Посланец появился перед королем ранним утром, когда тот еще даже и не оделся толком. Король, как мальчишка, помчался в покои королевы, герольд несся перед ним и только и успел стукнуть в дверь опочивальни королевы и прокричать: «Его величество король собственной персоной». Мы все повалили из комнат в разной степени полуодетости, одна королева была, как всегда, на высоте — изысканное платье наброшено прямо поверх ночной сорочки. Влетев в комнату, Генрих хлопнул дверью, промчался мимо всех нас, словно мимо клетки, полной пищущих и голосащих птичек, — и прямо к королеве. На меня даже не глянул, хотя я так аппетитно распустила гриву золотых волос. Но нет, не ко мне Генрих спешил с хорошими новостями. Они предназначались королеве, обеспечившей ему нерушимый союз со своей родиной — Испанией. Множество раз он ей изменял, и в постели, и в политике, но, получив замечательное известие, ринулся прямо к ней. Новости победы достойны ее одной, Екатерина снова королева его сердца. Он бросился к ее ногам, припал к руке, покрыл поцелуями. Екатерина смеялась, как девочка, и в нетерпении восклицала:

— Ну, что там? Рассказывайте же скорее! Что там?

Генрих не мог ничего сказать, только повторял одно слово:

— Павия! Слава Богу, Павия!

Вскочил, закружил ее по комнате, прыгая от счастья — мальчишка мальчишкой. В покои ввалилась толпа приближенных, он их всех оставил позади, стремясь к королеве. Георг, ворвавшийся в комнату вместе с Франциском Уэстоном, увидел меня, устроился рядом.

— Скажи мне, что происходит? — Я пыталась пригладить волосы, одернуть юбку.

— Великая победа! Решающая победа. Говорят, французская армия почти уничтожена. Теперь нам открыты все дороги во Францию. Пусть Карл Испанский захватывает свой юг, нам достанется север. Франции больше нет. Испанская империя до границ английского королевства! Мы пригвоздили французскую армию к земле, теперь мы несомненные хозяева Франции, а в месте с ней и доброй половины Европы.

— Франциск разбит? — Я все еще не верила своим ушам, вспоминая честолобивого темноволосого принца, соперника нашего златокудрого монарха.

— На мелкие кусочки, — подтвердил Уэстон. — Что за день для Англии! Вот это победа!

Я взглянула на короля и королеву. Он больше не пытался танцевать, сбился с ритма. Теперь он покачивал жену в своих объятьях, целовал в лоб, в глаза, в губы.

— Дорогая моя, — начал король. — Твой племянник — великий полководец, и это его величайший дар всем нам. Франция будет у наших ног. Я стану королем английским и французским не только по титулу, но на деле. Ричард де ла Поль^[19] мертв, а вместе с ним мертва и угроза моему трону. Король Франциск захвачен в плен, Франция уничтожена. Твой племянник и я — два величайших монарха Европы, и союз наш вечен. Сегодня мы получили все, что мой отец надеялся получить благодаря тебе и твоей семье.

Королева сияла от радости, поцелуи короля, казалось, освободили ее от бремени лет. Щеки порозовели, голубые глаза сверкают, гибкая талия — в его объятьях.

— Да благословит Бог испанцев и испанскую принцессу! — внезапно провозгласил Генрих, и все придворные подхватили, закричали в полный голос:

— Благословит Бог испанцев и испанскую принцессу!

Георг уголком глаза глянул в мою сторону и тихонько повторил:

— Благословит Бог испанскую принцессу.

— Аминь, — отозвалась я. В глубине души мне ужасно нравилось смотреть на нее, вот она склонила голову мужу на плечо, улыбается придворным. — Аминь, и да хранит ее Господь, пусть всегда будет счастлива, как сегодня.

Мы пили за победу — в это утро и пять дней подряд. Будто гулянье двенадцатой ночи после Рождества вновь вернулось в марте. С крыши замка глядели мы на сигнальные огни, пылающие на дороге к Лондону, темнеющий небосклон над городом отливал алым — повсюду горели костры, и на каждом углу прямо на улице горожане жарили туши быков и овец. Колокола, не умолкая, трезвонили во всю мочь, пока страна праздновала победу над старейшим врагом Англии. Повара готовили нам новые блюда с подходящими к случаю

названиями — павлины по-павски, пудинг а-ла Павия, десерт «Карлова услада», бланманже по-испански. Кардинал Уолси приказал отслужить особую торжественную мессу в соборе Святого Павла, да и в каждой церкви Англии пели благодарственные молебны в честь победы при Павии, в честь императора, добывшего эту победу для Англии, — Карла Испанского, любимого племянника королевы Екатерины.

Теперь и вопроса не возникало — кому сидеть по правую руку от короля. Королева шествовала по парадной зале в алом шелке и золоте, голова высоко поднята, на устах легкая улыбка. Она не кичилась тем, что снова на высоте положения. Как и тогда, когда оказалась в немилости, она понимала — такова природа королевского брака. Стояла ли ее звезда высоко или закатывалась за горизонт — гордости она не теряла.

Король опять пылал к ней любовью — в благодарность за победу при Павии. Королева — источник власти над Францией, да и победа нам досталась только благодаря ей. Генрих всегда оставался избалованным ребенком — подари ему желанную игрушку, и он будет пылко любить дарителя.

Однако дарителя любят, пока подарок не наскучит, не сломается, не разонравится. К концу марта появились первые знаки разочарования в Карле Испанском.

План Генриха был прост — разделить Францию между ними двумя, бросив, как кость, остатки герцогу Бурбонскому. Тогда Генрих станет королем Франции не только по имени, но и на деле, вернув себе титул, давным-давно пожалованный ему Папой. Но Карл не торопился. Вместо подготовки к приезду Генриха в Париж на коронацию, он сам отправился в Рим, где был коронован императором Священной Римской империи. Хуже всего — его не прельщала идея раздела Франции. Он захватил короля Франциска в плен, а теперь хотел отпустить его за выкуп домой во Францию, на тот самый трон, который только что, казалось, уничтожил.

— Бога ради, скажите мне, в чем дело? Почему? — ревел в бешенстве Генрих, глядя на кардинала Уолси. Даже большинство королевских фаворитов отступили в испуге. Дамы — те вовсе дрожали от страха. Только королева сидела недвижно в кресле у главного стола в парадной зале. Прямо рядом с королем, будто самый

могущественный человек в стране не буйствовал в неуправляемой ярости лишь в паре шагов от нее.

— Этот подлый испанский пес хочет нас предать! Зачем ему понадобилось освободить Франциска? Совсем с ума сошел? — Генрих повернулся к королеве. — Он что, полоумный, твой племянничек? Или затеял двойную игру — хочет получить побольше? Надуть меня вздумал, как твой папаша когда-то надул моего? Получается, у всех испанских монархов в крови низкое предательство? Отвечайте, мадам. Он ведь вам пишет? Что он там написал, ваш племянничек? Хочет отпустить моего злейшего врага? Право, он либо сумасшедший, либо просто дурак.

Екатерина взглянула на кардинала Уолси — не вмешается ли тот, но при таких обстоятельствах какая уж тут дружба. Кардинал не открывал рта и встретил пронзительный, просящий о помощи взгляд королевы с истинно дипломатическим спокойствием.

Оставшись одна, безо всякой поддержки, королева повернулась к мужу:

— Мой племянник ничего мне не пишет о своих планах. Мне неизвестно, думает ли он об освобождении Франциска.

— Надеюсь, что нет, — взревел король, наклонившись к ней. — Иначе вы, мадам, будете виновны в измене, если не в чем похуже. Знай вы, что ваш племянник хочет отпустить злейшего врага страны, окажитесь предательницей.

— Я ничего не знаю, — уверенным тоном отвечала королева.

— Уолси мне сообщил, Карл подумывает отказаться от помолвки с принцессой Марией. Вашей дочерью! Что вы скажете на это?

— Я ничего не знаю, — повторила она.

— Простите мое вмешательство, — негромко заметил кардинал, — но ваше величество, похоже, забыли вчерашний разговор с испанским послом. Как мне помнится, он предупреждал, что Карл подумывает о разрыве помолвки с принцессой.

— Разорвать помолвку! — Король в гневе вскочил, больше не в силах усидеть в кресле. — И вы об этом знали, мадам?

Королева, соблюдая этикет, поднялась на ноги.

— Да, кардинал прав. Посол упоминал о возможных сомнениях по поводу помолвки с принцессой Марией. Я об этом не сказала,

поскольку не могу поверить. Другое дело, если бы мой племянник мне сам написал. Но от него я ничего такого не слышала.

— Боюсь, подобный исход неизбежен, — вставил кардинал.

Королева пристально взглянула на кардинала — уже второй раз подряд он ее подставляет под неприкрытый гнев короля — и нет сомнений, намеренно.

— Мне жаль, что вы так думаете, — заметила она.

Генрих резко опустил в кресло, от гнева не в силах вымолвить ни слова. Королева все еще стояла, он не предложил ей сесть. Кружева на груди слегка шевелятся в такт дыханию, пальцы едва касаются висящих на поясе четок. Она ни на минуту не теряет достоинства и благородной осанки.

Генрих обратился к ней, полный ледяного презрения:

— Знаете, что нам придется сделать, чтобы не упустить открывающихся возможностей, которые вашему племяннику не терпится пустить на ветер?

Она молча качнула головой.

— Поднять налоги — вот что. Собрать *еще одно* войско. Затеять еще один поход во Францию, еще одну войну. И придется этим заниматься одним, без поддержки вашего племянника, *вашего* племянника, мадам, который выиграл самую что ни на есть удачную битву, а потом пустил все на ветер, как будто победа — просто пустяк какой, песок да галька — пусть смывает морской волной.

Даже теперь королева не двинулась с места. Но ее терпение только сильнее раззадорило короля. Он снова вскочил с кресла, словно хотел на нее наброситься с кулаками. Мне даже показалось — вот-вот ударит, но то был не кулак, а указательный палец, направленный ей в лицо.

— А вы, приказали вы ему хранить мне верность?

— Приказала. — Она едва разомкнула губы. — Я ему приказала хранить верность нашему союзу.

За спиной у королевы кардинал Уолси отрицательно качнул головой.

— Лжете! — раздался крик короля. — В вас испанской принцессы куда больше, чем английской королевы.

— Бог свидетель, я верная жена и истинная англичанка.

Генрих отвернулся, с дикой скоростью пронесся мимо расступившихся в страхе придворных, кланяющихся и приседающих в реверансах. Его фавориты, отвесив короткий поклон королеве, направились было вслед за ним, но у дверей он обернулся и прокричал:

— Я этого не забуду. Никогда не прощу и не забуду оскорблений, нанесенных вашим племянником, не прощу и не забуду ваших изменнических дел.

Она медленно и величественно опустилась в глубочайшем королевском реверансе и, как танцовщица, застыла, покуда Генрих, изрыгнув ругательство, не выскочил за дверь. Только тогда она поднялась, внимательно осмотрелась, взглянув на каждого, кто был свидетелем ее унижения и теперь старался не смотреть ей в глаза, надеясь — она не прикажет следовать за ней.

На следующий день за ужином я заметила — король пристально взглянул на меня, когда я следом за королевой входила в залу. После ужина все было готово к танцам, он приблизился и, даже не посмотрев в ее сторону, пригласил на танец меня.

Когда мы вышли в центр залы, по рядам придворных пронесся шепот.

— Я один, — бросил Генрих через плечо, и остальные танцоры, уже готовые вступить в круг и танцевать с нами, шагнули назад — теперь они будут зрителями.

Что это был за танец, танец соблазна. Генрих не сводит голубых глаз с моего лица, вот он приближается ко мне, топает ногой, хлопает в ладоши, будто сдирает с меня одежду на глазах у всего двора. Я запретила себе думать о королеве, о том, что она на нас смотрит. Я танцевала. С высоко поднятой головой, глаза в глаза, маленькие, соблазнительные шажки, бедра призывно колышутся. Вот мы уже совсем рядом, он подбрасывает меня, держит на руках — придворные аплодируют без устали. Король мягко опускает меня на пол, и вот я стою посреди зала, щеки горят, все смешалось — неловкость, триумф, желание. Повинуясь ритму барабана, мы расходимся в разные стороны, потом, ведомые движениями танца, снова сближаемся. Король опять поднимает меня на воздух, на этот раз опускает медленно, прижимая всем телом к себе. О, это ощущение его тела — грудь, бедра, ноги. Мы замираем, мое лицо совсем рядом, он

наклоняется — поцеловать меня в губы. Его дыханье на моем лице, тихий шепот: «У меня в спальне. Немедленно».

Я провела эту, да и следующие ночи, в постели короля, повинаясь его неизменному желанию. Предполагалось, что я счастлива. По крайней мере моя матушка, отец и дядя, да и наверно Георг были счастливы — король опять выбрал меня, все при дворе снова вращается вокруг меня. Придворные дамы королевы выказывают мне почтение, совсем как ей. Иностранцы низко мне кланяются, будто я принцесса, королевские фавориты пишут в мою честь сонеты, воспевая золотые кудри и алые губки. Франциск Уэстон написал мне песню, и куда бы я ни пошла, все готовы мне служить, помогать, ухаживать за мной. Кто-нибудь все время шепчет мне на ухо — просит упомянуть королю то или это, а они мне потом по гроб жизни будут благодарны.

Я следовала совету Георга и всегда отказывала всем просителям, не докучая королю просьбами даже о себе самой. Ему это очень нравилось, так с ним никто никогда себя не вел. Мы свили маленькое уютное гнездышко за тяжелыми дверями его спальни. Ужинали вдвоем, после того, как ужин подавали в парадной зале. Компанию нам составляли только музыканты да изредка один-два королевских приятеля. Томас Мор часто приглашал короля подняться на плоскую крышу замка — поглядеть на звезды, и я шла с ними, всматривалась в глубину темного неба и думала — там, над Гевером, стоят те же звезды, сверкают сквозь узкие прорези бойниц, освещая спящее личико моей малышки.

Ни в мае, ни в июне обыкновенные женские дела не пришли. Я шепнула Георгу, он меня крепко обнял, прижал к себе:

— Скажу отцу. И дяде Говарду. Молись, чтобы на этот раз был мальчик.

Я хотела сама рассказать Генриху, но они решили — новость слишком весомая и многообещающая, ее надо использовать получше. Пусть к королю пойдет мой отец, тогда семья извлечет из моей плодовитости полный прибыток. Отец попросил короля уделить ему несколько минут для личной аудиенции, тот, думая, речь пойдет о переговорах кардинала Уолси во Франции, увлек отца в амбразуру окна — поговорить вдали от длинных ушей двора. Отец с улыбкой произнес одну краткую фразу, я увидела — король бросил взгляд в ту

сторону, где я сидела с другими дамами, услышала его радостный возглас. Он бросился через всю комнату и чуть не схватил меня в объятия, но вдруг остановился — испугался сделать мне больно. Вместо того, поднес к губам мою руку:

— Красавица моя! Лучше новости и не придумаешь. Давно ничего такого хорошего не слышал!

Я глянула мельком на сторающие от любопытства лица придворных, повернула голову к королю.

— Ваше величество, — осторожно начала я. — Я так рада, что вы счастливы.

— Счастливее не бывает, — заверил он, поднял меня на ноги, поставил рядом. Все, как одна, придворные дамы вытянули шеи, стараясь в то же время смотреть в сторону — ужасно хочется узнать, в чем дело, но никак нельзя, чтобы тебя заподозрили в подслушивании. Отец и Георг встали рядом с королем и принялись громко болтать о каких-то пустяках — о погоде, о том, когда начнется летнее путешествие двора. Таким образом, мы с королем получили возможность поговорить.

Генрих усадил меня на скамью подле окна, нежно положил руку мне на корсаж:

— Не слишком туго зашнуровано?

— Нет, — усмехнулась я. — Еще совсем рано, ваше величество. Еще почти ничего не видно.

— Молись, чтобы на этот раз получился мальчик.

Я улыбнулась безрассудной улыбкой Болейнов.

— Даже не сомневайтесь. Помните, про малышку Екатерину я никогда не говорила — будет мальчик. На этот раз я совершенно уверена — мальчишка. Может, назовем его Генрихом?

Моя беременность принесла семье немало благ. Отец стал виконтом Рочфордом, а Георг именовался сэром Георг Болейн. Матушке, как виконтессе, разрешалось теперь носить пурпур. Мужу моему был пожалован еще кусок земли, вдобавок к его растущему поместью.

— Похоже, мне надо поблагодарить вас, мадам. — Муж решил сесть рядом со мной за ужином и угождать мне, отрезая лучшие кусочки мяса. Взглянув туда, где сидел король, я улыбнулась, заметив — Генрих смотрит в нашу сторону.

— Всегда рада оказаться полезной, — вежливо ответила я.

Он откинулся в кресле, улыбнулся, но в глазах стояла тоска, тоска пьяницы.

— Итак, нам предстоит еще один год — вы при дворе, я в свите короля, и мы редко друг друга видим и еще реже разговариваем. Вы — любовница, я — монах.

— Не знала я, что вы решили вести воздержанную жизнь. — Я постаралась, чтобы голос мой звучал спокойно.

У него хватило вежливости улыбнуться.

— Я женат, вы замужем. Откуда мне взять наследников для моего нового поместья, если не от жены?

Я кивнула. Мы оба несколько мгновений молчали.

— Вы правы, мне очень жаль, — наконец проговорила я.

— Если опять родится девочка и он потеряет к вам интерес, вас пошлют домой, ко мне. Вы снова станете моей женой, — сказал он как бы между прочим. — Как вы думаете, мы поладим, вы, я и два маленьких бастарда?

— Мне неприятно слышать это слово, милорд. — Я взглянула ему прямо в глаза.

— Осторожно, — напомнил он, — за нами наблюдают.

На моем лице тут же появилась ничего не значащая придворная улыбка.

— Кто наблюдает? Король? — Я не хотела оборачиваться.

— И ваш отец.

Я взяла хлеб, принялась потихоньку отщипывать маленькие кусочки, делая вид — мы говорим о пустяках.

— Мне неприятно слышать, когда вы так говорите о Екатерине. Она носит ваше имя.

— Так что — я должен ее за это любить?

— Мне кажется, когда вы ее увидите — сразу полюбите. Такая красивая девочка. Не могу представить, чтобы вы ее не полюбили. Надеюсь, смогу побыть с ней этим летом в Гевере. Она уже, наверно, учится ходить.

Он опустил глаза:

— Так вот чего вам на самом деле хочется, Мария. Вы любовница короля Англии, а ваше заветное желание — жить в маленьком замке и учить дочку ходить.

Я усмехнулась:

— Глупость, правда? Но так и есть. Ни на что на свете не променяла бы такой возможности.

Он покачал головой, начал ласковым голосом:

— Мария, поправьте меня, если я ошибаюсь. Мне раньше казалось — вы меня просто использовали, я очень сердился на вас и эту волчью стаю — вашу драгоценную семейку. А теперь мне вдруг пришло в голову, это мы на вас наживаемся. Мы все благоденствуем и преуспеваем, а вы между всеми нами как кусок бисквита, брошенного в пруд уткам — всяк надкусывает, всяк ест живьем. Наверно, вам надо было выйти замуж за кого-то, кто бы вас любил, заботился о вас и без перерыва делал вам младенцев, чтобы вы могли их сами кормить.

Представив себе эту картину, я только улыбнулась.

— Хотели бы вы быть замужем за таким человеком? Мне бы это понравилось. Я бы хотел, чтобы вы жили с тем, кто вас любит и никому не отдает, как бы выгодно это ни казалось. Когда я пьян и грустен, мне иногда хочется набраться храбрости и стать таким человеком.

Я молчала, не отвечая, пусть любопытные соседи по столу отвлекутся на что-нибудь еще.

— Что сделано — сделано, — мягко проговорила я. — Все было за меня решено, раньше, чем я выросла и научилась думать самостоятельно. Уверена, милорд, вы совершенно правы, подчиняясь желанием короля.

— Я могу, по крайней мере, употребить свое влияние хотя бы раз и уговорить его отпустить вас в Гевер этим летом. Хоть это я могу для вас сделать.

— Как я была бы рада, — прошептала, глядя ему прямо в лицо и чувствуя, как мои глаза наполняются слезами — снова увидеть крошку Екатерину. — Да, милорд, я была бы несказанно рада.

Уильям сдержал свое слово. Поговорил с моим отцом, поговорил с дядей. И в конце концов поговорил с королем. Мне разрешили удалиться в Гевер на все лето, проводить время с Екатериной в прогулках по яблоневому саду.

Георг дважды без предупреждения являлся с визитом, влетал галопом во двор замка, без шляпы, без камзола, так что все служанки просто умирали от восторга и желания. Анна донимала брата вопросами — что делается при дворе, кто за кем ухаживает, но он был

утомлен и молчалив, часто в знойный полдень поднимался по каменным ступеням в часовенку наверху, где на потолке плясали отблески воды из замкового рва. Там он преклонял колени и проводил часы в молчании — молился, мечтал, Бог ведает.

Он был страшно недоволен женой. Джейн Паркер никогда не приезжала с ним в Гевер, он ей не разрешал. Эти дни, проведенные с нами, не предназначались для ее любопытных глаз и постоянной, жадной жажды скандала.

— Она просто какое-то чудовище, — как-то раз в разговоре со мной бросил он. — Ровно как я боялся — просто ужасно.

Мы сидели в маленьком садике, разбитом у въезда в замок. Деревья и изгороди скульптурно подстрижены, являя собой истинные произведения искусства. Каждый кустик, каждый цветок на своем месте, все цветет и благоухает. Мы уселись втроем на каменной скамье подле фонтана, издававшего негромкий, мелодичный шум — словно дождь, стучащий по крыше дома. Георг удобно устроил темноволосую голову у меня на коленях. Я откинулась на спинку скамьи, закрыла глаза.

Анна сидела на другом конце скамьи.

— И впрямь ужасно?

Он открыл глаза, но вставать поленился. Поднял руку, стал загибать пальцы, подсчитывая грехи жены:

— Во-первых, она отвратительно ревнива. Я за дверь не могу ступить без того, чтобы она не принялась за мной следить. Она из ревности затевает такие невзаправдашные битвы.

— Невзаправдашные? — удивилась Анна.

— Ты знаешь, что я имею в виду, — нетерпеливо бросил он и вдруг начал фальцетом: — Если я вас снова увижу с этой фрейлиной, сэра Георг, тогда все уже будет ясно! Если вы с этой девушкой еще раз приметесь танцевать, сэра Георг, придется мне поговорить и с вами, и с ней.

— До чего отвратительно, — согласилась Анна.

— Во-вторых, — он продолжил список, — она на руку нечиста. Если у меня в кармане шиллинг завалился и она думает, я не замечу, его уж нет как нет. Оставь на столе какую безделушку, мигом сцапает, словно сорока.

Анна была в восторге.

— Правда? Помнится, у меня раз пропала шитая золотом лента, наверно, она взяла.

— В-третьих, а это хуже всего, гоняет меня в постели, как сучка во время течки.

Я не могла удержать смеха.

— Георг!

— Да, да, — подтвердил он. — Уже насмерть меня загнала.

— Тебя? — насмешливо переспросила Анна. — Я думала, тебе только того и надо.

Брат сел, покачал головой, ответил серьезно:

— Я не о том, ты не понимаешь. Кто бы возражал против пылкой страсти в постели, если, конечно, все остается в семье и она меня не позорит. Дело не в этом. Ей нравится... — Он внезапно замолчал.

— Скажи нам, скажи, — смеясь, взмолилась я.

Анна вдруг нахмурилась и шикнула на меня:

— Перестань. Тут дело серьезное. Что ей нравится, Георг?

— Это даже не похоть, — с трудом выговорил он. — С похотью я бы как-нибудь справился. И не то, что ей чего-то такого необычного хочется — я тоже не прочь порезвиться. Но ей нравится власть — власть надо мной. Недавно она меня спросила, не хочу ли я какую-нибудь девушку. Обещала привести девчонку, и что хуже всего — хотела за нами наблюдать.

— Ей нравится смотреть? — переспросила Анна.

Брат покачал головой:

— Нет, мне кажется, ей нравится все устраивать. Сдается, ей нравится подслушивать под дверьми, подглядывать в замочную скважину. Ей хочется все устроить, а потом смотреть, как другие этим занимаются. Когда я сказал «нет»... — Тут он снова резко оборвал себя на полуслове.

— Что она тогда предложила?

Георг покраснел:

— Мальчика.

Я хихикнула, шокированная его словами, но Анна не смеялась.

— Почему она предложила тебе мальчика, Георг?

Он отвернулся.

— Там есть один хорист, хорошенький такой мальчишка, голос сладкий, словно у девушки, но при этом остроумный, как мужчина. Я

ничего не говорил и ничего не делал. Но она раз заметила, как я смеялся какой-то его шутке, похлопал парня по плечу — она везде видит похоть.

— Это уже второй раз, как твое имя связывают с именем какого-то мальчишки. — Анна была недовольна. — Помнишь того мальчишку-пажа, которого в прошлом году отослали домой?

— Ничего тогда не было, — буркнул брат.

— А теперь?

— И теперь ничего.

— Какое опасное ничего, — заметила Анна. — И тогда ничего, и сейчас ничего. Девчонки — это пустяк, но за такие дела могут и повесить.

Мы помолчали, мрачная компания под ярким летним солнцем. Георг покачал головой.

— Все это ничего не значит, — повторил он. — Никому до этого и дела нет. Просто меня уже тошнит от женщин, постоянных заигрываний, от всех этих разговоров про женщин. Знаете, все эти сонеты, и флирт, и пустые обещания. Мальчики — чистые и понятные... — Он отвернулся. — Но это все пустяки, не стоящие внимания.

Анна глядела на брата, в глазах невысказанный вопрос.

— Один из страшных грехов. Тебе бы лучше избавиться от подобных пустяков.

Он встретил ее взгляд.

— Я помню, мисс Всезнайка.

— А Франциск Уэстон? — спросила я.

— А он-то тут при чем?

— Вы все время вместе.

Георг нетерпеливо покачал головой и поправил меня:

— Мы все время вместе на службе у короля. Непрестанно его ждем. И больше нечего делать, как флиртовать с придворными дамами да обсуждать с ними разные скандалы. Ясное дело, меня уже тошнит от этого. Жизнь при дворе меня до смерти утомила — устал я от дамского тщеславия.

Осень 1525

Семейный совет созвали, как только я вернулась ко двору. Заметила, скривившись, на этот раз мне предложили большое резное кресло с бархатной подушкой на сиденье. В этом году я, возможно, ношу под сердцем королевского сына.

Было решено — Анна вернется ко двору весной.

— Она получила хороший урок, — рассудительно заметил отец. — Раз звезда Марии поднялась так высоко, надо вернуть Анну ко двору и выдать замуж.

Дядя кивнул, и они перешли к более важной теме — что творится в голове у короля с тех пор, как он одним указом пожаловал отцу дворянство и сделал сына Бесси Блаунт герцогом. Подумать только, Генрих Фицрой, шестилетний мальчик, — герцог Ричмонд, граф Ноттингем и лорд-адмирал Англии.

— Это бессмысленно, — решительно заявил дядя, — но указывает на ход мысли короля. Он собирается сделать Фицроя наследником. — Дядя замолчал и оглядел нас четверых, сидящих за столом, — отца и мать, Георга и меня. — Ясно, что он доведен до отчаяния. Пора подумать о новом браке. Это по-прежнему самый спокойный и быстрый способ обзавестись наследником.

— Но если Уолси устроит новый брак, нас он ни за что не выберет, — заметил отец. — С чего бы? Другом он нам никогда не был. Будет искать французскую или португальскую принцессу.

— А если у нее будет сын? — Дядя кивком указал на меня. — Если королева не будет стоять на дороге? Девочка хорошего рода, не хуже, чем мать Генриха. Второй раз от него беременна—и все шансы за то, что на этот раз мальчик. Женится на ней — сразу получит наследника. Идеальное решение.

Повисло молчание. Я огляделась — они все кивали.

— Королева никогда не согласится, — сказала я просто. Почему-то именно я всегда напоминала об этом факте.

— Когда королю не будет нужен ее племянник, не нужна будет и она. — Дядя не знает жалости. — Мирный договор, доставивший Уолси столько хлопот, открывает нам все двери. Мир с Францией

положит конец союзу с Испанией — и королеве. Хочет она этого или нет, Екатерина просто опостылевшая жена.

Воцарилось молчание. То, о чем мы сейчас говорим, полная и окончательная измена, но дядя ничего не боится. Взглянул прямо мне в лицо — будто пальцем в лоб уперся, навязывая свою волю.

— Конец союза с Испанией предвещает конец королевы. Добровольно или нет, ей придется уйти с дороги. И ты займешь ее место, хочешь ты этого или нет.

Призвав на помощь все свое мужество, я встала и обошла кресло, чтобы опереться на массивную резную спинку. Голос мой звучал ровно и твердо:

— Нет, дядя. Простите, не могу так поступить. — Я встретила его взгляд — острые, орлиные, ничего не пропускающие черные глаза. — Я люблю королеву. Она великая женщина, не могу я предать. Не могу занять ее место. Не могу оттолкнуть ее и стать королевой Англии. Это против законного порядка вещей. Никогда не осмелюсь. Просто не могу.

В его улыбке было что-то волчье.

— Мы создадим новый порядок. Новый мир. Ты понимаешь, о чем идет речь? Наступит конец власти Папы, изменится карта Франции и Испании, изменится все. Мы стоим на пороге перемен.

— А если я откажусь? — еле слышно спросила я.

Дядя одарил меня самой циничной из своих улыбок, глаза холодные как лед.

— Не выйдет, — просто ответил он. — Мир не настолько изменился. Командуют все еще мужчины.

Весна 1526

В конце концов Анне позволили вернуться ко двору. Она приняла на себя мои обязанности при королеве, потому что я чувствовала себя все хуже и хуже. На этот раз беременность проходила тяжело, и повивальные бабки клялись — все потому, что я ношу большого, крепкого мальчишку и он высасывает из меня все соки. Конечно, я ощущала его вес, прогуливаясь по Гринвичу и мечтая поскорее оказаться в постели.

Когда я ложилась, ребенок давил мне на спину так, что среди ночи у меня сводило ноги. Вот и сейчас Анна, едва проснувшись от моего крика, проползла под одеялом и устроилась в ногах кровати помассировать мне пальцы.

— Ради Бога, давай уже спать, — ворчала она. — Что ты все время вертишься и мечешься?

— Не могу улечься. Если бы ты немножко больше думала обо мне и немножко меньше о себе, принесла бы еще одну подушку под спину и чего-нибудь попить, а не лежала бы как колода.

Сестра хмыкнула и повернулась, чтобы получше меня разглядеть. Комнату освещали только тлеющие в камине угли.

— Тебе действительно плохо или ты дурака валяешь?

— Мне очень плохо. Правда, Анна, у меня каждая косточка болит.

Она вздохнула, выбралась из кровати и зажгла свечу от камина. Наклонившись, пристально взгляделась мне в лицо.

— Бледная как привидение. — В голосе явственно прозвучала радость. — Тебя можно за мою мать принять.

— Мне больно, — повторила я.

— Хочешь подогретого эля?

— Да, спасибо.

— И еще подушку?

— Да, спасибо.

— И, как всегда, на горшок?

— Да, спасибо. Ах, Анна, если когда-нибудь будешь носить ребенка, поймешь, каково мне. Клянусь, это не пустяк.

— Сама вижу, что не пустяк. С первого взгляда ясно — чувствуешь себя лет на девяносто. Ума не приложу, как мы удержим

короля, если так будет продолжаться.

— Ерунда. Он все равно замечает только мой живот.

Анна сунула кочергу в огонь и поставила на край камина кувшин с элем и пару кружек.

— Спит он с тобой? — спросила она с интересом. — Когда ты приходишь вечером к нему спальню?

— В этом месяце — ни разу. Повитуха сказала — нельзя.

— Разумный совет любовнице короля. Интересно, кто ей за это заплатил? А ты, дурочка, и уши развесила, — раздраженно проворчала Анна, взяла, согнувшись над камином, раскаленную кочергу и сунула в кувшин с элем. Питье зашипело и забурило. — И что ты говоришь королю?

— Что ребенок важнее всего.

Анна покачала головой, разлила эль по кружкам.

— Мы сами — важнее всего, — напомнила она. — Ни одна женщина не удержит мужчину, просто рожая ему детей. Необходимо и то и другое, Мария. Все равно надо доставлять ему удовольствие, даже если ждешь ребенка.

— Не могу же я делать все сразу, — жалобно простонала я. Сестра передала мне кружку, я сделала маленький глоток. — Хочу отдохнуть, и пусть мой сын спокойно растет и набирается сил. Я же при дворе с четырех лет, не при одном, так при другом. Я устала от танцев, праздников, турниров, маскарадов. Устала изумляться, что человек, на вид вылитый король в маске, — действительно король в маске. Вот бы уехать в Гевер прямо завтра!

Анна забралась в постель с кружкой в руке и улеглась возле меня.

— Не можешь ты уехать, — отрезала она. — У тебя все козыри на руках. Если королева уйдет с дороги, кто знает, как высоко ты взлетишь. Надо продолжать.

Я посмотрела на сестру поверх кружки, помолчала немного.

— Послушай, — произнесла я тихонько. — Не лежит у меня к этому душа.

Она посмотрела мне прямо в глаза и честно ответила:

— Может, и так. Но у тебя нет выбора.

Зима выдалась холодной, и от этого было еще тяжелей. Я сидела дома, заняться нечем, каждый день начинало болеть что-нибудь новое — и я стала бояться родов. Одно дело — носить первого ребенка в

блаженном неведении, но теперь-то я знала — впереди месяц одиночества и темноты, а потом — беспредельные мучения, повитухи, угрожающие вытащить младенца прямо из живота, пока я, вцепившись в простыню, кричу от ужаса и боли.

— Улыбайся! — набросилась на меня Анна.

Король вошел в комнату, окружавшие меня дамы заволновались, схватились кто за лютню, кто за бубен. Я попыталась улыбнуться, но когда все время болит спина и смерть как хочется писать, какие уж тут улыбки. Я прямо свалилась на низкую скамеечку.

— Улыбайся же, — выдохнула Анна. — И сядь прямо, ленивая шлюха.

Генрих взглянул на нас:

— Вы, леди Кэри, выглядите утомленной.

— Она несет тяжкое бремя. — Анна сияла улыбкой. — Кому же это знать, как не вашему величеству?

— Может быть. — Он, казалось, слегка удивился. — А не слишком ли вы прямы, мадам?

Анна и глазом не моргнула.

— Каждой лестно устремиться прямо к вам, ваше величество. Если нет, конечно, резона бежать от вас подальше.

— И вы тоже побежите, мисс Анна? — Его увлек ее тон.

— Не волнуйтесь, не слишком быстро, — моментально ответила Анна.

Он расхохотался, а все дамы, и особенно Джейн Паркер, пытались понять, чем это я смогла развеселить короля. Он похлопал меня по коленке:

— Я рад, что твоя сестра вернулась ко двору. С ней веселее.

— Гораздо веселее, — ответила, не голос, а просто сахар.

Я не сказала сестре ни слова, пока мы не остались вечером одни. Анна помогла мне переодеться, расшнуровала тугие тесемки корсажа, и я вздохнула с облегчением. Почесала освободившийся живот, от ногтей остались красные полосы, выпрямила спину, надеясь хоть немного уменьшить постоянную боль.

— Ну и что ты, по-твоему, делаешь? — спросила я раздраженно. — Убегаешь от короля?

— Глаза раскрой, — отрезала Анна. Помогла мне освободиться от юбки и влезть в ночную сорочку. Новая горничная налила воды в

кувшин, и под придирчивым взглядом Анны я, как могла, вымылась чуть теплой водой.

— Ноги не забудь, — велела Анна.

— Мне их даже не увидеть, не то что помыть.

Анна жестом приказала поставить лохань на пол, чтобы я могла сесть, пока горничная моет мне ноги.

— Я просто делаю, что велят. — В голосе сестры слышался холодок. — Ты сама скоро поймешь.

Закрыв глаза, я наслаждалась чудным ощущением — мыльная пена смывает грязь с ног. Но в словах сестры звучали предостерегающие нотки.

— Кто велит?

— Дядя. Отец.

— Что велят?

— Нужно, чтобы король думал о тебе, не забывал про тебя. Чтобы ты была у него на глазах.

— Ну да, конечно.

— Если этого мало, буду флиртовать с ним сама.

Я выпрямилась и начала вслушиваться:

— Дядя велел тебе флиртовать с королем?

Анна кивнула.

— Когда он тебе это сказал? Где?

— Он приезжал в Гевер.

— Поехал в Гевер среди зимы, только чтобы приказать тебе флиртовать с королем?

Она кивнула без тени улыбки.

— Бога ради, разве он не знал, что ты и так будешь флиртовать? Это для тебя не труднее, чем дышать.

Анна невольно рассмеялась:

— Ясное дело, нет. Он приезжал объяснить, что наша главная цель, твоя и моя, увериться — если король захочет найти себе развлечение, пока ты не справишься от родов, то не под юбкой у девчонки из семейства Сеймур.

— И как, интересно знать, я смогу его остановить? Половину времени мне придется провести в одиночестве.

— Правильно. Придется мне.

Сразу же вернулись детские опасения.

— А если ты понравишься ему больше?

— Ну и что? Я тоже Болейн, — ядовито улыбнулась сестрица.

— Это дядя Говард так сказал? А обо мне он подумал — подстрекать сестру флиртовать с отцом моего ребенка, пока я рожаю.

— Именно так. О тебе он совершенно не думает, — кивнула Анна.

— Не хочу, чтобы ты возвращалась ко двору в качестве моей соперницы.

— Я и так твоя соперница, с самого рождения, — сказала Анна просто. — А ты моя. Мы же сестры.

Она все исполнила блестяще, никто ничего не заподозрил. Играла с королем в карты, да так хорошо, что теряла не больше одного-двух очков. Она пела песни его сочинения, предпочитая их песням всех остальных. Поощряла сэра Томаса Уайетта и еще десяток мужчин тесниться вокруг нее, пусть король привыкнет считать Анну самой соблазнительной женщиной при дворе. Куда бы она ни шла, вокруг нее не смолкали смех, болтовня и музыка — а ведь двор всегда жаждал развлечений. Долгими зимними вечерами главная обязанность придворных — не давать королю скучать, и в этом с Анной не мог сравниться никто. Только Анна могла весь день напролет оставаться обворожительной, привлекательной, очаровательной — и совершенно естественной.

Генрих садился рядом со мной и Анной, называл себя чертополохом меж двух прекрасных роз, сорняком меж спелых пшеничных колосьев. Обняв меня за талию, любовался ее танцем и заглядывал в ноты у меня на коленях, когда она пела. Он ставил на меня, если я играла против нее. Внимательно наблюдал, как она перекладывает лучшие куски мяса из своей тарелки в мою. Анна вела себя как нежнейшая сестра, невозможно быть заботливее и внимательнее.

— Ты низкая тварь, — заявила я однажды вечером. Анна, сидя перед зеркалом, расчесала волосы и теперь заплетала толстую косу.

— Знаю. — Она продолжала самодовольно рассматривать свое отражение, но тут раздался стук, и Георг сунул голову в дверь:

— Можно?

— Входи, — отозвалась Анна, — только дверь закрой, в коридоре сквозняк.

Брат послушно закрыл дверь и наклонил кувшин вина в нашу сторону.

— Кто-нибудь выпьет со мной? Миледи Плодоношение или Миледи Весна?

— Я думала, вы с сэром Томасом отправились по бабам, — заметила Анна. — Он говорил, что собирается кутнуть сегодня.

— Король задержал меня. Хотел поговорить о тебе.

— Обо мне? — Анна вдруг насторожилась.

— Хотел знать, как ты отнесешься к приглашению.

Сама не сознавая, что делаю, я вцепилась ногтями в алый шелк простыни.

— Что за приглашение?

— В постель.

— И что ты ответил? — торопила Анна.

— Как приказано. Ты — девственница и гордость семьи. О постели до свадьбы и речи быть не может. Ни с кем на свете.

— А он?

— Ох.

— И это все? — Я требовала ответа. — Просто сказал: «Ох»?

— Да. И отправился вниз по реке к шлюхам, вслед за лодкой сэра Томаса. Ты обратила его в бегство, Анна.

Она приподняла край ночной сорочки и улеглась в постель. Георг взглядом знатока окинул ее обнаженные ноги:

— Очень мило смотришься.

— Не сомневаюсь, — ответила она самодовольно.

Я отправилась в родильный покой в середине января, и мне не полагалось знать, что происходит снаружи, пока я заперта в темноте и тишине. Говорили — был турнир и Генрих носил под плащом залог, который дала ему не я. Девиз на щите «Провозглашаю — не смею» озадачил добрую половину придворных, полагавших, это дань восхищения мне. Странно только — мне не увидеть ни турнира, ни девиза, запертой в полумраке родильного покоя, где нет ни придворных, ни музыкантов, и только толпа старух, потягивающих эль, ждет своего — а на самом деле моего — часа.

Некоторые полагали — моя звезда высоко возшла и девиз означает, что недалеко и до признания сына и наследника. Лишь очень немногие догадались перевести взгляд с короля, сражающегося под

двусмысленным обещанием, начертанным на щите, на мою сестрицу — сидит себе подле королевы, глаз не сводит со всадников, на губах легчайшая улыбка, в повороте головы едва заметный вызов.

Она зашла ко мне вечером и сразу же начала жаловаться на духоту и темноту в комнате.

— Сама знаю, — коротко ответила я. — Говорят, так надо.

— Почему ты это терпишь?

— Подумай хорошенько, — посоветовала я. — Предположим, я добьюсь, чтобы подняли занавески и открыли окна, а потом потеряю ребенка или он родится мертвым, представляешь, что скажет наша матушка. Даже гнев короля по сравнению с этим ничто.

Анна кивнула:

— Не можешь позволить себе сделать неверный шаг.

— Быть возлюбленной короля — не только удовольствие.

— Он хочет меня. Он почти готов признаться.

— Придется отступить, если у меня будет мальчик, — предупредила я.

— Знаю. Но если будет девочка, мне могут приказать двигаться дальше.

Устав спорить, я откинулась на подушки:

— Двигайся куда хочешь, мне все равно.

Она глянула на мой округлившийся живот с любопытством и отвращением:

— Какая же ты огромная. Барку в твою честь называть, а не боевой корабль.

Я вгляделась в сияющее оживленное лицо, темные волосы убраны под изящный чепчик, цвет лица изумительный.

— Когда на завтрак подадут змей, тебе придется есть тезку, — констатировала я. — Уходи, Анна, у меня нет сил ссориться.

Она встала и пошла к двери.

— Если он захочет меня вместо тебя, придется помогать мне, как я помогала тебе, — предупредила Анна.

Я закрыла глаза.

— Захочет тебя — возьму новорожденного, если будет на то Божья воля, и уеду в Гевер, а ты забирай себе короля, двор и в придачу всю зависть, злобу и сплетни, я только спасибо скажу. Но учти, король не тот человек, который может принести женщине много счастья.

— Не желаю просто быть его женщиной, — высокомерно парировала Анна. — Уж не думаешь ли ты, что я стану шлюхой вроде тебя?

— Никогда он на тебе не женится. А если и так, подумай хорошенько. Погляди на королеву, прежде чем метить на ее место. Вглядишься — на ее лице следы страдания, спроси себя — много ли радости принесет тебе брак с ее мужем.

Анна помедлила, прежде чем открыть дверь.

— За короля выходят не для радости.

В феврале у меня побывал еще один посетитель. Мой муж Уильям Кэри пришел рано утром, я завтракала хлебом с ветчиной и элем.

— Не хочу прерывать ваш завтрак. — Он остановился в дверях.

Я подозвала горничную:

— Убери.

Я чувствовала себя неловко — такая толстая и тяжелая на фоне его ухоженной красоты.

— Я пришел передать вам наилучшие пожелания от короля. Он просил сообщить, что милостиво дал мне очередную должность. Я опять ваш должник, мадам.

— Рада за вас.

— По его великодушию я понял, что должен дать ребенку свое имя.

Я неловко подвинулась в постели.

— Он никогда не говорил мне, чего хочет. Но я думала...

— Еще один Кэри. Чудная семейка получается!

— Да.

Он поцеловал мне руку, как будто вдруг раскаялся, что дразнил меня.

— Такая бледная и измученная. Нелегко на этот раз?

От неожиданной доброты на глаза навернулись слезы.

— На этот раз нелегко.

— Не боитесь?

Я положила руку на огромный живот:

— Немного.

— К вашим услугам лучшие повивальные бабки в королевстве, — напомнил он.

Я кивнула. Не было смысла говорить — обо мне и раньше заботились самые лучшие повитухи, и они провели три ночи подряд, стоя вокруг моей кровати и обсуждая самые страшные истории о смерти младенцев, какие только можно себе представить.

Он повернулся к двери:

— Я передам его величеству, что вы выглядите цветущей и жизнерадостной.

Тень улыбки скользнула по моему лицу.

— Хорошо. И пожалуйста, уверьте его в моем совершенном почтении.

— Он очень интересуется вашей сестрой, — заметил Уильям.

— Она очень интересная женщина.

— Не бойтесь, что займет ваше место?

Я обвела рукой темную комнату, тяжелый полог, жаркий огонь и свою собственную бесформенную тушу на кровати.

— Бога ради, муженек, сегодня утром я готова любой уступить свое место.

Он расхохотался, взмахнул шляпой в поклоне и вышел. Я продолжала молча лежать, глядя, как полог кровати тихонько колеблется в неподвижном воздухе. Начинался февраль, роды ожидалась не раньше середины месяца, казалось, до этого еще целая жизнь.

Слава Богу, он родился раньше. И слава Богу, мальчик. Мой маленький сыночек родился в четвертый день февраля. Признанный, здоровенький сын короля — Болейны получили все, что хотели, и могли начинать игру.

Лето 1526

Но их игра не удалась.

— Бога ради, что с тобой происходит? — Мать требовала ответа. — С родов прошло три месяца, а ты все еще бледна как смерть. Ты нездорова?

— У меня не прекращается кровотечение. — Я ждала сочувствия, но на ее лице читалось только раздражение. — Наверно, истеку кровью и умру.

— Что говорят повитухи?

— Все прекратится в свое время.

Мать только фыркнула.

— Ты растолстела, Мария, — проворчала она, — и стала такая скучная.

Мои глаза наполнились слезами.

— Сама знаю, — покорно ответила я. — Я скучаю...

— Ты подарила королю сына. — Мать старалась подбодрить меня, но в голосе ясно проскальзывало нетерпение. — Любая женщина в мире все на свете отдала бы за это. Давно бы вылезла из кровати, чтоб быть рядом с ним, смеяться его шуткам, петь его песни, скакать с ним бок о бок.

— Где мой сын? — прервала я ее рассуждения.

На мгновение она смутилась:

— Ты прекрасно знаешь где. В Виндзоре.

— Вы знаете, когда я видела его в последний раз?

— Нет.

— Два месяца назад. Вернулась из церкви после очистительной молитвы, а его уже нет.

Она была озадачена.

— Но его и должны были забрать. О нем хорошо заботятся.

— Другая женщина.

Моя мать искренне недоумевала:

— Какая разница? За ним хорошо ухаживают, его называли Генрихом в честь короля. — В ее голосе звучало неприкрытое ликование. — Перед ним открыты все пути!

— Но мне его не хватает.

— Что?

Как будто я заговорила на другом языке, каком-нибудь совершенно непостижимом — по-русски или по-арабски.

— Я скучаю по нему, я скучаю по Екатерине.

— Поэтому ты такая грустная?

— Я не грустная, я несчастная. Несчастливая настолько, что не хочу ничего делать, только лежать лицом в подушку и плакать.

— Из-за того, что скучаешь по детям? — переспросила мать, словно подобная мысль была ей совершенно чужда.

— Разве вы никогда не скучали по мне? — Я почти кричала. — Ну не по мне, по Анне? Нас отправили во Францию, когда мы были совсем маленькими. Вам нас хоть немного недоставало? Кто-то другой учил нас читать и писать, помогал встать, когда мы падали, учил верховой езде. Неужели вам никогда не хотелось видеть своих детей?

— Нет, — ответила она просто. — Я не смогла бы найти лучшего места для вас, чем французский двор. Только плохая мать стала бы держать вас дома.

Я отвернулась. Слезы текли по щекам.

— Повеселеешь, если снова увидишь сына?

— Да, матушка, я буду так счастлива, если увижу его. И Екатерину.

— Хорошо, я скажу дяде, — пообещала она нехотя. — Но ты должна развеселиться по-настоящему — улыбаться, смеяться, танцевать, радоваться жизни, так чтоб на тебя было приятно смотреть. Тебе нужно постараться вернуть короля.

— Ну, он недалеко ушел, — не удержалась я от колкости. Она не смутилась ни на минуту.

— Слава Богу, Анна поймала его. Она дразнит его, как комнатную собачку, и крепко держит на поводке.

— Тогда чем она вам не подходит? Зачем возиться со мной?

Быстрота ответа свидетельствовала — этот вопрос уже обсуждался на семейном совете.

— Потому что ты родила ему сына. Бастард Бесси Блаунт уже герцог Ричмондский, и наш малыш Генрих имеет такие же права. Ничего не стоит аннулировать твой брак с Кэри, а потом брак короля с королевой. Будем надеяться, он женится на тебе. Анна — просто приманка, пока ты рожала. Мы возлагаем наши надежды на тебя.

Она остановилась, ожидая бурного выражения радости. Я промолчала, и матушка продолжила чуть более резко:

— Вылезай из кровати, пусть тебя горничная причешет и зашнурует потуже.

— Я могу выйти к обеду, я не больна. Говорят, кровотечение не имеет значения, может, оно и так. Могу сесть рядом с королем, смеяться и уговаривать его спеть. Но, матушка, не будет веселья в моем сердце. Постарайтесь меня понять. Я больше никогда не буду веселой. Пропала моя радость, пропала навсегда. Никто не узнает, как это ужасно.

— Улыбнись, — решительно приказала мать.

Чуть не плача, я растянула губы.

— Сойдет. Продолжай в том же духе, и я постараюсь, чтоб ты повидалась с детьми.

Дядя явился после обеда. С удовольствием оглядел мою новую комнату, он еще не видел, как роскошно я устроилась. Мои личные покои не меньше, чем у королевы. Четыре дамы ожидают моих приказаний. А еще две горничные и паж. Король даже обещал мне собственного музыканта. Позади гостиной располагается спальня, которую я делю с Анной, и еще одна маленькая уединенная комнатка, где я могу побыть одна — почитать или просто посидеть. Почти каждый день я уходила туда, плотно прикрывала дверь и рыдала на свободе.

— Ты хорошо устроилась.

— Спасибо, дядя Говард, — вежливо ответила я.

— Твоя мать сказала, что ты скучаешь по детям.

Я кусала губы, стараясь удержаться от слез.

— Бога ради, для чего ты так себя ведешь?

— Не знаю, — прошептала я.

— Тогда улыбнись.

Я изобразила гримасу, удовлетворившую когда-то мать. Дядя кивнул:

— Сойдет. Не думай, что можно лениться и валять дурака просто потому, что ты родила сына. Что толку от ребенка, пока ты не поднялась на следующую ступень.

— Я не могу заставить его жениться, — спокойно возразила я. — Он женат на королеве.

Дядя прищелкнул пальцами:

— Господи, женщина, ты что, ничего не понимаешь? Это больше ничего не значит. Не миновать войны с ее племянником. Король почти в союзе с Францией, с Папой, с Венецией. Неужто ты так невежественна, что этого не знаешь?

Я покачала головой.

— Ты должна разбираться в политике, — отрезал он. — Посмотри на Анну. Новый союз направлен против Карла Испанского, и когда они начнут побеждать, Генрих присоединится к ним. Королева приходится теткой врагу всей Европы. Она больше не имеет на короля никакого влияния. Она — тетка изгоя.

Я недоверчиво покачала головой:

— Не так давно она была спасительницей страны, вспомните Павию.

Он снова щелкнул пальцами:

— Все позабыто. Ладно, теперь о тебе. Твоя мать сказала — ты нездорова.

Я колебалась. Дяде доверять нельзя — это я понимала ясно.

— Нет.

— Изволь оказаться у короля в постели не позднее чем через неделю, Мария, или никогда не увидишь своих детей. Ясно?

Я только рот раскрыла. Такая жестокая сделка мне и в голову не могла прийти. Дядя повернул свою ястребиную голову и посмотрел на меня в упор.

— На меньшее я не согласен.

— Вы не сможете запретить мне видеться с детьми.

— Смогу, вот увидишь.

— Я в милости у короля.

Он с силой хлопнул по столу:

— Ничего подобного, вот в чем дело! Король тебе не поможет, и я тебе помогать не буду. Очутишься у него в постели — и делай что хочешь. Можешь попросить его устроить детскую и качать детей, сидя на английском троне. Можешь даже меня изгнать. А пока — ты не более чем старая, глупая, ни на что не годная шлюха.

Мертвая тишина воцарилась в комнате.

— Понятно, — произнесла я сухо.

— Вот и хорошо. — Он отошел от камина и одернул камзол. — Ты еще скажешь мне спасибо в день коронации.

— Да. — Ноги не держали меня. — Можно мне сесть?

— Нет, — ответил он. — Приучайся стоять.

Вечером у королевы танцы, король даже прислал своих музыкантов. Всем ясно — он сел рядом с женой только для того, чтобы любоваться танцующими дамами. Среди них Анна в синем платье, чепец в тон, на шее — любимая золотая подвеска в форме буквы «Б» на жемчужном ожерелье, как будто подчеркивает — она свободна.

— Потанцуй и ты, — тихонько прошептал Георг мне в самое ухо. — Все этого ждут.

— Ни за что не решусь. У меня кровотечение, могу и в обморок упасть.

— Вставай и иди танцевать. Клянусь, Мария, надо, обязательно надо, а не то проиграешь.

Он подал мне руку.

— Тогда держи меня покрепче. Подхватишь, если начну падать.

— Приму удар на себя.

И повел меня в круг танцующих. Анна, конечно, заметила, с какой силой Георг держит мою руку ниже локтя, до чего я бледна. Похоже, предвкушает — сейчас я грохнусь на пол. Но дядя смотрит на нас, и в ответ на требовательный взгляд матери она тянет за собой Франциска Уэстона, своего партнера, и уступает мне место. Георг ведет меня вдоль ряда танцующих по направлению к королю, я поднимаю глаза и улыбаюсь его величеству.

Одна фигура, еще одна, а потом к нам подходит сам король, заявляет Георгу:

— Я потанцую с вашей сестрой, если она не устала.

— Вы окажете ей честь.

— С вами я могу танцевать хоть всю ночь, ваше величество, — отвечаю я с сияющей улыбкой.

Георг с поклоном отступает назад. Потянул Анну за подол платья, отвел к стене.

Танец начался. Наши ладони соприкоснулись. Но приближались ли мы друг к другу или отходили в сторону, король не сводил с меня глаз.

Под тугой шнуровкой корсажа живот болит нестерпимо. По затагнутой груди течет пот. Я продолжаю улыбаться сияющей, но безрадостной улыбкой. Остаться бы с Генрихом наедине, уж я его уговорю отправить меня с детьми в Гевер на лето, когда он все равно охотится. Мысль о сыне пронзила грудь острой болью, как от прихлынувшего молока. С радостной улыбкой взглянула через круг танцующих на отца моих детей, словно мечтаю лечь с ним в постель только ради него самого, а вовсе не ради выгоды для меня и моих родных.

Вечером Анна занялась моим купанием с особенной тщательностью.

— Боже милостивый, ты меня доведешь, — злобно шипела она, шлепая на меня холодную простыню. — Опять кровь. Как он это вынесет?

Я закуталась в простыню и начала причесываться сама, прежде чем она успеет наброситься на меня с частым гребнем — вырвать мне все волосы под предлогом борьбы со вшами.

— Может, он и не пошлет за мной. — Я так устала от танцев, от мучительного стояния на ногах, пока Генрих полчаса официально прощался с королевой, что мечтала только об одном — рухнуть в постель.

В дверь постучали, и Георг сунул голову в комнату.

— Отлично. — Он заметил, что я сижу полуголая после мытья. — Он зовет тебя. Накинь платье, и пойдем.

— Он храбрец, однако, — съязвила Анна. — Молоко подтекает, кровь идет, глаза на мокром месте.

Георг хихикнул, как мальчишка:

— Ты нежнейшая из сестер, Аннамария. Она должна каждое утро Бога благодарить за тебя — кто еще может так поддержать и ободрить?

У Анны хватило совести смутиться.

— А вот и кое-что от кровотечения. — Он вынул из кармана комок ваты.

Я взглянула с подозрением:

— Что это?

— Одна шлюха посоветовала. Сунешь между ног, и кровотечение на время прекратится.

Я скорчила гримасу:

— А вовнутрь не провалится?

— Она сказала, что нет. Попробуй, Марианна. Ты должна быть у него в постели сегодня.

— Отвернись тогда.

Георг отвернулся к окну, а я прилегла на кровать и неловкими пальцами попыталась последовать его совету.

— Дай мне, — вмешалась Анна. — Видит Бог, все приходится за тебя делать.

Она сунула тампон и протолкнула поглубже. Я задохнулась от боли. Услышав мой хрип, Георг обернулся.

— Незачем убивать сестричку, — мягко произнес он.

— Эта штука должна быть внутри, так ведь? — Анна, сердитая и покрасневшая, требовала ответа. — Девочку надо закупорить.

Георг протянул мне руку. Морщась от боли, я сползла с кровати.

— Видит Бог, Анна, если ты когда-нибудь покинешь двор, сможешь стать колдуньей. — Его голос звучал очень ласково. — Доброта уже налицо.

Она нахмурилась, но промолчала.

— Ну, что ты такая кислая? — поинтересовался он у сестры.

Я накинула платье и влезла в туфли на высоченных алых каблуках.

— Вовсе не кислая, — отрезала Анна.

— Ага! — До него наконец дошло. — Я тебя насквозь вижу, маленькая мисс Анна. Тебе велели отступить и оставить его Марии. Ты — всего лишь придворная дама при старой королеве, а твоя сестра поднимается к трону.

Лицо Анны исказилось от ревности.

— Мне девятнадцать лет, — горько сказала она. — Добрая половина двора считает меня самой красивой женщиной в мире. И все знают — я самая остроумная и изящная. Король глаз от меня отвести не может. Сэр Томас Уайетт уехал во Францию, чтобы спастись от меня. А сестра — на год моложе, а уже замужем и родила двух детей от самого короля. Когда же наступит моя очередь? Когда я выйду замуж? Где моя пара?

Повисло молчание. Георг легонько погладил покрасневшую Анну по щеке.

— Аннамария, Аннамария, — произнес он нежно. — Разве найдется для тебя пара? Ни король Франции, ни император Испании не достойны тебя. Ты лакомый кусочек, совершенство во всех отношениях. Не торопись, когда ты станешь сестрой королевы Англии, тогда посмотрим. Чем растрачивать себя на жалкого герцога, лучше обеспечить будущее Марии, а потом она поможет тебе.

Она невольно рассмеялась. Георг наклонился и легко коснулся губами ее щеки.

— Ты на самом деле абсолютное совершенство, и мы все тебя обожаем. Бога ради, так и держись. Если узнают, какая ты без посторонних, мы пропали.

Анна отшатнулась и замахнулась на брата, но Георг со смехом отдернул голову и обернулся ко мне:

— Пойдем, будущая королева. Все готово? Ничего не забыли? — Он повернулся к Анне. — Он сможет сделать свое дело? Ты не слишком туго ее зашпаклевала?

— Сможет, — сердито буркнула Анна. — Но будет чертовски больно.

— Не будем об этом беспокоиться, — улыбнулся Георг. — В конце концов, наш счастливый билет, наша надежда, которую мы подкладываем королю в постель, уже далеко не девочка. Пойдем, детка. Потрудишься ради нас, Болейнов, мы все рассчитываем на тебя.

Он прервал поток болтовни, только когда мы прошли через большой зал и поднялись по темным ступенькам к королевским покоем. У короля сидел кардинал Уолси, так что Георг потянул меня на скамью под окном и принес бокал вина. Мы ожидали, пока король и его самый доверенный советник закончат разговор вполголоса.

— Наверно, считают кухонные объедки, — шепнул, озорничая, Георг.

Я улыбнулась. Попытки кардинала вести королевский двор с меньшей расточительностью служили постоянным источником развлечения тем придворным, чьи доходы росли как раз благодаря этому чрезмерному мотовству, а значит, и моей семье.

Позади нас кардинал поклонился и приказал пажу собрать бумаги. Кивнул нам, пока Георг усаживал меня в только что освободившееся кресло перед камином.

— Желаю доброй ночи, ваше величество, мадам, сэр, — произнес кардинал и покинул комнату.

— Выпей с нами бокал вина, Георг, — предложил король.

Я взглянула на брата с мольбой.

— Благодарю, ваше величество. — Георг разлил вино — королю, мне и себе. — Вы работаете допоздна, сир?

Генрих махнул свободной рукой:

— Ты же знаешь кардинала. Неутомим в трудах.

— Но смертельно скучен, — дерзко продолжил Георг.

— Ты прав, смертельно скучен, — злорадно согласился король.

Он отослал Георга в одиннадцать, а в двенадцать мы очутились в постели. Он нежно ласкал меня, нахваливал пышность груди и округлость живота. Я старалась запомнить его слова — в следующий раз, когда мать опять начнет попрекать меня, смогу ответить, что и такой нравлюсь королю. Но не было радости в моем сердце. Когда забрали моего сына, с ним исчезла и часть меня. Не могу я любить этого человека, зная — он не станет меня слушать, зная — я не смею обнаружить мое горе. Он — отец моих детей, но нисколько ими не интересуется, они слишком малы, их не используешь как фишки в игре «Кто наследует трон?». Он не первый год мой любовник, но до сих пор главная задача — не дать ему возможности узнать меня. Он лежал на мне, двигался внутри меня, а я чувствовала себя такой же одинокой, как моя тезка-шхуна посреди океана.

Генрих сразу же заснул. Навалился на меня, тяжело дышит прямо в лицо, борода щекочет шею. Впору разрыдаться, но я лежу тихо. Я — Болейн, а не кухонная девка, могу и потерпеть.

Лежу тихо и вспоминаю, как сияет луна над рвом замка Гевер, мечтаю о своей уютной спальне, о собственной постели. Стараюсь не думать о детях: Катерина в своей кроватке в Гевере, малыш Генрих в колыбельке в Виндзоре. Нельзя плакать у короля в постели. Надо быть готовой улыбнуться, как только он проснется.

К моему удивлению, он проснулся в два.

— Зажги свечу, — попросил он. — Не могу спать.

Вылезла из постели. Болела каждая косточка — не шутка пролежать столько времени под тяжестью его тела. Разворошила дрова в камине, зажгла свечу от пламени. Генрих сел и натянул одеяло на

голые плечи. Я накинула платье и устроилась в кресле, ожидая, чего он еще захочет.

С ужасом заметила — он тоже отнюдь не кажется счастливым.

— Что случилось, милорд?

— Как ты думаешь, почему королева не родила мне сына?

Я была ошарашена таким поворотом и не смогла быстро найти учтивый ответ, как полагалось бы придворной даме.

— Я не знаю. Простите, сир, ее время прошло.

— Ясно, — нетерпеливо прервал он. — Ну а раньше? Когда я женился на ней, мне было восемнадцать, а ей двадцать три. Она была прекрасна, не могу выразить, как прекрасна. Да и я был самый привлекательный принц в Европе.

— Вы и сейчас такой, — быстро вставила я.

Он самодовольно улыбнулся:

— Не Франциск?

Я отмела короля Франции:

— Никакого сравнения с вами.

— Я уже был сильным, зрелым мужчиной. Все это знали. И она сразу же зачала. Знаешь, как скоро после свадьбы она почувствовала первое движение ребенка?

Я покачала головой.

— Через четыре месяца! Только подумай! Я сделал ей ребенка в первый же месяц. Разве это не мужская сила?

Я ждала, что будет дальше.

— Девочка. В январе родилась мертвой.

Я отвернулась к огню — не могла видеть его расстроенного лица.

— Она снова понесла. На этот раз — мальчик. Принц Генрих. Мы окрестили его, устроили турнир в его честь. В жизни не был так счастлив. Его называли Генрихом в честь меня и в честь моего отца. Мой наследник, мой сын. Родился первого января и умер в марте.

Я застыла — моего сыночка, моего Генриха забрали от меня, а ведь он тоже может не дожить до трех месяцев. Король не обращал на меня внимания — он был далеко, в прошлом, когда он был немногим старше, чем я теперь.

— Следующий ребенок — перед войной с Францией. Выкидыш случился в октябре. Осенняя утрата. Вся радость победы над Францией отравлена. И королева тоже погасла. Через два года, весной

— еще один ребенок родился мертвым, опять мальчик. Еще один принц Генрих, если бы только выжил. Но он не выжил. Никто из них не выжил.

— У вас есть принцесса Мария, — шепотом напомнила я.

— Она была следующей. Я был уверен — теперь все изменится. Бог знает, на что я надеялся — я думал, это была просто неудачная полоса, может быть, болезнь, что-то такое, а теперь это прошло. Раз один ребенок выжил, за ним последуют и другие. Но ей понадобилось два года, чтобы снова забеременеть. Опять девочка — и опять мертвая.

Затаив дыхание, следила я за этой семейной историей. Слышать страшный список потерь из уст отца было так же мучительно, как видеть его жену, преклоняющую колени у молитвенной скамеечки, когда она, перебирая четки, называет одного за другим умерших детей.

— Но я знаю, в чем дело. — Генрих приподнялся на подушках, его лицо, только что полное горя, пылало гневом. — Я-то был в полной силе, я-то мог иметь детей. У Бесси Блаунт уже был сын от меня, когда королева рожала своего последнего мертвого ребенка. У Бесси — сын, а у королевы только детские трупы. Почему так должно было случиться? Почему?

Я только головой покачала:

— Не знаю, сир. На все воля Божья.

— Да! — Казалось, он был доволен. — Именно так. Ты права, Мария. Это воля Божья. Так и должно было случиться.

— Неужели Бог хотел вас наказать? — Я тщательно подбирала слова, вглядываясь в его профиль в полумраке и жалея, что не могу услышать подсказки от Анны. — Во всем христианском мире вы наверняка Его самый любимый принц.

Он повернулся ко мне. В темноте голубые глаза потеряли свой цвет.

— Ну и кто же, по-твоему, виноват? — Он как будто внушал мне какую-то мысль.

Я вытаращила глаза и разинула рот, как деревенский дурачок, застрявший на перелазе. Как понять, что он от меня хочет?

— Королева?

Он кивнул:

— Наш брак был проклят. В этом-то все и дело. Проклят с самого начала.

Я подавила невольное возражение.

— Она жена моего брата. Не должен я был на ней жениться, меня отговаривали, но я был молод и упрям. И я поверил ее клятвам, поверил, что брат ни разу не спал с ней.

Я чуть было не сказала, что королева не способна на ложь, но вовремя вспомнила о наших честолюбивых планах и промолчала.

— Нельзя было мне жениться на ней, — повторял он снова и снова, лицо сморщилось — вот-вот заплачет как мальчишка. Он протянул ко мне руки, и я поспешила к кровати, чтобы поддержать его.

— Боже мой, ты видишь, Мария, как я наказан? У нас двое детей, и один из них мальчик, и у Бесси тоже внебрачный сын, но некому унаследовать мой трон, разве только у Генриха найдется мужество и сноровка завоевать его с боем. А принцесса Мария? Если она займет трон и сумеет его удержать, Англии придется выносить любого мужа, за которого я ее выдам. О Боже, как я наказан за грехи испанки! Как я обманут! И все из-за нее!

Я почувствовала его слезы на моей щеке, прижала к себе, убаюкивая, как ребенка.

— Еще есть время, — шептала я. — Вы еще молоды и полны сил. Если королева освободит вас, у вас еще родится наследник.

Но король был безутешен. Он рыдал как ребенок, и я укачивала его, не пытаясь больше в чем-то убедить, просто ласкала, гладила и шептала: «Тиши, тише, не надо плакать», пока поток слез не иссяк. Он заснул у меня в объятьях — ресницы мокры от слез, уголки пунцовых губ опущены.

Я опять не спала. Голова короля тяжело покоилась у меня на коленях, я обнимала его за плечи и изо всех сил старалась не пошевелиться. Мне было о чем подумать. Впервые я услышала об угрозе для королевы не от членов моей семейки. Раз такое говорит король — она действительно в опасности.

Генрих пошевелился только перед рассветом. Потянул меня в постель, взял быстро, не открывая глаз, и снова задремал. Его разбудило только появление в спальне слуги с горячей водой для мытья да пажа, который пришел помешать огонь в камине. Я задернула вокруг нас полог, накинула платье и сунула ноги в туфли на каблуках.

— Поедешь со мной на охоту? — спросил Генрих.

Я выпрямила занемевшую спину, как будто не я держала тяжесть его тела всю ночь напролет, как будто не у меня все болело.

— О да, — выдохнула я восхищенно.

— После мессы, — кивком отпустил меня.

Я вышла. Георг ждал в прихожей, стойкий, как всегда, раскачивал золоченый футлярчик, набитый травами, втягивал носом запах. Взглянул мне в лицо:

— Неприятности?

— Не у нас.

— Вот и хорошо. А у кого? — бодро спросил брат, взял меня под ручку и повел через комнату и дальше, вниз по ступенькам в большой зал.

— Сможешь сохранить тайну?

На лице нет уверенности.

— Скажи, в чем дело, чтобы я мог судить.

— Думаешь, я полная дура?

Георг выдал самую обаятельную из своих улыбок:

— Иногда так и думаю. Скажи же, в чем дело.

— Это Генрих. Он рыдал ночью, потому что проклят Богом и не имеет сына.

Георг резко остановился:

— Проклят? Он сказал «проклят»?

Я кивнула:

— Думает — Бог наказал его за женитьбу на вдове брата.

Лицо брата озарилось чистейшим наслаждением.

— Пойдем скорее! — Он потащил меня вниз, в старую часть дворца.

— Я не одета!

— Не важно, мы идем к дяде Говарду.

— Зачем?

— Король там, куда мы и хотели его привести. Наконец-то!

— Мы хотели, чтобы он считал себя проклятым?

— Боже милостивый, конечно.

— Зачем?

Я остановилась и попыталась вытащить руку у него из-под локтя, но брат крепко держал меня и тащил вперед.

— Ты и вправду дура, — просто сказал он и забарабанил в дядюшкину дверь.

Дверь приоткрылась.

— Надеюсь, что-нибудь важное? — спросил дядя подчеркнуто вежливо, прежде чем увидел нас. — Входите.

Георг втолкнул меня внутрь и закрыл дверь.

Дядюшка в меховом плаще сидел перед камином, рядом — кувшин эля и стопка бумаг, вокруг никого. Георг быстро оглядел комнату:

— Могу я говорить свободно?

Дядя кивнул.

— Она только что из королевской постели. Король сказал — он бездетен по Божьей воле. Потому что проклят.

Дядя так и впился в меня взглядом:

— Он так и сказал? Сказал, что проклят?

Я медлила. Генрих плакал в моих объятьях, цеплялся за меня, будто я — единственная женщина в мире, способная разделить его боль. Дядя разглядел тень, скользнувшую по моему лицу, — понял, я готова к измене. Он коротко рассмеялся, отправил полено пинком ноги прямо в огонь и жестом велел Георгу усадить меня на табурет у камина.

— Скажи-ка, — тихо, угрожающе произнес он, — ты хочешь увидеть летом своих детишек? Хочешь увидеть своего сыночка прежде, чем он начнет ходить?

Я кивнула, вздохнула и слово за словом пересказала все, что говорил король в тишине и уединении постели. Передала все свои вопросы, рассказала, как он рыдал и когда заснул. Дядя слушал с каменным лицом, по которому ничего нельзя было прочесть. Но вот он улыбнулся:

— Можешь написать кормилице, пусть отвезет ребенка в Гевер. Поедешь к нему уже в этом месяце. Ты все сделала очень хорошо, Мария.

Он махнул рукой, отсылая меня.

— Да, еще одно. Ты охотишься сегодня с его величеством?

Я кивнула.

— Если он опять заговорит об этом сегодня или в любое другое время, веди себя так же. Просто сыграй на его чувствах.

— Как это?

— Веди себя как очаровательная дурочка. Не давай ему советов. У нас достаточно ученых, чтобы объяснить богословские вопросы, достаточно юристов, знающих, как осуществить развод. А ты, Мария, будешь нежной и глупенькой. У тебя это отлично получается.

Он прекрасно видел, как я обижена, и сказал Георгу с усмешкой:

— Ты был прав, Мария — само очарование, лучшая ступенька в нашем пути наверх.

Георг кивнул и потянул меня вон из комнаты. Меня трясло. Стыд за себя, злоба на дядю.

— Что еще за ступенька?

Брат сжал мои дрожащие пальцы.

— Понимаешь, это же его дело — думать о продвижении семьи все выше и выше. Каждый из нас — не больше чем ступенька на этом пути.

Вырваться не удалось, он держал крепко.

— Не хочу я быть ступенькой! Будь моя воля, жила бы я на маленькой ферме в Кенте с двумя детьми и любящим мужем.

Мы стояли в тенистом внутреннем дворе. Брат взял меня одним пальцем за подбородок, повернул к себе и легонько поцеловал в губы.

— Все этого хотят, — лицемерно заверил он. — Все мы в душе простые люди. Но некоторых ждет великое призвание, а ты — величайшая из Болейнов. Развеселись, Мария, представь только, как тошно станет Анне от последних новостей.

Королевская охота продолжалась долго, мы скакали вдоль реки несколько миль, преследуя оленя, пока гончие наконец не загнали его в воду. Вернувшись во дворец, я чуть не плакала от изнеможения, но отдыхать было некогда. Вечером — пикник на реке, музыканты на барках, придворные дамы королевы показывают живые картины. Я наблюдаю с берега, как три барки медленно поднимаются вверх по течению, струящийся поток не заглушает назойливые звуки песни. Анна — на одной из барок, бросает розовые лепестки в воду, изображая резную фигуру на носу корабля, а Генрих не сводит с нее глаз. Рядом с ней другие дамы кокетливо подбирают юбки, собираясь сойти на берег, но только Анна движется так прелестно и вместе с тем естественно, будто знает — за ней наблюдают все мужчины на свете, никто с ней не может сравниться. И такова сила ее уверенности в себе,

что ни один придворный не может отвести глаз, всякий действительно считает ее неотразимой. Замерла последняя нота, молодые люди с другой барки прыгают на берег и, обгоняя друг друга, устремляются к ней, а Анна ступает на трап, смеясь и удивляясь безрассудности юных придворных. Я вижу — Генрих улыбается в ответ на ее мелодичный смех. Анна вскидывает голову и идет прочь, будто ни один из них недостаточно хорош для нее. Подходит прямо к королю и королеве, ныряет в реверансе:

— Вашим величествам понравились живые картины? Она задает вопрос, словно она сама, а не королева, устроила пикник для развлечения короля.

— Очень мило, — обескураженно отвечает королева.

Анна бросает на короля пламенный взгляд из-под опущенных ресниц, снова приседает в глубоком реверансе, направляется ко мне и садится рядом на скамью, а Генрих возвращается к беседе с женой.

— Я собираюсь повидать принцессу Марию во время летней поездки, — сообщает он.

Королева скрывает удивление:

— Где же мы с ней встретимся?

— Я с ней встречу, — холодно бросает король. — Приедет туда, куда прикажу.

Королева не отступает.

— Я хочу увидеть дочь, мы не были вместе уже много месяцев, — упрямо повторяет она.

— Возможно, я пошлю ее к вам.

Королева кивает, все придворные напрягают слух, ясно: ей не принимать участия в летних поездках двора.

— Благодарю вас. — Королева полна истинного достоинства. — Вы очень добры. Мария писала, что делает большие успехи в греческом и латыни. Надеюсь, вы убедитесь, что она истинная принцесса.

— Греческий и латынь не помогут ей родить сыновей и наследников, — бросает король. — Не стоит растить из нее грамотея с согбенной спиной. Как вам известно, мадам, главный долг принцессы — стать матерью короля.

Дочь Изабеллы Испанской, одна из самых умных и образованных женщин Европы, сложив руки на коленях, разглядывает дорогие

кольца на тонких пальцах.

— Разумеется, мне это известно.

Генрих вскакивает на ноги и хлопает в ладоши. Музыканты только и ждут его приказа:

— Играйте контрданс! Потанцуем перед обедом!

Музыканты играют веселую заразительную джигу, кавалеры бросаются на поиски пары. Генрих идет ко мне, я встаю, но он улыбается и подает руку Анне. Опустив глаза, она проходит, даже не взглянув в мою сторону. Широкий подол платья задевает мне колени, я вынуждена сделать шаг назад, чтобы освободить дорогу — все должны отступить, если идет Анна. Поднимаю глаза и встречаю безучастный взгляд королевы — смотрит, словно мы распускаем хвосты как два голубя-соперника на голубятне. Не имеет значения, кто победит, всех съедят в свое время.

Я как в лихорадке жду, когда же наконец двор отправится в летнее путешествие, а я — в Гевер, к детям. Мы медлим, потому что кардинал Уолси и король никак не могут решить, куда ехать в первую очередь. Кардинал, поглощенный переговорами с новыми союзниками Англии против Испании — Францией, Венецией и Папой, хочет, чтобы двор оставался поблизости от Лондона. Если дело пойдет к войне, с королем легко будет связаться.

Но в городе царит чума, чума бушует в портовых городах, а Генрих ужасно боится заболеть. Ему хочется уехать подальше, в сельскую местность, к чистой воде, оставив толпы просителей и нищих в городской духоте. Кардинал спорил как мог, но Генрих, желая избежать болезни и смерти, непреклонен. Он доедет до самого Уэльса, навестит принцессу Марию, но вблизи Лондона не останется.

Я никуда не могла двинуться без позволения короля и без сопровождения брата. Я нашла обоих на огороженном корте, они играют в теннис на самом солнцепеке. Когда я подошла, мяч, посланный Георгом, с треском отскочил от нависающей крыши и скатился на землю, но король подоспел и мощным ударом отправил его в угол. Георг вскинул руку, как фехтовальщик, признавая поражение, и снова подал мяч. Анна и другие дамы сидят в тени на краю корта, изящные и свежие словно статуи в фонтане, изысканно одетые, все, как одна, в ожидании благосклонного взгляда короля. Я стиснула зубы, подавила мгновенное желание очутиться возле сестры,

затмить ее, вместо этого встала сзади, пусть король сначала закончит игру.

Он победил, разумеется. Разыгрывая финальное очко, Георг убедительно проиграл. Дамы захлопали в ладоши. Король, раскрасневшийся, улыбающийся, повернулся и тут заметил меня:

— Надеюсь, ты не ставила на брата?

— Никогда не рискну ставить против вашего величества в игре, где требуется ловкость. Слишком забочусь о своем скромном состоянии.

Улыбаясь, он взял у пажа полотенце, обтер потное лицо.

— Но я здесь, чтобы просить о милости, — продолжила поспешно, пока нас не успели прервать. — Мне хотелось бы повидать наших сына и дочь, прежде чем двор отправится в путешествие.

— Один Бог знает, когда мы тронемся. — Генрих поморщился. — Уолси продолжает настаивать...

— Если выехать сегодня же, недели не пройдет, как я вернусь, и поеду с вами, куда бы вы ни решили отправиться.

Ему не хочется меня отпускать. Он больше не улыбается. Я взглянула на Георга, прося о помощи.

— Вернешься и сможешь нам рассказать, как поживает малыш! Не сомневаюсь, красив и силен, как отец. Няня говорила, у него светлые волосы?

— Они у всех Тюдоров золотые. Но никто меня не убедит, что он краше своего отца.

Как раз вовремя. У Генриха не успело испортиться настроение, он снова улыбнулся:

— Ты мне льстишь, Мария!

— Ваше величество, пока мы не уехали, так хочется убедиться, что о нем хорошо заботятся.

— Ладно, — произнес король беспечно, его глаза скользнули с меня на Анну. — Я найду чем заняться.

Дамы заулыбались, потому что он посмотрел в их сторону, некоторые даже осмелились кивнуть, повернуться, кокетливо встряхнуть головой, словно дрессированные пони. Лишь Анна взглянула на короля и отвела глаза, будто его внимание не имело никакого значения. Ее улыбка досталась Франциску. Простой поворот головы манил к себе, любой другой женщине такого не достичь, даже

прошептав обещание любви. Франциск моментально подскочил и поднес ее руку к губам.

Лицо короля потемнело. Я изумилась безрассудству сестры. Генрих накинул полотенце на шею и вышел с теннисного корта. Дамы повскакали на ноги и одновременно нырнули в реверансе. Анна оглянулась вокруг, не спеша высвободила руку и сделала реверанс — сама по себе.

— Вы хоть наблюдали за игрой? — резко спросил король.

Анна выпрямилась, беспечно улыбнулась, словно его недовольство ничего не значило.

— Ну, примерно половину я видела.

Его лицо потемнело.

— Только половину?

— Зачем смотреть на соперника, когда на корте ваше величество?

Мгновение тишины — и он наконец расхохотался. Все придворные подобострастно рассмеялись вслед за ним, будто не они секунду назад затаили дыхание, испугавшись ее наглости. Насмешливая улыбка Анны, как всегда, ослепительна.

— Игра не имеет смысла, если видеть только половину, — возразил король.

— Я смотрела на солнце, не обращая внимания на тень, — парировала она. — Видела только дневной свет, вместо темноты ночи.

— Это я солнце?

— Ослепительное, — прошептала Анна, и слово это звучало так интимно, так обольстительно, — ослепительное...

— Вы находите меня ослепительным?

Она широко раскрыла глаза, удивляясь его непонятливости:

— Солнце, ваше величество. Солнце сегодня ослепительное.

Гевер — серый островок с башенками среди сочной зелени кентских лугов. Мы въехали через беспечно оставленные открытыми ворота в восточной части парка и увидели замок, а за ним — закат. Красные черепичные крыши сверкают в золотистом свете, серый камень стен отражается в неподвижной воде рва, кажется, тут два замка, один над другим — вот он, мой дом из страны грез. Во рву, касаясь друг друга клювами, плавают пара диких лебедей, изогнув шеи так, что вместе получается сердечко. Два плывут, два отражаются — четыре лебедя, а вокруг них на воде качается замок.

— Красиво, — вырвалось у брата. — Вот бы остаться тут навсегда.

Обогнув ров, мы миновали плоский дощатый мостик, там, где тропинка пересекала реку. Из камышей донесся звук выстрела, заставил мою уставшую лошадку сбиться с шага. На берегах реки косили сено, и свежий сладкий запах плыл в вечернем воздухе. Раздался крик, отцовские слуги в ливреях выскочили из караульной и замерли у разводного моста, заслоня глаза от света.

— Это же молодой лорд и миледи Кэри! — воскликнул один из солдат.

Парень, стоявший сзади, повернулся и побежал обратно в замок — сообщить новости. Мы пустили лошадей шагом. Зазвонил колокол, остальные стражники выскочили из караульной, слуги, обгоняя друг друга, бросились во внутренний двор.

Брат виновато взглянул на меня, словно извиняясь за нерадивость солдат, и осадил лошадь, я первой пересекла разводной мост и въехала под решетку сводчатых ворот. Слуги уже толпились во дворе — от кухонных мальчишек, приставленных крутить вертел, до домоправительницы, открывшей дверь в большую залу, чтобы созвать слуг из глубины дома.

— Милорд, леди Кэри!

Она подошла ближе, и йомен-смотритель буфетной с ней, оба поклонились. Грум поймал поводья, капитан стражи помог мне спешиться.

— Как мой сын? — спросила я у домоправительницы.

— Вот он. — Она указала на лестницу в углу двора.

Быстро повернулась. Кормилица как раз вынесла моего сыночка на солнце. Прежде всего меня поразило, как он вырос. Он родился маленьким, а в месяц его уже забрали у меня. Теперь совсем другое дело — Щечки округлились и порозовели. Кормилица поддерживает золотистую головку, я чуть не лишаюсь чувств от ревности, нестерпимо видеть большую, красную, крестьянскую руку на головке королевского сына, моего сына. Его туго запеленали, примотали к дощечке. Протягиваю руки — кормилица подает ребенка словно на блюде.

— Он здоров. — Она как будто оправдывается.

Наконец-то я держу своего ребенка. Ручки примотаны к бокам, пеленки держат даже головку, двигаются только глаза.

Он смотрит мне в лицо, переводит взгляд с губ на глаза, потом на небо позади меня. Вороны кружат над башней, и он следит за ними.

— Прелесть моя, — шепчу я.

Георг неторопливо спешивается, бросает конюху поводья и заглядывает мне через плечо. Темно-синие глазки пристально изучают новое лицо.

— Смотрит на дядю! — Георг явно доволен. — Запомни меня хорошенько, малыш. Мы принесем друг другу удачу. Ну разве не настоящий Тюдор, сестренка? Сделан на совесть! Вылитый король.

Румяные щеки, золотые пряди, выбивающиеся из-под кружевного чепчика, синие глаза. Малыш спокойно и доверчиво глядит то на меня, то на Георга.

— Правда ведь, похож?

— Как странно, — Георг шепчет мне прямо в ухо, — только подумай, придется клясться в верности этому кусочку мяса. Однажды он может стать королем Англии, величайшим мужем Европы, и мы с тобой будем полностью от него зависеть.

Крепче сжала дощечку, ощутила тепло маленького тельца, туго примотанного к деревянной рамке.

— Господи, спаси и сохрани его, кем бы он ни был.

— Спаси и сохрани нас всех, — повторил брат. — Потому что нелегка дорога к трону.

Устав от рассуждений, Георг взял ребенка, мимоходом передал его няне и повел меня к парадному входу. Прямо в дверях крошечная двухлетняя девочка в коротком платьице, смотрит на меня. Какая-то женщина железной хваткой держит ее за руку. Екатерина, моя дочка, а глядит на меня как на чужую.

Я упала на колени прямо на булыжник двора:

— Екатерина, знаешь, кто я?

Маленькое бледное личико дрогнуло.

— Моя мама.

— Правильно! Я так хотела приехать раньше, но меня не пускали. Я скучала по тебе, доченька. Так хотела быть с тобой.

Она обернулась к служанке. Та сжала ее ладонь, побуждая ответить.

— Да, мама, — тихонько прошептала девочка.

— Ты меня хоть немножко помнишь? — В моем голосе откровенная боль, всем вокруг ясно. Екатерина смотрит на служанку, потом снова на меня. Губы дрожат, лицо сморщилось — сейчас заплачет.

— О Господи, — устало цедит Георг. Твердо подхватывает меня под локоть, переводит через порог и решительно подталкивает к главной зале. Огонь горит, несмотря на середину лета, а в большом кресле перед камином восседает бабушка Болейн.

Георг коротко приветствует ее и оборачивается к домоправительнице, последовавшей за нами:

— Вон. И займитесь своими делами.

— Что с Марией? — интересуется бабушка.

— Жара, солнцепек. — Георг импровизирует на ходу. — Слишком много времени провела верхом так скоро после родов.

— И все? — колко осведомляется она.

Брат толкает меня в кресло, сам падает на стул.

— Еще жажда, — произносит он со значением. — Думаю, стаканчик вина ее воскресит. И меня тоже, мадам.

Старая дама только улыбается его грубости и жестом показывает на массивный буфет. Георг вскакивает на ноги, наливает себе и мне вина. Залпом пьет свой стакан и наливает еще.

Я отерла лоб тыльной стороной ладони, оглянулась:

— Пусть Екатерину приведут ко мне.

— Брось это, — посоветовал брат.

— Она меня едва знает. Похоже, совсем забыла.

— Вот поэтому я и говорю — брось это.

Я пытаюсь спорить, но брат настаивает:

— Как только раздался звон колокола, няня вытащила ее из детской, нарядила в парадное платье, велела быть вежливой и повела вниз. Бедный ребенок испуган до полусмерти. Господи, Мария, разве ты не помнишь, какая суета поднималась перед приездом отца с матерью? Хуже, чем первое представление ко двору. Тебя тошнило от ужаса, а Анна целыми днями ходила в самом нарядном платье. Когда мать приезжает, это всегда страшно. Дай ей успокоиться, тихонько пойдешь в детскую и посиди с ней.

Я кивнула, соглашаясь, и поудобнее устроилась в кресле.

— Как дела при дворе? — осведомилась старая дама. — Как мой сын? Как ваша матушка?

— Все хорошо. Отец ездил в Венецию, трудился вместе с Уолси на пользу союза. Мать при дворе королевы.

— Королева здорова?

Георг кивнул:

— Вполне, но в этом году с королем не едет. Ее влияние при дворе сильно уменьшилось.

Бабушка кивнула — старая история, женщина слишком медленно движется к смерти.

— А как король? Мария по-прежнему его фаворитка?

— То ли Мария, то ли Анна. У него слабость к сестрам Болейн. Но пока он предпочитает Марию.

От пронизательного взгляда старой дамы не укрыться.

— Ты хорошая девочка, — произносит она одобрительно. — Сколько времени ты здесь пробудешь?

— Только неделю, больше не отпустили.

— А ты? — поворачивается она к Георгу.

— Останусь на пару дней, — тянет он лениво. — Я и забыл, как хорош Гевер летом. Могу остаться, пока Марии не пора будет возвращаться ко двору.

— Имей в виду, я все время буду с детьми.

— В компании не нуждаюсь. Буду писать стихи. Подумываю стать поэтом.

По совету брата я пока оставила попытку подружиться с Екатериной. Поднялась по маленькой винтовой лестнице в свою комнату, ополоснула лицо в тазу с водой, выглянула в окно. За свинцовыми рамами темнеет парк, промелькнула белая сова-сипуха, донесся призывный крик самца, из леса — ответ самки. В воде плеснула рыба, на темно-синем небе зажглись серебряные точки звезд. И только тогда я отправилась в детскую к дочери.

Она сидела у огня, на коленях — миска молока с размоченным хлебом, ложка застыла на полпути ко рту, слушает, как болтают няня с горничной поверх ее головы. Увидев меня, они вскочили на ноги, а Екатерина чуть не уронила миску, няня едва успела подхватить. Вторая служанка метнулась к двери, только подол мелькнул, няня уселась

возле девочки, будто она только и делает, что наблюдает, аккуратно ли моя дочь ест и не слишком ли близко к огню сидит.

Я тоже села. Переполох немного утих, Екатерина доела ужин, няня забрала миску и по моему знаку вышла из комнаты. Я опустила руку в карман платья.

— Смотри, привезла тебе маленький подарочек.

Это был желудь на шнурке, изображающий голову человечка с искусно вырезанным лицом, шляпка желудя служила ему шапкой. Девочка улыбнулась и протянула руку. Ладонка пухлая, как у младенца, пальчики крошечные. Я положила желудь ей на ладонь и ощутила мягкость кожи.

— Как ты его назовешь?

Сморщила лобик. Бронзово-золотистые волосы спрятаны под ночным чепчиком. Я нежно дотронулась до ленты, потом до золотистого локона, выбившегося из-под чепчика. Она не вздрогнула, не отстранилась, полностью поглощенная желудем.

— Как мне его назвать? — Голубые глаза сверкнули.

— Это желудь. Он рос на дубе. Король хочет посадить как можно больше дубов, чтобы вырос могучий лес для постройки кораблей.

— Назову его Дубок, — пришло наконец решение.

Ей дела не было до короля с кораблями. Дернула за шнурок, желудь подпрыгнул.

— Танцует, — сказала она с удовольствием.

— Хочешь сесть ко мне на колени вместе с Дубком и послушать, как он танцевал с другими желудями на большом празднике?

Она колебалась.

— Орехи тоже пришли, — соблазняла я. — И каштаны. Большой-большой лесной бал. И ягоды, по-моему, тоже.

Этого оказалось достаточно. Она слезла со своего табурета и подошла ко мне. Я посадила ее на колени. Она оказалась тяжелей, чем я думала, — ребенок из плоти и крови, не сон, не мечта, что грезилась мне ночь за ночью. Я ощутила тепло ее тела, прижалась щекой к чепчику, локоны щекочут мне шею, вдохнула запах кожи, чудный запах маленького ребенка.

— Рассказывай! — велела она, устраиваясь поудобнее, и я начала сказку о Большом лесном празднике.

Мы чудесно провели эту неделю — Георг, дети и я. Пользуясь хорошей погодой, гуляли и устраивали пикники на скошенных лугах, где новая травка начинала пробиваться сквозь жнивье. Когда нас не могли видеть из замка, я распеленывала малыша, и он свободно болтал голыми ножками в воздухе. Я играла с Екатериной в мяч и в прятки — не очень многообещающая игра на открытом лугу, но она была еще в том возрасте, когда веришь — стоит зажмуриться и накинуть шаль на голову, тебя не найдут. А с Георгом они бегали наперегонки, причем ему чинились все более и более чудовищные помехи — сначала он просто прыгал, потом полз и, наконец, должен был идти на руках, причем я держала его за ноги, чтобы все было честно, и Екатерина могла обогнать его даже на маленьких нетвердых ножках.

Вечером, накануне возвращения ко двору, мне кусок не лез в горло. Я была в отчаянии и никак не могла заставить себя объявить дочери, что уезжаю. Выскользнула на рассвете, как вор, велела няне сказать Екатерине, когда она проснется: «Мама вернется, как только сможет, будь хорошей девочкой, позаботься о Дубке». Я скакала, погрузившись в свое горе, не замечая, что полил дождь, пока в полдень Георг наконец не взмолился:

— Бога ради, давай укроемся от дождя и перекусим.

Мы остановились возле монастыря. Георг спрыгнул на землю, снял меня с седла.

— Так и плакала всю дорогу?

— Наверно. Как подумаю...

— Ну и не думай, пожалуйста.

Один из наших людей позвонил в колокол и объявил стражнику, кто мы такие. Большие ворота распахнулись, Георг повел меня во внутренний двор и дальше по ступенькам в трапезную. Было еще рано, только два монаха ставили на стол оловянные тарелки и кружки для эля или вина.

Георг, прищелкнув пальцами, послал одного из монахов за вином и сунул мне в руки холодный металлический кубок:

— Выпей. И перестань плакать. Мы вечером будем при дворе, нельзя появиться в таком виде — бледной, с покрасневшими глазами. Тебя больше никогда не отпустят, если подурнеешь после поездки. Ты не та женщина, которая может делать все, что ей угодно.

— Покажи мне женщину, которая может делать все, что ей угодно, — пылко возмутилась я.

Это вызвало у него смех.

— Ты права, нет таких женщин. Остается радоваться, что мы с малышом Генрихом — мужчины.

Мы успели в Виндзор только к вечеру и застали двор накануне отъезда. Даже у Анны не нашлось для меня времени в суете сборов. Но я успела заметить два новых платья, прежде чем они исчезли в сундуке.

— Откуда это у тебя?

— Подарок короля, — коротко бросила она.

Я молча кивнула. Анна криво улыбнулась и уложила два чепца. Я заметила, и она, несомненно, увидела, что я заметила — по крайней мере один из них весь расшит жемчугом. Присев на скамью под окном, я наблюдала, как она кладет сверху накидку и зовет горничную перевязать сундук. Девушка вошла, за ней слуга, чтобы вынести сундук.

Наконец Анна обернулась ко мне.

— Ну и что это значит? — спросила я. — Новые платья?

Она сложила руки за спиной, скромная, как примерная ученица:

— Он ухаживает за мной. Открыто.

— Анна, он мой любовник.

Она лениво пожала плечами:

— Тебя же здесь не было. Ты отправилась в Гевер, предпочла детей. Ты оказалась недостаточно, — она запнулась, — горяча.

— А ты достаточно?

Она улыбнулась чему-то понятному только ей.

— Этим летом в воздухе разлит какой-то жар.

Я стиснула зубы.

— Предполагалось, что ты будешь напоминать обо мне, а не сбивать его с толку.

Она снова пожала плечами:

— Мужчину легче привлечь, чем оттолкнуть.

— Интересно знать, — начала я. Хорошо бы слова стали кинжалами, метнуть бы их прямо в ее самодовольную рожу. — Если судить по подаркам, ты в самом деле привлекла его внимание. Ты фаворитка короля.

Она кивнула. Точь-в-точь как довольная кошка, душный аромат похоти, казалось, висел в воздухе.

— Понятно, тебе наплевать, что он мой признанный любовник.

— Мне велели, — нагло ответила Анна.

— Тебе же не велели вытеснять меня!

Пожала плечами, на вид — сама невинность.

— Что я могу поделать, если он мечтает обо мне? — произнесла кротко. — Двор полон мужчин, мечтающих о том же. Разве я их поощряю? Нет.

— Ты же со мной говоришь, не забудь. Не с одним из твоих идиотов. Я-то знаю, ты поощряешь всех подряд.

Опять эта ее вкрадчивая улыбка.

— Чего ты добиваешься, сестренка? Хочешь стать его любовницей? Вытеснить меня?

Внезапно выражение самодовольства ушло с ее лица. Казалось, она глубоко задумалась.

— Может, и так. Но тут есть риск.

— Какой риск?

— Если он меня добьется, может потерять интерес. Его трудно удержать.

— Мне — не так уж трудно. — Очко в мою пользу.

— Да чего ты добила? Он выдал Бесси Блаунт замуж, когда все было кончено. И что она выиграла?

Я до крови прикусила язык.

— Если ты так думаешь, Анна...

— Я смогла бы его удержать до тех пор, пока он не поймет — я не Бесси Блаунт и не Мария Болейн. Я — птица другого полета. Если бы удержать его, пока он не догадается сделать мне одно предложение, великое предложение...

— Если ты о Генрихе Перси, так его не вернуть. Король на это никогда не пойдет.

В два прыжка она перемахнула комнату и схватила меня за руки, так что ногти вонзились в кожу.

— Не смей упоминать его имя, — прошипела она. — Никогда.

Я вырвалась и сгребла ее за плечи.

— Буду говорить все, что заблагорассудится. Ты же болтаешь все, что хочешь. Ты отвратительна, Анна. Потеряла свою истинную любовь

и теперь хочешь отнять чужую. Ты всегда зарилась на мое, только потому что это мое.

Она вывернулась из-под моих рук и рывком распахнула дверь:

— Убирайся!

— Ты можешь идти, — поправила я. — Не забудь, это моя комната.

Минуту мы стояли и смотрели друг на друга как два упрямых барана. Нас переполняли взаимные обиды и куда более темные чувства, извечные чувства сестер — в мире нет места для обоих. Любая ссора — не на жизнь, а на смерть.

Я отступила первая:

— Все-таки мы на одной стороне.

Анна захлопнула дверь:

— И это наша общая комната.

Теперь все ясно. С самого детства нас мучил вопрос — какая из сестер Болейн лучше, и сейчас наше девическое соперничество разыгрывалось на величайшей сцене страны. К концу лета одна из нас будет любовницей короля, а другая — ее служанкой, помощницей, а может, и шутом.

У меня не было никаких шансов на победу. Можно строить планы, но что поделаешь без союзников, без сил. Никто из родни не видит вреда в том, что король держит меня в объятьях ночью, а ее — днем. Идеальная ситуация: умная сестра — компаньон и советчик, плодовитая сестра — любовница.

Лишь я знала, чего ей это стоит. Вечером, после танцев и смеха, непрерывного внимания двора, она садилась перед зеркалом, стягивая чепец, и я видела — она изнурена, измучена до предела.

Георг частенько заходил к нам в комнату, приносил по стакану портвейна. Мы укладывали Анну в постель, натягивали до подбородка простыню. Она медленно опустошала стакан, и на ее лицо постепенно возвращался румянец.

— Бог знает, куда это приведет, — шепнул мне однажды Георг, когда Анна заснула. — Она вскружила голову королю, свела с ума весь двор. На что она надеется?

Анна пошевелилась во сне.

— Ш-ш-ш. — Я задернула занавески вокруг кровати. — Не разбуди ее. Я больше не в силах ее выносить, честное слово.

— Так плохо? — Георг подмигнул.

— Она заняла мое место.

— Бедняжка!

Я отвернулась.

— Она отнимает все, что у меня есть. — Голос у меня дрожит от обиды.

— Но ты не любишь его так сильно, как прежде, правда?

— Это не значит, что я уступлю Анне.

Георг обнял меня за талию, довел до двери, рука лениво покоится на моем бедре. Пылко поцеловал прямо в губы.

— Ты же у нас самая сладкая.

Я улыбнулась:

— Конечно, как женщина, я лучше. Она просто честолюбивая ледышка. Лучше увидит тебя на виселице, чем умерит свое честолюбие. А я люблю короля ради него самого. Но Анна ослепила его, ослепила весь двор, даже тебя.

— Только не меня, — мягко возразил брат.

— Дядя любит ее больше. — В голосе у меня опять звучит обида.

— Дядя никого не любит. Но ему интересно, как далеко она может зайти.

— Всем интересно. И какую цену ей придется заплатить. Особенно если платить буду я.

— Непростую игру она ведет, — согласился Георг.

— Ненавижу ее! Приятно будет посмотреть, как она лопнет от тщеславия.

Двор намеревался посетить принцессу Марию в замке Ладлоу, и все лето мы двигались в западном направлении. Принцессе только десять, а учат ее как взрослую. Девочке дают образование в суровой официальной манере, принятой при испанском дворе. В Уэльсе при ней священник, несколько учителей, дама-компаньонка, собственный двор — ведь она принцесса Уэльская. Мы ожидали увидеть полную достоинства маленькую хозяйку, девушку, почти ставшую женщиной.

Но увидели мы совсем другое.

Она появилась в главной зале, когда король сидел за обедом, ей предстояло нелегкое испытание — пройти от двери до главного стола под множеством устремленных на нее взглядов. Такая маленькая, как шестилетняя, крошечная куколка, темные волосы выбиваются из-под

чепчика, печальное бледное личико. Так же изящна, как ее мать когда-то, когда только приехала в Англию, но еще совсем ребенок.

Король нежно приветствовал дочь, но я видела его разочарование. Он надеялся, что девочка выросла, расцвела, что через год ее можно будет выдать замуж, а года через два-три ждать детей. Ничего подобного — перед ним всего лишь дитя — бледное, худенькое, застенчивое дитя.

Он поцеловал дочь, усадил справа от себя за главным столом. Она видела — все взгляды устремлены на нее, и почти ничего не ела, совсем ничего не пила. Если король с ней заговаривал, отвечала односложно и шепотом. Несомненно, она прекрасно образованна, учителя один за другим уверяли короля, что принцесса говорит по-гречески и по-латыни, складывает числа в уме, знает географию Уэльса и всей страны, легко и грациозно танцует. Но она отнюдь не производит впечатления крепкой, полной сил, способной иметь детей. Казалось — она просто тихонько угаснет, умрет от ничтожной простуды. И это единственная наследница трона, недостаточно сильная, чтобы удержать скипетр.

Георг зашел за мной поздно вечером, предупредил — король в ужасном настроении.

Анна пошевелилась в постели:

— Не в восторге от своей маленькой карлицы?

— Просто поразительно, Анна, даже во сне ты источаешь яд. Собирайся, Мария, не заставляй его ждать.

Генрих стоял у огня, ногой подталкивал полено в самый жар. Едва взглянул на меня, властно протянул руку, и я поспешила в его объятия.

— Какой удар, — шепнул он. — Думал, она выросла и уже почти женщина. Думал выдать ее за Франциска, может даже за его сына, скрепить наш союз с Францией. А девчонка никуда не годится. Зачем нужна дочь, которую нельзя выдать замуж?

Замолчал, отвернулся, сердито зашагал по комнате. На столе после неоконченной игры валялись рубашкой вверх карты. Резким движением король смахнул карты, опрокинув при этом стол. В ответ на шум раздался голос стражника из-за двери:

— Ваше величество?

— Оставь меня в покое! — зарычал король. Повернулся ко мне. — Почему Бог посылает мне все это? За что? Сына нет, а дочь — дунь на

нее, улетит. Нет наследника. Кто останется после меня? Почему Бог так жесток ко мне?

Я только молча качнула головой, не понимая, чего он хочет.

— Виновата королева, вот что ты думаешь? Вот что все думают?

Не понимая, соглашаться или возражать, я осторожно следила за ним, не говоря ни слова.

— Все этот проклятый брак. Не надо было мне жениться. И отец был против. Говорил, пусть останется в Англии как вдовствующая принцесса, под нашей опекой. А я думал... мечтал... — Он запнулся, не хотел вспоминать, как глубоко и преданно любил ее тогда. — Папа дал нам разрешение, но это было ошибкой. Нельзя идти против слова Божия.

Я кивнула с серьезным видом.

— Совершенно очевидно, нельзя брать в жены вдову брата. Ее бесплодие — проклятие Господне. Не было благословения этому лживому союзу. Какой уже год Господь отворачивает лицо Свое от меня, надо было раньше заметить. Королева — не моя жена, она жена Артура.^[20]

— Но ведь брак не был осуществлен...

— Какая разница? К тому же он был осуществлен.

Я только кивнула.

— Пойдем спать, — устало сказал Генрих. — Не могу больше этого выносить. Хочу освободиться от греха. Нужно сказать королеве, что я оставляю ее. Я должен очиститься от чудовищного греха.

Покорно пошла к постели, сбрасывая плащ с плеч. Откинула простыни, легла. Генрих упал на колени в ногах кровати и стал горячо молиться. Я вслушивалась в его бормотание и вдруг поняла, что тоже молюсь — одна слабая женщина молится за другую. Я возносила молитву за королеву теперь, когда самый могущественный человек в Англии винил ее за то, что она ввела его в смертный грех.

Осень 1526

Мы вернулись в Лондон. Даже Гринвич, один из любимейших замков короля, не рассеял его мрачного настроения. Генрих проводил много времени с церковниками и советниками, поговаривали — он пишет новую книгу, еще один богословский трактат. Но я-то знала, в чем дело, — ночи напролет, пока он читал и писал, я сидела рядом. Король мучительно пытался понять, в чем состоит Божья воля: подобает ли жениться на вдове брата и тем самым позаботиться о ней, или надо отослать вдову брата прочь, ведь посмотреть на нее с вожделением — оскорбить брата. Но Бог не давал определенного ответа. В одном месте в Библии говорилось одно, в другом — другое. Чему же следовать? Такое решение под силу только целой коллегии богословов.

По-моему, очевидно — надо жениться на вдове брата, тогда дети получают хорошее воспитание, а достойная женщина будет окружена заботой. Благодарение Господу, я не рискнула высказать свое мнение на вечерних совещаниях. Там дискутировали по-гречески и по-латыни, читали тексты в подлиннике, изучали мнение отцов церкви. Одно их явно не интересовало — что думает совершенно обыкновенная женщина с капелькой здравого смысла.

Я ничем не помогла королю, да и не могла помочь. Анна — вот кто ему был нужен. Ее быстрый ум, способность перевести путаный клубок богословских рассуждений в шутку, рассмешить его именно тогда, когда он ломает голову над этими проблемами.

Они гуляли под ручку каждый день, головы склонены друг к другу — то ли заговорщики, то ли любовники, но если помедлить возле них, услышишь:

— Но Апостол Павел ясно высказался по этому вопросу, — говорит Анна.

— Думаете, он имеет в виду именно это? А я полагаю, он отсылает к другому отрывку, — возражает Генрих.

Мы с Георгом тащимся за ними, как покладистые компаньоны, и наблюдаем — Анна то сжимает руку короля, убеждая в своей правоте, то отрицательно качает головой.

— Почему бы просто не бросить королеву? — спросил Георг. — Ни один двор в Европе его не осудит. Все знают, как он мечтает о сыне.

— Король любит быть о себе хорошего мнения. — Я увидела, как Анна повернула голову, услышала ее звенящий смех. — Не может позволить себе оставить женщину только потому, что она постарела. Значит, надо убедиться — на то Божья воля. Найти причину поважнее, чем собственное желание.

— Будь я королем, как он, я бы уж следовал своим желаниям, не беспокоясь, есть на то Божья воля или нет! — воскликнул Георг.

— Ты же цепкий, жадный Болейн. А он король и хочет поступать правильно. Не может решиться, пока не поймет — Бог на его стороне.

— Уж Анна ему поможет, — зло заметил Георг.

— Какой совестливый советник нашелся, — съязвила я. — В ее руках его бессмертная душа в безопасности.

Созвали семейный совет. Я этого ждала. Со времени возвращения из Ладлоу дядюшка молча, пристально наблюдал за мной и Анной. Этим летом он был при дворе, видел — король целый день проводит с Анной, его неодолимо влечет к ней. А с наступлением ночи привычно посылает за мной. Дядю сбивала с толку страсть короля к нам обеим. Он не знал, в какое русло направить короля, что Говардам повыгодней.

Георг, Анна и я встали в ряд перед столом, дядюшка уселся напротив, мать рядом, на стуле поменьше.

— Нет сомнения, король влюблен в Анну, — начал дядюшка. — Но если она просто заменит Марию в качестве фаворитки короля, мы ничего не выиграем. Хуже того, проиграем — она не замужем, и когда все кончится, будет ни на что не годна и никому не нужна.

Интересно, неприятно матери обсуждать любимую старшую дочь? По лицу не скажешь. Семейные дела, чувства тут ни при чем.

— Анна должна отступить, — решил дядя. — Ты только портишь Марии игру. У нее сын и дочь от короля, а что мы за это получили, кроме земель?

— И титулов с должностями, — негромко вставил Георг.

— Не отрицаю. Но Анна гасит его пыл.

— Да нет у него никакого пыла, — злобно бросила Анна. — Просто привычка. Совсем другое дело. Вы же женатый человек, дядя, могли бы понимать.

Георг только рот раскрыл, а дядина улыбка больше похожа на волчий оскал.

— Благодарю, миссис Анна. Твое остроумие более уместно во Франции, но раз уж ты в Англии, напоминаю — английские женщины с милой улыбкой делают, что им велят.

Анна склонила голову, но было видно, она покраснела от злости.

— Поедешь в Гевер, — резко бросил он.

— Только не это! Что там делать?

— Ты непредсказуема и неуправляема, — произнес дядя с жестокой откровенностью.

— Если я останусь при дворе, он влюбится в меня. — Анна была в отчаянии. — Не отсылайте меня в Гевер. Это не для меня!

— Ну не навсегда же. Только до Рождества. Конечно, Генрих очень привязан к тебе, но как это использовать? Не можешь же ты стать его любовницей, пока не замужем, а ни один нормальный человек на тебе не женится, пока ты королевская фаворитка. Ну и положеньице!

Анна проглотила ответ, который вертелся у нее на кончике языка, и сделала реверанс:

— Весьма признательна. Но не могу понять, чем мое пребывание в Гевере в полном одиночестве, вдали от двора поможет семье.

— Уйдешь с дороги, не будешь мешать королю. Он разведется с Екатериной и сможет жениться на Марии, не забывай, у нее двое очаровательных малюток. Получит и жену и наследника разом. А ты только картину портишь.

— Так вы хотите меня вымарать? Кем вы себя вообразили, Гольбейном?^[21]

— Придержи язычок, — вмешалась мать.

— Найдем тебе мужа, — пообещал дядюшка. — Во Франции, если не в Англии. Вот станет Мария королевой Англии, так и найдем. Выберешь самого лучшего.

Анна впиалась ногтями в стиснутые руки.

— Ничего мне от нее не нужно! Не будет она королевой! Выше, чем сейчас, ей не подняться. Раздвинула ноги, родила ему двоих детей, а он все еще не позаботился о ней. Она ему нравилась, пока он ее добивался, разве вы не видите? Он же охотник, ему нужна погоня. Мария попалась, игра окончена, видит Бог, ни одна женщина не

уступала так легко. Сейчас он ее просто использует. Кто она — уж скорее жена, чем любовница, только жена без признания и уважения.

Она употребила неверное словцо.

— Жена? — улыбнулся дядя. — Надеюсь, что так. Пришла пора немного отдохнуть от тебя и посмотреть, чего сможет добиться Мария, если ты не будешь путаться под ногами. В этом соревновании у Марии больше шансов.

Сладко улыбаясь Анне, я сделала реверанс.

— У меня больше шансов, — повторила я. — Ей пора выйти из игры.

Зима 1526

Анна отправилась в Гевер, и я уложила в ее дорожный сундучок рождественские гостинцы детям. Екатерине — марципановый домик, с черепичной крышей из жареного миндаля и окошками из жженого сахара. Попросила Анну вручить подарок на двенадцатую ночь Рождества и передать — мама любит свою дочку, мама скучает и скоро снова приедет.

Анна плюхнулась в седло с грацией фермерши, собирающейся на рынок. Никто ее не видит, какой смысл казаться изящной и приветливой.

— Почему бы не наплевать на всех и не удрать к своим любимым деткам? — Ее слова бредили мне душу.

— Благодарю за совет. Уверена, ты желаешь мне только добра.

— Один Бог знает, что ты тут без меня наворотишь.

— Бог, конечно, знает, — с готовностью подтвердила я.

— Есть женщины, на которых женятся, и есть, на которых не женятся, — провозгласила Анна. — Мужчины не утруждают себя женитьбой на любовницах вроде тебя, дети там или не дети.

Я радостно улыбнулась. Конечно, Анна куда находчивей и остроумней, а тут, в кои-то веки, и у меня в руках оказалось оружие.

— Подозреваю, ты права. Но есть и третий сорт женщин — на них не только не женятся, а даже и любовницами не хотят сделать. Женщины, которые едут на Рождество в одиночестве домой. Похоже, ты именно из таких, дорогая сестрица. Счастливого пути!

Повернулась на каблуках и ушла. Что ей оставалось? Сестра кивнула сопровождавшему ее солдату, рысью выехала из ворот, поскакала по дороге в Кент. А хлопья снега кружились в воздухе.

Как только двор обосновался в Гринвиче, готовясь отпраздновать Рождество, положение королевы определилось. Ее не замечали, ею пренебрегали, любой придворный знал — она в немилости. До чего же мерзкое зрелище — мелкие птички среди бела дня толпой набросились на сову.

Племянник Екатерины, император Испании, подозревал — что-то затевается, направил в Англию нового посла по имени Мендоса. [\[22\]](#)

Хитрый законник, без сомнения, сможет представлять интересы королевы и вновь привести Испанию и Англию к согласию. Я застала дядю за секретным совещанием с кардиналом Уолси, догадалась — он не облегчит задачу послу Мендосе.

И оказалась права. Посол не попал ко двору во время рождественских праздников. Бумаги якобы оказались не в порядке, его не допустили ни к королю, ни к королеве. За ее перепиской следили, она не могла даже получить подарки, пока их не обследуют слуги.

Близилась двенадцатая ночь, а новый посол все еще не встретился с королевой. Только к середине января Уолси прекратил игру в кошки-мышки и признал — посол Мендоса на самом деле является представителем императора Испании и может вручить верительные грамоты королю и письма королеве.

Я как раз находилась в покоях королевы, когда вошел паж кардинала и передал просьбу посла уделить ему внимание. Кровь бросилась королеве в лицо, она вскочила на ноги:

— Надо бы переменить платье, но нет времени.

Я стояла за ее креслом, одна я и осталась, остальные дамы прогуливались с королем по саду.

— Посол Мендоса привез вести от племянника. — Королева уселась в кресло. — Надеюсь, он сумеет укрепить союз между племянником и мужем. В семье не должно быть ссор. Сколько себя помню, Испания и Англия союзники, раздоры все испортят.

Я кивнула, дверь открылась.

Это не был посол со свитой, несущий подарки, письма и частные послания от императора Испании. В дверях показался кардинал, злейший враг королевы, который ввел в комнату посла, словно шут — дрессированного медведя. Посол был взят в плен. Он не мог поговорить с королевой наедине, его багаж давным-давно обыскали. Нет, этому человеку не удастся склонить короля к новому союзу с Испанией, ему не вернуть королеве подобающее положение при дворе. Он сам едва не стал заложником кардинала.

Рука, протянутая для поцелуя, не дрожит. Голос ласков и мелодичен. Королева учтиво приветствует кардинала. И как догадаться, что ее гибель входит сейчас вместе с угрюмым послом и улыбающимся кардиналом. В этот момент королева понимает: ни

друзья, ни семья ей не помогут. Она совершенно одна, полностью незащищена.

В конце января, во время рыцарского турнира король отказался сесть в седло и выбрал Георга сражаться вместо него за королевский штандарт. Георг выиграл бой и получил в награду пару новеньких кожаных перчаток.

Той же ночью я застала короля в мрачном расположении духа. Завернувшись в теплый плащ, он сидел у камина, рядом недопитая бутылка, еще одна, пустая, валяется в золе в лужице красного вина.

— Как вы себя чувствуете, ваше величество? — заботливо спросила я.

Он обернулся. Налитые кровью глаза, изможденное лицо.

— Плохо, — ответил спокойно.

— Что случилось? — Я говорила нежно и просто, как с Георгом. Сегодня он не был похож на грозного короля. Просто мальчик, печальный мальчик.

— Я сегодня не участвовал в турнире.

— Знаю.

— И больше, может быть, никогда не сяду на лошадь.

— Генрих, почему?

Помолчал.

— Я испугался. Разве это не позорно? Когда на меня начали надевать доспехи, понял, что боюсь.

Я не знала, что сказать.

— Это опасное дело — турниры, — обидчиво произнес король. — Вы, женщины, в шатрах, с вашими подарками, с вашими пари, слушаете себе, как трубят герольды, вам не понять. Это не игрушки, тут вопрос жизни и смерти.

Я ждала.

— Что, если я погибну? — спросил он беспомощно. — Что будет тогда?

На одно ужасное мгновение я подумала — речь идет о его бессмертной душе.

— Никто же не знает, — произнесла нерешительно.

— Я не о том. — Он отмел мои робкие соображения. — Что станет с тронem? Что станет с короной моего отца? Он объединил страну после стольких лет сражений, никто не верил, что такое

возможно. И никто, кроме него, не смог бы. Но он всего добился. И у него было двое сыновей, двое, Мария! И когда Артур умер, оставался я, чтобы наследовать трон. Он создал королевство, выполнил свой долг — и на полях сражений, и в постели. Я унаследовал прекрасную страну — крепкие границы, покорные лорды, сокровищница, полная золота, — и мне некому ее передать!

Нечего ответить на эти горькие слова. Я опустила голову.

— Жизнь без сына гнетет меня. Каждую минуту думаю с ужасом — вдруг умру, не оставив наследника. Не могу биться на турнире, даже охотиться не могу с легким сердцем. Впереди изгородь, надо, отбросив сомнения, довериться коню и прыгнуть, а я вижу как наяву — лежу в канаве со сломанной шеей, а корона Англии катится в кусты — подбирай кто хочет. А кто сможет ее поднять?

На лице его читалось страдание, в голосе слышалась мука. Слишком много для меня. Дотянулась до бутылки, наполнила стакан.

Подумала: «Пришло время, дядя одобрил бы то, что я собираюсь сказать».

— У вас есть дети от меня. Наш сыночек Генрих — ваш живой портрет.

Он плотнее завернулся в плащ:

— Можешь идти. Георг ждет тебя?

— Он всегда ждет. Не хотите, чтобы я осталась?

— У меня тяжело на сердце, — сказал он откровенно. — Перед лицом смерти не радуют любовные игры.

Я сделала реверанс. Перед дверью помедлила и обернулась. Он не смотрел в мою сторону. Сгорбился в кресле, закутался в плащ, глядит на угли в камине, словно хочет прочесть в пламени свою судьбу.

— Вы можете жениться на мне, — тихонько сказала я. — У нас двое детей, и один из них мальчик.

— Что? — Его глаза затуманены отчаянием.

Конечно, надо быть настойчивее, ведь именно этого и ждет дядюшка. Но не все женщины умеют настаивать.

— Доброй ночи, — ласково сказала я. — Доброй ночи, милый принц.

И оставила его наедине с собственными невзгодами.

Весна 1527

Власть королевы таяла на глазах. В феврале ко двору прибыли посланники из Франции. Их бумаги рассматривались без проволочек, в их честь устраивались праздники и пиры, и скоро стало ясно — цель приезда подготовить брак принцессы Марии либо с королем Франциском, либо с его сыном. Девочку вытащили из спокойного уединения замка Ладлоу, представили послам, заставили танцевать, играть, петь, есть. Господи, как же они кормили этого ребенка! Будто она могла подрасти да и объем груди увеличить прямо во время переговоров. Наш отец прибыл из Франции вместе с послами и поспевал всюду — давал советы королю, переводил, тайно обсуждал с кардиналом, как перекроить европейские союзы, а вместе с дядюшкой плел интриги — семью надо продвигать даже в такие беспокойные времена.

Они решили между собой — Анне пора вернуться ко двору. Уже начали удивляться, куда она подевалась, к тому же отец хотел представить ее французским послам. Дядюшка перехватил меня на лестнице по дороге в покои королевы, чтобы предупредить — Анна возвращается.

— Почему? — спросила я так грубо, как только осмелилась. — Не далее как прошлой ночью Генрих говорил о своей мечте иметь сына. Она вернется и опять все испортит.

— А о твоём сыне он вспомнил? — напрямик спросил дядя. Я молчала. — Нет, дело застопорилось. Анна была права. Мы совершенно не продвигаемся вперед.

Угрюмо отвернувшись, взглянула в окно:

— А куда вас приведет Анна? Ей дела нет до блага семьи, печется только о собственной выгоде, о землях и титулах для себя. Она-то не станет слушаться.

Дядя кивнул, поглаживая крыло носа:

— Да, Анна о себе не забывает. Но король продолжает спрашивать о ней и жаждет ее куда больше тебя.

— У меня от него двое детей! — Я почти кричала.

Его брови взлетели вверх. Я опустила голову:

— Простите. Я сделала все, что могла. Разве Анна сделала бы больше? Я любила его, делила с ним ложе, родила ему здоровых детей. Это все, на что способна женщина, даже ваша драгоценная Анна.

— Может быть, она способна на большее. — Дядя не обратил внимания на злобу, так некстати прозвучавшую в моем голосе. — Если Анна забеременеет прямо сейчас, он может жениться на ней. Генрих отчаянно жаждет ее и отчаянно жаждет ребенка, одна страсть усилит другую.

— А я?

Он пожал плечами.

— Вернешься к Уильяму, — произнес, будто это не имело никакого значения.

Через пару дней Анна без шума вернулась ко двору, не прошло и нескольких часов, как она опять стала центром всеобщего внимания. Нам снова пришлось делить постель и досуг, снова я по утрам затягивала ей тесемки на платье, а вечером расчесывала волосы. Она не забыла, как вынуждена была помогать мне, и с тех пор беззастенчиво пользовалась моими услугами.

— Не боишься, что верну его обратно? — поинтересовалась как-то, причесывая сестру перед сном.

— Бояться тебя? — Самоуверенности Анне не занимать. — Да никогда. Это моя весна, и лето тоже мое. Он у меня по струнке ходить будет. От моих чар не избавиться. Ни ты, ни любая другая женщина не имеют значения. Я свела его с ума, теперь он мой.

— На весну и лето?

Анна взглянула задумчиво:

— Кто может удержать мужчину надолго? Сейчас он на гребне страсти, его несет волна любви, но в конце концов волна разобьется. Никто не может любить вечно.

— Если ты собираешься за него замуж, надо удержать его дольше чем на пару месяцев. Думаешь, удержишь на год? Или на два?

Я чуть не рассмеялась в голос, увидев, как самодовольное выражение сползает с ее лица.

— К тому времени, когда он получит свободу, если такое вообще случится, он уже успеет остыть. Любовь пойдет на спад. Он тебя почти забудет. Лучшие годы пройдут, будет тебе далеко за двадцать, останешься ты старой девой.

Анна упала на постель и стукнула кулаком по подушке.

— Не каркай, — сказала раздраженно. — Ворчишь, словно старая карга. Мало ли что может случиться. Мое будущее зависит от меня. Вот ваша любовь действительно на спаде, а ты слишком ленива, где тебе взять судьбу в свои руки. В отличие от тебя, я просыпаюсь каждое утро, чтобы идти своим собственным путем, и со мной любое чудо может произойти.

К маю переговоры почти завершились. Принцесса Мария выйдет замуж за французского короля или за его второго сына, как только достигнет брачного возраста. Решено устроить праздник — большой теннисный турнир, Анна, распорядительница, составляет списки играющих. Это непростая работа — записать имена придворных на небольших флажках, определить порядок игры. Король застал ее в раздумье над списком, один из флажков рассеянно прижат к груди.

— Что это у вас, миссис Болейн?

— Расписание теннисного турнира. Надо справедливо составить пары, чтобы знать — победил тот, кто действительно играет лучше всех.

— Я имел в виду — что это у вас в руке?

— Я и забыла, что держу флажок. Тут просто одно из имен. Надо разложить флажки по порядку.

— И кого из джентльменов вы прижимаете к себе?

Она ухитрилась покраснеть:

— Даже не знаю. Я не взглянула на имя.

— Вы позволите? — Король протянул руку, но Анна не отдала флажок.

— Какое это имеет значение? Я просто держала флажок в руке, думая, где его место. Позвольте укрепить его на доске, ваше величество, и мы сможем вместе посмотреть, кто с кем играет.

— Вы смутились, миссис Болейн, — насторожился король.

Она вспыхнула от гнева:

— Тут не из-за чего смущаться. Просто не хочу попасть в глупое положение.

— В глупое положение?

— Пожалуйста, позвольте мне закончить работу, тогда сможете дать совет, не надо ли что-нибудь изменить.

— Я хочу знать, какое имя написано на флажке.

На одно ужасное мгновение я подумала — она вовсе не играет, сейчас обнаружится, что наш брат Георг занимает лучшее место в турнирной таблице. Она так убедительно смутилась, так была расстроена его настойчивостью, даже я подумала — сестра попалась. Король ведет себя точь-в-точь как гончая, взявшая след. От него что-то скрывают, и душа его разрывается между любопытством и любовью.

— Я приказываю, — спокойно произнес король.

Анна неохотно вложила флажок в его протянутую руку, сделала реверанс и ушла с корта, не оглядываясь. Сначала она скрылась из виду, потом затих шелест платья и стук каблуков по мощеной дорожке, ведущей к замку.

Генрих разжал ладонь и взглянул на имя, написанное на флажке, который Анна прижимала к груди. Это было его собственное имя.

Теннисный турнир продолжался два дня. Анна успевала повсюду — смеялась, отдавала приказания, судила матчи, подсчитывала очки. Осталось провести четыре игры — король против Георга, мой муж Уильям Кэри против Франциска Уэстона, Томас Уайетт, недавно вернувшийся из Франции, против Уильяма Брертонна, и еще одна пара должна играть, когда все остальные отправятся обедать.

— Лучше убедись, что король не будет играть с Томасом Уайеттом, — сказала я Анне вполголоса, в то время как Генрих и наш брат Георг выходили на корт.

— Почему? — осведомилась она с невинным видом.

— Слишком сильное соперничество. Король хочет показать себя перед французскими послами, а Томас Уайетт — покрасоваться перед тобой. Думаешь, король мило примет поражение у всех на глазах?

Анна пожалала плечами:

— Он же придворный. Не забывает о главной игре.

— Какой еще главной игре?

— Не важно, играешь ли ты в теннис, участвуешь в турнире, стреляешь из лука или флиртуешь, главное — угодить королю. Вот для чего мы здесь собрались. И все это прекрасно знают.

Она наклоняется вперед. Георг на своем месте приготовился подавать, король внимательно следит за ним. Анна поднимает руку, роняет белый платок. Георг подает, удачно, мяч с треском отскакивает от нависающей крыши и падает как раз перед Генрихом. Король отбивает, мяч перелетает через сетку. Быстроногий Георг моложе

соперника на двенадцать лет, он гасит мяч, и Генрих поднимает руку, признавая поражение.

Король легко берет следующую подачу, мощно отбивает мяч, Георг даже не пытается его взять. Игра идет своим чередом, оба носятся по корту и со всей силы бьют по мячу, не давая противнику пощады и конечно же не поддаваясь. Георг неуклонно проигрывает, но делает это столь виртуозно, что ничего нельзя заподозрить, просто король отличный теннисист. На самом деле у короля действительно лучше техника, просто Георг движется вдвое быстрее. Георгу двадцать четыре, он в хорошей форме, а Генрих близок к середине жизненного пути и уже начинает полнеть.

К концу первого сета Георг посылает высокий мяч, Генрих тянется отбить его, чтобы выиграть очко, и вдруг со стоном падает на землю.

Дамы поднимают крик. Анна уже на ногах. Георг перепрыгивает через сетку и первым оказывается возле короля.

— Боже, что с ним? — спрашивает Анна.

Георг бледнеет:

— Нужен врач!

Паж торопится в замок, а мы с Анной открываем ворота и спешим на корт.

Король, багровый от боли, вцепляется мне в руку.

— Проклятие. Мария, избавься от всех этих людей.

Я поворачиваюсь к брату:

— Убери всех отсюда.

Король смущенно смотрит на Анну, и я понимаю — боль, которую он испытывает, ничто по сравнению с ударом по его гордости, ведь она видит, как он лежит на земле, едва сдерживая слезы.

— Ступай, Анна, — говорю я тихонько.

Она не спорит. Отходит к воротам, ждет, хочет услышать вместе со всем двором, что могло сбить короля с ног во время победного удара.

— Где болит? — настаиваю я. Боюсь, он покажет на грудь или живот, а может, повредил что-нибудь внутри или сердце дало сбой. Вдруг что-нибудь серьезное, непоправимое.

— Нога, — говорит он с трудом. — Так глупо. Упал. Сломал, наверно.

— Нога? — Я почти смеюсь от облегчения. — Боже мой, Генрих, я боялась, вы умрете.

Несмотря на боль, он усмехается:

— Умру? Раз я отказался участвовать в рыцарском турнире, так ты теперь думаешь, я могу погибнуть, играя в теннис?

Теперь я плачу от облегчения:

— Нет, конечно нет. Но вы так внезапно упали... Как громом пораженный...

— Пал от руки твоего брата, — говорит король, и теперь уже мы все трое стонем от смеха. Голова Генриха покоится у меня на коленях, Георг сжимает его руки, а король не знает, плакать или смеяться — нога болит, но уж очень курьезна мысль, что Болейн собирался предательски убить его теннисным мячом.

Французские послы собрались уезжать. Договор подписан, на прощанье намечается грандиозный бал-маскарад, который должен проходить в покоях королевы. Но ее мнения даже не спросили. Распорядитель праздника просто прибыл без приглашения и объявил волю короля — маскарад проведут в ее комнатах. Королева улыбнулась, как будто только и мечтала об этом, позволила снять мерку для занавесей, гобеленов, декораций. Придворные дамы в золотых и серебряных платьях будут танцевать с королем и его друзьями в маскарадных костюмах.

Интересно, сколько раз королева притворялась, что не узнает мужа под маской, сколько раз наблюдала, как он танцует с придворными дамами. Часто он вел меня в танце у нее на глазах, а сейчас мы вместе будем любоваться, глядя на него и Анну.

Она ничем не выдает своего возмущения, полагает — сама, как всегда, будет подбирать партнеров для танцев. Покровительствовать тому или другому — один из путей держать двор под контролем. Но распорядитель принес от короля список ролей для придворных дам, и Екатерина осталась ни с чем, пустое место в своем собственном доме.

К маскараду готовились целый день, и королеве негде даже присесть, пока к деревянным панелям на стенах прибивают драпировки. Она удалилась во внутренние покои, а дамы остались — примерять платья и упражняться в танцах, хотя из-за стука музыку едва слышно. Чтобы избежать беспорядка и шума, королева рано отправилась спать, а мы веселились допоздна.

На следующий день французских послов пригласили к обеду. Королева сидела по правую руку от Генриха, но он глаз не сводил с Анны. В полдень трубы дали сигнал, и, шагая в ногу, как солдаты на параде, в зал вошли слуги в сияющих ливреях, внесли блюда, одно за другим, сначала к главному столу, потом ко всем остальным. Пир отличался несоразмерной пышностью, каких только яств не наготовлено, на столе разное диковинное зверье, выпотрошенные и зажаренные туши показывают богатство короля и изобилие королевства. Кульминация праздника — блюдо из птицы, причудливая башня, украшенная павлиньими перьями. Павлины, начиненные лебедями, у тех животы набиты цыплятами, а у тех, в свою очередь, — жаворонками. Нелегкая задача — отрезать кусок от каждой птицы, не нарушая красоту целого блюда. Генрих попробовал все, но я заметила, Анна не съела ни кусочка.

Король поманил пальцем слугу, что-то прошептал ему на ухо и послал Анне самое сердце парадного блюда — жаворонка. Она изумленно взглянула на короля, как будто до этого не следила за каждым его движением, улыбнулась, кивнула, попробовала. Генрих смотрит, как Анна кладет в рот крошечный кусочек, и просто трепещет от страсти.

После обеда королева с придворными дамами разошлись по своим комнатам, чтобы переодеться. Мы с Анной помогаем друг другу втиснуться в узкие корсажи шитых золотом платьев, Анна жалуется на слишком тугую шнуровку.

— Объелась жаворонками? — спрашиваю я без всякого сочувствия.

— Но ты видела, как он на меня смотрел?

— Не я одна.

Она сдвинула свой французский чепец на затылок, открывая волосы, поправила золотую подвеску в виде буквы «Б», которую всегда носила на шее.

— Что ты видишь, когда я так надеваю чепец?

— Твою самодовольную рожу.

— Ты видишь лицо без единой морщинки, блестящие темные волосы без намека на седину. — Она отступила от зеркала, любясь золотым платьем. — Одетая, как королева.

Раздался стук, Джейн Паркер просунула голову в дверь и жадно спросила:

— Секретничаете?

— Вовсе нет. Мы уже готовы.

Она проскользнула в комнату. Низко вырезанное, приоткрывающее грудь серебряное платье опущено еще ниже, на голове серебряный чепец. Взглянув на Анну, Джейн тут же подскочила к зеркалу и тоже сдвинула свой чепец на затылок. Анна подмигнула мне у нее за спиной.

— Он тебя из всех выделяет, — тихонько шепнула она Анне. — Он без ума от тебя.

— Кто бы сомневался!

Джейн повернулась ко мне:

— А ты не ревнуешь? Странно, наверно, делить постель с человеком, влюбленным в твою сестру?

— Нет, — отрезала я.

Ничто не может остановить эту женщину. Ее измышления — как липкий след улитки.

— Все-таки это очень странно. Ты вылезаеть из его постели и возвращаешься к Анне. Вы лежите рядом, обнаженные. Наверно, он мечтает как-нибудь прийти к вам в комнату и взять вас обеих разом.

Ну, это уже слишком!

— Прекрати болтать, ты оскорбляешь его величество. Что за грязные у тебя мысли!

Ее улыбочка более уместна в публичном доме, чем в комнате придворной дамы.

— Знаю я, что за мужчина приходит сюда ночью навестить очаровательных сестричек, когда они уже легли, — мой ненаглядный муженек. Ночью его можно застать где угодно, только не в моей постели.

— И кто его за это осудит? — выпалила Анна. — По мне, уж лучше с червяком спать, чем слушать твои нашептывания. Ступай отсюда, Джейн Паркер, отправляйся туда, где твои мерзкие слова и грязные мысли более уместны. А мы идем танцевать.

Едва дождавшись отъезда французских послов, в тишине и тайне, кардинал Уолси собрал секретный суд, куда вызвал свидетелей, истцов и ответчиков. Сам он, конечно, был судьей. Уолси, разумеется,

действовал согласно своим соображениям, ему не нужны чьи-либо указания. Таким образом, развод может быть осуществлен по требованию Папы, а отнюдь не по просьбе короля. Удивительным образом, этот суд действительно остался тайным. Никто, кроме гонцов, потихоньку плывущих вниз по реке в Вестминстер, о нем не знал. Ни матушка, так пекущаяся о благе семьи, ни дядя Говард, искусный шпион, ни я, разомлевшая в постели короля, ни Анна, окруженная его доверием. И самое важное, ничего не знала даже королева. Три дня обсуждался брак ни в чем не повинной женщины, а она об этом и не подозревала.

Дело в том, что кардинал Уолси собирался привлечь к суду самого Генриха за незаконное сожителство с женой покойного брата Артура. Обвинение серьезное, а судилище совершенно нелепое. Они, должно быть, щипали себя, проверяя, не сон ли это, пока их приводили к присяге, а король, покаянно склонив голову на скамье подсудимых, выслушивал обвинение от своего собственного лорд-канцлера. Генрих признался, что вступил в брак с женой брата на основании ошибочного разрешения Папы. Он заявил, что в то время и потом имел «тяжкие сомнения». Уолси, глазом не моргнув, отдал распоряжение представить дело беспристрастному суждению папского легата — и король согласился, потом назначил адвоката и отказался от передачи дела в уголовный суд. Заседание длилось три дня, были вызваны богословы, чтобы засвидетельствовать — жениться на вдове брата незаконно. Дядина шпионская сеть наконец-то напала на след тайного суда, и он узнал о допросе, учиненном Линкольнскому епископу. Тут же вызвал нас, Анну, Георга и меня, в Виндзор.

— Развод — но с какой целью? — Его голос дрожит от волнения.

У Анны дыханье перехватило от таких новостей.

— Он пошел на это ради меня. Хочет расторгнуть брак с королевой и жениться на мне.

— Он уже сделал предложение? — Дядя попал прямо в точку, но Анна твердо выдержала его взгляд.

— Нет, конечно, как он мог. Но спорю на что угодно, он сделает мне предложение в ту же минуту, как избавится от королевы.

Дядя кивает:

— Как долго сможешь его удерживать?

— А как долго это продлится? — в свою очередь спрашивает Анна. — Заседание суда, приговор, расторжение брака с королевой, король наконец свободен, и *voila*. Вот и я!

Против воли дядюшка улыбается ее самоуверенности.

— *Voila*. Вот и ты, — соглашается он.

— Значит, вы согласны, все затеяно ради меня. — Похоже, они столковались. — Мария оставит двор или останется, как я решу. Семья поддерживает меня. Все только ради моего блага. Выбора у вас нет. Марии не вернуться к прежнему положению, нет смысла ей помогать. Я — единственная сестра Болейн, которую мы продвигаем вперед.

Дядя смотрит на отца. Отец переводит взгляд с одной дочери на другую и пожимает плечами.

— Что-то я сомневаюсь в обеих, — заявляет он без обиняков. — Будьте уверены, он метит выше. Конечно, у Марии нет шансов. Ее лучшая пора позади, король к ней охладел.

Меня в дрожь бросает от его равнодушного разбора. Но отец даже не смотрит в мою сторону. Это деловой вопрос.

— Ясно, он не женится на Марии, но неужели его страсть к Анне настолько сильна, чтобы выбрать ее, а не французскую принцессу?

— Так кого мы поддержим? — спрашивает дядя.

— Анну, — советует мать. — Он без ума от Анны. Если бы он мог избавиться от жены в течение месяца, непременно женился бы на Анне.

Дядя смотрит то на меня, то на сестру, будто яблоко выбирает.

— Пусть будет Анна, — произносит он наконец.

Она даже не улыбнулась. Просто вздохнула с облегчением.

Дядя отодвигает кресло, поднимается на ноги.

— А мне что делать? — некстати спрашиваю я.

Все смотрят на меня с удивлением, как будто забыли о моем присутствии.

— Должна я лечь с королем в постель, когда он позовет, или лучше отказаться?

Дядя колеблется. И тут я чувствую превосходство сестры. Дядя, глава семьи, источник власти в моем мире, смотрит на Анну и ждет ее решения.

— Отказываться нельзя, — говорит наконец Анна. — Не к чему королю отвлекаться на какую-нибудь новую девку. Мария останется

его любовницей — по ночам, а в меня он будет все больше и больше влюбляться днем. Только будь скучной, как настоящая жена.

— А если у меня не получится? — обижаюсь я.

— Ты недооцениваешь себя. — Лукавая улыбка, мелодичный смех. — Иногда ты неподражаемо скучна.

Дядя прячет улыбку, я чувствую, что краснею. Георг крепко обнимает меня за плечи, как бы предостерегая — протестовать не в моих интересах.

Дядя кивком отпускает нас. Анна идет к двери, я за ней. Опустив глаза, следую за подолом ее платья, всегда боялась, что так и будет. Анна выводит нас из дома на солнечный свет, подходит к валу для стрельбы из лука, откуда открывается чудный вид на сад, на террасы, круто спускающиеся ко рву с водой, на городок вдаль, на реку. Я едва замечаю, как Георг берет меня за руку. Ярость душит, сестрица опять отодвинула меня в сторону. Моя собственная семья решила — Мария должна быть шлюхой, а Анна женой.

— Стану королевой, — мечтательно тянет Анна.

— А я — королевским зятем, — подхватывает Георг, но в голосе нет уверенности.

— А со мной что будет? — фыркаю я. Больше не фаворитка, не центр двора, потеряно положение, которого добивалась с двенадцати лет. Кто я теперь — брошенная любовница?

— Ты будешь моей придворной дамой, — нежно обещает Анна. — Другой сестрой Болейн.

Никому не известно, знает ли королева об уготованном ей несчастье. В эти весенние дни казалось, она сделана из льда и камня, а тем временем кардинал Уолси ездит по Европе — ищет у университетских богословов свидетельств против женщины, на совести которой нет ни единого греха. Словно бросая вызов судьбе, Екатерина принялась вышивать еще одну престольную пелену в пару той, что начала раньше. Работа может занять годы — и всех придворных дам. Каждый шаг, каждое движение, даже шитье должно показать миру — она живет и умрет королевой Англии. Ни один король еще не оставлял жену.

Королева попросила меня помочь вышить небо над головами ангелов. Рисунок скопирован с картины одного из флорентийских художников, в весьма новом стиле, соблазнительные округлые тела

едва прикрыты крыльями, выразительные лица пастухов сияют от радости подле яслей. На картину приятно смотреть, люди как живые. Но я с удовольствием думала — не мне корпеть над этими мелкими деталями. Не успеем мы приняться за вышивку неба, как Уолси вынесет приговор, Папа скрепит его, состоится развод, она отправится в монастырь, пусть монашенки вышивают перышки на крыльях, а мы, Болейны, тем временем поставим капкан на короля-холостяка.

Длинная нитка голубого шелка кончилась, а я вышила только крошечный квадратик неба. Поднесла иголку к свету, чтобы вдеть новую нитку, и заметила в окне темноволосую голову брата. Он пробежал по краю рва и пропал из виду. Я вытянула шею, чтобы разглядеть, куда он торопится.

— Что там, леди Кэри? — равнодушно спросила королева у меня за спиной.

— Мой брат. Можно спуститься к нему, ваше величество?

— Хорошо, Мария, — спокойно разрешила королева. — Если новости важные, иди сразу ко мне.

Прямо с иголкой в руках я поспешила по каменной лестнице вниз. Георг как раз ворвался в парадную залу.

— Что случилось?

— Мне нужен отец, срочно. Папа ^[23] взят в плен.

— Что?

— Где отец? Где он?

— Может, с секретарями?

Георг развернулся и бросился в кабинет, я за ним. Схватила за рукав, он вырвался.

— Георг, погоди, кем взят в плен?

— Армией Испании. Говорят, наемники на службе Карла Испанского вышли из-под контроля, разграбили Святой город и взяли в плен Его Святейшество.

Я застыла как столб.

— Его, конечно, освободят. Так не может быть...

Мне не хватает слов. Георг нетерпеливо переминается с ноги на ногу.

— Сама подумай, — начал он объяснение. — Что значит — Папа взят в плен? Что это значит?

Я покачала головой.

— Святой отец в опасности, — произнесла я беспомощно. — Как это можно взять Папу в плен?

Георг рассмеялся:

— Какая ж ты дурочка!

Схватил меня за руку и потащил вверх по лестнице к отцовскому кабинету. Забарабанил в дверь, заглянул в комнату:

— Мой отец здесь?

— Он с королем, — ответили из кабинета, — во внутренних покоях.

Георг повернулся на каблуках и бросился обратно вниз. Я за ним, подобрал юбки:

— Георг, объясни!

— Кто может дать согласие на развод короля?

Брат помедлил на повороте лестницы, темные глаза горят от волнения. Я замерла на ступеньку выше.

— Только Папа, — произнесла запинаясь.

— Кто захватил Папу?

— Ты сказал, Карл Испанский.

— А чей он племянник?

— Королевы.

— Думаешь, Папа сможет теперь одобрить развод?

Я молчала, раскрыв рот. Георг шагнул ко мне, поцеловал в губы.

— Глупышка, — тепло шепнул брат. — Это пагубные новости для короля. Никогда ему не освободиться от жены. Все пошло скверно, и нам, Болейнам, тоже несладко придется.

Хотел бежать дальше, но я схватила его за руку.

— А чему ты-то радуешься, если все пропало?

Рассмеялся мне в лицо, выкрикнул:

— Я не радуюсь, я взбешен. Поверил в нашу безумную идею. Анна — его жена, новая королева Англии! Но теперь, благодарение Богу, я пришел в себя. Пусти меня, надо найти отца. Я узнал новости от лодочника, он вез письмо Уолси. Отец узнает обо всем раньше кардинала!

Его было не удержать. Топот ног по ступеням, грохот двери, шум стремительных шагов по каменному полу парадной залы, визг попавшейся под ноги собачонки, скрип закрывающейся двери. Я осела на ступеньки там, где он меня оставил, игла для вышивания так и

зажата в руке. Значит, власть вернется к королеве? И что будет с нами, Болейнами?

Я не спросила Георга, можно ли передать новости королеве, и рассудила — безопаснее ничего не говорить. Вытерла лицо, поправила корсаж, постаралась успокоиться.

Королева уже все знает. Шитье отложено в сторону, она стоит у окна и смотрит вдаль, будто может видеть Италию, где юный племянник, обещавший любить и почитать ее, триумфально въезжает в Рим. Мой ошеломленный вид ее смешит.

— Вы уже слышали?

— Да. Брат как раз сообщает новости отцу.

— Это все изменит. Абсолютно все.

— Знаю.

— Ваша сестра попадет в трудное положение, — говорит она лукаво.

Не могу сдержать смех.

— Недаром она называет себя девой, носимой бурей. — Я давлюсь хохотом.

Королева прикрывает рот рукой:

— Анна Болейн? Носимая бурей?

Я киваю:

— Подарила ему камею с девушкой в лодке во время бури.

Королева закусила палец.

— Тише!

Шум за дверью, кто-то идет. В одно мгновение королева вернулась к пяльцам, склонилась над вышиванием, мрачное лицо почти скрыто тяжелым плоеным чепцом. Кивнула мне — возвращайся к работе. Иголка с ниткой все еще у меня в руке, и когда стража распахивает двери, мы с королевой усердно, в полном молчании трудимся.

Вошел король, один. Увидев меня, на мгновение замер, но все-таки вошел, вроде не против моего присутствия при разговоре с той, кто долгие годы была его женой.

— Ваш племянник совершил тягчайшее преступление, — вот так, без предисловий, голос полон гнева.

Она подняла голову, сделала реверанс:

— Ваше величество!

— Можно сказать, тягчайшее из преступлений.

— Что именно он сделал?

— Его солдаты лишили свободы Его Святейшество. Богохульное деяние, грех против самого святого Петра.

Легкая тень неудовольствия пробежала по ее усталому лицу.

— Ручаюсь, он скоро освободит Его Святейшество и вернет его на престол. Как же иначе?

— Сомневаюсь. Пока Папа в его власти, он держит всех нас в руках. Играет с нами как кошка с мышкой! Вертит нами как хочет!

Королева снова склонилась над вышиванием, но я глаз не могу отвести от Генриха. Таким я его еще никогда не видела. Все привыкли к его бешеному гневу, крику, налитым кровью глазам, но сейчас было нечто совсем другое. Холодная ярость взрослого человека, с восемнадцати лет привыкшего, что все ему подчиняются.

— Карл очень честолюбивый молодой человек, — мягко заметила королева. — Совсем как вы в его возрасте.

— Я не стремился командовать всей Европой и ставить палки в колеса тем, кто сильнее меня, — язвительно возразил король.

Екатерина улыбнулась. Ненавязчивая, но постоянная уверенность в себе и тут ей не изменила.

— Вы правы. Но все-таки вам не кажется, это похоже на божественное вмешательство?

Дядюшка решил — мы ничем не показываем, что потерпели неудачу. Для нас, Болейнов, ничего не изменилось, ничего еще не потеряно. Смех, музыка, флирт по-прежнему продолжают в комнатах Анны, и никто не вспоминает, что это мои комнаты, выделенные мне, убранные для меня. Если королева стала похожа на привидение, я превратилась в призрак. Мы с Анной по-прежнему делим спальню, но теперь она реальность, а я тень. Анна приглашает составить партию в карты, Анна зовет на бокал вина, Анна поднимает глаза и самоуверенно улыбается, когда король входит в комнату.

Что я могу сделать? Только с улыбкой уступить сестре первое место. Король спит со мной, но днем всецело принадлежит ей. В первый раз за долгое время с нашего первого свидания я почувствовала себя настоящей шлюхой, и это моя собственная сестра так меня опозорила.

Королева теперь большую часть времени остается одна. Вышивает престольную пелену, проводит долгие часы в молитве, постоянно встречается со своим духовником Джоном Фишером, Рочестерским епископом. Много часов подряд проводит он с королевой, а потом, мрачен и молчалив, покидает ее покои. Мы наблюдаем, как он спускается по мощеной дороге к реке, чтобы сесть в лодку, и смеемся над его медленной походкой. Он всегда идет опустив голову, словно под грузом мыслей.

— Видно, у нее грехов больше, чем у самого дьявола, — заметила как-то Анна.

Присутствующие замерли, ожидая острого словца.

— Почему ты так думаешь? — подыграл Георг.

— Ведь она исповедуется каждый день! Один Бог знает, что совершила эта женщина, но она проводит за исповедью больше времени, чем я за обедом!

Взрыв подобострастного смеха. Анна хлопает в ладоши, приказывает музыкантам начать играть. Пары выстраиваются для танца. Я остаюсь у окна, слежу, как епископ удаляется от дворца, от королевы, размышляю — действительно, что эти двое могут обсуждать так долго. Возможно ли — королева точно знает о планах Генриха. Неужели она надеется повернуть церковь, истинную церковь Англии против короля?

Я протолкалась между танцующими, отправилась в покои королевы. В последнее время тут царит тишина. И сегодня из окон не льется музыка, двери закрыты, а должны быть распахнуты настежь для посетителей. Отворила дверь и вошла.

Передняя комната пуста. Престольная пелена брошена на кресле, небо вышито лишь наполовину, оно не будет закончено, пока королеве некому помочь. Интересно, каково ей сидеть тут одной, глядя на ярды и ярды еще не вышитой материи? Огонь в камине потух, в комнате холодно. У меня появилось мрачное предчувствие. На миг подумалось — вдруг ее увели? Глупая мысль, кто посмеет арестовать королеву? Но первая мысль — тишина и пустота комнаты могут значить только одно: Генрих внезапно принял решение и, не в силах больше ждать ни минуты, послал за королевой стражу.

Тихий звук, тоненький, как всхлипывания ребенка, донесся из спальни.

Такой плач никого не оставил бы равнодушным. Не рассуждая, я открыла дверь и вошла.

Королева на коленях возле кровати, будто молится. Зарылась лицом в покрывало, чепец сбился. Зажала рот, но не может унять страшные, душераздирающие рыдания. Король стоит над ней, руки в боки, словно палач на зеленой лужайке в Тауэре. Оглянулся через плечо на звук открываемой двери, заметил меня, но как будто не узнал. Мрачное бледное лицо человека, выведенного из себя.

— Заявляю вам, наш брак незаконен, поэтому должен быть и будет аннулирован.

Она подняла залитое слезами лицо:

— Мы получили особое разрешение.

— Папа не может идти против Божьего закона, — отрезал Генрих.

— Это не Божий закон... — прошептала королева.

— Довольно споров, мадам, — прервал Генрих, боясь, что она его переспорит. — Смиритесь, вы больше не королева и не жена мне. Уступите дорогу другим.

— Это невозможно. Не важно, чего я хочу. Я — ваша жена и королева. Этого не отменишь.

Не в силах видеть ее мучения, он шагнул прочь и уже в дверях добавил:

— Вы слышали все, что я собирался сказать, из моих собственных уст. Вам не на что жаловаться, я честен с вами. Но будет так, как я решил.

— Я любила вас долгие годы, — прорыдала она вслед. — Отдала вам всю себя. Скажите, чем я оскорбила вас, чем не угодила?

Генрих уже на пороге. Я вжалась в стену, чтобы пропустить его, но он не мог не ответить на страстную мольбу королевы.

— Вы должны были родить мне сына, — произнес он просто. — А вы этого не сделали.

— Я старалась! Видит Бог, Генрих, я старалась! Я родила сына, и не моя вина, что он умер. Бог захотел видеть нашего маленького принца на небесах, это же не моя вина!

Боль, звучащая в ее голосе, потрясла короля, но не остановила.

— Вы должны были родить мне сына, — повторил он. — Мне необходим сын — ради Англии.

Лицо Екатерины сурово.

— Надо смириться с Божьей волей.

— Но сам Бог внушил мне эту мысль. — Он уже кричал. — Бог повелел покончить с поддельным, греховным браком и начать сначала. И у меня будет сын, я знаю, Екатерина. А вы...

— Да, я. — Она вскинулась, как борзая, взявшая след. — Что со мной? Монастырь? Старость и смерть? Я испанская принцесса и английская королева. Что вы можете предложить взамен?

— Это воля Божья, — повторил король.

Ее смех звучал страшнее рыданий.

— Божья воля оставить законную жену и жениться неизвестно на ком? На девке? На сестре девки?

Я окаменела. Генрих прошел мимо меня и уже из другой комнаты выкрикнул:

— Божья воля и мое желание.

И дверь захлопнулась.

Я крадучись отступила назад, от души надеясь, что королева меня вообще не заметила, ведь я видела ее рыдания, слышала, как она назвала меня девкой. Но она отняла руки от лица и сказала просто:

— Помогите мне, Мария.

Я подошла. Впервые за семь лет она при мне попросила о помощи. Протянула руки, чтобы я помогла ей подняться. С трудом держится на ногах, глаза красные от слез.

— Вам надо отдохнуть, ваше величество.

— Некогда отдыхать. Доведите меня до молитвенной скамеечки и подайте четки.

— Но, ваше величество...

— Мария, — голос хриплый от недавних рыданий, — он меня уничтожит, лишит наследства нашу дочь, погубит страну, пошлет свою бессмертную душу прямиком в ад. Я должна помолиться за него, за себя, за Англию. А потом надо будет написать племяннику.

— Ваше величество, письмо до него не дойдет.

— У меня есть тайные пути.

— Не пишите ничего, что может обернуться против вас.

Замолчала, услышав страх у меня в голосе. Делано улыбнулась, но улыбка вышла горькой.

— Неужели может быть хуже, чем сейчас? Меня нельзя обвинить в измене, я — королева Англии, я и есть сама Англия. Наш брак нельзя

расторгнуть, я — жена короля. Он сошел с ума этой весной, но осенью придет в себя и вернется. Все, что нужно, — пережить лето.

— Лето Болейнов. — Я вспомнила Анну.

— Лето Болейнов, — повторила королева, — не продлится дольше одного сезона.

Она сжала обитую бархатом подушку на молитвенной скамеечке, руки в старческих пятнах, я поняла — в этом мире она больше ничего не видит и не слышит, она рядом с Богом. Я тихонько вышла и затворила за собой дверь.

Георг притаился в темноте передней комнаты, как наемный убийца.

— Дядя ждет.

— Я не могу. Извинись за меня.

— Идем.

Ступила в полосу света, льющегося из распахнутого окна, яркие огни ослепили меня. Кто-то пел, Анна беззаботно смеялась.

— Умоляю, Георг, скажи, что не нашел меня.

— Он знает, ты у королевы. Меня послали дожидаться, когда ты выйдешь. Когда бы это ни случилось.

Покачала головой:

— Не могу предать ее.

В три шага брат пересек комнату, сжал мой локоть и повел к двери. Он шел так быстро, что я даже бегом с трудом за ним поспевала, а на лестнице не оступилась только благодаря тому, что он сжимал мою руку как в тисках.

— Из какой ты семьи? — спросил брат, стиснув зубы.

— Болейн.

— Кто твоя родня?

— Говарды.

— Где твой дом?

— Гевер и Рочфорд.

— Страна?

— Англия.

— Кто твой король?

— Генрих.

— Вот и служи им. В таком порядке. Разве я назвал испанскую королеву в этом списке?

— Нет.

— Запомни это!

Я пыталась возражать, но он продолжал яростным шепотом:

— Каждый день жертвую собой ради семьи, хожу на задних лапках то перед одной сестрой, то перед другой, угождаю королю. Отрекаюсь от своих желаний, от своих чувств, от своей души! Сам себя не понимаю. Вот и пришли.

Он втолкнул меня в комнату дядюшки, даже не постучавшись. Дядя сидел за столом, свет из окна падал на бумаги, на букет ранних роз. Сразу заметил, как тяжело я дышу, как расстроена.

— Мне необходимо знать, что произошло между королем и королевой. — Он не тратил время на предисловия. — Служанка сказала, ты была там.

Кивнула:

— Услышала ее плач и вошла.

— Она плакала? — осведомился недоверчиво.

Снова кивнула.

— Расскажи.

Я молчала. Властно взглянул на меня. Острый, пронизательный взгляд карих глаз. Повторил еще раз:

— Расскажи.

— Король объявил, что стремится к признанию брака недействительным, как не имеющего законной силы.

— А она?

— Попрекнула его Анной, а он не отрицал.

Жестокая радость вспыхнула в его глазах.

— Что она делала, когда ты уходила?

— Молилась.

Дядя встал из-за стола, обошел меня, заботливо взял за руку.

— Ты ведь захочешь повидать детей этим летом, правда, Мария?

У меня закружилась голова от тоски по Геверу, по моей маленькой Екатерине, по малышу. Закрыла глаза, на миг как будто увидела их, обняла. Ощутила сладкий младенческий запах чистых волос, нагретой солнцем кожи.

— Поможешь нам — разрешу провести в Гевере все лето, пока двор будет путешествовать. Все лето будешь одна с детьми, никто тебя не побеспокоит. Твое дело будет закончено, и я избавлю тебя от двора.

Но ты должна помочь мне, Мария. Скажи мне точно, какие, по-твоему, планы у королевы.

— Она собирается писать своему племяннику. Сказала, знает путь, как доставить ему письмо.

— Надеюсь, ты разузнаешь, как это она переписывается с Испанией, и сообщишь мне. Сделаешь — пробудешь с детьми на неделю больше.

Вернулся за стол, занялся бумагами, бросил небрежно:

— Можешь идти.

Когда я вошла, королева сидела за столом и писала.

— А, леди Кэри, пожалуйста, зажгите еще одну свечу, плохо видно.

Я поставила подсвечник ближе к ее бумагам. Королева писала по-испански.

— Пошлите за сеньором Фелипесом, у меня к нему поручение.

Я медлила, но королева, подняв глаза от письма, коротко кивнула.

— Сходите за сеньором Фелипесом, — приказала я слуге, дежурившему у двери.

Он тут же появился. Хранитель посуды и столового белья, человек средних лет, он приехал из Испании вместе с Екатериной перед ее замужеством, да так и остался у нее на службе. Несмотря на английскую жену и английских детей, не утратил ни испанского акцента, ни любви к Испании.

Я провела его в комнату.

— Оставьте нас, — попросила королева.

Успела заметить — письмо сложено и запечатано ее собственным кольцом с изображением граната с герба Испании.

Я уселась ждать возле окна. Когда он прошел мимо меня, пряча письмо под камзолом, устало отправилась искать дядю Говарда, чтобы рассказать обо всем.

Сеньор Фелипес уехал на следующий день. Дядя нашел меня на извилистой дорожке, ведущей вверх к Виндзорскому замку.

— Можешь отправляться в Гевер, ты хорошо поработала.

— Правда?

— Мы схватим сеньора Фелипеса в Дувре, когда он будет садиться на корабль, плывущий во Францию. Достаточно далеко от дворца, до королевы новость не дойдет. Письмо к племяннику попадет

к нам в руки, ее ждет гибель. Государственная измена налицо. Уолси в Риме, королеве придется согласиться на развод, чтобы спасти свою шкуру. Король освободится для нового брака. Этим же летом!

А королева верит, достаточно продержаться до осени, и все наладится.

— Обручение летом, свадьба и коронация по возвращении в Лондон, осенью.

Застыла от леденящей мысли: сестра — королева Англии, я отставная королевская шлюха.

— А я? — сглотнула комок в горле.

— Сейчас поедешь в Гевер. Когда Анна станет королевой, вернешься ко двору, надо будет, чтоб ее окружали члены семьи. Но пока ты свое дело сделала.

— Разрешаете уехать сегодня? — вот и все, что я спросила.

— Если найдешь кого-нибудь, кто тебя отвезет.

— Можно попросить Георга?

— Да.

Сделала реверанс и, ускорив шаг, продолжила путь вверх по дорожке.

— Ты молодец, с Фелипесом получилось удачно, мы смогли выиграть время, — сказал дядя мне вслед. — Королева думает, помощь близка, и не знает, что по-прежнему в одиночестве.

— Всегда рада служить делу Говардов.

Лучше, чтобы никто не подозревал, как я мечтаю похоронить всех, кроме Георга, Говардов разом, в большом семейном склепе и никогда о них не вспоминать.

Брат только что вернулся с конной прогулки с королем и не желал снова садиться в седло.

— Голова раскалывается. Пил и играл всю прошлую ночь. Франциск невыносим... Не поеду сегодня в Гевер, мне этого не вынести.

Взяла его руки в свои и заставила взглянуть мне в лицо. В глазах стоят слезы, сдерживать их уже нет сил.

— Ну пожалуйста, что, если дядя передумает? Помоги мне, отвези меня в Гевер к детям.

— Прошу тебя, не плачь. Не могу видеть твоих слез. Конечно, я отвезу тебя. Пошли кого-нибудь на конюшню оседлать лошадей, мы

выезжаем сейчас же.

Я побежала собрать необходимые вещи в сумку и велеть увязать сундук, чтобы отправить следом на повозке, застала Анну в нашей комнате.

— Куда это ты?

— В Гевер. Дядя Говард разрешил.

— А я как же?

Ее безнадежный тон заставил меня взглянуть пристальнее.

— Ты? Ты получаешь все. Боже милостивый, чего еще тебе надо?

Она упала на табурет перед маленьким зеркалом, уронила голову на руки и уставилась на свое отражение.

— Он любит меня. Просто с ума по мне сходит. Я трачу все время, чтобы манить его к себе и отталкивать прочь. Во время танца чувствую его возбуждение. Он страстно хочет меня.

— Так что же?

— Его надо поддерживать в таком состоянии, как соус на медленном огне. Доведешь до кипения — сама ошпаришься до смерти. Если он перегорит, что станет со мной? Остынет и отправится к другой. Надо же ему свой хрен куда-то макать. А соперницы мне ни к чему. Вот поэтому ты мне и нужна здесь.

— Свой хрен куда-то макать? — Она, право, становится хуже базарной торговки.

— Да.

— Обойдешься без меня. Всего-то на пару недель. Дядя сказал — обручение летом, свадьба осенью. А я сделала свое дело и могу быть свободна.

Она даже не спросила, что это за дело. Сестра всегда была похожа на фонарь с опущенными заслонками — светит только в одном направлении. На первом месте — Анна, потом Болейны, потом Говарды. Она не нуждалась в катехизисе Георга. Это мне надо было напоминать о преданности семье, она сама знала, в чем ее интерес.

— Пару недель я выдержу. А потом получу все!

Лето 1527

С тех пор как Георг уехал из Гевера, я ничего не слышала ни о нем, ни об Анне. В эти солнечные летние дни двор совершал поездку по Англии, но мне было все равно. У меня дети, дом, никто не следит — не бледна ли я, не умираю ли от зависти. Никто не обсуждает у меня за спиной, лучше я выгляжу, чем сестра, или хуже. Свободна от двора, от постоянной борьбы между королем и королевой. Но самое лучшее — свободна от постоянного ревнивого счета между мной и Анной.

Дети в таком возрасте, когда день пролетает быстро, наполненный мелкими делами. Мы ловили рыбу во рву на кусочки бекона на ниточке. Седлали охотничью лошадь, и каждый из детей катался по очереди, снаряжали экспедиции через подъемный мост в сад за цветами и фруктами, закладывали повозку, высланную сеном, я сама брала поводья и правила до самого Эденбриджа, чтобы выпить глоток эля на постоялом дворе. Смотрела, как они преклоняют колени на мессе, как округляют глаза, когда священник поднимает облатку. Наблюдала, как они засыпают вечером, видела их разгоряченную солнцем кожу, тень от длинных ресниц на пухлых щечках. Я напрочь забыла о существовании двора, короля, фаворитов.

Потом, в августе, пришло письмо от Анны. Его принес самый доверенный слуга, Том Стивенс, он родился и вырос в Торнбридже.

— От моей госпожи вам лично в руки, — сказал он, преклонив передо мной колени в обеденной зале.

— Спасибо, Том.

— И чтобы никто, кроме вас, его не видел.

— Хорошо.

— Никто и не увидит, потому что я буду сторожить, пока вы читаете, а потом брошу письмо в огонь, и мы убедимся, что оно сгорело дотла.

Я улыбнулась, но почувствовала беспокойство.

— Сестра здорова?

— Как сыр в масле катается.

Я сломала печать и развернула письмо.

Порадуйся за меня, моя судьба решена окончательно. Свершилось! Я стану королевой Англии. Он сделал предложение сегодня вечером, обещал развестись не позже чем через месяц. Уолси обрабатывает Папу. Сразу же попросила отца и дядю соединить нас, сказала — хочу разделить радость с семьей, так что есть свидетели, и он не сможет улизнуть. Пока не могу носить его кольцо открыто, но оно у меня есть, обручальное кольцо, и король поклялся быть моим. Король пойман, судьба королевы решена, ниспровергнут порядок вещей. Ничему больше не останется прежним — ни для одной женщины в Англии!

Мы поженимся сразу же, как только Уолси пришлет весточку, что брак аннулирован. Королева узнает обо всем накануне свадьбы и ни днем раньше. Отправится в испанский монастырь, не желаю терпеть ее в своей стране.

Будь счастлива за меня и всю семью. Не забуду твоей помощи, так что ты всегда найдешь настоящего друга и любящую сестру в Анне, королеве Англии.

Опустила письмо на колени, глядя на тлеющие угли в камине. Том сделал шаг вперед.

— Уже можно сжечь?

— Позволь прочесть еще раз.

Отступил, но мне незачем перечитывать взволнованные чернильные каракули, и так помню, о чем письмо. Ее победа кричит из каждой строчки. Жизнь любимицы английского двора для меня закончена. Анна выиграла, а я проиграла, для нее начнется новая жизнь. Станет, как уже подписалась, Анной, королевой Англии. А я буду почти ничем.

— Вот и все, наконец-то, — шепчу едва слышно. Вручаю Тому письмо, он сует его в самую глубь камина, в горящие угли. Бумага коробится от огня, бурет, чернеет, но все еще можно разобрать: *«Ниспровергнут порядок вещей. Ничему больше не останется прежним — ни для одной женщины в Англии!»*

Мне не нужно держать письмо в руках, чтобы вспомнить его тон. Анна торжествует, и она права. Все изменится для женщин в нашей стране. С этого времени ни одна жена, даже самая покорная и любящая, не может чувствовать себя спокойно. Если такая женщина,

как Екатерина, королева английская, покинута безо всякой причины, что же говорить обо всех остальных.

Письмо ярко вспыхивает, горят желтые язычки пламени, и вот уже остался только мягкий белый пепел. Том перемешивает его кочергой.

— Спасибо, — говорю я. — Ступай на кухню, тебя накормят.

Выуживаю серебряную монету из кармана, даю ему. Он кланяется и уходит, оставляя меня наблюдать, как частички пепла поднимаются в трубу вместе с дымом и улетают в ночное небо, видимое через широкую арку из покрытых сажей кирпичей.

— Королева Анна, — произношу и вслушиваюсь в звучание этих слов. — Анна, королева Англии.

Дети спят днем, я сижу рядом с ними. Вдруг увидела в окне всадника с несколькими слугами. Надеюсь, что это брат, сбежала вниз, но лошадь, гарцующая во дворе, принадлежит Уильяму, моему мужу.

— Не вините меня за плохую весть.

— Что-нибудь с Анной?

Кивнул:

— Ее обошли.

Привела мужа в большой зал, усадила в бабушкино кресло, поближе к огню. Убедилась — двери заперты, в комнате больше никого нет.

— Рассказывайте.

— Помните Франциско Фелипеса, слугу королевы?

Кивнула, все еще ничего не понимая.

— Попросил о надежном сопровождении из Дувра в Испанию, но это была только уловка. При нем было письмо от королевы ее племяннику, и он сумел перехитрить короля. В то же утро отплыл из Лондона на специально нанятом корабле. Пока разобрались, был уже далеко. Доставил письмо Карлу. И тут началось светопреставление.

У меня заколотилось сердце. Схватила рукой за горло, будто могла унять сердцебиение.

— Что вы имеете в виду?

— Уолси по-прежнему в Европе, но Папа предупрежден и не желает его принимать. Никто из кардиналов его не поддержал, даже мирный договор нарушен. Мы снова в состоянии войны с Испанией. Генрих отправил секретаря в Орвието, туда, где содержат Папу, чтобы попросить аннулировать брак и дать позволение королю жениться на

ком пожелает, даже на сестре своей любовницы, даже на самой любовнице. Каков выбор — шлюха или сестра шлюхи!

Я только рот раскрыла.

— Он просит разрешения жениться на своей любовнице? Господи, уж не на мне ли?

Резкий смешок.

— На Анне. Обеспечивает возможность уложить ее в постель до свадьбы. У сестер Болейн это отлично получается, не так ли?

Выпрямилась в кресле, перевела дыхание.

— Не годится мужу говорить о жене непристойности. Рассказывайте дальше.

— А дальше вот что — все дело в Папе, а он под охраной племянника королевы в замке Орвието, и очень, очень непохоже — это мое мнение, а ваше? — что Папа издаст билль, дабы узаконить самое непристойное поведение, которое только можно себе вообразить — спать с женщиной, спать с ее сестрой и жениться на одной из них. Тем более ради короля, чья жена — женщина с незапятнанной репутацией, а у ее племянника неограниченная власть во всей Европе.

— Значит, королева победила?

Кивнул:

— Снова победила.

— Как Анна?

— Очаровательна. Просыпается раньше всех, смеется и поет весь день напролет, услаждает взгляд и занимает ум, попевает вместе с королем на раннюю мессу, скачет бок о бок с ним весь день напролет, гуляет с ним по саду, смотрит, как он играет в теннис, сидит рядом, пока ему читают письма, играет в слова, читает философские труды и рассуждает, как настоящий богослов, без усталости танцует, устраивает приемы и балы-маскарады, ложится позже всех.

— Это правда?

— Идеальная любовница. Никогда не останавливается. Думаю, она и умрет на бегу.

Помолчали. Он осушил кубок.

— Выходит, мы там же, где и были, — протянула я недоверчиво. — Вперед не продвинулись.

Он тепло улыбнулся:

— Полагаю, ваше положение ухудшилось. Все открылось. Говарды теперь на виду. Все знают — ваша цель трон. Раньше казалось — вы гонитесь за деньгами и должностями, как и все мы, только чуточку более хищно. А теперь ясно — нацелились на самое высокое яблоко на дереве. Все вас возненавидят.

— Только не меня, — возразила я. — Потому что я остаюсь здесь.

Он покачал головой:

— Вы едете со мной в Норфолк.

Я так и застыла.

— Что вы хотите этим сказать?

— Королю вы больше не нужны, а мне нужны. Мы обвенчаны, вы все еще моя жена. Поедете ко мне домой и будем жить вместе.

— А дети?

— Поедут с нами. Будем жить, как я хочу, — помолчал и повторил: — Как я хочу.

Я вскочила на ноги, вдруг испугавшись этого человека, моего мужа, с которым делила постель, но которого совсем не успела узнать.

— Моя родня все еще сильна, — пригрозила я.

— Чем вы недовольны? Я же не развелся с вами пять лет назад, когда вы впервые наставили мне рога. Настали плохие времена для жен, мадам. Надеюсь, ваше семейство поймет наконец, вы такого наворотили, как бы все не потерять.

— Мой долг — подчиняться семье и королю. — Мой голос звучит твердо, не хватало еще показать, как я боюсь.

— Сейчас придется подчиняться мужу, — нежно сказал Уильям. — Хорошо, что позади — многолетняя привычка.

Анна, Уильям говорит — все пропало, мы, Болейны, проиграли, он увозит меня и детей в Норфолк. Умоляю, поговори обо мне с королем, или с дядей, или с отцом, прежде чем я уеду туда, откуда не смогу вернуться. М.

Проскользнула по узкой каменной лестнице в отцовский кабинет, потом во двор. Поманила одного из слуг, велела отвезти письмо, двор сейчас где-нибудь между Болье и Гринвичем. Он слегка приподнял шляпу и взял письмо.

— Убедись, что оно попало к госпоже Анне, это очень важно.

Обедаем в большой зале. Уильям, как всегда изысканно-вежливый, истинный придворный, пересказывает бесконечные

новости и сплетни. Бабушка Болейн чувствует себя неудобно. Несмотря на обиду, жаловаться вслух не осмеливается. Кто может запретить мужу забрать жену и детей домой?

Как только зажгли свечи, она поднялась из-за стола.

— Пора спать, — буркнула сердито. Уильям вскочил на ноги, поклонился.

Прежде чем снова сесть, достал из кармана камзола какую-то бумагу. Я сразу же узнала почерк. Мое письмо к Анне! Бросил его на стол, заметил:

— Не очень-то по-дружески.

— Не очень-то вежливо останавливать чужих слуг и читать чужие письма.

— Это мой слуга и мое письмо. Вы — моя жена. Все ваше — мое, а все мое я хочу сохранить, в том числе детей и женщину, носящую мое имя.

Положила руки на стол, разжала пальцы. Сделала глубокий вдох, чтобы успокоиться. Напомнила себе — хоть мне только девятнадцать, четыре с половиной года из этих девятнадцати я была любовницей короля Англии. Я — Говард до мозга костей.

— Послушайте, муженек. — Голос мой звучит твердо. — Что прошло, то прошло. Вы не прочь были получить титул, земли, деньги, расположение короля, и мы оба знаем, откуда все это на вас свалилось. Я не стыдилась своих поступков, но и вы тоже. В нашем положении любой бы обрадовался. Нам обоим известно — заслужить и удержать любовь короля отнюдь не синекура.

Уильям, казалось, оторопел от моей внезапной откровенности.

— Одной неудачей Говардов не свалить. Это просчет Уолси, не наш. Игра еще далеко не проиграна, и если бы вы знали дядю Говарда так же хорошо, как я, то не спешили бы признавать его поражение.

Уильям кивнул.

— Враги наступают на пятки, Сеймуры в любой момент готовы занять наше место, будьте уверены, какую-нибудь из их девиц где-то уже учат, как попасться королю на глаза. Соперники всегда найдутся. И не важно, сможет ли король жениться на Анне, сейчас — ее звездный час, и нам, Говардам, да и вам тоже, муженек, в ваших же интересах, стоит ее поддерживать.

— Она будто катит по тающему льду, — вдруг сказал Уильям. — Слишком старается. Потом и кровью отвоевывает место возле короля. Каждому, кто приглядится, заметно.

— Какая разница, если король ничего не замечает?

— Так долго не выдержать. Она вертит им как хочет, это не может тянуться вечно. Ну удержит его до осени, но ни одной женщине не приковать его навсегда. Мужчину так не удержишь. На несколько недель — быть может, но после неудачи Уолси могут потребоваться месяцы, даже годы.

Представила на минуту — Анна стареет в ожидании свадьбы.

— И что же ей делать?

— Ничего, — звериная усмешка. — А мы с вами отправимся домой и начнем семейную жизнь. Я хочу сына, похожего на меня, а не маленького светленького Тюдорчика. Дочь с карими, как у меня, глазами. И дети у нас будут!

Я наклонила голову:

— Не желаю слышать попреки.

Уильям только пожал плечами:

— Придется потерпеть. Жена вы мне или нет?

— Да.

— Может быть, тоже собираетесь аннулировать брак? Кажется, браки вообще выходят из моды. Хотите уйти в монастырь?

— Нет.

— Тогда отправляйтесь ко мне в комнату, — сказал он просто. — Я буду через минуту.

Я застыла. Об этом-то я и не подумала. Муж смотрел на меня поверх кубка с вином.

— Ну что?

— Нельзя ли подождать до Норфолка?

— Нет, — отрезал он.

Медленно раздеваюсь, удивляясь собственному отвращению. Десятки раз я спала с королем, ничего не чувствуя, лишь следуя его желаниям, просто чтобы доставить ему удовольствие. В этом году, точно зная — он думает об Анне, через силу шепча „любимый“, чувствуя себя просто шлюхой, понимала—мужчина, дурак, не отличит настоящую монету от фальшивой.

А вот этот мужчина в тринадцать лет впервые уложил меня в брачную постель. Сейчас я уже далеко не девочка, но все же не настолько цинична, чтобы без ужаса думать о ночи с тем, кто кажется мне почти врагом. Уильям имеет права на меня, и я его боюсь.

Он не торопится. Забираюсь в постель, притворяюсь спящей. Дверь открывается, он переступает порог. Слышу, ходит по комнате, раздевается донага, ложится. Натягивает на голые плечи тяжелое одеяло.

— Не спишь?

— Нет еще, — сознаюсь я.

В темноте находит мое лицо, ласкает шею, плечи, движется ниже. Даже через тонкое полотно сорочки чувствую, какие холодные у него руки. Он учащенно дышит, прижимает меня к себе, и я уступаю, расслабляюсь, как для короля. На мгновенье замираю от мысли — я не знаю, как вести себя с другими мужчинами, кроме Генриха.

— Не хочешь меня?

— Разумеется, хочу, я же твоя жена. — Голос звучит ровно.

Боюсь, это ловушка — если откажусь, он сможет развестись со мной. Но вздох разочарования показывает — он искренне надеялся на более теплый ответ.

— Тогда давай спать.

Какое облегчение! Не решаюсь сказать ни слова, вдруг передумает. Лежу неподвижно, пока он поворачивается ко мне спиной, натягивает одеяло, устраивается на подушке и, наконец, затихает. Тогда, только тогда живот перестает сжиматься и притворная говардовская улыбка сползает с лица. Проваливаюсь в сон. Выдержала еще одну ночь, осталась в Гевере. Говарды могут начинать игру. Мало ли что случится завтра!

Нас разбудил стук в дверь. Я выскочила из кровати, прежде чем Уильям успел схватить меня за руку. Открыла дверь, бросила резко:

— Тише, милорд спит.

Как будто в самом деле беспокоюсь, как будто сама не собиралась выбраться из его постели как можно скорее.

— От госпожи Анны, срочное. — Слуга протянул письмо. Я страшно хотела накинуть плащ и прочесть письмо подальше от Уильяма, но он уже проснулся и сел на кровати.

— Наша драгоценная сестрица, — улыбнулся насмешливо. — Что она пишет?

Выбора нет, я открыла письмо возле него, надеясь, вдруг Анна раз в жизни решила позаботиться не о себе, а о ком-то другом.

Сестра, король и я приглашаем тебя и твоего мужа присоединиться к нам в Ричмонде, где мы все превесело проведем время.

Анна.

Уильям протянул руку, и я отдала письмо.

— Сама догадалась, куда я поехал, когда оставил двор, — заметил он. Я промолчала, и он добавил горько: — Прыг-скок, и ты опять свободна. А мы вернулись к тому, с чего начали.

У него на устах как раз то, о чем я думаю. Но за внешней суровостью прячется страдание. Рога — не самый удобный головной убор, а он носит его уже пять лет. Медленно подошла к постели, протянула руку, сказала нежно:

— Мы обвенчаны, и я никогда не забываю об этом, хоть жизнь и развела нас. Будь мы женаты по-настоящему, Уильям, я стала бы тебе хорошей женой.

— Говоришь, как истинная Говард. Вдруг погода переменится, и тогда уж лучше быть леди Кэри, чем второй сестрой Болейн, особенно если первая погубила себя.

Догадка до того точна, что пришлось отвернуться, вдруг прочтет правду в моих глазах.

— Ох, Уильям, — произнесла укоризненно.

Притянул поближе, взял пальцем за подбородок, повернул к себе лицом.

— Дражайшая женушка, — произнес насмешливо.

Я закрыла глаза под его испытующим взглядом и, к своему удивлению, ощутила тепло его губ у себя на губах. Ласковый, нежный, легкий поцелуй, и желание поднялось во мне как давно забытая весна. Обняла мужа за шею, прижалась ближе.

— Я был не на высоте прошлой ночью, — мягко сказал он. — Не здесь и не сейчас. Но быть может, в ближайшее время, как ты

думаешь, женушка?

Улыбнулась, скрывая облегчение, что не придется ехать в Норфолк.

— В любое время, когда ты захочешь, Уильям, — согласилась я.

Осень 1527

В Ричмонде Анна — настоящая королева, разве что не по имени. Ее новые покои — рядом с королевскими, придворные дамы ждут приказаний, дюжина новых нарядов, драгоценности, пара охотничьих лошадей, а когда советники обсуждают государственные дела, ее кресло рядом с креслом короля. Только в главной зале, за обедом, ей приходится опускаться до стола для придворных, пока королева Екатерина величественно усаживается за стол на возвышении.

Я живу вместе с сестрой, надо же ее поддержать — несмотря на тесные отношения, никто не посмеет думать, что она любовница короля. Но на самом деле — помогаю держать его на расстоянии. Он отчаянно ее хочет, доказывает — раз уж они помолвлены, могут делить и постель. Анна использует любой предлог — то она защищает свою девственность, говорит, что никогда себе не простит, если потеряет невинность до свадьбы, хотя, видит Бог, и она пылает страстью. Никогда себе не простит, если не предстанет перед ним непорочной девой в брачную ночь. Говорит — если любит ее так сильно, как утверждает, то должен любить и святую чистоту ее души, хотя, видит Бог, ля-ля-ля, то она боится, то одновременно стремится и к нему, и от него, то ей нужно время.

— Сколько это может продолжаться? — ворчит она на нас с Георгом. — Бога ради, доехать до Рима, подписать бумагу и вернуться. Сколько на это нужно времени?

Укрыться можно только в нашей спальне, в глубине покоев, единственном укромном месте во всем дворце. Ведь мы постоянно на виду, каждый ловит малейший знак — потерял король наконец интерес к Анне или, наоборот, добился своего.

Сотни глаз высматривают — брошена она или беременна. Мы с Георгом чувствуем себя то телохранителями, то тюремщиками. Вот и сегодня Анна мечется между окном и кроватью, не в силах ни остановиться, ни замолчать.

Брат схватил ее за руку, кивнул мне поверх ее головы — держи сзади, если начнется истерика.

— Анна, успокойся. Мы идем смотреть лодочные состязания. Успокойся же наконец.

Сперва она дрожит в его объятиях, но постепенно успокаивается, плечи поникают.

— Я так устала.

— Знаю. — Георг тверд. — Это может продолжаться еще долго. Ты борешься за лучшую награду в мире. Приготовься к длительной, сложной игре.

— Хоть бы она умерла! — вдруг вырвалось у Анны.

Георг невольно взглянул на дверь:

— Тише! Может, так и случится. А может, Уолси добьется своего. Вдруг он как раз сейчас плывет вверх по реке и завтра ты обвенчаешься, а вечером окажешься с королем в постели? Слезы портят внешность, все ведь держится на твоей красоте.

— И не выходи из себя, — вставила я.

— Ты еще мне будешь советы давать!

— Король не выносит капризов, — предупредила я. — Сколько лет прожил с Екатериной, а она даже ни разу брови не подняла, не то что голос повысить. Пока-то он по тебе с ума сходит, но сцен не потерпит.

Она чуть было снова не взорвалась, но тут до нее дошло.

— Понимаю. Вот за этим вы мне и нужны.

Мы придвинулись ближе, Георг крепче сжал ее руки, я обняла за плечи.

— Мы действуем заодно, — провозгласил Георг. — Это ради всех нас, Болейнов и Говардов. Вместе возвысимся или вместе падем. Надо выждать, игра может быть долгой. Ты во главе, Анна, но и мы не отстанем.

Она кивнула, повернулась к большому новому зеркалу на стене, отражающему солнечный свет, сады, реку. Сдвинула назад чепец, поправила ожерелье. Повернула голову, оглядела себя со всех сторон. Испробовала озорную, манящую улыбку.

— Я готова.

Мы уступили ей дорогу, будто она уже стала королевой. Анна вышла из комнаты с высоко поднятой головой, а мы с братом переглянулись, как актеры, вытолкнувшие наконец примадонну на сцену, и последовали за ней.

На королевской барке мой муж, улыбаясь, усадил меня рядом на скамью — следить за лодочными состязаниями. Георг присоединился

к Франциску Уэстону и остальным кавалерам. Оглянулась — Анна сидит подле короля. Изящный поворот головы, лукавый взгляд, она снова полностью владеет собой — и королем.

— Погуляем до обеда по саду? — шепнул муж мне на ухо. Я сразу же насторожилась:

— Зачем?

Он расхохотался:

— Узнаю Говардов. Просто мне приятно твое общество, мы муж и жена, вдруг надумаем начать супружескую жизнь.

— Помню-помню. — Улыбка вышла невеселой.

— Может, попробуешь поглядеть на меня без отвращения?

— Может быть. — Получилось нежнее.

Река искрится под лучами полуденного солнца. Лодки выстроились в ряд перед стартом, гребцы одеты в цвета благородных владельцев. Красочное зрелище — весла подняты, подобно трубам, гребцы ожидают команды. Все глаз не сводят с короля, он вручает Анне алый шелковый шарф. Она подходит к краю барки, поднимает шарф высоко над головой, на мгновение замирает, отлично понимая, куда устремлены все взгляды. Со своего места я вижу ее в профиль, голова откинута назад, чепец открывает лицо, порозовевшее от удовольствия, темно-зеленое платье туго обтягивает грудь и стройную талию. В этот момент Анна — само воплощение страсти. Шарф падает, лодки рванулись вперед под ударами весел. Она не возвращается на свое место подле короля, на мгновение забывая о роли, наклоняется через перила, видит — лодка Говардов обгоняет лодку Сеймуров.

— Говард! — кричит Анна. — Давай, Говард!

Словно услышав ее, несмотря на шум и гвалт на берегу, гребцы налегают на весла, лодка вырывается вперед, замирает, снова летит вперед, Сеймуры отстают. Я тоже вскакиваю, все кричат, королевская барка опасно накреняется — придворные, забыв о достоинстве, столпились у борта и вопят каждый свое. Сам король смеется как мальчишка, обнимает Анну за талию и, не заботясь о других, громко поддерживает Говардов, раз это может порадовать девушку в его объятиях.

Мы первые! За сверкающими брызгами не видно весел, но наша лодка, несомненно, обогнала сеймуровскую на полкорпуса.

Барабанная дробь и рев труб возвестили Сеймурам — для них все кончено, мы выиграли лодочные состязания, мы выиграли состязания за право зваться первым семейством в стране, девушку, носящую наше имя, держит в объятиях король, она нацелилась на английский трон.

Кардинал Уолси вернулся в Англию с позором, не получив разрешения на аннулирование брака, и сразу же убедился — поговорить с королем наедине ему не удастся. Раньше он решал все — от количества вина на банкете до мирного договора с Францией и Испанией, а теперь оказалось — отчитываться придется одновременно перед Анной и Генрихом как перед королем и королевой. Девчонка, которую он бранил за то, что не блюдет целомудрие и слишком высоко метит, теперь сидит по правую руку короля Англии и презрительно на него смотрит.

Старый, хитрый царедворец, кардинал и виду не показал, что удивлен. Вежливо поклонился Анне и начал доклад. Анна улыбнулась равнодушно, послушала, наклонилась вперед, прошептала какую-то гадость королю на ухо, послушала еще.

— Какой идиот! — бушевала она в нашей спальне.

Я сидела на постели, вытянув ноги, а она опять металась между окном и кроватью, как один из львов в зверинце в Тауэре. Лениво подумалось: „Пожалуй, протопчет след на полу, можно будет показывать любителям реликвий, а назвать Пытка временем“.

— У этого дурака ничего не вышло.

— Что он говорит?

— Нелегко бросить тетку того, кто держит в своих руках Папу и пол-Европы, вот, Бог даст, Франция с Италией объединятся и разгромят Карла Испанского, и тогда Англия предложит свою помощь безо всякого риска.

— Придется подождать?

Воздев руки над головой, она прорыдала:

— Подождать? Нет уж! Ты можешь ждать, кардинал может ждать, даже Генрих может ждать, но я-то ждать не могу. Я должна обеспечивать хотя бы видимость развития событий, сохранять иллюзию движения вперед, пусть Генрих влюбляется все сильнее и сильнее, пусть поверит — дела идут все лучше и лучше, ведь он король и ему всю жизнь твердили — он получит все, чего захочет.

Король привык снимать сливки, как мне ему сказать: „А ну-ка подожди“? Как мне его удержать? Как?

Жалко, что нет Георга.

— Ты сумеешь. Делай то же самое, что делала раньше. У тебя все прекрасно получится.

Она стиснула зубы.

— Я буду старой и больной, когда наконец дойдет до дела.

Я легонько подтолкнула сестру к большому венецианскому зеркалу:

— Взгляни на себя.

Анну всегда успокаивало лицемерие собственной красоты. Она облегченно вздохнула.

— Ты по-прежнему прекрасна, — напомнила я. — А король всегда говорит — у тебя самый острый ум во всей стране. Родись ты мужчиной, стала бы кардиналом.

Жесткая улыбка искривила губы.

— Уолси был бы в восторге!

Я улыбнулась в ответ, взглянула в зеркало на наши отражения. Как всегда, похожи, но как разнятся цвет волос, глаз, выражение лица.

— Ничего ему против тебя не сделать.

— Даже короля не увидит, пока его не вызовут, уж я прослежу, — злорадно сказала Анна. — Конец их милой болтовне с глазу на глаз. Без меня ничего решаться не будет. Уолси не сможет явиться во дворец, предварительно не уведомив и короля и меня. Он теряет власть, а я приобретаю.

— Все получится, у тебя годы и годы впереди.

Анна успокаивалась, зато я все больше раздражалась.

Зима 1527

Жизнь скользит по накатанной колее. Моя уютная, почти семейная жизнь с Уильямом все-таки вертится вокруг короля и Анны. Мы с сестрой по-прежнему делим комнаты и постель, что полезно, с какой стороны ни посмотреть, а для окружающих по-прежнему считаемся придворными дамами королевы, не более и не менее.

Но с утра до вечера Анна проводила дни бок о бок с королем, как новобрачная, главный советник, лучший друг. В нашу спальню она возвращается лишь переменить платье или урвать минутку короткого отдыха, пока король слушает мессу или отправляется на верховую прогулку в мужской компании придворных кавалеров. Молча ложится на постель, умирая от изнеможения. Пустой взгляд устремлен на полог кровати, глаза широко открыты, но ничего не видят, губы не произносят ни слова.

В таких случаях я предпочитала оставить ее одну, только так она ухитрялась отдыхать от бесконечной толпы вокруг.

Легко ли непрерывно излучать очарование, и не только для короля, а для любого, кто посмотрит в твою сторону? Покажешься на минуту чуть менее ослепительной, чем всегда, и водоворот слухов засосет и тебя, и всех нас.

А когда Анна бывала с королем, мы с Уильямом проводили время вместе. Встречались почти как чужие, и он начинал ухаживания. Самое странное, самое простое, самое приятное, что может сделать оставленный муж для сбившейся с пути жены. Дарил мне букетики цветов, гирлянды из листьев остролиста и ярко-розовых ягод тиса, однажды вручил маленький позолоченный браслет, писал премилые стихи, восхваляющие мои серые глаза и белокурые волосы, умолял подарить ему что-нибудь на память, будто я была его возлюбленной. Я послала за моей кобылкой, чтобы иметь возможность выезжать с Анной, и обнаружила записку, приколотую к стремяни. Вечером, откинув простыни нашей с Анной постели, находила конфету в золоченой обертке. Он осыпал меня записками и подарочками, а когда мы сидели рядом за обедом, на состязании лучников или возле теннисной площадки, мог наклониться и шепнуть мне в самое ухо:

— Приходи ко мне в комнату, женушка.

И я хихикала, будто только что стала его любовницей, будто не была много лет его женой, и выбиралась из толпы. Через несколько минут он следовал за мной, чтобы встретиться в его тесной спальне в западном крыле Гринвичского дворца. Обнимал меня, шептал нежно, обещающе:

— У нас есть только мгновенье, любимая, не больше часа, я на все готов ради тебя.

Опускал меня на постель, расшнуровывал тугой корсаж, ласкал грудь и живот, стараясь изо всех сил, пока у меня не вырывался крик:

— Уильям, любовь моя, ты лучше всех, ты самый, самый лучший!

Только тогда, с самодовольной улыбкой человека, которого наконец после долгих лет заслуженно похвалили, он позволял и себе получить удовольствие, падал на мое плечо, содрогаясь и тяжело дыша.

В искреннюю страсть вплеталось совсем чуть-чуть расчета. Если все сорвется и мы, Болейны, падем вместе с Анной, неплохо иметь про запас любящего мужа, большое имение в Норфолке, титул и деньги. Кроме того, раз дети носят его имя, он может забрать их себе когда вздумается. Ради детей я и самому дьяволу скажу, что он лучше всех, самый, самый лучший.

Наступило Рождество. Анна веселилась на славу. Танцевала без устали, словно готова танцевать день и ночь. Играла, будто могла, не задумываясь, спустить королевское состояние. Правда, со мной и Георгом у нее было соглашение — позже, потихоньку, мы возвращали деньги. Но если выигрывал король, ее с трудом заработанные деньги исчезали в его кошельке, и больше их никто не видел, а играя с королем, всякий раз надо было проигрывать, он не выносил, когда выигрыш доставался кому-нибудь другому.

Он осыпал ее подарками и почестями, приглашал на каждый танец, на маскараде она неизменно становилась королевой бала. Но во время обеда Екатерина по-прежнему сидела за главным столом и улыбалась, словно все происходит с ее согласия, словно сама королева дарует Анне честь играть ее роль. И принцесса Мария, тоненькая бледная девочка, сидела рядом с матерью и тоже улыбалась Анне, словно и она весьма приятно проводит время в обществе этой легконогой претендентки на трон.

— Боже, как я ее ненавижу! — Анна переодевается на ночь. — Живой портрет их обоих, круглолицая дура.

Я медлю с ответом. Что толку спорить с Анной? Принцесса Мария обещала вырасти девушкой редкой прелести. Лицо выражает решительность и характер, никакого сомнения, настоящая дочь своей матери во всех отношениях. В парадной зале смотрит не на нас с Анной, а сквозь нас, как будто мы — окна из прозрачного венецианского стекла и ей просто интересно, что там, за окном. Казалась, она не испытывает к нам ненависти, хотя мы отнимаем у нее внимание отца и подвергаем опасности мать. Словно мы — парочка женщин легкого поведения, такого легкого, что дунет ветер — и нет нас.

Остроумная девочка в одиннадцать лет уже умела сочинить каламбур, перевести шутку с английского на французский, испанский, даже на латынь. Анна тоже обладала быстрым умом, была образованна, но ей не хватало выучки этой маленькой принцессы, вот она и завидовала. А как много дало девочке общество матери! Станет или нет Анна королевой, она рождена, чтобы охотиться за должностями и привилегиями. А принцесса Мария от рождения получила права, о которых мы можем только мечтать. Никогда нам не научиться ее уверенности в себе, ее спокойному изяществу, идущему от абсолютной убежденности в гармонии своего положения в мире. Не удивительно, что Анна ее ненавидит.

— Она — пустое место, — утешила я. — Дай я тебе волосы расчешу.

В дверь тихонько постучали, и Георг проскользнул в комнату прежде, чем мы успели сказать „Войдите“.

— От жены прячусь. — Вместо извинения он помахал бутылкой вина и тремя оловянными кружками. — Разгорячилась от танцев, готова мне приказать отправляться в постель. Совсем озверевает, если видела, куда я пошел.

— Наверняка видела. — Анна налила вина. — Такая ничего не пропустит.

— Ей бы шпионом быть. Из нее вышла бы отличная шпионка, специалистка по прелюбодеяниям.

Со смешком позволила брату налить мне вина.

— Чтобы тебя выследить, большого умения не требуется, ты всегда здесь.

— Единственное место, где можно быть самим собой.

— Не бордель?

— Больше туда не хожу, надоело.

— Влюбился, что ли? — цинично бросила Анна.

К моему удивлению, он отвел глаза и покраснел:

— Только не я.

— Что случилось, Георг? — спросила я.

Он покачал головой:

— Кое-что случилось. Кое-что, о чем я не могу рассказать, кое-что, на что я не могу решиться.

— Что-нибудь произошло при дворе? — заволновалась Анна.

Он подвинул табурет к огню, долго смотрел на горящие угли.

— Поклянись, что никому ничего не расскажете.

Мы одновременно кивнули, единые в решимости узнать тайну.

— И не смейте даже говорить об этом друг с другом, не хочу обсуждений у меня за спиной.

Это нас смутило.

— Поклясться, что не будем говорить даже между собой?

— Да, или я ничего не скажу.

Помолчали, но любопытство победило.

— Ладно. — Анна ответила за нас обеих. — Клянемся.

Чуть не плача, он закрылся рукавом и сказал просто:

— Я влюблен в мужчину.

— Франциск Уэстон? — выпалила я.

Его молчание ясно дало понять — я угадала. Анна пришла в ужас.

— Он знает?

Брат покачал головой, все еще пряча лицо в пышных складках алого, бархатного, украшенного вышивкой рукава.

— Еще кто-нибудь знает?

Снова отрицательное движение темноволосой головы.

— Больше ни слова, ни намека, — велела Анна. — Ты говоришь об этом в первый и последний раз, даже с нами не надо. Вырви его из своего сердца, не смей глядеть в его сторону.

Он поднял глаза:

— Знаю, это безнадежно.

Оказывается, Анна заботилась вовсе не о брате.

— Ты подвергаешь меня опасности. Король никогда не женится на мне, если ты опозоришь семью.

— Так вот в чем дело? — Он вдруг впал в ярость. — Дело только в тебе? Ничего, что я люблю греховной любовью, что никогда не буду счастлив, что женат на гадюке, что у меня разбито сердце. Важно только одно — на репутации мисс Анны Болейн не должно быть ни пятнышка.

Анна кинулась к нему, целясь ногтями в лицо, Георг едва успел схватить ее за запястья.

— Взгляни на меня! — шипела она. — Разве я не отказалась от единственной любви, разве мое сердце не разбито? Разве не ты говорил мне тогда, что дело того стоит?

Он пытался удержать ее, но Анну было не остановить.

— Взгляни на Марию! Разве мы не лишили ее мужа, как меня лишили моего? Теперь пришло время и тебе кое от чего отказаться. Ты потерял великую любовь всей своей жизни, так разве я не потеряла свою, а Мария свою? Прекрати ныть, ты убил мою любовь, мы ее вместе похоронили.

Они продолжали бороться, я обхватила Анну сзади, пытаюсь оторвать от брата. Вдруг боевой дух покинул Анну. Мы трое застыли, изображая живую картину — я обнимаю сестру за талию, Георг сжимает ее запястья, ее пальцы совсем близко от его лица.

— Боже милостивый, что за семейка, — удивленно протянул Георг. — Куда мы катимся?

— К какой цели мы движемся — вот что важно, — отрезала Анна. Георг встретился с ней глазами и медленно кивнул, будто давая клятву:

— Я не забуду.

— Ты отказался от любви, и больше ни слова об этом, даже имя его забудь.

Снова торжественный кивок.

— Помни, ничего нет важнее моей дороги к трону.

— Я помню.

Меня пробрала дрожь, и я наконец выпустила Анну из объятий. Произнесенный шепотом обет больше напоминал сделку с дьяволом, чем простое соглашение брата с сестрой.

— Не говорите так!

Они разом обернулись ко мне. Одинаковые болейновские карие глаза, длинные прямые носы, дерзкий изгиб губ.

— Стоит ли отдавать жизнь за трон? — Мне хотелось разрядить обстановку, но ни один из них даже не улыбнулся.

— Стоит, — просто ответила Анна.

Лето 1528

Анна танцевала, ездила верхом, пела, играла в карты, плавала на лодке под парусом, отправлялась на пикники, гуляла по саду, представляла живые картины, будто ее вовсе ничего не заботило. Только все бледнела и бледнела. И тени под глазами становились темней и темней, теперь, чтобы их скрыть, ей нередко нужна была пудра. Я ее шнуровала посвободней, столько она веса потеряла, а в корсаж мы подкладывали подушечки, пусть грудь глядится попышней.

Пока я ее шнуровала, Анна глянула в зеркало, поймала мой взгляд. Теперь она и впрямь смотрится старшей сестрой, куда старше, чем я.

— Я так устала, — прошептала она. Даже губы бледнее бледного.

— Я тебя предупреждала. — В моем голосе не слышалось сочувствия.

— Ты бы все то же делала,хвати у тебя ума и смазливости его удержать.

Я наклонилась поближе — пусть видит мои румяные щеки, блестящие глаза, гладкую кожу рядом со своим — бледным и утомленным — лицом.

— Это у меня-то не хватает ума и смазливости?

Она отвернулась, шагнула к кровати, буркнула:

— Мне нужно отдохнуть. Уходи.

Я поглядела, как она укладывается, а потом вышла из комнаты, сбежала по каменным ступеням в сад. Чудесный день, солнце сияет, тепло, лучи света посверкивают на глади реки. Маленькие лодчонки шныряют туда-сюда между большими судами, а те ждут прилива, чтобы пуститься в открытое море. Легкий ветерок веет вверх по реке, приносит в этот ухоженный садик запах соли и далеких приключений. Я заметила мужа, он прогуливался с группкой придворных на террасе внизу, помахала ему.

Он тут же извинился и покинул приятелей, поднялся на верхнюю террасу, встал на нижней ступеньке лестницы, взглянул на меня снизу вверх:

— Как поживаете, леди Кэри? Сказать по правде, вы не уступите по красоте этому погожему деньку.

— А вы как поживаете, сэр Уильям?

— Прекрасно, прекрасно. А где Анна и король?

— Она у себя, король собирался покататься верхом.

— Так, значит, вы совсем свободны?

— Как птичка в поднебесье.

Он улыбнулся, довольный, будто знает какую-то важную тайну.

— Могу ли я рассчитывать на удовольствие пребывания в вашем обществе? Не пройдись ли нам немного?

Я спустилась вниз, к нему. Как же жадно он глядит на меня — до чего приятно.

— С удовольствием.

Он подхватил меня под руку, и мы спустились на нижнюю террасу. Он старался соразмерить шаги с моими, наклонился, прошептал прямо в ухо:

— Вы такая вкусная штучка, моя дорогая женушка. Надеюсь, нам не придется гулять слишком долго.

Я старалась не показывать виду, как довольна, но все же не смогла сдержать смешка.

— Всяк, кто заметил, как я выходила из дворца, знает — я не провела в саду и минуты.

— И не проведете — если будете повиноваться своему супругу, — решительно провозгласил он. — Превосходное качество в жене — повинование мужу.

— Хорошо, если вы приказываете.

— Вне всякого сомнения, — твердо произнес он. — И требую беспрекословного подчинения.

Я ласково провела тыльной стороной ладони по меховой оторочке его камзола.

— Тогда мне остается только повиноваться, не правда ли?

— Вот и отлично. — Он повернулся и потащил меня к маленькой садовой калитке, резко захлопнувшейся за нами, а там схватил на руки и принялся целовать. Потом повел к себе в спальню, где мы до вечера не вылезали из постели, покуда Анна, счастливица Анна, удачливая сестрица Болейн, всеми любимая сестрица Болейн, лежала больная от страха, одна, словно старая дева.

В тот вечер ожидалось представление и танцы. Анне, как всегда, отводилась главная роль, а я была занята в общей сцене. Сестра

казалась бледнее обычного, лицо белое как снег на фоне серебристого платья. словно тень былой красоты — настолько, что даже наша матушка заметила. Поманила меня к себе пальцем, пока я дожидалась своего выхода в пьесе — мне предстояло продекламировать пару фраз и протанцевать свой танец.

— Что с Анной — больна?

— Не больше обычного.

— Скажи, пусть отдыхает почаще. Если она потеряет привлекательность, потеряет и все остальное.

— Уж она отдыхает, матушка, — кивнула я. — Лежит в постели, но от страха-то не отдохнешь. Мне пора идти, мой выход.

Мать отпустила меня кивком головы. Я покружилась по зале, теперь надо произнести слова роли. Я изображала вечернюю звезду, сходящую с неба на западе благословить землю миром. Представление имело какое-то отношение к войне в Италии, я зазубрила латинскую фразу, но узнать перевод так и не удосужилась. Увидела, как Анна скорчила физиономию, поняла — что-то переврала. Мне бы смутиться, но муж мой, Уильям, подмигнул мне, с огромным трудом сдерживая смех. Он-то знал, где я учила слова — как раз с ним сегодня, у него в постели.

Представление закончилось, группка незнакомцев вошла в зал, все в масках и костюмах-домино, каждый принялся выбирать партнерш для танца. Королева терялась в догадках. Кто они такие? Мы тоже ничего не понимали, и Анна, конечно, недоумевала больше всех, когда один из них, самый высокий и плечистый, пригласил ее на танец. Они танцевали вдвоем до полуночи, сестра, как положено, рассмеялась от удовольствия, обнаружив, что под маской скрывался не кто иной, как король. Но даже тогда оставалась такой же бледной, танцы не оживили ее щек.

Мы возвращались в спальню вместе. Она споткнулась на ступеньке, мне пришлось ее поддержать. Почувствовала под ладонью кожу, мокрую от холодного пота.

— Анна, ты заболела?

— Просто устала, — еле слышно пробормотала она.

В комнате она смыла пудру с лица, показалась побледневшая, словно пергаментная кожа. Сестра дрожала, не хотела умываться, расчесывать волосы. Свалилась на постель, зубы выбивают дробь. Я

открыла дверь, послала служанку за Георгом. Он прибежал, накинув плащ поверх ночной сорочки.

— Иди за доктором, — скомандовала я. — Тут не просто усталость.

Он взглянул в комнату, где скрючилась на кровати Анна, сверху навалены одеяла, кожа желтая, как у высохшей старушки, зубы стучат от озноба.

— Господи, горячка, ^[24] — пробормотал он в ужасе, страшнее горячки только чума.

— Похоже на то, — мрачно кивнула я.

— А что с нами будет, если она умрет? — Глаза брата полны тревоги.

На королевский двор напала ужасная болезнь — горячка. Два десятка бывших танцоров теперь не покидали спален. Одна девушка уже умерла, служанка Анны еле дышала в комнате, полной других слуг. Я дожидалась прихода врача, который должен был принести Анне лекарства. Мне доставили записку от Уильяма, он просил к нему не приходить, а принять ванну, добавив туда сок алое, потому что он уже заразился горячкой и только молит Бога, чтобы болезнь не перекинулась на меня.

Я подошла к его спальне, поговорила с ним через дверь. Пергаментно-желтое лицо — точь-в-точь как у Анны, куча одеял навалена, а все равно трясет от озноба.

— Не входи, — приказал он. — Не подходи ко мне.

— За тобой кто-нибудь ухаживает?

— Да, я приказал заложить повозку, поеду в Норфолк, хочу быть дома.

— Подожди пару дней, пока тебе полегчает.

Он взглянул на меня, лицо искажено болью.

— Моя маленькая женушка-глупышка, чего уж тут ждать. Не забудь про детей в Гевере.

— Конечно не забуду. — Я все не понимала, о чем это он.

— Думаешь, мы с тобой уже сделали еще одного?

— Пока не знаю.

Уильям закрыл на мгновение глаза, как если бы собирался загадать желание.

— Все, что ни случится, — в руках Божьих. Но мне бы ужасно хотелось заделать тебе одного настоящего Кэри.

— У нас для этого еще будет куча времени. Когда ты поправишься.

Он слегка улыбнулся.

— Я об этом подумаю, моя маленькая женушка. — В голосе нежность, а зубы выбивают дробь. — Если меня долго не будет при дворе, ты уж позаботься о себе и о наших детях.

— Конечно, но ты возвращайся поскорее, сразу же как полегчает.

— Как почувствую получше, тут же назад, — пообещал он. — А ты поезжай в Гевер к детям.

— Не знаю, отпустят ли они меня отсюда.

— Отправляйся сегодня же, — посоветовал он. — Будет много шуму, как только узнают про эпидемию горячки. Здесь ни к чему оставаться, любовь моя. Город — нехорошее место. Генрих умчится словно заяц, помяни мои слова. Тебя никто еще неделю не хватится, а с детьми в деревне ты окажешься в безопасности. Отыщи Георга, пусть он тебя отвезет. Иди, иди прямо сейчас.

Я колебалась, похоже, надо делать, что он велит.

— Мария, если бы это оказались мои последние слова, я бы и то не был серьезнее. Поезжай в Гевер, занимайся детьми, покуда тут, при дворе, все больны. Нехорошо, если такие малютки потеряют одновременно и отца и мать.

— О чем ты говоришь? Ты же не умрешь?

Он выдавил из себя улыбку.

— Конечно нет. Но мне будет спокойнее ехать домой, если я буду знать, что ты в безопасности. Найди Георга, скажи — я приказал тебе отправляться в Гевер и велел ему тебя сопровождать.

Я сделала полшага в комнату.

— Не подходи! — закричал он. — И уезжай немедленно.

Какой грубый тон! Я повернулась и раздраженно вышла из комнаты. С легким стуком закрыла за собой дверь, чтобы показать ему — я обиделась.

Больше я в живых его не видела.

Георг и я пробыли в Гевере уже неделю, когда появилась Анна, почти без эскорта, в открытой повозке. Она еле дышала от изнеможения, и ни у меня, ни у брата не хватало храбрости нянчиться

с ней. Одна старушка-сиделка из Эденбриджа занялась ею, поместила в комнате в башне, требовала огромные порции еды и вина, поддерживать больную. Мы только надеялись, что из этого количества хоть что-то перепадет и Анне. Вся страна либо лежала в лихорадке, либо тряслась от страха перед болезнью. Две служанки покинули замок, чтобы ухаживать за заболевшими родителями в деревне поблизости, и обе умерли. Болезнь пугала всех, мы с Георгом каждое утро просыпались в холодном поту и проводили дни в страхе — неужели и нам предначертано судьбой умереть.

При первых же знаках беды король немедленно снялся с места и уехал в Хансдон. Уже это не сулило Болейнам ничего хорошего. Королевский двор охвачен хаосом, страна в тисках страшной болезни. Хуже всего — для нас — королева Екатерина жива-здоровехонька, принцесса Мария даже не заболела, и обе путешествуют с королем все лето напролет, как будто только эти трое благословлены Небесами и недоступны никаким эпидемиям.

Анна отчаянно боролась за жизнь и не менее отчаянно боролась за короля — нескончаемая битва, куда сестра вложила бесконечное упорство, сражаясь до последнего, как ни малы были шансы на победу. От короля приходили любовные послания, из Хандсона, Титенхенджера, Эмптхилла. Он рекомендовал то одно, то другое лекарство, обещал, что не забудет ее, клялся, что по-прежнему любит. Одно было ясно: на развод прямо сейчас рассчитывать нечего, все дела замерли, даже сам кардинал болен. Похоже, про развод почти позабыли, королева все время рядом с королем, а малышка-принцесса с ними — веселое существо, никогда не дающее скучать. Как будто все замерло, лето проходило, а вместе с ним утекало время, и отчаявшейся Анне казалось, что королю до нее нет никакого дела — ему, кто так панически боится всяческих болезней и каким-то чудом один пребывает в добром здравии в бушующем море человеческих невзгод.

Но семейная удача, болейновское везение помогли — горячка не пришла в Гевер, и я, и дети оставались здоровы среди таких знакомых зеленых полей и лугов. Я получила письмо от матери Уильяма — он все-таки, как и мечтал, успел добраться перед смертью до дому. Сухим, холодным тоном поздравляла она меня с тем, что я теперь снова свободная женщина. Похоже, она считала, что супружеские клятвы и в прошлом не слишком меня стесняли.

Я прочла письмо в саду, сидя на любимой скамейке, глядя на замковый ров и высокие стены. Я думала о нем — человеке, которого я превратила в рогоносца, а последние несколько месяцев обнаружила, что он самый лучший в мире муж и любовник. Нет, он так и не получил от меня того, что заслуживал. Женился он на сущем ребенке, юная девушка его оставила, а когда я наконец вернулась к нему уже зрелой женщиной, все равно в моих поцелуях всегда оставался привкус какого-нибудь расчета.

Теперь ясно — он умер и я снова свободна. Если удастся избежать следующего замужества, хватит денег купить небольшую усадьбу где-нибудь в Кенте или Эссексе. У меня появится земля, своя собственная земля, приносящая урожай. Я ни от кого не буду зависеть, никому не буду принадлежать, не то что раньше — любовница одного, жена другого, сестра третьего. Как хочется вырастить детей под собственной крышей. Конечно, понадобятся деньги, придется убедить кого-нибудь, опять мужчину — Говарда, Болейна или короля, назначить мне пособие, чтобы хватило жить самой и растить детей. Может, тогда будет достаточно для скромной вдовьей жизни в своей маленькой усадьбе где-нибудь в глуши.

— Не можешь же ты себя вот так похоронить. — Георгу не понравился мой скромный план, который я изложила, пока мы гуляли в лесу. Дети прятались за деревьями, выскакивали на нас оттуда, а мы медленно прогуливались взад-вперед. Нам предназначалась роль пары оленей, у Георга из шляпы торчали какие-то ветки, изображающие оленьи рога. То и дело раздавались веселые смешки Генриха, когда ему удавалось подкрасться к нам, как он думал, незамеченным и выпрыгнуть из-за дерева. Мне все время вспоминалась любовь его отца к переодеваниям, наивная вера короля, что ему удалось одурачить всех такими простыми уловками. Теперь я потакала сыну — пусть воображает, что никто не слышит его шумного сопения, когда он прыгает от ствола к стволу или пытается укрыться за большим кустом.

— Ты была придворной фавориткой. — Брат мною явно недоволен. — Почему бы тебе не выйти теперь замуж за кого-нибудь стоящего? Отец или дядя найдут тебе лучшую партию в Англии. Когда Анна станет королевой, ты сможешь заполучить себе французского принца.

— Для женщины все едино, тяжелая работа, хоть в парадной зале, хоть на кухне. — Я не могла скрыть горечи в голосе. — Мне уж это известно. А в результате тебе никаких денег не достается, все идет мужу и господину. И только успевай выполнять его приказания, будто ты последний мальчишка на побегушках. Терпи, чего он ни пожелай, да еще и улыбайся. Я прислуживала королеве Екатерине столько лет, я видела, как ей достается. Не желаю становиться принцессой, даже если дадут принцессино приданое. Не желаю даже королевой быть. Видала я, как ее унижали, стыдили, оскорбляли, а она только преклоняла колени на молитвенной скамеечке и просила Бога о помощи, ну чтобы хоть немножко полегчало. Вставала и снова улыбалась женщине, которая ее только что унизила. Мне такое не слишком по нраву, Георг.

Маленькая Екатерина вдруг выпрыгнула из-за дерева, схватила меня за юбку:

— Поймала! Поймала!

Георг обернулся. Поднял ее на руки, подбросил в воздух, поймал, передал мне. Она теперь весила немало, четырехлетняя крепышка, пахнущая солнцем и листвой.

— Вот умница, — сказала я. — Будешь настоящей охотницей.

— А она? — спросил брат. — Что, и ей не будет места в этом мире. Ей, племяннице английской королевы? Подумай, сестренка.

— Если бы только женщины могли на что-нибудь претендовать, — страстно ответила я после минутного раздумья. — Если бы у нас только были какие-нибудь права. А то женщина при дворе... ты словно смотришь на кондитера на кухне за работой. Все такое вкусное, а взять нельзя ни кусочка.

— А маленький Генрих? — Брат не желал оставлять меня в покое. — Твой Генрих будет племянником короля, все знают — он его сын. Вдруг, не дай Бог, у Анны не родится своего, Генриху может достаться английский трон. Слышишь, Мария, твой сын — сын короля и его возможный наследник.

Нет, эта мысль меня не радовала. Я со страхом взглянула туда, где в гуще деревьев мой упорный маленький сыночек старался не отстать от нас, бормоча себе под нос охотничьи песни собственного сочинения.

— Хвала Господу, он здесь в безопасности, — только и сказала я. — Хвала Господу, он в безопасности.

Осень 1528

Анна выжила, а чистый воздух Гевера вернул ей потерянные было силы. Когда она в первый раз вышла из спальни, я все равно сначала отказывалась сесть рядом с ней из страха передать болезнь детям. Она насмешничала по поводу моих страхов, но голос еще дрожал. Ей казалось — король ее предал, когда бежал подальше от двора. Ее оскорбляло, что он провел все лето с королевой и маленькой принцессой.

Сестра решила отыскать короля как можно скорее, как только придет прохладная осенняя погода и унесет с собой горячку. Как же я надеялась, что все они, занятые королевскими планами Анны, в этот раз обо мне позабудут.

— Ты отправишься со мной, — решительно заявила Анна. Мы сидели в любимом уголке у замкового рва, Анна на каменной скамейке, Георг улегся на траве у ее ног. Я тоже села на траву, спиной к скамье, глядя на детей, бултыхавших маленькими ножками в воде. У берега неглубоко, но все равно за ними нужен глаз да глаз.

— Мария! — резко окликнула меня Анна.

— Слышала, не волнуйся. — Но головы не повернула.

— Посмотри на меня!

Я подняла голову.

— Ты должна со мной поехать, мне без тебя не справиться.

— Не понимаю, зачем...

— Зато я понимаю — вмешался Георг. — У нее никого не будет рядом, в спальне, у кровати, кому бы она могла доверять. Как закроешь дверь, нужно знать наверняка — никто не помчится докладывать королеве, что она плакала, или сообщать королю, что она пышет яростью. Тому, кому каждый день приходится играть роль на сцене, нужен свой бродячий оркестр. Ей понадобятся люди, которых она знает и которые знают ее. Нельзя круглые сутки жить в маскарадной маске.

— Ага, — удивленно согласилась Анна. — Все именно так. А ты откуда знаешь?

— Потому что у меня есть друг — Франциск Уэстон, — признался Георг. — Всякому нужен кто-то, кто не брат, не сын и не

муж.

— И не любовник, — вставила я.

— Нет, — покачал он головой, — просто друг. Но я знаю, что Анне нужна ты, потому что мне нужен он.

— А мне нужны мои дети, — упрямо возразила я. — Анна прекрасно справится и без меня.

— Я тебя прошу как сестру. — Что-то такое было в ее тоне, что заставило меня сразу же обернуться к ней. После болезни заносчивости в Анне поубавилось, и впрямь казалось, что ей может понадобиться сестрино участие. Медленно, очень медленно, таким незнакомым жестом Анна протянула мне руку.

— Мария... мне одной не справиться, — прошептала она. — Я уже чуть не умерла. Я тогда знала, если так будет продолжаться, что-то случится, что-то сломается. А теперь мне обратно возвращаться, и все снова начинать.

— Что, не получится удержать короля без такого надрыва?

Она откинула голову, закрыла глаза. В эту минуту передо мной сидела не самая блистательная дама самого блистательного королевского двора в мире, а смертельно уставшая девчонка, не знающая, куда бежать от спрятавшегося в ней страха.

— Нет. Я только так и умею — быть все время лучше всех.

Я протянула руку, почувствовала, как она ее схватила.

— Ладно, поеду и помогу.

— Хорошо, — еле слышно отозвалась сестра. — Ты мне очень нужна, будь рядом со мной, Мария.

И снова началась придворная игра — на этот раз в Брайдуэльском дворце. Папа Римский, утомленный бесконечными требованиями Англии, прислал в Лондон для окончательного и бесповоротного решения вопроса о браке короля итальянского богослова кардинала Кампеджо. Королева, ничуть не испугавшись такого развития событий, готовилась к его встрече. Она была весьма хороша собой. Летнее солнце подарило ее коже особое сияние, а общество дочери приносило ей бесконечную радость. Развлекать короля, смертельно напуганного царящей кругом болезнью, не стоило большого труда. Король с королевой обсуждали возможные причины эпидемии, предлагая различные меры борьбы с болезнью, составляли особые молитвы для чтения во всех церквях. Вместе волновались за судьбу страны, которой

так долго управляли. Конечно, король не забыл об Анне, но теперь, когда она была всего лишь одной из тяжело болящих, память о ее очаровании немало поблекла. Снова, как раньше, королева оказалась единственным надежным другом в этом пугающем мире.

Я сразу заметила перемену в королеве, стоило мне только войти в ее апартаменты во дворце. На ней было новое бархатное платье, темно-алого цвета, столь подходящего к теплому оттенку загоревшего лица. Нет, она не молодилась — ей никогда больше не стать молоденькой, но в ней царила непоколебимая уверенность, которой Анне в жизни не приобрести.

Она приветствовала нас с сестрой легкой иронической улыбкой, спросила, как поживают мои дети, осведомилась о здоровье Анны. Если королева и думала, что стране бы пошло на пользу, если бы горячка унесла Анну, как многих других, то мысли свои она хранила при себе.

Мы все еще считались ее придворными дамами, хотя спальня и гостиная, которую нам отвели, были чуть ли не больше, чем покои самой королевы. Остальные придворные дамы порхали с места на место — то в гостиной у королевы, то в нашей гостиной, то в приемной у короля. Привычная придворная дисциплина нарушилась, теперь можно было всего ожидать. Король и королева разговаривали друг с другом весьма любезно. Папский легат уже выехал из Рима, но почему-то путешествие его затянулось. Да, Анна вернулась ко двору, но король только что провел целое лето без нее, и весьма приятное лето. Похоже, за это время страсть его слегка поостыла.

Никто не осмеливался предсказывать дальнейший ход событий. Немало придворных и всякого другого народа сначала появлялось в приемной у королевы, а потом перекочевывало в нашу гостиную — засвидетельствовать свое почтение Анне. Находились и те, кто ставил на другую лошадку, и начинали свой визит с гостиной Анны. Кое-кто поговаривал, что король вообще вернется ко мне и к подрастающим детишкам. Я не обращала на эти сплетни никакого внимания, пока случайно не услышала, как дядюшка шутит с королем и обсуждает мальчугана-крепыша, живущего в Гевере.

И я, и Анна, и Георг прекрасно знали — дядюшка никогда не проронит и слова попусту. Анна заперлась с нами в спальне.

— Что происходит?

Я покачала головой — ничего не знаю, но Георг отвернулся с виноватым видом.

— Георг!

— Как всегда, ваши звезды встают и заходят в противофазе, — смущенно ответил брат.

— Что такое? — нахмурилась Анна.

— Был семейный совет.

— Без меня?

Георг взмахнул рукой, как отбивающий выпад фехтовальщик.

— Меня вызвали. Я молчал. Слова не проронил.

Мы с Анной набросились на него вместе:

— Семейный совет собрался без нас? И что они сказали? Что им теперь надо?

Георг отстранил нас обеих.

— Хорошо, успокойтесь! Они сами не знают, куда бросаться, куда идти. Они не хотели, чтобы Анна знала — вдруг обидится. Но теперь, когда ты, Мария, так удачно овдовела, а он этим летом совсем Анной не интересовался, они думают — а не пустить ли тебя обратно в дело.

— Да не потерял он ко мне интерес! Не позволю меня вытеснить! — Она повернулась ко мне. — Ты, собака проклятая! Так вот что ты решила сделать...

— Ничего я не делала, — возразила я.

— Ты вернулась ко двору!

— Ты же сама настаивала. Я на короля даже и не гляжу. Я и двух слов с ним не сказала.

Она отвернулась, уткнулась лицом в подушку, как будто видеть нас обеих не могла.

— Но у тебя же его сын! — простонала она.

— И то правда, — мягко отозвался Георг. — У Марии его сын, и теперь она может снова выйти замуж. Семья считает — королю неплохо бы остановиться на ней. Ничто ему не мешает жениться на Марии.

Анна оторвала заплаканное лицо от подушки.

— Да не хочу я его вовсе, — воскликнула я.

— Ну, это уж никого не волнует, — горько произнесла сестра. — Если тебе прикажут, пойдешь как миленькая, займешь мое место.

— Как ты заняла мое, — напомнила я сестре.

Она села. На лице горькая усмешка, словно только что попробовала лимон.

— Ясно дело, одна сестрица Болейн или другая — какая разница. Каждая из нас может стать королевой Англии, а семья — семья нас в грош не ставит.

День за днем Анна старалась вновь очаровать короля. Она отвлекала его от королевы, отвлекала его от дочери. Мало-помалу двор понял — она снова победительница. Да, только она — Анна.

Я наблюдала за ухищрениями соблазна с отрешенностью вдовы. Генрих дал Анне собственный лондонский дом, Дюрем на Стрэнде, у нее были свои покои в Гринвичском дворце, где двор проводил Рождество. Королевский совет постановил — королеве не подобает носить слишком изящную одежду и появляться на людях. Всем было очевидно — дело за малым, приедет кардинал Кампеджо, а там и развод не за горами. Тогда Генрих женится на Анне, а я уеду домой к детям и начну новую жизнь.

Я по-прежнему оставалась главным доверенным лицом и компаньонкой Анны. Стоял уже ноябрь, когда в один прекрасный день сестра потребовала, чтобы мы с Георгом сопровождали ее на прогулку вдоль вздувшейся от дождей реки в Гринвичский дворец.

— Ты, наверно, тревожишься — что теперь с тобой будет, без мужа-то? — начала она, удобно устроившись на скамье и поглядывая на меня.

— Наверно, поживу тут с тобой, пока здесь нужна, а потом уеду домой, в Гевер, — уклончиво ответила я.

— Я могу попросить короля об этом, пусть это будет мой подарок.

— Благодарю, сестрица.

— Я могу попросить его назначить тебе содержание, Уильям же почти ничего тебе не оставил.

— Я знаю.

— Король давал Уильяму на содержание сотню фунтов в год, можно устроить, чтобы эти деньги платились тебе.

— Благодарю, сестрица, — повторила я.

— Знаешь, — как бы между прочим бросила Анна, поднимая воротник, чтобы защититься от резкого ветра, — неплохо бы мне было усыновить твоего Генриха.

— Неплохо бы что?

— Неплохо бы мне усыновить малыша Генриха. Пусть будет моим сыном.

Я остолбенела и только и могла, что тупо смотреть на нее.

— Он тебе даже не особо нравится. — Такая глупая мысль могла прийти в голову только любвеобильной мамаше. — Ты с ним и не играешь никогда. Георг больше времени с ним проводит, чем ты.

Анна отвела глаза, посмотрела на реку, как будто хотела набраться терпения у текущей воды и скученных крыш Сити.

— Нет, конечно нет, но я совсем не за тем собираюсь его усыновлять. Сам по себе он мне и задарма не нужен.

Тут постепенно я сообразила, в чем дело.

— Ага, хочешь моего сыночка, сына короля. Хочешь сына, Тюдора по рождению. А когда король на тебе женится, в придачу получит и сына.

Она кивнула.

Я отвернулась, прошла пару шагов. Башмачки для верховой езды скрипнули на смерзшемся гравии. Пыталась найти подходящий ответ.

— Конечно, ты у меня можешь отобрать ребенка. Тогда уж король меня наверняка не захочет. В одно движение ты сделаешься матерью королевского сынка, да и от меня навеки обезопасишься.

Георг прочистил горло, прислонился к стене, руки сложены на груди, на лице полное бесстрашие. Я повернулась к нему:

— Ты, конечно, знал?

Брат пожал плечами:

— Она мне сказала, когда дело уже было сделано. Она сразу взялась за это, как только мы ей сказали, что семья подумывает—не заняться ли тебе снова королем. Она даже отцу с дядюшкой сообщила только после разговора с королем, когда уже все было решено. Дядюшка считает, неплохое вышло дельце.

Я сглотнула. В горле пересохло.

— Неплохое дельце?

— У тебя всего будет в достатке, — быстро сказал Георг. — Твой сын окажется поближе к трону, а у Анны на руках останутся все козыри, хороший план.

— Но это *мой* сын! — пробормотала я, задыхаясь. — Он не продается. Он вам не рождественский гусь на базаре.

Георг поднялся на ноги, обнял меня за плечи, развернул к себе.

— Никто его и продает, просто из него делают принца. У него тогда будут все права. Кто знает, не станет ли он следующим королем Англии. Ты должна гордиться такой возможностью.

Я закрыла глаза, похолодевшую кожу обвевал прибрежный ветерок. Мне даже показалось, сейчас в обморок упаду или стошнит меня. Как же мне хотелось свалиться замертво в тяжелой болезни, тогда им придется отвести меня в Гевер и оставить меня и детей в покое.

— А Екатерина? Что станет с моей дочуркой?

— Можешь оставить ее себе, — резко ответила Анна. — Кому нужна эта девчонка.

— А если я откажусь? — Я взглянула в честные глаза брата. Я все еще доверяла Георгу, хотя он меня и не предупредил.

Он покачал головой:

— Не можешь ты отказаться. Она уже все устроила. Подписано по закону, и печать поставлена. И дело с концом.

— Георг, — шепнула я. — Это мой мальчик, мой малыш. Сам знаешь — он для меня вся моя жизнь.

— Ты сможешь с ним видаться, — постарался утешить меня брат. — Будешь ему теткой.

Меня будто ударили. Я споткнулась на ходу, не смогла удержаться на ногах, пришлось опереться на руку брата. Повернулась к молчащей, ласково улыбающейся самой что ни на есть хитренькой улыбочкой Анне.

— Все, все тебе, да? — Слова мои источали ненависть. — Тебе все нужно. Мало тебе короля Англии у ног, еще и мой сын понадобился. Словно кукушонок, всех остальных птенцов в гнезде готова сожрать. Что еще нам надо сделать, чтобы твоему честолюбию было довольно? Всех ты нас погубишь, Анна.

Она отвернулась, не в силах вынести написанной на моем лице ненависти.

— Хочу стать королевой, — только и сказала она. — А вам всем придется мне помогать. Твой сынок Генрих может в этом деле поспособствовать, а потом мы ему оплатим добром за добро. Ты знаешь, как это делается. Только дурак лезет на рожон, как кости лягут, туда и надо идти.

— Когда мы с тобой играем, у тебя кости со свинцом. Я этого тебе не забуду, Анна. На смертном одре твоём припомню тебе, как ты у меня отобрала сыночка. Потому что боишься — своего не будет.

— Почему не будет? — Сестра по-настоящему уязвлена. — Ты родила, так отчего и мне не родить.

Я удовлетворенно расхохоталась, выплевывая слова ей в лицо:

— Потому что дни идут, а ты моложе не становишься. И король тоже не молодеет. Кто знает, будет ли у вас сынок? Я-то от него двух деток зачала, одного за другим, такого прекрасного мальчишку, Генриха моего, Бог лучше на землю не посылал. Тебе ни в жизнь не родить такого второго. Нутром чую, тебе ни за что не родить такого красавчика. Только и можешь, что украсть моего, — сама знаешь, у тебя своего никогда не будет.

Она побелела так, будто на нее снова напала горячка.

— Прекратите, — вмешался Георг, — прекратите, вы обе!

— Не смей этого больше повторять, — шипела сестра. — Не смей меня проклинать. Если я упаду, то и тебя за собой утяну, Мария. И Георга, и всех остальных. Не смей такого повторять, а не то сошлю в монастырь и вовек своих детей не увидишь.

Она вскочила на ноги, бросилась бежать, только мелькала отороченная мехом накидка. Я смотрела, как она несется по тропинке ко дворцу, и думала — опасней врага не сыскать. Теперь она помчится напрямик к дядюшке Говарду, а то и к самому королю. Анну сейчас все слушаются, все, кто имеет власть надо мной. И если она пожелает моего сыночка или даже самой моей жизни, ей достаточно только слово сказать.

Георг накрыл ладонью мою руку.

— Прости, сестренка, — неловко произнес он. — По крайней мере, дети останутся в Гевере, и ты сможешь с ними видеться.

— Она все себе берет, — выдохнула я. — Она всегда все брала. Но этого я ей вовек не забуду.

Весна 1529

И вот мы с Анной в монастыре Черных Братьев, прячемся за занавесями в самом дальнем углу. Не можем мы пропустить такого случая. Никто не может, всяк ищет хоть малейшего повода прийти сюда. Такого в Англии еще не случилось. Сегодня здесь будет слушаться дело о браке короля и королевы Англии, самое необычайное судебное разбирательство, необыкновенное событие.

Двор находится в Брайдуэльском дворце — прямо рядом с монастырем. Каждый вечер король с королевой будут восседать рядом за пиршественным столом во дворце, а по утрам отправляться в монастырь, где собирается суд, чтобы решить — а был ли брак в действительности, можно признать ли законными эти двадцать долгих лет их любви.

Что за ужасный день! Королева в самом лучшем наряде, она, очевидно, решила не обращать внимания на постановление суда, предписывающее ей не одеваться слишком роскошно. На ней новое красного бархата платье с накидкой, отороченной золотым шитьем. На рукавах и подоле — опушка из черного соболя. Темно-красный чепец обрамляет лицо, на котором ни усталости, ни грусти. Вот уже два года старается она не показать своих чувств, оживленная, пылкая, готовая бороться до конца.

Когда короля просят выступить перед судом, он подымается и объявляет собранию, что его всегда мучили сомнения о законности этого брака, с самого начала. Королева прерывает его — никто еще в целом свете не осмелился прервать английского короля, — говорит спокойно и рассудительно, указывает на то, как долго он позволил дремать своим сомнениям. Король, теперь уже на слегка повышенных тонах, продолжает читать заранее подготовленную речь, но видно — он смущен.

Он говорит, что пытался забыть о сомнениях ради горячей любви к королеве, но больше уже не в силах не обращать на них внимания. Я чувствую — Анна рядом со мной дрожит, как молодая кобылка перед охотой. „Что за чепуха“, — страстно шепчет она.

Суд вызывает королеву — ей предстоит держать ответную речь. Судебный глашатай выкликает ее имя — один раз, второй, третий, но

она делает вид, что не слышит, хотя глашатай стоит прямо рядом с тронном и кричит на весь зал. Она поднимается, идет по залу, голова высоко поднята, направляется прямо к Генриху, сидящему на своем троне. Опускается перед ним на колени. Анна выглядывает из-за занавеса, шепчет: „Что она себе позволяет? Не может она это сделать“.

Я прекрасно слышу слова королевы, хотя мы прячемся в самом дальнем углу. Каждое слово доносится отчетливо, только легкий иностранный акцент заметнее обыкновенного.

— Увы, сир, — начинает королева ласково, как будто они в зале только вдвоем. — Чем я вас так оскорбила? Призываю Бога и всю Его землю в свидетели, что была вам верной, смиренной и послушной женой. Вот уже двадцать лет я вам верная жена. И прижили вы со мной множество детей, хотя Господу было угодно призвать их к Себе. И когда вы впервые мною обладали, я была девицей, которой еще не касался ни один мужчина.

Генрих ерзает на подушках, глядит на председателя суда, как бы давая ему знак прервать королеву, но она не сводит глаз с лица мужа.

— Правда ли это, пусть решает ваша совесть.

— Не может она такого делать, — шипит Анна, глазам своим не веря. — Ей полагается звать своих юристов, пусть предъявляют доказательства. Не может она прямо так разговаривать с королем.

— Не может, да разговаривает, — отвечаю я.

В зале суда царит полнейшее молчание, все, затаив дыхание, слушают королеву. Генрих откинулся на спинку трона, бледен от смущения. Он похож на жирного испорченного мальчишку, которого распекает истинный ангел. Я вдруг сообразила, что одобрительно улыбаюсь, чуть ли не подмигиваю ей, хотя именно мое семейство причиной того, что ей приходится выступать в этом суде. Она, Екатерина Арагонская, говорит за всех нас, женщин всей страны, добрых жен, которых нельзя прогнать из-за того лишь, что мужу приглянулась хорошенькая мордашка, всех женщин, которые только и знают, что кухню, спальню, церковь да детишек, за всех женщин, что заслуживают большего, чем мужнины капризы.

Екатерина призывает в свидетели Господа и закон, а когда кончает говорить, в зале поднимается шум. Кардинал стучит молотком, требуя порядка, судебные приставы кричат, волнение охватывает людей, собравшихся снаружи, на улице, у закрытых ворот монастыря. Все

передают из уст в уста слова королевы, только и слышны, что шумные протесты и крики в поддержку Екатерины, истинной королевы Англии.

А Анна рядом со мной разражается слезами, и смеется, и плачет одновременно, клянется сама себе:

— Или я из-за нее умру, или она из-за меня! Господи, пожалуйста, дай мне увидеть ее гибель прежде своей.

Лето 1529

Да, это лето должно было стать летом ее победы. Кардинал Кампеджо заседает в суде, слушая дело по признаю брака королевы недействительным, в решении никто не сомневается, что бы там ни говорила столь красноречиво и убедительно королева. Кардинал Уолси теперь самый лучший друг и главный покровитель Анны. Король, пылая любовью, от нее не отходит, а королева, после триумфальной минуты в первый день судебных заседаний, больше голоса не подает и частенько даже не появляется в суде.

Но Анна все равно не рада. Стоило ей услышать, что я собираюсь в Гевер на лето — побыть с детьми, примчалась в комнату, словно за ней по пятам гнались все силы ада.

— Не можешь ты меня оставить, пока длится судебное разбирательство. Ты мне здесь нужна. Рядом.

— Анна, мне тут нечего делать. Я не понимаю и половины того, что они говорят, а что понимаю — слушать не хочу. Обсасывают до косточки, что там принц Артур сказал на другой день после свадьбы, обсуждают сплетни служанок с доисторических времен. Не желаю я этого слушать, полная белиберда.

— Думаешь, мне интересно?

Мне бы догадаться, к чему это все идет. Такой уж у нее был голос.

— Тебе надо туда ходить, ты всегда будешь при дворе, — попыталась я ее урезонить. — Но они ведь скоро закончат. Признают, что королева была замужем за принцем Артуром, их брак был действительным, значит, ее брак с королем никуда не годится. И тогда дело сделано. Зачем тебе понадобилась я?

— Потому что мне страшно, — внезапно вырвалось у нее. — Я боюсь. Все время боюсь. Не можешь ты меня сейчас оставить одну, Мария. Ты мне нужна.

— Анна, Анна, чего ты боишься? В суде не произнесут ни слова правды, правда никого не волнует. Там все будет, как скажет Уолси, а он предан королю до мозга костей. Да и Кампеджо тут по приказу Папы, а тому только и нужно, чтобы все поскорее закончилось. Перед тобой прямая дорога. Не хочешь быть здесь, во дворце, — переезжай в новый дом в Лондоне. Не хочешь спать одна — так у тебя шесть

фрейлин. Боишься, что король увлечется какой-нибудь новой девчонкой, — прикажи ему отослать ее от двора. Он для тебе сейчас все сделает. Сейчас всякий для тебя все, что ни пожелаешь, сделает.

— Кроме тебя! — Она не могла сдержать своей злости.

— А мне для чего стараться? Я просто еще одна сестричка Болейн. Ни денег, ни мужа, ни будущего, во всем от тебя завишу. Ни детей, если только милостиво не позволят с ними повидаться. Ни сына... — Мой голос на мгновение дрогнул. — Но мне разрешили съездить и побыть с ними, и я поеду. Тебе меня не остановить. Никакая сила меня не остановит.

— А как насчет короля? — пригрозила сестра.

Я повернулась к ней, в голосе металл:

— Послушай, Анна. Если ты его подучишь запретить мне видаться с детьми, я повешусь на твоём новом шитом золотом кушаке в твоём новом лондонском доме, и тебя обвинят в моей смерти. Кое с чем и тебе не стоит играть. Даже тебе меня не остановить — я это лето проведу с детьми.

— С моим сыном, — поправила она.

Тут мне пришлось проглотить свою ярость, не дать себе волю, а то бы лететь ей сейчас из окна, сломать бы ей свою самодовольную шею на каменных плитах нижней террасы. Я глубоко вздохнула и постаралась взять себя в руки.

— Знаю, знаю, — сказала спокойно. — И еду прямо к нему.

Я отправилась попрощаться с королевой. Она сидела одиноко в пустых, молчаливых комнатах, вышивая огромную престольную пелену. Я помедлила у двери.

— Ваше величество, я пришла засвидетельствовать свое почтение перед отъездом. Уезжаю провести лето с детьми.

Она подняла глаза. Мы обе знали — мне больше не надо спрашивать ее разрешения на то, чтобы покинуть двор.

— Счастливица, у тебя двое детей, — вздохнула королева.

— Да. — Я понимала, она думает о принцессе Марии, к которой ее с Рождества не подпускают.

— Но твоя сестрица получила сына, — заметила Екатерина. Я кивнула, — если попробую отвечать, голос выдаст.

— Госпожа Анна решила играть по-крупному, — продолжала королева. — Ей понадобились и мой муж, и твой сын. Всего сразу

захотелось.

Даже глаз не осмеливаюсь поднять, пусть уж лучше не знает, о чем я думаю.

— Буду рада провести это лето подальше от двора, — бормочу тихонько. — Надеюсь, ваше величество соизволит меня отпустить.

На губах у королевы Екатерины появилась тень улыбки.

— Мне так хорошо прислуживают. — Теперь она уже не скрывает иронии. — Я вряд ли и замечу, что тебя нет, — такая меня толпа окружает.

Я стояла молча, не зная, что и ответить, — вокруг пустынные комнаты, которые я помню такими веселыми и оживленными.

— Надеюсь еще послужить вашему величеству, когда вернусь в сентябре, — осторожно проговорила я.

Она отложила иглу. Взглянула мне прямо в лицо:

— Конечно, ты еще послужишь мне. Я буду здесь, в этом нет никаких сомнений.

— Безусловно, — соглашаюсь, чувствуя себя настоящей предательницей.

— Никогда у меня не было такой хорошей придворной дамы, как ты, такой заботливой и услужливой. Даже когда ты была еще совсем глупой девчонкой, Мария.

Я ощущаю себя кругом виноватой, еще тише шепчу:

— Хотелось бы мне оставаться вам полезной. Даже когда служу другим господам, а не вашему величеству, нередко об этом сожалею.

— Ты говоришь о Фелипесе? — легким тоном спрашивает она. — Мария, дорогая моя, я знала, что ты все расскажешь отцу, или дяде, или даже королю. Я понимала — ты заметишь записку, знала, что случится с посланцем. Хотела, чтобы они следили не за тем портом, считали, они его легко поймают. А он доставил послание моему племяннику. Я сама тебя выбрала быть моим Иудой, уверена была — ты меня предашь.

Я краснею до корней волос.

— Не осмеливаюсь даже просить вашего прощения.

Королева пожимает плечами.

— Половина моих фрейлин, если что услышат, сразу бегут к кардиналу или к королю, а то и к твоей сестрице. Я уже научилась никому не доверять. Похоже, я умру, разочаровавшись в своих друзьях,

но в муже я не разочаровалась. Просто у него плохие советчики, все это не больше чем мимолетное ослепление. Он еще придет в себя, помяни мое слово. Он знает, я была ему доброй женой. Он знает: не может у него быть другой жены. Он еще ко мне вернется.

— Ваше величество, боюсь, что не вернется. Он пообещал моей сестре жениться на ней, дал ей слово.

— Он не может дать ей слово, он женатый мужчина, ему нечего обещать другой женщине. Его слово — мое слово. Он на мне женат.

Что я еще могла сказать?

— Пусть Господь благословит ваше величество.

Она грустно улыбнулась, словно знала, как и я, — это прощание навсегда. Когда я вернусь, ее не будет при дворе. Подняла руку, благословила меня, пока я делала реверанс.

— Да пошлет тебе Бог долгую и радостную жизнь, тебе и твоим детишкам.

Гевер стоял залитый солнечным светом. Маленькая Екатерина научилась писать все наши имена, почти не делала ошибок и вызубрила пару песенок по-французски. Генрих, совершенно невежественный, слегка пришепетывал и никак не мог произнести букву „р“. Это было так очаровательно, что я его почти не поправляла. Он называл самого себя Тенвих, а ко мне обращался „моя довогая“. Нужно иметь каменное сердце, чтобы сказать своему дорогому малышу, что он все говорит неправильно. Не объяснила я ему и про усыновление. Теперь я вроде бы и не мама, по закону матерью считается Анна. Не могла я заставить себя рассказать своему сыночку, что его у меня украли, а меня заставили с этим согласиться.

Георг оставался с нами в деревне две недели, ему, как и мне, не терпелось побыть подальше от двора, где придворные, как свора гончих вокруг оленя, толпились вокруг королевы, ожидая момента, когда уже можно наброситься. Ни ему, ни мне не хотелось быть там в ту минуту, когда кардинальский суд объявит невинной королеве свою волю, вышлет ее из страны, которую она так долго считала своим домом. А потом Георг получил письмо от отца.

Георг,

Все пошло наперекосяк. Кампеджо сегодня объявил, что без Папы решения принять не может.

Суд отложен. Генрих весь черный от ярости, а твоя сестрица просто вне себя.

Мы всем двором переезжаем, а королева остается одна себе на бесчестье. Немедленно возвращайся вместе с Марией. Вам надлежит быть с Анной, ибо никто, кроме вас, ее не в силах утихомирить.

Болейн

Мы оба сидели после ужина в большой зале. Бабушка Болейн уже отправилась почивать, дети давно в кроватках, спят, набегавшись и наигравшись за день в прятки.

— Придется, Мария, придется.

— Мне разрешили провести лето с детьми. Они мне обещали.

— Если ты нужна Анне...

— Анне всегда нужна я, Анне всегда нужен ты. Ей всегда все нужны. И что она пытается сделать? Выгнать добрую жену из дома, согнать королеву с трона. Конечно, ей бы и целой армии не хватило. Для мятежа и предательства всегда нужна целая армия.

Георг оглянулся проверить, закрыта ли дверь:

— Поосторожнее, ты.

Я пожала плечами:

— Мы в Гевере. Именно поэтому-то я и в Гевере. Здесь я могу говорить что вздумается. Скажи, что я больна. Скажи, что у меня горячка. Скажи, что я приеду, как только почувствую себя получше.

— Там все наше будущее.

Я снова передернула плечами.

— Мы уже проиграли. Все догадались, только мы еще не поняли. Король останется при Екатерине, как и должно быть по справедливости. Анна будет его любовницей. Нам никогда не сесть на английский трон. По крайней мере, не сейчас. Может, Джейн родит тебе хорошенькую девочку, тогда ты сможешь кинуть ее в это логово волков и посмотреть, кто за нее ухватится.

Он коротко рассмеялся:

— Я уезжаю завтра. Не можем же мы просто так сдаться.

— Мы уже проиграли, — решительно заявила я. — Когда тебя разбили наголову, сдаваться не позор.

Дорогая Мария,

Георг объяснил, почему ты не вернулась ко двору, думаешь — наше дело проиграно. Поосторожнее с такими высказываниями. Кардинал Уолси потеряет дом, земли и имение, будет смещен с должности лорд-канцлера, на нем живого места не останется. Потому что загубил мое дело. Не забывай, дорогуша, ты тоже мне служишь, и я не потерплю ленивых служанок.

Король у меня под каблуком, стоит мне только пальцем шевельнуть, все исполняет. Я не собираюсь сдаваться из-за каких-то двух жалких, трусливых стариков. Ты поторопилась, предрекая мое поражение. Жизнь ставлю на карту — но стану королевой Англии. Сказала, что сделаю, и сделаю.

Анна

Приезжай в Гринвич осенью, смотри не забудь.

Осень 1529

Все предсказания Анны сбылись, судьба кардинала Уолси круто переменилась. Нашему дядюшке Говарду вместе с герцогом Суффолком, ближайшим приятелем короля и его зятем, досталось удовольствие — забрать государственную печать у обещанного кардинала. Они же разделили между собой его бесчисленные богатства.

— Говорила я, ему не уцелеть, — самодовольно хвалилась передо мной Анна. Мы сидели рядом и читали, разместившись на широкой скамье-подоконнике в ее спальне в новом лондонском доме. Высунув голову в окно, Анна могла взирать на Йоркский дворец, где еще недавно царил и правил кардинал, а она — давным-давно — пыталась залучить в свои сети Генриха Перси.

В дверь постучали. Анна кивнула — ответь.

— Войдите, — крикнула я.

В дверях показался один из королевских пажей, смазливый юноша лет двадцати. Я приветливо улыбнулась, от восторга глаза у пажа разбегались в разные стороны.

— Сэр Гарольд? — вежливо осведомилась я.

— Король молит сладчайшую госпожу принять его подарок. — Юноша опустился перед Анной на одно колено, протянул ей шкатулку.

Она взяла подношение, открыла, удовлетворенно замурлыкала — содержимое ей понравилось.

— Что там? — Я не могу сдержать любопытства.

— Жемчуг, — только и сказала сестра, повернулась к пажу. — Передай королю — почту за честь принять его дар. Надену сегодня за ужином, чтобы поблагодарить его лично. Передай ему, — улыбнулась каким-то своим мыслям, — он найдет во мне добрую госпожу, а не злую.

Юноша почтительно кивнул, поднялся с колен, низко поклонился Анне, игриво улыбнулся мне и вышел из комнаты. Анна закрыла шкатулку, подвинула ее в мою сторону, я посмотрела на нанизанный жемчуг. До чего же великолепен, застежка золотая.

— А что означает твое тайное послание? Про добрую, а не злую госпожу?

— Не могу же я ему отдаться, — выпалила она — ну прямо барышник, который знает цену до последнего пенса. — Вот мы немножко и поспорили сегодня с утра. Он после мессы хотел затащить меня в спальню, а я отказалась.

— И что ты ему сказала?

— Рассердилась я, — призналась сестра. — Стала говорить, что он со мной обращается как с последней шлюхой и у нас не будет ни малейшей надежды дожидаться от Рима положительного ответа. Если кто решит, что я просто шлюха, мне никогда не занять место Екатерины. Со мной поступят как с тобой — и только.

— Рассердилась? — Я сразу поняла, о чем надо расспросить поподробнее. — А он что?

— Нагрубил мне в ответ, — уныло отозвалась сестра. — Выскочил из комнаты, словно кот, в которого бросили сковородкой. Но видишь, что в конце концов получилось. Он вынести не может, когда я на него сержусь. Я его заставлю танцевать передо мной, как мальчишку.

— На пару минут, — предупредила я.

— Ну, хорошо, вечером я буду добрее, я уже пообещала. Выржусь понаряднее, буду танцевать и петь для него одного.

— А после ужина?

— Позволю ему меня пощупать. — На лице гримаска. — Пусть погладит грудь, пусть лезет под юбку. Но платья я для него не сниму. Ни за что, нечего и мечтать.

— А его ты трогаешь?

— Да. Ему так хочется, никак нельзя отвертеться. Иногда... — Она встала, вышла на середину комнаты. — Достает эту свою штукювину и сует мне прямо в руку. Я его за это просто ненавижу. Оскорбление какое-то, да и только, так меня использовать, а еще... — От гнева она не могла и слова сказать. — Получает свое удовольствие и бьет струей, словно кит дурацкий, грязно, липко, а мне думается... — Сестра ударила себя кулаком по ладони. — Мне думается: „Боже, Боже, мне позарез нужен сын, а тут все пропадает“. Не в ладони этому быть, а в животе... Прости Господи! Не только страшный грех, но и глупость полная.

— Этого добра там всегда хватает, — деловым тоном утешила я сестру.

Она бросила на меня затравленный взгляд:

— А вдруг меня не хватит? Сейчас ему только дай, что меня полапать, но он уже три года дожидается. Что, если еще три года придется ждать? Как я тогда буду выглядеть? Смогу ли еще зачать? Ему, может, всего этого будет и до шестидесяти хотеться, а мне?

— Значит, правильно он о тебе думает. Шлюха и есть, со всеми своими уловками.

Анна покачала головой:

— Приходится все время его распалать, как же иначе. Нелегко одновременно и тащить к себе, и удерживать на расстоянии.

— Ты еще много чего можешь сделать, — предложила я.

— Научи меня.

— Пусть он на тебя поглядит.

— Поглядит на меня? Зачем?

— Дай ему на себя полюбоваться, когда сама себя трогаешь. Он это любит, в такой восторг приходит, чуть не рыдает, похотливый козел.

— Стыдно. — Похоже, сестренка совсем смутилась.

Я только расхохоталась.

— Дай ему на себя попялиться, пока раздеваешься, одну вещичку за другой, и помедленней. А под конец задери сорочку и пальцы засунь сама понимаешь куда, а ноги раздвинь, пусть смотрит.

— Нет, не могу, ни за что... — покачала она головой.

— А еще лучше — орудуй ртом. — Сестру аж передернуло, а я постаралась скрыть удовольствие — уж больно мне нравился ее смущенный вид.

— Что? — Она смотрела на меня с нескрываемым отвращением.

— Встань перед ним на колени и засунь эту штуку себе в рот. Он это тоже любит.

— А ты все это делала? — Она даже носик наморщила от любопытства.

Я глянула ей прямо в глаза:

— Я была его шлюхой, братец в результате получил неплохое назначение, отец стал весьма состоятельным человеком. Уложи короля на спинку, потом поцелуй покрепче, начни с губ, и так до самого конца, и полижи хорошенько, как кошка сметану. А эту штуку в рот и пососи.

Любопытство мешалось на лице Анны с омерзением.

— Ему это нравится?

— Да, — честно ответила я. — Не то слово как нравится, ему-то одно удовольствие, не хуже всего остального. Ты, сколько хочешь, можешь изображать, как тебе противно, что ты выше этого, но если собираешься, словно обыкновенная шлюшка, удерживать его своими уловками, сначала им научись.

Тут мне показалось — она сейчас взорвется, но сестра сидела тихо и только кивала.

— Королеве небось ничем подобным заниматься не приходилось, — с негодованием произнесла она наконец.

— Конечно не приходилось. — На минуту выплеснулось и мое хорошо скрываемое негодование. — Но она его дражайшая супруга, на которой он женился по любви, а мы с тобой просто две шлюхи.

Какие уж уловки применяла Анна, не знаю, но король вроде доволен. Зато сестра в постоянном раздражении. В один прекрасный день я открыла дверь комнаты при спальне, и на меня обрушилась гроза.

Когда я вошла, Генрих стоял лицом к двери, бросил на меня взгляд полный мольбы. Я застыла словно пораженная громом — Анна кричала на короля. Она повернулась спиной и не слышала, что кто-то вошел, сестра была в такой ярости, что ничего не замечала. Кроме своих слов.

— И что я узнаю — она, *она* все еще чинит ваши рубашки, какая насмешка надо мной! Разложила их перед моим носом и велела вдевать ей нитку в иголку. При всех фрейлинах приказала мне вдевать нитку в иголку, будто я какая-то белошвейка.

— Я ее не просил...

— И как тогда это произошло? Она сама пошла в ваши комнаты и украла ночью ваши рубашки? Может, слуга их утащил и передал ей? Или вы сами ходите во сне по ночам и так они к ней попали?

— Анна, она моя жена и чинит мне рубашки вот уже двадцать лет подряд. Мне и в голову не пришло — ты будешь возражать. Но я ей скажу — с сегодняшнего дня пусть больше этим не занимается.

— Вам в голову не пришло, что я буду возражать? Почему бы вам не вернуться к ней в постель и не посмотреть, буду ли я возражать на это? Я шью не хуже ее, а по правде сказать, куда лучше. К тому же я не

такая близорукая старуха и мне не нужна помощница — нитку в иголку вдевать. Но вы мне не принесли свои рубашки. Вы меня оскорбили... — Ее голос прервался. — Унизили перед целым двором, отдав ей ваши рубашки... — Негодование сестры только нарастало. — Так можно было всему свету объявить — вот эта женщина моя жена и я ей доверяю, а это моя любовница, хороша для ночной забавы, да и только.

— Богом клянусь... — начал король.

— Богом клянусь, вы меня ужасно оскорбили, Генрих.

Ее дрожащий голосок привел его в полнейшее уныние. Король попытался ее обнять, но Анна только головой покачала:

— Нет, нет, я к вам не побегу, думаете, поцелуем можно все поправить и я все позабуду, будто ничего не было? Нет, было, было, так легко не позабудется.

Она поднесла ладонь к глазам, прошла мимо него, открыла дверь спальни и скрылась там, даже не взглянув на короля. Мы оба молчали, дверь хлопнула, ключ повернулся в замке.

Мы с королем переглянулись.

— Богом клянусь, я и не думал, что она так обидится, — пробормотал он.

— Из-за рубашек?

— Королева все еще чинит мне рубашки. Анна не знала, и ей это пришлось не по вкусу.

— А, — только и оставалось мне сказать.

Генрих покачал головой:

— Я объясню королеве, пусть больше не шьет для меня.

— Это будет мудро, — мягко произнесла я.

— А когда она выйдет, передай ей, как сильно я сожалею, что причинил ей такую боль. Пообещай, никогда в жизни ее больше не обижу.

— Хорошо, я ей передам.

— Я пошлю за золотых дел мастером, пусть сделает ей что-нибудь покрасивей. — Ему самому понравилась такая мысль. — Ее это развеселит, и мы позабудем о ссоре.

— Она повеселеет, когда немножко отдохнет, — пообещала я. — Трудно ей ждать так долго, чтобы выйти за вас замуж. Она так любит ваше величество.

На мгновение он снова стал похож на того мальчика, что когда-то был безумно влюблен в Екатерину.

— Да, да, оттого она так рассердилась — слишком сильно меня любит.

— Нет сомнения, — немедленно согласилась я, нельзя, чтобы он заметил, насколько гнев Анны несоразмерен дурацкой причине размолвки.

— Я понимаю. — Теперь он почти успокоился. — Нужно с ней быть потерпеливей. Она еще так молода и почти не знает жизни.

Я крепко сжала губы, думая о самой себе — о той девчонке, которую семья подложила ему в постель. Мне бы и шепотом не позволили возразить, не то что такие истерики закатывать.

— Подарю ей рубины. Рубины хороши для добродетельных дам, правда?

— Ей это понравится, — с уверенностью согласилась я.

Генрих подарил Анне рубины, а в благодарность получил не только улыбку. Она вернулась от него поздно вечером, платье в полнейшем беспорядке, чепчик в руке. Я уже спала, не буду ее дожидаться по ночам, как она меня когда-то. Сестра стянула с меня покрывало, разбудила — помочь расшнуроваться.

— Сделала, что ты сказала, и ему страсть как понравилось. И дала ему поиграть моими волосами и грудь потрогать.

— Значит, вы снова помирились. — Я расшнуровала ей корсаж, стянула с нее рубашку.

— А отец скоро станет графом, — с тихим удовлетворением произнесла сестра. — Граф Уилтшир и Ормонд. Я буду леди Анна Рочфорд, а Георг — лордом Рочфордом. Отец возвращается в Европу вести переговоры о мире, а лорд Рочфорд, наш братец, отправляется с ним в качестве одного из самых любимых королевских посланников.

— Графство для отца? — Королевские милости просто рекой льются.

— Да.

— А Георг — лорд Рочфорд? Неплохо, неплохо, ему понравится. И посланник!

— Он же всегда хотел.

— А я? Мне-то что достанется?

Анна повалилась на кровать, чтобы я могла снять с нее туфельки и чулочки.

— А ты останешься вдовой, леди Кэри. Просто еще одной девчонкой из семейства Болейн. Сама знаешь, не могу я все сразу сделать.

Рождество 1529

Двор собирался в Гринвиче, и королева тоже там будет. Ей достанется весь почет, а Анна пусть сидит себе тихо.

— Что теперь? — спросила я Георга. Я присела на его постель, а он устроился на широком подоконнике. Слуга складывает вещи — брат готовится к поездке в Рим. Георг то и дело вскакивает, кричит старому слуге: „Нет, не этот плащ, этот моль поела“ или „Ненавижу эту шляпу, отдай ее Марии, пригодится малышу Генриху“, а старик продолжает невозмутимо укладывать одежду.

— Что теперь? — повторил мой вопрос Георг.

— Меня вызвали к королеве, я живу теперь в своей старой комнате на ее половине дворца. Анна осталась у себя, совсем одна. Я думала, матушка с ней побудет, я и все остальные придворные дамы теперь обязаны прислуживать королеве, а совсем не Анне.

— Ничего в этом нет плохого, просто ожидается множество народу из Сити, они приходят во время Рождества посмотреть, как король с королевой пируют. Никак нельзя, чтобы купцы и торговые люди болтали о невоздержанности короля. Ему хочется, чтобы все говорили — он выбрал Анну для блага государства, а не ради похоти.

Я бросила взгляд на слугу — не много ли мы себе позволяем.

— Не беспокойся о Джоше, он слегка глуховат, благодарение Богу. Плохо слышишь, да, Джош?

Слуга и головы не повернул.

— Хорошо, хорошо, ты свободен, — сказал Георг, но слуга продолжал как ни в чем не бывало паковать вещи.

— Все равно, лучше не рисковать, — заметила я.

— Джош, — брат повысил голос, — оставь нас, потом dokonчишь. Слуга вздрогнул, обернулся, поклонился Георгу и мне, вышел.

Брат бросился на кровать, удобно улегся, положив голову мне на колени. Я прислонилась к спинке кровати.

— Думаешь, доживем до этого? — лениво спросила я. — Такое впечатление, что мы к свадьбе готовимся уже лет сто, не меньше.

Он прикрыл красивые темные глаза, снова открыл, взглянул на меня.

— Бог знает, какова будет цена, когда дело наконец завершится. Счастье королевы, безопасность трона, уважение народа, нерушимая святость церкви. Иногда мне кажется, мы с тобой только и делаем всю жизнь, что на Анну работаем. И много ли нам за это достается?

— Ты, мой дорогой, наследник графской короны, вернее, двух.

— По мне бы лучше отправиться в крестовый поход и убивать неверных. А потом вернуться в свой замок к красотке-жене, которая от меня, храбреца, без ума.

— А мне подавай поле хмеля, яблоневый сад и стрижку овец.

— Ясно, оба дураки. — Георг снова прикрыл глаза.

Он, кажется, заснул на пару минут. Я бережно придерживаю его голову, смотрю, как подымается и опускается при дыхании грудь. Меня клонит в сон, прислоняюсь к расшитому покрывалу на спинке кровати, дремлю.

В полусне услышала, как заскрипела дверь, лениво открыла глаза. Нет, это не слуга Георга, не Анна, которой мы опять зачем-нибудь понадобились. Кто-то украдкой взялся за дверную ручку, тайком приоткрыл дверь. Джейн, жена Георга, теперь леди Джейн Рочфорд, всовывает голову в комнату и глядит на нас.

Она не вздрогнула, не произнесла ни слова, увидев нас вместе в постели, и я — не совсем еще проснувшись, не в силах пошевелиться, чувствуя какую-то неясную угрозу в ее неожиданном появлении — тоже не заговорила, наблюдаю за ней сквозь полуопущенные ресницы.

Она стоит тихо-тихо, не входя в комнату, но и не закрывая дверь, внимательно оглядывая открывшуюся картину — голова Георга у меня на коленях, мои ноги, полускрытые платьем, запрокинутая голова, чепчик, оставшийся на подоконнике, разметавшиеся со сна волосы. Она нас рассматривает, будто собирается писать портрет или ищет доказательства на месте преступления. Затем так же тихо, как и вошла, выскальзывает обратно.

Я тут же потрясла брата за плечо, а когда он проснулся, закрыла ему рот ладонью.

— Ш-ш-ш, Джейн только что была тут. Она все еще за дверью.

— Джейн?

— Да, Бога ради, Джейн, твоя жена Джейн.

— А что ей нужно?

— Она ничего не сказала. Просто вошла, посмотрела на нас, спящих на кровати вместе, все подробненько осмотрела и исчезла.

— Наверно, не хотела меня будить.

— Наверно, — неуверенно пробормотала я.

— Что такое?

— Она так странно глядела.

— Она всегда странно смотрит, — небрежно махнул рукой брат. — Девушка с душком.

— Вот именно. Понимаешь, она на нас смотрит, а мне кажется... — Я не могу подобрать правильного слова. — Будто я делаю что-то совершенно неприличное. Словно мы с тобой в чем-то виноваты, словно мы...

— Что?

— Слишком близко оказались.

— Мы же брат и сестра. Конечно, мы всегда рядом.

— Вместе в кровати и спали.

— Конечно, мы спали. Что нам еще делать в кровати вместе. Любовью заниматься?

Я хихикнула:

— Она так посмотрела, словно мне вовсе не положено быть у тебя в комнате.

— А где тебе еще быть? — Брат, похоже, ничуть не взволновался. — Где нам еще поговорить, придворные так и шныряют поблизости, норвят каждое слово подслушать. Она просто ревнует. Она бы все королевское приданое отдала за то, чтобы оказаться со мной в постели посреди бела дня. А по мне — лучше голову сунуть в пасть льву, чем положить ей на колени.

— Думаешь, не стоит беспокоиться? — улыбнулась я.

— Совершенно не стоит, — лениво отмахнулся он. — Она моя жена. Я как-нибудь с ней разберусь. Сама знаешь, как это делается в браке, захочу — вообще от нее избавлюсь и возьму себе хорошенькую.

Анна решительно отказалась проводить Рождество в Гринвиче, если не она будет в центре внимания. Генрих снова и снова пытался ей объяснить — это пойдет на пользу им обоим, но она никак не могла смириться, что он предпочел королеву.

— Я уеду! — кричала сестра. — Ни за что не останусь здесь, где на меня никто внимания не будет обращать. Поеду в Гевер, проведу

Рождество в деревне. Или лучше вернусь ко французскому двору. Отец уже там, мне будет весело. Ко мне во Франции всегда хорошо относились.

Он побледнел, будто она его ножом пырнула.

— Анна, любовь моя ненаглядная, единственная, не говори таких слов.

— Единственная любовь? — кинулась она на короля. — А на Рождество посадите рядом другую.

— И в этот день, и во все остальные лучше тебя мне не найти. Но если Кампеджо все еще докладывает обо всем Папе, мне нужно, чтобы все знали — я отказываюсь от королевы из самых чистых побуждений, просто по необходимости.

— Я, значит, недостаточно чиста? — Анна словно выплюнула эти слова.

Быстрота ума, которая так хорошо служила ей в придворном флирте, теперь оборачивалась против короля. И он не мог устоять — ни тогда, ни сейчас.

— Любовь моя ненаглядная, ты мой чистый ангел. И я хочу, чтобы об этом знал весь мир. Я сказал королеве, что ты будешь моей женой, ибо ты — лучшее, что есть в целой Англии. Этими самыми словами.

— Вы говорили с ней обо мне? — вскрикнула Анна. — Только не это. Оскорбление за оскорблением. А что она вам ответила? Что я не ангел, а всего лишь ее бывшая фрейлина? Что я ни на что не гожусь — даже рубашки подшивать?

Генрих закрыл лицо руками:

— Анна!

Она отвернулась, подошла к окну. Я притворялась, будто читаю книгу, низко склонила голову и быстро водила пальцем по строчкам, но в глазах все расплывалось. Тайком мы оба — король и его бывшая любовница — наблюдали за Анной. Плечи слегка сгорбились, кажется, пытается сдержать рыдания. Потом спина расслабилась, она обернулась — в глазах слезы, от гнева щеки порозовели, вся волнение, вся возбуждение. Приблизилась к королю, нежно тронула его за руку.

— Прости меня, — проворковала она, — прости меня, любовь моя.

Он взглянул на нее, не веря такому счастью. Распахнул объятья, она уютно устроилась у него на коленях, обняла его за шею,

прошептала:

— Прости меня.

Я тихонько поднялась, по кивку Анны выскользнула из комнаты, с порога услышала ее слова:

— Хорошо, я побуду в лондонском доме, а ты оплатишь мой рождественский пир.

Королева приветствовала меня легкой улыбкой победительницы. Ей, бедняжке, казалось — нет Анны, нечего и опасаться. Она не знала, какую епитимью наложила Анна на короля в качестве платы за отсутствие на рождественском пиру. Она ни о чем не догадывалась, хотя весь двор прекрасно понимал, что вежливое обхождение короля ни о чем не говорит.

Но она недолго находилась в неведении. Генрих ни разу не отобедал с ней наедине. Он вообще ни разу не остался с ней один на один, всегда в чьем-то присутствии. Не протанцевал с ней ни единого танца. Сказать по правде, он вообще не танцевал, только наблюдал за другими танцорами. Время от времени придворные кавалеры кружили перед ним новых красоток — юную наследницу из семьи Перси, следующую девчонку из рода Сеймуров. Кто только мог добиться места при дворе, прислал свою молоденькую чаровницу — вдруг удастся заполучить короля и стать новой королевой. Но король ни на кого не обращал внимания. Сидел утомленно рядом с женой, весь в мечтах о своей собственной красавице.

Вечером королева долго-долго стоит на коленях на молитвенной скамеечке, многие придворные дамы уже дремлют, ждут не дождутся, пока уже она нас отпустит. Когда королева наконец встала после молитвы, оказалось, что не сплю я одна.

— Ну вот, сколько же здесь Петров, — с грустью оглядела неверных слуг королева.

— Мне очень жаль, ваше величество.

— Похоже, здесь она или не здесь, ничего не меняется, — промолвила брошенная бедняжка. Склонила голову, будто головной убор слишком тяжел. Я отколола булавки, сняла с нее чепец. Как же поседели у нее волосы! За последний год она больше постарела, чем за пять предыдущих.

— Нет, нет, просто страсть, страстишка. Он выше этого. — Похоже, королева говорила сама с собой. — Она ему скоро надоест,

как все остальные. Бесси Блаунт, ты, а теперь вот Анна.

Я молчала.

— Сколько бы эта чаровница ни старалась, главное — ему не впасть в грех против Святой Церкви, я только об этом молюсь: „Господи, не дай ему впасть в грех“. А ко мне он вернется.

— Ваше величество, — тихонько начала я. — А если не вернется? Если признают ваш брак недействительным, если он женится на ней? Куда вы пойдете? Есть у вас убежище на случай крайней нужды?

Усталые голубые глаза взглянули на меня, словно королева Екатерина только что меня заметила. Протянула руки, чтобы удобнее было снять с нее платье, повернулась спиной, я заметила раздраженную от власяницы кожу. Ничего не сказала, помнила — она не любит, когда другие это видят.

— Я не готовлюсь к поражению, не желаю так низко падать. Уверена — Бог приведет Генриха обратно и мы снова будем счастливы вместе. Я знаю, моя дочь станет королевой Англии, лучше королевы не найти, уверена. Ее бабка — Изабелла Кастильская, какие тут сомнения, что женщина может править целым государством. Царствование нашей дочери войдет в историю, а король до самой моей смерти останется тем, чем был, когда мы только встретились, — Генрихом Верное Сердце, вот кем.

Она встала и ушла в спальню, служанка, дремавшая у огня, вскочила, взяла у меня платье и чепец королевы.

— Благослови тебя Господь, — сказала Екатерина. — Можешь отпустить всех остальных, пусть отправляются спать, чтобы не опоздать завтра утром на мессу. И ты тоже, Мария, я люблю, когда мои придворные дамы приходят на мессу.

Лето 1530

Я скачу по дороге в Гевер, окруженная целой армией слуг, впереди развевается один штандарт семьи Говардов, позади другой, а все остальные путники, попадающиеся нам навстречу, жмутся к придорожной канаве. Кругом пыльные изгороди и выгоревшая трава — весна была совсем сухая, все предсказывает плохой год, недолго и до чумы. Но по обеим сторонам дороги уже сложено в стога сладко пахнущее сено, пшеница и рожь поднялись выше колен, наливаются колосья, зеленеют поля хмеля, яблоневые сады роняют лепестки, они, словно снег, покрывают траву под деревьями.

Я не могу сдержаться, напеваю веселую песенку, радуюсь этой скачке по милой Англии, по полям и лугам. Теперь можно забыть про королевский двор и скорее, скорее к детям. Отрядом командует один из приближенных дядюшки, Уильям Стаффорд, его лошадь рядом с моей.

— Столько пыли! Как только выберемся подальше от города, прикажу отряду скакать позади.

Я украдкой бросаю на него взгляд. До чего хорош, широкоплечий, честное, открытое лицо. Верно, один из семьи Стаффордов, они вышли из милости, когда король позорной смертью казнил герцога Бекингема. Ясно, мой спутник рожден для большего, чем просто командовать маленьким отрядом слуг.

— Благодарю вас за то, что взяли меня сопровождать. Немалая услуга и мне, и моим детям.

— Ничего нет важнее, чем это. У меня ни жены, ни детей, но были бы — ни за что бы их не оставил.

— Так почему не женитесь?

— Еще не встретил той, что мне бы понравилась, — улыбается он.

Просто вежливая фраза, а в то же время звучит многозначительно. Страшно хочется спросить его, какая, как он думает, женщина ему бы подошла. Глупо быть таким привередливым. Большинство мужчин женится либо ради жениного приданого, либо ради полезных связей. Но Уильям Стаффорд совсем не кажется глупцом.

Подошло время привала и ужина, он уже рядом с моей лошадкой, готов снять меня с седла. Принял в объятия, подержал минутку, крепко-крепко, поставил на землю.

— Голова не кружится? — спросил ласково. — Целый день в седле.

Проводил меня на постоянный двор.

— Надеюсь, найдется что-нибудь на ужин. Обещали пожарить цыпленка, но сдается мне, будет старый и тощий гусь.

Я расхохоталась:

— Все, что угодно, умираю от голода. Вы со мной отобедаете?

На мгновение показалось — он ответит согласием. Но нет, поклонился и сказал вежливо:

— Я поем с остальными.

Самолюбие мое задето — как это так, отказаться от моего приглашения.

— Как вам будет угодно, — холодно кивнула, вошла в комнату с низким сводчатым потолком. Согрела руки у камина, выглянула в окошко с частым свинцовым переплетом. Стоит у конюшни, наблюдает за слугами, те до ужина расседлывают коней, обтирают их потные бока. Красивый какой, подумалось мне. Жалко только, что невоспитанный.

В то лето я решила — пора в первый раз подстричь золотые кудри маленького Генриха, а Екатерине настало время сменить коротенькие рубашонки на приличные ее возрасту платья. Генриху тоже надлежит теперь носить камзол и обтягивающие штаны. Что до меня, я бы оставила их еще на год в детской одежде, но бабушка Болейн настаивала — они уже не младенцы. Вдруг ей придет в голову написать Анне — пожаловаться, что я не выполняю надлежащим образом своих опекунских обязанностей.

Волосы у Генриха мягче пуха. Длинные золотистые кудри рассыпаны по плечам, завиваются в колечки, обрамляют румяное личико. Какая мать удержится от слез, готовясь лишиться такого богатства? Он мой маленький мальчик, а теперь кудрявое детство и пухлые щечки остаются позади, не будет больше этих спотыкающихся толстеньких ножек, маленьких, протянутых ручонков, требующих — возьми меня на руки.

Ему-то, конечно, все по нраву, ему подавай шпагу и пони. Он хочет отправиться ко французскому двору, как Георг, и научиться сражаться. Он бредит крестовыми походами и рыцарскими

поединками, мечтает поскорее вырасти, а мне бы только подольше держать на руках моего малютку.

Уильям Стаффорд^[25] наткнулся на наше любимое местечко — каменные скамейки, глядящие на ров и замок. Генрих все утро носился как угорелый и теперь мирно спит у меня на коленях, засунув палец в рот. Екатерина болтает босыми ножками в воде.

Уильям сразу заметил слезы у меня на глазах, но не стал ни о чем спрашивать, а просто тихо, чтобы не разбудить мальчика, произнес:

— Простите, что беспокою, но сегодня мы возвращаемся в Лондон. Если есть какие вести родным, рад буду передать.

— Я приготовила на кухне корзину с овощами и фруктами — для моей матери.

Он кивнул. Потом начал неуверенно, с трудом подбирая слова:

— Простите меня, но я часто вижу — вы плачете. Могу я чем-то помочь? Ваш дядя приказал мне о вас заботиться. Значит, мой долг убедиться — вас никто не обидел.

Мне сразу стало весело.

— Нет-нет, просто Генрих уже совсем взрослый в этой одежде, нет больше моего милого малютки. Не хочется, чтобы они с Екатериной выросли. Будь у меня муж, он бы подстриг ему волосы, даже не спрашивая меня, а теперь мне придется это делать самой.

— А вы тосковали по мужу? — спросил он.

— Немножко. — Интересно, что Стаффорд знает о моем браке, да и вообще — о любом браке. — Мы нечасто бывали вместе.

Что еще сказать, чтобы не солгать, но и правды не упомянуть? Он, глядя мне прямо в глаза, кивнул — не ясно, понял или нет.

— Я хотел спросить — вы сейчас тоскуете? — Похоже, он куда умнее, чем кажется. — Теперь вы у короля не в почете и смогли бы родить мужу еще одного сынишку. Начать все сначала.

— Наверно, — неуверенно пробормотала я. С чего это мне вздумалось обсуждать свои дела с простым дворянином на службе у дядюшки? Говоря по правде, таких пруд пруди, обычный искатель приключений!

— Не такая уж приятная жизнь для молодой женщины — двадцать два года, двое малышей. Вся жизнь впереди, а приходится все время быть при сестре, прятаться в ее тени. Это вам, у кого совсем недавно всего было в достатке.

До чего же точное описание моей жизни — и к тому же нелицеприятное. Ничего не остается — только честный ответ:

— Такова женская доля. Сама бы я этого не выбрала — вы уж мне поверьте. Но что делать — женщина просто игрушка судьбы. Будь жив мой супруг, он бы был в немалом почете. Брат — лорд Георг, отец — граф, муж бы тоже внакладе не остался, а за ним и я. А так... Но я урожденная Болейн и Говард, кое-что есть и у меня, мы еще посмотрим.

— Похоже, вы тоже искательница приключений. Как я. Или готовы ею стать. Пока семейство занято Анной, пока ее будущее висит на волоске, стоит подзаняться своим, самой решить, что делать. Они о вас позабыли на минутку, пора воспользоваться наконец свободой.

— Так вот почему вы не женились! — Интересный у нас получается разговор. — Чтобы быть свободным?

Он улыбнулся, белозубая улыбка на загорелом лице.

— Именно так. Я сам себе господин. Никому ничего не должен, ни мужчине — за пропитание, ни женщине — из чувства долга. Нанялся к вашему дядюшке, ношу его цвета, но я ему не слуга. Я англичанин и рожден свободным, мне никто не указ.

— Вы мужчина, — вздохнула я. — Для женщины все иначе.

— Да, — кивнул он. — Если только она не замужем за мной. Двое могут быть свободны и вместе.

Я рассмеялась тихонько, крепче прижала к себе сына.

— Вы и впрямь далеко пойдете — без денег, без жалованья, женившись против воли вашего господина, без благословения семьи невесты.

— Случалось начинать и похуже. — Видно, такой мелочью его не смутишь. — Скажу по правде, предпочел бы женщину, которая меня полюбит, доверит свою жизнь и благополучие, не нужен мне ее папаша, уж он меня свяжет по рукам и ногам приданым и брачным контрактом.

— А ей что достанется?

— Моя любовь, — взглянул мне прямо в глаза.

— Которая, конечно, стоит того, чтобы порвать с семьей, рассориться с господином — к тому же близким родственником будущей супруги?

Посмотрел наверх, туда, где под бойницами башенок замка ласточки слепили из грязи и глины свои гнезда.

— Мне нужна женщина, свободная как птичка. Та, что придет ко мне в жажде любви, моей любви, та, которой ничего, кроме любви, не нужно.

— Вот и получите вместо жены дуру, — резко бросила я.

Он снова поглядел на меня, усмехнулся:

— Выходит, мне повезло, что я такой женщины еще не встретил. И никто не остался в дураках.

Я кивнула. Вроде бы вышла победительницей в споре, но нет, все равно оставалась какая-то недоговоренность.

— Лучше уж мне оставаться незамужней. — Опять точка не поставлена.

— Да уж, лучше, — странным тоном отозвался он и низко поклонился, собираясь уходить. — Прощайте пока, леди Кэри. Уверен, ваш малыш всегда будет вашим, в длинных штанах или в коротеньких. Я любил свою мать до ее последнего вздоха, Господь упокой ее душу, и всегда оставался ее малышом — даже когда вырос совсем большой и слушаться перестал.

Не стоило беспокоиться из-за кудрей маленького Генриха. Теперь, после стрижки, проступила красивая форма головы, нежная, трогательная шейка. Конечно, он уже не младенец, но какой же из него получился хорошенький и веселый мальчишка. Приятно потрепать его по затылку, почувствовать тепло родного тельца. Во взрослой одежде он кажется настоящим принцем, и я волей-неволей снова стала подумывать, вдруг в один прекрасный день он сядет на английский трон. А почему бы и нет? Его отец король, он усыновлен той, что — и впрямь может случиться — станет королевой Англии. Но важнее всего — из него получился самый что ни на есть золотой мальчик, истинный принц. Стоит как папаша — ноги расставил, руки в боки, словно весь мир принадлежит ему одному. Превосходный характер, послушен, как ни один другой сыночек. Только позовешь — несется на материнский голос покорно, словно сокол на свист выжлятника. В это лето он был настоящий золотой мальчик, что горевать о малыше, его уже нет, перед тобой мальчишка, и в нем уже видны черты молодого мужчины, которым ему предстоит стать.

Теперь мне захотелось еще одного малыша. Генрих повзрослел, у меня уже нет моего маленького. Я принялась мечтать о следующем сыне, том, что не станет пешкой в придворной игре, в сражении за трон, будет желанен сам по себе. Хорошо бы родить сына любимому мужчине, который жаждет воспитывать его вместе с тобой. Я не переставала об этом думать и в результате вернулась ко двору хмурой и мрачной.

Уильям Стаффорд прискакал за мной с отрядом — проводить в Ричмондский дворец. Мы решили пуститься в путь на рассвете, чтобы дать лошадям отдохнуть среди дня. Я поцеловала на прощание детей и прошла на конюшню, Стаффорд легко поднял меня в седло. Я ничего не могла поделать со слезами — горько было оставлять детей. Слезинка, к моему величайшему смущению, упала ему прямо на щеку. Он смахнул ее пальцем, но вместо того, чтобы вытереть руку о штанину, поднес палец к губам и слизнул соленую жидкость.

— Как вы смеете?

— Нечего ронять на меня слезы. — Тон страшно виноватый.

— Нечего их слизывать, — выпалила я в ответ.

Он ничего не сказал, но и не отошел, постоял рядом минут-другую, потом громко крикнул: „По коням!“ — отвернулся, вскочил в седло. Маленькая кавалькада поскакала, я замахала детишкам, оба, и мальчик, и девочка, забрались на скамью под окном в детской и махали мне крошечными ручонками.

Гулкий стук копыт по полному деревянному покрытию подъемного моста, длинная, прямая дорога через парк. Уильям Стаффорд скачет прямо рядом со мной.

— Не плачьте, — внезапно просит он.

Я отвожу взгляд, пусть уж лучше убирается туда, к своему отряду.

— А я и не плачу.

— Плачете. Я не могу всю дорогу до Лондона сопровождать рыдающую женщину.

— Да не рыдаю я вовсе, — бросила раздраженно, — хотя только что рассталась с детьми и знаю — мне их не увидеть целый год. Целый долгий год! Есть у меня право погрустить?

— Нет, — убежденно возразил он, — и я могу объяснить почему. Вы мне весьма убедительно доказали — женщине надлежит делать то, что ей семья приказывает. Вам семья приказала жить вдали от детей,

позволила сестре усыновить вашего ребенка. Лучше уж бороться с ними за своих детей, чем вот так рыдать. Но если решили быть истинной Болейн и Говард, ищите счастье в покорности.

— Я желаю побыть одной, — холодно бросила я.

Он немедленно пришпорил коня, приказал передовому отряду перестроиться и следовать за мной. Теперь все позади меня, и я в одиночестве и молчании скачу так до самого Лондона — жаловаться не на что, я сама приказала.

Осень 1530

Двор собрался в Ричмонде, Анна сияет улыбками после лета, проведенного вместе с королем вдали от города. Они каждый день охотились, он преподносил ей подарок за подарком, то новое седло для охотничьей лошади, то новенькие лук со стрелами. Даже приказал седельщику сделать ему двойное седло, чтобы ей удобно было сидеть позади, обхватив его за талию, голова на плече возлюбленного, шепчешь на ухо нежности, пока скачешь на охоту. Куда бы они ни приезжали, все уверяли — страна в полном восторге от этой парочки и ее планов. Каждый придворный так и норовил разразиться приветственной речью, верноподданнической поэмой, устроить для них костюмированный бал или живые картины. В каждом доме их ждали розовые лепестки и благоухающие травы под ногами. Снова и снова льстецы повторяли, что Генрих и Анна, как никто, подходят друг другу и их ждет прекрасное будущее. Казалось, все идет по плану и подвохов ждать неоткуда.

Мой отец вернулся домой из Франции и только молча кивал, чтобы не потревожить идиллию. Как-то раз он бросил, обращаясь к дядюшке: „Счастливы они вместе, и хорошо, нам остается Бога за это благодарить“. Мы сидели на террасе и наблюдали, как Анна упражняется в стрельбе из лука. Она прекрасно стреляла, похоже было — приз достанется ей. Только одна дама, леди Елизавета Феррерс, не уступала сестре.

— Ничего не скажешь, приятный момент, — кисло ответил дядюшка. — А то у вашей дочери характер как у бешеной кошки.

— Вся в мамашу, — весело хихикнул отец. — У Говардов все девчонки — хорошенькие штучки. У вас, наверно, тоже немало было в детстве потасовок с сестрицей.

Дядя Говард даже не улыбнулся — нечего поощрять подобную фамильярность, ледяным тоном провозгласил:

— Женщине подобает знать свое место.

Мы с отцом переглянулись. Всем известны громкие скандалы в доме дядюшки. Да и было с чего скандалить. Дядя Говард открыто содержит любовницу, с того самого дня, как жена родила ему сыновей. Тетушка клянется и божится, что эта девка — просто прачка и до сих

пор они все свои делишки делают только на грязных простынях — никак не могут иначе. При дворе нередко прохаживались по поводу ненависти, царившей в семействе Говардов. Посмотреть на них, когда они появляются вместе при дворе, когда положено, поддерживая видимость семейного счастья, — настоящий театр, да и только, он еле держит ее за кончики пальцев, а она идет, отворотивши нос, будто от него и впрямь воняет немытыми чулками и грязными воротничками.

— Не все из нас одарены вашим умением обращаться с женщинами, — отозвался отец.

Дядюшка бросил на него удивленный взгляд. Он — многолетний глава семьи — привык к почтительности. Но теперь мой отец и сам граф, а его дочурка, та, что спускает стрелу с тетивы, может вскорости оказаться королевой.

Анна повернулась, довольная выстрелом, а Генрих, не в силах даже на короткий срок оторваться от нее, вскочил с кресла, бросился к ней и при всем дворе поцеловал прямо в губы. Придворные заулыбались, зааплодировали. Леди Елизавета притворилась, что ничуть не уязвлена, уступая первенство королевской фаворитке, и получила от короля вторую награду — небольшую брошку. Анне досталось головное украшение в форме крошечной золотой короны.

— Корона, — выдохнул отец, глядя, как король протягивает приз его дочери.

Уверенным жестом Анна отбросила чепец, и вот она стоит перед всеми, блестящие черные завитки густых волос откинута со лба. Генрих шагнул вперед, возложил корону ей на голову. Никто не смел прервать воцарившегося молчания.

Положение спас королевский шут. Он вприпрыжку подбежал к королю, спрятался у него за спиной, выглянул из-за плеча, посмотрел на Анну:

— Госпожа Анна, госпожа Анна, похоже, целились-то в яблочко, а попали-то в яич...

Генрих со смехом обернулся, игриво замахнулся на шута, тот легко увернулся. Все облегченно расхохотались, а Анна — корона на темных, блестящих волосах — стыдливо залилась столь идущим ей румянцем, погрозила шуту пальчиком, а потом спрятала смущенное лицо на плече у короля.

Я спала в той же комнате, что и Анна, — одной из лучших во дворце в Ричмонде. Не опочивальня королевы, конечно, но почти ей не уступает. По негласному соглашению Анне досталась анфилада комнат, которую ей разрешалось украсить не хуже, чем спальню королевы, и почти так же богато, как спальню короля. Пока еще не сами покои королевы, хоть Екатерины во дворце и нет. При дворе изобретались новые правила, старыми в такой необычной ситуации не обойдешься.

Анна раскинулась на богато убранной постели, не обращая внимания на смятое платье.

— Довольна летом? — лениво спросила она. — Как дети?

— Здоровы, — коротко ответила я. Просто не желаю говорить с ней о сыне. Нет у нее права быть заботливой тетушкой, теперь, когда она решила стать его матерью.

— Ты сидела во время стрельбы из лука с дядюшкой. О чем вы разговаривали?

— Ни о чем особенном, — постаралась я припомнить, — просто упомянули, что вы с королем, похоже, счастливы.

— Я ему сказала, что хочу избавиться от Уолси, он теперь на стороне королевы.

— Анна, он потерял должность лорд-канцлера, довольно уже для мести.

— Он переписывается с королевой, его следует казнить.

— Он ведь был тебе другом.

— Мы просто каждый играли свою роль. — Сестра покачала головой. — Чтобы короля задобрить. Уолси мне посылал форель из собственного пруда, я ему маленькие подарочки. Но я никогда не забуду, как он со мной говорил тогда — о Генрихе Перси, а он всегда будет помнить, что я Болейн, такая же выскочка, как и он сам. Он ревнует ко мне, я ревную к нему. С той самой минуты, как я вернулась из Франции, мы стали врагами. Он меня еще не знает, не понимает всей моей власти. Вот взглянет в лицо смерти — поймет. Я получила его дом. Теперь мне нужна его жизнь.

— Он старик. Потерял все богатство и титулы, все, чем так гордился. Доживает теперь свой век в епархии в Йорке. Хочешь ему отомстить — оставь его там гнить навеки. Довольно и такой мести.

— Не мне, — покачала головой Анна. — Король его все равно любит.

— Королю нельзя любить никого, кроме тебя? Даже служителя церкви, который о нем столько лет заботился, как отец?

— Нет, пусть любит только меня. Меня одну.

— Теперь ты его хочешь, да? — удивилась я.

Она расхохоталась мне в лицо:

— Ничего подобного. Но пусть ни с ним не видится и ни с кем не разговаривает, кроме меня и тех, кому я доверяю. А кому я могу доверять?

Я покачала головой — не знаю.

— Тебе — наверно, могу. Георгу — всегда. Отцу — чаще всего. Матушке — иногда. Дяде Говарду — когда это ему самому выгодно. Тетушке — нет, она на стороне Екатерины. Может быть, герцогу Суффолку, но его жене, Марии Тюдор, — никогда, она меня ненавидит, считает выскочкой, забравшейся слишком высоко. Кому еще? Никому. Это все. Может, кое-кому из придворных кавалеров, они ко мне равнодушны. Кузену сэру Франциску Брайану,^[26] Франциску Уэстону, он с Георгом дружит. Сэру Томасу Уайетту я по-прежнему нравлюсь, и... — Она подняла пальчик в молчании, мы обе знали, о ком думаем — о Генрихе Перси в далеком Нортумберленде, решившем никогда не появляться при дворе, несчастном до гроба, живущем в глуши с ненавистной женой, на которой его заставили жениться.

— Получается десять, — тихо продолжала сестра. — Только десять человек во всем мире желают мне добра. А все остальные ждут не дождутся, пока я свалюсь с той высоты, куда забралась.

— Но кардинал, наверно, ничего против тебя теперь не имеет. Он все равно всю власть потерял.

— Тогда самое время его уничтожить. Прямо сейчас, когда он всю власть потерял, беспомощный старик.

Интригу затеяли герцог Суффолк и дядюшка Говард, но все нити вели к Анне. Дядюшка добыл доказательства переписки кардинала с Папой, и король, который уже сместил старого друга с важной должности, снова повернулся против него — приказал арестовать кардинала.

Анна сама выбрала посланца для этой важной миссии. Пусть знает, кого он когда-то обозвал дурочкой и выскочкой. Генрих Перси

Нортумберленд отправился в Йорк к Уолси предъявить ему обвинение в измене и сопровождать его в долгом пути в Лондон, где кардиналу предстояло остановиться не в богатом доме в Хэмптоне, теперь принадлежащем королю, не в роскошном лондонском именье, уже переименованном в Уайтхолл и доставшемся Анне, нет, ему, предателю, предстояло заключение в Тауэре, пусть там дожидается суда, а потом, как другие, выйдет оттуда только для того, чтобы проделать короткий путь к эшафоту.

Наверно, Генриху Перси доставило немало удовлетворения конвоировать к Анне разлучившего их злодея, теперь еле живого от отчаянья и бессилья. Не его вина, что кардиналу удалось избежать придуманного Анной наказания — старик умер в дороге, и сестре пришлось удовольствоваться в своей мести только одним — именно несостоявшийся возлюбленный, которого ее лишил кардинал, наконец смог объявить ему о грядущем возмездии.

Рождество 1530

Королева снова вернулась ко двору на Рождество, а Анна закатила свой собственный рождественский пир в бывшем дворце покойного кардинала. Все, конечно, знали, что каждый день король, отобедав с королевой, как положено, выскальзывает тайком из дворца и на королевской барке причаливает к ступеням Уайтхолла, где его ждет еще одна трапеза — на этот раз с Анной. Иногда он брал с собой придворных кавалеров и дам, включая и меня, и мы, тепло закутавшись — стояла холодная погода, проводили веселую ночь у реки. Барка отправлялась обратно, над головой сияли крупные звезды, огромная белая луна освещала путь.

Я снова придворная дама королевы и в ужасе вижу — как же она изменилась. Даже когда она поднимает голову и улыбается Генриху, в глазах ни тени радости. Он лишил ее счастья, и, похоже, навсегда. Она не потеряла присущего ей королевского достоинства, уверенная в себе испанская принцесса и английская королева, но женское сияние, окружающее ту, которую обожает муж, покинуло ее навеки.

Мы сидим вместе у огня в ее парадной опочивальне, престольная пелена раскинулась от одной стороны камина до другой. Я вышиваю голубым шелком небеса, все еще далекие от завершения, а она — редкий случай — оставила голубой и занялась другим цветом. Как же она, наверно, устала, если не кончила вышивку. Обычно Екатерина всякое дело доводит до конца, чего бы ей это ни стоило.

— Видела детей летом? — спросила королева.

— Да, ваше величество. У малышки Екатерины уже длинное платье, и она учит латынь и французский, а Генриху пришлось обрезать кудри.

— Пошлешь их ко французскому двору?

— Пока еще нет. — Я не сумела скрыть тревоги в голосе. — Они еще такие малютки.

— Леди Кэри, — улыбнулась она, — дело не в том, сколько им лет, а в том, как они дороги материнскому сердцу. Но им все равно придется научиться выполнять свой долг. Как когда-то тебе самой, как когда-то мне.

— Вы правы, ваше величество, — склонив голову, прошептала я.

— Женщине следует знать свои обязанности, чтобы их выполнять, как положено, и жить жизнью, назначенной ей Богом, — провозгласила королева. Я знала, она думает о моей сестре, что живет совсем не той жизнью, какая ей была назначена Богом. Анне отменно живется благодаря красоте лица и остроте ума, не говоря уже о бесконечных усилиях родни.

В дверь постучали, на пороге показался один из слуг моего дядюшки.

— Герцогиня Норфолк прислала в подарок апельсины, — объявил он. — И письмо.

Я встала забрать хорошенькую корзинку — апельсины, уложенные на темно-зеленых листьях. Письмо с печатью дядюшки сверху.

— Прочти записку, — приказала королева. Я положила фрукты на маленький столик и раскрыла послание: „Ваше величество, только что мы получили бочку апельсинов с вашей родины. Я взяла на себя смелость отправить вам несколько штук вместе с самыми наилучшими пожеланиями“.

— Как мило, — проговорила королева. — Отнесешь ко мне в спальню, Мария? А тетушке своей напиши записку, поблагодари от моего имени.

Я отнесла корзинку в спальню королевы, перешагнула порог, зацепилась каблуком за пушистый коврик, споткнулась, апельсины раскатились по комнате. Я тихонько выругалась, заторопилась — надо все подобрать, пока королева не вошла, ей такой беспорядок по вкусу не придется.

Тут я заметила кое-что на дне корзинки. Замерла в ужасе. Маленький, свернутый в трубочку клочок бумаги. Развернула — весь покрыт крошечными цифрами, ни одного слова. Ясно — шифровка.

Стою на коленях на полу, вокруг рассыпаны апельсины, никак не могу подняться. Наконец, стала медленно складывать фрукты обратно в корзинку, поставила корзинку на низкий сундук. Даже отступила назад, посмотреть, как красиво они уложены, чуть-чуть поправила корзинку. Сунула записку в карман, вернулась в комнату, где сидит та, кого я люблю больше всех на свете. Присела рядом, продолжая вышивать, в моем кармане — клочок бумаги, грозящий ей неминуемой катастрофой. Что же мне делать? Что же мне делать?

Нет у меня выбора. Куда ни глянь, выбора нет. Я — Болейн. Я — Говард. Если не стану хранить верность семье, я — никто. Ни будущего у меня нет, ни защитников. Как мне тогда прокормить детей? Отнесла записку дядюшке, положила перед ним на стол.

Записку расшифровали за полдня. Код оказался не слишком сложным. Ничего особенно важного там не было — просто слова ободрения от испанского посла, он их шепнул на ухо тетушке, а та передала королеве. Не то чтобы и впрямь настоящий заговор. В общем, пустяки — поддержать королеву, пусть не теряет надежды. И вот теперь — из-за меня — у нее отберут и это последнее утешение.

Новости вызвали чудовищную ссору между дядюшкой и тетушкой. Он кричал на жену, обзывал ее предательницей, заговорщицей против короля и против мужа. Даже сам король пытался увещевать мою тетушку. Тут я не выдержала и пошла прямо к королеве. Она была у себя, стояла у окна, глядя, как толпа придворных, закутанных в меха, ждет на пристани — скоро барка отвезет их туда, где моя сестра держит свой двор, соперничающий с двором королевы. Екатерина стояла одна, в полном молчании, смотрела — вот они садятся в барку, шут скачет вокруг, музыканты играют на лютнях и поют для отъезжающих.

Я упала на колени перед королевой, смело начала свое признание:

— Я передала записку герцогини дядюшке. Нашла ее в корзинке с апельсинами. Если бы она сама не попала мне в руки, я бы не стала искать. Похоже, то и дело вас предаю, сама того не желая.

Она глянула на мою склоненную голову — пустяки, ничего страшного.

— Всякий бы так поступил — по крайней мере, из тех, кого я знаю. Не передо мной надо вставать на колени, леди Кэри, перед Богом.

— Прошу вас простить меня. — Я не поднялась с колен. — Мой долг — блюсти интересы семьи, а что хорошо моей семье — плохо вашему величеству. Будь я вашей придворной дамой в какие-то другие времена, всегда бы хранила вам верность.

— Не будучи искушаема, не согрешишь. Будь тебе невыгодно меня предавать, оказалась бы вернейшей из верных. Убирайтесь вон, леди Кэри, вы ничем не лучше вашей сестрицы. Еще одна пронира, только о себе и думает. Я знаю, настоящую Болейн не остановишь,

коли задеты ее интересы. Иногда мне кажется, даже моя смерть ей не помеха. Да и ты всегда поможешь — а я так тебя любила, мою маленькую служаночку. Ты всегда на ее стороне, всегда.

— Она моя сестра, — страстно вырвалось у меня.

— А я твоя королева. — В голосе лед. Коленки уже саднило, но я не хотела вставать.

— Она получила моего сына, а король слушается каждого мановения ее руки.

— Убирайся, — повторила королева. — Рождественская неделя кончается. Мы не увидимся до Пасхи. Папа скоро объявит свое решение, скажет королю, что он не может осквернить таинство брака. Что тогда предпримет твоя сестрица? Обвинит меня в государственной измене? Или подсыплет яду в питье?

— Она такого не сделает, — прошептала я.

— Еще как сделает, — прозвучал резкий ответ королевы. — И ты ей поможешь. Уходи отсюда. Не желаю видеть тебя до Пасхи.

Я поднялась с колен, попятилась к двери, опустилась в реверансе, так низко, как могла, будто кланялась императору. Не подняла лица — пусть не видит моих слез. Как же мне стыдно! Вышла из комнаты, затворила дверь, оставила Екатерину одну глядеть на замерзший сад и смеющихся придворных, отправляющихся засвидетельствовать почтение ее сопернице.

В саду было совсем тихо, все уже уплыли на барке. Я засунула озябшие руки глубоко в мех, спустилась к реке. Голова склонена, щеки заледенели от слез. Внезапно услышала за спиной тяжелые шаги.

Медленно подняла голову. Стройные ноги, приятно посмотреть, теплый камзол, коричневая бархатная шапочка, улыбка на лице — Уильям Стаффорд.

— Не поехали с остальными к сестре? — Он даже не удосужился поздороваться.

— Нет.

Он взгляделся повнимательней — я не успела отвернуться.

— Дети в порядке?

— Да.

— Тогда в чем дело?

— Я сделала ужасную гадость. — Взглянула на реку, туда, куда плыла барка, полная веселых придворных, прищурила глаза от яркого

зимнего солнца, отражавшегося в воде.

Он молча ждал продолжения.

— Узнала кое-что про королеву и рассказала дядюшке.

— Он тоже думает, что вы сделали гадость?

— Ну нет, — коротко рассмеялась я. — Он, пожалуй, считает, что теперь у меня в долгу.

— А, тайная шифровка герцогини, — догадался он. — Все только об этом и толкуют. Но никто не знает, как про это удалось проведать.

— Я, я...

— От меня они не узнают. — Небрежным жестом взял меня под руку, повел вдоль реки. Яркое солнце светит в лицо, ладонь, зажата между нашими телами, начинает потихоньку согреваться.

— А вы бы как поступили? — спросила я. — Вы свои мысли держите при себе и гордитесь, что сами себе господин.

Стаффорд ужасно довольнo глянул на меня:

— В жизни бы не поверил, что вы все еще помните наши разговоры.

— Это ничегошеньки не значит, — забеспокоилась я.

— Конечно, конечно.

Он на минуту задумался:

— Наверно, поступил бы так же. Планируй, скажем, ее племянник внезапное вторжение — важно было бы получить такую информацию.

Мы дошли до ограды сада.

— Не открыть ли калитку и не прогуляться ли до деревни? — пригласил он. — Выпить по чарочке эля, поесть жареных каштанов.

— Нет, мне нужно быть на ужине, хоть королева меня и прогнала до Пасхи.

Он повернулся и, не говоря ни слова, повел меня обратно, рука у его бока совсем согрелась. У садовой калитки подле дворца остановился.

— Придется вас здесь оставить. Я, собственно, шел на конюшню, да вот увидел вас. Лошадь моя захромала, хочу проверить, все ли, что надо, сделано.

— Право, не понимаю, почему вы вообще при виде меня остановились. — В голосе еле слышный намек на игривость.

Он взглянул мне прямо в лицо, я почувствовала, как задышала чуть чаще.

— Понимаете, прекрасно понимаете, — медленно проговорил он. — Думаю, вы прекрасно понимаете, почему я при виде вас остановился.

— Вы... — начала я.

— Ненавижу запах этой мази, когда они копыта смазывают, — резко бросил он, поклонился и исчез прежде, чем я рассмеялась, придумала достойный ответ или даже просто догадалась, что он заманил меня в ловушку флирта — именно туда, куда я пыталась заманить его.

Весна 1531

Церковь поняла быстро — со смертью кардинала она лишилась не только величайшего стяжателя, добытчика средств и земель, но и своего главного защитника. Генрих обложил церковь чудовищными налогами, опустошил монастырские сокровищницы, и церковники быстро сообразили — Папа, конечно, духовный лидер, но земной глава куда ближе и куда могущественнее.

Но даже королю не осуществить все это в одиночку. Атаки Генриха на церковь поддержали те ярчайшие мыслители эпохи, чьими книгами когда-то зачитывалась Анна, они призывали церковь вернуться к чистой и простой жизни первых христиан. Да и английский народ, несведущий в богословии, не поддержал священников и монахов, встал на сторону Генриха, говорившего о правах английского народа на английскую церковь. Римская церковь — далеко в Риме, в чужой земле, как раз сейчас под властью императора чужой страны. Куда лучше иметь церковь, несущую ответственность прежде всего перед Богом, а правит ею пусть, как и всем в стране, король Англии. А без этого какой он король?

Никто, кроме церковников, и не думал оспаривать эту логику. Да и внутри церкви лишь епископ Фишер, старый, непреклонный духовник королевы, осмелился выразить протест, когда Генрих стал именовать себя верховным главой английской церкви.

— Не допускайте его ко двору, — потребовала Анна у Генриха.

Они сидели в амбразуре окна в комнате для приемов во дворце в Гринвиче. Анна только слегка понизила голос, не обращая внимания ни на просителей, ожидающих короля, ни на придворных, толпящихся вокруг.

— Вечно он прокрадывается в покои королевы и шепчется с ней часами. Думаете, она исповедуется, а он молится? Кто знает, какие советы он дает, какие козни они строят?

— Нельзя отрицать, она блюдет обряды, — здраво заметил король. — Не будет она плести интриги в исповедальне.

— Он шпион, — отрезала Анна.

Король погладил ее по руке:

— Успокойся, любимая. Я — глава английской церкви и сам могу заключить наш брак. Почти все готово.

— Фишер выступит против нас, — раздраженно сказала Анна. — И все будут его слушать.

— Не Фишер верховный глава церкви, а я, — повторил король, смакуя каждое слово. Его взгляд упал на одного из просителей. — Чего вы хотите? Можете приблизиться.

Тот шагнул вперед и протянул бумагу — спор по поводу завещания, который не смог разрешить суд по опеке. Наш отец, который и привел просителя, подтолкнул его в спину — пора обратиться с просьбой. Анна скользнула от Генриха, потянула отца за рукав, что-то прошептала. Просители отошли в сторону, а она, улыбаясь, вернулась на свое место.

Я тем временем раскладывала игральные карты. Оглянулась в поисках четвертого партнера. Сэр Франциск Уэстон выступил вперед и поклонился:

— Смею ли я поставить на карту свое сердце?

Георг с нежной улыбкой следил за нашим флиртом.

— Вам нечего ставить, вспомните, вы клялись, что отдали сердце, увидев меня в голубом платье.

— Я вернул его назад, когда вы танцевали с королем, хоть и разбитое, но вернул.

— Это не сердце, а старая потрепанная стрела, — заметил Генрих. — Вечно вы отдаете свое сердце, а потом забираете назад.

— Потому что никак не могу попасть в мишень, — ответил сэр Франциск. — По сравнению с вами я никудышный стрелок, ваше величество.

— И никудышный игрок? — с надеждой спросил король. — Играем по шиллингу за очко.

Через несколько дней епископ Фишер заболел и чуть не умер. Трое обедавших вместе с ним скончались от яда, остальные тоже заболели. Кто-то подкупил повара, и он подсыпал яду в суп. По счастью, епископу Фишеру в тот день не очень хотелось супа.

Я не спрашивала, что Анна говорила отцу и что он ответил. Не спрашивала, имеет ли она отношение к болезни епископа и смерти троих, ни в чем не повинных гостей. Тягостна мысль — твоя собственная сестра, твой отец — убийцы. Но я помнила, как

потемнело ее лицо, когда она признавалась, что ненавидит епископа не меньше, чем кардинала. И вот кардинал умер от стыда, а суп епископа приправили ядом. Вся история, начавшаяся как летний флирт, выростала в нечто большое и темное, и знать мне об этом совершенно не хотелось. Мрачноватый девиз „Так и есть: ненависть за ненависть“, казалось, стал проклятием, наложенным Анной на Болейнов, на Говардов, на всю страну.

На Пасху королева, как и предсказывала, оказалась в центре внимания двора. Король каждый день обедал в ее обществе, они улыбались друг другу, но если кто-нибудь из Лондона приходил посмотреть, как король и королева обедают, то, возвращаясь домой, наверно, рассказывал — просто стыд и позор, мужчина в расцвете лет связан с женщиной, уже одной ногой стоящей в могиле. Иногда королева рано удалялась к себе, придворные дамы могли выбирать — уйти вместе с ней или остаться. Я всегда уходила вместе с королевой. Устала от бесконечных скандалов и сплетен, женской злобы, хрупкого очарования моей сестрицы. Просто боялась того, что увижу, если останусь. А какой надежной казалась жизнь, когда я появилась при дворе, полная надежд, единственная юная Болейн в Англии, новобрачная, жаждущая счастья с мужем.

Королева молча принимала мои услуги, никогда не поминала давнее предательство. Лишь однажды спросила, не хочу ли я остаться в зале посмотреть на танцы.

— Нет, ваше величество.

Взяла книгу и хотела предложить почитать вслух, пока она вышивает престольную пелену. Почти все голубое небо уже готово. Поразительно, как быстро и аккуратно она работает. Ткань, расстеленная на коленях, спадает на пол голубыми волнами, осталось вышить лишь маленький кусочек.

— Не интересуешься танцами? Ты, молодая вдова? Разве у тебя нет поклонников?

— Нет, ваше величество.

— Пора отцу подыскать тебе нового мужа. — Она явно утверждает очевидное. — Он уже говорил с тобой?

Покачала головой:

— Нет, ваше величество, наши дела... — Не могу закончить фразу, как подобает придворной даме. — Наши дела расстроены.

Королева Екатерина смеется от всей души.

— Об этом-то я и не подумала, — соглашается она. — Большой риск для жениха! Кто знает, как высоко он может подняться — или как низко пасть.

Печально улыбаюсь, показываю корешок книги:

— Почитать вам, ваше величество?

— Думаешь, я в безопасности? — вдруг спрашивает королева. — Предупредишь, если будет угроза для жизни?

— Какая угроза?

— Яд.

Меня бьет озноб, весенний вечер вдруг становится сырым и холодным.

— Наступают мрачные времена, очень мрачные.

— Знаю. А все так хорошо начиналось.

Королева никому, кроме меня, не сказала о своих опасениях, но придворные дамы заметили — прежде чем начать завтрак, она дает кусочек борзой собаке по кличке Фло. Одна из фрейлин, Джейн Сеймур,^[27] заявила — борзая растолстеет, и, вообще, нельзя приучать собаку есть со стола. Кто-то со смехом заметил: любовь собачки, вот и все, что осталось у королевы. Я промолчала. Только подумала — почему бы не попробовать пищу на одной из них. Лишиться Джейн Сеймур — небольшая потеря.

Когда пришло известие — принцесса Мария нездорова, моя первая мысль, как и у королевы, — ее милую, умную дочь отравили. Возможно, моя сестра.

— Она очень больна. — Королева читала письмо от врача. — Боже мой, уже восемь дней! У нее рвота.

Забыв об этикете, я схватила ее за руку. Рука дрожала так, что хрустела бумага.

— Это не яд, — прошептала настойчиво. — Кто выиграет от ее смерти?

— Она моя наследница. — Лицо королевы блее листа бумаги. — А если Анна отравила ее, чтобы заставить меня уйти в монастырь?

Я только головой покачала. Кто знает, на что теперь способна Анна.

— Как бы то ни было, я еду к ней, — шагнула вперед и распахнула дверь. — Где сейчас король?

— Позвольте мне поискать его. Не можете же вы сами бегать по дворцу.

— Нет, конечно, — простонала она с болью. — Я даже не могу пойти к нему и попросить позволения навестить нашу дочь. Вдруг эта женщина скажет „нет“?

Что ей ответить? Королева Англии в отчаянии молит мою выскочку-сестру позволить ей навестить собственную дочь, старшую дочь короля, — это уже слишком даже для нынешнего перевернутого вверх дном мира.

— Она тут ни при чем, ваше величество. Король любит принцессу Марию и не захочет оставить ее, больную, без попечения матери.

Анна уже знает о болезни принцессы. Она теперь знает все. Солидная шпионская сеть нашего дядюшки вербует слуг из всех поместий Англии, и собранные сведения теперь служат Анне. Анна знает — принцесса Мария захворала с горя. Маленькую девочку оставили одну, только со слугами и духовником, она проводит часы, стоя на коленях и моля Бога о матери — пусть отец вернет жене свою любовь. Она заболела от отчаяния.

Вечером король явился в покои королевы с готовым ответом:

— Можете отправляться к принцессе, если желаете, да там и оставайтесь. Вместе с моим благословением и благодарностью. Прощайте.

Королева страшно побледнела, все краски сбежали с ее лица, стало видно, как она измучена.

— Я бы никогда не оставила вас, дорогой супруг, — прошептала она. — Я подумала, вам будет приятно знать, что о ней хорошо заботятся.

— Это только девчонка. — В его голосе звучит злоба. — Почему вы не сумели позаботиться о сыне? Насколько я помню, к нему вы с такой готовностью не бросались?

Она едва дышала, но он продолжал:

— Вы выйдете к обеду, мадам, или отправитесь к дочери?

Она с усилием взяла себя в руки, выпрямилась во весь свой небольшой рост, взяла предложенную руку, и он повел ее к обеду как королеву. Но она не смогла долго притворяться, когда увидела мою сестрицу за столом и дам вокруг нее. Анна улыбнулась сияющей, самодовольной улыбкой. И по этой откровенной радости Екатерина

догадалась, кто причина жестокости короля. Уронила голову, раскрошила кусочек хлеба и ничего не стала есть.

Многие говорили в этот вечер — нет, не пара молодой красавец-король этой женщине, она ему в матери годится, да в придачу страшна как смертный грех.

Двор нынче превратился в настоящую турнирную арену, и королева Екатерина сражается до конца. Любая женщина, кроме моей сестрицы, устыдилась бы этого зрелища — королева собирает все свое мужество и снова спорит с супругом.

Через пару дней после первого известия о болезни принцессы Марии Екатерина обедала с королем в домашней обстановке, только несколько придворных дам и кавалеров, парочка послов, Томас Кромвель,^[28] который в тот момент присутствовал абсолютно везде, да Томас Мор — по нему видно, он предпочел бы оказаться в другом месте.

Мясные блюда убраны, на столах расставлены фрукты и вина. Королева поворачивается к мужу и говорит, просто, будто у нее на устах самая обычная просьба — а нельзя ли этой бесстыднице покинуть двор?

Я вижу лицо Томаса Мора, уверена, у меня такое же удивленное выражение. Не могу поверить — королева осмелилась прилюдно бросить вызов его величеству. Ее дело в Риме разбирается Папой, а она преспокойно, даже вежливо, просит короля расстаться с любовницей. И вдруг я понимаю, почему она делает это. Только ради принцессы Марии. Чтобы пристыдить его и добиться разрешения уехать. Она рискует всем ради дочери.

Лицо короля становится багровым от бешенства. Опустив голову, молюсь — пусть его гнев минует меня. Взглянув искоса, вижу посла Шапюи в той же позе. Только королева, вцепившись в кресло, чтобы скрыть дрожь в руках, высоко держит голову, не сводя глаз с короля, на лице — заученное выражение вежливого интереса.

— Богом клянусь! — орет Генрих. — Никогда не отошлю леди Анну! Чем она может оскорбить разумного человека?

— Она ваша любовница, — спокойно замечает королева. — Это позор для богобоязненного семейства.

Генрих уже не кричит, а ревет. Он внушает ужас, как затравленный медведь.

— Нет! Она образец целомудрия!

— Она ваша любовница в мыслях и на словах, если не на деле, — спокойно возражает королева. — Она низкая, бесстыдная женщина и неподходящая компания для порядочных дам, тем более для христианской принцессы.

Генрих вскакивает на ноги, но королева не отступает.

— Какого дьявола вы от меня хотите? — брызжет слюной ей в лицо.

Она не отворачивается, не закрывает глаза.

— Я хочу увидеть принцессу Марию, — говорит она спокойно. — Вот и все.

— Пожалуйста! — вопит он. — Бога ради! Оставьте нас в покое. Убирайтесь куда хотите, да там и оставайтесь!

Екатерина медленно качает головой:

— Я не брошу вас даже ради дочери, даже если вы разобьете мне сердце.

Повисает долгая мучительная пауза. Я оглядываюсь. У королевы на глазах слезы, но лицо по-прежнему спокойно. Только что она потеряла шанс увидеть дочь, даже если принцесса при смерти.

Генрих с ненавистью глядит на королеву, а она кивает слуге позади ее стула и спокойно произносит:

— Налейте еще вина его величеству.

Король резко отодвигает кресло, скрип ножек по деревянному полу как вопль. Посол, лорд-канцлер, все остальные тоже неуверенно поднимаются. Король без сил падает в кресло, придворные вразнобой садятся снова. Королева обессилена ссорой, но не побеждена.

— Прошу вас, — говорит она чуть слышно.

— Нет! — отвечает король.

Через неделю она пытается снова. Я при этом не присутствовала, мне потом все рассказала Джейн Сеймур.

— Король кричит, а она стоит на своем. И как она только осмелилась?

— Ради дочери, — отвечаю с горечью. Юное лицо, глаза, широко раскрытые от ужаса. Пока я не родила детей, была такой же дурочкой. — Она хочет быть со своим ребенком. Тебе не понять.

Доктора заявили — принцесса при смерти и каждый день спрашивает, когда приедет мать. Только тогда Генрих перестал мучить

королеву, приказал перенести Марию в паланкине в Ричмонд, чтобы королева могла встретиться с ней там. Я пошла на конюшенный двор проводить ее.

— Бог да благословит ваше величество и принцессу.

— По крайней мере, буду с ней, — вот и все, что она сказала.

Я кивнула, отступила назад, кавалькада тронулась. Штандарт королевы впереди, за знаменосцем — полдюжины всадников, следом сама королева, несколько придворных дам, еще верховые. Вот она и уехала.

Уильям Стаффорд на другом конце двора наблюдает, как я машу рукой на прощание.

— Наконец-то она встретится с дочерью.

Он сам идет ко мне, чтобы уберечь мое платье от грязи.

— Говорят, ваша сестра дала слово — королева больше не вернется ко двору. Она сказала — одна поездка верхом, и Екатерина упустит корону из-за дурацкой любви к дочери.

— Ничего не знаю, — упрямо заявляю я.

Он смеется, карие глаза вспыхивают.

— Сегодня вы очень несведущи. Разве вас не радует возвышение сестры?

— Не такой ценой, — отворачиваюсь и иду прочь.

Он догоняет меня, прежде чем я успеваю сделать пару шагов.

— Поговорим лучше о вас, леди Кэри. Я давно вас не видел. Вы хоть думали обо мне?

Я медлю с ответом.

— Разумеется, нет.

Он вдруг оказался очень близко.

— Я и не надеялся. Я могу шутить с вами, мадам, но хорошо знаю, насколько вы выше меня.

— Вот именно!

Куда девалась моя вежливость?

— Я помню, — заверяет он снова. — Но мне казалось, мы симпатизируем друг другу.

— Не могу я играть с вами в такие игры, — мягко возражаю я. — Разумеется, я не думала о вас. Я дочь графа Уилтшира, а вы всего лишь на службе у моего дяди.

— Слишком недавний титул, — спокойно говорит он.

Я нахмурилась, слегка сбитая с толку.

— Какая разница, дан титул сегодня или сотни лет назад? Я дочь графа, а вы кто?

— Но сами-то вы, Мария? Оставим титулы в покое. Вы, прелестная Мария Болейн, когда-нибудь думаете обо мне? Ищете со мной встречи?

— Никогда, — резко отвечаю я и ухожу, а он так и стоит в сводчатом проеме стены.

Лето 1531

Двор переехал в Виндзор. Принцесса Мария, все еще худая и бледная, вернулась в замок вместе с матерью. Конечно, король ласков со своим единственным законным ребенком, а по отношению к королеве то смягчается, то ожесточается вновь, смотря по тому, кто рядом — моя сестрица или его дочь.

Королева, уже давно толком не спавшая из-за бесконечных молитв и ухода за дочерью, слишком измученная, чтобы приветствовать короля улыбкой и реверансом, тем не менее остается неизменной звездой на дворцовом небосводе. Я вошла с букетиком ранних роз. Она мне улыбнулась.

— Надеюсь, принцессе Марии понравятся цветы. Их можно поставить у изголовья кровати.

Екатерина взяла букет, вдохнула запах роз.

— Сразу видно сельскую жительницу. Кто еще из придворных дам догадался бы нарвать цветов и принести в дом?

— Мои дети любят собирать цветы, — объяснила я. — Делают венки и ожерелья из ромашек. Целую Екатерину на ночь и нахожу лютики, выпавшие из волос, у нее на подушке.

— Король разрешил тебе уехать в Гевер, пока двор путешествует?

— Да! — Она правильно истолковала мое хорошее настроение. — Да, на все лето.

— Значит, мы обе сможем побыть с нашими детьми, и ты и я. Вернешься ко двору осенью?

— Обязательно вернусь, — пообещала я. — И если вы пожелаете, ваше величество, буду вновь к вашим услугам.

— И начнем снова. На Рождество я — признанная королева, а летом — покинутая.

Я кивнула.

— Она крепко держит его, верно?

Королева взглянула в окно, выходящее в сад и на реку. Вдали можно различить силуэты Анны с королем, они прогуливаются по берегу, скоро уже им отправляться в летнее путешествие.

— Да, — ответила коротко.

— В чем ее секрет, как ты думаешь?

— Они очень похожи. — В моем тоне явно слышится неприязнь к обоим. — Точно знают, чего хотят, ни перед чем не остановятся. У обоих — способность к полной сосредоточенности на том, что они сейчас делают. Вот почему король такой замечательный охотник. Преследуя оленя, думает только об олене. И то же самое Анна. Думает только о своих интересах. И их страсть такая же. Делает их, — я поискала нужное слово, — грандиозными.

— Я бы тоже могла...

Я искоса взглянула на нее. Хотелось обнять ее, но я не решилась, все же она королева.

— Кто лучше меня знает? Я видела, как вы бросили вызов королю, несмотря на его гнев, как вы противостояли двум кардиналам и Тайному совету. Но вы покорны Богу, любите дочь, вы не думаете совершенно прямо и откровенно: „А чего хочу я?“

Она покачала головой:

— Это грех себялюбия.

Я взглянула на две далекие фигурки на берегу реки, на двух самых больших эгоистов в мире и согласилась:

— Да.

Отправилась на конюшенный двор убедиться, погружены ли сундуки, готовы ли лошади для завтрашнего путешествия, и встретила Уильяма Стаффорда, проверяющего колеса повозки.

— Благодарю вас. — Я слегка удивилась, застав его здесь.

Он выпрямился, широко улыбнулся.

— Буду вас сопровождать. Разве дядя вам не говорил?

— Уверена, он называл кого-то другого.

Улыбка растянулась до ушей.

— Он не сможет ехать.

— Почему?

— Из-за похмелья.

— Но завтра он же сможет сесть в седло?

— Простите, плохо объяснил — похмелье будет завтра.

Я ждала следующей фразы.

— Сегодня вечером он смертельно напьется.

— Вы умеете предсказывать будущее?

— Могу предсказать, что сам буду разливать вино, — ответил он со смешком. — Почему бы мне не проводить вас, леди Кэри? По

крайней мере, буду знать, что вы добрались благополучно.

— Хорошо. — Я слегка смутилась. — Только вот что...

Стаффорд очень спокоен, но казалось, он не просто слушает меня, а впитывает каждое слово.

— Что вы хотели сказать?

— Не хочу вас обидеть, но для меня вы — только человек на службе у дяди.

— Но что может помешать нам нравиться друг другу?

— Серьезнейшие неприятности с семьей.

— Бросьте, не думайте об этом. Разве не лучше иметь друга, настоящего друга, хоть и ниже по положению, чем быть совсем одной, на побегушках у сестры?

Отвернулась от него. Быть в услужении у Анны — одно упоминание об этом всегда раздражало меня.

— Могу я сопровождать вас завтра? — догадался сменить тему.

— Если хотите, — буркнула я. — Какая разница, вы или другой?

Он только рассмеялся, возражать не стал. Я пошла прочь, смутно надеясь — он побежит следом, станет уверять, он гораздо лучше других.

В своей комнате застала Анну перед зеркалом. Она примеряла шляпу для верховой езды и вся сияла от счастья.

— Мы едем! Пойдем, помашешь нам на прощание.

Я последовала за ней вниз по лестнице, стараясь не наступить на шлейф ее красного бархатного платья.

Мы вышли через широкие двойные двери, Генрих уже в седле, гнедая охотничья лошадь, переступая с ноги на ногу, ожидает Анну. С ужасом я поняла — сестра заставляет короля ждать, пока она поправляет шляпку!

Он улыбается. Анна может делать что угодно. Двое молодых людей выскакивают вперед, помогают ей сесть в седло.

Одно мгновение она кокетничает, выбирает, кто из них получит право подставить сложенные руки под ее башмачок.

Король дает сигнал, они выступают. Анна оглядывается, машет мне:

— Скажи королеве, мы уехали.

— Передаешь ей прощальный поклон? — удивляюсь я.

— Ничего подобного, — смеется Анна. — Просто мы уезжаем. Скажи, мы уехали, а она остается в полном одиночестве.

Так бы и бросилась за ней, стащила с лошади, надавала бы оплеух за этот злобный выпад. Но конечно, стою, где стояла, улыбаюсь королю, машу сестре, а когда всадники, повозки, солдаты и все остальные с грохотом уезжают, медленно возвращаюсь в замок.

Дверь за мной со стуком захлопывается. Вокруг очень тихо. В главной зале сняты драпировки, убрана часть столов, от стен отражается эхо. Огонь в камине почти потух, некому подбросить дров, кричи — не докричишься, чтоб принесли еще эля. Свет проникает через окна, ложится желтыми полосами на пол, в солнечном луче пляшут пылинки. Раньше я никогда не слышала в королевском дворце такой тишины. Любое место оживает от шума, работают там или развлекаются. Здесь всегда перебранивались слуги, кто-нибудь громко отдавал приказание, просил разрешения войти или молил о милости, играла музыка, лаяли собаки, болтали придворные.

Поднялась по лестнице к покоям королевы, каблуки стучат по каменным плитам. Даже легкий стук в дверь кажется громким. Дверь не заперта, может быть, никого нет? Но тут я увидела ее. Смотрит из окна на извилистую дорогу, ведущую прочь от дворца. Видит, как двор, ее двор, ее собственный муж, друзья и слуги, мебель, остальное добро, даже постельное белье, уезжает прочь вслед за Анной, оставляя королеву одну.

— Уехал, — недоуменно произносит она. — Даже не попрощался. Я киваю.

— Раньше такого не случалось. Как бы ни было плохо, он всегда заходил перед отъездом, и я благословляла его. Иногда я думала — он просто маленький мальчик, мой мальчик, куда бы ни уходил, всегда знает, что сможет вернуться ко мне. Он всегда ждал благословения, перед любым путешествием.

Группа всадников гарцует подле обоза, выравнивая строй, слышен шум колес. И тут ее не пощадили.

Грохот башмаков на лестнице, громкий стук в полуоткрытую дверь. Я иду посмотреть. Один из людей короля с письмом, на нем — королевская печать.

Она оборачивается, лицо озаряется радостью, бежит через всю комнату, чтобы забрать письмо.

— Вот оно! Он не мог уехать без единого слова, он написал. — Она подносит письмо к свету, ломает печать, читает.

И стареет прямо на глазах. Краски ушли с лица, глаза погасли, улыбка исчезла. Рухнула на скамью под окном, а я вытолкала гонца из комнаты и захлопнула дверь прямо у него перед носом. Подбежала к королеве, опустилась на колени.

Она смотрит мимо меня, глаза полны слез.

— Я должна покинуть замок. Он отсылает меня. Кардинал и Папа ему не указ, я отправляюсь в изгнание, и его собственная дочь тоже.

Гонец стучится опять и осторожно просовывает голову внутрь. Я вскакиваю на ноги, чтобы стукнуть дверью прямо по наглой роже, но королева удерживает меня за рукав.

— Ответ будет? — Он даже забывает добавить „ваше величество“.

— Где бы я ни была, я остаюсь его женой и буду молиться за него, — произносит она твердо и поднимается на ноги. — Передай королю, я желаю ему приятного путешествия, сожалею, что не смогла попрощаться, если бы он предупредил, что выезжает так скоро, ему не пришлось пускаться в дорогу без благословения своей жены. Попроси его прислать весточку, здоров ли.

Гонец кивает, взглядом просит у меня прощения и исчезает. Мы молчим.

Идем к окну, смотрим на всадника, догоняющего обоз, который все еще тащится по дороге вдоль реки, потом он исчезает из виду. А король и Анна, верно, рука в руке расппевают песни, уже далеко впереди на дороге к Вудстоку.

— Никогда не думала, что все так закончится, — говорит Екатерина слабым голосом. — Представить себе не могла, он меня бросит, даже не попрощавшись.

Это было славное лето, и для меня, и для детей. Генриху исполнилось пять, его сестре — семь, я решила — пора им купить пони, каждому своего собственного. Но в деревне не найти пару хороших пони, маленьких и послушных. Я пожаловалась во время нашего путешествия в Гевер Уильяму Стаффорду и поэтому не слишком удивилась, когда через неделю он вернулся без приглашения, прискакал на стройном охотничьем коне, ведя в поводу двух маленьких толстеньких пони — по одному с каждой стороны.

Мы с детьми гуляли в лугах около рва. Я помахала Уильяму, он свернул с дороги и вдоль рва подъехал к нам. Увидев пони, Генрих и Екатерина запрыгали от восторга.

— Не торопитесь, — предупредила я. — Подождем и посмотрим. Так ли они хороши, захотим ли мы их купить?

— Похвальная осторожность! Я ведь известный барышник.

Уильям Стаффорд слез с седла, поднес мою руку к губам.

— Где вы их отыскиали?

Екатерина уже взяла за повод маленького серого пони, гладит ему нос. Генрих прятался за моей юбкой, только карие глазенки блестят — смесь восторга и страха.

— Представьте себе, нашел на пороге, — протянул Уильям Стаффорд лениво. — Могу отправить обратно, если не подходят.

У меня за спиной раздался протестующий вопль:

— Не надо!

Уильям Стаффорд опустил на одно колено, чтобы оказаться на одном уровне с сияющей мордашкой моего сына.

— Выходи, мальчик! — сказал добродушно. — У матери за спиной наездником не станешь.

— А он не кусается?

— Будешь кормить с ладони, — объяснил Уильям, — тогда не укусит.

Раскрыл мальчику ладошку, показал, как лошадь щиплет траву.

— А он может скакать галопом? — спросила Екатерина. — Как мамина лошадка?

— Ну, не так быстро, но может. А еще он умеет прыгать.

— Я смогу с ним прыгать? — У Генриха глаза как блюдца.

Уильям выпрямился, улыбнулся мне:

— Сначала научитесь просто сидеть на пони, ездить шагом, рысью и легким галопом. А уж потом — состязания и прыжки.

— Вы меня научите? — спросила Екатерина. — Пожалуйста! Оставайтесь на все лето и поучите нас ездить верхом.

Его улыбка стала откровенно победной.

— Мне бы и самому хотелось. Если ваша мама позволит...

Дети тут же повернулись ко мне.

— Скажи „да“, — умоляла Екатерина.

— Пожалуйста! — ныл Генрих.

— Я и сама смогу научить вас ездить верхом, — запротестовала я.

— Но не для состязаний же! — воскликнул мой сын. — Ты едешь в дамском седле, а мне нужно мужское. Я же мальчик, а когда вырасту, стану мужчиной!

Генрих приплясывает на одном месте, а Уильям смотрит на меня поверх его головенки.

— Что скажете, леди Кэри? Можно мне остаться на лето и поучить вашего сына ездить в мужском седле?

Мне, кажется, удалось скрыть смущение.

— Что ж, очень хорошо, если вам так хочется. Скажите там, в доме, чтобы вам приготовили комнату.

Каждое утро мы часами гуляем, дети, шагом, на своих новых пони. А после обеда выводим пони на длинных поводьях, они идут по кругу, сначала шагом, потом рысью и галопом, а дети прилипают к своим седлам как репейники.

Уильям бесконечно терпелив с ними. Каждый день дети узнают что-нибудь новенькое, но я подозреваю — он сознательно не слишком торопится. Пусть научатся хорошенько держаться в седле к концу лета, но не раньше.

— А что, своего дома у вас нет? — не слишком доброжелательно спросила я как-то вечером.

Мы возвращаемся в замок, ведя в поводу каждый своего пони. Солнце садится, башенки на фоне заката придают дому вид сказочного замка, окошки мерцают розовым светом.

— Мой отец живет в Нортгемптоне.

— Вы единственный сын?

Ключевой вопрос.

— Нет, я второй сын, миледи, и ни на что не годен. Но собираюсь купить маленькую ферму в Эссексе. Есть у меня такая задумка — стать землевладельцем.

— А где вы деньги возьмете? Вряд ли у дяди на службе много заработаешь.

— Я был моряком и несколько лет назад получил вознаграждение, для начала хватит. Хорошо бы найти женщину, которая захочет поселиться в славном домике посреди собственных полей, и знать — ни королевская власть, ни королевская злоба ее не достанет.

— Король достанет где угодно, иначе он не был бы королем.

— Так-то оно так, но можно сделаться таким ничтожным, что тобой никто не заинтересуется. Единственная опасность — ваш сын. Он всегда будет на виду, пока считается претендентом на трон.

— Если Анна родит мальчика, мой будет не нужен.

Сама не понимая как, я не просто иду с ним в ногу, я уже следую его мечтам.

Он продолжает, ловко стараясь не спугнуть меня.

— Больше того, она захочет удалить его от двора. Он сможет расти с нами, мы воспитаем из него деревенского сквайра. Неплохая жизнь для мужчины. Может, самая лучшая. Не люблю я двор. А в последние годы вообще не знаешь, на каком ты свете.

Вот и подъемный мост. В согласии мы помогаем детям спешиться. Екатерина и Генрих несутся прямо домой, а мы с Уильямом ведем пони на конюшню. Двое парней выбегают и забирают у нас пони.

— Придете обедать? — спрашиваю как ни в чем не бывало.

— Разумеется. — Он отвечает поклон, отходит.

Только в спальне, преклонив колени для молитвы на ночь, обнаружив, что мои мысли блуждают где-то далеко, поняла я, что позволила ему говорить с собой как будто и впрямь мечтаю о славном домике посреди полей с Уильямом в супружеской постели.

Дорогая Мария!

Осенью мы возвращаемся в Ричмонд, а на зиму поедем в Гринвич. Королева больше никогда не будет жить с королем под одной крышей. Она направляется в Мор, старый дом Уолси в Хартфордшире. Король оставляет ей собственный двор, так что ей нечего жаловаться на дурное обращение.

Ты больше не ее придворная дама, отныне ты на службе у меня.

Мы с королем уверены — Папа в ужасе от того, что король может сделать с английской церковью. Он конечно же вынесет решение в нашу пользу, как только осенью вновь соберется суд. А я надеюсь на венчание осенью и сразу же — коронация. Почти все готово — и ненависть за ненависть.

Дядя очень холоден со мной, и герцог Суффолк настроен против меня. Летом Генрих отослал его, и я рада, что он получил урок. Слишком многие завидуют, следят за каждым моим шагом. Ты нужна мне в Ричмонде, Мария, как только я приеду. Ты не вправе вернуться на службу к королеве — Екатерине Арагонской из Мора, и в Гевере тоже незачем оставаться. Все, что я делаю, — для твоего же сына, не для меня одной, пожалуйста, помоги мне.

Анна

Осень 1531

Осенью я вернулась ко двору. Сомнений нет — королеву вышвырнули окончательно. Анна убедила короля — никакого смысла соблюдать приличия и изображать верного мужа. С тем же успехом можно открыть всему миру истинное положение вещей, а на врагов просто не обращать внимания.

Генрих был щедр. Екатерина Арагонская в большом почете живет в своем новом доме, даже принимает послов, как будто по-прежнему остается возлюбленной и уважаемой супругой. При ней состоят двести человек, пятьдесят из них — придворные дамы. Правда, отнюдь не лучшие, слишком их много стекается ко двору и оказывается в распоряжении Анны. Мы провели веселенький день, выбирая тех, кто нам особенно не нравился, — чтобы отправить ко двору королевы. Так мы избавились от полудюжины девиц Сеймур — интересно, как вытянется лицо у сэра Джона Сеймура, когда он об этом узнает.

— Может, и жену Георга отправить в Мор? — предложила я. — Как он будет счастлив — вернется домой, а ее нет.

— Лучше пусть остается на глазах. Еще устроит что-нибудь. Хоть она и отвратительна, но все же отнюдь не пустое место. Спокойнее, если вокруг королевы одни ничтожества.

— Неужели ты все еще боишься ее? Она уже почти уничтожена!

Анна покачала головой:

— Я не буду чувствовать себя в безопасности до самой ее смерти. Так же как она — до самой моей смерти. Дело не в том, что мы делим короля и трон. Теперь она — моя тень, а я — ее. Мы неразрывно связаны. Одна из нас одержит полную победу, но не будет уверена, победила или проиграла, пока жива другая.

— Как она может победить? Король даже видеть ее не желает.

— Ты не знаешь, как меня ненавидят, — шепнула Анна так тихо, что мне пришлось наклониться. — Во время путешествия мы двигались от одного поместья к другому и никогда не останавливались в деревнях. До простого народа дошли слухи из Лондона, я теперь не милая спутница короля, а разлучница, разбившая счастье королевы. Стоило нам задержаться в деревне, как начинались враждебные выкрики.

— Не может быть!

— А когда королева прибыла в Сити и устроила праздник, толпа окружила замок Или, все благословляли ее и клялись, что никогда мне не покорятся.

— Кучка недовольных слуг.

— Или нечто большее. Что, если меня ненавидит вся страна? Каково королю слышать, как они поносят и проклинают меня? Думаешь, такой человек, как Генрих, вынесет, что вдогонку ему летят проклятья? Его же все восхваляли с самого рождения.

Анна совсем приуныла.

— Они привыкнут. Священники станут проповедовать во всех церквях — ты его законная жена, а когда родится сын, все тем более изменится, станешь спасительницей страны.

— Вот именно, — медленно произнесла она. — На этом-то все и держится. На сыне.

Анна не зря боялась толпы. Как-то перед Рождеством мы поплыли из Гринвича вверх по реке на обед с лордом Тревельяном. Это не был парадный прием, никто о нем не знал. Король обедал с французскими послами, и Анне пришла фантазия отправиться в Сити. При ней я, еще несколько придворных. На реке уже холодно, мы кутаемся в меха. Никто не мог видеть наших лиц, когда лодка причалила к дому Тревельяна, и мы высадились на берег.

Но кто-то все же нас заметил, узнал Анну. Мы даже есть начать не успели, как вбежал слуга и прошептал на ухо лорду Тревельяну, что к дому движется толпа. Быстрый взгляд на Анну — и все поняли, зачем они идут. Она вскочила на ноги, лицо блее жемчужного ожерелья на шее.

— Вам лучше уехать. — Лорд позабыл о вежливости. — Я не смогу обеспечить вашу безопасность.

— Отчего же? — спросила Анна. — Прикажите закрыть ворота.

— Бога ради, их тысячи. — Его голос срывался от страха. Теперь мы все повскакали на ноги. — Это не шайка новичков, это целая толпа, они поклялись повесить вас на стропилах. Вам лучше вернуться в Гринвич, леди Анна.

Выслушав его решение выставить ее из своего дома, Анна колебалась одно мгновение.

— Лодка готова?

Кто-то побежал звать лодочника.

— Мы легко с ними справимся! — воскликнул Франциск Уэстон. — Тревельян, сколько у вас людей? Примем вызов, дадим этим негодьям урок и пообедаем, наконец.

— У меня триста человек, — начал лорд.

— Прекрасно, раздайте им оружие.

— А на улице восемь тысяч, и толпа все растет.

Гробовое молчание.

— Восемь тысяч? — прошептала Анна. — Восемь тысяч человек в Лондоне выступили против меня?

— Не медлите, — добавила леди Тревельян. — Бога ради, садитесь в лодку.

Анна вырвала у женщины свою накидку, я схватила первую попавшуюся, придворные дамы плакали от страха. Одна из них бросилась вверх по лестнице, испугавшись, что нас догонят и на реке. Анна выскочила из дома, пронеслась по темному саду, бросилась в лодку, я за ней. Франциск и Уильям следом за нами. Остальные придворные отвязали канат, оттолкнули лодку, они даже не поплыли с нами.

— Головы ниже, накройте чем-нибудь, — крикнул один из них нам вслед. — И спустите королевский штандарт.

Какое унижение! Один из лодочников выхватил нож, перерезал веревку из страха — вдруг народ Англии увидит флаг своего короля, не удержал, флаг выскользнул у него из рук и упал за борт. Я видела — он закружился в воде и пошел ко дну.

— Не обращай внимания, гребь! — крикнула Анна, закрывая голову мехом.

Я тоже пригнулась, мы вцепились друг в друга, я чувствовала — она вся дрожит.

Мы смогли разглядеть толпу, только когда нас закружило в водовороте. Зажглись факелы, и пляшущие вспышки света отразились в темной воде. Цепочка огней, казалось, уходила в бесконечность. Даже до реки доносятся проклятья моей сестре. За каждым яростным выкриком следует взрыв одобрения, взрыв неприкрытой ненависти. Анна, трясаясь от страха, съежилась на дне лодки, теснее прижалась ко мне.

Лодочники гребут как одержимые. Если на лодку нападут, в такую погоду никому из нас не уцелеть. Коли узнают, что мы уплыли, толпа начнет швырять булыжники, устремится вдоль берега, чтобы добраться до нас, раздобудет, если надо, лодки — заберет силой и погонится за нами.

— Гребите быстрее, — шипит Анна.

Лодка идет рывками, бить в барабан или криком задавать темп слишком опасно, если хотим ускользнуть от толпы под покровом темноты. Я взглянула через борт, огней стало меньше, будто люди вглядываются во мрак, будто чуют со сверхъестественным нюхом диких зверей — женщина, которая им нужна, тут, всего в нескольких ярдах.

Процессия продолжает путь, движется к дому Тревельяна, извивается вдоль реки, кажется, огни растянулись на мили. Анна садится, поправляет чепец, на лице застыло выражение ужаса.

— Думаешь, он сможет защитить меня от этого? — спрашивает она яростно. — От Папы — да, особенно если церковные должности окажутся в его ведении. От королевы — конечно, особенно если получит сына и наследника. Но против собственного народа, если за мной придут среди ночи с факелами и веревками? Думаешь, он мне поможет?

Рождество в Гринвиче прошло тихо. Королева прислала Генриху в подарок золотой кубок, а он отослал его обратно вместе с холодной запиской. Почему-то все время ощущалось ее отсутствие, дворец без нее пуст, словно дом без любимой матери. Она никогда не была такой чрезмерно искрящейся, блестящей, соблазнительной, как Анна, просто она всегда была.

Ее правление продолжалось так долго, что мало кто мог вспомнить английский двор без нее.

Анна, как всегда, прекрасна, обаятельна, деятельна. Без устали поет и танцует, подарила королю пучок новомодных стрел, а он завалил целую комнату дорогими тканями на платья, вручил ей ключ и любовался, как она входит и вскрикивает от радости при виде разноцветных полос, свисающих с золотых шестов. Он осыпал подарками и всех Говардов, мне, например, подарил расшитую кружевами рубашку. Но все равно нынешнее Рождество больше похоже на поминки. Всем не хватает умиротворяющего присутствия

королевы, все хотят знать, что она делает в расчудесном дворце, доме своего бывшего врага, который в конце концов нашел мужество признать ее правоту.

Ничто не может поднять дух придворных, сама Анна превратилась в тень, пытаюсь веселиться. Вечером, засыпая возле меня, она все еще что-то бормотала, как безумная.

Однажды ночью я зажгла свечу, подняла повыше, вглядываясь в ее лицо. Глаза закрыты, темные ресницы отбрасывают тень на бледные щеки. Волосы забраны под тугой чепец, белый, но не белей ее кожи, фиолетовые тени под глазами. Она кажется такой хрупкой. Бескровные губы то раздвигаются в улыбке, то шепчут колкости, остроты, комплименты. Она мечется по подушке, не зная отдыха, поворачивает голову, я хорошо знаю этот манящий поворот головы, смеется ужасным, хриплым смехом, загнанная женщина, пытающаяся и в самом глубоком сне вернуть к жизни праздник.

Анна начинает пить вино с самого утра. Румянец возвращается, глаза загораются, приходит хорошее настроение, отступают усталость и нервозность. Однажды я вошла в комнату вместе с дядюшкой, она сунула мне бутылку.

— Спрячь, — прошептала сестра в отчаянии и прикрыла рот рукой, чтобы он не почувствовал запах.

— Анна, остановись, — потребовала я, когда дядя ушел. — Ты все время на виду, непременно кто-нибудь расскажет королю.

— Не могу я остановиться, — мрачно ответила она. — Даже на минуту. Надо двигаться вперед, изображать счастливейшую женщину в мире. Что я говорю, я выхожу за человека, которого люблю, стану королевой Англии. Конечно же я счастлива. Я необыкновенно счастлива. Во всей стране нет и не может быть женщины счастливее меня.

Георга ждали домой как раз на Новый год, и мы с Анной решили устроить в честь него небольшой праздник в узком кругу. Все утро мы совещались с поварами, заказывали самое лучшее из того, что у них было, а после полудня уселись у окна высматривать лодку с говардовским флагом. Я первая заметила темную лодку на фоне темных сумерек и, ничего не говоря сестре, выскользнула из комнаты, бросилась вниз по лестнице. Лодка пристала к берегу, Георг сошел на

причал, и я первая очутилась в его объятьях, меня он поцеловал, мне прошептал:

— Слава Богу, сестренка, как приятно вернуться домой!

Упустив шанс быть первой, Анна не бросилась вслед за мной, осталась ждать в комнате перед большим сводчатым камином. Георг подошел и сначала поцеловал ей руку, а уж потом обнял. Церемонии забыты, мы снова — веселая тройка Болейн, мы снова вместе, как всегда.

За обедом Георг рассказывает о себе, но больше всего ему хочется знать обо всем том, что происходило в его отсутствие. Я заметила — Анна взвешивает каждое слово. Она о многом умалчивает — что не может бывать в Сити без вооруженной охраны, что во время путешествия должна галопом проезжать мирные маленькие деревушки. Не рассказала, как после смерти кардинала Уолси надумала танцевать в маске с надписью „Кардинал, отправляйся в ад“, как смутила окружающих бестактностью и откровенной вульгарностью этого праздника победы над умершим другом короля. Не рассказала — епископ Фишер все еще против нее, особенно после того, как чуть не умер от яда. И я поняла, да и раньше догадывалась — она стыдится себя той, в которую превратилась. Ей не хочется, чтобы брат знал, как глубоко разъело ее честолюбие. А то вдруг догадается — перед ним больше не его любимая сестричка, нет, женщина, готовая рискнуть всем, даже спасением души, чтобы стать королевой.

— А ты как? — Георг смотрит на меня. — Как его зовут?

— О чем это ты? — Анна сбита с толку.

— Каждому видно — неужели я ошибся? Марианна сияет, как пастушка весной. Ставлю что угодно, она влюбилась.

Я заливаюсь краской.

— Так я и думал. — Брат явно доволен. — Кто он?

— У нее нет возлюбленного! — встречает Анна.

— Смею предположить, она обойдется без твоего разрешения. Кто-нибудь мог выбрать ее и не извещая вас, госпожа королева.

— Лучше ему этого не делать, — заявляет Анна без тени улыбки. — У меня на Марию свои планы.

Георг тихонько свистит.

— Бог с тобой, Аннамария, можно подумать, тебя уже короновали.

— Уж я тогда не забуду, кто мне друг, а кто враг. Мария — моя придворная дама, и у меня в доме будет порядок.

— Она сама сделает свой выбор.

— Нет, если не захочет лишиться моего благоволения.

— Анна, побойся Бога. Мы одна семья. Ты там, где ты есть, потому что Мария уступила тебе место. Перестань вести себя как принцесса крови. Ты не можешь обращаться с нами как с подданными.

— Вы и есть подданные, — говорит она просто. — Ты, Мария, даже дядя Говард. Я удалила от двора собственную тетушку, зятя короля, саму королеву. Кто-нибудь сомневается, что я любого отправлю в изгнание, если захочу? Никто не сомневается! Если вы помогали мне возвыситься...

— Ничего себе помогали! Да мы тебя и протолкнули!

— Это дело прошлое. Я скоро стану королевой. А вы — мои подданные. Стану королевой и матерью следующего короля Англии. Не забывай об этом, Георг, я больше повторять не стану.

Анна встает и величаво движется к двери. Останавливается, ждет, пока кто-нибудь из нас откроет дверь, и, не дождавшись, потому что мы не спешим вскакивать на ноги, распахивает дверь сама. Оборачивается, стоя на пороге.

— И не называй ее больше Марианной. Она — Мария, другая Болейн, а я Анна, будущая королева Анна. Между нами большая разница, и мы не можем иметь одно имя на двоих. Она — пустое место, а я скоро буду королевой.

Гордо выходит, не потрудившись закрыть за собой дверь. Мы слышим шаги — отправилась в спальню. Сидим в молчании, пока не хлопает дальняя дверь.

— Боже милостивый, что за ведьма! — Георг не скрывает своих чувств. Встает, закрывает дверь от сквозняка. — Когда это началось?

— Ее власть постепенно растет. Считает себя неприкосновенной.

— Так оно и есть?

— Он влюблен до безумия. Думаю, ей действительно ничего не угрожает.

— Все еще не спит с ней?

— Нет.

— Бога ради, чем же они занимаются?

— Всем остальным. Она не решается переступить черту.

— Он, наверно, с ума сходит, — довольно ухмыльнулся брат.

— Она тоже. Почти каждую ночь он целует ее в губы, гладит волосы, обнимает.

— Она со всеми так разговаривает? Ну, как со мной?

— Гораздо хуже. Она теряет друзей. Карл Брендон настроен против, дядюшка Говард от нее стонет, с Рождества они ссорились насмерть по крайней мере два раза. Думает, раз король так ее любит, другой поддержки не нужно.

— Я терпеть не буду. Все ей скажу.

Сестры должны поддерживать друг друга, но мое сердце радостно дрогнуло при мысли о том, что между Анной и Георгом ляжет пропасть. Вот бы перетащить брата на мою сторону, получить реальное преимущество в борьбе за сына.

— Скажи правду, кто положил на тебя глаз? — спрашивает брат.

— Никто, ничто и звать никак, — отвечаю я. — Имей в виду, это секрет, никто, кроме тебя, не должен знать.

— Клянусь честью. — Берет меня за руки, притягивает ближе. — Я сохраню твою тайну. Ты влюблена?

— Конечно нет. — Я подаюсь назад, смущенная одной мыслью об этом. — Он просто ухаживает за мной, приятно иметь человека, который суетится вокруг тебя.

— Я думал, при дворе полно мужчин, которые суетятся вокруг тебя.

— О, они посвящают мне стихи, клянутся, что умирают от любви. А он... он немножечко более... реальный.

— Кто это?

— Почти никто, пустое место, — повторяю я. — Поэтому я и не думаю о нем.

— Жалко, что не можешь заполучить его немедленно, — с братской прямоотой заявляет Георг.

Что на это сказать? Представила себе Уильяма Стаффорда, его ласковую, обаятельную улыбку.

— Очень жалко, — шепчу еле слышно. — Но не могу.

Весна 1532

Георгу и дела нет, что там народ думает. Пригласил нас с Анной покататься с ним у реки, пообедать в одной из таверн, а потом уж вернуться. Я думала, Анна откажется — теперь ей небезопасно выезжать без свиты, но она не сказала ни слова. Надела темное платье — совсем не в ее обычае, надвинула на лоб шляпу для верховой езды, оставила дома подвеску — такая есть только у нее одной — с большой золотой буквой „Б“.

Брат так рад снова оказаться в Англии с любимыми сестричками, что и не заметил странного поведения и непривычной одежды Анны. Но когда мы остановились в придорожном трактире, неопрятная старая служанка бросила один только взгляд на Анну и поспешила из комнаты. Вошел хозяин, вытирая руки о фартук из дерюги, объявил — хлеб и сыр, которые нам только что подали, несвежие, и вообще у него ничего нет на обед.

Георг вспыхнул, нахмурился, но Анна дотронулась до его рукава, сказала, что все это не важно, лучше пойти в монастырь поблизости, пообедать там. Он позволил уговорить себя, и обед оказался неплохой. Король, похоже, нагнал немало страха на монастыри и аббатства. Только слуги, которым, в отличие от монахов, дела не было до королевского благоволения, неодобрительно, искоса поглядывали на нас с Анной и перешептывались — верно, пытались понять, какая из нас прежняя шлюха, а какая новая.

Возвращаемся домой, холодное весеннее солнце в спину, Георг пришпорил коня, оказался рядом со мной.

— Значит, все знают? — спросил без обиняков.

— От Лондона до самых окраин королевства. А может, и дальше.

— И, как я вижу, никто не бросает шляп в воздух и не кричит ура.

— К сожалению, нет.

— Я-то думал — смазливая английская девчонка народу понравится. Она же смазливая, правда? Машет ручкой, когда проезжает мимо, раздает милостыню и все такое прочее?

— Конечно. Но женщины упрямый народ, любят старую королеву. Они говорят — негоже королю Англии отказываться от честной и

верной жены ради вертихвостки. Что тогда будет со всеми остальными честными и верными женами?

Георг помолчал.

— Они только ворчат или что еще?

— В Лондоне на нас чуть не напали. Тогда король сказал — пусть не ездит в Сити, слишком опасно. Все ее ненавидят, Георг, говорят всякие гадости.

— Гадости?

— Что она ведьма и приворожила короля колдовскими чарами. Она и на убийство готова и давно бы отравила королеву, только представься возможность. Она его заколдовала, и у него ничего не получится с другой женщиной. Так что теперь ему одна дорога — на ней жениться. Прокляла младенцев в чреве королевы, и от того у короля нет наследника.

Георг чуть побледнел, рука с поводьями невольно дернулась, большой и указательный пальцы сложились крестом — древний охранный знак против злых чар.

— И они такое говорят в открытую? При короле?

— Про самые страшные гадости ему не рассказывают, но рано или поздно кто-нибудь доложит.

— Но он этим слухам, конечно, не верит.

— Кое-что он сам говорит. Говорит, что он ею одержим, она его околдовала, он ни об одной другой женщине думать не может. В его устах звучит как любовная болтовня, но когда такое говорят в народе — это опасно.

Георг кивнул.

— Ей бы заниматься побольше делами милосердия и не строить из себя такую... — он запнулся, подыскивая слово, — чувственную штучку.

Я подняла глаза на сестру. Даже верхом, когда вокруг никого, кроме брата с сестрой, Анна сидит в седле так, что неудержимо хочется обнять ее стройную талию.

— Она Болейн и Говард, — резко сказала я. — Отбрось громкие имена, что остается — все мы просто сучки во время течки.

Мы подскакали к воротам дворца в Гринвиче, там нас ждал Уильям Стаффорд. Приподнял шляпу, слегка поклонился, поймал мою

улыбку. Мы спешились, Анна прошла вперед. Уильям стоял у дверей, потянул меня в сторону.

— Я вас дожидался. — Как всегда, он даже не поздоровался.

— Я заметила.

— Не нравится мне, когда вы выезжаете без моего сопровождения. Сестрицам Болейн небезопасно показываться на народе.

— Мы катались с братом. Хорошо иногда прокатиться без большого эскорта и шумихи.

— Ну, за этим дело не станет. Что-что, а простоту я вам обеспечу.

— Благодарю вас, — расхохоталась я.

Положил руку мне на рукав, удерживая вблизи.

— Когда король и ваша сестрица поженятся, вас выдадут замуж за того, кого они выберут.

— Наверно. — Я глядела прямо в его открытое, загорелое лицо.

— Значит, вам надо поторопиться, успеть до замужества сестры, если хотите выйти замуж за человека со скромным поместьем — хорошенький домик и немного земли в придачу. Чем дальше, тем трудней будет уехать.

Я молчала, только чуть отодвинулась. Улыбнулась сладкой улыбкой, стрельнула глазами из-под ресниц.

— Но мне никто руку и сердце не предлагал. Похоже, придется остаться вдовой до конца моих дней, раз никто не просит меня выйти за него замуж.

Впервые у Уильяма не нашлось что ответить.

— Но я думал... — начал он.

Я рассмеялась коротким, довольным смешком, опустила в низком реверансе, повернулась, чтобы уйти. Наверху лестницы обернулась, заметила — Уильям бросил шляпу наземь и топчет ее в ярости ногами. До чего же приятно, каждая женщина знает, походя поймать в сеть красавчика-мужчину.

Я уже неделю его не видела, хотя и на конюшню заглядывала, и по саду гуляла, и у реки бродила — везде, где он мог бы меня отыскать. Однажды вся дядюшкина свита скакала мимо наших окон, так я все вглядывалась, но как узнаешь одного — из двухсот-то всадников в цветах дома Говардов. Я знала, что веду себя как дура, но мне казалось

— что тут плохого, просто пококлетничаю с кавалером, подразню его немножко.

Прошла одна неделя, за ней другая — его все нет. Жарким апрельским утром мы с дядюшкой наблюдали, как король и Анна играют в шары. Я, будто между прочим, спросила:

— Этот человек, как его там, Уильям Стаффорд, он все еще у вас на службе?

— Да, — отозвался дядюшка, — но я ему дал месяц отпуска.

— Он уехал?

— Ему приспичило жениться, так он мне сказал. Отпросился у меня поговорить с отцом и прикупить новое жилье для молодой жены.

Мне показалось — земля качнулась под ногами.

— А я думала — он уже женат. — Ничего лучше мне в голову не пришло.

— Нет, он страшный повеса и дамский угодник, — машинально ответил дядюшка — его больше занимали Анна и король. — Вскружил голову одной придворной даме, она надеялась выйти замуж, хотела оставить придворную жизнь ради него и что у него там есть — курятник, да и только. Можешь себе такое вообразить?

— Вот глупость-то. — У меня пересохло во рту. Я с трудом сглотнула.

— А он, не сомневаюсь, помолвлен с какой-нибудь деревенской простушкой. Ждал, наверно, пока она подрастет. А теперь отпросился у меня на месяц и поехал жениться. Но уже скоро вернется. Он надежный человек, я им дорожу. Он тебя провожал в Гевер, да?

— Дважды. И подыскал детям пони.

— Он в лошадях отменно разбирается. И далеко пойдет. Я собираюсь его повысить, назначить главным конюшим. — Дядюшка помедлил, потом внезапно повернулся ко мне, окинул пронзительным взглядом. — Он что, и с тобой пытался заигрывать?

Я спокойно выдержала его взгляд, бросила небрежно:

— Что? Он же вам служит. Конечно нет.

— Ну и отлично, — кивнул дядюшка. — А то ему только палец дай, уж он свое возьмет.

— Со мной это дело не пройдет, — заверила я.

Мы с Анной уже переоделись в ночные рубашки и отпустили служанок, когда в дверь постучали знакомым стуком.

— Георг, кому бы еще, — сказала Анна. — Входи же.

Наш красавчик-братец ввалился в комнату с кувшином вина и тремя стаканами.

— Пришел поклониться божеству красоты. — Он был хорошенько навеселе.

— Входи, входи, — пригласила я. — Мы поистине прекрасны.

Он пинком закрыл за собой дверь.

— Куда лучше при вечернем освещении, — заявил он, тщательно изучая наши лица. — Боже мой, Генрих, наверно, с ума сходит при мысли, что одна у него была, другую он хочет и ни одной ему не достается.

Анне явно не по вкусу напоминание, что я была любовницей короля.

— Он со мной всегда так внимателен.

Георг закатил глаза. Подмигнул мне:

— Винца?

Мы разобрали стаканы, брат подкинул в камин еще одно полено. За дверью послышался какой-то звук. Георг, неожиданно быстро и проворно, подскочил к двери, распахнул ее настежь. Там стояла Джейн Паркер, пытаюсь распрямиться — только-только оторвалась от замочной скважины.

— Моя дорогая женушка! — медоточивым голосом проворковал Георг. — Если хочешь затащить меня в постель, просто попроси, незачем сюда подкрадываться — это спальня сестры.

Она покраснела до корней волос и уставилась на Анну в глубине комнаты — сорочка соскользнула с голого плеча, рядом я в ночной рубашке у камина. Что-то в ее взгляде заставило меня вздрогнуть. Она всегда так смотрит, что становится стыдно, словно и впрямь чем нехорошим занята. Но нет, теперь она смотрит на нас троих, будто хочет быть с нами в заговоре, будто мечтает выяснить все наши секреты и грязные делишки.

— Я проходила мимо и услышала голоса, — попыталась оправдаться Джейн. — Побоялась, вдруг кто-то побеспокоил леди Анну. Как раз собиралась постучать, узнать, все ли у нее в порядке.

— Постучать? Ухом? — воскликнул Георг. — Или носом?

— Брось, Георг, — внезапно вмешалась я. — Все в порядке, Джейн. Георг зашел на минутку выпить и пожелать нам спокойной

ночи. Он скоро придет, не волнуйся.

Она меня и не поблагодарила за защиту.

— Придет он или нет, его дело. Пусть хоть на всю ночь здесь остается, если ему тут так нравится.

— Убирайся, — резко сказала Анна, словно выяснять что-то с Джейн было ниже ее достоинства.

Георг почтительно поклонился и захлопнул дверь прямо перед носом у жены. Повернулся к нам, расхохотался, сказал громко — пусть слышит, если хочет:

— Вот гадюка! Мария, не стоит обращать на нее внимание. Учись у Анны. „Убирайся“. Боже мой! Отлично сказано: „Убирайся“.

Он присел у камина и налил всем нам еще вина. Протянул один стакан мне, другой Анне. Поднял третий, собираясь сказать тост.

Анна не подняла своего стакана, не улыбнулась брату.

— В следующий раз, — заметила сестра, — изволь подавать мне первой.

— Что? — Он не сразу сообразил, о чем она говорит.

— Когда наливаешь вино, первой подавай бокал мне. Когда стучишься в дверь, спрашивай разрешения войти у меня. Я буду королевой, Георг, пора тебе научиться обращаться со мной, как с королевой.

Он не вспылал, не то что в первое время, когда только вернулся из Европы. Понял за это время — Анна обладает немалой властью. Ей ничем поспорить даже с дядюшкой, не говоря уже об остальных верных ей придворных. Ей все равно, кто ее ненавидит, пока король у ее ног. Теперь она кивком головы может уничтожить любого на своем пути.

Георг поставил стакан на каминную доску, забрался на постель, встал на четвереньки и замурлыкал:

— Моя маленькая королева, будущая королева.

Анна перестала хмуриться — невозможно сердиться на нашего очаровательного братца.

— Моя маленькая принцесса, — прошептал он, легонько чмокнул ее в нос, потом крепко поцеловал в губы, протянул умоляюще: — Не становись такой мегерой. Не со мной же. Мы все знаем — ты первая дама королевства, но со мной будь поласковой, Анна. Будешь ласкова со мной, всем нам станет хорошо.

Анна, сама того не желая, рассмеялась.

— А ты изволь выказывать мне полное уважение, — потребовала она.

— Обещаю лежать под копытами твоей лошади.

— И никакой фамильярности.

— Лучше мне умереть.

— Тогда можешь приходить сюда, и я не буду на тебя сердиться.

Он снова наклонился и поцеловал сестру. Глаза закрыты, на губах улыбка, Анна приоткрыла губы. Я глядела на них, брат продолжал поцелуй, коснулся пальцем обнаженного плеча, погладил шею. Я смотрела как замороженная — в восторге и в ужасе одновременно. Вот его пальцы ласкают гладкие черные волосы, вот его рука у нее на затылке, губы впиваются все сильнее. Тут она с легким вздохом открыла глаза, пробормотала: „Довольно“, и легонько столкнула его с постели. Георг вернулся к своему месту у камина, сделав вид, что это был всего-навсего нежный братский поцелуй.

На следующий день Джейн Паркер вновь обрела уверенность в себе. Она улыбнулась мне, присела в реверансе перед Анной, протянула ей накидку, когда та решила прогуляться с королем у реки.

— Я боялась, вы сегодня в расстроенных чувствах, миледи.

— С чего мне расстраиваться? — Анна взяла у нее из рук накидку.

— Такие новости.

— Какие новости? — спросила я, поскольку Анна не проявила ни малейшего любопытства.

Джейн ответила мне, но глаз не спускала с Анны:

— Графиня Нортумберленд разводится с Генри Перси.

Анна пошатнулась, побелела как полотно.

— Какой скандал! — громко сказала я, пытаюсь отвлечь внимание от Анны. — С чего это она вздумала разводиться? Вот глупость, что это на нее нашло?

Анна уже пришла в себя, но Джейн по-прежнему не спускала с нее глаз.

— С чего? — продолжала Джейн, голос просто шелковый. — Говорит, что их брак все равно недействителен. Говорит, он уже раньше подписал другой контракт. С вами, леди Анна.

Анна подняла голову и улыбнулась Джейн:

— Ах, леди Рочфорд, что за известия вы приносите. И в какое странное время. Прошлой ночью подкрадывались и подслушивали у дверей, а теперь полны дурными вестями, как дохлый пес червями. Если графиня Нортумберленд несчастна в замужестве, нам всем, я уверена, ее очень жаль. — Придворные дамы пустились в перешептывания, сгорая скорее от любопытства, чем от сочувствия. — Но если вам приспичило утверждать, что мы с Генри Перси обручились, так это просто неправда. Во всяком случае, король уже заждался, мне не стоит задерживаться.

Анна запахнула плащ и выплыла из комнаты. Две-три дамы последовали за ней, как им полагалось. Остальные сгрудились вокруг Джейн, надеясь услышать побольше скандальных подробностей.

— Уверена, король обрадуется, видя, что вы следуете за леди Анной, — язвительно напомнила я золовке.

Ей ничего не оставалось, как отправиться вслед за Анной. Другие немедленно потянулись за ней, а я, как последняя дворовая девчонка, подобрала юбки и понеслась к дядюшке.

Он уже работал, хотя еще было довольно рано. Рядом расположился секретарь, записывая что-то под дядину диктовку. Дядюшка нахмурился, когда я сунула голову в дверь, потом махнул рукой — входи, и тут же показал — подожди.

— В чем дело? — наконец спросил он. — Я занят. Только что узнал, что Томас Мор недоволен — его беспокоит судьба королевы. Я и не ожидал, что ему все это придется по нраву, но надеялся — вдруг его совесть сумеет проглотить такой поворот дела. Тысячи крон не пожалел бы — только бы Томас Мор не выступал против нас в открытую.

— Тут еще кое-что, — бросила я. — Важное.

Дядя махнул рукой секретарю, тот вышел.

— Анна?

Я кивнула. Мы все в этом семейном деле, продаем товар под названием „Анна“. Нетрудно догадаться, что если я с утра пораньше сломя голову несусь к дядюшке, в нашем торговом деле неприятности.

— Джейн только что сказала, что графиня Нортумберленд подала прошение на развод с Генрихом Перси, — торопливо начала я. — Джейн говорит, она утверждает — их брак недействителен, поскольку он уже раньше подписал контракт о браке с Анной.

— Проклятие! — выругался дядюшка.

— Вы уже знали?

— Конечно знал. Она давно собиралась. Я только надеялся — будет другая причина, скажем, он ее оставил, или жестоко с ней обращается, или содомия какая-нибудь. Я надеялся, нам удалось ее отговорить и она обойдется без упоминания предыдущего брачного контракта.

— Нам?

— Нам. Тебя не касается, кому именно. — Он уже не скрывал раздражения.

— Конечно.

— А откуда Джейн все известно?

— Джейн всегда все известно. А еще — она вчера у Анны под дверью подслушивала.

— И что она там услышала? — Подозрительность в дядюшке никогда не засыпает.

— Да ничего. — Я и глазом не моргнула. — Георг был с нами, мы просто болтали и по бокалу вина выпили.

— Никого, кроме Георга? — протянул дядюшка.

— А кто там еще мог быть?

— Поэтому я тебя и спрашиваю.

— Кто может сомневаться в невинности моей сестры?

— Она слишком много времени вертится со всеми этими кавалерами.

Тут и моему терпению пришел конец.

— Она слишком много времени вертится с королем — повинуюсь вашему приказанию.

— А где она сейчас?

— В саду с королем.

— Возвращайся прямо к ней, скажи — пусть все отрицает. Никакой помолвки, никакого брачного контракта. Ну ухаживал он за ней, дело молодое, у кого не бывает. Молоденький паж строит глазки фрейлине. И не более того, а она вообще на него внимания не обращала. Понятно?

— Только многие вокруг знают, как было дело, — предупредила я.

— Их всех уже давно купили. Кроме Уолси, а он мертв.

— Он мог рассказать королю, тогда, давно, когда еще никто не знал, что король влюбится в Анну.

— Он мертв, — повторил дядюшка, — и теперь ничего не может сказать. А все остальные из кожи вон будут лезть, чтобы уверить короля — Анна невинна, как сама Дева Мария. И Генрих Перси быстрее всех. Только эта проклятая шлюшка, его жена, так хочет поскорее развестись, что готова всем рискнуть.

— За что она его так ненавидит?

Ответом был дядюшкин смешок.

— Нет, Мария, ты все такая же невинная идиотка. Потому что он *был* женат на Анне, и она это знает. Потому что он все еще любит Анну, и она это знает. Потому что, потерявши Анну, он впал в меланхолию и с тех пор так и не пришел в себя. Неудивительно, что ей не хочется быть его женой. Теперь иди, найди свою сестрицу, и не забывай — ложь, ложь и снова ложь. Открой пошире свои прекрасные глазки и лги направо.

Король и Анна прогуливались у реки. Она что-то ему серьезно втолковывала, а он склонил голову, внимательно слушая, будто боясь пропустить хоть одно словечко. Она заметила меня.

— Мария вам все расскажет. Мы с ней тогда делили комнату, я только-только вернулась ко двору.

Генрих поднял на меня глаза, и я увидела: он очень расстроен.

— Все дело в графине Нортумберленд, — объяснила Анна. — Распускает слухи, клеветает. А все оттого, что ей хочется поскорее развестись, похоже, устала быть замужем.

— А что она говорит?

— Да все старые слухи. Рассказывает, что Генрих Перси был в меня влюблен.

Я тепло улыбнулась королю, такой улыбке просто нельзя не поверить.

— Конечно, он был влюблен, ваше величество. Разве вы не помните — когда Анна только появилась при дворе, все в нее сразу повлюблялись? Ну и Генрих Перси тоже.

— Но они говорят о помолвке.

— С графом Ормондом? — немедленно вставила я.

— Родня не сошлась в приданом и титуле, — подхватила Анна.

— Нет, между тобой и Генрихом Перси, — упрямо продолжал король.

— Ничего такого и в помине не было. Мы были совсем молоденькие, обычные придворные дела, стишки, любезности, а больше ничего.

— Он и мне посвятил три поэмы, — вмешалась я. — Второго такого бездельника-пажа на службе у кардинала вовек не было. Все время писал стихи. Жаль, вот только женился на женщине безо всякого чувства юмора. Она, верно, и поэзию не слишком жалуется, а то бы сбежала от него еще быстрее.

Анна расхохоталась, но свернуть короля с пути было не так-то просто.

— Говорят, что вы подписали брачный контракт, — продолжал настаивать Генрих, — были помолвлены.

— Говорю я вам, нет, — перебила его Анна — в голосе уже появляются знакомые сердитые нотки.

— Но почему она тогда утверждает, что были?

— Чтобы от мужа избавиться.

— Если все равно лгать, то зачем так глупо? Могла бы сказать, что он пообещал жениться на Марии. Он ведь ей тоже стихи писал?

— Удивительно, что не сказала, — немедленно вмешалась я, стараясь уберечь Анну от вспышки гнева. Но сестрицу уже ничем не остановить. Она резко отодвинулась от короля.

— Так вы полагаете... Вы считаете, что я... Сомневаетесь в моей невинности? Когда я стою тут перед вами и клянусь, что никогда и не глядела ни на какого другого мужчину? Вы — а не кто-нибудь другой — обвиняете меня в этой нелепой помолвке. Кто за мной охотится, когда у самого жена еще жива? Кто из нас больше похож на двоеженца? Тот, чья жена живет себе припеваючи в роскошном замке в Хартфордшире, содержит там собственный двор, все ее навещают, улещивают ее, королеву в изгнании, или девушка, которой раз в кой-то веки кто-то посвятил поэму?

— Мой брак недействителен, — заорал в ответ Генрих. — Всякий кардинал в Риме это знает.

— Но вы же были женаты! Это всякая собака в Лондоне знает! Сколько денег вы на нее потратили. Небось немало повеселились тогда

— когда женились. А мне, мне ничегошеньки, ни обещания, ни кольца, ничего, ничего! Мучите меня, да и только.

— Боже правый! — вырвалось у него. — Будешь ты меня слушать?

— Нет! — закричала она, теряя последнее соображение. — Считаете меня полной дурочкой, влюбленной в дурака, а значит, дважды дурой. Не буду я вас слушать, потому что вы слушаете всякого, кто льет ядовитую ложь прямиком в ваши уши.

— Анна!

— Нет! — И бросилась бежать.

Он нагнал ее в два прыжка, поймал в объятия. Она рванулась, стукнула ладошкой по подбитому плечу камзола. Ну вот — половина двора смотрит на нападение на английского монарха и просто не знает, что делать. Генрих схватил ее за руки, лицо совсем рядом с ее лицом, будто в любовной битве, тело к телу, губы к губам, почти как в поцелуе. Я заметила на его лице жадное желание — она была так близко.

— Анна. — Теперь голос короля звучит совсем по-другому.

— Нет, — повторила она, но уже улыбаясь.

— Анна.

Она прикрыла глаза, немного откинулась — пусть целует, в закрытые веки, в губы. Прошептала:

— Да.

— Боже мой, — еле слышно произнес у моего уха Георг, — так вот как она им вертит.

Я кивнула, а Анна устроилась поудобней под рукой короля, он обнял ее за плечи, она его за талию, и, бедро к бедру, они зашагали прочь. На лицах явно читалось — лучше бы нам сейчас пойти в постель, а не прогуливаться у реки. Смесь желания и удовольствия — словно бурная ссора не хуже, чем бурные объятия.

— Сначала гнев, а потом на попятный — и так всегда?

— Да, — подтвердила я. — Пламя гнева заменяет пламя любовной схватки, сперва шум да крики, а потом затихают, голубки, и в обнимку.

— Он ее, верно, обожает, — продолжал Георг. — Она на него набрасывается с руганью, а потом уютно устраивается на плечике. Боже мой, никогда раньше такого не видел. До чего же страстная

шлюшка эта наша сестричка. Я ее брат, а только сейчас понял. Она любого мужчину может свести с ума.

Я кивнула:

— Она всегда сдается. Но только на две минуты позже, чем, ты думаешь, нужно. Всегда переживает — до самого конца и даже дальше.

— Опасная получается игра, когда играешь с монархом, обладающим абсолютной властью.

— А что ей еще делать? Надо же его чем-то удерживать. Она, выходит, вроде замка, который ему только и остается, что бесконечно осаждать. Вот и приходится разжигать его страсти.

Георг взял меня под руку, и мы отправились следом за королевской парочкой по тропинке вдоль реки.

— А что станется с графиней Нортумберленд? Ей не добиться своего, если она будет настаивать на том, что Генрих Перси был помолвлен с Анной.

— Лучше ей подождать, пока овдовеет, — грубо сказала я. — Мы не позволим чернить Анну в глазах короля. Графине придется еще пожить с мужем, который без ума от кого-то другого. Лучше бы ей вовсе не становиться графиней, вышла бы себе замуж по любви.

— Ты что-то в последнее время зачастила про любовь. Чей совет — пустого места?

Я рассмеялась, будто мне все нипочем.

— Пустое место пропало. Наконец-то избавились. Как я и думала, никто, ничто и звать никак.

Лето 1532

Пустое место, Уильям Стаффорд, вернулось на службу к дядюшке в июне. Пришел ко мне доложить — он снова при дворе, пообещал сопровождать меня в Гевер, как только туда соберусь.

— Я уже договорилась с сэром Ричардом Брентом, — отрезала я холодно.

Что за удовольствие наблюдать его оторопевшую физиономию.

— А я-то думал — вы мне разрешите побыть подольше. Поучить детей верховой езде.

— Вы слишком ко мне добры. — Тон по-прежнему ледяной. — Может, следующим летом.

Повернулась и ушла, прежде чем ему пришел в голову достойный ответ.

Оглянулась — хорошо, я ему отомстила за то, что выставил меня полной душой — флиртовал со мной, а сам собирался жениться на ком-то еще.

Сэр Ричард задержался лишь на пару дней — к нашему взаимному облегчению. Моя жизнь в деревне ему не по нраву — вокруг все время дети, не говоря уже об арендаторах. Я ему куда больше нравилась при дворе — там мне делать нечего, только кокетничать да флиртовать. С плохо скрытым облегчением он отправился обратно к королю — помочь в подготовке задуманной поездки во Францию.

— Я в полном отчаянье — мне надо вас оставить, — заявил он, ожидая, пока ему подведут коня. Мы оба стояли на солнцепеке у замкового рва. Дети бросали веточки с одной стороны подъемного моста и бежали на другую — посмотреть, когда они выплывут из-под моста. Я рассмеялась, глядя на них:

— Долго же придется ждать, это вам не быстрая речка.

— Уильям сделал нам лодочки с парусами, — объявила Екатерина, не спуская глаз со своей веточки. — Они плывут туда, куда ветер дует.

Я снова повернулась к своему безутешному воздыхателю.

— Нам будет вас не хватать, сэр Ричард. Передайте мой нижайший поклон моей сестрице.

— Я ей доложу, что пребывание в деревне вам идет — просто бриллиант на подушечке зеленого бархата.

— Благодарю вас. А что, весь двор отправляется во Францию?

— Придворные и король, леди Анна и ее дамы. Мне нужно подготовить все стоянки в Англии на пути королевского поезда.

— Без сомнения, лучше вас никто не справится. Вы доставили меня сюда с полным комфортом.

— Могу прямо сейчас отвезти обратно, — пообещал он.

Я положила руку на коротко остриженную теплую макушку Генриха.

— Я лучше останусь тут подольше, предпочитаю этим летом побыть в деревне.

Я совсем не думала о возвращении ко двору, такое счастье провести время с детьми, на теплом солнышке Гевера. Мой маленький замок дышит покоем, над головой — родные небеса. Но в конце августа пришел немногословный приказ от отца — на следующий день за мной приедет Георг.

Ужин прошел в полном отчаянье. Дети, бледные, с грустными глазами, переживали предстоящую разлуку. Я поцеловала их на ночь, посидела у кровати Екатерины, дожидаясь, пока она заснет. Она заснула не скоро, все таращила глазки, зная — стоит их закрыть и на следующее утро меня уже в замке не будет. Прошло не меньше часа, пока она наконец задремала.

Я приказала служанкам сложить мои платья, погрузить сундуки на повозку. Управляющему велела поставить туда бочки с сидром и пивом для отца — ему это понравится, корзины с яблоками и другими фруктами — из них выйдет неплохой подарок для короля. Анна просила привезти кое-какие книги, и я отправилась в библиотеку. Одна на латыни, нелегко ее найти. Другая — богословская книга по-французски. Тщательно упаковала обе вместе с моим маленьким ларчиком для драгоценностей. Отправилась в постель и полночи рыдала в подушку — лето с детьми кончилось.

Я уже сидела на лошади, дожидаясь брата, рядом повозка, груженная вещами. Тут вдаль показалась целая колонная всадников — вот они уже скачут по подъемному мосту. Уже издали ясно — Георга с ними нет.

— Уильям Стаффорд? — Я даже не улыбнулась. — Я ожидала брата.

— А я вас выиграл, — объявил он. Сдернул шляпу, ослепительно улыбнулся. — Играл с ним в карты и выиграл право сопровождать вас обратно в Виндзорский замок.

— Тогда мой брат — истинный изменник, — недовольным тоном протянула я. — Только его сестра не рабыня, чтобы ее в обыкновенном трактире в карты проигрывать.

— Это был весьма необычный трактир. — Тон вызывающий, что он себе позволяет? — Он проиграл вас, а затем хорошенький бриллиант и право потанцевать с симпатичной девчонкой.

— Я желаю отправиться в путь немедленно, — грубо отрезала я.

Он поклонился, надел шляпу, махнул рукой солдатам.

— Мы ночевали в Эденбридже, так что готовы выступить прямо сейчас.

Наши лошади оказались рядом.

— Почему вы не поехали сразу в замок?

— Слишком холодно тут, — бросил он.

— Как так, вас в последний раз поселили в одной из лучших комнат.

— Я не говорю о замке. С замком все в порядке.

— Имеете в виду меня? — Я чуть помедлила с этим вопросом.

— Холодный прием — просто ледяной. И ума не приложу — чем мог вас обидеть. То мы весело обсуждаем прелести деревенской жизни, а то вдруг — будто снег пошел.

— Понятия не имею, о чем вы толкуете.

— Б-р-р-р, холодно. — Он пустил лошадь в галоп.

Полдня мы скакали в таком быстром темпе, а потом он объявил привал. Спустил меня с седла, открыл ворота в изгороди, окружающей поле у реки.

— У нас есть запасы еды. Пойдемте, прогуляетесь со мной, пока готовят обед.

— Я слишком устала для прогулок, — отмахнулась я.

— Тогда просто посидим. — Он положил плащ на траву в тени высокого дерева.

Больше спорить не было сил. Села на расстеленный плащ, прислонилась к приятной шероховатости коры, уставилась на реку. В

воде полоскались утки, в камышах вдали притаилась пара куропаток. На мгновение он отошел и вернулся, неся две оловянные кружки с элем. Протянул одну мне, залпом осушил другую.

— А теперь, — начал он, как человек, приготовившийся к долгому разговору, — леди Кэри, пожалуйста, объясните мне, чем я вас оскорбил.

Я уже открыла рот, чтобы сказать — ничем он меня не оскорбил, между нами вообще ничего не было, с начала и до конца, и разговаривать не о чем.

— Не надо, — будто прочел мои мысли по лицу. — Знаю, я вас дразнил, но никак не намеревался обидеть. Мне казалось, еще немножко — и мы пойдем друг друга.

— Вы со мной флиртовали напропалую, — сердито заявила я.

— Не флиртовал, — поправил он. — Я за вами ухаживал. И если вам неприятно, я, конечно, немедленно перестану. Только объясните, что в этом плохого.

— Почему вы покинули двор? — резко спросила я.

— Поехал повидаться с отцом. Он обещал мне немного денег, если надумаю жениться, хочу купить ферму в Эссексе. Я же вам об этом рассказывал.

— Так вы собрались жениться?

Он на мгновение нахмурился, потом его лицо прояснилось.

— Да ни на ком другом! Вот что вы себе вообразили! На вас, дурочка набитая! На вас! Я в тебя влюбился, как только увидел, и с тех пор думаю не переставая, где найти местечко, чтобы тебе подошло, чтобы стало тебе хорошим домом. Как увидел, что ты любишь Гевер, так подумал — куплю небольшое поместье с фермой, может, тебе понравится.

— Дядя сказал — вы покупаете дом, собираетесь жениться на какой-то девчонке, — выдохнула я.

— На тебе! Ты и есть та самая девчонка! Ты одна, никого другого и в помине нет.

Он протянул руку. На мгновение мне показалось — сейчас меня обнимет. Я попыталась отстраниться, этого слабого движения было достаточно — он сдержал себя.

— Нет? — спросил ласково.

— Нет. — Мой голос дрожит.

— И даже поцелуя не подаришь?

— Ни одного. — Я попыталась улыбнуться.

— Ни одного поцелуя за хорошенькую ферму? Дом у самого холма, а окна все выходят на юг. Земля вокруг превосходная, дом красивый, наполовину бревенчатый, крыша покрыта камышом, конюшни и все остальное на заднем дворе. Огород и сад, а в саду — ручей. Загон для твоей лошадки, и коровам есть где пастись.

— Нет. — В голосе все меньше и меньше уверенности.

— Почему нет?

— Потому что я Говард и Болейн, а ты пустое место.

Уильям даже не вздрогнул от такой прямоты.

— Тогда и ты окажешься пустым местом, только выйди за меня замуж. Это так приятно — быть пустым местом. Сестра на полдороге к королевскому трону. Думаешь, будет счастливее тебя?

Я покачала головой:

— От себя не убежишь.

— Когда ты по-настоящему счастлива — зимой при дворе? Или летом с детьми в Гевере?

— Там, на твоей ферме, моих детей не будет. Анна их заберет. Не позволит, чтобы королевский сынок рос неизвестно где, у двух таких, как мы, — ничто, никто и звать никак.

— Пока у нее свой не родится. Тогда она в одно прекрасное мгновение постарается избавиться от твоего, — проницательно заметил он. — И придворных дам у нее сколько хочешь, твоя семейка подыщет других говардовских девчонок. Исчезни ты с глаз долой — и через три месяца они про тебя и думать забудут. Не хочешь же ты всю жизнь быть другой Болейн. Лучше уж стать одной-единственной миссис Стаффорд.

— Но я ничего не умею, — слабо протянула я.

— Чего ты не умеешь?

— Отжимать сыр. Ощипывать цыплят.

Медленно, будто боясь меня спугнуть, он опустил рядом со мной на колени. Взял мою безвольную руку, поднес к губам. Повернул ладонью вверх, открыл, поцеловал в ладошку, в запястье, перецеловал каждый пальчик, шепнул нежно:

— Я тебя научу, как ощипывать цыплят. И мы будем счастливы вместе.

— Я еще не сказала „да“, — выдохнула я, закрывая глаза и отдаваясь чудному ощущению — теплые, ласковые губы касаются ладони.

— Но и „нет“ ты тоже не сказала.

В зале Виндзорского замка Анна в окружении портных, торговцев галантереей, белошвеек. На всех креслах и диванах валяются отрезки роскошной материи. Комната куда больше похожа на лавку закройщика в базарный день, чем на покои королевы. На мгновение мне припомнилась королева Екатерина — она себе никаких излишеств не позволяла и в ужас бы пришла от такого безумного расточительства — к чему все эти дорогие шелка, бархат и золотая парча.

— Мы отправляемся в Кале в октябре, — объявила Анна, две швеи подкалывают подол ее нового наряда. — Тебе тоже нужно заказать парочку новых платьев.

Я молчала.

— В чем дело? — раздраженно бросила сестра.

Мне не хотелось говорить перед всеми этими торговцами и придворными дамами. Но ничего не оставалось.

— Мне новые платья не по карману, — тихо сказала я. — Сама знаешь, сколько мне оставил муж. У меня только маленькая пенсия и то, что отец дает.

— Он заплатит, — уверенно кивнула сестра. — Посмотри в моих сундуках, там есть мое старое платье — алого бархата, и еще одно — где лиф расшит серебром. Можешь их себе переделать.

Я медленно пошла в ее спальню, подняла тяжелую крышку одного из бесчисленных сундуков с одеждой. Она помахала швее.

— Пусть миссис Клавли распорет и перешьет на тебя. По самому последнему фасону. Пусть французский двор знает — мы тоже разбираемся в моде. Не желаю у моих придворных дам этой испанской безвкусицы.

Я стояла и ждала, пока женщины снимут с меня мерку. Анна оглянулась, резко крикнула:

— Вы все, ступайте. Пусть только миссис Клавли и миссис Симптер останутся.

Подождала, пока остальные выйдут из комнаты.

— Теперь все хуже и хуже. Мы даже вернулись раньше обычного. — Она почти шептала. — Просто невозможно никуда

поехать. Везде одни неприятности.

— Неприятности?

— Люди кричат всякие грубости. В одной деревне парни принялись кидаться камнями. В меня. А король скакал рядом.

— Кидаться камнями в короля?

Она кивнула.

— А в другой городишко мы вообще не могли войти. Они разложили на главной площади костер и сожгли на нем мое изображение.

— А что король говорит?

— Сначала страшно разозлился, хотел послать туда солдат, пусть дадут урок этим грубиянам. Но их слишком много, вдруг начнут драться с солдатами? Что тогда делать?

Швея легонько меня подтолкнула. Я послушно повернулась, с трудом понимая, что делаю. Мы выросли в пору мира, царившего с начала правления Генриха, мне и в страшном сне не могло привидеться восстание англичане против своего короля.

— А что говорит дядюшка?

— Говорит, Бога надо благодарить — против нас только один герцог Суффолк. Когда в короля бросают камнями, когда его оскорбляют в собственном королевстве, до гражданской войны рукой подать.

— Так Суффолк — наш враг?

— Прямо провозгласил — говорит, я уже обошлась королю в потерю Церкви, а теперь он еще и страну потеряет.

Я снова повернулась, швея опять встала на колени, закалывая подол платья, спросила полупрошептом:

— Возьму их с собой и переделаю, хорошо?

Я кивнула.

Она собрала ткани и мешок с шитьем, поспешила выйти из комнаты. Вторая, подшивавшая подол платья Анны, сделала последний стежок, перекусила нитку.

— Боже мой, Анна, — воскликнула я. — И так везде?

— Везде, — угрюмо отозвалась сестра. — В одной деревне повернулись ко мне спиной. В другой принялись свистеть. Едем вдоль полей — мальчишки, отгоняющие ворон, принимаются кричать гадости. Девчонка, пасущая гусей, плюет, завидев меня, на дорогу.

Скачем по рынку — женщины бросают в нас тухлой рыбой и гнилыми овощами. Останавливаемся в поместье или замке — ревущая толпа следует по пятам, кричит, ругается, приходится поскорей запирать ворота. Просто кошмар какой-то. Хозяин замка выйдет навстречу приветствовать нас — лицо вытягивается, как только видит, что половина его арендаторов собралась вокруг, оскорбляя своего законного короля. За нами словно вереница несчастий тянется. В Лондоне появиться нельзя, и в деревне не лучше. Остается прятаться во дворце, тут нас никто не достанет. И все они зовут Екатерину любимой королевой.

— А что король?

— Повторяет, что не желает дожидаться решения Рима. Вот умрет архиепископ Уорем, тогда он назначит нового архиепископа, и тот нас поженит. Мы все равно поженемся, что бы там Рим ни решил, за они или против.

— А если Уорем еще долго протянет?

— Не похоже на то, — жестко усмехнулась сестра. — Уж я ему супа не пошлю. Он совсем старик, провел в постели целое лето. Скоро помрет, и тогда Генрих назначит Кранмера, ^[29] этот нас поженит.

Я в сомнении покачала головой:

— Вот так просто? Зачем тогда столько времени потеряли?

— Да, все так просто, — отрезала Анна. — И если бы король был мужчиной, а не мальчишкой-школьником, он бы женился на мне пять лет тому назад и у нас бы уже родились пять сыновей. Но ему все не терпелось убедить в своей правоте королеву, всю страну убедить, что прав. Хочет быть уверен — все делает по праву, истина на его стороне. Настоящий глупец.

— Ты уж лучше такого никому, кроме меня, не говори.

— Все и так знают. — Знакомый упрямый тон.

— Анна, следи за своим язычком и характер свой бешеный придерживай. Ты еще можешь упасть с высот, куда забралась. Даже сейчас.

Она покачала головой:

— Нет. Он мне дал мой собственный титул и состояние, их у меня не отнять.

— Какой титул?

— Мой титул — маркиз Пемброк.

— Маркиза? — переспросила я, думая, что ослышалась.

— Нет. — Она вся сияла от гордости. — Нет, маркиза — титул, который получает женщина, когда выйдет замуж. А я — маркиз, это мой собственный титул. Его у меня никто не отнимет. Даже сам король.

Я закрыла глаза, задохнувшись от зависти и ревности:

— И состояние?

— У меня теперь поместья в Колдкейтоне и в Ханфорде, это в Миддлсексе, и еще земли в Уэльсе. Приносят до тысячи фунтов в год.

— Тысяча фунтов? — повторила я, вспомнив о своей пенсии — сто жалких фунтов в год.

Анна сияла.

— Я самая богатая женщина в Англии, и самая благородная. Собственное богатство, собственный титул. И скоро буду королевой.

Она расхохоталась, вдруг сообразив, какой горечью отдается мне ее победа.

— Ты наверно за меня ужасно рада.

— Конечно, сестричка.

На следующий день на конюшнях царила невероятная суматоха. Король отправляется на охоту, и все остальные вместе с ним. Охотничьи лошади оседланы, гончие на изготовку, выведены в огромный двор, егеря хлыстами пытаются поддержать порядок, собаки в нетерпении нюхают воздух, заливаются радостным лаем. Конюхи мечутся, поправляют уздечки, застегивают пряжки, подсаживают придворных в седла. Мальчишки-подручные тряпицами обтирают крупы коней, наводят последний лоск на и так сияющие шеи. Вороной жеребец Генриха выгибает шею, бьет копытом землю, ждет, пока появится всадник.

Я оглядываюсь, ищу глазами Уильяма Стаффорда. Вдруг кто-то легонько берет меня за талию, нежный голос шепчет прямо в ухо:

— Меня послали с поручением, всю дорогу назад бежал сломя голову.

Я оборачиваюсь. Он почти держит меня в объятиях. Подвинься я чуть ближе — и наши тела полностью соприкоснутся. Я прикрываю глаза, от его такого мужского запаха во мне поднимается желание. Снова открываю глаза, смотрю в блестящие, черные глаза — они полны нескрываемого вожделения.

— Прошу тебя, Бога ради, отодвинься. — Я еле могу говорить.

Он неохотно отпускает меня, отступает на полшага.

— Бог свидетель, мне нужно на тебе жениться. Мария, я больше не в силах сдерживаться. Такого в моей жизни еще не было. Я минуты не могу прожить без твоих объятий.

— Ш-ш-ш-ш, — шепчу я, — подсади меня в седло.

Я надеюсь, буду подальше от него, может, пройдут слабость в коленях и полуобморочное состояние. Забираюсь в седло, расправляю платье для верховой езды. Он касается подола платья, потом ноги. Смотрит мне прямо в лицо, честно и открыто.

— Ты должна выйти за меня замуж.

Я оглядываюсь, кругом несметное богатство двора, развевающиеся перья на шляпах, бархат и шелк — даже для дня на охоте все разделись словно принцы.

— Это моя жизнь, — пытаюсь объяснить. — Мой дом с самого детства. Сначала при французском дворе. Потом здесь. Никогда не жила в простом доме. Никогда не проводила целый год в одной и той же комнате. Я придворная дама из семейства придворных. Не могу я по мановению твоего пальца стать обыкновенной женой и хозяйкой усадьбы.

Рога трубят, король, широкоплечий, улыбающийся, выходит из замка, рядом Анна. Сестра быстрым взглядом окидывает двор, я дергаю ногой, нечего ему меня держать, смотрю на Анну невинным взглядом. Король с помощью конюха вскакивает в седло, тяжело усаживается, разбирает поводья, вот он уже готов. Все, кто еще на земле, торопятся забраться на коней, найти местечко получше в королевской кавалькаде. Придворные поближе к Анне, дамы, как бы случайно, рядом с королем.

— Ты едешь? — быстро шепчу я.

— Хочешь, чтобы я поехал?

Всадники медленно покидают двор, теснясь в арке ворот.

— Лучше не надо. Дядюшка сегодня здесь, он ничего не отпускает.

— Как вам будет угодно. — Уильям отступает, вижу, блеск в глазах потух.

Как же мне хочется соскочить с коня, прижаться к его губам, пусть на них снова заиграет улыбка. Но нет, он кланяется, отступает к

стене, следит за удаляющейся кавалькадой. Даже не машет мне рукой, не говорит, когда увидит меня снова. Просто отпускает.

Осень 1532

Анну с подобающими церемониями возвели в титул маркиза в покоях короля в Виндзорском замке. Король сидел на троне, рядом дядюшка и Карл Брендон, герцог Суффолк, прощенный, вернувшийся ко двору как раз вовремя, чтобы стать свидетелем торжества Анны. Казалось, он только что сжевал целый лимон, да еще с кожурой, такая кислая у него улыбочка. Дядюшка тоже улыбался кислотовато, с одной стороны — такой успех, богатство и престиж для племянницы, а с другой стороны — уж больно она стала заноситься.

На Анне платье алого бархата, отделанное белым пушистым горностаевым мехом. Волосы, темные и блестящие, ни дать ни взять грива призового коня, распущены по плечам, словно у невесты в день бракосочетания. Леди Мария, дочка герцога Суффолка, несет мантию, подобающую новому титулу Анны, а за ней все мы в новых, с иголочки нарядах — придворные дамы Анны, Джейн Паркер, я и еще с десяток других. Стоим в почтительном молчании позади, пока король накидывает мантию на плечи Анны, возлагает ей на голову маленькую корону.

На пиру мы с Георгом сидим рядом, смотрим на сестру, она, конечно, подле короля.

Он не спрашивает, завидую ли я. Ответ слишком очевиден, не стоит даже задавать вопроса.

— Никакая другая женщина с этим не справилась бы, — шепчет он. — Уж больно ей хочется усесться на трон.

— Мне ничего такого не хотелось, — отвечаю. — С самого детства только об одном мечтала — чтобы про меня не забыли.

— Ну, дорогая, пора расстаться с мечтой. — Брат может позволить себе подобную искренность. — Про тебя забыли до конца твоих дней. Мы оба теперь просто пустое место. Если мне чего удастся добиться, то только по ее милости. А тебе вообще не о чем и беспокоиться. Она будет единственной Болейн, о которой узнают люди. Ты — навеки пустое место.

Опять это выражение — „пустое место“. Слова брата будто выпускают из меня горечь, я смеюсь:

— Может, это и неплохо — быть пустым местом.

Мы танцуем допоздна, а потом Анна отсылает всех придворных дам, кроме меня.

— Я иду к нему, — заявляет она.

Ей не нужно объяснять, что она имеет в виду.

— Ты уверена? Вы все еще не женаты.

— Кранмер не сегодня-завтра станет архиепископом. Я отправляюсь во Францию вместе с королем, он настаивает, чтобы меня принимали как королеву. Он дал мне титул маркиза и земли. Я больше не могу говорить „нет“.

— Боже мой, тебе ведь и самой хочется! — Я вдруг поняла: ей тоже не терпится. — Полюбила его наконец?

— Нет, конечно. — Она просто отмахнулась от такой смешной мысли. — Но я его столько времени держу на расстоянии вытянутой руки, что он почти сошел с ума, и я вместе с ним. Я сама так от него завожусь, от всех этих ласк и объятий, уже готова лечь с последним конюхом. Он мне торжественно пообещал. Я почти сижу на троне. Я должна пойти к нему сейчас, сегодня же.

Я налила ей воды в кувшин, пока она мылась, согрела полотенце.

— Что ты наденешь?

— То платье, в котором танцевала. И мою новую корону. Я хочу прийти к нему как королева.

— Лучше бы тебя проводил Георг.

— Он сейчас придет, я ему уже сказала.

Она вымылась, забрала у меня полотенце. Тело в свете камина и свечей прекрасно, как у дикого зверя. В дверь тихонько постучали.

— Открой ему, — приказала Анна.

Я помедлила, она уже надела нижнюю юбку, но больше на ней ничего нет.

— Давай открывай, — упрямо повторила она.

Я пожала плечами, открыла дверь. Георг в ужасе отшатнулся, увидев обнаженную грудь сестры, темную, распущенную гриву волос.

— Входи, — беззаботно кивнула она. — Я почти готова.

Он, по-прежнему потрясенный, бросил на меня вопросительный взгляд, вошел в комнату, уселся в кресло у камина.

Анна, держа корсаж у груди, повернулась спиной к брату — зашнуруй. Он поднялся на ноги, принялся продергивать шнуровку крест-накрест в дырочки. Каждый раз, когда рука касалась ее кожи, я

видела — она закрывает глаза, наслаждаясь этими нежными прикосновениями. Лицо Георга потемнело, он мрачно выполнял приказ.

— Что еще? — спросил он. — Завязать шнурки на ботинках? Почистить обувь?

— Разве тебе не нравится меня ласкать? — Голос такой дразнящий. — Я и королю гожусь.

— Ты и для борделя годишься, — резко бросил он. — Надевай плащ, коли готова.

— Но скажи, меня всякий захочет, да? — Она уставилась ему прямо в глаза.

Георг помедлил с ответом.

— Зачем ты меня спрашиваешь? У половины придворных дрожат колени, едва они тебя завидят. Чего еще тебе надобно?

— Мне все надобно, — ответила без улыбки. — Я хочу, чтобы ты, Георг, сказал прямо тут при ней, при Марии, что я лучше всех.

Он тихо рассмеялся.

— А, вечное соперничество, — проговорил он медленно. — Анна, маркиз Пемброк, ты самая желанная и самая богатая в нашем семействе. Обошла нас обоих. Скоро обойдешь и наших достопочтенных папашу и дядюшку — можешь этим гордиться. Чего тебе еще надобно?

Она вся сияла, пока он говорил, но при последнем вопросе сникла, словно от страха, должно быть, вспомнила проклятия женщин на рынке, крики мужчин: „Шлюха“.

— Я хочу, чтобы все это знали.

— Ну, что, отвести тебя к королю? — деловым тоном осведомился Георг.

Анна взяла его под руку. Я увидела, как напряглось ее тело, как она улыбнулась брату.

— Ты, наверно, не прочь отвести меня к себе в спальню?

— Если хочешь пойти на плаху за кровосмешение — пожалуйста.

Она игриво хохотнула:

— Ну ладно. Тогда к королю. Но помни, Георг, ты мой придворный, как и все остальные.

Он склонил голову и повел ее. Я слышала их шаги, сначала в парадной зале, потом на лестнице. Подождала, пока хлопнула дверь.

Подумала, Анна, верно, впрямь хочет все на свете. Ее ожидает ночь с королем, а она медлит, чтобы еще разок помучить родного брата.

Она вернулась на заре, в одежде полный беспорядок. Георг привел ее обратно, мы вместе раздели Анну и уложили в постель. Она слишком устала, не в силах даже вымолвить и слова.

— Итак, дело сделано? — спросила я, когда она закрыла глаза.

— И не раз, осмелюсь заметить, — отозвался брат. — Я ждал прямо под дверью, пытался поспать в кресле. Пару раз за ночь они меня будили криками и возней. Дай Бог, теперь появится наследничек.

— Ты думаешь, он точно на ней женится? Не устанет от нее теперь, когда своего добился?

— Месяцев на шесть их хватит. Теперь, когда она и себе кое-какое удовольствие доставила, может, похорошеет к нему, а заодно — о Боже — и к нам.

— Если она будет еще добрее к тебе, окажется в твоей постели быстрее, чем в королевской.

Георг потянулся, зевнул, лениво улыбнулся мне с высоты своего немалого роста.

— Она просто с ума сходила от желания, а девать его было некуда. Ну прямо распирало ее, а теперь поуспокоится. Дай Бог, появится ребеночек в животе, кольцо на пальце и корона на голове. *Vivat Anna!* Славно потрудились — дело наконец сделано.

Анна все еще спала, и я подумала — если пойти в покои к дядюшке, наверно, удастся повидать Уильяма. В замке царил утрення суматоха, на подходе к кухне громоздились повозки с охапками хвороста, груды древесного угля, корзинами фруктов и овощей с рынка, молоком, мясом, кругами сыра с окрестных ферм. В дядюшкиных комнатах — обычная суэта большого хозяйства. Служанки метут полы, прибирают в парадных комнатах, повара закладывают поленья в камин, раздувают почти потухшие угли.

Дворяне на службе у дядюшки живут в маленьких комнатенках прямо рядом с парадным залом, солдаты спят в оружейной. Неизвестно, где Уильям. Я прошла в зал, кивком поздоровалась с парой придворных, притворилась, что пришла повидаться с дядюшкой или с матерью.

Дверь в спальню дядюшки отворилась, оттуда выскочил Георг.

— Ох, это ты, — обрадовался он. — А Анна еще спит?

— Спала, когда я уходила.

— Иди разбуди ее. Скажи, что духовенство подчинилось королю. Большинство по крайней мере, значит, мы победили. Только Томас Мор объявил, что уходит со своего поста. Король об этом узнает во время мессы — получит от Мора письмо, но ее надо предупредить. Королю нелегко будет это перенести.

— Томас Мор? — переспросила я. — Мне казалось, он на нашей стороне.

Брат только хмыкнул — до чего же я невежественна.

— Он пообещал королю, что не будет публично возражать против его нового брака. Но понятно, что он думает. Он юрист, законник. Ему нелегко перекраивать истину, как это делается во многих университетах Европы.

— Мне казалось — он стоит за церковную реформу. — Мне не впервой растерянно барахтаться в море политики — деле, куда более привычном для остальных членов семейства.

— За реформу, а не за развал. А потом, король во главе церкви... — отозвался Георг. — Кому, как не Мору, понимать — король не годится на роль Папы. Он же его знает с детства. Никогда не согласится считать Генриха наместником Святого Петра. — Брат хмыкнул. — И впрямь, смехотворная затея.

— Смехотворная? Я-то думала, мы ее поддерживаем.

— Конечно поддерживаем. Если Генрих — глава церкви, значит, он может сам расторгнуть свой брак и жениться на Анне. Но только полные идиоты могут думать, что на то есть законные основания, моральное право или это просто основано на здравом смысле. Ничего, Мария, не волнуйся. Анна во всем этом прекрасно разбирается. Пойди разбуди ее и передай, что Мор подал в отставку, что король об этом узнает сегодня, а ей не надо ни о чем волноваться. Так дядюшка сказал. Анне не надо ни о чем волноваться.

Я повернулась и отправилась исполнять что приказано, и как раз в эту минуту в зале показался Уильям Стаффорд. Он низко поклонился при виде меня.

— Леди Кэри. — Другой поклон брату. — Лорд Рочфорд.

— Иди! — Брат легонько меня подтолкнул. На Уильяма он и внимания не обратил. — Иди скажи ей.

Нечего делать, пришлось мне поторопиться, я не могла даже коснуться руки Уильяма, сказать ему „доброе утро“.

Король и Анна провели взаперти целое утро, обсуждая решение Томаса Мора. Отец и дядюшка были с ними, не говоря уже о Кранмере и секретаре Кромвеле. Все они на стороне Анны, всем их хотелось, чтобы церковная власть и церковное богатство оказались в руках короля. К обеду король и Анна вышли в полной гармонии, она сидела по правую руку короля словно настоящая королева.

После обеда наша парочка, отослав всех придворных, удалилась в опочивальню короля. Георг поднял брови, хмыкнул выразительно, прошептал:

— Неплохо, если только из этого выйдет маленький наследничек, Мария.

Брат отправился играть в карты с Франциском Уэстоном и другими друзьями, а я вышла в сад посидеть на солнышке и посмотреть на реку. Ладно, полно себя обманывать, все, чего ты хочешь, — это Уильям Стаффорд.

Стоит только пожелать, и он тут как тут.

— Вы меня искали утром, милая госпожа? — спросил он.

— Нет, — солгала я. — Брата.

— Меня или нет, но я-то вас искал, — отозвался он. — И рад-радешенек, что нашел. Право, ужасно рад, милая госпожа.

Я чуть подвинулась на скамейке, жестом пригласила сесть. Секунда — и он уже рядом со мной. Как бьется сердце. Этот запах, теплый дразнящий запах мужского тела, запах волос, мягкой кудрявой бороды. Невольно я потянулась к нему, с трудом заставила себя сидеть прямо.

— Я еду с вашим дядюшкой в Кале. Может, смогу и вам услужить во время путешествия.

— Благодарю.

Краткое молчание.

— Простите мою грубость вчера. Я боялась, Анна заметит. Ничего не могу сделать, пока мой сын принадлежит ей.

— Я понимаю, — быстро откликнулся Уильям. — Просто в тот момент... у меня в руках была ваша ножка. Ни за что не хотел отпускать.

— Не могу я быть вашей любовницей, — почти прошептала. — Сами знаете почему.

Он кивнул:

— Но вы меня искали утром.

— Да, — наконец честный ответ. — Не могла вынести еще мгновенье без тебя.

— Я бродил по саду под окнами, надеялся тебя повидать. Столько времени там провел, что лучше бы уж лопату захватил — хоть какая-то польза была.

— Любишь огородничать? — хмыкнула я, представив себе лицо сестрицы, когда я объявлю, что влюбилась в садовника. — Этим делу не поможешь.

— Но болтаться у дам под окошками словно сводник какой-то? Лучше уж огородничать. Мария, что нам делать? Чего ты хочешь?

— Не знаю. — Это была совершенная правда. — Мне кажется, я схожу с ума, будь у меня честный друг, лучше бы ему меня связать, пока безумие не пройдет.

— Думаешь, пройдет? — спросил он, словно такая мысль ему никогда в голову не приходила.

— Конечно. Это же просто причуда, страстишка. Ну случилось такое с нами обоими одновременно. Если бы я на тебя положила глаз, а ты бы и внимания на меня не обращал, я бы пострадала маленько, поглядела бы на тебя преданным взором, а потом бы все прошло.

— Мне бы такое пришлось по вкусу, — улыбнулся он. — Может, попробуешь?

— Мы оба скоро будем над собой смеяться.

Я думала, он начнет спорить и возражать. По правде сказать, я надеялась — пусть скажет, это настоящая любовь, а мне должно следовать велению сердца невзирая на то, какую придется платить цену.

Но он только кивнул:

— Страстишка, говоришь? И ничего больше?

Я удивленно взглянула на него.

Уильям вскочил на ноги.

— И когда ты собираешься выздороветь? — спросил он, будто его это нимало не касалось.

Я тоже поднялась — наши тела так близко. Каждая косточка моего тела тянется к нему, что бы я там ни говорила, больше всего на свете мне хочется коснуться его.

— Ну подумай, пожалуйста, — ласково начал он. Губы так близко к моему уху, теплое дыхание касается прядки волос, выбившейся из-под чепца. — Будешь моей любовью, моей женой. Возьмем Екатерину, хорошо? Ее у тебя не отнимут. А когда Анна родит своего, она нам и нашего Генриха отдаст.

— Он не наш Генрих. — Пытаюсь остатками здравого смысла защититься от настойчивого голоса, теплоты дыхания.

— А кто ему первого пони купил? Кто ему первую лодочку вырезал? Кто научил определять время по солнцу?

— Ты, — согласилась я. — Только никому до этого и дела нет.

— Может, ему будет до этого дело.

— Он еще совсем малыш, ничего сказать не может. И Екатерина ничего никогда не скажет. Просто еще одна девчонка Болейн, они ее отправят туда, куда им будет нужно.

— Тогда сама вырвись из плена, и детей мы постараемся спасти. Нечего тебе быть еще одной Болейн. Ни минуты больше. Станешь миссис Стаффорд, единственной и неповторимой миссис Стаффорд, владелицей собственных полей и фермы, научишься отжимать сыр и ощипывать цыплят.

Я рассмеялась, а он поймал мою руку, большой палец ласкает ладошку. Против воли я сжала пальцы, и вот мы стоим, взявшись за руки на теплом солнышке, и мне, словно мечтательной девчонке, подумалось: „Рай земной“.

За спиной послышались шаги. Я выдернула руку, словно обожглась. Резко обернулась. Благодарение Богу, это Георг, а не его жена-шпионка. Брат перевел взгляд с моего пылающего лица на невозмутимую физиономию Уильяма, недоуменно поднял брови:

— Сестра?

— Уильям мне только что объяснил, что моя лошадь прихрамывает, — бросила в ответ первое, что в голову пришло.

— Я уже начал припарки, — быстро вставил Уильям. — Леди Кэри может взять другую лошадку из королевских конюшен, пока Джесмонда не поправится. На пару дней, не больше.

— Ну и отлично, — сказал Георг.

Уильям поклонился, повернулся, чтобы уйти.

Я не сказала ни слова, не задержала его, смелости не хватило, даже перед Георгом, любимым братом, которому я бы любой секрет доверила. Уильям ушел, по спине видно, расстроен и обижен.

Георг заметил, как я гляжу ему вслед.

— Хорошенькая леди Кэри и ее небольшие страстишки? — спросил брат беззаботно.

— Похоже на то, — согласилась я.

— Это и есть никто, ничто и звать никак?

— Да, — уныло кивнула я.

— Не стоит, право, не стоит. Анне сейчас надобно быть непорочной как снег — до брачного дня. Особенно если она уже залезла в постель к королю. Мы теперь все на виду. Если тебе его хочется, потерпи, сестричка, пока Анна не выйдет замуж. Мы с тобой должны быть целомудренней ангелов, ну а Анна — чище шестикрылого серафима.

— Да не собираюсь я с ним в стог сена валяться, — возразила я. — У меня репутация безупречная, не то что у тебя.

— Тогда скажи ему — пусть перестанет на тебя пялиться, будто хочет съесть живьем. Этот бедняга, похоже, совсем голову потерял.

— Ты так думаешь? — жадно переспросила я. — Правда, Георг?

— Спаси нас Господь. Сдается мне, подлил масла в огонь. Да, взгляд у него совсем безумный. Скажи ему, пусть потерпит, пока Анна не обвенчается и не станет английской королевой. А тогда ты сама себе хозяйка.

Из спальни Анны доносились звуки шумного спора. Георг и я только что вернулись с верховой прогулки, взглянули на свиту Генриха и придворных дам Анны — все притворяются, что вовсе и не слушают, а на самом деле наострили уши и ловят каждое слово из-за толстой двери. Гневный голос Анны, недовольный бас короля.

— Зачем они ей нужны? Ну зачем? Она что, опять вернется ко двору на Рождество? Сядет на мое место, а меня выкинут отсюда, теперь, когда вы меня добились?

— Анна, Бога ради!

— Нет, если бы вы меня любили, мне бы и спрашивать не пришлось! Как я могу ехать во Францию в каких-то побрякушках, а не

в украшениях, подходящих королеве? Что вы думаете — повезете меня во Францию, маркиз с парой дешевых бриллиантиков?

— Эти бриллианты дешевыми не назовешь...

— Но и не королевскими!

— Анна, их для нее купил мой отец, когда она первый раз вышла замуж. Я тут ни при чем...

— Как это вы ни при чем? Они принадлежат английской короне, они подарены королеве. Если я буду королевой, значит, они принадлежат мне. Если она королева— они ее. Вам выбирать!

Голос Генриха достиг громового рыка:

— Бога ради, что тебе еще надобно? Я все ради тебя сделал. Окружил тебя такими почестями, какие ни одной женщине в мире не доставались. Чего тебе еще надо? Платье ее? Чепец с головы?

— И того, и этого, и всего остального, — кричала Анна в ответ.

Генрих распахнул дверь, все заговорили преувеличенно оживленно, будто не замечая короля. Потом, как по команде, повернулись, принялись низко кланяться.

— Увижу вас за ужином, — ледяным тоном бросил король Анне через плечо.

— Не увидите, — громко ответила она. — Меня уже тут не будет. Поужинаю в дороге, а завтракать буду в Гевере. Вы со мной обращаетесь без достойного уважения.

Он повернулся, вошел в спальню, резко захлопнул за собой дверь. Все придворные опять наострили уши — не увидеть, так хоть услышать.

— Вы меня не оставите.

— Я не буду королевой наполовину, — прозвучал страстный голос. — Либо я ваша, либо нет. Либо вы меня любите, либо нет. Либо я ваша, либо ничья. Со мной ничего не бывает наполовину, Генрих.

Послышался шелест платья — ясное дело, полез обниматься — и радостный вздох сестры.

— Получишь все бриллианты королевской сокровищницы и барку королевы в придачу, — хриплым от страсти голосом пообещал король. — Будет у тебя все, что твоей душе угодно, коли дала то, о чем я так мечтал.

Георг встал и поплотнее закрыл дверь.

— Партию в карты? — объявил он весело. — Сдается мне, времени у нас предостаточно.

Сдавленные смешки, кто-то вынул колоду карт, кто-то стаканчик с костями. Я послала пажа за музыкантами, пусть будет побольше шума, а то вдруг ненароком услышим, что там творится в спальне. Носилась между придворными, чтобы убедиться — каждый занят игрой, пока король и Анна заняты любовью. Всеми силами пыталась отогнать зловещую картину — королеву перевозят в новый дом, куда менее удобный, приезжает посланец от короля с приказом отдать драгоценности — ее собственные кольца, браслеты и ожерелья, любовные приношения, которые он ей дарил. И зачем — затем, что моя ненаглядная сестрица хочет покрасоваться во Франции.

Королевский поезд огромен, двор не путешествовал с таким размахом с тех пор, как Генрих встречался с королем Франциском на „Поле золотых одежд“. И сейчас поездка обставлена с не меньшей роскошью и с тем же нарочитым шиком, что тогда. Так и должно быть — Анна убеждена, ей необходимо во всем перещеголять королеву Екатерину. И вот мы скачем по полям и лугам Англии, наша цель — Дувр. Вперед отправлен отряд всадников — проследить, чтобы не было никаких беспорядков, но страна уже замерла в изумленном молчании, подавленная этим императорским зрелищем — нескончаемый поток лошадей, повозок, карет, солдат, рыцарей и слуг, прекрасные дамы верхом, а подле них храбрые кавалеры.

Морской переход через Ла-Манш прошел без приключений, дамы спустились вниз, Анна заперлась в каюте и проспала большую часть путешествия. Придворные оставались на палубе, кутались в плащи для верховой езды, оглядывали горизонт в поисках проходящих судов, потягивали подогретое вино. Я вышла на палубу, оперлась о поручни, глядела на волны, расходящиеся за кормой корабля, слушала потрескивание рей над головой.

Теплая ладонь накрыла мою замерзшую руку.

— Как ты себя чувствуешь? — прошептал мне в ухо Уильям Стаффорд. — Обходишься без морской болезни?

Я обернулась, улыбнулась в ответ:

— Ни малейшего признака. Но матросы говорят — погода хорошая, волнения на море никакого.

— Надеюсь, продержится всю дорогу.

— Как, мой странствующий рыцарь опасается морской болезни?

— Не очень-то, — чуть обиженно сказал он.

Ужасно хочется его обнять. Наверно, именно тогда и понимаешь, что любишь, когда оказывается, твой возлюбленный — отнюдь не само совершенство. Никогда бы не поверила — влюблена в человека, страдающего морской болезнью, а вот гляди-ка — больше всего мечтаю сбегать за пряным вином, укутать милого в теплый плащ.

— Пойдем сядем. — Я огляделась. Похоже, никто на нас не смотрит, такое нечасто бывает при дворе — рассаднике сплетен и скандалов. Подвела Уильяма к груде сложенных парусов, усадила спиной к мачте, заботливо, как маленького Генриха, закутала в плащ.

— Не уходи, — попросил он, как сначала мне показалось, игриво, но нет, во взгляде нет никакого подвоха. Я тронула щеку холодной ладонью.

— Подожди, принесу пряного вина. — Я отправилась в камбуз, где корабельный кок подогревал вино и эль, резал хлеб большими ломтями. Когда вернулась, Уильям подвинулся, чтобы я могла сесть рядом. Я держала стакан, пока он ел хлеб, а потом мы по очереди, каждый по глотку, пили вино.

— Лучше теперь?

— Конечно. А что мне для тебя сделать?

— Ничего, ничего, — поспешно ответила я. — Просто приятно, что тебе уже лучше. Хочешь еще подогретого вина?

— Нет, спасибо, мне бы теперь поспать.

— Прислонись к мачте и поспи.

— Нет, так не смогу.

— Тогда ложись на паруса.

— Боюсь с них скатиться.

Я оглянулась кругом. Никого. Все сгрудились у подветренного борта, играют в кости или просто дремлют. Мы одни.

— Хочешь, положи голову мне на колени.

— Конечно, — прошептал еле слышно, будто не в силах говорить от морской болезни.

Я уселась спиной к мачте, а он положил свою невозможно кудрявую голову мне на колени, обнял меня за талию и задремал.

Спит. Легонько поглаживаю волосы, люблюсь мягкой коричневатой бородкой, ресницами, отбрасывающими на щеку

длинные тени. Голова такая теплая и тяжелая. Руки крепко обвилились вокруг моей талии. Мне ужасно приятно, я всегда знала, как хорошо нам будет подле друг друга. Будто мое тело всю жизнь стремилось именно к его телу, что бы там мой разум ни твердил. И вот наконец-то я рядом с ним.

Откинула голову, почувствовала на щеках холодный морской воздух. Покачивание корабля навеивает сон, мачты поскрипывают, ветер посвистывает в снастях. Шум слышен слабее и слабее — я засыпаю.

Проснулась от теплого прикосновения, затылок все сильнее, все крепче прижимается к бедрам, нежно о них трется, руки уже под накидкой, поглаживают запястья, талию, шею, грудь. Я, еще полусонная, открыла глаза, наслаждаясь этими прикосновениями, он поднял голову, принялся целовать — шею, щеки, веки, и наконец страстно впился в губы. Теплая, тягучая сладость его рта, язык уже скользнул дальше. Во мне все всколыхнулось. Так и хочется его съесть, выпить до дна, пусть целует меня, а потом схватит в охапку и утащит на гладкие доски нижней палубы, пусть любит меня там прямо сейчас, пусть навеки держит в своих объятиях.

Он чуть-чуть отпустил хватку, но я тут же притянула его голову, впилась поцелуем в губы. Теперь нас тянуло друг к другу не только его бешеное желание, но и мое.

— Есть тут каюта, койка какая-нибудь? Куда нам пойти? — задыхаясь, проговорил Уильям.

— Все занято придворными дамами, я свою койку давно уступила.

Он простонал, не в силах больше выносить напор страсти, потом откинул волосы со лба и расхохотался — над самим собой.

— Боже мой, я вроде мальчишки-пажа — не могу сдержаться, только дай кое-что кой-куда засунуть. Так хочется, что просто трясет.

— Меня тоже, — пробормотала я. — Господи, меня тоже.

Уильям поднялся.

— Жди здесь, — приказал он и скрылся под палубой. Вернулся через мгновение с кружкой эля, протянул сначала мне, потом допил одним длинным глотком.

— Мария, нам надо пожениться. А иначе тебе придется отвечать — за то, что свела меня с ума.

— Любовь моя. — Я попробовала рассмеяться.

— Да, именно так, — кивнул страстно.

— Что?

— Я твоя любовь. А ну, повтори еще разок.

Сначала я подумала — не буду повторять, а потом поняла — что толку отрицать очевидное.

— Любовь моя.

Он улыбнулся довольно, словно только этого ему и надо.

— Иди сюда. — Притянул к себе, откинул полу плаща, укутал. Стоим у борта корабля, я покорно прижимаюсь к Уильяму. Он обнял меня одной рукой, крепко прижал, натянул дорожный плащ мне на плечи. Обняла его за талию под покровом плаща, положила голову на плечо — никто, кроме чаек, нас не видит. Бедро к бедру на мерно покачивающемся корабле — время как будто замерло.

— А вот и Франция, — сказал он наконец.

Я глянула вперед, заметила темные очертания земли. Постепенно стали вырисовываться пристань, мачты кораблей, стены и замок английской крепости Кале.

Он неохотно ослабил объятие.

— Я тебя найду, когда мы все устроимся в замке.

— Буду тебя ждать.

Теперь мы стоим поодаль друг от друга, на палубе стали появляться другие люди, все в восторге от легкости морского перехода, все глядят через узкую полоску воды на крепость Кале.

— Теперь тебе лучше? — спросила я, без его тела рядом почувствовала — нет больше жаркой страсти и привычный холод жизни возвращается.

На мгновение Уильям смутился:

— А, морская болезнь, я о ней совершенно забыл.

Тут я поняла — какой обманщик!

— Вообще ничего не было, да? Скажи правду. Все выдумал, просто хотел положить мне голову на колени, чтобы с тобой сидела, тебя баюкала?

Он притворно смутился, повесил голову, как напроказивший мальчишка, а потом вдруг широко усмехнулся:

— Нет, это ты мне скажи правду, моя дорогая леди Кэри. Счастливее часов в жизни не случилось, признайся? Что, неправду

говорю?

Я прикусила язычок. Помолчала немножко. Конечно, были в моей жизни счастливые моменты, и не раз. Меня любил король. Любящий муж сумел снова завоевать мое сердце. Столько лет я была удачливее своей сестры. Но чтобы быть счастливой столько времени подряд — целых шесть часов? Нет, никогда.

— Ты прав, — сдалась я наконец. — Счастливейшие шесть часов в жизни.

Корабль подошел к пристани — шум и гам вокруг, моряки и портовые рабочие высыпали поглазеть на короля и Анну. Когда те ступили на землю английских владений во Франции, раздались приветственные крики. Потом мы все собрались на мессу в соборе Святого Николая, вместе с губернатором Кале, он носился вокруг Анны, будто она и впрямь коронованная особа. Но что бы там губернатор Кале ни выделявал, что бы ни говорил, ее тревога не улеглась — король Франции не настроен столь дружественно, Генриху пришлось оставить Анну в Кале, а самому скакать навстречу Франциску.

— Вот глупец, — бормочет про себя Анна, глядя в окно замка на короля во главе отряда рыцарей. Генрих машет шляпой приветствующей его толпе, а потом оборачивается, кивает в сторону замка в надежде, что она на него смотрит.

— В чем дело?

— Должен был догадаться — французская королева не захочет со мной встречаться. Она испанская принцесса — вроде Екатерины. И королева Наваррская не пожелала меня видеть. Зачем ее только спросили, дали ей повод отказаться.

— А она объяснила, почему отказывается? Всегда была так добра к нам в детстве.

— Сказала, я — настоящая интриганка, — отрезала Анна. — Боже милостивый, до чего же все эти женщины заносчивы, теперь, когда повыходили замуж! Как будто ни одна из них не ловила себе жениха.

— Что же мы — вовсе не увидим Франциска?

— По крайней мере, не официально. И дамы не приедут на встречу. — Она забарабанила пальцами по подоконнику. — Екатерину-то французская королева не позабыла поприветствовать. С ней все тут немало носились.

— Сама понимаешь, ты пока не королева, — опрометчиво заметила я.

Она бросила на меня ледяной взгляд:

— Да, я знаю. Благодарю за напоминание, успела заметить за последние шесть лет, хватило времени это усвоить. Однако я собираюсь стать королевой. В следующий раз приеду во Францию после коронации, и она пожалеет, что так со мной обращалась. А когда Маргарите Наваррской придет в голову выдать своих дочек за моих сыновей, я уж вспомню, что она меня назвала скандалистка. Поверь мне, не позабуду и про тебя, все торопишься мне напомнить — я еще не королева.

— Анна, я всего-навсего сказала...

— Тебе бы лучше помолчать и подумать прежде, чем рот открывать, — огрызнулась сестрица.

Генрих пригласил короля Франциска посетить крепость Кале, и два дня подряд все придворные дамы во главе с Анной пытались разглядеть через окно французского короля — знаменитого красавца. Только нам ничего, кроме пера на шляпе, видно не было. Я думала, Анна совсем взбеленится от того, что ее не пригласили, но она только улыбалась и отмалчивалась, а когда каждый вечер после ужина Генрих приходил в ее комнаты, встречала его такая веселая и довольная, что мне стало ясно — сестра что-то затевает.

Она заставила нас всех разучивать новый танец — сначала она, а все следом, и все остальные дамы приглашают сидящих за столом кавалеров. Теперь понятно — она задумала появиться в зале во время ужина и станцевать с королем Франции.

Молоденькие придворные дамы недоумевали — как она на такое осмелится. Но я знала — Генрих ей разрешил. Его удивление при появлении Анны будет таким же наигранным, как когда-то у королевы Екатерины — сколько раз ей приходилось притворяться, что не узнала под маской собственного мужа. Я почувствовала себя старой и больной при одной только мысли, столько лет всякий при дворе притворяется — опять не узнал короля под маской. А теперь Анна будет играть в эти игры, и так до бесконечности.

Несмотря на прогулки верхом с Анной каждое утро и танцы с придворными дамами каждый вечер, в середине дня мне удавалось ускользнуть и прогуляться по улицам Кале. Там, в небольшом трактире

меня ждал Уильям Стаффорд. Затаскивал меня в заднюю комнату, подальше от любопытных глаз, заказывал мне кружку эля.

— Как дела, любовь моя?

— Хорошо, — отвечала я с улыбкой.

— Завтра утром поеду прокатиться с твоим дядюшкой, разузнал для него, где продают хороших лошадей. Но цены просто сумасшедшие. Каждый французский фермер так и норовит поскорее обчистить всякого английского лорда — боятся, мы тут еще не скоро снова появимся.

— Он мне сказал, что собирается назначить тебя старшим конюшим. Вот было бы хорошо, — с надеждой сказала я. — Виделись бы почаще, ты бы моей лошадкой занимался, смогли бы иногда кататься вместе.

— И пожениться, не забывай об этом, — поддразнил он. — Твой дядюшка придет в полный восторг. Его племянница выходит замуж за конюшего. Нет, любовь моя, не сулит это нам ничего хорошего. При дворе нам вообще ничего не светит.

Он коснулся пальцами моей щеки и добавил:

— Не хочу видеться урывками. Хочу, чтобы ты была рядом ночью и днем, как положено женатым людям, живущим под одной крышей.

Я промолчала.

— Я буду ждать, — проговорил нежно. — Я знаю, ты еще не готова.

— Не думай, не от того, что не люблю тебя. Все дело в детях и в семье, и в Анне, конечно. В первую очередь — в Анне. Не знаю, как ее оставить.

— Она что — в тебе нуждается? — удивился он.

— Боже милостивый, — усмехнулась я. — Конечно нет. Просто не разрешит мне уехать. Не захочет упускать меня из виду, так она в безопасности.

Я запнулась, не зная, как объяснить про наше давнее соперничество.

— Если меня нет поблизости, ни одна победа ей и вполнину не так сладка. А если у меня все плохо, унизили меня или что, она, может, даже на помощь придет, но внутри — глубоко внутри — просто умрет от радости, получи я такой удар.

— Ведьма, сущая ведьма! — Он хотел быть на моей стороне.

Я снова усмехнулась.

— Я не прочь с этим согласиться, да только, — приходится признаваться, — я, сказать по правде, точно такая же. Я ей завидую не меньше, чем она мне. Но она поднимается все выше и выше, мне так высоко ни за что не подняться. Значит, надо примириться с ее величием. Ей вот удалось поймать короля, да и удержать в придачу. А я не смогла. Честно говоря, мне не хотелось. Когда сын родился, я другого не желала — только быть с детьми и подальше от двора. А король такой...

— Какой такой?

— Он полон желания. Не только любовного. Ему подавай все на свете. Сущее дитя. А у меня теперь свои дети, настоящие, терпения не хватает быть с мужчиной, которого все время надо развлекать, как ребенка. Когда видишь — король Генрих только о себе и думает, не отличишь от маленького сынишки, нет уже сил его любить. Понимаешь, я потеряла терпение.

— Но ты же от него не ушла.

— От короля не уходят. Это король уходит.

Уильям кивнул, признавая правоту моих слов.

— Но когда он меня оставил ради Анны, я особо не расстроилась. Я сейчас с ним танцую, обедаю, прогуливаюсь, разговариваю, как все остальные придворные. Уверяю его, что лучше него в мире никого нет, улыбаюсь, даю ему понять — я от него по-прежнему без ума.

Уильям обнял меня за талию, крепко прижал к себе.

— Но ты от него не без ума, — уточнил он.

— Пусти, — прошептала я. — Ты меня раздавишь.

Он прижал меня еще крепче.

— Хорошо, хорошо, конечно нет. Я просто делаю, что положено делать Болейнам и Говардам. Конечно, я его не люблю.

— А кого любишь? Кто он? — спросил Уильям будто между прочим, не отпуская, сильнее сжимая в объятиях.

— Никого, ничего и звать никак, — игриво сказала я.

Он поднял мое лицо, карие глаза словно заглянули мне прямо в душу.

— Есть тут один такой — никто, ничто и звать никак, — уточнила я.

Поцелуй на моих губах, легкий, как прикосновение теплого перышка.

Вечером Генрих и Франциск обедали небольшой компанией в Кале. Под предводительством Анны придворные дамы выскользнули из замка — на роскошные платья наброшены плащи, капюшоны скрывают замысловатые прически. Мы прокрались в комнату, соседнюю с обеденным залом, сняли плащи, бросили золотые домино, разобрали золотые маски и золотые вуали. Там не было зеркал, я не могла полюбоваться собой, но все остальные просто сияли словно золотое облако. Я знала — тоже сверкаю и переливаюсь золотом. Анна — темные ресницы в прорезях золотой маски в форме ястребиной головки — смотрелась особенно эффектно, густые кудри в нарочитом беспорядке выбиваются из-под золотой вуали, рассыпаются по плечам.

Сигнал подан, и мы в бешеном танце врываемся в комнату. Генрих и король Франциск глаз не могут отвести от Анны. Я танцую с сэром Франциском Уэстоном, он шепчет мне по-французски на ухо непристойности, притворяясь, что считает меня французской дамой, наверно, они поощряют подобные дерзости. Краем глаза вижу — Георг бросается к какой-то даме, только бы не танцевать с собственной женой.

Танец кончается, Генрих поворачивается к одной из дам, откидывает вуаль, потом, как положено, идет по кругу, открывая лица остальных дам — Анна последняя.

— Ах, это вы, маркиз Пемброк, — в притворном удивлении восклицает король Франциск, — когда-то я вас знал под именем Анны Болейн, красивейшей девицы при моем дворе, а теперь вы превратились в самую блестящую даму при дворе моего друга, короля Генриха.

Анна улыбается, поворачивается к Генриху, одаривает улыбкой и его.

— Только одна когда-либо могла с вами сравниться, другая Болейн. — Франциск ищет меня глазами. Победа Анны вдруг тускнеет в ее глазах, она подзывает меня таким жестом, будто указывает дорогу на эшафот.

— Моя сестра, ваше величество, леди Кэри.

Франциск целует мне руку, шепчет обольстительно:

— *Enchant.* [\[30\]](#)

— Давайте танцевать, — приглашает Анна, я знаю, сестра недовольна — кто-то обратил на меня внимание. Музыканты ударяют по струнам, и до поздней ночи двор веселится, прилагает немалые усилия, стараясь доставить Анне удовольствие.

Так закончился наш визит во Францию, весь следующий день мы пакуем сундуки, собираемся в обратную дорогу. Но ветер противный, и мы все еще в Кале. Каждое утро посылаем за капитаном корабля, чтобы узнать — сможем ли сегодня покинуть гавань. Анна и Генрих охотятся, развлекаются, будто они в Англии. По правде сказать, здесь им лучше, во Франции никто не освистывает Анну, когда она проезжает мимо, не кричит „шлюха“ прямо в ухо ее коню. Нам с Уильямом задержка в Кале тоже по вкусу.

Каждый день отправляемся мы на верховые прогулки по плотно утрамбованному пляжу к западу от города — глазу не видно конца песчаной полосы. У самой кромки моря лошади пускаются в галоп, там песок особенно плотный. Мы их не сдерживаем. Потом сворачиваем в дюны, Уильям снимает меня с седла, расстилает плащ на земле, мы ложимся рядом.

Крепкое объятие, и скоро я чуть не плачу, поцелуи и страстный шепот доводят меня до полного любовного исступления.

Нередко мне хочется развязать завязки на его штанах, пусть возьмет меня попросту, прямо тут, словно деревенскую девчонку. Теплое солнышко соблазняет, вокруг никого, тишину нарушают только крики чаек. Он целует меня, покуда распухшие, потрескавшиеся губы уже не выдерживают, по вечерам, когда я ужинаю с остальными дамами — без него, следы страстных укусов еще дают себя знать, мне то и дело приходится охлаждать губы в ледяном питье. Он безо всякого стыда ласкает каждую складочку моего тела. Развязывает тесемки корсажа, чтобы добраться до бедер, до обнаженных грудей. Наклоняет курчавую голову, чтобы достать губами до самых тайных уголков, и скоро я уже кричу от наслаждения, мне кажется, я достигла той высоты, после которой больше не выдержать, и вдруг он кусает меня прямо в живот, я вздрагиваю от боли, отталкиваю его, и вместо тихих стонов наслаждения раздаются крики и шум борьбы.

Он снова ловит меня в свои объятия, лежит рядом неподвижно, ждет, пока я немножко успокоюсь. Теперь он поворачивает меня,

ложится сверху всей тяжестью длинного, худого тела, снимает моей чепец, откидывает волосы, покусывает сзади шею, прижимается так, что я чувствую — несмотря на юбку и нижнюю сорочку, — как он возбужден. Я словно последняя шлюха еще крепче прижимаюсь к нему, будто прошу довести дело до конца, не спрашивая моего дозволения, ибо я не могу сказать „да“. Бог свидетель, „нет“ я тоже сказать не в силах.

Он вжимается в мое тело, замирает, вжимается снова, он знает, что сейчас случится. Чем быстрее он движется, тем сильнее вздымается во мне волна наслаждения, теперь я уже не могу остановиться, хочу я того или нет, но раньше, чем я поднимусь на гребень волны, раньше, чем наши тела соприкоснутся друг с другом обнаженной кожей, он замирает, легонько вздыхает и валится рядом со мной. Потом обнимает, целует закрытые веки, держит, покада я не перестану дрожать.

Каждый день, как только ясно, что ветер по-прежнему противный и корабли остаются в гавани, мы скачем в дюны. Наши страстные объятия по-прежнему удерживают нас на самой грани, и каждый день я надеюсь — может быть, сегодня я шепну „да“ или он заставит меня, не спрашивая согласия. Но каждый день он останавливается лишь мгновением раньше, обнимает, поглаживает, будто я корчусь от боли, а не от страсти — и так день за днем, день за днем.

На двенадцатый день мы ведем коней в поводу обратно к кромке воды. Уильям внезапно поднимает голову:

— Ветер переменялся.

— Что? — недоуменно переспрашиваю я. У меня все еще голова кружится от наслаждения, мне не до ветра. Я с трудом замечаю песок под подошвами сапожек для верховой езды, неожиданные ямки, тепло вечернего солнышка на левой щеке.

— Ветер от берега. Теперь корабли смогут отплыть.

Я кладу руку на гриву лошади.

— Отплыть?

Он поворачивает голову, видит мой туманный взгляд, громко смеется:

— Любовь моя, ты где-то еще, не здесь. Помнишь, мы не могли вернуться в Англию из-за противного ветра. Теперь пришел попутный. Завтра мы отплываем.

— Так что же нам делать? — доходит до меня внезапно.

Он наматывает на руку поводья своей лошади, подходит к моей.

— Поставить паруса, наверно. — Его ладонь под моим сапожком, он легко подбрасывает меня в седло. Все тело ломит — неутоленное желание, день за днем. Двенадцать дней неутоленного желания.

— А потом что? — продолжаю я. — В Гринвиче все будет не так.

— Это уж точно, — легко соглашается он.

— Так где же нам встречаться?

— Придешь на конюшню, там я. А я тебя отыщу в саду. Нам всегда удастся встретиться. — Он легко вскакивает на коня, у него-то ноги не дрожат.

Я с трудом подбираю слова:

— Нет, не хочу так.

Уильям, разбирая поводья, слегка нахмурился, выпрямился, потом улыбнулся мне отстраненно:

— Летом отвезу тебя в Гевер.

— До лета еще семь месяцев!

— И то правда.

Я подскакала чуть поближе, не могу поверить — ему что, совершенно все равно?

— Не хочешь больше встречаться каждый день?

— Сама знаешь, как хочу.

— Так как же тогда это устроить?

— Не думаю, что удастся, — чуть насмешливо усмехается он, продолжает ласково: — У Говардов слишком много врагов, кто-нибудь да донесет о твоём легкомысленном поведении. И в свите твоего дядюшки шпионов предостаточно, поймают и меня. Нам повезло, получили двенадцать дней, чудные были дни. Но в Англии ничего такого не предвидится.

Я только вздохнула. Повернула лошадь, теперь солнце греет спину. Волны чуть слышно накатывают на берег, кобыла немножко волнуется, когда у копыт расплескивается вода. Я не могу ее удержать, она мне не повинуется. Я сама себе не повинуюсь.

— Мне не след оставаться на службе у твоего дядюшки. — Уильям удерживает лошадь вровень с моей.

— Что?

— Отправлюсь к себе на ферму, попытаюсь там похозяйничать. Земля меня уже заждалась. Не желаю больше быть при дворе. Не подходит мне эта жизнь. Не люблю подчиняться, не могу прислуживать. Даже такому знаменитому семейству, как твое.

Я выпрямилась. Помогла всегдашняя гордость Говардов. Расправила плечи, подняла подбородок, холодно, прямо как он, произнесла:

— Если вам так угодно.

Он кивнул, позволил коню приотстать. К стенам замка мы подскакали как положено даме и ее сопровождающему. Зачарованные любовники песчаных дюн остались далеко позади. Дама из рода Болейн и конюший Говардов возвратились ко двору. Городские ворота открыты, еще не стемнело, теперь мы бок о бок скачем по булыжным мостовым. Подъемный мост замка опущен. Подъехали прямо к конюшням. Конюхи чистят лошадей, обтирают пучками соломы взмыленные бока. Король и Анна вернулись полчаса назад, их лошадей водят по двору, чтобы немного остыли. Теперь уж точно поговорить не удастся.

Уильям снял меня с седла, и от прикосновения его рук, касания его тела я вдруг почувствовала такое сильное желание, что даже тихонько застонала.

— Что с тобой? Тебе нехорошо?

— Да, — почти прокричала я, — мне нехорошо. Ты знаешь, что мне нехорошо.

На мгновение и он потерял рассудительность, резко притянул к себе.

— Теперь тебе так же плохо, как мне все это время. — Слова грубые, тон страстный. — Так же плохо, как мне — день и ночь, стоило мне только впервые тебя увидеть. Наверно, до конца моих дней мне будет так плохо. Подумай об этом, Мария. Пошли за мной. Пошли за мной, когда поймешь, что не можешь без меня жить.

Я вырвала руку, шагнула назад и вот уже иду прочь, слабо надеюсь — он бросится за мной. Но нет. Иду так медленно, что услышала бы даже шепот — позови он меня по имени, и я обернусь. Иду прочь, хотя каждый шаг дается мне с невероятным трудом. Вошла под арку прямо в замок, хотя все мое тело криком кричит — только бы остаться с ним.

Так хочется убежать к себе, нарыдаться всласть, но в зале сидит Георг. Поднялся с кресла, спросил:

— Где ты была? Я тебя искал.

— Ездила верхом.

— С Уильямом Стаффордом? — глядит укоризненно.

Я подняла голову, пусть видит покрасневшие глаза, дрожащие губы.

— Да. И что такого?

— Боже праведный! — тоном старшего брата сказал Георг. — Только не это, глупая потаскушка. Пойди умойся, приведи себя в порядок, пока никто не догадался, чем ты занималась.

— Ничем я не занималась! — с внезапной страстью воскликнула я. — Ничем! И что в этом хорошего?

— Ладно, ладно. Поторапливайся.

Я поднялась в комнату, умылась холодной водой, насухо вытерла лицо. Когда я вошла в комнаты Анны, там уже толпились придворные дамы, играли в карты. Георг мрачно сидел у окна.

Он огляделся, взял меня под руку, повел на длинную, вдоль всей залы, галерею, где висели картины. Там в это время дня никого не бывает.

— Тебя видели. Ты что, думала, тебе все с рук сойдет?

— Что мне с рук сойдет?

Он остановился, с небывалой серьезностью взглянул на меня.

— Не дерзи, — предостерег он. — Тебя видели в дюнах, шла с распущенными волосами, голова у него на плече, он тебя за талию обнимает. У дядюшки шпионы повсюду, забыла, что ли? Сама знаешь, они всегда все заметят.

— И что теперь будет? — в голосе страх.

— Ничего, если остановишься. Поэтому-то я с тобой разговариваю, а не отец или дядюшка. Они ничего знать не желают. Можешь считать, они ничего не знают. Просто разговор брата с сестрой и дальше не пойдет.

— Я его люблю, Георг, — сказала тихо-тихо.

Брат опустил голову, потащил меня дальше по галерее.

— А вот это уж точно никого не волнует. Сама должна понимать.

— Я не могу есть, не могу спать, ничего не могу делать, только о нем думаю. Он мне по ночам снится. День-деньской мечтаю о нем, а

как увижу, сердце обрывается, чуть в обморок не падаю от страсти.

— А он? — Георг явно вспомнил о своей любви.

Я отвернулась, не хочу, чтобы брат сейчас видел мое лицо.

— Думала, тоже. Но сегодня, когда ветер переменялся, сказал — поплывем обратно в Англию, а там не сможем видаться, как здесь, во Франции.

— Он прав, — жестко ответил брат. — И если бы Анна немножко занялась делом, а не только собой, ни ты, ни остальные дамы не шлялись бы по берегу, флиртуя с кавалерами из свиты.

— Ничего ты не понимаешь, — вспыхнула я. — Он не кавалер из свиты. Я его люблю.

— Помнишь Генриха Перси? — неожиданно спросил брат.

— Конечно.

— Он тоже любил. Более того, обручился. Более того, женился. Сильно это ему помогло? Нет. Сидит теперь сиднем в Нортумберленде, женат на женщине, которая его люто ненавидит. Любит по-прежнему, сердце разбито, надежды потеряны. Выбирай сама. Можешь любить и жить с разбитым сердцем, а можешь постараться выжать что удастся из этой жизни.

— Как ты?

— Как я, — отозвался угрюмо. Сам того не желая, посмотрел вниз, где Франциск Уэстон склонился над Анной, заглядывая через плечо в ноты. Франциск почувствовал наши взгляды, поднял глаза. Улыбнулся, но не мне, он смотрел мимо меня, на брата, такая близость между ними, что нельзя не заметить.

— Я никогда не иду на поводу своих страстей, никогда им не следую, — угрюмо продолжал Георг. — Семья — вот что важнее всего, вот что заставляет биться мое сердце. Ни один мой поступок не причинит Анне ни малейших неприятностей. У нас, Говардов, для любви нет места. Мы — придворные, с головы до пят. Наша жизнь при дворе. А при дворе для любви нет места.

Франциск Уэстон слегка улыбнулся, когда Георг отвел взгляд, и снова занялся нотами.

Брат сжал мои холодные пальцы.

— Придется прекратить с ним встречаться. Поклянись своей честью.

— Не могу я поклясться честью, чести у меня не осталось, — пробормотала уныло. — Была замужем, наставляла мужу рога с королем. Вернулась к мужу, а он возьми да умри раньше, чем успела ему сказать, что люблю его — могу полюбить. А теперь, когда нашелся человек, которого полюбила всем сердцем, ты мне велишь поклясться честью, что перестану с ним видеться. Хорошо, клянусь. Честью клянусь. Хотя во всех нас — трех Болейнах — и капли чести не найдется.

— Bravo! — Георг обнял меня, поцеловал в губы. — Разбитое сердце тебе к лицу. Выглядишь ужасно аппетитно.

Мы отплыли на следующий день. Я поискала Уильяма на палубе, увидела — он старательно избегает моего взгляда. Спустилась вниз к другим дамам, прилегла на подушки и мгновенно заснула. Больше всего мне хотелось так проспать ближайшие полгода, а потом уехать в Гевер к детям.

Зима 1532

Рождество двор проводил в Вестминстере, Анна в центре всех развлечений. Церемониймейстер затевал маскарад за маскарадом, провозглашая ее Королевой Мира, Королевой Зимы, Королевой Рождества. Всем, чем угодно, только не королевой Англии, но все знали — титул не за горами. Генрих отвез ее в Тауэр, где она, словно принцесса какая-нибудь, выбирала себе королевские драгоценности.

Их с Генрихом комнаты теперь рядом. Безо всякого стыда они вечерами удаляются то в его, то в ее опочивальню, откуда вместе показываются по утрам. Он купил ей шикарную, черного шелка, отороченную мехом накидку — принимать посетителей у него в спальне. Больше я не делю с ней комнату, не хожу за ней по пятам. В первый раз с самого детства я по ночам одна. Какое это удовольствие — греться у маленького камина, зная, Анна не ворвется в комнату, желая сорвать на мне свой гнев. Но порой бывает одиноко. Долгие ночи, а то и холодные дождливые дни провожу я в мечтах, сидя у огня. Кале, теплое солнышко, нагретый песок дюн — теперь они за тысячу лет. Мне кажется — я превращаюсь в ледышку, как дождь пополам со снегом на черепичных крышах.

Я пыталась найти Уильяма, кто-то мне сказал, что он уехал к себе на ферму приглядеть за сбором репы и забоем скота. Все думаю о нем, как он там, в маленьком поместье, занимается делом, настоящим делом, пока я тут томлюсь при дворе в паутине сплетен и скандалов, озабоченная только увеселением двух завязтых бездельников, только о себе и думающих.

На шестой день после Рождества, в самый разгар праздников, Анна пришла ко мне и спросила, как женщина узнает, что зачала. Мы посчитали дни с последних месячных, ждать еще неделю, а ее уже тошнит по утрам, и мяса она есть не может. Слишком рано, объяснила я, там видно будет.

Она считала дни. Иногда я замечала, сестра замирает в мечтах — так ей уже хочется ребенка.

В тот день, когда, по расчетам, пора было быть кровотечению, она всунула голову в дверь и закричала в восторге:

— Не пришло! Значит, я беременна?

— Это еще ничего не значит, — грубо оборвала ее я. — Один день не считается. Надо хотя бы месяц подождать.

Прошел день, за ним другой. Она пока не сказала Генриху, но он, я думаю, как всякий мужчина, и сам мог посчитать. У обоих взгляд как у канатоходцев, балансирующих на веревке на ярмарочной площади. Он не решился спросить ее, пришел ко мне узнать, были ли у Анны месячные.

— Пока неделя или две задержки, ваше величество, — почтительно ответила я.

— Послать за повитухой?

— Еще нет. Лучше подождать до второго месяца.

Он встревожился:

— Мне что, не стоит с ней?..

— Просто будьте поосторожней, — посоветовала я.

Он продолжал хмуриться, и я подумала — верно, страстное желание завести ребенка скоро убьет всю радость их любовных игр, а дело даже еще до венца не дошло.

В январе стало ясно — месячные опять не пришли. Тогда она призналась королю, что ждет ребенка.

На него было приятно посмотреть. Столько лет прожить с бесплодной женой — а теперь сама мысль о беременности как живительная влага на поле в августовскую сушь. Они будто притихли, казались друг другу почти незнакомцами. До того страстные спорщики, страстные любовники, они вдруг захотели получше узнать друг друга. Анна часто отдыхала, ее приводила в ужас сама мысль о том, что можно потревожить зарождающееся в глубине тела дитя. Генрих садился рядом, словно его присутствие так же необходимо сейчас, как тогда, когда дело началось. Ему хотелось обнимать ее, все время идти рядом, оберегать от всевозможных усилий.

Он уже столько раз видел, как беременность кончается рыданием женщин и полным разочарованием. Он радовался родившимся детям, горевал, когда их вскорости уносила непостижимая смерть. Ему казалось — беременность Анны его полностью оправдывает. Бог его наказал за то, что он женился на вдове брата. А теперь Бог снял проклятие — его будущая жена, первая настоящая жена, подсказывала легко приспособливающаяся совесть короля, зачала, когда еще пары-тройки месяцев не прошло. Он обращался с Анной с нежностью и

уважением, он торопился принять новый закон, который позволит им наконец пожениться — новый английский закон в новой английской церкви.

Свадьба прошла в полной тайне в Уайтхолле, лондонском доме Анны, доме ее покойного врага, кардинала. Двумя свидетелями были двое друзей короля — Генрих Норрис и Томас Хинедж, сопровождал короля Уильям Брертон. Мы с Георгом выполняли приказание — пусть все считают, что король и Анна ужинают в спальне. Мы решили — лучше всего сделать вид, что ужин на четверых, заказали самые лучшие кушанья, велели подать их в спальне у короля. Двор, наблюдая, как туда несут роскошные блюда, решил — король затворился с тройкой Болейнов. Какое жалкое мщенье — сидеть в кресле Анны, есть с ее тарелки, покуда она выходит замуж за короля Англии. Однако забавно. Сказать по правде, я примерила и ее черную шелковую накидку, раз уж сестры нет поблизости. Георг поклялся — она мне ужасно идет.

Весна 1533

Еще пара месяцев — и дело сделано. Сам архиепископ Кранмер провел краткое расследование, признал брак королевы Екатерины и Генриха недействительным, не имеющим законной силы, и во всеуслышание объявил Анну, целую вечность прятавшую свой растущий живот, законной женой короля. Королева даже не явилась в суд, где клевета бесчестила ее имя. Надеялась на Рим и не обращала внимания на то, что делается в Англии. Во время объявления приговора я поискала глазами фигуру в красном платье, вдруг решив, довольно глупо, кстати, что она — несмирившаяся — может приехать. Нет, она далеко отсюда, пишет письма Папе, племяннику, друзьям, закликает их — продолжайте настаивать на должном рассмотрении дела уважаемыми судьями в Риме.

Но Генрих принял закон, очередной новый закон — все споры в Англии рассматриваются в английских судах. С этого дня запрещается подавать жалобу в Рим. Помню, как сама говорила Генриху — англичане одобряют, что правосудие вершится в английском суде, но такое и в страшном сне не могло присниться, отныне английское правосудие — королевская прихоть, церковь — королевская казна, а Тайный совет — любимчики Анны и Генриха.

К Пасхе о королеве и думать забыли, будто ее никогда не было. Никто не возражал, когда каменотесы принялись сбивать испанские гранаты со стен, а ведь они тут так долго, что камень стал неровным от непогоды, казалось — они будут вечно. Никто не спрашивал, какой у Екатерины останется титул, теперь, когда в Англии появилась новая королева. О ней вообще не упоминали, словно она умерла позорной смертью и лучше вообще ни о чем не вспоминать.

Анна шатается под тяжестью парадного платья и украшений, бриллианты везде — в волосах, на шлейфе, на подоле платья, на запястьях, на шее. Весь двор к ее услугам — правда, без особого восторга.

— Король намеревается провести коронацию в июне, на Троицын день, — говорит мне Георг.

— В Сити?

— Торжество должно затмить коронацию Екатерины.

Уильям Стаффорд так и не вернулся ко двору. Слежу вместе с дядей, как король играет в мяч, спрашиваю, стараясь не выдать своего интереса, по-прежнему ли Уильям Стаффорд его конюший — мне в этом году необходима новая охотничья лошадь.

— Нет. — Он мгновенно чувствует фальшь. — После Кале мы с ним поговорили, и он уехал. Ты его больше не увидишь.

Я не изменилась в лице, не охнула, не вздрогнула. Научилась выдержке при дворе, умею держать удар не хуже дядюшки.

— Поехал на свою ферму? — спрашиваю равнодушно, будто мне безразлично, каков будет ответ.

— А может, отправился в Крестовый поход. Скатертью дорога!

Не отрываю глаз от игроков. Генрих как раз сделал удачный бросок, я громко захлопала, закричала „Ура!“. Кто-то сразу же предложил мне пари, но я отказалась ставить против короля. Он мимолетно улыбнулся в благодарность за эту маленькую лесть. Игра кончилась. Убедившись, что король не собирается подозвать меня, выбралась из толпы придворных и ускользнула к себе.

Огонь в камине не горит. Окна выходят на запад, утром тут мрачновато. Сажусь на кровать, поджимаю ноги, натягиваю одеяло на плечи — ни дать ни взять крестьянка на поле. Мне ужасно холодно. Закутываюсь плотнее, но никак не могу согреться. Вспоминаю пляж в Кале, запах моря, дюны, где лежала, песок, забившийся под одежду, поцелуи Уильяма. Тогда, во Франции, я каждую ночь видела его во сне и просыпалась, изнемогая от желания, а на подушке от моих волос оставался песок. Даже сейчас губы помнят его поцелуи.

Не забудь, ты дала обещание Георгу. Скажи себе — все-таки, прежде всего, ты Болейн и Говард. Но, сидя в мрачной комнате, глядя на грифельно-серый город за окном, на тучи над крышей Вестминстерского дворца, я вдруг понимаю — Георг ошибается, вся семья ошибается, я сама всю жизнь ошибалась. Прежде всего я женщина, нуждающаяся в любви, женщина, способная испытывать страсть, способная любить. Мне не нужна награда, ради которой Анна загубила свою молодость, не нужен пустой лоск жизни брата. Я хочу ощущать горячее, потное, полное страсти тело мужчины, которого люблю, которому доверяю. Хочу отдать себя — не ради выгоды, а ради любви. Плохо сознавая, что делаю, поднимаюсь на ноги, отбрасываю одеяло.

— Уильям! — зову посреди пустой комнаты. — Уильям!

Отправилась на конюшенный двор, приказала вывести мою лошадь из стойла, я еду в Гевер, проведать детей. Конечно, у дядюшки имеется парочка глаз и ушей даже на конюшне, но, может быть, я успею уехать до того, как он узнает. На лужайке для игры в мяч никого, время обеда, если повезет — ускачу прежде, чем какой-нибудь шпион отыщет дядю и донесет — племянница отправилась домой без сопровождающего.

Через пару часов темнеет, спустились холодные серые весенние сумерки, быстро обернулись настоящим зимним мраком. Едва отъехав от города, попала в деревушку, называющуюся Каннинг, а там уже показались высокие стены и ворота монастыря. Постучалась, привратник, увидев дорогую лошадь, сразу же отвел меня в чисто убранную комнатку, принес немного мяса, ломоть хлеба и глоток эля на обед. На завтрак мне предложили то же самое, я отстояла мессу, хотя в животе и урчало, подумала — может, негодование Генриха против продажности и богатства церкви не след распространяться на такие вот маленькие общины.

Пришлось спросить дорогу в Рочфорд. Дом и поместье долгие годы принадлежат семейству Говардов, но мы редко туда наезжаем. Я сама была там только один раз, да и то плыла по реке. О дороге я не имею ни малейшего представления. Один из конюхов сказал, что знает, как добраться до Тилбери. Тот монах, что следит за конюшнями — в монастыре парочка мулов для верховой езды и лошади для пахоты, разрешил парню взять старую коренастую кобылу и проводить меня.

Джимми, симпатичный парнишка, едет без седла, колотит клячу босыми пятками по грязным бокам и громко горланит какую-то песню. Странная парочка — деревенский парень и придворная дама. Мы скачем по тропе вдоль реки, дорога трудная — местами галька и пыль, местами грязь. Речушки, впадающие в Темзу, приходится пересекать вброд. Иногда моя лошадь делает шаг в обманчивое болотце и шарахается в сторону, иногда начинает беспокоиться, увязнув копытами в зыбучем песке или топкой глине, и только спокойствие лошади Джимми побуждает ее продолжать путь. Остановились пообедать в деревушке Рейнем, хозяйка предложила мне пару крутых яиц и немного черного хлеба — все, что нашлось в доме. Джимми достался пустой хлеб, но он и этим доволен. На десерт — сушеные

яблоки. Со смехом вспомнила, какой обед пропускаю в Вестминстерском дворце — с полдюжины закусок, дюжина мясных блюд на золотых тарелках.

Я не тревожилась. В первый раз в жизни беру судьбу в свои руки. Наконец-то я не слушаюсь ни дядю, ни отца, ни короля, а следую своим желаниям. Знала — страсть неумолимо ведет меня к человеку, которого люблю.

В нем я не сомневалась. Была уверена — он не забыл меня, не связался с какой-нибудь деревенской девкой, не женился на богатой наследнице. Сидела на телеге без колес, смотрела, как Джимми плюется яблочными косточками, и сама себе говорила — на этот раз мое доверие обмануто не будет.

Мы проскакали еще пару часов, добрались до маленького городка с рыночной площадью — Грейс. Стало темнеть. Джимми уверяет — Тилбери дальше по реке, но если я хочу попасть в Рочфорд, а для этого надо миновать Саутенд, то, по его мнению, пора срезать путь и ехать прямо на восток.

Грейс может похвастаться маленькой пивнушкой, фермерских домов мы не обнаружили, ни больших, ни маленьких, зато в стороне от дороги стоит хорошая усадьба. Я поиграла с мыслью заявиться туда и попросить по праву путников, застигнутых темнотой, о гостеприимстве, но побоялась дядюшки, ведь его влияние распространяется на всю страну. Кроме того, неудобно — пыль в волосах, грязь на лице и платье. А Джимми, немытого уличного мальчишку, в любом приличном доме отправят ночевать на конюшню. — Едем в трактир, — решила я.

Там лучше, чем казалось на первый взгляд. Множество путешественников из Лондона в Тилбери и обратно останавливаются тут. Часто кораблям удобнее пристать к берегу в Тилбери, чем подниматься вверх по Темзе к Лондону — чтобы не пережидать отлив или проходящие мимо барки. Мне предложили кровать с пологом в общей комнате, а Джимми — матрас, набитый соломой, на кухне. Зарезали и сварили цыпленка на обед, подали пшеничный хлеб и стакан вина. Я даже смогла умыться холодной водой, хотя волосы так и остались грязными. Опасаясь воров, спала не раздеваясь, положив седельные сумки под подушку. Утром почувдилось, что от меня воняет, а укусы блох чесались под корсажем все больше и больше.

Я решила отпустить Джимми. Он обещал всего лишь показать мне дорогу на Тилбери, да и обратный путь не короток для мальчишки, который едет один. Он ничуть не обескуражен. С помощью специальной подставки взобрался на кривую спину своей лошадки, принял от меня монету и ломоть хлеба с сыром, чтобы съесть в дороге. Мы ехали вместе, пока наши пути не разошлись — он махнул рукой в сторону дороги на Саутенд, а сам повернул на запад, обратно по Лондонской дороге.

Вокруг ни души. Местность пустынная, ровная, безлюдная. Наверно, здешняя сельская жизнь сильно отличается от того, к чему я привыкла на плодородных землях Кента. Я скакала во весь дух, опасаясь воров — они вполне могут появиться на пустынной дороге среди болот. На самом же деле полнейшее безлюдье было мне только на руку. Там, где нет путешественников, нет и разбойников — некого грабить. С самого утра мне попались только двое — мальчишка гонял коров с недавно засеянного клочка земли, да пахарь вдали месил грязь на краю болота, а перья чаек летят во все стороны.

Продвигалась я довольно медленно, дорога идет через болота, почва раскисшая и топкая. Ветер с реки пахнет морем. Миновала пару деревушек, мало отличающихся от окружающей грязи — домишки с замызганными стенами и крышами. Неумытые ребятишки, вытаращив глаза, бежали вслед, вопя от восторга. До Саутенда добралась уже в сумерки, огляделась в поисках ночлега. Несколько домов, маленькая церковь, позади — дом священника. Постучала. Экономка встретила меня обескураживающе неприветливо, но я воззвала к ее гостеприимству, и она неохотно указала на каморку возле кухни. Ох, отругать бы ее за грубость, но я больше не Болейн, не Говард, теперь я бедная одинокая женщина с пригоршней монет в кармане и решимостью в сердце.

— Благодарю вас, — как будто это самое подходящее жилье. — Не могли бы вы раздобыть воды для мытья? И чего-нибудь поесть?

Услышала звон монет, и отказ сменился согласием. Принесла воды, потом и мясную похлебку в деревянной миске. На вид, да и на вкус еда приготовлена не сегодня и даже не вчера, но я слишком голодна, чтобы разбираться. Доела, да еще собрала все с доньшка хлебом. Потом упала на свою убогую постель и крепко проспала до рассвета.

Экономка с утра начала возиться на кухне — подмела пол, разожгла огонь, чтобы приготовить своему хозяину завтрак. Позаимствовав у нее сухое полотенце, я вышла во двор умыться. Помыла ноги у колодца, недовольные цыплята крутились тут же. Как же хочется выкупаться как следует, сменить платье, но с тем же успехом можно мечтать о паланкине, в котором меня донесут эти последние несколько миль. Если он меня любит, не обратит внимания на чуток грязи, а если нет, какая разница.

За завтраком экономка любопытствовала, почему я путешествую в одиночестве. Она успела рассмотреть и мою лошадь, и мое платье, отлично поняв, сколько они могут стоить. Я ничего не ответила, отрезала ломоть хлеба на дорогу, сунула в карман, отправилась седлать лошадь. Уже вскочив в седло, позвала ее во двор и спросила:

— Можете показать, как добраться до Рочфорда?

— От ворот сразу налево, держитесь прямо на восток, за час доберетесь. А к кому вы там? Болейны теперь всегда при дворе.

Буркнула что-то в ответ. Не хотелось мне, чтоб она узнала — я, Болейн, проделала такой долгий путь ради человека, который меня даже не приглашал. Чем ближе к его дому, тем страшнее, к чему лишние свидетели моего безрассудства? Пустила лошадь рысью, выехала со двора, свернула, как было сказано, налево, и дальше, прямо навстречу восходящему солнцу.

Рочфорд — деревушка с десятком домишек, теснящихся вокруг пивной на перекрестке дорог. Наш дом — за кирпичной оградой, в глубине довольно большого парка, с дороги его даже не видно. Можно не опасаться, что меня заметит кто-нибудь из слуг, а заметит, так не узнает.

Какой-то юнец лет двадцати лениво опирается на ограду. Дорога пустынна, ветрено, холодно. Если это испытание странствующего рыцаря, почему оно так уныло? Вздернув подбородок, подзываю парня:

— Где тут ферма Уильяма Стаффорда?

Он вынимает соломинку изо рта, делает шаг ко мне. Разворачиваю лошадь, чтобы он не смог достать до поводьев. Могучий лошадиный круп заставляет его отступить. Убирает волосы со лба, повторяет в замешательстве:

— Уильяма Стаффорда?

Вынимаю пенни из кармана, держу двумя пальцами перед его носом.

— Да!

— Новый джентльмен? — переспрашивает парень. — Из Лондона? Яблонева ферма. Нужно свернуть направо, к реке. Дом с соломенной крышей, рядом конюшня. Яблоня у дороги.

Ловко подхватывает брошенную монету, спрашивает с любопытством:

— А вы тоже из Лондона?

— Нет, из Кента.

Поворачиваю лошадь и скачу дальше по дороге, высматривая реку, яблоню, конюшню, дом под соломенной крышей.

За дорогой начинается спуск к реке. На берегу — заросли камыша. Взлетают с тревожным кряканьем утки, появляется цапля, длинные ноги, изогнутая шея, хлопает гигантскими крыльями, садится неподалеку. Поля за низкими живыми изгородями из боярышника, лоскутки пожелтевшей травы возле самой реки — возможно, из-за соли. Ближе к дороге трава зеленее, но все равно кажется поникшей, наверно после зимы. Не сомневаюсь, весной Уильям снимет с этих лугов хороший урожай сена.

С другой стороны земля распахана. В каждой борозде блестит вода, эта почва никогда не просохнет. Далеко к северу — поля, засаженные яблонями. А вот и одинокая старая яблоня склонилась над дорогой, нижние ветки обрезаны, серебристо-серая кора растрескалась от старости. В развилке ветвей — пышный зеленый куст омелы. Повинуясь внезапному порыву, направляю лошадь к дереву и срываю побег. Так, с самым языческим растением в руке, сворачиваю с дороги на тропинку, ведущую к его дому.

Домик будто сошел с детского рисунка. Длинный, приземистый, четыре окошка на верхнем этаже, еще два и дверной проем между ними — на нижнем. Дверь — как на конюшне, разделена на верхнюю и нижнюю створки. Я воображаю — совсем недавно семья фермера и животные жили тут все вместе. В стороне от дома конюшенный двор, чистый, вымощенный булыжником, дальше — поле, полдюжины коров пасется. Конь выставляет морду через ворота, я узнаю охотничью лошадь Уильяма, на которой он скакал бок о бок со мной по песчаному

берегу в Кале. При виде нас лошадь начинает ржать, моя отвечает, как будто тоже вспоминает те солнечные осенние денечки.

На шум открывается дверь, он выходит на яркий свет из темноты, руки в боки, смотрит, как я подъезжаю. Не меняет позы, не говорит ни слова. Я без посторонней помощи соскальзываю с седла, открываю ворота в сад. Молчит, даже не здоровается. Забрасываю поводья на створку ворот и все еще с омельой в руке подхожу к нему.

После такого долгого путешествия даже не знаю, что сказать. При виде него исчезли вся моя воля, вся решимость.

— Уильям! — только и могу выговорить.

Как дань, протягиваю ему ветку омелы с белыми бутонами.

— Что это? — спрашивает беспомощно. По-прежнему не делает ко мне ни шага.

Сдвигаю чепец, встряхиваю волосами. С ужасом понимаю — раньше он всегда видел меня чистой и благоухающей. А что сейчас? Трое суток не меняла платье, искусана блохами и вшами, вся в пыли, пахну потом — своим и лошадиным, и к тому же онемела.

— Что это? — повторяет он.

— Приехала выйти за тебя замуж, если ты все еще этого хочешь. — Мне кажется, сейчас не время ходить вокруг да около.

Никакой реакции. Бросает взгляд на дорогу у меня за спиной:

— Кто тебя привез?

Качаю головой:

— Я приехала одна.

— Что-нибудь случилось при дворе?

— Нет, все как нельзя лучше. Они собираются пожениться, она ждет ребенка. У Говардов прекрасные виды на будущее. Буду тетей английского короля.

У него вырывается короткий лающий смешок. Опускаю глаза, вижу свои грязные башмаки, запачканный подол платья и тоже смеюсь. Его взгляд теплеет.

— У меня ничего нет, — предупреждает Уильям. — Как ты совершенно справедливо когда-то заметила, я пустое место.

— У меня тоже ничего нет, кроме ста фунтов в год, да и те потеряю, когда поймут, куда я делась. И я без тебя жить не могу.

Делает движение, будто хочет притянуть меня к себе, но отступает.

— Не могу же я тебя разорить. Этого еще не хватало — лишиться денег из-за любви.

Меня бьет дрожь от его близости, от желания очутиться в его объятиях.

— Не имеет значения. Клянусь, больше ничего не имеет значения.

Он раскрывает объятия, я делаю шаг вперед и почти падаю ему на руки. Он хватает меня, с силой прижимает к себе, покрывает поцелуями грязное лицо, целует веки, щеки, впивается в губы, я отвечаю на поцелуй. Поднимает на руки, переносит через порог, потом вверх по лестнице в спальню, на кровать с чистыми полотняными простынями — к счастью.

Гораздо позже, посмеявшись над следами укусов, он наполняет большую деревянную ванну, ставит на кухне перед огнем, я погружаюсь в горячую, благоухающую воду, а Уильям тем временем расчесывает мне волосы. Корсаж, юбка, белье — все нуждается в стирке, так что он настаивает — я должна надеть его рубашку и штаны, которые на поясе приходится заложить в складки. Закатываю штанины, становлюсь похожа на матроса на палубе. Он отводит мою лошадь на луг, освободившись от седла, она с удовольствием катается по земле, а потом пускается наперегонки с охотничьим конем Уильяма, взбрыкивая и выбрасывая ноги, как жеребенок. Потом Уильям готовит мне большую порцию овсянки с желтым медом, мажет пшеничный хлеб маслом, нарезает толстыми ломтями мягкий местный сыр. Смеется над моим рассказом о путешествии вместе с Джимми, бранит за то, что отправилась в путь одна, снова затаскивает меня в постель, и мы опять друг у друга в объятиях. Только когда стемнело, наконец, снова проголодавшись, встаем.

Ужинаем на кухне, при свечах. В мою честь Уильям зарезал старую курицу, зажарил на вертеле. Я вооружилась парой перчаток — мне поручено поворачивать вертел, пока Уильям режет хлеб, цедит эль, достает из погреба масло и сыр.

Закончили ужин, пододвинули стулья к огню, выпили друг за друга. Наступила удивительная тишина.

— Просто не верится, — произнесла я через некоторое время. — Я думала только о том, как до тебя добраться. Не представляла, какой у тебя дом, что мы будем делать дальше.

— А теперь?

— Даже не знаю, что и думать, — признаюсь я. — Наверно, привыкну. Буду женой фермера.

Наклонился, подбросил в огонь брикет торфа, подождал, пока огонь разгорится, спросил:

— А твоя семья?

Я пожала плечами.

— Ты хоть записку оставила?

— Нет.

Он расхохотался:

— Любовь моя, о чем ты только думаешь?

— О тебе. Я вдруг поняла, как сильно тебя люблю, и могла думать только о том, что должна до тебя добраться.

Он протянул руку, погладил меня по волосам.

— Хорошая девочка, — сказал одобрительно.

Я рассмеялась:

— Хорошая девочка?

Уильям не смутился.

— Да, очень хорошая.

Наклонила голову, его рука скользнула ниже, на шею, он легонько сжал мой загривок, так кошка держит котенка. Закрываю глаза, тая от его прикосновения.

— Тебе нельзя оставаться, — мягко сказал Уильям.

Удивленно открыла глаза:

— Что?

Он поднял руку, останавливая поток вопросов:

— Не думай, что я тебя не люблю, как раз наоборот.

— Из-за денег? — испугалась я. Он покачал головой:

— Из-за детей. Если ты останешься у меня, никого не предупредив, не заручившись ничьей поддержкой, у тебя отнимут детей, ты их больше никогда не увидишь.

Я закусила губу.

— Анна так и так может их забрать.

— Или вернуть, — напомнил он. — Ты говоришь, она ждет ребенка?

— Да, но...

— Если родится мальчик, твой будет не нужен. И мы окажемся тут как тут, когда она бросит его за ненадобностью.

— Думаешь, удастся вернуть сына?

— Не знаю. Но надо быть при дворе, чтобы иметь возможность бороться. — Тепло его рук ощущается даже через полотняную рубаху. — Я вернусь вместе с тобой. Оставлю кого-нибудь вести дела на ферме, король найдет мне место. Сможем быть рядом, пока не поймем, куда ветер дует. Заберем детей, если получится, и тогда уж вернемся сюда.

Он запнулся, помрачнел, спросил смущенно:

— Моя ферма достаточна хороша для них? Они выросли в Гевере, и тут рядом огромный дом, принадлежащий вашей семье. Они благородного происхождения, а что я могу им предложить?

— Они будут с нами. Получат новую семью, может, не такую аристократическую, зато любящую, отца и мать, поженившихся по любви, а не из-за денег и положения. Им будет лучше, а не хуже.

— А тебе? Это не Кент.

— Но и не Вестминстерский дворец. Я приняла решение, когда поняла — тебя мне ничто не заменит. Ты мне нужен, и чего бы это ни стоило, я буду с тобой.

Крепко сжал мне плечи, перетащил с табурета к себе на колени, прошептал в самое ухо:

— Скажи еще раз, вдруг мне просто приснилось.

— Ты мне нужен. Чего бы это ни стоило, я буду с тобой.

— Выйдешь за меня? — спросил Уильям.

Закрыла глаза, уперлась лбом ему в грудь.

— Да, да.

Мы поженились, как только просохло мое платье, потому что я наотрез отказалась идти в церковь в его штанах. Священник знал Уильяма, уже на следующий день он открыл для нас церковь и с головокружительной скоростью совершил обряд. Мне было все равно. Первый раз я венчалась в королевской часовне Гринвичского дворца, в присутствии короля, а не прошло и нескольких лет, как брак стал прикрытием любовной интрижки и закончился смертью. Эта свадьба, такая простая и незамысловатая, сулила совсем другое будущее — жизнь с человеком, которого люблю.

Рука об руку мы возвратились домой, где нас ждал свадебный завтрак — свежий домашний хлеб и окорок, который Уильям закоптил собственноручно.

— Надо и мне всему научиться. — Я беспомощно подняла взгляд на стропила, с которых свисали три оставшиеся свиные ноги.

— Ничего тут нет трудного, — рассмеялся Уильям. — И мы обязательно найдем служанку, а когда пойдут ребяташки, меньше чем двумя женщинами не обойтись.

— Ребяташки? — Моя первая мысль о Екатерине и Генрихе.

— Наши дети, — улыбаясь, объяснил мой муж. — Наполним дом маленькими Стаффордами, разве нет?

На следующий день мы выехали обратно в Вестминстер. Я сразу же отослала брату письмо с лодочником, заклиная его сообщить Анне и дядюшке — я заболела, испугалась, что это горячка, и поэтому покинула двор, никому ничего не говоря, и уехала в Гевер, пока не поправлюсь. Ложь, столь неумелая и запоздалая, вряд ли могла кого-нибудь обмануть, но в связи с замужеством и беременностью моей сестрицы всем, конечно, не до меня.

Мы вернулись в Лондон на барке, погрузив туда же двух лошадей. Я ехала с тяжелой душой, мне куда больше хотелось оставить двор, жить с Уильямом в деревне, не пришлось бы нарушать его планы, отрывать от фермы. Но Уильям настроен решительно.

— Ты не сможешь без детей. Не хочу брать грех на душу.

— Очень благородно, — бросила я в сердцах.

— Несчастливая жена — последнее дело, — подбодрил он меня. — Не забудь, я провожал тебя из Гевера в Лондон. Знаю, какой несчастной ты можешь быть.

Мы доплыли быстро — помогли прилив и попутный ветер. Пристали к ступеням Вестминстера, я сошла на берег, а Уильям повернул к пристани, чтобы выгрузить лошадей. Условились встретиться возле главной залы через час, а пока надо узнать все новости.

Пошла прямо к Георгу. Странно, дверь заперта. Постучалась условным болейновским стуком, подождала ответа. Послышалась какая-то возня, потом дверь приоткрылась.

— А, это ты! — сказал Георг.

Франциск Уэстон поправлял камзол.

— О! — Я сделала шаг назад.

— Франциск упал с лошади, — объяснил брат. — Ты уже можешь ходить?

— Да, но лучше мне отдохнуть.

Он отвесил поклон и вышел, сделав вид, что не замечает, в каком виде мое платье и накидка — непрерывная носка и стирка кое-как даром не проходят.

Дверь закрылась, я повернулась к брату.

— Прости, Георг, но мне необходимо было уехать. Можешь солгать ради меня?

— Уильям Стаффорд?

Я кивнула.

— Так я и думал. Боже, какие мы оба идиоты!

— Почему оба? — спросила с опаской.

— Каждый на свой лад. Поехала и получила его?

— Да. — Я не осмеливалась довериться даже брату, с новостями о нашем браке лучше повременить. — Мы вернулись вместе. Найдешь ему место при короле? Он не может снова пойти к дяде на службу.

— Надо подумать. Подыщем что-нибудь, Говарды сейчас в силе. Но что вам делать при дворе? Вас сразу же разоблачат.

— Георг, пожалуйста, я же ничего никогда не просила. Все получили от Анны должности, земли, деньги, только я никогда ничего не хотела, кроме своих детей, а она отняла у меня сына. Это моя первая просьба.

— Вас поймают, — предупредил брат. — Тебя ждет бесчестье.

— У всех свои тайны. Даже у Анны. Я храню ее секреты, я храню твои, прошу тебя, сделай то же самое для меня.

— Да ладно тебе. — Брат не слишком доволен. — Только, пожалуйста, будь благоразумна. Больше никаких верховых прогулок наедине, и умоляю: не забеременей. Если дядя подыщет тебе мужа, придется покориться, любовь там или нет.

— Зачем заранее волноваться? Найдешь ему место?

— Может, королевский церемониймейстер? Но пусть помнит — это я ему помог, пусть держит глаза и уши открытыми и действует в моих интересах. Отныне он мой человек.

— Ничего подобного. — Я лукаво улыбнулась. — Он мой.

— Боже милостивый, ну ты и бесстыдница! — Брат рассмеялся и обнял меня.

— А что со мной? Поверили, что я в Гевере?

— Никто до вечера тебя не хватился, утром меня спросили, уж не я ли отвез тебя в Гевер без разрешения, и мне показалось безопаснее подтвердить, пока не узнаю, куда ты подевалась. Сказал — волнуешься за здоровье детей. Потом пришла твоя записка, но, раз солгав, я уже держался сказанного. Все думают — ты сбежала в Гевер, а я тебя проводил. Ложь неплохо сработала.

— Спасибо тебе. Пойду переоденусь, не хочу никому показываться на глаза в таком виде.

— Это платье можно выкидывать. Ты настоящая сорвиголова, Марианна. Не ожидал от тебя такого. Это ведь Анна у нас всегда настаивает на своем, а ты делаешь, что велят.

— Только не сейчас! — Уходя, послала ему воздушный поцелуй.

Встретилась с Уильямом, как обещала. Странно стоять возле него на расстоянии вытянутой руки и говорить как с посторонним. Почему он не обнимет меня, не поцелует в волосы?

— Георг уже соврал ради нас, так что все в порядке. Он сможет устроить тебя на должность королевского церемониймейстера.

— Какая честь! — язвительно заметил Уильям. — Так я и знал, это выгодный брак. Вчера фермер, а сегодня уже церемониймейстер!

— А завтра плаха, если не будешь держать язык за зубами.

Рассмеялся, поцеловал мне руку.

— Надо подыскать жилье в городе, чтобы мы могли проводить ночи вместе, даже если дни придется проводить врозь.

— Вот это дело.

— Ты моя жена. Теперь я тебя из рук не выпущу.

Анну я обнаружила в покоях королевы, за вышиванием. Придворные дамы взялись за огромную престольную пелену. Все это так напоминало королеву Екатерину, что я даже моргнула, чтобы прогнать наваждение. Потом я поняла, в чем разница — все дамы или из семьи Говардов, или наши избранные фаворитки. Самая хорошенькая, вне всякого сомнения, — кузина Мадж Шелтон, новая молоденькая представительница семьи Говардов при дворе, а самая богатая и влиятельная — Джейн Паркер, жена Георга. Да и вся атмосфера совсем другая — при королеве Екатерине одна из нас читала вслух Библию или сборник проповедей, а у Анны звучит музыка. Четверо музыкантов играют, а одна из девушек, не прерывая работы, поет.

К тому же в комнате мужчины. Королева Екатерина, воспитанная в строгом уединении испанского королевского двора, всегда держалась строгих правил, даже после стольких лет, проведенных в Англии. Джентльмены наносили визит вместе с королем, их встречали радушно, по-королевски угощали, но обычно они не задерживались. Ухаживания допускались только там, где не было надзора — в садах, на охоте.

При Анне стало куда веселей. В комнате немало кавалеров — сэр Уильям Брертон помогает Мадж подобрать по цвету шелк для вышивания, сэр Франциск Уэстон заглядывает Анне через плечо, восхваляя ее работу, а в углу Джеймс Уайвил что-то нашептывает Джейн Паркер.

Анна едва взглянула на меня:

— Вернулась? Ну как дети?

— Все в порядке, у них просто насморк.

— В Гевере сейчас красиво, — говорит от окна сэр Томас Уайетт. — Нарциссы, наверно, уже цветут?

— Да, — отвечаю наобум и тут же поправляюсь: — То есть распускаются.

— Но прекраснейший цветок Гевера здесь! — Он глаз не отрывает от Анны.

Она глядит на него поверх вышивания, замечает с вызовом:

— Мой цветок тоже распускается.

Смотрю то на Анну, то на сэра Томаса и ничего не понимаю. Как она может даже намекать на свою беременность, особенно при мужчинах.

— Хотел бы я быть пчелкой среди лепестков, — продолжает сэр Томас словесный поединок.

— И обнаружили бы, что лепестки плотно сжаты.

Джейн Паркер вертит головой от одного к другому, будто за игрой в теннис наблюдает.

Галантная игра вдруг представляется мне просто потерей времени, которое можно провести с Уильямом, еще одним маскарадом бесконечного придворного притворства, а я так изголодалась по настоящей любви.

— Когда мы выезжаем? — Я вмешиваюсь в любовную беседу. — Когда отправляемся в путешествие?

— На следующей неделе, — равнодушно отвечает Анна, обрезая нитку. — Думаю, едем в Гринвич. А почему ты спрашиваешь?

— Устала от Лондона.

— Вот неугомонная! — жалуется неизвестно кому Анна. — Только что вернулась из Гевера и снова хочешь куда-то ехать. Муж нужен, чтоб тебя укоротить, засиделась ты во вдовушках.

Подсаживаюсь на скамью под окном к сэру Томасу.

— Ничего подобного, смотри, я сижу тихо, как спящий котенок.

— Еще подумают, питаешь отвращение к мужчинам.

Придворные дамы в один голос смеются в ответ на это злобное замечание.

— Просто не хочется.

— Когда это тебе не хотелось? — возражает Анна.

Я только улыбаюсь.

— А тебе никогда не хотелось, а теперь посмотри, мы обе счастливы.

Сестрица закусывает губу, я представляю, сколько резкостей она могла бы наговорить, но не решается — добрая половина слишком вульгарна, а другую слишком легко обернуть против нее самой, ведь и она была королевской любовницей.

— Хвала Господу за это, — благочестиво говорит Анна, склоняя голову над работой.

— Аминь, — подхватываю я столь же сладко.

Дни в Вестминстере при дворе моей сестрицы тянутся бесконечно. Уильяма я вижу только мельком. Как церемониймейстер, он всегда возле короля. Король проникся к нему симпатией, советуется относительно лошадей, часто ездит верхом в его обществе. Ирония судьбы — такой не подходящий для светской жизни человек — и в таком почете. Надо сказать, король охотно слушает откровенное мнение, во всяком случае пока оно совпадает с его собственным.

Только ночами мы с Уильямом наконец остаемся наедине. Он снял мансарду в старом доме как раз напротив дворца. Лежа без сна после любви, я смотрю на балки над головой, слышу, как птицы устраиваются спать в гнездах под соломенной крышей. Вся обстановка состоит из узкой кровати, стола и пары стульев. Больше ничего нет, больше нам ничего не нужно.

Просыпаться на заре, чувствовать его близость, восхитительное тепло, опьяняющий запах кожи. Я никогда не проводила ночь с человеком, который любил бы меня всем сердцем, любил ради меня самой — какое головокружительное ощущение. Быть с тем, кого обожаешь, — и не надо ни скрывать свое обожание, ни преувеличивать, не надо ничего рассчитывать, я просто люблю его, моего единственного возлюбленного, и он любит меня так же просто, страстно, естественно. Не могу понять, как выдержала эти долгие годы, расплачиваясь фальшивой монетой тщеславия и похоти, не зная, что совсем рядом — чистое золото.

Коронация Анны омрачена неистовой ссорой с дядюшкой. Я слышу, как он орет — она так возомнила о себе, что забыла, кому обязана своим нынешним высоким положением. Анна, самовлюбленная даже в ярости, положив руку на живот, объясняет, что мнит о себе не зря и очень хорошо помнит, кому обязана своим положением.

— Анна, побойся Бога, подумай о семье! — Дядя никак не может успокоиться.

— Забудешь о вас! Слетелись, как мухи на мед. Ступить некуда, обязательно споткнешься о Говарда с просьбой об очередной милости.

— Я не прошу, — оборвал он. — Я требую.

— От меня? Вы говорите с королевой!

— Я говорю со своей племянницей, и если бы не я, ее бы давно изгнали за позорную связь с Генрихом Перси, — брызгал слюной дядюшка.

Она вскочила на ноги, готовая наброситься на него.

— Анна, уймись! — вмешалась я. — Дядя, нельзя ее расстраивать! Ребенок!

Он по-прежнему жаждал крови, но сумел взять себя в руки.

— Конечно, ты права, — произнес с деланной вежливостью. — Сядь, Анна, и постарайся успокоиться.

Она рухнула на табурет, прошипела:

— Не смейте! Еще раз вспомните эту старую ложь, будь вы сто раз моим дядей, клянусь, отправитесь в ссылку.

— Я глава геральдической палаты, — процедил он сквозь зубы. — Я был одним из величайших людей в стране, когда ты под стол пешком ходила.

— А до битвы при Босуорте вашего отца заключили в Тауэр за измену. — В ее голосе зазвучало торжество. — Не забывайте, мы оба Говарды. Если вы против меня, то и я против вас. Одно мое слово — снова узнаете, как Тауэр выглядит изнутри.

— Скажи, попробуй, — произнес злобно дядя и вышел, даже не поклонившись.

Анна посмотрела ему вслед.

— Как же я его ненавижу, — прошептала она едва слышно. — Я его уничтожу.

— Не говори так, — поспешно возразила я. — Тебе нужна его помощь.

— Никто мне не нужен, — оборвала Анна. — Король всецело принадлежит мне. Он отдал мне свое сердце, свою любовь, я ношу его сына. Зачем мне чья-то помощь?

До коронации они так и не помирились. Дядя Говард должен сопровождать Анну в Сити. Георг оказался прав — никто и никогда не видал коронации пышнее. Анна приказала уничтожить герб с гранатами на барке королевы, будто Екатерина была узурпатором, а не законной королевой. На его месте появились ее собственный герб и вензель — переплетенные инициалы, Анны и Генриха. Даже это оказалось поводом для насмешки — народ гоготал, притворяясь, что просто читает ГА-ГА! Увы, это был смех над бедной Англией. Новый девиз Анны „самая счастливая“ звучал повсюду, даже Георг не выдержал, услышав эти слова впервые.

— Анна и счастливая? Она уgomонится, только когда станет Царицей Небесной и затмит саму Деву Марию.

Барки плывут к Тауэру, реют флаги — золотые, белые, серебряные. Король ждет нас у большого шлюза. Барку удерживают на одном месте, пока Анна сходит на берег. Смотрю на нее почти как на чужую. Она встает со своего трона и скользящей походкой спускается по трапу. Прирожденная королева, да и только! Платье сияет золотом и серебром, на плечах — меховая пелерина. Ее никак нельзя принять за мою сестру, кажется — вообще не земная женщина. Посмотришь — величайшая королева, которая когда-либо рождалась на свет.

Два дня мы провели в Тауэре, в первый вечер состоялся грандиозный пир, король, чтобы отпраздновать этот день, раздавал направо и налево награды. Восемнадцать человек стали кавалерами

ордена Бани, еще дюжину король посвятил в рыцари, в том числе троих приближенных церемониймейстеров, среди них и моего мужа. Уильям разыскал меня, после того как король ударил его пласмя мечом по плечу и даровал поцелуй — знак вассальной верности нового рыцаря. Он повел меня танцевать, мы смешались с толпой придворных — никто не заметит, что сестра королевы танцует с церемониймейстером.

— Что скажете, миледи Стаффорд? — нежно говорит он. — Ваше честолюбие удовлетворено?

— Поднялся на первую ступеньку. Уверена, станешь знатнее Говардов.

— На самом деле я доволен. — Поглядывая на пару в центре круга, он переходит на шепот: — Я не хотел, чтобы брак принизил тебя.

— Будь ты крестьянином, все равно вышла бы за тебя!

— Любовь моя, помню, как ты расстраивалась из-за нескольких блошиных укусов. Нет, ты не вышла бы за крестьянина.

Со смехом поворачиваюсь к нему и ловлю на себе яростный взгляд брата, стоящего в паре с Мадж Шелтон.

— Осторожно, Георг на нас смотрит.

— Лучше бы за собой смотрел!

— Что?

Наша очередь танцевать. Уильям выводит меня в круг, ведет — три шага туда, три шага сюда. Трудно избежать тесных объятий, трудно не смотреть друг на друга. Все время напоминаю себе — надо скрывать свои чувства. Уильям менее сдержан — просто пожирает меня глазами. Мы делаем круг, проходим под сводом рук. Я успокаиваюсь, только когда танец становится общим.

— Так что там с Георгом?

— Попал в плохую компанию.

Громко смеюсь:

— Он же Говард, друг короля. Кому же еще связываться с плохой компанией?

— Наверно, ничего особенного. — Уильям явно не хочет развивать тему.

Музыканты берут последний аккорд, я тащу Уильяма к стене.

— Теперь объясни толком, что ты имеешь в виду.

— Сэр Франциск Уэстон всегда рядом с ним. — Уильям вынужден говорить. — А у него плохая репутация.

Я настораживаюсь:

— Что ты слышал? Какие-нибудь детские выходки?

— Больше, — коротко бросает Уильям.

— Что именно?

Уильям оглядывается по сторонам, явно мечтая избежать допроса.

— Говорят, они любовники.

Перевожу дыхание.

— Ты знала?

Молча киваю.

— Господи, Мария! — Уильям делает шаг прочь, возвращается. — Ты мне ничего не сказала? Твой родной брат погряз в грехе, а ты молчишь?

— Разумеется. Не хочу выставлять его на позор. Он мой брат, и, может быть, он еще изменится.

— Ты предана брату больше, чем мужу?

— Так же, — без промедления отвечаю я. — Уильям, он мой брат. Мы — тройка Болейн, мы нужны друг другу. Мы знаем десятки, сотни секретов друг друга. Наверно, я еще не до конца стала леди Стаффорд.

— Но твой брат! Содомский грех — это не шутки.

— Прежде всего он мой брат! — Беру его за руку, не обращая внимания на окружающих, тяну в сторону. — Георг содомит, Анна — шлюха, а возможно, и отравительница, да я и сама шлюха. Дядя — самый коварный друг, отец — приспособленец, мать, Бог ей судья, говорят, она спала с королем раньше нас обеих! Обо всем этом ты знал или мог догадаться. Теперь скажи, достаточно ли я хороша для тебя? Я пришла к тебе, когда ты был никем. Если ты хочешь преуспеть при этом дворе, знай — ты выпачкаешь руки или в крови, или в грязи. Я выучила это еще молоденькой девушкой, и годы обучения были нелегкими. Можешь начать учиться сейчас, коли есть охота.

Уильям только рот раскрыл, слушая мою страстную речь. Отступает на шаг, смотрит на меня во все глаза:

— Я совсем не хотел тебя огорчать.

— Он мой брат, она моя сестра. Ничего не поделаешь, это моя семья.

— Они могут стать нашими врагами, — предупреждает Уильям.

— Даже если будут смертельными врагами, все равно — это мой брат и моя сестра.

Помолчали.

— Друзья и враги одновременно?

— Все может быть, — говорю я. — Как карта ляжет.

Уильям кивает.

— Так что говорят? — Я начинаю успокаиваться. — Что ты слышал о Георге?

— Слава Богу, это не очень широко известно, но говорят — вокруг твоей сестры тайный двор ее ближайших друзей. Сэр Франциск, сэр Уильям Бертон, мужчины-любовники. Игроки, отличные наездники, на любой риск готовы ради удовольствия пощекотать нервы, Георг — один из них. Встречаются, играют, флиртуют в ее покоях. Так что репутация Анны тоже под ударом.

Я смотрю через зал на брата. Он склонился к трону, на котором сидит Анна, что-то шепчет ей на ухо. Вижу, как она с удовольствием слушает его шепот, его смешки.

— Такая жизнь святого развратит, не то что юношу.

— Он хотел стать солдатом, — говорю я грустно. — Крестоносцем, рыцарем с белым щитом, хотел сражаться против неверных.

Уильям качает головой:

— Мы, если сумеем, уберем малыша Генриха от этого.

— Моего сына?

— Нашего сына. Постараемся дать ему цель в жизни вместо праздности и погони за удовольствиями. А ты лучше предупреди брата и сестру — о них уже судачат, особенно о Георге.

На следующий день Анна вступает в Сити. Я помогла ей облачиться в белое платье с пелериной, белую горностаевую мантию. На голове — золотой обруч, волосы под золотистой вуалью свободно падают на плечи. Въезжает в Лондон в паланкине, его несут два белых пони, а пэры из привилегированных портовых городов держат над ее головой золотой полог. Придворные в лучших нарядах следуют за ней пешком. Триумфальные арки, фонтаны, бьющие вином, верноподданнические стихи на каждой остановке, тем не менее процессия тянется по городу в полной тишине.

Молчание народа становится угрожающим. Мы движемся по узким улочкам к собору. Мадж Шелтон идет рядом со мной за паланкином.

— Господи, какой ужас, — бормочет она.

Город мрачен. Тысячи людей вышли на улицы, но они не машут флагами, не благословляют Анну, не выкрикивают ее имя. Они с жадным любопытством смотрят на женщину, свершившую такие перемены в Англии, в короле, перекроившую в конце концов королевскую мантию на свой лад.

Вступление в Лондон оказалось безрадостным, да и коронация, торжество в давящей тишине, не лучше. Анна в малиновом бархатном платье, отделанном мягчайшим, белейшим горностаевым мехом, в пурпурной мантии, мрачна как грозовая туча.

— Разве ты не счастлива, Анна? — спрашиваю, поправляя шлейф ее платья.

Улыбка Анны больше похожа на гримасу.

— Я — самая счастливая, — роняет она с горечью, цитируя свой же девиз. — Самая счастливая, разве не так? Достигла всего, чего желала, хотя никто в это не верил. Но я верила в себя, и вот — я королева, жена короля Англии, я сбросила с трона Екатерину, заняла ее место, я — счастливейшая женщина на свете.

— И он тебя любит, — подхватываю я, памятуя о том, как переменилась моя жизнь из-за любви хорошего человека.

Анна пожимает плечами.

— Да, конечно, — равнодушно говорит она и поглаживает живот. — Если бы только знать, что будет мальчик. Ах, если бы во время коронации принц уже лежал в колыбели.

Я неловко глажу сестру по плечу. С тех пор как мы перестали делить постель, нам нечасто случается прикоснуться друг к другу. У нее куча камеристок, я больше не расчесываю ей волосы, не шнурую платье. Она по-прежнему близка с Георгом, а от меня все больше отдаляется. Она украла моего сына, теперь нас разделяет глубокая невысказанная обида. Но странно — я чувствую, она вверяет мне свою слабость. Королевское достоинство сползает с нее как глазурь со статуэтки.

— Не так долго осталось ждать, — нежно говорю я.

— Три месяца.

В дверь постучали, вошла Джейн Паркер, лицо горит от возбуждения.

— Вас ждут! — выпалила она, задыхаясь. — Пора! Готовы?

— Вы что-то сказали? — холодно переспрашивает Анна.

В одно мгновение моя сестра прячется за маской истинной королевы. Джейн делает реверанс.

— Прошу прощения, ваше величество. Я хотела сказать, ваше величество уже ждут.

— Я готова.

Анна поднимается на ноги. Придворные входят в комнату, дамы берутся за длинный шлейф, я поправляю ей прическу, чтобы длинные темные волосы красиво лежали на плечах.

На мою сестру, девчонку из семьи Болейн, сейчас возложат корону королевы Англии.

Ночь после коронации я провела с Уильямом, в своей спальне в Тауэре. Я делила комнату с Мадж Шелтон, но она шепнула, что не вернется до утра. Мы с мужем улизнули, не дожидаясь конца праздника, заперли дверь, подбросили дров в камин, разделись и не торопясь предались любви. Среди ночи проснулись, обнялись и снова задремали, а в пять часов, когда уже начинало светать, проснулись счастливые, опустошенные и страшно голодные.

— Пойдем, — сказал мне Уильям. — Надо найти что-нибудь поесть.

Мы оделись, я взяла накидку с капюшоном, чтобы скрыть лицо, и выскользнули из спящего Тауэра на лондонские улицы. Казалось, половина жителей города валяется пьяная в канавах, ведь повсюду било из фонтанов даровое вино — отметить триумф Анны. Переступая через лежащие тела, мы отправились вверх по холму к францисканскому монастырю.

Идем рука об руку, не беспокоясь, что нас увидят — весь город пьян. Уильям привел меня к лавке пекаря, посмотрел вверх — идет ли дым из кривой трубы.

— Пахнет хлебом! — объявила я, втянув носом воздух, и сама удивилась, что такая голодная.

— Постучусь, пожалуй. — Уильям стукнул молоточком в боковую дверь.

Послышался приглушенный шум, дверь резко распахнулась, на пороге мужчина, красное лицо припорошено мукой.

— Могу я купить хлеба? — спросил Уильям. — И позавтракать?

Пекарь только моргал — на улице уже совсем светло.

— А деньги у вас есть? — угрюмо осведомился он. — Бог свидетель, у меня у самого ничего не осталось.

Уильям потянул меня в пекарню. Внутри тепло, пахнет упоительно. Все запорошено мукой, даже стол и табуреты. Уильям обтер сиденье своим плащом и усадил меня.

— Немного хлеба, — попросил он. — Две кружки эля. Фрукты для дамы, если найдутся. Сварите пару яиц, может быть, еще чуть-чуть ветчины или сыра — словом, чего-нибудь вкусенького.

— Я только что посадил в печь первую порцию хлеба, — проворчал пекарь. — Сам еще не завтракал. Где уж бегать за ветчиной для господ.

Блеснула, звякнула серебряная монета, и мигом все изменилось.

— У меня в кладовой найдется превосходная ветчина и кусок сыра, только что из деревни, мой кузен сам делал. Сейчас встанет жена и нальет вам по кружечке эля. Она отлично варит пиво, вкусней во всем Лондоне не найти.

— Благодарю вас, — вежливо ответил Уильям и подмигнул мне. Уселся рядом, рука удобно покоится у меня на талии.

— Только что поженились? — спросил пекарь, вынимая хлеб из печи.

— Да, — ответила я.

— Совет да любовь, — произнес он с сомнением, выкладывая хлеб на деревянный прилавок.

— Аминь! — спокойно сказал Уильям. Притянул меня к себе, поцеловал в губы, шепнул на ухо: — Я буду любить тебя вечно.

Уильям проводил меня до калитки, ведущей в Тауэр, сам он собирался нанять лодочника и спуститься по реке через шлюзовые ворота. Мадж Шелтон уже успела вернуться, но была так поглощена своими делами — она поспешно переодевалась и причесывалась, что даже не спросила, куда я так рано выходила. По-видимому, добрая половина двора проснулась сегодня утром в чужих постелях. Успех Анны, возлюбленной, ставшей женой, вскружил голову каждой незамужней девчонке в королевстве.

Я ополоснула руки и лицо, сменила платье, чтобы идти с Анной и остальными дамами к заутрене. В первый день после коронации Анна оделась роскошно — темное платье и чепец расшиты драгоценными камнями, длинная нитка жемчуга дважды обвивает шею, как всегда, золотая подвеска с буквой „Б“ — Болейн, в руках — молитвенник в золотом переплете. Кивнула мне, я присела в глубоком реверансе. Следую за подолом ее платья, будто это большая честь для меня.

После мессы и завтрака с королем Анна занялась преобразованием своего двора. Многие из слуг королевы Екатерины без труда перенесли свою преданность на Анну. Как и все мы, следуют за восходящей звездой, а не за потерпевшей неудачу королевой. Я заметила в списке имя Сеймур.

— Собираешься сделать эту девчонку Сеймур придворной дамой? — любопытствовала я.

— Которую? — лениво поинтересовался Георг, придвигая к себе список. — Агнесса, говорят, известная шлюха.

— Джейн, — ответила Анна. — У меня будут тетя Елизавета и кузина Мария. Достаточно Говардов, чтобы перевесить влияние одной-единственной Сеймур.

— Кто просил за нее? — осведомился Георг.

— Все непрерывно просят, — устало ответила Анна. — Думаю, одна-две дамы из других семей будут кстати, не могут же Говарды получить все.

— А почему бы и нет? — рассмеялся Георг.

Анна отодвинула свой стул от стола, положила руку на живот, тяжело вздохнула.

— Устала? — встревожился Георг.

— Живот схватило. — Она взглянула на меня. — Это не страшно? Короткие приступы боли. Это не имеет значения?

— Помню сильные боли с Екатериной, а роды были легкие и в срок.

— Ты хочешь сказать, будет девочка? — забеспокоился Георг.

Как же они похожи! Длинные болейновские носы, вытянутые лица, горящие глаза. Те же черты я всю жизнь вижу в зеркале, только теперь у меня исчезло это алчное выражение лица.

— Успокойся, Георг. Почему бы ей не родить сыночка? А вот волноваться действительно вредно.

— С тем же успехом ты можешь сказать, что дышать вредно, — огрызнулась Анна. — Легко ли носить в животе все будущее Англии. Помнишь, у королевы выкидыш за выкидышем случался.

— Потому что она не была королю настоящей женой, — успокоил Георг. — Их брак не был законным. А тебе Бог пошлет сына.

Она вытянула руки, Георг крепко сжал их. Смотрю на брата с сестрой и понимаю — отчаянного честолюбия не убавилось, столько же, не меньше, чем когда они были детьми мелкого дворянина в самом начале карьеры. Слава Богу, мне уже это безразлично.

Помолчала минуту, потом решила:

— Георг, я слышала сплетни, которые не делают тебе чести.

Он ответил веселой, озорной улыбкой.

— Это серьезно.

— От кого ты слышала?

— При дворе ходят слухи, что сэр Франциск Уэстон связался с плохой компанией и ты вместе с ним.

Он быстро взглянул на Анну — что она знает? Сестра с интересом ждет продолжения. Совершенно ясно, она ничего не подозревает.

— Сэр Франциск — верный друг.

— Королева говорит! — Георг явно хочет свести разговор к шутке.

— Она и половины не знает, в отличие от тебя.

Анна встревожилась:

— Я должна быть безупречна. А то у кого-нибудь будет повод нашептывать королю про меня гадости.

Георг погладил ее по руке:

— Тебе не о чем беспокоиться. Парочка ночных кутежей, где все слишком много выпили, шлюхи, карточные проигрыши. Клянусь, я тебя не опозорю.

— Есть кое-что еще, — рубанула я напрямик. — Говорят, сэр Франциск — любовник Георга.

Ее глаза расширились от ужаса.

— Георг, нет!

— Конечно нет. — Он нежно сжал ее руку.

Анна повернулась ко мне, взгляд — ледяной.

— Не смей больше являться ко мне со своими грязными историями. Ты хуже Джейн Паркер.

— Остерегись, — предупредила я брата. — Любая грязь, брошенная в тебя, заденет нас всех.

— Да нет никакой грязи!

Отвечает мне, а глаз не сводит с Анны.

— Ты уверен? — спрашивает она.

— Ничего нет! — повторяет Георг.

Мы оставили ее отдыхать и отправились на поиски короля и остальных придворных — они метали кольца в цель.

— Кто тебе сказал? — спросил брат.

— Уильям, — не стала скрывать я. — Он не хотел разносить сплетни, просто знал: я беспокоюсь о тебе.

Георг беспечно рассмеялся, но в голосе напряжение.

— Я люблю Франциска, — признался он. — Это самый замечательный человек на свете. Еще не родился мужчина отважнее, нежнее, достойнее. Я жажду его, и тут ничего не поделаешь.

— Ты любишь его как женщину? — спросила смущенно.

— Как мужчину, — поправил меня брат. — Гораздо более пылко, чем можно любить женщину.

— Георг, это смертный грех, твое сердце будет разбито. Это гибельный путь. А если дядя узнает...

— Если узнают, мне конец.

— Брось его!

Брат повернулся ко мне с кривой улыбкой:

— Можешь бросить Уильяма Стаффорда?

— Это совсем другое дело! Ничего общего. Уильям любит меня честно и искренне, и я люблю его. А это...

— Ты тоже не без греха, просто тебе повезло, — горько уронил брат. — Какое счастье — любить того, кто может ответить на твою любовь. А я просто люблю, люблю, люблю. Остается только ждать, пока моя страсть перегорит.

— Думаешь, перегорит?

— Непременно. Все, чего добиваюсь, вскоре обращается в пепел. Почему на этот раз должно быть по-иному?

— Ох, Георг! — Я положила ладонь на его руку. — Бедный мой братик.

Опять этот голодный болейновский взгляд.

— Тебя ждет гибель.

— Может, и так, — ответил он беспечно. — Но Анна спасет меня.

Анна и мой племянник — будущий король.

Лето 1533

Анна не отпустила меня в Гевер на лето, хотя роды ожидалась только в августе. Поездка по Англии от одной усадьбы до другой в этом году не состоялась, все планы изменились. Разочарование было горьким, я с трудом выносила присутствие сестры. Но мне приходилось каждый день сидеть рядом с ней, слушать бесконечные рассуждения о том, каким великим королем станет ее сын. Каждый должен был нанести Анне визит, каждому полагалось ей поклониться. Ничто не имело значения — только Анна и ее живот. Она стала сосредоточием всей придворной жизни — и ничего не могла решить. В этой неразберихе никто не знал, что делать, тем более куда ехать. Генрих с трудом расставался с ней, даже ради охоты.

В начале июля Георг и дядюшка отправились с миссией к королю Франции — сообщить, что наследник английского престола скоро появится на свет. Пора заручиться поддержкой французов на случай, если испанский император захочет выступить против Англии в ответ на недавнее оскорбление, нанесенное его тетке. Они пытаются добиться встречи с Папой — отношения Рима с Англией должны сойти с мертвой точки. А я снова прошу Анну обойтись без меня до родов.

— Я хочу в Гевер. Ужасно соскучилась по детям.

Анна качает головой. Лежит на кушетке, поставленной в эркере, все окна открыты настежь, с реки дует свежий ветерок, но она вся в поту. Платье туго зашнуровано, корсаж неудобно сдавливает разбухшую грудь. Спина ноет даже на подушке, расшитой жемчугом.

— Нет, — говорит она коротко.

Понимает, что я собираюсь спорить.

— Прекрати, — просит раздраженно. — Если уж я не могу попросить как сестра, то прикажу как королева. Разве ты сама не хочешь побыть со мной? Я же тебя навещала.

— Ты увела моего любовника, пока я рожала ему сына.

— Мне велели. Ты на моем месте сделала бы то же самое. Мария, я без тебя не обойдусь. Как можно убежать, когда ты нужна?

— Зачем я тебе?

Румянец исчез, она бледна как мел.

— Что, если роды убьют меня? Вдруг что-нибудь пойдет не так и я умру?

— Анна...

— Нечего меня жалеть. Зачем мне твое сочувствие? Просто будь здесь и защити меня.

— О чем ты?

— Если они смогут извлечь ребенка, убив меня, я и пенса не дам за свою жизнь, — говорит она с горечью. — Принц Уэльский важнее королевы. Королева всегда найдется, а принцы нынче редки.

— Но как я смогу их остановить? — слабо протестую я.

— Знаю, от тебя толку мало, но ты же сумеешь позвать Георга, а он скажет королю, и меня спасут.

Ее безрадостный взгляд на жизнь заставляет меня замолчать. Но, вспомнив о собственных детях, я ставлю условие:

— Ребенок родится, с тобой все будет в порядке, а я уеду в Гевер.

— Когда ребенок родится, можешь идти к черту.

Оставалось только ждать. Но в эти жаркие дни лета, когда, казалось, ничего не может произойти, из Рима пришли ужасные новости. Папа в конце концов принял решение против Генриха — король должен быть отлучен от церкви.

— Что? — спросила Анна.

Дурные вести принесла жена Георга Джейн Паркер, только что ставшая леди Рочфорд. Она обо всем узнавала первой.

— Отлучение от церкви! — Даже она была потрясена. — Все англичане, сохранившие верность Папе, не должны подчиняться королю. Может напасть Испания. Это будет священная война.

Анна побелела, как жемчуг на ее шее.

— Уходи, — вмешалась я. — Как ты смеешь являться сюда и тревожить королеву?

— Поговаривают, она и не королева вовсе. — Джейн уже шла к дверям. — А если король бросит ее?

— Убирайся! — заорала я и кинулась к Анне.

Она заслонила живот рукой, защищая ребенка от беды. Я ущипнула сестру за щеку, ее ресницы дрогнули.

— Он заступится за меня, — прошептала Анна. — Кранмер сам обвенчал нас, короновал, нельзя же все отменить.

— Конечно нет. — Уверенности мне не занимать, а у самой в голове: „Еще как можно, кто станет спорить с Папой, когда в его руке — ключи от Рая. Король подчинится. И первой жертвой будет Анна“.

— Господи, хоть бы Георг был здесь, — простонала Анна. — Если бы он был дома!

Через два дня брат вернулся из Франции, привез паническое письмо от дядюшки с требованием ответа — что делать дальше, как вести переговоры, как преодолеть гибельный кризис. Король отослал Георга обратно с приказом дяде немедленно прервать переговоры и вернуться в Лондон. Все мы замерли в ожидании.

Дни становились все жарче. Строились планы, как защитить Англию от испанского вторжения, священники как ни в чем не бывало читали проповеди, но сами не знали, на какой они стороне. А некоторые церкви вообще закрылись, переживая кризис, никто не мог ни исповедоваться, ни помолиться, схоронить умершего или окрестить ребенка. Дядя Говард просил короля отпустить его обратно во Францию — умолять Франциска урезонить Папу. Никогда я не видела дядю в таком ужасе. Один Георг оставался спокоен и перенес все свое внимание на Анну.

Как будто он решил, бессмертная душа короля, будущее Англии — слишком высокие материи. А вот охранять ребенка во чреве сестры — дело полезное.

— Это единственная гарантия, — заявил мне брат. — Родится мальчик — мы в безопасности.

Каждое утро он являлся к Анне, садился рядом с ней на кушетку в амбразуре окна. Если в комнату входил Генрих, Георг сбегал, но как только король уходил, Анна откидывалась на подушки и звала брата. Она никогда не показывала Генриху, какое напряжение испытывает. С ним она была, как всегда, обворожительной. Сразу же показывала характер, если он осмеливался спорить, и ничем не выдавала свой страх. Никто не знал, как она боится, кроме нас с братом. С королем она оставалась свежей, очаровательной, кокетливой. Даже на восьмом месяце она могла так стрельнуть глазами, что у мужчины дух захватывало. Мне приходилось присутствовать при ее разговорах с королем, и я видела — каждый жест, каждое слово посвящено тому, чтобы доставить ему удовольствие.

Ничего удивительного — как только король покидал комнату и отправлялся на охоту, она откидывалась на подушки, требовала снять ей чепец, обтереть лоб.

— До чего же жарко!

Конечно, Генрих отправлялся на охоту не в одиночестве. Анна могла быть сколь угодно обворожительной, но беременность не позволяла ей спать с королем. Генрих открыто ухаживал за леди Маргаритой Стейн, и Анна скоро об этом узнала.

Когда он пришел навестить Анну, его ждал суровый прием.

— Удивляюсь, как вы смеете мне на глаза показываться, — вот что услышал король, как только уселся рядом с ней. Генрих обвел глазами комнату, придворные отступили на шаг и притворились глухими, дамы отвернулись, чтобы дать королевской чете иллюзию уединения.

— Мадам?

— Слышала, вы подцепили какую-то потаскушку?

Генрих оглянулся, заметил леди Маргариту. Взгляд в сторону Уильяма Брертон — и опытный придворный предложил леди Маргарите руку, увлек ее на прогулку по берегу реки. Лицо Анны насмерть перепугало бы менее храброго человека.

— Что вы сказали, мадам? — осведомился Генрих.

— Я этого не потерплю, — заявила Анна. — Она должна покинуть двор.

Генрих встал, покачал головой.

— Вы, кажется, забыли, с кем разговариваете, — произнес он. — Дурной нрав не соответствует вашему положению. Разрешите пожелать вам хорошего отдыха, мадам.

— Это вы забыли, с кем разговариваете! Я, ваша жена и королева, не желаю терпеть пренебрежение и обиду при моем собственном дворе. Эта женщина уедет!

— Никто не смеет мне указывать!

— Никто не смеет меня оскорблять!

— Кто вас оскорбил? Леди всегда относилась к вам с величайшим вниманием и учтивостью, а я остаюсь вашим преданнейшим супругом. Какая муха вас укусила?

— Я не потерплю ее при дворе! Не позволю так со мной обращаться!

— Мадам, — король был страшен, — женщина, куда более достойная, чем вы, терпела гораздо больше и никогда не жаловалась. И это вам отлично известно.

Она была так сердита, что сначала даже не поняла, о ком это он. А когда поняла, вскочила на ноги и закричала на него:

— Как вы смеете даже упоминать о ней! Сравниваете меня с женщиной, которая никогда не была вашей женой!

— Зато была принцессой крови, — заорал он в ответ, — и никогда, никогда не упрекала меня. Уж она-то знала, главный долг женщины — угождать мужу.

Анна шлепнула ладонью по выступающему животу.

— А она родила вам сына?

Повисло молчание.

— Нет, — уныло ответил наконец Генрих.

— Принцесса там или нет, толку от нее оказалось мало. К тому же она вам не жена.

Он кивнул. Генрих, как и все мы, с трудом вспоминал этот достаточно спорный факт.

— Вам нельзя расстраиваться, — сказал он.

— Так не расстраивайте меня, — нашлась Анна.

Неохотно я подошла поближе.

— Анна, тебе лучше сесть, — сказала я с полнейшим спокойствием в голосе.

Генрих с облегчением повернулся ко мне:

— Да, леди Кэри, уймите ее. Мне пора.

Он поклонился Анне и быстро вышел. Половину придворных вынесло за ним, половина, застигнутая врасплох, осталась. Анна поглядела на меня:

— Зачем тебе понадобилось вмешиваться?

— Нельзя так рисковать, подумай о ребенке.

— А, ребенок! Почему все думают только о ребенке?

Георг придвинулся ближе и взял Анну за руку.

— Как же иначе? Все наше будущее зависит от него. И твое, кстати, тоже. Успокойся наконец, Мария совершенно права.

— Мы должны были еще договорить, — обиженно возразила Анна. — Нельзя его отпускать, пока он не дал обещания избавиться от нее. Зря ты нас прервала.

— Что толку говорить, — заметил Георг. — Все равно сможешь довести дело до постели только после родов и очистительной молитвы. Надо подождать. Знаешь ведь, он все равно кого-нибудь подцепит, пока ждет тебя.

— А если она сможет его удержать? — простонала Анна, отводя от меня глаза: ведь прекрасно знала, что увела у меня Генриха, как раз когда я ждала ребенка.

— Не сможет. Ты его жена. Он же не разведется с тобой? Он только что избавился от другой. А если ты родишь сына, то и незачем будет. Твоя козырная карта у тебя в животике, сестричка. Держи ее крепко и разыграй как надо.

Она откинулась на спинку кресла.

— Пошли за музыкантами. Хочу посмотреть на танцы.

Георг щелкнул пальцами, подскочил паж.

Анна повернулась ко мне:

— Передай леди Маргарите Стейн, пусть не попадается мне на глаза.

Этим летом двор с увлечением проводил время на реке. Раньше мы никогда не оставались так близко от Темзы, а теперь распорядитель развлечений устраивал водные сражения, водные маскарады, водные пиры для Генриха и новой королевы. Однажды вечером, в сумерки, на реке состоялось огненное сражение, Анна наблюдала за ним из шатра на берегу. Победила команда королевы, и на помосте, устроенном прямо над водой, начались танцы. Протанцевав с полудюжиной партнеров, я оглянулась в поисках мужа.

Он наблюдал за мной, ожидая момента, когда мы сможем исчезнуть. Сдержанный кивок, незаметная улыбка — и мы ускользали в тень ради поцелуя, тайного прикосновения, а иногда, если не могли устоять, и ради кое-чего другого. Темнота у реки скрывала нас, а отдаленная музыка заглушала стон удовольствия.

Мы скрывали свою любовь, и именно поэтому я замечала поведение брата. Он тоже мог быть в центре внимания первые несколько танцев, потом шаг назад, еще шаг — вот он уже вне круга света, исчез в темноте сада. И сэръ Франциск Уэстон тоже пропал, знаю, он увел брата то ли в свою комнату, то ли в притоны Сити. Что их ждет — необузданные выходки, игра, скачки при лунном свете или бурные объятия? Георг мог появиться через пять минут, а мог пропасть

на всю ночь. Анна думала, он, как всегда, развлекается, бранила его за возню со служанками, а Георг опять и опять отшучивался. Только я знала — им владеет куда более сильная и опасная страсть.

В августе Анна объявила, что удаляется в родильный покой. Утром после мессы Генрих зашел навестить ее и нашел комнаты в полном беспорядке — мебель носят туда-сюда, придворные дамы в трудах и заботах.

Анна сидит в кресле среди всеобщий неразберихи и раздает приказания. При виде Генриха кивает, но не встает, не делает реверанс. Ему, впрочем, все равно, беременная королева совсем вскружила ему голову, он, как мальчишка, падает перед ней на колени, кладет руку на округлившийся живот, смотрит в глаза.

— Нам понадобится крестильное платье для сына, — начинает Анна без предисловий. — Она забрала?

В королевском словаре „она“ значит только одно — исчезнувшую королеву, королеву, которую нельзя упоминать, но так трудно забыть. Ведь она сидела в этом самом кресле, готовила себе родильный покой в этой самой комнате, нежно, почтительно улыбалась королю.

— Оно ее собственное, из Испании.

— Марию крестили в нем? — допытывается Анна, уже зная ответ.

Генрих морщит лоб, пытается вспомнить.

— Да, длинное белое платье, все в вышивке. Но оно принадлежит Екатерине.

— Платье все еще у нее?

— Мы можем заказать новое, — миролюбиво предлагает король. — Монахини сошьют какое захотите.

Анна вскидывает голову — этот номер не пройдет.

— Мой сын достоин королевского наряда. Он будет креститься в платье, которое носили все принцы до него.

— У нас же нет королевского наряда... — мямлит Генрих.

— Зато у нее есть, — обрывает Анна. — Могу поручиться!

Генрих признает свое поражение. Наклоняется, целует ее руку, сжимающую ручку кресла.

— Не огорчайтесь, — убеждает он. — Срок уже так близко. Клянусь, я пошлю к ней за крестильным платьем. Наш маленький Эдуард Генрих получит все, что вы захотите.

Она кивает, улыбается, треплет его кончиками пальцев по затылку.

Входит повивальная бабка, делает реверанс, объявляет:

— Комната готова!

— Навещайте меня каждый день, — говорит королю Анна. Это больше похоже на приказ, чем на просьбу.

— Дважды в день, — обещает Генрих. — Отдыхайте, моя любимая, время до появления нашего сына пройдет быстро.

Он снова целует ей руку, выходит, а мы направляемся в спальню. Стены там завешаны плотными гобеленами, ни звук, ни свет, ни свежий воздух не проникнут. По камышовым циновкам разбросаны травы — розмарин для аромата, лаванда для утешения. Вынесли всю мебель, кроме огромной кровати, в которой Анне предстоит провести целый месяц, да стола со стулом для повитухи. Несмотря на середину лета, огонь в камине разожжен, так что в комнате можно задохнуться. Горят свечи, хватит света читать или шить, а в ногах кровати стоит наготове колыбель.

На пороге темной, душной спальни Анна отшатывается:

— Не пойду, тут как в тюрьме.

— Всего на месяц, может, даже меньше.

— Я задохнусь!

— Все будет хорошо. Я же выдержала.

— Но я королева.

— Тем более.

Повитуха вырастает у меня за спиной.

— Вашему величеству нравится?

— Тут как в тюрьме.

Анна очень бледна.

— Все так говорят. — Повитуха смеется и вводит ее в комнату. — Вы будете рады отдохнуть.

— Скажи Георгу, пусть зайдет попозже. — Анна оборачивается ко мне. — И пусть приведет кого-нибудь забавного. Я не собираюсь сидеть в одиночестве. Здесь хуже, чем в Тауэре.

— Мы придем пообедать с тобой, — обещаю я. — А сейчас отдыхай.

Анна удалилась от двора, и король вернулся к обычному распорядку дня. Каждое утро с шести до десяти охота, потом обед, днем — визит к Анне, вечером — развлечения.

— С кем он танцует? — допытывается она въедливо как прежде, хотя лежит без сил, вся в поту.

— Ни с кем особенно. С Мадж Шелтон, с Джейн Сеймур. Леди Маргарита Стейн похваляется дюжиной новых нарядов. Но все это не важно, лишь бы ты родила сына.

— А с кем он охотится?

— Только в мужской компании, — лгу я. Сэр Джон Сеймур купил дочери чудесную охотничью лошадку. В синем платье Джейн отлично выглядит в седле.

Анна смотрит подозрительно.

— А ты-то сама не гонишься за ним? — спрашивает она мерзким голосом.

Качаю головой.

— Совершенно не жажду менять свою жизнь, — ответ достаточно честный.

Возьми себя в руки, прекрати думать об Уильяме. Когда представляю себе линию его плеч, как он лежит, обнаженный, в утреннем свете, каждый прочтет мои мысли по лицу. Я слишком принадлежу ему.

— Ты следишь за королем? Ради меня!

— Он ждет рождения сына, как и весь двор. Если будет мальчик, тебе нечего бояться. Ты сама знаешь.

Она кивает, закрывает глаза, откидывается на подушки, ворчит:

— Боже, скорей бы уж это кончилось.

— Аминь, — отзываюсь я.

Без надзора сестры я свободнее провожу время с Уильямом. Мадж Шелтон часто исчезает из нашей общей спальни, мы заключили негласный договор — всегда стучаться и сразу же уходить, если дверь заперта изнутри. Мадж совсем юная особа, но при дворе она быстро взрослеет. Она понимает, шансы на удачное замужество зависят от хрупкого равновесия — одновременно внушить мужчине страсть и не бросить тень на свою репутацию. А с тех пор, как я была молоденькой девушкой, двор изменился только к худшему.

Уловки Георга работают не хуже. Он, сэр Франциск, Уильям Брертон, Генрих Норрис без королевы остались не у дел. Утром охотятся с королем, днем их иногда зовут на совет, но большую часть времени они бездельничают. Волочатся за придворными дамами,

удирают по реке в Сити, без объяснений исчезают на целую ночь. Я поймала брата как-то ранним утром. Любовалась восходом солнца над рекой и вдруг вижу — гребная лодка причалила к дворцовой пристани, Георг расплачивается с лодочником и не спеша идет по садовой дорожке.

— Георг! — позвала я, поднимаясь со скамейки между розовых кустов.

Он вздрогнул.

— Это ты, Мария? — Его первая мысль — об Анне. — С ней ничего не случилось?

— Все в порядке. Где ты был?

Он пожал плечами:

— В гостях у друга Генриха Норриса. Танцевали, обедали, играли немного.

— И сэр Франциск там был?

Он кивнул.

— Георг...

— Не кори меня, — прервал он. — Кроме тебя, никто не знает. Мы все держим в секрете.

— Если дойдет до короля, тебя сошлют, — сказала я напрямик.

— Он ничего не узнает. Сплетни распускал один конюх, теперь он уволен, и слухам конец.

Я взяла его за руку, заглянула в темные болейновские глаза:

— Георг, я боюсь за тебя.

Рассмеялся. Ломкий, деланный смешок.

— Не надо. Совершенно нечего бояться. Нечего бояться, некуда податься, нечего желать.

Анне так и не досталось королевское крестильное платье. Королева получила письмо от короля, предписывающее ей отдельное жительство. К ней обращались как к вдовствующей принцессе, и она с такой силой перечеркнула титул, что порвала пергамент. Ей угрожали — она никогда больше не увидит свою дочь, принцессу Марию, отправится в заброшенный замок Бакден в Линкольншире, покуда не отречется от своего прошлого, пока не признает, что никогда не была законной женой короля. В этом безвыходном положении вопрос о крестильном платье — сущая безделица. Королева отказалась отдать

его, ссылаясь на то, что это — ее собственность, привезенная из Испании, король больше не настаивал.

Я думала — как ей живется в холодном доме на краю болот, в разлуке с дочерью. Ведь и у меня честолюбие той же самой женщины отняло сына. Думала о ее непоколебимой решимости поступать праведно перед лицом Господа. Я скучала по ней. Она заменила мне мать, когда я впервые появилась при дворе, а я предала ее, как дочь, любя, все-таки предает мать.

Осень 1533

На рассвете у Анны начались схватки, повитуха вызвала меня в родильный покой. В приемной пришлось пробиваться через толпу придворных, законников, секретарей, судейских. Ближе всего к дверям расположились придворные дамы — помочь королеве в разрешении от беременности, а на самом деле — пугать друг друга кошмарными историями о тяжелых родах. Среди них — принцесса Мария, бледное, решительное личико, как всегда, нахмурено. Я подумала — жестоко со стороны Анны заставлять дочь Екатерины присутствовать при рождении ребенка, который лишит ее наследства. Улыбнулась ей, проходя мимо, Мария присела в странном, неуверенном реверансе — своим коронным реверансе. Она никому не доверяет и больше никогда доверять не будет.

В комнате — форменный ад. К спинке кровати привязана веревка, и Анна цепляется за нее, как утопающая. Простыни в крови, в очаге кипит укрепляющее варево, а повитухи знай подкидывают дрова. Анна вся в поту, рубашка сбилась выше пояса. Пока две придворные дамы в страхе бубнят молитвы, Анна испускает дикий крик ужаса и боли при каждой новой схватке.

— Ей надо успокоиться, — говорит мне одна из повивальных бабок. — Она себе только хуже делает.

Делаю шаг к кровати.

— Анна, перестань. Это может продолжаться часами.

— Это ты? — Она откидывает волосы со лба. — Явилась наконец?

— Я пришла, как только меня позвали. Что для тебя сделать?

— Можешь за меня родить? — Она остроумна, как всегда.

— Только не я!

Анна вцепляется мне в руку, шепчет:

— Господи, помоги мне! Я так боюсь!

— Бог поможет, ведь ты носишь христианского принца, разве нет? Дашь жизнь мальчику, который станет главой английской церкви.

— Не бросай меня, меня сейчас стошнит от страха.

— И на здоровье, — с готовностью подхватываю я. — Тебя ждут вещи и похуже, пока не станет лучше.

Схватки продолжают целый день, становятся чаще, нам уже ясно — ребенок идет. Она перестает биться, отключается, почти засыпает, ее измученное тело трудится за нее. Я поддерживаю сестру, повитуха готовит пеленку для младенца и вдруг вскрикивает от радости — показалась головка, еще одно усилие — и ребенок рождается на свет.

— Хвала Господу! — восклицает повитуха.

Она наклоняется к ребенку, отсасывает ртом жидкость, раздается слабый крик. Мы обе, Анна и я, тянемся посмотреть.

— Принц? — Анна задыхается, голос охрип от крика. — Это принц Эдуард Генрих!

— Девочка! — бодро объявляет повитуха.

Анна всем весом сползает мне на руки, я слышу собственный шепот:

— Боже, только не это!

— Девочка, — повторяет повитуха. — Крепкая, здоровая.

Уверенный голос повитухи словно призывает смириться с разочарованием.

На секунду мне кажется — Анна сейчас лишится чувств. Она бледна как смерть. Я укладываю ее на подушки, убираю волосы с потного лба. Девочка!

— Живой ребенок — это уже неплохо, — говорю я, сама борясь с отчаянием.

Повитуха запеленывает ребенка, качает. Мы с Анной одновременно поворачиваем головы, услышав тонкий, пронзительный плач.

— Девочка! — В голосе Анны ужас. — Что нам толку от девчонки?

Георг сказал то же самое, когда узнал. Дядя Говард громко выругался и назвал меня бестолковой клячей, а Анну — глупой шлюхой, когда я сообщила ему новости. Все будущее семьи зависело от этой маленькой случайности — роди Анна мальчика, мы навсегда стали бы самым могущественным кланом в Англии, опорой трона. Но она родила девочку.

Генрих, непредсказуемый, как истинный король, жаловаться не стал. Взял ребенка на колени, похвалил голубые глаза, крепкое тельце. Полюбовался маленькими ручками, кулачками в ямочках, крошечными

совершенными ноготками. Сказал Анне — мальчик будет в следующий раз, а пока он рад, что в доме появилась еще одна принцесса, тем более такая чудесная. Приказал приписать „есса“ в заготовленных письмах, объявляющих о рождении принца, чтобы сообщить королю Франции и императору Испании — у английского короля родилась дочь.

Стиснул зубы, постарался не думать, о чем будут судачить во всех королевских домах Европы. Над Англией будут смеяться — пройти через такие потрясения, чтобы заполучить девчонку? Сегодня вечером я просто восхищалась им — он заключил мою сестру в объятия, поцеловал в волосы, назвал своей любимой. Я его понимала — он слишком горд, чтобы показать, как сильно разочарован. Пусть он тщеславен и капризен, но несмотря на это, а может быть, именно поэтому — он великий король.

Я вернулась в свою спальню после тридцати шести часов без сна, слова гнева и отчаяния, произнесенные отцом, дядей, братом, все еще звенели в ушах. Уильям уже был там, а на столике возле камина стояли тарелка с мясным пирогом и кувшин эля.

— Я подумал, ты не откажешься поесть, — сказал он вместо приветствия.

Я упала к нему в объятия, спрятала лицо у него на груди, даже запах его рубашки уже утешает.

— О, Уильям!

— Неприятности?

— Все так злы, Анна в отчаянии, никто даже не взглянул на ребенка, кроме короля, да и он только пару минут подержал дочь на руках. Все так ужасно! Господи, если бы она только родила мальчика!

Он похлопал меня по спине:

— Тише, милая. Все образуется. Они родят еще ребенка, в следующий раз будет мальчик.

— Еще год, пока Анна забудет о своих страхах, еще год, пока я смогу от нее избавиться.

Он усадил меня за стол, вложил в руку ложку.

— Поешь. Завтра все покажется не таким страшным.

— Где Мадж? — Я опасливо оглянулась на дверь.

— Пьянствует в большой зале. Столько всего наготовлено, чтобы отпраздновать рождение принца, придется все это съесть. Ее еще долго

не будет.

Я кивнула, приступая к предложенному ужину. Когда доела, он потянул меня на кровать, начал целовать ухо, шею, веки, нежно-нежно, чтобы я позабыла и об Анне, и о нежеланной новорожденной девочке. Крепко обнял, я замерла в его объятьях, да так и заснула, одетая, поверх покрывала, разрываясь между сном и желанием, и мне снилось, что мы занимаемся любовью, а он обнимал и ласкал меня всю ночь напролет.

Едва оправившись после родов, Анна принялась организовывать королевский уход за маленькой принцессой Елизаветой. В замке Хэтфилд под руководством нашей тетки леди Анны Шелтон, рассудительной матушки Мадж, собирались устроить королевские ясли. Принцесса Мария, осмелившаяся тайком улыбнуться над крушением надежд Анны из-за рождения девочки, должна была уехать туда же — подальше от отца и от полагающегося ей по праву места при дворе.

— Пусть сопровождает Елизавету, — беспечно заявила Анна. — Будет ее камеристкой.

— Анна, она сама принцесса, — возмутилась я. — Не может она прислуживать твоей дочери, это несправедливо.

Анна сердито посмотрела на меня:

— Дура! Именно так и надо. Люди должны видеть — она едет туда, куда я велю, служит моей дочери, значит, я — настоящая королева, а Екатерина давно позабыта.

— Анна, уймись! Сколько можно плести интриги?

Она горько улыбнулась:

— Думаешь, Кромвель уймется? Или Сеймуры? А испанский посол, его шпионская сеть и эта проклятая женщина — все разом уймутся, скажут себе: „Ладно, она за него вышла, родила ни на что не нужную девчонку, и хотя у нас на руках все козыри, давайте остановимся“. Так, что ли?

— Нет, — ответила нехотя.

Она пристально взглянула на меня:

— Объясни мне лучше, как ты ухитришься выглядеть такой веселой и довольной, хотя, судя по твоим жалким доходам, тебе следует биться за каждый грош и давно остаться ни с чем.

Невозможно сдержать смех — так уныло она смотрит.

— Я справляюсь, — ответила коротко. — Но собираюсь в Гевер повидать детей, если ты меня отпустишь.

— Ладно, поезжай. — Она уже устала от моих просьб. — Но к Рождеству возвращайся в Гринвич.

Я побыстрее направилась к двери, пока она не передумала.

— И скажи Генриху, что пора учиться. Ему надо дать достойное воспитание. В конце года пусть отправляется к учителю.

Я замерла, рука на косяке двери, прошептала:

— Мой мальчик?

— Мой мальчик, — поправила Анна. — Сама понимаешь, нельзя всю жизнь играть.

— Я думала...

— Я уже все устроила. Он будет учиться с сыновьями сэра Франциска Уэстона и Уильяма Брертон. Мне говорили, они получают хорошее образование. Пора уж ему общаться с детьми своего возраста.

— Только не с ними! — вырвалось у меня. — Не с сыновьями этих двух.

Анна подняла бровь.

— Они — мои придворные, — напомнила она. — Их сыновья тоже станут придворными, может быть, в один прекрасный день — при его собственном дворе. Он будет воспитываться с ними, таково мое решение.

Я чуть не заорала, но вовремя одумалась, закусила палец и сумела заговорить мягко и нежно:

— Анна, он еще совсем малыш, он так счастлив в Гевере с сестрой. Если, по-твоему, его пора учить, я останусь и буду учить его сама...

— Ты! — Она расхохоталась. — С тем же успехом можно попросить уток поучить его крякать. Нет, Мария, я так решила, и король со мной согласен.

— Но, Анна...

Она откинулась назад, прищурилась:

— Хочешь побыть с ним до конца года? Может, отослать его к учителю прямо сейчас?

— Нет!

— Тогда иди, сестричка. Решение принято, ты мне надоела.

Уильям молча наблюдает за мной, пока я мечусь взад-вперед по нашей узкой комнатке под крышей.

— Убью ее! — Во мне все бушует.

Он прислонился спиной к двери, проверил, что створки окна закрыты и нас нельзя подслушать.

— Убью! Мой сын, мой драгоценный мальчик будет учиться с детьми этих извращенцев! Готовиться к жизни при дворе! Единым духом отправить принцессу Марию прислуживать Елизавете и отослать моего сына. Да она просто сбесилась. Последний ум потеряла со своим честолюбием. Но мой мальчик, мой мальчик...

Я больше не могла говорить, горло перехватило, колени подогнулись, я уткнулась в покрывало и зарыдала.

Уильям не покинул своего поста у двери, дал мне выплакаться.

Дождался, пока я подняла голову и утерла мокрые щеки ладонями. Только тогда подошел, опустился рядом со мной на пол. Сломленная горем, я, как была на коленках, привалилась к нему. Он нежно обнял меня, покачивая, словно ребенка.

— Мы вернем его, — шепнул в самое ухо. — Побудем с ним в Гевере, все вместе, а потом отошлем к учителю. Но скоро вернем обратно, я обещаю. Мы освободим его, любовь моя.

Зима 1533

Анна заказала королю совершенно невероятный новогодний подарок. Ювелиры провозились, устанавливая его, все утро. Они явились в покои королевы сказать, что все готово, и Анна взяла нас с Георгом посмотреть.

Мы спустились по лестнице в большую залу. Анна впереди, готовая распахнуть двери и увидеть наши лица. Поразительное зрелище — золотой фонтан, инкрустированный рубинами и бриллиантами. В основании — три обнаженные женские фигуры, тоже из золота, из сосков струятся потоки воды.

— Боже мой! — В голосе брата звучит неподдельное благоговение. — И сколько же это стоит?

— Лучше не спрашивай. Великолепно, правда?

— Великолепно! — Я не прибавила: „Но до чего же уродливо“, хотя по ошеломленному виду Георга было ясно — он думает то же самое.

— Думаю, журчание воды действует успокаивающе. Генрих сможет поставить его в приемной, — продолжала Анна. Подошла ближе к фонтану, потрогала. — Отлично сработано.

— Плодородие изливает воду, — заметила я, глядя на блестящие статуи.

— Знамение, напоминание, мечта, — улыбнулась Анна.

— Дай Бог, предсказание, — без обиняков заявил Георг. — Есть уже знаки?

— Пока нет, но скоро непременно будут.

— Аминь, — сказал Георг, и я повторила, словно примерная лютеранка: — Аминь.

Наши молитвы были услышаны. Месячные не пришли в январе, потом в феврале. В апреле появились побеги спаржи, и королева ела их за каждой трапезой, ведь известно, ешь спаржу — родишь сына. Все кругом догадывались, но никто не знал наверняка. А Анна ходила с хитрым видом и наслаждалась — она снова в центре внимания.

Весна 1534

Планы двора на лето опять откладываются. Анна в самой сердцевине вихря сплетен и ничего лучшего не желает, как только сидеть со сложенными на животе руками — пусть поволнуются. Двор просто бурлит от слухов. Каждый придворный норовит ухватить за рукав Георга, матушку или меня — вдруг мы уже знаем, что она беременна и когда ей рожать. Никому не хочется оставаться в летнюю жару поблизости от зараженных болезнью лондонских улиц, но предполагаемые роды королевы и возможность урвать кусок, пока король в одиночестве, удерживают многих.

Наверно, этим летом отправимся в Хэмптон-Корт, отложим поездку во Францию, хотя она явно нужна, чтобы закрепить удачно начавшуюся дружбу с Франциском.

В мае дядюшка созвал семейный совет, но Анне он теперь приказывать не может — слишком высоко она взлетела. Однако в ней разыграло любопытство, и сестра пришла. Рассчитала свое появление до секунды — мы все уже сидим и ждем начала совета. Чуть помедлила в дверях, как всегда, полна самообладания. Дядюшке пришлось подняться с кресла во главе стола, чтобы подвинуть ей стул, но только его место оказалось свободным, она решительно, величественной поступью прошествовала к креслу и, даже не сказав спасибо, уселась. Я сдавленно хихикнула, Анна мне улыбнулась. Ничто не сравнится с этим удовольствием — выказывать свою власть, ту самую, что досталась ей такой дорогой ценой.

— Я попросил членов семьи собраться, чтобы выяснить, каковы ваши планы, ваше величество, — учтиво начал дядюшка. — Было бы полезно знать наверняка, в положении ли вы и какие у вас сроки.

Анна подняла темные брови, словно в ответ на услышанную грубость:

— Вы меня об этом спрашиваете?

— Я собирался задать вопрос вашей сестре или матери, но уж если вы тут, лучше спросить вас саму. — Ясно — ему Анна благоговейного трепета не внушает. Он куда более грозным монархам служил — отцу Генриха, не говоря уже о самом Генрихе. Всегда во всеоружии, даже Анне в ее королевском величии дядюшку не запугать.

— В сентябре, — последовал краткий ответ.

— Если опять родится девочка, он будет не на шутку разочарован, — заметил дядюшка. — Он уже и так немало постарался — объявил наследницей Елизавету, а не Марию. Тауэр полон теми, кто отказался присягнуть на верность Елизавете. Скоро к ним присоединятся Томас Мор и Фишер. Если будет мальчик, никто не осмелится возражать.

— Будет мальчик, — уверенно кивнула Анна.

Дядюшка улыбнулся:

— Остается на это надеяться. В последние месяцы вашей беременности королю понадобится женщина. — Он не прервался, хотя Анна нахмурилась, словно желая возразить. — Как всегда. Лучше вам успокоиться и не донимать его бранью.

— Я этого не потерплю, — прозвучал решительный ответ.

— Придется. — Он тоже не желал отступать.

— Он ни на кого не смотрел, пока за мной ухаживал — все эти годы. Ни на кого!

Георг вопросительно взглянул на меня. Я ничего не сказала. Очевидно, я не в счет.

Дядюшка резко хохотнул, я видела, отец еле сдерживает улыбку.

— Ухаживание — дело другое, — объяснил дядюшка. — Ничего, я уже подобрал подходящую особу, из нашего семейства, из Говардов.

Я почувствовала, как покрываюсь потом. Наверно, страшно побледнела. Георг уголком рта прошипел:

— Сиди тихо.

— Кого? — Вопрос Анны рубанул воздух.

— Мадж Шелтон.

— А, Мадж! — Я облегченно вздохнула, сердце перестало колотиться, щеки снова порозовели. — Эту девчонку.

— Она его развлечет, но и место свое будет знать, — рассудительно произнес отец, словно ничего не происходит, — и что такого, просто очередную племянницу обрекают на греховное прелюбодеяние.

— А ваше влияние останется прежним, — прошипела Анна.

Дядюшка приятно улыбнулся:

— Что правда, то правда. А кого бы ты предложила? Сеймуровскую девку? Если этого не избежать, лучше уж, чтобы она

слушалась нас, а не кого-то еще.

— Зависит от того, что вы ей собираетесь приказывать.

— Развлекать короля, пока ты ждешь родов, — учтиво сказал дядюшка. — И не более того.

— Не потерплю признанной королевской любовницы. Нечего ей делать в парадных покоях, никаких богатых украшений и новых платьев. Пусть не вздумает передо мной выставяться.

— Конечно, конечно, все вы, женщины, знаете, как нелегко быть добрыми женами, — кивнул дядюшка.

Анна вскинула на него блестящие черные глаза. Он улыбнулся.

— Она будет развлекать короля, пока ты лежишь в постели, а когда вернешься, исчезнет, — пообещал он. — Устроим ей хорошее замужество, и Генрих о ней даже и не вспомнит: далось без труда, быстро и позабудется.

Анна забарабанила пальцами по столу. Было ясно — она борется с собой.

— Хотелось бы мне вам доверять, дядюшка.

— И мне бы хотелось того же. — Его немножко забавляло ее упрямство. Он повернулся ко мне, я почувствовала знакомый страх — дядюшка обратил на меня внимание. — Мадж Шелтон с тобой в комнате спит?

— Да, дядюшка.

— Объясни ей, что мы решили, расскажи, как вести себя. — Он повернулся к Георгу. — А твое дело — чтобы король всегда был подле Мадж.

— Да, сэр, — немедленно отозвался брат, будто быть зрителем королевского гарема — мечта его жизни.

— Отлично. — Дядюшка встал, сигнал всем нам — семейный совет окончен. — Да, еще кое-что.

Мы все послушно ждали, что он скажет, только Анна отвернулась и глядела в окно — там на солнцепеке в парке придворные играли в шары, король, как всегда, окружен всеобщим вниманием.

— Мария, — произнес дядюшка.

Я вздрогнула, услышав свое имя.

— Сдается мне, пора снова выдать ее замуж.

— Хотелось бы устроить помолвку еще до родов сестры, — отозвался отец. — В этом случае не будет осечки даже в случае

неудачных дел у Анны.

Они даже не смотрели на Анну, понятно: если она беременна девочкой, тогда нам нечего выставить на брачный рынок. И на меня не глядели, обсуждали куплю-продажу коровы на рынке, да и только. Разговаривали друг с другом, два купца, затеявших выгодное дельце.

— Хорошо, — согласился дядюшка, — я поговорю с секретарем Кромвелем, пора ей уже снова замуж.

Я ушла от Анны и Георга, бросилась к королевским покоем. В приемной зале Уильяма не было, и я не рискнула искать его в маленькой комнате, где он спал. Мне попался на глаза юноша с лютней, музыкант сэра Франциска Уэстона. Как его зовут, кажется, Марк Смитон?

— Не видели сэра Уильяма Стаффорда?

— Видел, леди Кэри, — вежливо поклонился он. — Он все еще играет в шары.

Я кивнула и вышла в парадную залу. Оглянулась, он меня не видит, юркнула в боковую дверцу, а оттуда на широкую террасу, вниз по ступеням в сад. Уильям подбирал мячи, партия только что кончилась. Он повернулся, заметил меня, улыбнулся. Остальные игроки замахали мне, приглашая в игру.

— Хорошо, — кивнула я. — А какая ставка?

— По шиллингу за кон, — сказал Уильям. — Вы попали к отчаянным игрокам, леди Кэри.

Я открыла кошелечек, нащупала там шиллинг. Взяла мяч, толкнула, он покатился по траве. Даже близко не попал. Шагнула в сторону, уступая место следующему игроку. Уильям очутился прямо рядом со мной.

— Что случилось? — спросил он тихо.

— Ничего особенного, просто мне надо с тобой побыть наедине, и чем скорее, тем лучше.

— Я бы тоже не отказался. — В голосе смешок. — Не знал только, что ты такая бесстыжая.

— Да я не о том, — возмущенно отмахнулась я, огляделась — вдруг кто заметил, как я покраснела. До чего же хочется его коснуться. Так трудно стоять рядом и не протянуть руки. Я шагнула в сторону, будто хотела получше увидеть, куда катится мяч.

Партия еще не кончилась, а я уже проиграла. Уильям постарался побыстрее выйти из игры. Наши шиллинги остались на кону — их получит победитель, а мы сделали вид, что прогуливаемся, воздухом дышим на тропинке вдоль реки. Окна дворца выходят в эту сторону, поэтому я не осмеливаюсь взять его под руку. Идем рядом, вежливые незнакомцы. Только когда добрались до пристани, он взял меня под локоток, вроде бы хотел поддержать, да так и не отпустил мою руку. От этого незамысловатого прикосновения меня всю теплом пронизало.

— Что случилось?

— Дядя. Решил выдать меня замуж.

Его лицо сразу потемнело.

— Так скоро? Уже подобрали мужа?

— Нет, пока только обсуждают возможности.

— Нам надо подготовиться, они скоро кого-нибудь найдут. Тогда мы во всем признаемся и постараемся внаглую выкрутиться.

— Да. — Я замолчала на минуту, взглянула на Уильяма, потом обратно на реку. — Он меня пугает. Когда он сказал, пора выдать меня замуж, мне вдруг показалось, я сделаю то, что мне велят. Понимаешь, ему все повинуются. Даже Анна.

— Не гляди на меня так, любовь моя, а то я тебя поцелую на глазах у всего двора. Клянусь тебе, ты принадлежишь мне. Никому не позволю тебя отнять. Ты моя, а я твой. И все тут.

— Они отняли Генриха Перси у Анны. А они были женаты — не меньше, чем мы.

— Он был тогда сопливым мальчишкой. Никому не позволю встать между мной и тобой. — Он помолчал. — Но цена будет дорогая. Заступится за тебя Анна? Если она на нашей стороне, все получится.

— Ее такие новости не обрадуют. — Кому, как не мне, знать, какая эгоистка моя дорогая сестрица. — Но и вреда ей от этого нет никакого.

— Тогда давай ждать до последнего, а затем признаваться. А пока пора пустить в дело весь наш шарм.

Я рассмеялась, теперь ему понадобились мои придворные умения — я уж знаю, как пустить в дело шарм.

— Короля очаровывать?

— Нет, друг друга. Мне ни до кого в целом свете дела нет — кроме одной особы.

— Меня, — с тихой радостью угадала я. — А мне ни до кого дела нет — кроме тебя.

Мы провели ночь вместе в комнатке в маленькой гостинице. Стоило мне проснуться и повернуться к нему, он уже был рядом со мной. Мы засыпали друг у друга в объятьях, словно даже во сне не в силах расстаться ни на мгновение. Я проснулась утром, почувствовала всю тяжесть его тела. Он был во мне, и стоило мне шевельнуться, как в нем снова вспыхнуло желание. Я закрыла глаза и в полудреме позволила ему вновь наслаждаться моим телом, покуда сквозь занавески не пробилось утреннее солнце, не послышались шум и крики гостиничного двора, ясное предупреждение — пора возвращаться во дворец.

Он привез меня обратно на крошечном ялике, высадил на пристани, а сам поплыл дальше по течению, чтобы пристать там и возвратиться на полчаса позже. Я надеялась проскользнуть незамеченной в боковую дверь, добраться до спальни и даже попасть вовремя на утреннюю мессу. Но прямо у моей двери меня поджидал неизвестно откуда вынырнувший Георг.

— Благодарение Богу, ты вернулась, еще час, другой, и всем было бы известно.

— Что такое? — быстро переспросила я.

— Анна не может подняться с постели. — Лицо мрачнее тучи.

— Я иду к ней! — Я помчалась по коридору, стукнула в дверь комнаты Анны, всунула голову внутрь. Она совершенно одна, в огромной роскошной спальне, лежит в постели, бледная, изнуренная.

— А, ты, — противным голосом сказала сестра. — Ну, входи, чего уж там.

Я шагнула в комнату, брат за мной, плотно закрыл дверь.

— В чем дело?

— Кровотечение. И боль дикая, как при родах. Наверно, потеряю ребенка.

В ее словах такой ужас, мне просто не выдержать. Я знала, как выгляжу, волосы растрепаны, запах Уильяма все еще на коже — невыносимая разница, ночь, полная любви, и этот надвигающийся кошмар. Я повернулась к Георгу:

— Приведи повитуху.

— Нет! — змеей прошипела Анна. — Не понимаешь, что ли? Если мы их сюда пустим, весь свет тут же узнает. Пока никто не знает, беременна я или нет, вокруг одни слухи. Я не могу рисковать — нельзя, чтобы знали, что я потеряла ребенка.

— Чепуха, — решительно заявила я Георгу. — Мы же о ребенке говорим. И что — ему умирать из-за страха скандала? Перенесем ее в заднюю комнату, для слуг. Закроем ей лицо, задернем занавески. Я позову знахарку, скажу, что это для простой служанки.

Георг застыл на месте.

— Коли девочка, не стоит и трудов. Лучше ей умереть, если опять девчонка.

— Бога ради, Георг, это же младенец! Душа живая! Твоя родня, твоя плоть и кровь. Конечно, надо постараться ее спасти.

Его лицо окаменело, он больше не мой возлюбленный братец, он теперь как эти железные маски в суде, ни одна черточка не дрогнет, подпишут смертный приговор любому, лишь бы самих себя обезопасить.

— Георг! Даже если это еще одна девчонка из рода Болейн, у нее тоже есть право жить — как у Анны и у меня.

— Хорошо. — Тон еще неуверенный. — Я перенесу Анну, а ты пошли за повивальной бабкой. И постарайся, чтобы никто не догадался. Кого ты пошлешь?

— Уильяма.

— О Боже, Уильяма! — раздраженно бросил брат. — Что ему о нас известно? Он знает повивальную бабку? Найдет он ее?

— Я пошлю его туда, где бани. Там всегда есть повитухи. Он не проболтается — ради меня.

Георг кивнул, пошел к постели. Я услышала, как он говорит с Анной, объясняет ей шепотом, нежно, ласково, она что-то бормочет в ответ. Но я уже выскочила из комнаты и помчалась в сад, надеясь перехватить Уильяма.

Я поймала его на пороге, отправила на поиски повивальной бабки. Он вернулся через час с довольно молодой и на удивление чистоплотной женщиной с узелком склянок и трав.

Я провела ее в каморку, где обычно спал паж Георга. Она оглядела затемненную комнатку и в испуге отпрянула. В этот ужасный момент

Георг и Анна, роясь в ящике с маскарадными костюмами, чтобы закрыть ее, всем известное, лицо, не нашли ничего лучшего, чем золотая птичья маска, в которой сестра танцевала во Франции. Анна, задыхаясь от боли, лежит на спине на узенькой кровати, раздутый живот торчит под простыней. Горят лишь несколько свечей, отбрасывая тени на посверкивающую золотую, с огромным загнутым клювом и пышными бровями маску ястреба. Словно жуткая аллегорическая сцена на картине с нравоучительным сюжетом — сверху лицо, символ жадности и тщеславия, темные глаза сверкают сквозь глазницы гордого золотого овала, снизу слабые, корчащиеся от боли ноги, а между ними — кровавое месиво.

Повитуха осматривала ее, стараясь почти не дотрагиваться. Выпрямилась, задала несколько вопросов про боли, когда начались, насколько сильные, сколько длятся. Потом сказала, что даст питье, пусть она поспит, может быть, удастся сохранить ребенка. Если тело отдохнет, отдохнет и младенец. Но в голосе надежды мало. Безучастное золотое лицо повернулось в сторону Георга, но сама Анна не проронила ни слова.

Повитуха сварила питье на разожженном в камине огне, Анна выпила полную кружку. Георг поддерживал ее за плечи, пока она пила. Повитуха прикрыла ее тело простыней, и казалось, ужасная маска торжествует победу. Женщина пошла к двери, Георг осторожно уложил Анну, вышел за знахаркой, сказал с истинной страстью в голосе:

— Мы ее не можем потерять, мы этого не вынесем.

— Тогда молитесь, — прозвучал короткий ответ. — Все в руках Божьих.

Георг пробормотал что-то нечленораздельное и вернулся в комнату. Я вывела женщину из покоев, а Уильям отправился провожать ее до дворцовых ворот. Я тоже вошла в спальню, мы с братом сидели у постели Анны, пока та спала и стонала во сне.

Пришлось отнести ее обратно в парадную спальню и сказать всем, что она неважно себя чувствует. Георг играл в карты с придворными, будто ему все нипочем, дамы флиртовали, забавлялись картами, бросали кости — все как обычно. Я сидела рядом с Анной, послала кого-то к королю сказать от ее имени, что ей нездоровиться и она до ужина не выйдет. Матушка, встревоженная напускной безмятежностью сына и моим отсутствием, вошла в спальню. Бросила

один взгляд на лежащую в забытьи Анну и кровь на простынях, побледнела.

— Мы стараемся сделать все, что можно, — прошептала я.

— Кому-нибудь уже известно?

— Никому, даже король не знает.

— Хорошо, — кивнула она.

Проходил час за часом, Анна покрылась холодным потом. Я стала сомневаться в зелье, сваренном знахаркой. Положила ладонь сестре на лоб, теперь ужасно горячий. Взглянула на матушку:

— Она огнем горит.

Та только плечами пожала.

Повернулась обратно к Анне, голова сестры съехала с подушки. Вдруг без всякого предупреждения она поднялась в постели, изогнулась, страшно застонала. Матушка откинула покрывало, мы увидели — внезапно хлынула кровь, а с ней какая-то темная масса. Анна откинулась на подушки, закричала, душу рвущий жалобный стон, веки дрогнули, она застыла.

Я снова коснулась ее лба, приложила ухо к груди. Сердце бьется ровно и сильно, но глаза закрыты. Мать, с каменным лицом, собрала в кучу окровавленные простыни, свернула вместе. Посмотрела на еле горящий камин.

— Разожги огонь, — бросила мне.

— Она и так вся горит, — возразила я.

— Не важно. Нужно тут убрать, пока никто ничего не прознал.

Я ткнула кочергой в камин, поворошила еще горячие угли. Матушка присела перед камином, принялась рвать грязные простыни, кидать их в пламя. Они сворачивались от жара, с шипением загорались. Она терпеливо жгла простыню за простыней, пока наконец не добралась до того, что внутри, ужасного, кровавого месива, погибшего ребеночка Анны.

— Подкинь дров, — скомандовала она.

— Нужно его похоронить, — в ужасе застыла я.

— Подкинь дров, — прикрикнула матушка. — Нам долго не выжить, если кто узнает, что она не доносила ребенка.

Я взглянула ей прямо в лицо — нет, ее решимости не побороть. Подкинула в огонь ароматных сосновых шишек, а когда они разгорелись поярче, мы положили маленький преступный сверточек

прямо в середину, а сами присели рядом на корточки, как две старые ведьмы, глядя на улетающие в трубу словно ужасное заклятье остатки того, что было в утробе Анны.

Простыни сожжены, кровавое месиво с шипением испарилось. Матушка подбросила в огонь свежих шишек, добавила ароматических трав — очистить воздух от зловония. Только после этого повернулась к дочери.

Анна уже пришла в себя, приподнялась, опираясь на локоть, следила за нами безжизненным взглядом.

— Анна, — позвала матушка.

Повернуть голову сестре стоило огромного усилия.

— Дитя мертво, — безо всяких обиняков объявила мать. — Его больше нет. А тебе следует отдохнуть и хорошенько выспаться. Я думаю, через денек ты поправишься. Ты меня слышишь? Если кто будет спрашивать про беременность, скажи, что ошиблась в расчетах, не было никакого ребеночка. Не было ребеночка, и все тут. Но скоро, конечно, будет.

Анна смотрела на мать безо всякого выражения. Мне вдруг показалось, что зелье, боли и эта ужасающая жара лишили ее рассудка, теперь она навеки такая — глядит не видя, слушает не слыша.

— И королю тоже, — продолжала матушка, в голосе лед. — Скажи ему, ошиблась в расчетах и вовсе не была в положении. Это невинная ошибка, а вот выкидыш — доказательство страшного греха.

Лицо Анны даже не дрогнуло, она ничего не возразила, не сказала, что ни в чем не виновна. Я подумала, вдруг она оглохла, позвала ласково:

— Анна.

Она повернулась ко мне, увидела мои испуганные глаза, перемазанные щеки. Тут и в ее лице появилась какая-то жизнь, она вдруг поняла — случилось что-то ужасное. Спросила меня грубо:

— А ты-то чего так расстраиваешься? Не у тебя беда.

— Я скажу дядюшке. — Матушка помедлила у порога, посмотрела на меня. — Чем она занималась, когда это началось? — Голос такой ровный, будто спрашивает, когда разбилась чашка или тарелка. — Что она такого сделала, чтобы ребенка потерять? Скажи мне.

Я подумала о том, как сестра соблазняла короля, разбив сердце его верной жены, о тех троих, что были отравлены, об уничтоженном кардинале Уолси.

— Ничего особенного.

Матушка кивнула. Вышла из комнаты, даже не коснувшись дочери, слова ей на прощание не сказав. Анна взглянула на меня лишенным жизни взором, будто на ней опять золотая птичья маска. Я встала на колени в изголовье кровати, протянула к ней руки. Глаза по-прежнему неживые, но тяжелая, горячая голова медленно повернулась ко мне, опустилась на мое плечо.

Всю ночь и весь следующий день ей было ужасно плохо. Король к ней не заходил, мы ему сказали — у нее простуда. Другое дело дядюшка. Вошел, остановился на пороге, словно перед ним всего лишь одна из сестер Болейн. Взор мечет молнии, можно подумать, она в чем-то провинилась.

— Твоя мать мне все сказала. Как ты допустила?

— Откуда я знаю? — Анна повернула голову.

— Ты не вопрошала ворожей о дне зачатья? Никаких вредных зелий или настоев из трав, заклинаний духов, колдовских чар?

— Я до такого не касаюсь. — Анна покачала головой. — Хоть кого спросите. Спросите моего духовника, спросите Томаса Кранмера. Я не меньше вас забочусь о своей душе.

— Я больше забочусь о своей шее, — угрюмо бросил он. — Клянешься? Может, и мне в какой день придется за тебя поклясться.

— Клянусь, — прозвучал безжизненный ответ.

— Тогда вставай поскорее, постарайся зачать другого, и пусть это будет сын.

Она взглянула на него с такой ненавистью, что дядюшка даже отшатнулся.

— Благодарю за совет. Сдается мне, я и раньше его слышала. Зачни поскорей, доноси полный срок и роди мальчика. Благодарю вас, дядюшка. Да, мне это известно.

Она отвернулась, уставилась на богато расшитый полог кровати. Он постоял еще минуту, глянул на меня, усмехнулся одной из своих кривоватых улыбочек и вышел. Я закрыла дверь, и мы с Анной остались вдвоем.

Ее глаза полны слез. Еле слышный шепот:

— А что, если у короля не может быть законного сына? С ней ведь не получилось. А если и у меня не выйдет, виновата буду я одна. Что тогда со мной будет?

Лето 1534

В начале июля пришла утренняя дурнота, до груди не дотронуться. В жаркий полдень в затененной комнате Уильям поцеловал меня в живот, провел по нему ладонью, сказал тихонько:

— Ну и что ты думаешь, любовь моя?

— О чем?

— Об этом маленьком кругленьком животике.

Я отвернулась, скрывая довольную улыбку.

— Я и не заметила.

— Ну а я заметил. Теперь скажи мне, сколько времени уже знаешь.

— Два месяца, — призналась я. — Мечусь между радостью и тревогой, как бы не пришла нам от него погибель.

Он обнял меня одной рукой.

— Ни за что. Наш первенец, Стаффорд. Наша радость, и ничего больше. Я так счастлив, любовь моя, до чего же ты хорошо постаралась. Будет мальчишка — пусть пасет коров. Будет девчонка — пусть их доит.

— Хочешь мальчика? — с любопытством спросила я. Болейны ни о чем, кроме мальчишек, не думают.

— Если там мальчик, хочу. — Похоже, ему и вправду все равно. — Кто бы ни был — все хорошо, любовь моя.

Меня отпустили, разрешили провести июль и август с детьми в Гевере, пока король и Анна путешествуют. Самое лучшее лето в моей жизни, мы с Уильямом не расставались с детьми, к моей несказанной радости, младенец в животе рос не по дням, а по часам. А когда пришла пора возвращаться, стало ясно — живот уже такой большой, что надо признаваться Анне, пусть заслонит меня от гнева дядюшки, я же заслонила ее после выкидыша от гнева короля.

Мне повезло, я вернулась в Гринвич в тот день, когда король с большинством придворных уехали на охоту. Анна сидит в саду на земляной скамье, над головой балдахин, вокруг музыканты. Кто-то читает любовную поэму. Я помедлила, вглядываясь в лица. Как же они все постарели, нет больше молоденьких придворных. Такие бывалые кавалеры, не то что во времена королевы Екатерины. Немножко

экстравагантности, капелька шарма, множество любезных словес, и все будто чуть-чуть на взводе, разогреты — но не жарким летним солнышком. Многоопытный королевский двор, немолодой, даже хочется сказать, немного порочный. При таком дворе всякое может случиться.

— А вот и моя сестрица. — Анна приложила руку к глазам, разглядывая меня. — Добро пожаловать, Мария. Успела насладиться деревенскими красотами?

— Да, — стараюсь, чтобы дорожный плащ висел посвободней, — а теперь вернулась, чтобы погреться под ярким солнцем вашего двора.

— Хорошо сказано, — хихикнула Анна. — Я еще сделаю из тебя настоящую придворную даму. Как поживает мой сын Генрих?

Знает, как ударить побольней.

— Шлет вам свою любовь и почтение. Я привезла письмо, которое он вам написал на латыни. Смышленный мальчуган, учитель им очень доволен, и на коне теперь держится весьма уверенно.

— Отлично. — Ясно, меня сегодня особо не помучишь, не стоит времени терять. Она повернулась к Уильяму Брертону. — Если не найдете лучшей рифмы, чем „любовь — кровь“, присужу приз сэру Томасу.

— Бровь? — предложил он.

Анна расхохоталась.

— Возлюбленная королева, одна и вечная любовь, мне навсегда пронзила сердце твоя прекраснейшая бровь?

— Никому не найти хорошей рифмы к любви, — вмешался сэр Томас. — В поэзии, как в жизни, с любовью ничто не рифмуется.

— А как насчет брака? — спросила Анна.

— Брак уж точно не рифмуется с любовью, ничего общего. Начать с того, в нем один слог, а в любви два. Вы только послушайте, это слово „брак“, никакой музыки.

— В моем браке музыка есть, — отозвалась Анна.

Сэр Томас вежливо поклонился:

— Что бы вы ни делали, прекрасная госпожа, музыка есть во всем. Но все равно это слово не рифмуется ни с чем полезным.

— Тогда приз достанется вам, сэр Томас, — объявила Анна. — Не нужно мне льстить, достаточно и вашей поэзии.

— Говорить правду не значит льстить. — Он преклонил перед ней колено.

Анна отстегнула с пояса маленькую золотую цепочку, вручила ему, он поцеловал цепочку, засунул в карман камзола.

— Пора переодеваться, король скоро вернется с охоты и захочет обедать. — Она встала и окинула взглядом придворных дам. — Где Мадж Шелтон?

Молчание выразительней слов.

— Где она?

— Охотится с королем, ваше величество, — наконец пробормотал кто-то.

Анна подняла бровь, глянула на меня. Только я знала, что дядюшка выбрал Мадж на роль королевской любовницы, пока Анна будет рожать, но только на это время. Похоже, что девчонка решила действовать на свой страх и риск.

— А где Георг? — спросила я.

Она кивнула, в этом-то и дело.

— С королем, охотится.

Мы знали, брат всегда на страже интересов сестры.

Она отправилась переодеваться, но удовольствие приятно проведенного утра исчезло при одном упоминании того, что король с другой женщиной. Плечи опущены, на лице злая усмешка. Я иду рядом. Как и надеялась, она жестом отпустила остальных придворных дам — пусть подождут в зале. За ней в опочивальню следую я одна. Как только дверь закрылась, сказала:

— Анна, нам надо поговорить. Мне нужна твоя помощь.

— Что еще? — Она уселась перед золотым зеркалом, стянула с головы чепец. Темные, как всегда, блестящие волосы рассыпались по плечам.

— Расчеши меня, — попросила она.

Я взяла щетку, провела по густым кудрям, надеясь, к ней вернется хорошее настроение.

— Я вышла замуж, — начала безо всяких предисловий. — А теперь беременна.

Она не шевельнулась, мне показалась, не расслышала моих слов, Боже правый, уж лучше бы она их не слышала. Нет, повернулась ко мне, лицо — грозовая туча. Вопрос — как плевков.

— Ты сделала что?

— Вышла замуж.

— Без моего разрешения?

— Да, Анна. Прости меня.

Она взглянула мне прямо в глаза:

— Кто он?

— Сэр Уильям Стаффорд.

— Уильям Стаффорд. Королю прислуживает?

— Да. У него ферма недалеко от Рочфорда.

— Да он пустое место! — теперь раздражение прорвалось и в голосе.

— Король посвятил его в рыцари. Он сэр Уильям.

— Сэр Уильям Пустое Место! — повторила она. — И ты беременна?

Я знала — из-за этого она и бесится.

— Да, — ответила смиренно.

Она вскочила на ноги, сорвала с меня дорожный плащ, взглянула на выступающий живот.

— Шлюха! — Анна замахнулась, а я замерла, готовясь к пощечине. Но такой силы не ожидала, голова откинулась назад, я почти упала на кровать, стоящую прямо за спиной. Анна стояла надо мной в позе бойца. — Сколько времени все это продолжается? Когда твой следующий ублюдок незаконнорожденный появится на свет?

— В марте. Только он законный.

— Думала посмеяться надо мной, вернулась ко двору с животом как у племенной кобылы? А мне что прикажете делать? Объявить всему свету, что *ты* — та Болейн, которая рождает без перерыва, а я — ее бесплодная сестрица?

— Анна...

Она уже не в силах остановиться.

— Хочешь всему свету показать, что у тебя скоро снова будет щенок? Оскорбляешь меня одним своим видом. Всю семью оскорбляешь.

— Я замужем. — Голос немного дрожит, уж больно она злится. — Я вышла замуж по любви, Анна. Перестань, перестань, пожалуйста, Анна. Я его люблю. Я уеду, не буду при дворе, но, пожалуйста, позволь мне видеться...

Она даже не дала мне закончить.

— Не будешь при дворе, — орала сестрица, — а мне какое дело. Уезжай, и чтобы ноги твоей тут не было.

— С детьми, — еле слышно пробормотала я.

— Ну уж нет, попрощайся с ними навсегда. Не позволю, чтобы моего племянника воспитывала такая дрянь. Ни фамильной гордости, ни разума. Идиотка, у которой только похоть на уме. Зачем было выходить замуж за Уильяма Стаффорда? Лучше уж сразу за парня с конюшни. Или мельника с мельницы в Гевере. Если тебе надо, чтобы тебя хорошенько продрали, зачем тебе королевский слуга? Любой солдат лучше справится.

— Анна, — теперь и в моем голосе слышится гнев, щека горит от ее тяжелого удара, — перестань! Я вышла замуж за порядочного человека, я его люблю. Принцесса Мария Тюдор то же самое сделала, когда вышла замуж за герцога Суффолка. Я уже один раз вышла замуж, потому что семья велела. Делала все, что приказывали, когда приглянулась королю. А теперь желаю получить немного удовольствия — для себя. Анна, только ты меня можешь защитить от дядюшки и отца.

— А Георг знает?

— Нет. Говорю тебе, он не знает. Я пришла сразу к тебе. Только ты мне можешь помочь.

— Ни за что, — прошипела сестра. — Вышла замуж за бедняка, говоришь, по любви, так ешь свою любовь, пей свою любовь. Будь сыта своей любовью. Отправляйся на ферму в Рочфорд, сгниешь там заживо, и хорошо. Но если отец, или Георг, или я сама появимся в Рочфорд-Холле, не смей нам на глаза попадаться. И при дворе запрещаю тебе появляться, Мария. Ты сама себя погубила, а уж я доведу дело до конца. Убирайся. Нет у меня больше сестры.

— Анна! — в полном ужасе вскрикнула я.

— Позвать стражу и вышвырнуть тебя за ворота? — Лицо просто пылает гневом. — Я и на это способна.

Я упала на колени, пробормотала:

— Мой сын...

— *Мой* сын, — мстительно перебила она. — Скажу ему — твоя мать умерла. Теперь изволь называть матерью меня. Любовь,

говоришь, так распростишься со всем на свете из-за любви. Надеюсь, будешь счастлива и довольна.

Больше сказать нечего. Я неуклюже встаю с колен, тяжелый живот мешает. Она смотрит на меня, ясно, скорее пнет ногой, чем протянет руку. Моя рука уже на ручке двери, на мгновение медлю, вдруг настроение переменится.

— Мой сын...

— Убирайся. Тебя для меня больше не существует. И не смей идти к королю, а то я ему скажу, какая ты шлюха.

Я вышла из комнаты, пошла к себе в спальню.

Мадж Шелтон переодевается перед зеркалом. Повернулась ко мне, веселая улыбка на молоденьком личике. Увидела мое хмурое лицо, глаза широко раскрылись. Одного взгляда довольно, чтобы понять, какая между нами разница. Возраст, положение, место в семействе Говард. Она — молоденькая девчонка, все на продажу. Я — замужем уже дважды, двое детей в неполных двадцать семь, а теперь еще и семья выгнала. Ничего у меня нет, только муж с маленькой фермой. Был у меня шанс всего в жизни добиться, да я его упустила.

— Ты заболела?

— Хуже, все пропало.

— Какая жалость. — Легкий тон беззаботной, самовлюбленной юности.

— Ничего! — Я слабо рассмеялась, потом сказала серьезно: — Я эту постель сама себе постелила.

Бросила на кровать дорожный плащ. Тут она заметила торчащий живот, в ужасе отпрянула.

— Да, да, я беременна. И замужем, если это ты хочешь узнать.

— А королева? — прошептала она, прекрасно зная, как и все при дворе, — моя сестрица ненавидит беременных женщин.

— Не слишком довольна.

— А кто твой муж?

— Уильям Стаффорд.

Огонек в глазах дал понять, она давно знает, только молчала все это время.

— Я за тебя так рада. Он такой привлекательный и добрый... Мне всегда казалось, он тебе по нраву. Так все эти ночи...

— Да, — перебила я ее.

— А что теперь будет?

— Придется нам справляться самим, без помощи. Поедем в Рочфорд. Там у него маленькая ферма. Нам этого хватит.

— Маленькая ферма? — Мадж ушам своим не верила.

— Да. — Я вдруг почувствовала — мне все нипочем. — Почему бы и нет. Живут же люди не только в дворцах и замках. Под всякую музыку можно танцевать, не только под придворные лютни. Не придется дни и ночи напролет дожидаться короля и королевы. Я всю жизнь провела при дворе, молодость прошла напрасно. Жалко, конечно, придется жить в бедности, но о придворном житье не пожалею ни на минуту.

— А твои дети?

От этого вопроса вся моя наигранная радость улетучилась, как от удара в живот. Ноги подломились, я осела на пол, застыла, будто пытаюсь удержать рвущееся из груди сердце.

— Да, дети, — прошептала я.

— Они останутся у королевы?

— Да. Ей нужен мой сын. — Что тут продолжать, только горечь изливать. Конечно, ей нужен мой, потому что своего нет. Она уже все у меня забрала, она всегда все отнимает, что только можно отнять. Мы — сестры и злейшие соперницы, ничто не может нас остановить — едим глазами чужую тарелку, вдруг там порция побольше. Анна хочет меня наказать за то, что отказалась танцевать в ее тени. Сестра знает — это единственный штраф, который я не в силах заплатить.

— По крайней мере, от нее избавлюсь. И от семейного честолюбия.

— Избавишься, да. Но ради чего? — Мадж смотрит на меня широко открытыми глазами ничего не знающего о жизни несмышленища.

Анна тут же объявила всем, что я уезжаю. Отец с матушкой отказались даже попрощаться со мной. Только Георг пришел на конюшню поглядеть, как привязывают к повозке мои сундуки, как Уильям подсаживает меня в седло и вскакивает на своего коня.

— Пиши мне, — попросил Георг, хмурый, расстроенный. — Сможешь держаться в седле, хватит сил на дорогу?

— Да.

— Я о ней позабочусь, — заверил брата Уильям.

— Нельзя сказать, что ваша забота ей слишком помогает, — оборвал его Георг. — Будущее погублено, пенсии больше нет, при дворе запретили появляться.

Я заметила — рука Уильяма крепче сжала поводья, конь вздрогнул.

— Не моя вина. — Голос у мужа спокойный. — Злоба и честолюбие королевы и семейства Болейн. Всякая другая семья позволила бы Марии выйти замуж по ее выбору.

— Прекратите! — Я не дала времени Георгу ответить.

Брат тяжело вздохнул, склонил голову.

— Да, с ней не лучшим образом обращались, — признался он. Посмотрел на Уильяма, сидевшего высоко над ним на громадном коне, улыбнулся грустной, но полной очарования болейновской улыбкой. — У нас были другие цели. Кому какое дело до ее счастья.

— Я знаю, — кивнул Уильям. — Но мне есть дело до ее счастья.

— Хотел бы я понять ваш секрет истинной любви, — тоскливо продолжал Георг. — Вот скачете неизвестно куда, на край света, а посмотреть на вас — так вам только что графство пожаловали.

Я взяла мужа за руку, крепко сжала его ладонь.

— Я нашла того, кого люблю. Мне в жизни не отыскать того, кто любил бы меня сильнее, не найти человека честнее.

— Тогда езжайте! — Брат снял шляпу, глядя на тронувшуюся вперед повозку. — Езжайте и будьте счастливы. А я постараюсь выхлопотать тебе право вернуться и снова получать пенсию.

— Только детей, мне больше ничего не надо.

— Поговорю с королем, когда смогу. И ты ему напиши. Нет, лучше напиши Кромвелю, а я поговорю с Анной. Это не навеки. Ты вернешься, да? Ты вернешься?

Какой странный голос, не то что он обещает мне возвращение в центр мироздания, нет, он не может жить без меня.

Будто он — не осыпанный милостями короля придворный, а маленький мальчик, которого бросили одного в этом страшном месте.

— Береги себя. — Меня вдруг прохватил тревожный озноб. — Избегай дурной компании и присматривай за Анной.

Я не ошиблась. Ему действительно страшно — по лицу ясно.

— Я постараюсь. — В голосе наигранная уверенность. — Я постараюсь!

Повозка выкатилась из-под арки ворот, следом мы с Уильямом — бок о бок. Я оглянулась посмотреть на Георга — такой молоденький вдруг и так далеко. Он помахал мне, прокричал что-то — из-за скрипа колес и стука копыт по брусчатке не разобрать.

Мы выезжаем на дорогу, Уильям пускает лошадь в галоп, пусть обгонит повозку, нечего трястись в пыли позади. Моя лошадка тоже прибавила ходу, но я сдерживаю ее, заставляю идти шагом. Утираю перчаткой невольную слезинку, Уильям испытующе смотрит на меня.

— Сожалеешь? — спрашивает ласково.

— Нет, просто боюсь за него.

Он кивает. Он знает довольно о Георге и не станет заверять меня понапрасну, что брату ничего не грозит. Отношения Георга с сэром Франциском, их сомнительные дружки, пьянство, азартные игры, таскание по публичным домам ни для кого больше не секрет. Придворные теперь куда более открыто пускаются во все тяжкие, и Георг всегда впереди.

— И за нее, — добавляю я, думая о сестре, которая выгнала меня из дома, как попрошайку. Что же, теперь у нее остался только один верный друг в целом свете.

Уильям повернулся ко мне, взял за руку:

— Не грусти.

И вот мы скачем к реке, туда, где уже ждет лодка.

Мы прибыли в Ли, недалеко от Рочфорда, рано утром. Лошади продрогли от долгой ночи на реке, беспокойны. Мы ведем их в поводу по тропинке. Уильям показывает дорогу на ферму. Над полями еще стоит утренний туман, сыро, холодно, в это время года в деревне не особенно приятно. Впереди долгая, с затяжными дождями, стылая зима в маленьком домике на ферме, вдали от города, вдали от всего. Наверно, намокшая юбка не просохнет еще полгода, не меньше. Уильям искоса бросает на меня взгляд, улыбается:

— Садись на лошадь, радость моя, оглядись вокруг. Солнце уже встает, все будет хорошо.

Я выдавила из себя улыбку, выпрямилась, пустила лошадь вперед. Теперь мне видна камышовая крыша фермы. Мы добрались до верхушки холма. Под ногами все пятьдесят акров его владений, речушка неподалеку, конюшни, амбары — все такое же аккуратное, как мне помнится.

Вниз с холма — и вот Уильям спешивается, чтобы открыть ворота. Откуда-то появляется мальчишка, с недоверием на нас смотрит:

— Вам сюда нельзя, это владения сэра Уильяма Стаффорда. Он при самом королевском дворе живет.

— Благодарю, — смеется Уильям. — Я и есть тот сэр Уильям Стаффорд. Беги передай матери, что у нее вырос отличный привратник. Скажи, я вернулся и привез молодую жену. Нам понадобятся хлеб, молоко, ветчина и сыр.

— А вы и впрямь сэр Уильям Стаффорд? — неуверенно переспрашивает мальчуган.

— Да.

— Тогда она может и цыпленка зарезать, — решает он и бежит по тропинке к маленькому домику неподалеку.

Я направляю Джесмонду в ворота, вот мы уже во дворе. Уильям снимает меня с седла, бросает поводья на луку, ведет к дому. Кухонная дверь открыта. Мы переступаем через порог.

— Садись, — усаживает меня в кресле у камина. — Сейчас разожгу огонь.

— Нет, — настаиваю я, — раз уж я жена фермера, мне разжигать очаг, а ты пока расседлай коней.

Он медлит на пороге:

— А ты справишься, моя маленькая возлюбленная?

— Убирайся, — шутливо замахиваюсь на него. — Нечего тебе делать на моей кухне. Давай уж сразу разберемся, кто где хозяин.

Я словно играю в кукольный домик, вроде того, что у моих детей в зарослях папоротника. Но это же настоящий дом и трудности тут настоящие. Растопка уже приготовлена, трут лежит рядом, только четверть часа кропотливой работы — и камин затоплен, маленькие огоньки лижут бревна. Труба не прогрета, но ветер благоприятный, так что тяга неплохая. Уильям завел лошадей в стойла, а парнишка вернулся, таща узел с едой. Мы разложили яства на деревянном столе, устроили настоящий пир. Достали из чулана под лестницей бутылку вина, выпили за здоровье друг друга и за наше будущее.

Семейство, управлявшееся с фермой, пока Уильям был при дворе, содержало все в полном порядке. Изгороди подстрижены, канавы прочищены, поля скошены, сено запасено и лежит в амбаре. Уже

забили часть скота, мясо засолено или прокопчено на зиму. В курятнике полно кур, голуби в голубятне, в ручье не переводится рыба. До моря недалеко, за пару пенни можно купить у рыбаков морской улов. Ферма процветает, и жизнь на ней не так уж трудна.

Мать встретившего нас мальчугана, Меган, приходит каждый день помочь мне по хозяйству, научить управляться по дому. Показывает, как сбивать масло, отжимать сыр, печь хлеб, ошипывать цыплят, голубей или дикую птицу. Все необходимые навыки — только хотелось бы, чтобы ученье давалось полегче. Я совершенно измучена.

Кожа на руках высохла и потрескалась, в маленьком серебряном зеркальце отражается загоревшее от солнца, обветренное лицо. В конце дня я падаю в кровать и сплю без сновидений — даже на это уже нет сил. Но несмотря на страшную усталость, каждый день приносит какую-нибудь маленькую победу. Мне нравится эта работа — без нее на столе не появится обед, в глиняном кувшинчике с нашими скромными сбережениями не прибавится пара пенсов. Мне приятно трудиться вместе с мужем на нашей собственной земле. Я учусь тому, что каждая бедная женщина знает с детства, а когда Меган меня спрашивает, почему мне не жаль роскошных платьев и тонкого белья, я вспоминаю нескончаемые танцы с кавалерами, которые мне противны, ухаживания мужчин, до которых мне нет никакого дела, игру в карты, где спускаются целые состояния, и самое отвратительное — необходимость каждый день кого-нибудь умамливать. А здесь никого, только мы с Уильямом, живем в простоте, счастливые будто полевые птички — все именно так, как он обещал.

Единственная печаль моя — дети. Я пишу им каждую неделю, а раз в месяц отправляю письма Георгу или Анне, желаю им здоровья и благополучия. Пишу секретарю Томасу Кромвелю, прошу его походатайствовать за меня перед сестрой, вымолить у нее разрешение вернуться. Но просить прощения — ни за что. Не желаю улещивать их, извиняться. Не в силах я такого написать — рука не поворачивается. Не могу сказать, что жалею о своей любви к Уильяму, каждый день он мне дороже и дороже. В этом мире, где женщин продают словно призовых лошадей, я нашла себе любимого, вышла замуж по любви. Не желаю притворяться, что ошиблась.

Зима 1535

На Рождество я получила письмо от брата.

Дорогая сестрица! Поздравляю с праздниками и надеюсь — ты здравствуешь на этой своей ферме не хуже, чем я при дворе. А может, и лучше.

Жизнь нашей сестры не слишком сладка. Король скачет по полям и танцует с одной из девчонок семейства Сеймур — помнишь Джейн? Та, которая как поглядит на тебя — ну просто сахар, а как на короля — сама невинность. Король за ней ухаживает прямо под носом у нашей королевы, ясно, она не слишком довольна. Она уже обрушила на его голову пару бурь, только ему теперь и дела нет, не то что раньше. Когда она злится, он особо не расстраивается, просто убегает подальше. Можешь себе представить, она от этого не в восторге.

Дядюшка, боясь королевского охлаждения, пытается подсунуть ему Мадж Шелтон, и его величество разрывается между двумя юбками. Они обе придворные дамы, все время в покоях королевы. Можешь себе представить, какие там разыгрываются драмы. Вот король и предпочитает держаться подальше — немало времени охотится, и пусть себе дамы кричат и плачут и выцарапывают друг дружке глазки.

Анна умирает от страха, и я не знаю, что из всего этого выйдет. Когда она старалась избавиться от старой королевы, ей в голову не приходило, что теперь ни одна коронованная особа не сможет жить спокойно. У нее при дворе ни одного друга, только я. Отец, мать и дядюшка спят и видят подсунуть королю Мадж, отвлечь его от сеймуровской девчонки. Анну это совсем не радует, она все время обвиняет семейство в кознях против нее — теперь

им нужна новая говардовская девочка. Ей тебя ужасно не хватает, но она ни за что не признается.

Я с ней говорил, но что тут скажешь, как примиришь ее с твоим браком. Выйди ты замуж за принца, будь ты трижды несчастна — она окажется твоим лучшим другом. Знаешь, что разбивает ей сердце? Ты нашла истинную любовь, а она — королева самого могущественного двора в Европе — корчится от страха и тоски.

У меня денег все больше и больше, а жена день ото дня все несноснее и несноснее. Друг мой — мое счастье и вечная мука. Этот двор и святого бы совратил, а мы с Анной — совсем не святые. Ей ужасно страшно и одиноко, а я стремлюсь к тому, что мне недоступно, и пытаюсь спрятать свою страсть от всего света. Я устал, я сердит, и от этого Рождества, похоже, нам, Болейнам, никакого толку не будет, если только Анна снова не забеременеет. Пиши мне, расскажи, как твои дела. Воображаю, как ты счастлива, и, надеюсь, не ошибаюсь.

Твой брат

Георг

Мы с Уильямом отпраздновали Рождество огромным куском оленины. Я постаралась не спрашивать, откуда взялась дичь.

Семейные уголья в Рочфорд-Холле изобилуют оленями и плохо охраняются. Я не сомневалась, что купила свою собственную оленину. Но ни отец, ни матушка меня с Рождеством не поздравили, значит, придется самой себе сделать подарочек за их счет, вот я и купила по дешевке оленя и пару фазанов в придачу. Мы не можем себе позволить отдыхать все двенадцать дней Рождества, но на рождественскую службу отправились, веселую пантомиму в Рочфорде посмотрели, крещенского эля с соседями выпили, у реки, где над головами кричат чайки, а с моря дует пронзительный холодный ветер, погуляли.

В студеные дни февраля я готовилась к родинам. На этот раз я не знатная дама при дворе, мне не нужно запирается на месяц в спальне,

могу делать что хочу. Уильям волнуется куда больше меня, настаивает, чтобы повитуха поселилась в доме за несколько дней до срока, а то вдруг пойдет сильный снег и нас отрежет от всего света. Я смеюсь над его страхами, но не возражаю, и повивальная бабка — вылитая ведьма — появляется в доме в самом начале марта.

Хорошо, что Уильям обо всем подумал заранее. В одно прекрасное утро я проснулась и увидела — комната залита ярким белым светом. Метель продолжалась всю ночь и все утро, хлопья снега валили с серого неба, крутились вихрями во дворе. Казалось, весь мир замер в замороженном молчании. Куры забились в курятник, только тоненькие следы лапок на свежевыпавшем снегу — наверно, пытались найти корм. Овцы столпились в загоне, грязно-коричневое пятно на белоснежном снегу. Коровы укрылись в хлеву, поле рядом — как отбеленное полотно. Я села в постели, живот огромный, ребеночек ворочается внутри, поглядела, как поземка завивается вокруг живой изгороди. Можно подумать, снежинки не падают на землю, а вечно кружат и вьются вокруг дома, но с каждым часом сугробы растут и принимают все более странные очертания. Каждая снежинка на земле белее белого, будто лебяжий пух, но когда я, вытянув шею, пытаюсь разглядеть небо через окно, оно словно затянуто грязно-серой кружевной пеленой.

Уильям обмотал ноги и башмаки мешковиной, вышел на крыльцо, попытался расчистить его от снега. Я, тяжело ступая, спустилась вниз, улыбнулась мужу. Теперь ему от меня никуда не деться.

— Ну, началось, — сказал он. — Как ты себя чувствуешь?

— Как во сне. Все утро не могла глаз отвести от снега.

Он переглянулся тревожным взглядом с повивальной бабкой, которая варила у очага овсянку, потом протопал босыми ногами через комнату, подвинул мое кресло к огню.

— Схваток еще нет?

— Нет, — улыбнулась я в ответ, — но, похоже, сегодня начнутся.

Повитуха навалила овсянки в большую миску, протянула мне ложку:

— Тогда поешь хорошенько, тебе понадобятся силы.

Роды оказались легкими. Всего четыре часа, и на свет появилась девочка. Повивальная бабка завернула ее в нагретую белую простынку, положила рядом со мной. Уильям, который все четыре часа от меня не

отходил, дотронулся до маленькой, еще со следами крови головенки, благословил дитя. Губы у мужа подрагивали. Потом он прилег рядом со мной. Старуха накрыла всех троих одеялом, и мы, согревшись в объятьях друг друга, мирно заснули.

Два часа спустя девочка разбудила нас своим криком, я приложила ее к груди, ощутила знакомое блаженство — маленький сосущий ротик. Уильям укутал мне плечи шалью, спустился вниз, принести горячего эля. Снег шел не переставая, с постели я видела белые снежинки на фоне темнеющего неба. Уютно устроилась в тепле, откинулась на пуховую подушку и поняла — да, я самая счастливая женщина на свете.

Весна 1535

Дорогая сестрица! Наша сестра и королева приказала мне известить тебя, что она снова в положении и что тебе надлежит вернуться и помочь ей. А муж твой с младенцем пусть остаются в Рочфорде. Ни на что другое она не согласна. Пенсию тебе возвратят, а летом разрешат навестить детей в Гевере.

Такое послание мне приказано передать, и я тебе говорю — ты нам страшно нужна здесь, в Хэмптон-Корте. Роды ожидаются осенью. Мы собираемся немного попутешествовать этим летом, но недалеко, она, сама понимаешь, ужасно боится потерять ребенка и нуждается в преданном друге. Я тоже. По правде говоря, нет на свете более одинокой женщины, чем она. Король хороводится с Мадж, у той по новому наряду на каждый день недели. Вчера был семейный совет, так на него ни меня, ни отца с матерью не пригласили. Зато позвали Шелтонов. Вообрази, что мы с Анной об этом думаем. Анна все еще королева, но она больше не фаворитка — ни у короля, ни у своего собственного семейства.

Хочу тебя еще кое о чем предупредить. В городе нешуточные волнения. Пятеро знатных дворян отказались клясться на верность новой наследнице, так они все попали в Тауэр, а оттуда прямо на плаху. Ожидаются и другие казни. Генрих вошел во вкус неограниченной власти, его некому удерживать — нет ни кардинала Уолси, ни королевы, ни Томаса Мора. При дворе — полная распущенность, ты нас не узнаешь. Я впереди всех, меня уже от этого тошнит. Как в повозке без лошади, качусь с горы и не знаю, как выпрыгнуть

живым. Я прошу тебя приехать, но тут не особенно хорошо. Но я — я умоляю тебя приехать.

В качестве приманки обещаю тебе лето с детьми, если Анна будет хорошо себя чувствовать и сможет тебя отпустить.

Георг

Я отнесла мужу письмо с тяжелой печатью Болейнов. Он во дворе, доит корову, прижавшись к ее теплomu боку. Молоко так и прыскает струйками в подойник.

— Хорошие новости? — поглядел на мое раскрасневшееся лицо.

— Мне разрешили вернуться. Анна снова в положении, я ей там нужна.

— А дети?

— Смогу побыть с ними летом, если она отпустит.

— Благодарение Богу, — вот и все, что он сказал, повернулся обратно к корове, на мгновение закрыл глаза.

Я и не знала, как он за нас переживает — за меня и за моих детей.

— А как насчет твоего муженька? — минуту спустя спросил он.

Я покачала головой:

— Нет, тебя не простили. Но мне кажется, можешь просто поехать со мной.

— Жалко надолго оставлять ферму.

— Становишься деревенщиной, муженек?

— Смеешься надо мной? — Он поднялся с низкой табуретки, похлопал корову по крупу. Я открыла ворота хлева, животное лениво вышло в поле, весенняя травка уже всюду пробивалась — густая и зеленая. — Я поеду с тобой, что бы они там ни говорили, а когда придет лето, вернемся сюда.

— После Гевера, — уточнила я.

Он улыбнулся, теплая ладонь накрыла мою, лежащую на изгороди.

— Конечно, после Гевера. А когда ей рожать?

— Осенью. Но пока никто не знает.

— Молись, чтобы ей доносить на этот раз. — Он помедлил, затем окунул половник в теплое молоко. — Попробуй.

Я послушно взяла половник, отпила глоток пенистого парного молока.

— Хорошо?

— Да.

— Отнести в маслобойню?

— Да. Давай я отнесу.

— Не хочу, чтобы ты уставала.

— Да не устану я. — Мне приятна такая забота.

— Я сам отнесу, — нежно ответил он.

В маслобойне наша дочурка Анна — пусть тетушка будет довольна, малышку назвали в ее честь, спала на скамье, туго завернутая в пеленки.

За мной послали королевскую барку — доставить в Хэмптон-Корт. Уильям, младенец, кормилица и я, важные, в придворных одеждах, поднялись на борт в Ли. Лошади придут позднее. Торжественность мгновения слегка подпортил мой муж, который до последней минуты громко давал наставления мужу Меган, остающемуся на хозяйстве.

— Уверена, он не забудет про стрижку овец, — терпеливо проговорила я, когда Уильям прекратил наконец свешиваться через перила и орать во всю глотку, как последний матрос. — Уж он наверняка заметит, когда шерсть слишком отрастет.

— Прости, — хмыкнул муж. — Опозорил тебя навек?

— Ну, поскольку ты теперь родственник самому королю, придется тебе поучиться хорошим манерам, а то ведешь себя как пьяный фермер в базарный день.

— Нижайше прошу прощения, леди Стаффорд. — Ни малейшего раскаяния в голосе. — Клянусь, доберемся до Хэмптон-Корта — буду вести себя идеально. Где прикажете мне спать, например? Думаете, чердак с сеном над конюшнями подойдет моей скромной особе?

— Сдается мне, лучше снять небольшой дом в городке. Тогда я смогу приходить каждый день и проводить там время.

— Лучше бы ты приходила туда каждую ночь, — сказал муж, особенно выделив последнее слово. — А не то придется отправиться во дворец и вытащить тебя оттуда. Ты моя жена, законная жена. Так и веди себя подобающим образом.

Я отвернулась, чтобы скрыть улыбку. Бесплезно объяснять моему прямодушному муженьку, что в моем первом — придворном — браке я нечасто спала в мужниной постели и никто тому не удивлялся.

— Какая разница, дорогая, — он как будто угадал мои мысли, — что ты делала в первом браке. Теперь ты замужем за мной, а мне нужно, чтобы моя жена была в моей постели.

Я громко рассмеялась, прижалась к нему.

— По мне, только там бы и оставалась, — пришлось признаться. — Где еще мне так хорошо?

Королевская барка быстро, словно лошадь, скачущая галопом, скользит вверх по течению, гребцы ритмично, в такт барабанному бою, ударяют веслами о воду. Мы проплываем знакомые места, высокую белую башню, раскрытые как большая черная пасть ворота на реке у лондонского Тауэра. Густая тень моста — преддверье нескончаемых величественных дворцов и садов по берегам, шум, гам и суতোлка главного речного пути большого города. Лодчонки, паромы, рыбацьи суденышки то и дело пересекают реку, тяжеловесный конный паром в Ламбете медлит, уступая нам дорогу. Уильям показывает мне серых речных цапель с неуклюжими гнездами на деревьях у самого берега. Над водой темной молнией проносится баклан, стремительно ныряет за добычей.

Многие провожают глазами несущуюся по воде королевскую барку, но улыбок что-то не видно. Я вспоминаю, как каталась по реке с королевой Екатериной, как мужчины сдергивали шапки, женщины приседали, дети посылали воздушные поцелуи. Им всем тогда казалось — король мудр и силен, королева — прекрасна и добра, все будет хорошо. Но Анна и болейновское честолюбие разбили единство страны, обнажили зияющую пустоту. Теперь подданные знают — король такой же, как и все, не лучше мэра маленького, ничтожного городка, которому только и нужно, что украшать свое гнездышко, а королева, его жена, — женщина, полная страстей, желаний, честолюбия, жадности.

Может, Анна и Генрих считали — народ их простит. Нет, они ошиблись, народ никогда не прощает. Пусть Екатерина томится в заключении в холодных болотах Хантингдоншира, но о ней не забыли. Время идет, а крещения нового наследника престола не предвидится — значит, ее ссылке нет никакого оправдания.

Я положила голову на такое надежное плечо мужа, задремала. Проснулась от плача нашей малютки, посмотрела — кормилица прижимает девочку к груди, сейчас будет кормить. Мои собственные, туго перетянутые груди заныли. Уильям обнял меня еще сильнее, поцеловал в макушку.

— О ней хорошо заботятся. — Какой же у него ласковый голос. — Никто ее у тебя не отнимает.

Я кивнула. Я могу приказать, чтобы ее принесли ко мне — днем и ночью. Она мое дитя — совсем не так, как те, другие. Не стоит объяснять мужу, как заныло мое сердце о тех двух, потерянных, когда я впервые взглянула в ее голубенькие глазки. Она не заменит их, один ее вид напоминает, что у меня трое детей. Этот тепленький сверточек в моих объятьях, а те двое где-то там, в холодном мире. И я даже не знаю, где мой сыночек преклоняет голову на ночь.

До пристани у Хэмптон-Корта мы добрались уже в сумерках, прошли огромные чугунные ворота. Барабанщик сильнее забил в барабан, мы увидели, на пристани все готово, можно пристать. Пропели фанфары — в честь королевского штандарта, и мы сошли с барки. Теперь мы — я и Уильям — снова при дворе.

Собственно говоря, Уильям, младенец и кормилица отправились по боковой дорожке в городок, предоставив мне идти во дворец одной. Перед расставанием муж легонько сжал мне руку.

— Не бойся, — сказал с улыбкой. — Помни, это она в тебе нуждается. Смотри не продавайся задешево.

Я кивнула, запахнула плащ, и вот я уже шагаю ко дворцу.

Меня проводили, будто я тут в первый раз, в опочивальню королевы. Стража открыла дверь, неловкое молчание, взрыв женских голосов, все приветствуют меня. Каждая норовит обнять, дотронуться до плеча, шеи, рукава плаща, капюшона, сказать, что я хорошо выгляжу, материнство мне к лицу, деревенский воздух мне к лицу, а они так счастливы снова меня видеть. Каждая — мой лучший друг, близкая родня, спрашивают, где я хочу спать, любая готова разделить со мной спальню. Они так счастливы видеть меня снова, что остается только гадать — как они так долго без меня прожили, ни одна ни словечка не написала, ни одна за меня перед сестрой не вступилась.

Я и впрямь замужем за Уильямом Стаффордом? У него и впрямь поместье и ферма? Только одно поместье? Только одно? Большое хотя

бы? Нет? Вот странно-то! А как дитя? Девочка или мальчик? Как ее зовут? А где теперь муж и младенец? При дворе? Нет? Как интересно!

Я как могла отмахивалась от вопросов, пытаюсь отыскать Георга. Его нет, король недавно отправился на прогулку с горсткой фаворитов — тех, кто умеет держаться в седле и после тяжелой попойки. Они еще не вернулись. Дамы уже переоделись к обеду и ждут мужчин. Анна у себя, одна.

Я собрала всю свою храбрость, направилась к двери. Постучала, повернула ручку, вошла.

Комната затенена, свет идет только из одного незанавешенного окна, серый свет майских сумерек. Чуть посверкивают огоньки в камине. Она склонила голову на молитвенной скамеечке. Я в суеверном ужасе, чуть не вскрикнув, замерла — королева Екатерина вот так преклоняла колени на скамеечке в надежде, что ждет ребенка, сына, который вернет ей мужа и отвратит его сердце от этих сестер Болейн. Но тут призрак королевы повернул голову — Анна, моя сестра, замученная, бледная, только глаза горят по-прежнему, а под ними тяжелые тени. Как же мне ее жалко, я бросилась к ней, схватила в объятия, только и могла, что повторять: „Анна, Анна“.

Она поднялась с колен, обняла меня, склонила тяжелую голову мне на плечо. Не сказала, как по мне тосковала, как ей одиноко здесь при дворе, когда на нее никто не обращает внимания. Ей ничего не надо объяснять. Поникшие плечи сами говорят — быть королевой Анне Болейн уже не в радость.

Я ласково усадила ее в кресло, сама, не дожидаясь разрешения, села рядом.

— Как ты себя чувствуешь? — В этом все дело, это самое главное.

— Хорошо. — Нижняя губа чуть подрагивает, лицо побледневшее, в уголках губ незнакомые морщинки. В первый раз в жизни смотрю на нее и вижу — она так похожа на нашу матушку, теперь я знаю, как она будет выглядеть в старости.

— Ничего не болит?

— Нет.

— Ты такая бледная.

— Просто сил никаких, — призналась она. — Устала, мочи нет.

— Какой месяц?

— Четвертый. — Ясно, она ни о чем другом не думает, только дни считает.

— Скоро будет полегче, — пообещала я. — Первые три всегда самые тяжелые.

Я чуть не прибавила — „и последние три“, но так с Анной шутить нельзя, ей лишь раз удалось доносить младенца до конца.

— Король дома? — интересуется она.

— Сказали, ускакал на охоту. С ним Георг.

Она кивнула.

— А Мадж там, с придворными дамами?

— Да.

— А эта белолицая сеймуровская дрянь?

— Да. — Не трудно догадаться по описанию, что она говорит о Джейн Сеймур.

— Неплохо, — кивнула Анна. — Но вообще-то я спокойна, когда рядом с ним ни той ни другой.

— Тебе надо быть спокойной все время. Нечего испускать желчь, когда в животе ребеночек.

Она глянула на меня и горько рассмеялась:

— Да, да, спокойной. А твой муженек с тобой?

— Не при дворе. Ты же запретила.

— Все еще от него без ума? Или устала от него и его полей?

— Я все еще его люблю. — Нет у меня настроения заглатывать ее приманку. Одна мысль об Уильяме навевает такой покой, что не хочется ни с кем ссориться, по крайней мере с такой бледной и умирающей от усталости королевой.

Она горько улыбнулась:

— Георг говорит, ты — единственная Болейн, которая что-то понимает в жизни. Говорит, из нас троих ты оказалась мудрее всех. Богатой не станешь, но муж тебя любит, а в колыбельке — здоровый младенец. Георг — его жена глядит так, будто убила бы его или живьем съела, не поймешь — то ли страсть, то ли ненависть, а Генрих бабочкой порхает — то ко мне, то от меня. И эти две девчонки с сачками на изготовку.

Мне стало смешно, нелегко представить себе полноватого Генриха этакой весенней бабочкой.

— С большими сачками, — только и сказала я.

Анна вспыхнула, потом тоже расхохоталась, знакомым звонким смехом.

— Боже правый, все бы отдала, только бы от них избавиться.

— Я тут. Постараюсь их близко не подпускать.

— Хорошо. И если дела пойдут наперекосяк, поможешь мне?

— Конечно. Что бы ни случилось, мы с Георгом всегда тут.

Шум с соседней комнате, столько раз слышанные раскаты смеха, неизменный тюдоровский рык. Анна даже не улыбнулась на радостный хохот мужа.

— Теперь ему, конечно, подавай обед.

Я ее остановила у дверей. Быстрый вопрос:

— А он знает, что ты в положении?

— Нет, только ты и Георг. — Она покачала головой. — Не осмеливаюсь ему сказать.

Она открыла дверь, мы увидели, в этот самый момент Генрих надевает цепочку с медальоном на шейку покрасневшей от удовольствия Мадж Шелтон. Заметив жену, он было отступил, но все-таки завершил свою задачу.

— Подарочек на память, — объяснил он Анне. — Эта умница выиграла пари. Добрый вечер, женушка.

— Добрый вечер, муж, — процедила сквозь зубы Анна.

Он вдруг заметил меня.

— Мария! — В голосе явное удовольствие. — Прекрасная леди Кэри снова к нам вернулась.

Я опустила в реверансе, посмотрела ему прямо в глаза:

— Леди Стаффорд, если вы позволите, ваше величество. Я снова вышла замуж.

Он кивнул, вспомнил, конечно, вспомнил, какие грома гремели у него над головой, когда жена требовала запретить мне появляться при дворе. Он по-прежнему тепло улыбался, не отводил взгляда от моего лица. Я подумала — какая же ядовитая ведьма моя сестрица. Все эти запреты — ее рук дело, ее одной. Король и не думал на меня гневаться. Он бы меня сразу простил. Если бы я ей не понадобилась — беременность прятать, гнить бы мне на маленькой ферме до скончания дней.

— Родили недавно? — спросил король.

Он невольно перевел взгляд с меня на Анну, с той сестры, что рождает, на ту, что всегда порожняком.

— Девочку, ваше величество. — Я возношу благодарность Господу, что не мальчик.

— Счастливчик ваш Уильям.

— Я ему непременно скажу. — Я нежно улыбаюсь.

— Генрих рассмеялся, притянул меня к себе, оглядел свою свиту.

— Он не приехал?

— Его не пригласили... — начала я.

Он сразу же понял, в чем дело, взглянул на жену:

— Почему сэру Уильяму Стаффорду не было приказано прибыть ко двору вместе с женой?

Анна даже не задумалась ни на секунду.

— Конечно, ему было приказано. Я их обоих позвала, как только у моей дорогой сестры прошло положенное после родов время.

Мне ничего не оставалось — только восхищаться этой беспардонной ложью. Придется притвориться, что Анна говорит чистую правду. Ну, хорошо, попытаюсь что-нибудь на этом выгадать.

— Как вашему величеству угодно. Он к нам присоединится завтра. Если вы не против, при мне будет и дочь.

— Двор неподходящее место для младенцев, — фыркнула Анна.

Генрих резко повернулся к жене:

— Очень жаль. Неприятно слышать такие слова от собственной жены. Двор весьма подходящее место для младенцев, кому, как не вам, это должно быть известно.

— Я только забочусь о здоровье малютки, милорд, — холодно отозвалась Анна. — Сдается мне, ей лучше бы воспитываться в деревне.

— Пусть мать решает, что ребенку лучше, — величаво произнес Генрих.

Я улыбнулась — мед, а не улыбка. Вот он — мой шанс.

— Конечно, конечно, с вашего позволения отвезу ее летом в деревню, в Гевер. Пусть познакомится с моими детьми.

— С *моим* сыном, — напомнила мне Анна.

Я обольстительно улыбнулась королю.

— Почему бы и нет, — сказал он. — Делайте, что вам угодно, леди Стаффорд.

Он предложил мне руку, я опустилась в реверансе, а потом нежно взяла его под руку, взглянула на него, будто король все еще красавец-мужчина, а не лысеющий толстяк, в которого он успел за эти годы превратиться. Нижняя челюсть потяжелела. Волосы на макушке поредели, висят тоненькими прядками. Полные, манящие поцелуем розовые губы искривились надутой гримаской. Блестящие когда-то глаза скрыты тяжелыми веками и толстыми щеками. Выражение лица самодовольное и в то же время ужасно несчастное. Не мужчина, а капризный ребенок.

Я сияла улыбкой, заглядывала королю в глаза, смеялась его шуточкам, до слез рассмешила его историями о том, как взбивала масло и отжимала сыр. Между тем мы вошли в парадную залу, он уселся на трон во главе стола, а я скромно заняла одно из мест, предназначенных для придворных дам.

Обед длился долго, чревоугодие при дворе теперь в почете. Двадцать разных мясных блюд, дичь и домашний скот, птица, рыба, пятнадцать видов пудинга. Я видела, Генрих попробовал каждое блюдо, снова что-то положил себе на тарелку. Анна сидит рядом — лицо холодно как лед. Ковыряется в тарелке, глаза посверкивают. Посматривает то в одну сторону, то в другую — откуда ожидать подвоха.

Едва тарелки убраны, начинается празднество. Двор всерьез увлечен танцами. Даже в кругу танцующих, даже флиртуя со старыми друзьями, я все гляжу на небольшую дверь у камина. Вскоре после полуночи мои старания были вознаграждены, дверь отворилась, в залу проскользнул Уильям, мой муж, принялся отыскивать меня взглядом.

Свечи почти догорели, в густой толпе танцующих его никто не заметил. Я извинилась, прервала танец, подошла к нему, он утащил меня в альков, за занавеску.

— Любовь моя, — обнял меня крепко. — Кажется, вечность прошла.

— Я тоже ужасно соскучилась. А как малышка? Устроились?

— Когда я уходил, они с кормилицей сладко спали. Я их удобно устроил, и нам найдется спальенка, если удастся вытащить тебя отсюда.

— У меня предложение получше, — весело перебила его я. — Король мне обрадовался, спросил о тебе. Ты приглашен завтра ко

двору. Мы сможем быть здесь вместе. Он разрешил этим летом отвезти малышку Анну в Гевер.

— Его Анна об этом попросила?

Я отрицательно качнула головой.

— Оказывается, Анну одну надо благодарить за ссылку. Она бы мне в жизни не позволила повидаться с детьми, если бы я не попросила короля напрямую.

Он тихонько присвистнул.

— Не забудь хорошенько поблагодарить добрую сестричку.

— Что толку жаловаться — природу не переделаешь.

— А как она?

— Ужасно, — тихо-тихо шепчу я. — Больна и грустна.

Лето 1535

Вечером мы с Георгом сидели у Анны, пока она готовилась ко сну. Король собирался провести эту ночь у нее, она приняла ванну, попросила меня расчесать волосы.

— Пусть он будет поосторожней, хорошо? — сказала я встревоженно. — Вообще-то ему не следовало бы с тобой сейчас спать — это грех.

Георг громко хихикнул, он разлегся на кровати Анны, сапоги на тонком покрывале. Она повернула голову:

— Нам теперь не до грубых приставаний.

— Что?

— Иногда он вовсе ни на что не способен. Бывает, совсем ничего не получается, ну совсем ничего. Отвратительно. Лежит сверху, ерзает, потеет, тужится, пыхтит, а толку никакого. Потом злится, и я оказываюсь во всем виновата. Будто дело во мне.

— Пьяный?

— Ты его знаешь, — пожала сестра плечами. — Король всегда к вечеру полупьяный.

— Если ты ему скажешь, что в положении...

— Не хочу говорить до июня. Вот начнет шевелиться — скажу. Он отменит летнее путешествие, и мы останемся в Хэмптон-Корте. Георг будет с ним охотиться, носиться по полям, держать от него подальше эту круглолицую девку, Джейн.

— Архангелу Гавриилу не удержать женщин от того, чтобы вешались королю на шею, — небрежно бросил брат. — Ты сама это дело завела, Анна, а теперь жалеешь. Они все готовы в него вцепиться, сулят ему невесть что. Нет бы вести себя как наша душка Мария: чуток поиграли, получили поместье-другое и пора восвояси.

— Сдается, это ты получил поместье-другое. — Я не сдержала резкости в голосе. — И отец. И Уильям Кэри. Что мне досталось? Кроме кружевных перчаток и жемчужного ожерелья, ничего не помню.

— Корабль в честь тебя назвали. — Завистливая память Анны ничего не упустит. — Платьев несть числа, лошадь, новую кровать.

Георг рассмеялся:

— Прямо по списку, словно жених, перечисляющий приданое. — Он протянул руку, заставил Анну лечь на постель рядом с ним, голова к голове на подушках. Я взглянула на них — близнецы-неразлучники, лежат рядышком как голубки в самой знаменитой постели Англии.

— Я вас оставляю, — сказала резко.

— Давай беги к сэру Пустое Место.

Уильям уже ждал меня в саду, глядит на реку, лицо мрачнее тучи.

— Что случилось?

— Фишера взяли под стражу. Не думал, что они осмелятся.

— Епископа Фишера?

— Я всегда считал, он заколдованный. Генрих его так любит, он себе позволял защищать королеву Екатерину, и то его не тронули. Он один ей был верен, не изменил. Она расстроится.

— Ну продержат его в Тауэре неделю-другую и отпустят. И еще извинятся.

— Зависит от того, чего они от него хотят. Он не принес клятву на верность дочери Анны. Я в этом уверен. Он не позволит Елизавете унаследовать трон вместо Марии, он десяток книг написал, тысячу проповедей сказал в защиту брака. Не может он согласиться, чтобы дочь Екатерины осталась ни с чем.

— Тогда он там надолго останется.

— Похоже на то.

Я подошла ближе, взяла его за руку:

— Что ты так беспокоишься? У него будут книги и все остальное, друзья придут его проведать. А к концу лета его выпустят.

Уильям повернулся к реке, крепче сжал мою ладонь.

— Все дело в моменте, когда Генрих приказал его препроводить в Тауэр. Во время мессы, когда делами занимался. Сама подумай, Мария. Приказать во время мессы препроводить епископа в Тауэр.

— Он всегда делами занимается на мессе. — Мне не хотелось поддаваться печали. — Это ничего не значит.

— Вот они, законы Генриха! — Уильям так и не отпустил моей руки. — Акт о престолонаследии, да еще с клятвой, Акт о супрематии — верховенстве короля, и вдобавок Акт об измене. Это тебе не земельные законы. Генриху они нужны, чтобы поймать в ловушку всех своих врагов. Фишер и Мор прямехонько в этот капкан попадутся.

— Ну не отрубят же он им головы... — рассудительно начала я. — Послушай, Уильям, один из них самый уважаемый слугитель церкви во всей стране, а другой был лорд-канцлером. Не осмелится он их казнить.

— Если он осмелится обвинить их в измене, никому из нас не уцелеть.

— Почему? — Я заметила, что, как и он, говорю шепотом.

— Потому что ему теперь ясно, Папа своих слуг не защищает, англичане против тирании не восстают. Будь человек трижды знаменит, будь у него все связи на свете — его все равно можно арестовать по новому закону, который сочинил король. Сколько еще времени королеве Екатерине быть на свободе, если ее главный сторонник в тюрьме?

Я вырвала руки.

— Даже слушать тебя не хочу. Собственной тени пугаешься. Мой дедушка Говард сидел в Тауэре за измену и вышел оттуда с улыбкой. Генрих никогда не казнит Томаса Мора, он его слишком любит. Может, они сейчас и в ссоре, но Мор всегда был его лучшим другом.

— Помнишь своего дядюшку Бекингема?

— Это другое дело, тот действительно был виноват.

Муж отпустил меня, опять повернулся к реке.

— Посмотрим. Молись, чтобы ты оказалась права, а я ошибался.

Бог не услышал наших молитв. Генрих решился на такое, что мне и в страшном сне привидеться не могло. Отдал епископа Фишера и сэра Томаса Мора под суд за то, что они свидетельствовали в пользу истинности его брака с королевой Екатериной. Теперь на кону их жизни — если не признают, что он, Генрих, — глава церкви, английский Папа. И эти двое — совесть не запятнана — самые уважаемые люди в стране, взошли на эшафот, положили головы на плахи, будто они — самые последние предатели.

В эти дни при дворе царила необычная тишина, два ужасных дня в июне, когда казнили сначала Фишера, а потом и Мора. Каждому казалось — опасность теперь таится прямо за поворотом. Если можно отправить на эшафот епископа Фишера, если можно обезглавить Томаса Мора, кому в Англии нечего опасаться?

Нам с Георгом уже не терпелось услышать, что дитя шевелится у Анны в утробе, что уже можно сказать королю — она в положении. Но

и к середине июля не было никаких знаков.

— Может, ты ошиблась в расчетах? — спросила я.

— Скажешь тоже, — резко возразила она, — я только и делаю, что дни считаю.

— Или движения очень слабые, ты их не чувствуешь?

— Сама подумай, у тебя по этой части опыт богатый, всегда с приплодом. Может такое быть?

— Не знаю, право.

— Нет, знаешь прекрасно. — Хорошенький ротик крепко сжат, губы ниточкой. — Мы обе знаем. Знаем, что случилось. Ребенок умер. Уже пятый месяц, а я не поправилась нисколько с тех пор, как шел третий. Он там мертвый.

— Позвать к тебе врача? — Я в ужасе не сводила глаз с сестры.

Она замахала руками.

— Да уж скорее дьявола из преисподней! Если Генрих узнает, что у меня в утробе умерло дитя, он ко мне больше на пушечный выстрел не подойдет.

— А вдруг ты заболеешь от этого? — забеспокоилась я.

Она рассмеялась, коротким злым смешком.

— Что так, что этак — все равно умирать. Если кто прознает, что я уже второй раз не донашиваю, мне не уцелеть, от меня тут же избавятся. Что мне теперь делать?

— Я сама пойду к повитухе и спрошу, как от этого избавиться.

— Главное, чтоб не догадалась, что речь идет обо мне, — последовал быстрый ответ. — Стоит только пройти шепотку — и я погибла.

— Знаю, — бросила я угрюмо. — Мне Георг поможет.

После обеда мы с братом отправились к реке, пусть какой лодочник отвезет нас на своей лодчонке, не брать же для такого дела семейную барку. Георг знал бани, куда обычно ходят шлюхи. Там поблизости живет одна старуха, говорят, она мастерица колдовских заговоров, помогает прервать беременность, может наложить проклятье на поле, полное коров, или привести в сети речную рыбу. Бани у самого берега, большие окна глядят прямо на воду. В каждом окне горит свеча, сидят полуобнаженные женщины, их прекрасно видно с лодок. Георг натянул шляпу на глаза, я набросила капюшон. Лодка пристала к мосткам, я старалась не обращать внимания на

девок, которые высовывались из окон и зазывно приветствовали Георга.

— Жди здесь, — приказал брат лодочнику, и мы принялись карабкаться по скользким, мокрым ступеням.

Поддерживая меня под локоть, Георг шагал по замусоренной булыжной мостовой к маленькому домику на углу. Постучал, а когда дверь бесшумно отворилась, остался на улице — дальше мне идти одной. Я помедлила на пороге, вглядываясь в темноту.

— Иди, — подтолкнул меня брат, резкое движение дало понять — он сегодня шутить не настроен. — Иди. Ей и впрямь это нужно.

Я кивнула и вошла внутрь. Маленькая комнатка, прокопченная дымом от еле тлеющего в очаге выловленного в реке сырого дерева. Простой деревянный стол, пара стульев. У стола сидит старуха, спина сгорбленная, волосы седые, мудрое, морщинистое лицо, синие, совсем не потускневшие, все на свете повидавшие глаза. Усмехнулась, обнажая полный рот почерневших зубов.

— Придворная дама. — Оглядела мой плащ, угадав под ним роскошное платье.

Я положила на стол серебряную монету:

— Это за молчанье.

Старая ведьма хихикнула:

— Какая от меня польза, если я буду молчать.

— Мне нужна твоя помощь.

— Хочешь приворотного зелья? Или избавиться от кого? — Старуха снова усмехнулась, хитрые глазки будто видели меня насквозь.

— Ни то ни другое.

— Кое-что в утробе завелось?

Я резким движением села на стул, у старухи все просто — любовь, смерть, дети.

— Не у меня, у подруги.

— Так все говорят, — усмехнулась она.

— Она в тягости, теперь уже пятый месяц, а дитя не растет и не шевелится.

— И что она думает? — куда более заинтересованно спросила старая знахарка.

— Наверно, умерло дитя.

— Она сама набирает вес?

— Нет. Не полнее, чем два месяца назад.

— По утрам не тошнит, груди не болят?

— Больше нет.

Она покивала головой.

— Кровит?

— Нет.

— Похоже, и впрямь умер младенец. Проводи меня к ней, мне надо самой убедиться.

— Невозможно. Ее слишком хорошо охраняют.

— Ты не поверишь, в какие дома я пробиралась, — хихикнула она.

— Ее тебе не увидеть.

— Тогда придется рискнуть. Я тебе дам настой. От него будет ужасно тошнить, а потом ребеночек выйдет наружу.

Я кивнула, но она жестом остановила меня.

— А что, если она ошибается? Вдруг ребеночек еще жив? Просто отдыхает? Тихий такой?

Я недоуменно глядела на нее.

— Тогда ты его убьешь. Ты будешь убийцей, и она, да и я тоже. Выдюжишь?

Я медленно покачала головой:

— Нет, Боже мой, нет. — Я даже представить себе не могла, что со мной будет, если кто прознает, что я дала королеве снадобье, а она из-за этого не доносила наследного принца.

Я поднялась, повернулась к окну — вода серая, холодная. Я представила себе Анну в начале беременности, румяную, с набухшими грудями. А теперь она такая бледная, будто высохшая, все краски потеряла.

— Дай мне настой. Она сама решит, принимать его или нет.

Старуха тоже поднялась со стула, заковыляла в заднюю комнату.

— Обойдется тебе в три шиллинга.

Я ничего не сказала — хотя цену она заломила несуразную, положила серебряные монеты на засаленный стол. Одно быстрое движение — и монеты исчезли.

— Не того надо бояться.

Я обернулась на полдороге к двери:

— Что?

— Не питья, а лезвия — вот чего тебе надо бояться.

У меня по спине прошел холодный озноб, будто туман пополз с реки.

— Что ты хочешь этим сказать?

Она тряхнула головой, будто только что проснулась.

— Я? Ничего. Если понимаешь, в чем дело, тогда запомни мои слова хорошенько. Если невдомек, забудь пустую болтовню.

Я помедлила — вдруг старуха еще что надумает, но она молчала. Оставалось только открыть дверь и выскользнуть вон.

Георг ждал, руки сложены на груди. Когда я появилась, он в молчании взял меня под руку. Мы торопливо спустились по скользкой, замшелой лестнице, ступили в уютную лодчонку. Всю дорогу домой молчали, слышно было только, как лодочник ровно и сильно гребет против течения. Когда вышли на пристань, я быстро шепнула Георгу:

— Кое-что ты должен знать: если дитя не мертво, снадобье его убьет — будет на нашей совести. И еще...

— А можно как-нибудь узнать, вдруг это мальчик, прежде чем она выпьет настой?

Как же он мне надоел, только одно на уме — мальчик.

— Это никому заранее не известно.

— А что еще?

— Старуха сказала, что нам надо бояться не снадобья, а лезвия.

— Какого лезвия?

— Она не сказала.

— Меча? Бритвы? Топора палача?

Я пожала плечами.

— Мы Болейны, — кивнул он. — Всю жизнь проводим в тени у трона, значит, всегда должны опасаться лезвия. Нам бы эту ночь пережить. Пошли отнесем ей питье, а там посмотрим.

Анна вышла к ужину истинной королевой — лицо бледное, ни кровинки, но голова высоко поднята, а на губах улыбка. Сидела рядом с Генрихом, ее трон лишь чуть-чуть ниже, болтала с ним, льстила, очаровывала, как могла. Но стоило потоку остроумия иссякнуть хоть на мгновенье, глаза короля скользили вдоль стола — туда, где сидели придворные дамы. На кого он смотрит — на Мадж Шелтон, на Джейн Сеймур? Один раз даже мне нежно улыбнулся. Анна притворялась, что

ничего не замечает, забрасывала вопросами об охоте, превозносила до небес его бодрость и здоровье. Выискивала на блюде самые лакомые кусочки, клала на и без того переполненную тарелку мужа. Такая знакомая Анна, кокетливый поворот головы, небрежные взгляды из-под ресниц, сверкающие глаза, но было что-то такое в ее уверенном очаровании, что напоминало мне ту, которая сидела в этом кресле раньше и тоже делала вид, что не замечает, как ее муж поглядывает на других женщин.

После ужина король объявил, что будет занят делами, — мы все знали, какие это дела, бражничать с горсткой приближенных.

— Мне лучше побыть с ним, — предупредил Георг. — А ты оставайся с ней после того, как выпьет зелье.

— Я останусь у нее на ночь. Старуха сказала — ее будет ужасно тошнить.

Он кивнул, нахмурился и вышел вместе с королем.

Анна велела передать придворным дамам, что у нее разболелась голова и она ляжет пораньше. Когда я ушла, они сидели как обычно, шили рубашки для бедных, работали не покладая рук, но я знала — стоит двери за нами закрыться, как начнутся нескончаемые потоки сплетен и разговоров.

Анна переделалась на ночь, протянула мне частую гребенку:

— Может, хоть чем полезным займешься, пока мы ждем.

Я поставила пузырек на стол.

— Налей мне.

Что-то в этом стеклянном пузырьке со стеклянной же притертой пробкой меня ужасно пугало.

— Нет. Это твое дело, сама и наливай.

Она передернула плечами, как игрок, поднимающий ставку, когда в кармане пусто, и вылила питье в золотую чашу. Подняла в насмешливом тосте. Откинула голову. Выпила. Я видела, горло сжалось, три глотка прошли вниз. Отшвырнула чашу, улыбнулась мне вызывающей, злой усмешкой:

— Дело сделано. Теперь молись, чтобы пошло легко.

Мы ждали, я расчесывала ей волосы, скоро она сказала:

— Давай ложиться спать, я ничего не чувствую.

Мы забрались в постель, вместе, как в те далекие дни, проснулись на рассвете, по-прежнему ничего, ни тошноты, ни боли.

— Не работает, — усмехнулась она.

Я все еще глупо надеялась, а вдруг ребеночек там удержится, вдруг он живой, хрупкий, маленький, но живой, несмотря на зелье.

— Я пойду к себе, если я тебе не нужна.

— Ясно, хочешь побыстрее забраться в постель к сэру Пустое Место. Чтобы тебя там хорошенько продрали?

Я ответила не сразу. Мне ли не знать этого тона, нет на свете ничего приятнее — в голосе сестры звучит зависть.

— Зато ты королева.

— Ага. А ты — леди Пустое Место.

Я улыбнулась.

— И до смерти тому рада. — Я выскользнула за дверь — последнее слово осталось за мной.

День идет, а ничего не происходит. Мы с Георгом глядим на Анну, будто она наше любимое дитяtko. Она бледна, жалуется на жару — и впрямь: середина июля — однако более ничего. Король с утра занят делами, принимает просителей, все торопятся подать свои жалобы сейчас, пока двор еще не отправился в путешествие.

— Ничего? — спрашиваю я Анну.

Она переодевается к обеду.

— Ничего. Придется тебе к ней завтра сходить опять.

Около полуночи Анна уже в кровати, теперь я могу пойти к себе. Уильям дремлет, дожидаясь меня, но стоит мне войти, встает, помогает мне расшнуроваться — заботливый и нежный словно послушная служанка. Я улыбаюсь — у него такое серьезное лицо, он сосредоточенно возится с завязками, стаскивает с меня широкую юбку, я постанываю от удовольствия, когда он массирует мне спину там, где корсаж больно впивается в кожу.

— Так лучше?

— Когда я с тобой, всегда лучше.

Он берет меня за руку, ведет к постели. Я снимаю нижнюю юбку, забираюсь под простыни. Мгновение — и худое жилистое тело рядом со мной, теплое, обволакивающее. Его запах будоражит мои чувства, от прикосновения обнаженных ног к бедрам все во мне загорается, какое удовольствие — его грудь касается моих сосков. Губы сами раскрываются навстречу поцелую.

Мы проснулись в два часа ночи, еще совсем темно. В дверь кто-то тихонько скребется. Уильям вскочил, кинжал в руке.

— Кто там?

— Георг. Мне нужна Мария.

Муж тихонько выругался, набросил плащ на голое тело, кинул мне нижнюю рубашку, открыл дверь:

— Королева?

Георг покачал головой. Не может он посвящать чужого человека в семейные дела. Не глядя на Уильяма, кивнул мне:

— Пошли, Мария.

Уильям отступил, как же ему тяжело выносить, что брат может мне приказать вот так вылезти среди ночи из супружеского ложа. Я натянула рубашку, выбралась из кровати, потянулась за корсажем и юбкой.

— Некогда, — сердито буркнул брат. — Пошли уже.

— Она никуда не пойдет — полуголая. — В голосе Уильяма несгибаемая решимость.

Георг взглянул на свирепое лицо Уильяма. Улыбнулся чарующей болейновской улыбкой:

— Ей пора на работу. Семейное дело. Не задерживай ее, Уильям. Я за ней пригляжу, все будет в порядке. Но нам надо спешить.

Уильям стянул с себя плащ, укутал мне плечи, нежно поцеловал в лоб. Но я уже в дверях, Георг схватил меня за руку, потащил, бегом, в спальню Анны.

Она на полу у камина, обняла себя, будто пытается согреться. Рядом с ней кучка простыней в кровавых пятнах. Когда дверь открылась, она взглянула на нас из-под путаных прядей волос, отвела взгляд, ничего не сказала.

— Анна, — шепнула я.

Подошла, села на пол рядом с ней. Нежно обняла окоченевшие плечи. Она не прильнула ко мне, но и не отстранилась. Тело словно застыло — деревяшка, да и только. Я посмотрела на пугающий маленький сверток:

— Ребеночек?

— Почти без боли, — сказала сквозь зубы. — Ужасно быстро, минута — и все. В животе что-то повернулось, как будто мне приспичило. Я встала с кровати, села на горшок. И все было кончено в

мгновенье ока. Мертвое. Крови почти не было. Наверно, месяц назад умерло. Столько времени пропало. Все это — только время потеряла.

Я повернулась к Георгу.

— Тебе надо от этого избавиться.

— Как? — Он был в ужасе.

— Похорони его. Как-нибудь избавься. Ничего такого не произошло. Ничего вообще не было, ничего.

Анна запустила бледные пальцы в волосы, потянула с силой.

— Да, ничего не было. — Голос безжизненный. — Как в прошлый раз. Как в следующий раз. Ничего и никогда.

Георг подошел к сверточку, отпрянул, не может взять его в руки.

— Возьму плащ.

Я кивнула в сторону больших сундуков, стоящих вдоль стены. Он открыл один. Сладкий запах лаванды и сухих трав наполнил комнату. Брат вытащил темный плащ.

— Не этот, — махнула рукой Анна. — Этот настоящим горностаем подбит.

Георг застыл, пораженный таким неподобающим случаем высказыванием, но покорно взял другой плащ, набросил его на маленький сверток на полу. Такой маленький, что, даже завернутый в плащ, он терялся под мышкой у брата.

— Не знаю даже, где копать, — тихонько прошептал он мне, не спуская глаз с Анны.

Она все тянула сама себя за волосы, словно проверяя — жива ли еще.

— Спроси Уильяма. — Благодарение Господу, у нас есть помощник. — Он сообразит.

— Никто знать не должен, — простонала Анна.

— Иди, — подтолкнула я Георга.

Он вышел из комнаты со свертком под мышкой, будто завернул книгу в плащ, чтобы от сырости уберечь.

Дверь захлопнулась, я занялась Анной. Перестелила постель — простыни заляпаны кровью. Сняла с нее грязную ночную рубашку. Порвала белье на куски, спалила в камине. Вытащила свежую сорочку, уложила сестру в кровать, накрыла одеялом. Бледная как смерть, зубы стучат. Какая же она крошечная, словно усохшая под этими толстыми,

искусно расшитыми покрывалами, за роскошным пологом королевской кровати.

— Давай подогрею тебе пряного вина.

В комнате, смежной со спальней, стоит большой кувшин, остается только сунуть туда раскаленную кочергу. Я плеснула немного бренди, налила питье в золотую чашу. Подержала сестру за плечи, пока та пила. Она больше не дрожит, но смертная бледность не проходит.

— Спи, — приказала я. — Я побуду с тобой.

Влезла под одеяло рядом с ней. Обняла, пусть согреется. Животик теперь плоский, тело такое маленькое, как у ребенка. Ночная рубашка на моем плече намочила, Анна беззвучно рыдает, слезы струятся из-под закрытых век.

— Спи, — безнадежно повторила я. — Больше нам нечего делать. Спи, Анна.

Она не открыла глаз.

— Сплю, — шепнула в ответ. — И Бога молю больше никогда не проснуться.

Конечно, утром она проснулась. Проснулась, приказала сделать ванну и чтобы вода была погорячей, будто хотела заживо свариться, только бы не чувствовать этой непереносимой боли в сердце и во всем теле. Стояла в ванне, неистово терла себя мочалкой, а потом легла в мыльную пену, приказала служанке подбавить еще кипятку. И еще. Король прислал сказать, что будет на завтраке, она обещала присоединиться к нему за завтраком — она слушает мессу у себя. Велела мне взять мыло и мочалку и тереть ей спину до красноты. Вымыла голову, заколола волосы на затылке, а сама снова легла в ванну. Кожа уже пылает, нет, приказала добавить еще горячей воды, а потом принести согретую простыню, чтобы вытереться.

Теперь сидит у камина, сушит волосы. Велела горничной разложить лучшие платья, выбирает, какое надеть сегодня, а какие взять с собой в путешествие. Я остаюсь в комнате, молча слежу за ней, пытаюсь понять, к чему это крещение в кипятке, зачем такой парад роскошных платьев. Служанки помогают ей одеться, туго шнуруют, так чтобы из выреза платья дразнили соблазнительные округлости груди. Чепец не скрывает блестящих черных волос, удлиненные пальцы гнутся под тяжестью колец, любимая золотая подвеска с буквой „Б“ — Болейн. Перед тем как выйти из комнаты, помедлила

перед зеркалом, бросила своему отражению знакомую соблазнительную полуулыбку.

— Как ты себя чувствуешь? — Я наконец напомнила о своем присутствии.

Обернулась, алый шелк платья завился вокруг лодыжек, бриллианты в перстнях блеснули огнем.

— *Vien sur!* Отлично, как всегда. А ты сомневалась?

— Конечно нет. — Я попятилась, выходя из комнаты. Не от почтения к королеве, как ей бы того хотелось, просто не могу больше всего этого выносить. Ненавижу Анну, когда она вот такая каменная и сверкающая. Смотрю на нее, а самой поскорее хочется вернуться к Уильяму — его ласковой нежности, миру, где все просто и ясно.

Я знала, где искать мужа, — он, как всегда, прогуливался у реки с малюткой на руках.

— Отправил кормилицу позавтракать, — протянул мне малышку. Я ткнулась носом в ее мягкую макушку, щекой почувствовала бьющуюся жилку. Вдохнула сладкий младенческий запах, закрыла глаза от удовольствия. Уильям обнял меня, прижал к себе.

Я замерла на мгновенье, нет ничего приятнее прикосновения мужа, тепла дочкиного тельца, над головой — крики чаек и летнее солнышко. Тропинка идет вдоль реки, мы прогуливаемся взад-вперед.

— Как сегодня королева?

— Будто ничего не случилось. Этого будем и держаться — ничего не случилось.

Он кивнул, начал задумчиво:

— Хочу кое-что спросить, ты только не обижайся.

— И что же это?

— Что с ней такое? Почему не может доносить ребенка?

— Она же родила Елизавету.

— А с тех пор?

Я искоса взглянула на мужа:

— Давай договаривай.

— Каждому бы такая мысль в голову пришла, знай он то, что я знаю.

— Ну говори уж! — В моем голосе появились резкие нотки.

— Сама знаешь.

— Нет, ты скажи.

Он мрачно хмыкнул.

— Не смотри на меня так, словно ты — твой дядюшка, у меня уже душа в пятки ушла.

Я расхохоталась, покачала головой:

— Ну вот, больше не смотрю. Что у тебя на уме? Что бы люди сказали? А то пытаешься рот раскрыть, да никак выговорить не можешь.

— Люди бы сказали, что у нее грех на душе, ведовство, сделка с дьяволом. Не сердись, дорогая, ты бы и сама так подумала. Может, ей на исповедь пойти или в паломничество — грех замолить, совесть очистить. Не знаю, почему мне знать. Я и *знать не хочу*. Но она, похоже, что-то ужасное совершила.

Я резко повернулась, пошла прочь. Уильям догнал меня.

— Ты сама, наверно...

— Никогда, — решительно мотнула головой. — Знать не знаю, ведать не ведаю, что она сделала, чтобы стать королевой. Не представляю, как ей своего добиться — родить мальчика. Не знаю и знать не хочу.

Мы шли в молчании, Уильям поглядывал на меня.

— Если у нее своего сына не будет, ей понадобится твой. — Он знал, я думаю о том же.

— И то правда, — горестно шепнула я и сильнее прижала малышку к себе.

Через неделю двор отправился в путешествие, а мне разрешили поехать повидаться с детьми. В суете и суматохе больших сборов я стараюсь быть поосторожней — словно в посудной лавке танцую, вдруг у королевы опять переменится настроение.

Но удача меня не оставила, я не успела ничем прогневать Анну. Мы с Уильямом махали на прощание королевскому поезду, двор отправлялся на юг — в роскошные дворцы и уютные городки Суссекса, Гемпшира, Уилтшира и Дорсета. Анна в роскошном, белом с золотом наряде, рядом Генрих — все еще красавец-король, особенно верхом на могучем жеребце. Анна на своей кобыле скачет прямо рядом с ним, как тогда — всего два, три, четыре лета тому назад, когда он ее добивался, а она пыталась ухватить золотой приз — королевскую корону.

Она все еще может заставить его слушать, может его рассмешить. Все еще скачет во главе двора словно девочка, решившая прокатиться в солнечный денек. Никто не знает, чего ей это стоит — мчаться без усталости, бросать королю остроты, махать поселянам, собирающимся по обеим сторонам дороги — из любопытства, не от любви. Никому и в голову не приходит, как тяжело ей это дается.

Уильям и я машем, куда они не скрываются вдали, потом возвращаемся во дворец забрать дочку и кормилицу. Десятки тележек и повозок с королевским добром выезжают на дорогу. Теперь наш черед, на юг, в Кент, в Гевер, к нашему лету с детьми.

Как же я ждала этой минуты, сколько о ней молилась весь год! Благодарение Богу, до Кента сплетни не доходят, так что дети не знают обо всех наших семейных передрягах. Мне разрешили послать им письмо, где сообщалось, что я вышла замуж за Уильяма и ожидаю ребенка. Им сообщили, что родилась девочка, что у них теперь есть сестричка. Оба горят нетерпением увидеть меня и маленькую сестричку, а мне не терпится обнять их.

Я вижу — они на мосту, ждут нашего появления. Мы уже в парке, Екатерина толкает Генриха, оба несутся нам навстречу, девочка высоко задирает юбку, чтобы не мешала бежать, длинноногий мальчик легко ее обгоняет. Я спрыгиваю с лошади, ловлю обоих в свои объятья. Они прижимаются ко мне. Обнимают крепко-крепко, не оторвешь.

Как же оба выросли! До чего же быстро они растут в мое отсутствие. Генрих мне уже по плечо, наверно, будет высоким, крепко сложенным, как папаша. Екатерина, еще год-другой — и девица, высокая, как брат, привлекательная. Болейновские карие глаза и лукавая улыбка. Отстранила дочку от себя. Поставила рядом — получше рассмотреть. Фигурка уже принимает женственные очертания, в глазах — ожидание взрослой жизни, надежда, доверие.

— Екатерина, становишься новой болейновской красавицей, — говорю я, и девочка, густо покраснев, снова прячется у меня в объятьях.

Уильям спешивается, обнимает Генриха, замирает почтительно перед Екатериной.

— Похоже, тебе уже пора целовать ручки.

Она смеется, крепко его обнимает:

— Я так рада, что вы поженились. Как прикажешь тебя теперь величать — отец?

— Да. — Голос твердый, словно дело давно решенное. — Зови отцом, а иногда можешь сэром.

Она только хихикает:

— А где девочка?

Я подошла к кормилице, ехавшей на муле, взяла у нее из рук младенца:

— Вот она. Твоя сестричка.

Екатерина берет ее на руки и тут же принимается ворковать над малышкой. Генрих склоняется над ними, откидывает покрывальце, смотрит на крохотное личико:

— Какая маленькая!

— Она быстро вырастет. Родилась и того меньше.

— А она часто плачет?

— Не слишком, — улыбаюсь я. — Не то что ты. Ты был настоящим плаксой.

— Правда? — До чего же хороша открытая мальчишеская улыбка.

— Чистая правда.

— Он и сейчас плакса! — Чего еще ждать от старшей сестры?

— Вовсе нет, — возражает мальчик. — Матушка и... отец, что же вы стоите? Обед уже почти готов. Мы не знали точно, когда вы приедете.

Уильям обнимает паренька за плечи, идет к дому.

— Давай расскажи про учебу. Говорят, тебя учат монахи-цистерцианцы? Занимаешься греческим или только латынью?

— Можно я ее понесу? — спрашивает Екатерина.

— Хоть весь день с ней играй, — разрешаю я. — Няне нужно чуть-чуть отдохнуть.

— А она скоро проснется? — Екатерина глаз не сводит с малютки.

— Скоро. Тогда увидишь ее глазки. Красивые, темно-синие. Может, она даже соизволит тебе улыбнуться.

Осень 1535

Осенью я получила от Анны только одно письмо:

Дорогая сестрица! Мы охотимся, особенно в почете соколиная охота, и добыча неплохая. Король много времени проводит в седле и даже купил по дешевке нового жеребца. Получили немало удовольствия, остановившись у Сеймуров в Вулфхолле. Джейн разыгрывала гостеприимную хозяйку, вежливая, сил нет, так бы и убила. Прогуливалась с королем по саду, показывала лекарственные растения — бедных лечить, хвасталась вышивками и ручными голубями. У них даже рыба в пруду приплывает кормиться из рук. Джейн день-деньской сидит на кухне, следит, как отцу готовят обед, думает — все, что женщине надо, так это быть служанкой при мужчине. Само очарование — мочи нет. Король вокруг нее увивается словно мальчишка-школьник. Можешь себе представить, меня этим не купишь, но я продолжаю улыбаться, я-то знаю — козырный туз у меня, не в рукаве, в животе.

Благодарение Богу, на этот раз все благополучно. Пишу тебе из Винчестера, а потом мы едем в Виндзор, приезжай к нам туда.

Ты мне там будешь нужна. Следующей весной родится ребенок, и все будет в порядке. Не говори никому — даже Уильяму. Надо хранить молчание как можно дольше, кабы опять чего не случилось. Только Георг знает, и теперь ты. Я ничего не скажу королю, буду ждать третьего месяца. На этот раз, похоже, младенец растет крепкий. Молись за меня.

Анна

Я нащупала в кармане четки, от всего сердца шепчу молитву — пусть на этот раз ей удастся доносить и пусть это будет мальчик. Еще одного выкидыша нам не пережить, кто-нибудь да обнаружит тайну, уничтожит нашу удачу. А то и сама Анна ненароком оступится, не сможет удержаться на тернистом пути непоколебимого честолюбия, доходящей до сумасшествия погони за успехом.

Я смотрела, как служанка укладывает мои наряды — пора возвращаться в Виндзор. В дверь тихо постучали, вошла Екатерина.

Я приветствовала дочь улыбкой, она села рядом, смотрит на застежки туфель, явно хочет что-то сказать.

— В чем дело? Скажи мне, Кэт, не давай слов.

Она подняла голову:

— Я хочу тебя кое о чем попросить.

— Конечно, дорогая.

— Я знаю, Генрих останется с другими мальчиками в школе у цистерцианцев, пока королева не прикажет ему быть при дворе.

— Да, — процедила сквозь зубы.

— Можно мне поехать с тобой? Мне уже почти двенадцать.

— Тебе только одиннадцать.

— Почти двенадцать. Сколько тебе было, когда ты из Гевера уехала?

— Четыре. — Я скривила губы. — От этого и пытаюсь тебя уберечь. Я плакала каждую ночь, пока мне не исполнилось пять.

— Но мне уже почти двенадцать.

— Ты права. — До чего же она настойчива! — Поедешь со мной. Я за тобой там присмотрю. Может, Анна возьмет тебя придворной дамой. И Уильям тоже будет за тобой присматривать.

Я подумала о всевозрастающем распутстве двора, о том, что новая болейновская девчонка привлечет к себе всеобщее внимание. Хрупкая красота моей дочери в безопасности в Гевере, чего не скажешь о королевском дворе.

— Наверно, уже пора. Но надо спросить разрешения дядюшки Говарда. Если он позволит, поедешь на следующей неделе вместе с нами.

Лицо просияло, захлопала в ладоши.

— А новые платья у меня будут?

— Наверно.

— А новая лошадка? Придется же ездить на охоту?

— Четыре новых платья, новая лошадь. — Я загибала пальцы. —
Что еще?

— Чепец и плащ, я из старых уже выросла.

— Хорошо, чепец, плащ.

— Это все. — Она дышать не могла от восторга.

— Ничего, справимся, — пообещала я. — Но помни, мисс Екатерина, двор не такое уж милое местечко для юной девицы, особенно хорошенькой юной особы. Надеюсь, ты будешь слушаться, никаких ухаживаний, любовных писем. Если что, немедленно говори мне. Не желаю, чтобы ты оказалась при дворе с разбитым сердечком.

— Нет, нет! — Она танцевала по комнате как дворцовый шут. — Конечно нет. Я буду слушаться. Ты только скажи, я все сделаю. И наверно меня там вообще никто не заметит.

Юбка вьется вокруг колен, тоненькая фигурка, копна волос.

— Не беспокойся, заметят, — угрюмо усмехнулась я. — Они тебя заметят, дочурка.

Зима 1536

Никогда еще я так приятно не проводила двенадцать дней после Рождества. Анна ждет ребенка, поэтому излучает здоровье и уверенность. Уильям, теперь уже признанный муж, рядом, малышка в колыбели, красавица-дочь при дворе, Генрих приехал на рождественские каникулы — Анна, опекунша, разрешила. Усаживаясь в двенадцатую ночь за обед в главной зале, вижу сестру на английском троне и всю семью за лучшим столом.

Начинаются танцы.

— Ты просто сияешь, — говорит Уильям, занимая место напротив меня.

— Отчего же не сиять? Наконец-то Болейны получили все, что хотели, могут чуть-чуть расслабиться.

Он смотрит на Анну, ведущую дам в замысловатой фигуре танца, тихонько спрашивает:

— Она беременна?

— Да, — шепчу я в ответ. — Как ты догадался?

— По глазам. К тому же только в это время она способна быть вежливой с Джейн Сеймур.

Не могу сдерживать смехов. Джейн, бледная невинность в кремово-желтом платье, стоит опустив глаза долу в кругу танцующих, ожидает своей очереди. Делает шаг вперед, в центр круга. Король пожирает ее глазами как кусок марципанового пирога с глазурью.

— Суший ангел, — замечает Уильям.

— Змея она напудренная — вот кто, — решительно возражаю я. — Перестань тарашиться, я этого не потерплю.

— Анна же терпит, — говорит он вызывающе.

— Поверь мне, она этого не допустит.

— Она зарывается, — заявляет Уильям. — В один прекрасный день он устанет от скандалов, и девушка вроде Джейн Сеймур покажется тихой гаванью.

Качаю головой:

— Она в неделю его уморит — от скуки помрет. Он король, любит охоту, поединки, развлечения. Только мы — девушки из семьи Говард

— способны принимать во всем этом участие. Не веришь — посмотри сам.

Уильям переводит взгляд с Анны на Мадж Шелтон, потом на меня и наконец на Екатерину Кэри, мою прелестную дочурку. Она сидит, смотрит на танцующих, поворот головы — точь-в-точь зеркальное отражение кокетливой позы Анны.

Мой муж улыбается:

— Я поступил мудро — сорвал самый пышный цветок. Мне досталась лучшая из сестер Болейн.

На следующее утро мы с Екатериной и Анной сидим в покоях королевы. Анна заставила придворных дам вышивать престольную пелену, это напомнило мне времена королевы Екатерины — бесконечное вышивание голубого неба, растянувшееся, казалось, на целую вечность, а ведь тем временем решалась ее судьба. Екатерине, как самой младшей и скромной из придворных дам, позволено лишь подрубать огромный прямоугольник материи, в то время как остальные дамы, стоя на коленях или придвинув табуреты, трудятся над центральной частью. Их болтовня подобна летнему воркованию голубей, лишь голос Джейн Паркер звучит не в лад. Анна, с иголкой в руках, откинувшись в кресле, слушает музыку. У меня тоже нет охоты вышивать, сидя у окна, всматриваюсь в застывший от холода сад.

Громкий стук, дверь распахивается. Входит дядюшка, ищет глазами Анну. Она поднимается на ноги.

— В чем дело? — спрашивает без церемоний.

— Королева умерла.

Он в таком волнении, что забывает — ее надо называть вдовствующей принцессой.

— Умерла?

Дядя кивает. Анна заливается краской, лицо расплывается в улыбке.

— Слава Богу, — произносит она просто. — Наконец-то все кончено.

— Господи, благослови и помилуй ее, — шепчет Джейн Сеймур.

Темные глаза Анны вспыхивают от гнева.

— И помилуй вас, Джейн Сеймур, раз вы забыли, что вдовствующая принцесса бросила вызов королю, заманила брата

своего мужа в капкан фальшивого брака, принесла ему немало горя и боли.

Но Джейн не дрогнула.

— Мы обе служили ей, — мягко напоминает она. — Королева была доброй женщиной и милостивой госпожой. Конечно, я говорю: „Господи, благослови ее“. С вашего позволения, я покину вас и помолюсь за нее.

Казалось, Анна не разрешит. Но, поймав жадный взгляд Джейн Паркер, сестра вспоминает — не пройдет и пары часов, как двор будет во всех подробностях обсуждать малейший скандал.

— Конечно идите, — произносит она почти ласково. — Кто еще пойдет к мессе вместе с Джейн, а кто со мной к королю — праздновать?

Выбор сделать нетрудно. Джейн уходит одна, а мы отправляемся через главную залу к королю.

Он приветствует Анну радостным воплем, обнимает, целует. Можно подумать, он никогда не был рыцарем Верное Сердце для своей королевы Екатерины. Можно подумать, не стало его злейшего врага, а не женщины, двадцать семь лет преданно любившей его, умершей с его именем на устах. Он зовет распорядителя увеселений — поскорее устроить праздник с пиром, с танцами. Английский двор веселится — женщина, не сделавшая ничего плохого, умерла в одиночестве, разлученная с дочерью, отвергнутая мужем. Анна и Генрих одеваются в желтое — радостный, солнечный цвет. В Испании это траурный королевский цвет, хорошая получилась шутка — послы могут доложить императору о двусмысленном оскорблении.

Я не сумела выдавить улыбку, глядя, как Генрих и Анна празднуют победу. Повернулась, пошла к дверям. Кто-то ухватил меня за локоть — дядюшка.

— Ты останешься!

— Это низость.

— Да, возможно. Но ты останешься.

Попыталась ускользнуть, но он держит крепко.

— Она была врагом твоей сестры и нас всех. Она чуть не свалила нас, чуть не победила.

— И было бы справедливо! Мы оба знаем.

Улыбается от души. Его развлекает мое негодование.

— Справедливо или нет, она мертва, а твоя сестра стала королевой, этого никто отрицать не может. Испания не нападет, Папа отменит отлучение от церкви. Возможно, она была права, но ее правота умерла вместе с ней. Если Анна родит сына, мы получим все. Так что останься и смотри повеселей.

Я покорно остаюсь стоять рядом с ним. Анна и Генрих отошли к окну, говорят о чем-то. Сблизили головы, быстрое журчание их речи предупреждает любого — вот величайшие заговорщики на свете. Даже Джейн Сеймур поняла бы — ей не разрушить это единство. Когда королю нужен ум, такой же быстрый и такой же неразборчивый в средствах, как у него, он идет к Анне. Пусть Джейн молится за королеву, Анна будет плясать на ее могиле.

Придворные, предоставленные сами себе, разбиваются на группки и парочки, судачат о кончине королевы. Уильям оглядывает комнату, замечает — я стою с унылым видом возле дяди, подходит предъявить свои права.

— Она остается здесь, — заявляет дядя. — Мы должны держаться вместе.

— Она поступит так, как сочтет нужным, — возражает Уильям. — Не стану ей указывать.

Дядя поднимает бровь:

— Что за редкостная жена!

— Как раз такая мне подходит. — Уильям смотрит на меня. — Ты уходишь или хочешь остаться?

— Пожалуй, останусь. — Мне не хочется спорить. — Но танцевать не буду. Это неуважение к ее памяти, не хочу в этом участвовать.

Появляется Джейн Паркер, заглядывает Уильяму через плечо:

— Говорят, ее отравили. Вдовствующую принцессу. Умерла внезапно, в страшных мучениях, ей что-то подсыпали в пищу. Как вы думаете, кто мог такое сделать?

Старательно отводим глаза от королевской четы — кто больше них выиграл от смерти Екатерины?

— Это бесстыдная ложь. На твоем месте я не стал бы ее повторять, — советует дядюшка.

— Но весь двор только об этом и говорит, — оправдывается она. — Все спрашивают — если ее отравили, то кто?

— Так отвечай: ее вовсе не отравили, она умерла от тоски, слишком много тосковала. Полагаю, женщина может умереть и от клеветы, особенно если порочит могущественную семью.

— Это и моя семья, — напоминает Джейн.

— Совсем забыл, — отвечает дядя. — Ты так редко бываешь с Георгом, от тебя так мало проку, я иногда даже забываю, что ты наша родственница.

Одно мгновение она выдерживает его взгляд, потом опускает глаза.

— Я бы и рада больше бывать с Георгом, но он вечно пропадает у сестры, — заявляет невозмутимо.

— У Марии? — делано удивляется дядюшка.

Джейн вскидывает голову:

— У королевы. Они неразлучны.

— Он понимает — надо быть полезным королеве, надо быть полезным семье. Ты тоже могла бы быть всецело в распоряжении королевы, да и в распоряжении мужа.

— Сомневаюсь, что ему вообще нужна женщина, — взрывается Джейн. — Кроме королевы, разумеется. Вечно он то с ней, то с сэром Франциском.

Я так и застыла, даже на Уильяма не осмеливаюсь взглянуть.

— Твой долг — быть рядом с мужем, нужна ты ему или нет, — спокойно отвечает дядя.

Боюсь, она начнет спорить, но Джейн только хитренько улыбается и отходит.

Анна позвала меня к себе за час до обеда. Заметила — я не переоделась в желтое к празднику.

— Тебе лучше поторопиться!

— Я не иду.

Думала, начнет требовать, но Анна предпочла уклониться от ссоры.

— Ладно, только объяви, что нездорова. Не желаю лишних вопросов.

Полюбовалась на свое отражение в зеркале.

— Можешь мне объяснить, почему я поправляюсь быстрее, чем с предыдущими? Значит, ребенок лучше растет, правда? Значит, он крепкий?

— Конечно, — успокоила я. — Ты хорошо выглядишь.

Она уселась перед зеркалом.

— Расчеси меня. Никто не делает этого лучше.

Сняла с Анны желтый чепчик, оттянула назад густые блестящие волосы. Взяла одну из ее серебряных щеток, потом другую, словно лошадь чищу.

Анна откинула голову в ленивом наслаждении.

— Он будет крепким. Никто не знает, как был зачат этот ребенок, Мария. И никто никогда не узнает.

Мои руки вдруг отяжелели, стали неловкими. В голове промелькнуло — колдуньи, заклятья, чем еще она воспользовалась?

— Он будет величайшим принцем, которого знавала Англия, — продолжала Анна тихонько. — Потому что я дошла до врат ада, чтобы заполучить его. Ты никогда не узнаешь.

— Так и не говори, — попросила я малодушно.

Она рассмеялась:

— О да! Подбери юбки, чтобы не выпачкаться в грязи, сестренка. Ради Англии я отважилась на такое, что тебе и не снилось.

Заставила себя снова взяться за щетку, успокаивающе приговариваю:

— Уверена, ты совершенно права.

Несколько минут она сидела спокойно, потом открыла глаза и удивленно произнесла:

— Мария, наконец-то!

— Что?

— Ребенок! Он только что шевельнулся.

— Где, покажи!

Она нетерпеливо шлепнула рукой по тугому корсажу.

— Вот здесь! Прямо здесь! — Она затихла, лицо сияет, раньше я никогда ее такой не видела. — Снова! Как легкое трепетание. Это мой ребенок, он шевелится. Хвала Господу, я жду ребенка, живого ребенка!

Она вскочила, волосы в беспорядке падают на плечи.

— Беги скажи Георгу!

Даже зная их близость, я удивилась:

— Георгу?

— Я имела в виду королю, — поспешно поправилась Анна. — Приведи его сюда.

Я побежала в королевские покои. Его одевают к обеду, в спальне с полдюжины кавалеров. Прямо в дверях я нырнула в реверансе, он просиял от удовольствия при виде меня:

— Это же другая Болейн! Та, у которой хороший характер!

По комнате прокатились смешки.

— Королева умоляет вас, сэр, тотчас прийти к ней. У нее хорошая новость, которую она не может скрывать ни минуты.

Рыжеватые брови приподнялись. Вид у него поистине величественный.

— Она посылает вас, словно пажа, привести меня как щенка?

Я снова сделала реверанс.

— Сэр, ради такой новости я готова бежать со всех ног, а вы, зная, в чем дело, пошли бы на свист.

За моей спиной раздался ропот, но король уже накинул золотистую мантию, разгладил обшлага из меха горностая.

— Ведите, леди Мария. Щенок готов идти на свист. За вами — куда угодно.

Легонько коснулась его протянутой руки, он притянул меня ближе, я не сопротивилась.

— Замужество идет вам, Мария, — шепнул он доверительно, пока мы спускались по лестнице, половина придворных — за нами. — Вы прелестны, как в те времена, когда были моей маленькой возлюбленной.

Чем сильнее он ластится, тем больше я настораживаюсь.

— Это дело давнее, — отвечаю осторожно. — Зато ваше величие с тех пор по меньшей мере удвоилось.

Как только у меня вырвались эти слова, прокляла себя за глупость. Хотела сказать: он стал могущественнее, прекраснее, а получилось — какая же я идиотка, — что он стал в два раза толще (чудовищная, но правда).

Он так и застыл, не дойдя трех ступенек до конца лестницы. Я глаз не смела поднять, чуть на колени не упала со страха. Хоть весь свет обойди, среди придворных дам не найдешь более неловкой, с моей страстью говорить комплименты и полным неумением делать это как следует.

Раздался громовой рев, я взглянула на короля и, к невероятному облегчению, увидела — он хохочет.

— Леди Мария, вы что, совсем разум потеряли? — осведомился он.

Я тоже начала смеяться:

— Похоже на то, ваше величество. Я имела в виду, тогда вы были моложе, я была девчонкой, зато теперь вы король среди принцев, а получилось...

Мои слова заглушил новый раскат хохота. Придворные позади нас вытянули шеи, наклонились, желая понять, что развеселило короля, почему я краснею от стыда и смеюсь одновременно.

Генрих обхватил меня за талию, крепко обнял.

— Мария, я вас обожаю! Вы лучшая из Болейнов, никто не может так рассмешить. Ведите меня скорей к жене, а то вы можете сказать совершенно страшные вещи, и придется отрубить вам голову.

Я выскользнула из его жестких объятий, повела дальше, на половину королевы, придворные — за нами. Анна все еще во внутренних покоях, я постучала в дверь и объявила о приходе короля. Она стоит с распущенными волосами, держа чепец в руках, лицо сияет удивительным светом.

Генрих входит, я закрываю за ним дверь, встаю перед ней — никто не сможет подойти ближе и подслушать. Это величайший миг в жизни Анны, пусть сполна насладится им. Пусть скажет королю, что беременна и в первый раз после Елизаветы ребенок шевельнулся у нее в животе.

Входит Уильям, видит меня перед дверью, проталкивается через толпу придворных.

— Стоишь на страже? Руки в боки, прямо как торговка, защищающая свое ведро с рыбой.

— Она сейчас рассказывает королю, что беременна. Имеет право обойтись наконец без этой проклятой Сеймур.

Появляется Георг:

— Что рассказывает?

— Ребенок шевельнулся. — Я улыбаюсь брату, предвкушая его радость. — Она сразу же послала меня за королем.

Вместо радости вижу что-то другое, на его лицо набегают тень. Георг всегда так выглядит, если сделал что-то дурное. Знаю я его виноватый взгляд. Что-то мелькнуло в его глазах и исчезло, я даже не уверена, было ли на самом деле, но теперь я знаю, совершенно точно

знаю — его совесть нечиста, путешествие ко вратам ада, дабы зачать наследника для английского трона, они совершили вместе.

— Господи, что такое? Что вы оба наделали?

Пустая придворная улыбка.

— Ничего, ничего! Какое счастье! Какие дни! Екатерина мертва, а новый принц жив. *Vivat*, Болейны!

Уильям не может сдержать улыбку.

— Твои родственники всегда поражают меня своим умением воспринимать любое событие в свете собственных интересов, — учтиво замечает он.

— Имеешь в виду веселье по случаю смерти королевы?

— Вдовствующей принцессы, — одновременно поправляем мы с Уильямом.

— Ага, именно ее, — ухмыляется Георг. — Конечно мы рады. Твой изъяс, Уильям, — отсутствие честолюбия. Ты не понимаешь, в жизни есть только одна цель.

— Какая же? — интересуется мой муж.

— Всего и побольше, — просто отвечает брат. — И чем больше, тем лучше.

Весь мрачный холодный январь мы с сестрой провели вместе — читали, играли в карты, слушали музыку. Георг все время подле Анны, как любящий муж, — подает питье, подсовывает подушку под спину, она просто расцветает от его внимания. У нее также появилась слабость к Екатерине, и я имела возможность наблюдать, как моя дочь, подражая манерам придворных дам, грациозно сдает карты или перебирает струны лютни.

— Вижу, растет настоящая Болейн! — Анна одобрительно смотрит на Екатерину. — Слава Богу, у нее мой нос, не твой.

— Я каждую ночь благодарю Бога за это. — Сарказм всегда ускользает от Анны.

— Мы должны подыскать ей хорошую партию. Она же моя племянница, и король проявит интерес.

— Не хочу пока выдавать ее замуж, тем более против воли.

— Она же Болейн, ее брак совершится по выбору семьи.

— Она — моя дочь, и ее не продадут тому, кто даст лучшую цену. Ты можешь обручить Елизавету в колыбели, это твое право, в один

прекрасный день она станет принцессой, но мои дети будут детьми, пока сами не захотят вступить в брак.

Анна кивнула, пусть будет так.

— Твой сыночек по-прежнему принадлежит мне, — заметила, чтобы сравнять счет.

— Никогда не забуду, — стиснула зубы, но голос звучит спокойно.

Погода держалась ясная. Каждое утро подмораживало, гончие хорошо брали след и гнали оленя через парк и дальше, по полям. Лошадям приходилось тяжелее. Генрих менял коня дважды, трижды в день, парясь под толстым плащом в ожидании конюха со свежей охотничьей лошастью в поводу. Он скакал как юноша, потому что снова ощущал себя молодым — будущий отец сына от прелестной жены. Екатерина умерла, словно ее никогда и не было, Анна ждет ребенка, вернулась его вера в себя. Бог улыбается Генриху, и он верит — так и должно быть. В стране царит мир. Теперь, когда королева умерла, не будет угрозы испанского вторжения. Результат — лучшее доказательство. Раз в стране мир и Анна беременна — значит, Бог против Папы и императора Испании. Самонадеянно считая, что Бог на его стороне, Генрих совершенно счастлив.

Анна тоже довольна. Мир принадлежит ей, как никогда раньше. Екатерина, соперница, теневая королева, омрачавшая ее путь к трону, наконец мертва. Дочь Екатерины, которая угрожала правам ее детей на трон, теперь вынуждена признать поражение, занять второе место. Елизавете присягнули на верность все мужчины, женщины и дети в стране, те же, кто отказался, — в Тауэре или кончили жизнь на плахе. И самое лучшее — Анна носит под сердцем крепкого, быстро растущего ребенка.

Генрих объявил — состоится рыцарский турнир, каждый, кто считает себя мужчиной, должен, взяв коня и оружие, принять вызов. Генрих сам решил сражаться, вновь обретенная молодость и самоуверенность толкают его бросить вызов всем и каждому. Уильям, без конца жалующийся на дороговизну, одолжил доспехи у другого бедного рыцаря и выступил в первый день турнира, больше заботясь о коне, чем о победе. Он удержался в седле, но противник без труда был признан победителем.

— Помоги мне Боже, я вышла замуж за труса! — говорю я.

Уильям подходит к нашему шатру. Впереди, под навесом, сидит Анна, закутанные в меха дамы стоят позади.

— Видит Бог, ты права. Зато моя охотничья лошадь не получила ни царапины, а это куда важнее, чем считаться героем.

— Ты простой человек. — Я нежно улыбаюсь ему.

Обнимает меня за талию, притягивает к себе, целует украдкой.

— У меня заурядные вкусы — люблю жену, люблю мир и покой, люблю свою ферму, а самый лучший обед для меня — кусок хлеба с ломтиком бекона.

Прижимаюсь ближе, шепчу:

— Хочешь уехать домой?

— Только вместе с тобой, — мирно отвечает Уильям. — Она родит и отпустит тебя.

Генрих выступал в первый день и добился победы. На второй день Анне с утра нездоровилось, поэтому она решила сойти вниз только в полдень. Мне она велела не отходить от нее, часть придворных дам тоже осталась, а другие отправились смотреть турнир. Дамы в ярких платьях, некоторые джентльмены — уже в доспехах.

— Георг позаботится об этой Сеймур, — заявила Анна, глядя в окно.

— Король будет думать только о поединке, — успокоила я. — Он больше всего на свете любит выигрывать.

Утро мы провели мирно. Снова разложили престольную пелену, я взялась за большую, скучную полоску травы, Анна вышивает покров Богородицы. Между нами простирается длинный кусок, еще ждущий своего часа, — святые попадают на небеса, черти низвергаются в ад. Вдруг за окном шум — всадник галопом проскакал к замку.

— Что там? — Анна подняла голову от вышивания. Встав на колени на скамью под окном, я выглянула наружу:

— Кто-то несется как сумасшедший. Въехал на конюшенный двор. Интересно зачем...

Я прикусила язык. Две крепкие лошади вывозят из конюшенного двора королевские носилки.

— Что там? — спросила Анна у меня за спиной.

— Ничего. — Я вспомнила о ее ребенке. — Ровным счетом ничего.

Она поднялась с кресла, встала у меня за спиной, но носилки уже исчезли из виду.

— Кто-то прискакал в конюшню, наверно, конь короля потерял подкову. Ты же знаешь, он терпеть не может остаться без лошади хоть на миг.

Она кивнула, но осталась наблюдать за дорогой, опираясь о мое плечо.

— Там дядя Говард!

Впереди — болейновский штандарт, с дядюшкой группка людей, они подъезжают к замку, скрываются на конюшенном дворе.

Анна возвращается в кресло. Немного погодя мы слышим — хлопает входная дверь, шаги на лестнице, входит дядя. Анна поднимает голову, смотрит вопрошающе. Он отвешивает поклон. Что-то мне не нравится — обычно он не кланяется Анне так низко. Анна вскакивает на ноги, вышивание соскальзывает с колен на пол, одной рукой она зажимает рот, другая — на распушенном корсаже.

— Дядя?

— С сожалением сообщаю вам, его величество упал с коня.

— Он ранен?

— Серьезно ранен.

Анна побелела и чуть не упала.

— Нам надо приготовиться, — сурово произносит дядя.

Усаживаю Анну, обращаюсь к дядюшке:

— Приготовиться к чему?

— Если он умрет, необходимо защитить Лондон и Северную Англию. Анне надо написать обращение. Она станет регентшей, пока мы не учредим совет. Я буду ее представлять.

— Умрет? — повторяет Анна.

— Если он умрет, нам придется объединять страну. Ребенок у тебя в утробе еще не скоро станет мужчиной. Надо разработать план. Мы должны быть готовы защитить страну. Если Генрих умрет...

— Умрет? — вновь спрашивает Анна.

Дядя Говард глядит на меня:

— Сестра объяснит тебе, нельзя терять времени. Надо защитить Англию.

Анна совсем потеряла голову, сейчас от нее не больше толку, чем от ее мужа. Она не может вообразить мир, где его нет.

Она не способна ни подчиниться дядиным требованиям, ни защитить страну, где больше не правит король.

— Я все сделаю сама, — вмешиваюсь я. — Составлю и подпишу. Не надо приставать к ней, дядя Говард. Она не должна волноваться, ей нужно думать о ребенке. У меня похожий почерк, наши письма путали и раньше. Я напишу и подпишу.

Он явно обрадовался. Что одна сестра Болейн, что другая. Придвигает табурет к письменному столу. Коротко бросает:

— Начнем. „Да будет вам известно...“

Анна полулежит в кресле, глаз не сводит с окна, одна рука на животе, другая зажимает рот. Носилки не показываются, значит, с королем неладно. Если человек просто ушибся, его сразу несут домой, если он близок к смерти, с ним обращаются осторожнее. Пока Анна, не отрываясь, смотрит в сторону конюшен, я начинаю понимать — вся надежность нашего существования, вся наша безопасность исчезают на глазах. Если король умрет, нам конец. Страну растащат на куски, каждый лорд будет драться только ради своей собственной выгоды. Так было перед тем, как отец Генриха объединил страну — Йорк против Ланкастера и каждый за себя. Дикая страна, где каждое графство принадлежит своему владельцу и никто не подчиняется законному королю.

Анна оборачивается, видит мое лицо, пораженное ужасом, наклоняется над своим требованием о регентстве при малолетней дочери Елизавете.

— Он умрет? — спрашивает она.

Подхожу к ней, беру ее холодные руки в свои.

— Бог даст, не умрет.

Его принесли наконец. Носилки движутся медленно, словно гроб. Георг в головах, Уильям и остальная ярко одетая турнирная компания в испуганном молчании бредут позади.

Анна со стоном оседает на пол, платье задирается. Одна из служанок подхватывает ее, мы относим ее в спальню, укладываем в постель, посылаем пажа за пряным вином, за врачом. Я расшнуровываю ее, ощупываю живот, беззвучно шепчу молитву — лишь бы это не повредило ребенку.

Появляется моя мать с вином, Анна, бледная как смерть, делает попытку сесть.

— Лежи смирно. Хочешь все испортить?

— Как Генрих?

— Очнулся, — лжет мать. — Он сильно расшибся, но сейчас все в порядке.

Краешком глаза вижу — дядя перекрестился, прошептал слова молитвы. Первый раз вижу, как этот суровый человек просит о помощи. Моя дочь Екатерина заглядывает в дверь, мать подзывает ее, вручает кубок с вином — смачивать Анне губы.

— Идем закончим письмо, — просит вполголоса дядя. — Это сейчас самое важное.

Бросаю долгий взгляд на сестру, возвращаюсь в приемную, снова берусь за перо. Мы составляем три письма — в Сити, в Северную Англию, в парламент, я подписываю все три — Анна, королева Англии. Появляется врач, парочка аптекарей. Опустив голову, в рушащемся мире, я искушаю судьбу — подписываюсь за королеву Англии.

Распахивается дверь, с ошеломленным видом входит Георг:

— Как Анна?

— В обмороке. А король?

— Бредит. Не понимает, где он. Зовет Екатерину.

— Екатерину? — подхватывает дядюшка. — Зовет ее?

— Не знает, где он. Думает, его вышибли из седла на каком-то давнишнем поединке.

— Идите оба к нему, — велит дядя. — Заставьте его замолчать. Король не должен упоминать ее имя. Если услышат, как он зовет Екатерину на смертном одре, трон перейдет к Марии, а не к Елизавете.

Георг кивает, ведет меня в большую залу. Короля не решились нести вверх, опасаясь споткнуться на лестнице. Он грузен, да и не лежит спокойно. Носилки поставили на два сдвинутых стола, король мечется, ворочается с боку на бок, непрерывно двигается. Мы минуем кружок испуганных придворных, подходим к королю. Голубые глаза останавливаются на мне, он меня узнал.

— Мария, я упал. — Голос жалобный, как у ребенка.

— Бедняжка. — Я придвигаюсь ближе, беру его руку, прижимаю к груди. — Где болит?

— Везде. — Он снова закрывает глаза.

Врач вырастает у меня за спиной, шепчет:

— Спросите, может ли он двигать ногами, пальцами, чувствует ли свое тело.

— Можете пошевелить ногой, Генрих?

Мы оба видим, как дергаются его башмаки.

— Да.

— А пальцами?

Его рука крепче сжимает мою.

— Да.

— Вы чувствуете боль внутри, мой дорогой? Живот болит?

Он трясет головой:

— Везде болит.

Смотрю на врача.

— Ему надо поставить пиявки, — заявляет он.

— Но вы даже не знаете, где рана!

— У него может быть внутреннее кровотечение.

— Хочу спать, — чуть слышно говорит Генрих. — Не уходи, Мария.

Отворачиваюсь от врача, вглядываюсь королю в лицо. Сейчас, вялый, неподвижный, он выглядит гораздо моложе, я почти верю — это тот самый юный принц, которого я обожала. Он лежит на спине, не так видна полнота щек, красивая линия бровей не изменилась. Только он сможет сохранить Англию единой. Без него мы все погибнем, не только Говарды и мы, Болейны, погибнут все мужчины, женщины, дети в каждом городе, в каждом селении, во всей стране. Больше никому не удержать лордов, они вцепятся в корону. Четверо наследников могут претендовать на престол — принцесса Мария, моя племянница Елизавета, мой сын Генрих и бастард Генрих Фицрой. В церкви и так волнения, император Испании и король Франции получают папский рескрипт — навести в Англии порядок, и мы от них никогда не избавимся.

— Думаете, после сна вам станет лучше?

Открывает глаза, улыбается, слабым голосом отвечает:

— Да.

— Полежите спокойно, пока вас отнесут в постель?

Кивает:

— Только держи меня за руку.

Оборачиваюсь к врачу:

— Так и сделаем? Отнесем в постель, пусть отдохнет?

Он в ужасе. В его руках судьба Англии.

— Пожалуй, — произносит он неуверенно.

— Здесь ему не уснуть, — замечаю я.

Георг выбирает с полдюжины крепких мужчин, расставляет вокруг носилок.

— Держи его за руку, Мария, пусть лежит спокойно. Поднимайте, когда я дам сигнал, идите по лестнице, на первой площадке сделаем остановку. Раз, два, три, вперед!

Нелегко поднять носилки и держать их ровно. Я иду рядом, король сжимает мне руку. Носильщики движутся в ногу, шаркающим шагом поднимаются по лестнице. Кто-то успевает забежать вперед, распахнуть двойные двери королевских покоев, потом дверь в спальню. Носилки резко ставят на кровать, король стонет от неожиданной боли. Новая задача — переложить его в постель. Нечего делать — двое мужчин влезают на кровать, один берется за плечи, другой — за ноги, остальные выдергивают из-под короля носилки.

От такого грубого обращения врача передергивает, я понимаю — если у короля действительно внутреннее кровотечение, мы можем запросто его убить. Он стонет от боли, неужели это предсмертный хрип, неужели мы виноваты? Нет, открывает глаза, смотрит на меня:

— Екатерина?

Кто-то суеверно охает. Беспомощно смотрю на Георга.

— Вон, — бросает брат. — Все вон.

Сэр Франциск Уэстон подходит к нему, что-то шепчет на ухо. Георг внимательно слушает, благодарно касается его руки.

— Королева приказала оставить его величество наедине с врачами. Пусть возле него побудут его дорогая свояченица Мария и я, — громко объявляет Георг. — Остальные — ждите снаружи.

Все неохотно выходят. Слышу, как за дверями дядюшка громогласно объявляет — если король не сможет выполнять свои обязанности, Анна становится регентшей при Елизавете. Никому не надо напоминать — каждый из них принес присягу на верность принцессе Елизавете, единственной избранной и законной наследнице.

— Екатерина? — снова зовет Генрих, глядя на меня.

— Это я, Мария, — мягко возражаю я. — Мария Болейн, а теперь Мария Стаффорд.

Дрожащими руками берет он мою руку и подносит к губам.

— Любовь моя, — говорит он нежно, и никто из нас не знает, кого из многочисленных возлюбленных он имеет в виду — королеву, любившую его до самой смерти, королеву, полумертвую от страха за него, или меня, девушку, которую он любил когда-то.

— Хотите спать? — спрашиваю озабоченно.

Туманный взгляд, как у пьяного.

— Спать, спать, — бормочет он.

— Я буду рядом.

Георг подвигает стул, я сажусь, не выпуская руки короля.

— Моли Бога, чтобы он проснулся! — Георг смотрит на восковое лицо короля, на его дрожащие веки.

— Аминь, — отвечаю я. — Аминь.

Мы просидели с ним весь день — врачи в ногах постели, мы с братом в головах, отец и мать поминутно входят и выходят, только дяди нет — плетет где-то интриги.

Генрих вспотел, врач собрался сменить одеяло, но вдруг застыл на месте. На толстой икре, куда Генрих давным-давно был ранен на поединке, расплывается отвратительное темное пятно крови и гноя. Не залеченная как следует рана открылась опять.

— Необходимо поставить пиявки, они высосут яд.

— Я не выдержу, — дрожащим голосом признаюсь брату.

— Посиди у окна, только не падай в обморок, — грубо отвечает он. — Позову, как только закончат, и ты снова сможешь быть рядом.

Присела на скамью под окном, решила ни за что не оборачиваться, постаралась не вслушиваться в звяканье кувшинов — вот к ноге короля прикладывают черных пиявок, они сосут кровь из раскрытой раны.

— Вернись, посиди с ним, ничего страшного не видно, — позвал Георг.

Я вернулась на место, но снова отошла, когда раскормленных, превратившихся в черные слизистые шарики пиявок отрывали от раны.

Я поглаживала его руку, нежно, как гладят больную собаку. Вдруг он сжал мои пальцы, открыл глаза, взгляд наконец осмысленный.

— Кровь Христова, все болит!

— Вы упали с лошади.

Интересно, он понимает, где находится?

— Помню. Но как я попал во дворец?

— Мы вас принесли. — Георг выступил вперед. — Вы просили Марию посидеть с вами.

Снисходительная улыбка.

— Я?

— Вы были не в себе, бредили. Слава Богу, вы очнулись.

— Надо послать весточку королеве. — Георг приказал одному из стражников сообщить ей, что король пришел в себя.

— Пришлось вам попотеть, — сказал со смехом король, но как только попытался пошевеливаться, сморщился от боли. — Смерть Господня, моя нога!

— Открылась старая рана, пришлось поставить пиявки.

— А, пиявки. Надо сделать припарки, Екатерина знает, позовите ее... — Он закусил губу. — Ну, кого-нибудь, кто умеет делать припарки. Господи, кто-нибудь же знает способ.

Помолчал минуту.

— Принесите вина!

Подбежал паж с вином, Георг поднес кубок к губам короля. Король выпил, лицо порозовело, он снова обратил внимание на меня. Спросил с любопытством:

— Кто начал первым? Сеймуры, Говарды, Перси? Кто собрался придержать мой трон для дочери, а себя объявить регентом до ее совершеннолетия?

Георг слишком хорошо знает короля, теперь не время для смехотворной откровенности.

— Весь двор на коленях молится о вашем выздоровлении, никто ни о чем другом и не думает.

Генрих кивает, не веря ни единому слову.

— Пойду сообщу придворным. Мы отслужим благодарственную мессу. Как же мы испугались!

— Еще вина! — Генрих мрачен. — У меня болит каждая косточка.

— Мне уйти? — спросила я.

— Остайся, — приказывает небрежно. — Подсуньте мне подушки под спину, спина затекает. Какой идиот так меня уложил?

Вспомнила, как мы переваливали его с носилок на кровать.

— Мы боялись вас потревожить.

— Растерялись, как наседки без петуха, — снисходительно заявляет он.

— Слава Богу, вы вернулись к нам.

— Да, Говардам и Болейнам не поздоровилось бы, умри я сегодня, — произнес он с мелочным удовольствием. — Вы нажили множество врагов, взбираясь наверх, они бы порадовались вашему падению.

— Мои мысли были только о вас, ваше величество.

— Что, посадят, согласно моему завещанию, на трон Елизавету? — добавил Генрих с неожиданной резкостью. — Можно предположить, Говарды поддержат одну из своих. А остальные?

Я встретила его взгляд:

— Откуда мне знать?

— Без меня, без наследного принца, клятву могут и не сдержать. Думаешь, сохранили бы верность принцессе?

Я покачала головой:

— Я не знаю. Не могу ничего сказать. Я все время была здесь, с вами.

— Вы сохраните верность Елизавете. Анна — регентша, за ее спиной — ваш дядюшка, так? Полноправный король Англии во всем, кроме имени. — Лицо потемнело. — Она должна была родить мне сына.

У него на висках вздулись вены, прижал руки к голове, будто хотел пальцами унять боль.

— Лягу снова. Вытащите эти проклятые подушки. Как болит голова, я почти ничего не вижу. Одна их говардовская девчонка на троне, другая — наследница, это не сулит ничего, кроме несчастий. На этот раз должен быть сын.

Открылась дверь, вошла Анна. По-прежнему бледна. Медленно подошла к постели, взяла Генриха за руку. Его полные боли глаза внимательно изучают ее лицо.

— Я думала, вы умрете, — говорит она напрямик.

— И что бы вы стали делать?

— Сделала бы все, что в моих силах, как королева Англии, — отвечает она, кладя руку на живот.

Его большая рука ложится поверх.

— Здесь должен быть сын. — В его голосе не хватает теплоты. — Думаю, как королеве Англии, вам мало что удастся. Чтобы удержать страну, нужен мальчик, принцесса Елизавета и ваш интриган-дядюшка — совсем не то, что я хотел бы оставить после своей смерти.

— Поклянитесь, что больше не будете участвовать в турнирах, — страстно молит она.

Он отворачивается.

— Оставьте меня в покое со своими клятвами и обещаниями. Видит Бог, когда я расстался с королевой, надеялся на что-нибудь получше этого.

У них никогда еще не было такой гнетущей ссоры. Анна даже не спорит. Оба бледны как привидения, чуть живы от своих собственных страхов. К чему может привести воссоединение влюбленных, только напомнить, как хрупка их власть в стране. Анна опустила в реверансе перед тяжелым телом на кровати и вышла из комнаты. Она шла медленно, будто несла тяжелое бремя, задержалась у двери.

Я наблюдала. Анна вскинула голову, губы изогнулись в улыбке, плечи выпрямились, она собралась, как танцор при звуках музыки. Кивнула стражнику, тот распахнул двери, она вышла в гул голосов, чтобы сказать придворным — благодарение Богу, королю лучше, он смеется и шутит над своим падением, снова будет участвовать в турнире, как только сможет, и тогда-то уж мы повеселимся.

Генрих кажется спокойным и задумчивым, оправляется от падения. Боль стала предупреждением — он стареет. Из раны сочится кровь пополам с гноем, приходится все время носить тугую повязку, а садясь, класть ногу на скамеечку. Это унижительно — ведь он так гордится своими сильными ногами, крепкой посадкой. Теперь он хромает, толстый бинт уродует икру, но хуже всего запах — от него несет, как из курятника. Генрих, золотой принц Англии, признанный во всей Европе красавец, ощущает приближение старости. Вот кто он теперь — старая, больная, грязная, вонючая обезьяна.

Анне этого было не понять.

— Побойтесь Бога, дорогой супруг, вы спаслись, чего еще?

— Мы оба спаслись. Что вы без меня?

— Я бы справилась.

— Не сомневаюсь. Я еще остыть не успею, а ваша родня уже усядется на мое место.

Ей бы придержать язычок, но она привыкла с ним спорить.

— Хотите меня оскорбить? Обвиняете мою семью в отсутствии преданности?

— Говарды в первую очередь преданы сами себе, а лишь во вторую — королю.

Я заметила — сэр Джон Сеймур поднял голову, на губах таинственная улыбка.

— Мои родственники костью лягут ради вас, — возразила Анна.

— И вы, и ваша сестрица, конечно, лягут, — быстрый как молния, вставил королевский шут.

Раздался взрыв хохота. Я залилась краской. Уильям потянулся к отсутствующему мечу. Но обижаться на шута бессмысленно — особенно если сам король смеется.

Генрих протянул руку, весело похлопал Анну по животу:

— И не зря!

Она раздраженно отбросила его руку. Он застыл, хорошее настроение сразу угасло.

— Я не лошадь, чтобы меня щупать, — бросила Анна.

— Будь у меня кобыла с вашим характером, я скормил бы ее собакам, — холодно возразил король.

— Норовистую лошадь нужно уметь объездить, — с вызовом произнесла она.

Мы ждали обычной бурной реакции. Долгую минуту король молчал, улыбка Анны становилась все более вымученной.

— Не все лошади того стоят, — ответил Генрих едва слышно.

Только несколько человек, те, что сидели поближе, разобрали его слова. Анна побелела, но в то же мгновение вскинула голову и рассмеялась, будто король произнес что-то невероятно остроумное. Окружающие опустили головы, каждый сделал вид, будто занят разговором с соседями по столу. Ее взгляд скользнул мимо меня к Георгу, их глаза встретились осязаемо, как рукопожатие.

— Еще вина, дорогой муж? — предложила Анна.

Голос не дрожит. Один из придворных выступил вперед, налил королю и королеве вина, обед начался.

Генрих мрачен. Его не веселят ни танцы, ни музыка, хотя ест и пьет он еще больше обычного. Он поднялся на ноги, морщась от боли, захромал по зале, говоря то с одним, то с другим, выслушал чью-то

просьбу, подошел к нашему столу, где сидели придворные дамы королевы, остановился между мной и Джейн Сеймур. Мы одновременно вскочили на ноги, но он смотрит только на нее. Потупив глаза, делает реверанс:

— Я устал, очень устал. Как бы хотелось очутиться в Вулфхолле, вы бы собрали для меня букет из трав.

— Я готова сделать все, чтобы ваше величество смогли отдохнуть и избавиться от боли, — произносит она со сладчайшей улыбкой.

Генрих, которого я знала, переспросил бы: „Действительно все?“ — радуясь вульгарной остроте. Но этот новый Генрих придвигает табурет, делает нам знак сесть подле него.

— Можно вылечить синяки и шишки, но не старость. Мне сорок пять, и я впервые чувствую свой возраст.

— Это из-за падения. — Голос Джейн звучит мягко, утешительно, словно молоко капает в подойник. — Вы ушиблись, устали, вы изнурены заботами о безопасности королевства, ведь вы день и ночь думаете об этом.

— Кому я оставлю в наследство прекрасную страну? — скорбно говорит Генрих. Оба смотрят на королеву, Анна, вспыхнув от гнева, — на них.

— Хвала Господу, королева ждет сына.

— Помолитесь обо мне, Джейн, — просит он шепотом.

— Это мой долг — молиться о короле, — отвечает она с улыбкой.

— Вы будете молиться об мне сегодня ночью? — спрашивает он еще тише. — Когда я в страхе лежу без сна и каждая косточка ноет, приятно знать — вы молитесь обо мне.

— Хорошо, — говорит она просто. — Я словно буду рядом, моя рука у вас на лбу, вам будет легче заснуть.

Я прикусила губу. За соседним столом моя дочь Екатерина с округлившимися глазами пытается разгадать этот новый способ ухаживания под видом вкрадчивого благочестия.

С гримасой боли король встает.

— Руку! — бросает через плечо.

Полдюжины кавалеров бросаются вперед ради чести помочь его величеству вернуться на свое место на возвышении. Генрих отстраняет моего брата, выбирает брата Джейн. Анна, Георг и я молча следим за тем, как Сеймур усаживает короля на трон.

— Я убью ее, — мрачно произносит Анна.

Лежу на ее кровати, лениво опираясь на локоть, Георг примостился у камина, сама Анна сидит перед зеркалом, служанка расчесывает ей волосы.

— Могу сделать это за тебя, — говорю я. — А еще святую из себя строит.

— Она очень хороша, — рассудительно замечает Георг, словно хвалит искусного танцора. — Не то что вы. Все время жалеет его. Крайне соблазнительно.

— Паршивая девка, — цедит Анна сквозь зубы. Берет гребень из рук горничной. — Можешь идти.

Георг наливает всем еще по стакану вина.

— Мне тоже пора, — говорю я. — Уильям ждет.

— Останься, — властно заявляет Анна.

— Слушаюсь, ваше величество, — покорно отвечаю я.

Сестра предостерегающе смотрит на меня:

— Может, удалить эту тварь Сеймур от двора? Не переносу ее постоянное жеманство. Как она меня бесит!

— Лучше оставь ее в покое, — советует Георг. — Когда король поправится, он захочет чего-нибудь поострее. И не дергай его. Он рассердился сегодня, но ты сама виновата.

— Не могу видеть его таким жалким. Он же не умер. Чего так страдать из-за ерунды?

— Он напуган. И он уже не молод.

— Снова начнется это притворство — дам ей пощечину. Предостереги ее, Мария. Еще раз посмотрит на короля с этой своей улыбочкой, словно она сама Богоматерь, пусть пеняет на себя.

Соскальзываю с кровати.

— Ладно, скажу ей. Может быть, не дословно. Теперь я могу идти? Я устала.

— Иди уж, — раздраженно бросает Анна. — Ты-то хоть останешься, Георг?

— Жена будет ворчать, — предупреждаю я. — Она уже жалуется на то, что ты все время здесь.

Думала, Анна не обратит внимания на мои слова, но нет, они обмениваются взглядами, Георг встает, собирается уходить.

— Неужели я вечно должна быть одна? — вопрошает Анна. — Гулять — одна, молиться — одна, в постель — одна.

Георг медлит, слыша такую неприкрытую мольбу.

— Ты сама захотела быть королевой, — говорю я твердо. — Я же предупреждала — радости это не принесет.

На следующее утро мы с Джейн Сеймур бок о бок идем на мессу. Дверь в королевскую часовню открыта, мы видим — Генрих сидит за столом, раненая нога на табурете, секретарь читает письма и подает на подпись. Джейн замедляет шаг, улыбается, он замечает ее, замирает с пером в руке, так что чернила успевают высохнуть.

Мы с Джейн стоим рядышком на коленях в часовне королевы, слушаем, как служат мессу в церкви под нами.

— Джейн, — окликаю я тихонько.

Открывает глаза, она сейчас далеко отсюда.

— Что, Мария? Прости, я молилась.

— Если ты не бросишь свои слащавые улыбочки, одна из нас, Болейнов, выцарапает тебе глазки.

Во время беременности у Анны вошло в привычку совершать прогулки по берегу реки — вверх, к лужайке для игры в шары, по тисовой аллее, мимо теннисных кортов и обратно во дворец. Мы с братом всегда сопровождали ее. Большинство дам, да и некоторые придворные тоже гуляли с нами, ведь король больше не охотился. Георг и сэр Франциск Уэстон обычно не отходили от Анны, развлекали ее, подавали руку на лестнице, а кто-нибудь из нашего узкого круга, Генрих Норрис, сэр Томас Уайетт или Уильям, шел рядом со мной.

Однажды Анна утомилась и сократила прогулку. Мы вернулись во дворец — Анна под руку с братом, я — с Генрихом Норрисом. Стражники широко распахнули дверь в покои королевы, и перед нами, как в рамке, предстала живая картина — Джейн Сеймур на коленях у короля. Она вскочила, он тоже попытался встать на ноги, с независимым видом отряхивая одежду, но пошатнулся, вид у него был дурацкий. Анна налетела на них как ураган.

— Пошла вон, девка, — прикрикнула она на Джейн Сеймур.

Джейн сделала реверанс и исчезла. Георг попытался увлечь Анну во внутренние покои, но она набросилась на него:

— Что эта тварь делала у вас на коленях? Припарку изображала?

— Мы беседовали... — неуклюже оправдывался он.

— Она так тихо говорит, что необходимо совать вам язык прямо в ухо?

— Это не то, что вы думаете...

— Знаю я, что это! — заорала Анна. — И весь двор знает, всем выпало счастье наблюдать. Гулять вам трудно, устроились тут в свое удовольствие с маленькой хитренькой втирушей на коленях.

— Анна! — Все, кроме нее, услышали мольбу в голосе короля.

— Я этого не потерплю! Она покинет двор!

— Сеймуры верные друзья короны и добрые слуги, — высокопарно произнес Генрих. — Они останутся.

— Чем она лучше городской шлюхи? — бушевала Анна. — И мне она не друг. Не желаю терпеть ее среди своих дам.

— Она милая, чистая девушка, и она останется. Вы забываетесь, мадам.

— Имею я право выбрать придворных дам? Я королева, и это моя комната. Клянусь, не потерплю здесь тех, кто мне не нравится.

— Вам будут прислуживать те, кого я выберу. Я король.

— Не смейте мне приказывать! — Анна задохнулась, прижала руку к груди.

— Анна, — вмешалась я, — успокойся, пожалуйста.

Она меня даже не услышала.

— Я имею право приказывать кому угодно, — заявил Генрих. — Будете делать то, что я велю — я ваш муж и ваш король.

— Не дождетесь! — Она повернулась на каблуках и ринулась в спальню. Обернулась и крикнула через порог: — Вы мне не хозяин!

Нога болела, и он не принял вызов. Это и стало ее роковой ошибкой. Ему бы броситься за ней, повалить на кровать, как столько раз до этого, а он разозлился. Обиделся, вместо того, чтобы наслаждаться ее все еще юной, дерзкой красотой.

— Это вы шлюха, а вовсе не она. Думаете, я не помню, что вы вытворяли у меня на коленях? Джейн Сеймур не знает и половины ваших штук, мадам! Французские фокусы, продажные хитрости. Меня это больше не увлекает, но я не позабыл ничего.

Двор испуганно затаил дыхание, мы с Георгом в ужасе переглянулись. Дверь в спальню с шумом захлопнулась, король гневно

посмотрел на придворных. Мы с братом, вне себя от страха, ждали, что будет.

Он поднялся на ноги, скомандовал:

— Руку!

Сэр Джон Сеймур оттолкнул Георга. Опираясь на него, король медленно двинулся на свою половину, придворные — за ним. Горло у меня пересохло так, что я с трудом сглотнула.

Жена Георга, Джейн Паркер, подскочила ко мне:

— Какие это штучки она выделывала?

Яркая картинка мелькнула у меня в мозгу — я объясняю ей, чего можно добиться, если пустить в ход волосы, руки, рот. Мы с братом многому ее научили. В Европе он znalся с французскими, испанскими, английскими продажными женщинами, да и я, живя с одним и соблазняя другого, кое-что понимала. Мы объясняли Анне, как угодить Генриху, а ведь многое из того, что нравится мужчинам, церковь запрещает. Учили ее долгим, томным ласкам, учили приподнимать подол сорочки, раздеваться медленно, шаг за шагом — пусть поглядит, что у нее там. Учили пускать, когда надо, в дело язык, объясняли, как будить его воображение, какие слова нашептывать. Мы преподали Анне уроки продажной любви, а теперь ее этим попрекают. Я знала — брат вспоминает то же самое.

— Боже упаси, Джейн, — произносит он устало. — Король в гневе может сказать что угодно. Что она такого могла сделать? Ласки, поцелуи, обычные супружеские глупости, как у всех.

Помолчал, поправился:

— Только не у нас, конечно. Тебя же не очень хочется целовать, не так ли?

Она вздрогнула, как от удара, прошипела:

— Ты вообще женщину не поцелуешь, если она тебе не сестра.

Я оставила Анну в покое на полчаса, потом постучалась и скользнула в спальню. Захлопнула дверь перед носом у любопытных дам, огляделась. В комнате темно, зимой темнеет рано, свечи не зажжены, только отблески огня в камине на стенах и потолке. Она лежит ничком на постели, наверно, спит. Но вот подняла голову, темные глаза на бледном лице.

— Господи, как же он разозлился! — Голос охрип от рыданий.

— Сама напросилась, Анна.

— Что мне оставалось делать? Он оскорбил меня перед всем двором.

— Притвориться слепой. Отвернуться. Королева Екатерина всегда так делала.

— И проиграла. Пока она смотрела в другую сторону, я его заполучила. Скажи лучше, как мне его удержать.

Помолчали. Был только один ответ, всегда только один ответ, один и тот же ответ.

— Меня тошнит от злости, просто выворачивает.

— Постарайся успокоиться.

— Как я могу успокоиться, если везде Джейн Сеймур?

Я подошла к кровати, сняла с нее чепец.

— Надо переодеться. Спустишься к обеду, прекрасная, как всегда, все пройдет, все позабудется.

— Только не для меня, — уронила она с горечью — Я не забуду ничего.

— Просто веди себя как ни в чем не бывало, никто и не вспомнит, что он тебя оскорбил. Никто ничего не говорил, никто ничего не слышал.

— Он назвал меня шлюхой! — обиженно заявила Анна. — Этого не забудут.

— Все мы шлюхи по сравнению с Джейн, — бодро подтвердила я. — Ну и что с того? Ты его жена, разве не так? Ты носишь законного ребенка. В гневе он может обозвать тебя как угодно, ты легко вернешь его, когда он остынет. Верни его сегодня же.

Я позвала горничную, Анна стянула платье. Выбрала серебряно-белое — она чиста, даже если перед всем двором ее назвали шлюхой. Лиф украшен жемчугом и бриллиантами, подол серебряной юбки еще и расшит серебром. Прикрыла темные волосы чепцом. Теперь она настоящая королева с головы до ног, без единого пятнышка, снежная королева.

— Очень хорошо, — одобрила я.

Анна устало улыбнулась:

— Я должна удерживать Генриха, и так до самой смерти. Что будет, когда я постарею, а вокруг меня по-прежнему будут юные девицы? Что тогда?

Мне нечем было ее утешить.

— Давай думать о сегодняшнем дне. Зачем загадывать на годы? Когда у тебя родится сын, потом еще сыновья, можно будет не бояться старости.

Она положила руку на расшитый драгоценными камнями корсаж:

— Мой сыночек!

— Ты готова?

Она кивнула, пошла к дверям. Снова это движение — плечи назад, подбородок вверх, на губах улыбка. Горничная распахивает дверь, Анна, сияя как ангел, оказывается лицом к лицу со сплетниками, перемывающими ей косточки в ее собственной приемной.

Вижу — семейство явилось на подмогу, похоже, дядюшка услышал достаточно, чтобы испугаться. Тут и мать и отец. Удивительно — дядя в глубине комнаты дружески беседует с Джейн Сеймур. Георг подходит к Анне, берет ее руку. Гул нарастает — обсуждают ее прекрасное платье, ее дерзкую улыбку, группки беседующих распадаются, перемещаются, соединяются вновь. Сэр Уильям Брертон целует Анне руку, шепчет что-то об ангеле, спустившемся на землю, Анна смеется, возражает — она лишь прибыла с визитом. Непристойные намеки почти забыты. Возле двери началась суতোлка, неуклюже топая, вошел Генрих, на круглом лице новые морщинки боли. Уныло кивнул Анне:

— Добрый день, мадам. Позвольте проводить вас к столу.

— Разумеется, дорогой супруг. — Ее голос слаще меда. — Как я рада — ваше величество прекрасно выглядит.

Ее талант быстро переключаться всегда озадачивал Генриха. Вокруг — алчные лица придворных, а она в хорошем настроении?

— Вы уже успели поприветствовать сэра Джона Сеймура? — Король указывает на того, кому она меньше всего хотела оказать честь.

Ее улыбка становится еще шире.

— Добрый вечер, сэр Джон, — произносит она кротко, как его собственная дочь. — Надеюсь, не откажетесь принять от меня небольшой подарок?

Он смущенно кланяется:

— Сочту за честь, ваше величество.

— Это резной табурет из моих личных покоев. Изящная вещица из Франции. Думаю, вам понравится.

Он снова кланяется:

— Весьма признателен.

Анна искоса смотрит на короля, улыбается:

— Это, собственно, для вашей дочери, для Джейн. Чтобы ей было где сидеть. Пока у нее нет собственного места, ей приходится занимать мое.

Гробовая тишина. Наконец Генрих разражается хохотом, до придворных тоже доходит, комната сотрясается от смеха, шутка удалась. Продолжая смеяться, Генрих предлагает Анне руку, она шаловливо улыбается. Король ведет ее к двери, придворные привычно занимают места позади, и вдруг я слышу вздох, тихий шепот:

— Боже мой! Королева!

Георг проталкивается через толпу, хватая Анну за руку, оттаскивает от короля.

— Прошу прощения, ваше величество, королеве нехорошо, — поспешно произносит он, наклоняется, что-то настойчиво шепчет ей в самое ухо.

На лицах придворных — жадное любопытство. Мне виден только ее профиль. Она бледнеет, бросается в спальню. Георг забегаем вперед, открывает дверь, вталкивает сестру вовнутрь. Мельком я вижу ее со спины — по подолу платья расплывается кровавое пятно, алое на серебряно-белом. Она теряет ребенка.

Кидаюсь за ней сквозь толпу. Мать — позади. Она захлопывает дверь, хотя придворные заглядывают внутрь, а король не может прийти в себя от внезапного исчезновения жены и всей ее семьи. Анна дергает себя за подол, старается рассмотреть пятно:

— Я ничего не чувствую.

— Схожу за врачом, — предлагает Георг.

— Никому ничего не говори, — предостерегает мать.

— Что толку, — вырывается у меня. — Все же видели, сам король видел.

— Может быть, обойдется. Анна, ляг.

Анна, белая как полотно, медленно идет к кровати.

— Я ничего не чувствую, — повторяет она.

— Тогда, может, ничего и не случилось. Просто маленькое пятно.

Мать велит горничным снять с Анны туфли и чулки. Ее поворачивают на бок, расшнуровывают корсаж, снимают роскошное

белое платье с огромным алым пятном. Нижняя юбка намочла от крови. Я встречаюсь взглядом с матерью.

— Может, ничего и не случилось, — повторяет она неуверенно.

Подхожу к постели, беру Анну за руку. Пока она не будет лежать на смертном одре, мать до нее и пальцем не дотронется.

— Не бойся, — шепчу я.

— Теперь ничего не скроешь, — шепчет она в ответ. — Все видели.

Мы сделали все, что могли. Тепло к ногам, укрепляющее питье, еще одно укрепляющее питье, припарки, освященное одеяло, пиявки, еще тепло к ногам. Никакого толку. В полночь начались роды, настоящие мучительные роды. Она вцепилась в простыню, привязанную к столбикам кровати, стонала от боли, а ребенок рвался наружу. Около двух она резко вскрикнула, и ребенок вышел. Никто не смог бы его удержать. Принявшая его повитуха вскрикнула.

— Что там? — Анна, красная от напряжения, едва дышит, пот стекает по шее.

— Это чудовище, настоящее чудовище.

Анна в страхе выдохнула, я в суеверном ужасе отскочила от кровати. В окровавленных руках повитуха держит уродливого младенца с выпирающим, лишенным кожи позвоночником, с огромной головой, вдвое большей, чем тощее тельце.

С хриплым криком Анна отшатнулась от ребенка. Как испуганная кошка ринулась в изголовье кровати, оставляя кровавый след на простынях и подушках, прижалась к столбикам, протянула руки, отталкивая от себя страшную картину.

— Закрой его! — закричала я. — Убери немедленно!

Повитуха мрачно взглянула на Анну:

— Как вы ухитрились заполучить такое чудовище?

— Я не виновата! Я ничего не делала!

— Это не человеческое дитя, это дьявольское отродье.

— Я не виновата!

„Что за чепуха“, — хотела я сказать, но горло сжалось от страха.

— Прикрой же его наконец! — Я совсем потеряла голову. Моя мать отвернулась от кровати, быстро пошла к двери.

Лицо сурово, как у палача, отходящего от плахи в Зеленой башне.

— Мама! — хрипло позвала Анна.

Не оглянулась, не остановилась. Молча вышла из комнаты, закрыла за собой дверь.

„Это конец, — подумала я, — Анне конец“.

— Я не виновата, — повторила Анна.

Я вспомнила о ведьминском зелье, о ночи, когда она лежала в тайной комнате в золотой маске, похожей на птичий клюв. Подумала о путешествии к вратам ада и обратно, чтобы добыть этого ребенка для Англии.

— Я отправляюсь к королю, — объявила повитуха.

В один миг я преградила ей путь к двери.

— Зачем огорчать его величество? Ему ни к чему знать подробности, это наши женские секреты. Пусть все останется между нами, ты заслужишь благодарность королевы и мою тоже. Тебе хорошо заплатят за сегодняшнюю работу и за благоразумие. Я за этим прослежу, обещаю.

Она на меня даже не взглянула. Держала ужасный сверток, этот кошмар, завернутый в пеленки. На один страшный миг мне показалось — он шевелится, маленькая ручка с ободранной кожей отодвигает пеленку. Повитуха сунула ребенка мне под нос, я отшатнулась, она успела открыть дверь, но я вцепилась ей в руку:

— Клянусь, к королю ты не пойдешь!

— Разве вы не знаете? — Она говорила почти с жалостью. — Я же у него на службе. Он приставил меня к королеве — слушать и наблюдать. Еще с тех пор, как у нее первый раз не было месячных.

— Зачем?

— Потому что подозревал ее.

Голова закружилась, я положила руку на стену, чтобы не упасть.

— Подозревал? В чем?

Она пожала плечами.

— Что-то с ней неладно, раз она не может выносить ребенка. — Она показала на мягкий комочек тряпья. — Теперь он узнает.

Я облизнула пересохшие губы.

— Заплачу тебе, сколько захочешь, если унесешь это, а королю скажешь — она потеряла ребенка, но сможет зачать другого. Заплачу вдвое больше, чем он. Я Болейн, у нас есть и богатство и влияние. Будешь служить Говардам до самой смерти.

— Я исполню свой долг, — возразила повитуха. — Я так поступаю, потому что еще молоденькой девушкой дала торжественный обет Деве Марии никогда не изменять своей цели.

— Какая цель, какой долг? — Я ничего не понимала. — О чем ты вообще говоришь?

— Охота на ведьм, — ответила она просто.

Выскользнула за дверь с дьявольским младенцем в руках и исчезла.

Закрыла за ней дверь, задвинула засов. Решила никого не пускать в комнату, пока все тут не уберу, а сестра не будет готова бороться за свою жизнь.

— Что она сказала? — раздался голос Анны.

Белая, восковая кожа, стеклянные глаза. Она была где-то далеко от этой душной спальни, от надвигающейся опасности.

— Ничего особенного.

— Что она сказала?

— Ничего. Почему ты не спишь?

— Никогда не поверю. — Голос ровный, словно она не со мной говорит, словно она на допросе. — Вы не заставите меня поверить. Я же не темная крестьянка, чтобы рыдать над реликвией, которая на самом деле щепка, вымазанная свиной кровью. Меня не заставишь свернуть с пути дурацкими страхами. Я умею думать и действовать, я изменю мир по своему желанию.

— Анна, что ты говоришь?

— Меня не запугаешь! — уверенно повторила она.

— Анна!

Она отвернулась к стене.

Когда она уснула, я приоткрыла дверь и позвала Мадж Шелтон — она тоже Говард, пусть посидит с Анной. Служанки унесли окровавленные простыни, постелили на пол свежие циновки. Снаружи, в приемной двор все еще дождался новостей, полусонные дамы склонили головы на руки, кое-кто играл в карты, чтобы скоротать время. Георг, подпирая стену, вполголоса беседовал с сэром Франциском, головы близко, как у любовников.

Уильям шагнул ко мне, взял за руку. Я помедлила, набираясь сил от его прикосновения.

— Все очень плохо. Нет времени рассказывать, надо найти дядю. Пойдем со мной.

Подскочил Георг:

— Ну как она?

— Ребенок умер.

Он побледнел как девушка, перекрестился.

— Где дядя? — Я оглянулась вокруг.

— Ждет новостей у себя в комнате, как все, кто не толпится здесь.

— Как королева? — спросил кто-то из придворных. — Она потеряла ребенка?

Георг шагнул вперед.

— Королева уснула. Она отдыхает и приказала всем вам отправляться по постелям. Новости о ее состоянии услышите утром.

— Она потеряла ребенка? — спрашивали Георга, а смотрели на меня.

— Откуда мне знать?

Послышался недовольный, недоверчивый шепот.

— Наверно, он умер, — сказал кто-то. — Что с ней неладно, почему она не может родить королю сына?

— Пора отсюда выбираться, — предложил Уильям Георгу. — Чем больше ты скажешь, тем хуже.

Муж с одной стороны, брат с другой, мы протолкались через толпу придворных, спустились по лестнице в покои дяди Говарда. Слуга в темной ливрее молча впустил нас. Дядя сидит за массивным столом, заваленным бумагами, свеча бросает на стены желтые блики.

При виде нас он велел слуге помешать огонь в камине, зажечь еще свечей.

— Что скажете?

— Анна родила мертвого ребенка.

Кивнул, на мрачном лице не отразилось ничего.

— Но есть кое-что и похуже.

— Что?

— Младенец родился без кожи на спине и с непомерно большой головой. — Горло сжалось от отвращения, я крепче ухватила за руку мужа. — Настоящее чудовище.

Снова кивнул, будто слышал самые обычные, совершенно его не касающиеся новости.

Со сдавленным воплем Георг ухватился за спинку стула. Дядя сделал вид, что ничего не замечает.

— Я пыталась остановить повитуху.

— Да?

— Она сказала, что ее нанял король.

— А!

— Я просила ее спрятать ребенка, предложила денег, но она возразила, что ее долг перед Девой Марией...

— Что?

— Охота на ведьм, — прошептала я.

Странное ощущение — пол начал уплывать у меня из-под ног, звуки в комнате отдалились. Уильям усадил меня в кресло, поднес к губам стакан вина. Георг продолжал цепляться за спинку стула, его лицо еще блее моего.

Дядя даже не шевельнулся.

— Король нанял ее следить за Анной?

Глотнула еще вина, кивнула.

— Анна в большой опасности.

Долгое молчание.

— В опасности? — Георг смог наконец выпрямиться.

Дядя кивнул.

— Подозрительный муж — это всегда опасно, подозрительный король — еще опаснее.

— Она ни в чем не виновата! — твердо заявил Георг.

Взглянула на него краешком глаза — он пел ту же песню, что и Анна. И она клялась в своей невинности, когда увидела чудовищного младенца, порожденного ее телом.

— Может, и так. — Дядя не стал спорить. — Но король думает иначе, значит, ей конец.

— Как нам ее защитить?

— Знаешь, Георг, — медленно произнес дядя, — в последний раз, когда мы с ней беседовали с глазу на глаз, она заявила — я могу убираться на все четыре стороны. Будь я проклят, если она не сказала, что достигла всего собственными усилиями и ничем мне не обязана, она даже грозила мне тюрьмой.

— Она Говард! — Я отодвинула вино.

Он склонил голову:

— Была Говард.

— Это же Анна! — воскликнула я. — Мы жизнь положили, чтобы посадить ее на трон.

— А где благодарность? Насколько я помню, тебя отправили в изгнание, ты и вернулась только потому, что ей понадобились твои услуги. Она слова за меня не замолвила перед королем, даже наоборот. Тебе сестра благоволит, Георг, но стал ли ты хоть на шиллинг богаче, с тех пор как она на троне? Она больше не просто любовница, а что от этого изменилось?

— При чем тут деньги, сейчас речь идет о жизни и смерти, — горячо возразил Георг.

— Роди она сына, ее положение было бы неузвимым.

— Это он не может зачать сына! — заорал Георг. — Не мог с Екатериной, не может и с ней. Он почти бессилён! Вот почему она с ума сходила от страха...

Мертвая тишина.

— Бог тебя простит, Георг, зачем ты подвергаешь нас всех опасности? — холодно произнес дядя. — Такие речи — государственная измена. Я ничего не слышал, ты ничего не говорил. Теперь уходите.

Уильям помог мне встать, мы втроем медленно вышли из комнаты. На пороге Георг обернулся, хотел возразить, но дверь бесшумно закрылась у него перед носом, прежде чем он успел сказать хоть слово.

Анна проспала до полудня, у нее началась лихорадка. Я отправилась на поиски короля. Двор уже готовился к переезду в Гринвичский дворец, Генриху хотелось отдохнуть от суеты и суматохи, он играл в шары в парке. Вокруг фавориты, на первом месте, конечно, Сеймуры. Одно только радовало — Георг тоже там, прямо рядом с королем, чему-то довольно улыбается, а дядюшка сидит на скамье для зрителей. Отец предложил королю пари, на весьма выгодных условиях, Генрих поспешил его принять. Я подождала, пока игроки покатали последние шары, а отец протянул королю пригоршню золотых монет — никак не меньше двадцати. Только тогда подошла поближе, опустила в реверансе.

При виде меня король поморщился — ясно, ни одна из сестричек Болейн теперь не в почете.

— Леди Мария, — так и разит холодом.

— Ваше величество, я здесь по просьбе моей сестры, королевы.

Кивнул.

— Она просит задержаться на неделю с переездом в Гринвич, дать ей время оправиться.

— Слишком поздно, скажи ей, пусть приезжает, когда выздоровеет.

— Но укладывать вещи еще и не начали.

— Слишком поздно — для нее, — поправился он. Вокруг тут же поднялся шепот. — Слишком поздно для нее просить у меня милостей. Мне известно то, что мне известно.

Я помедлила. Как же мне хотелось взять его за шиворот, вытряхнуть из него этого толстого себялюбца. Моя сестра больна после этих кошмарных родов, а тут ее муж, играет в свое удовольствие в шары на солнышке, открыто предупреждает двор — больше эта женщина у меня не в почете.

— Тогда вы должны знать — ни она, ни я, никто из Говардов ни на миг не перестаем любить и почитать ваше величество.

Дядюшку даже передернуло, когда он услышал упоминание нашего семейства.

— Остается только надеяться — ваша верность не подвергнется испытанию. — До чего же неприятный у короля тон. Отвернулся от меня, поманил Джейн Сеймур. Глазки долу, вид скромненький, засемила к нему.

— Прогуляетесь со мной? — Теперь голос такой сладенький.

Она присела в реверансе — я, мол, с удовольствием. Положила руку на расшитый драгоценными камнями рукав, и вот они уже идут по тропинке, остальные придворные, тоже парочками, за ними — на почтительном расстоянии.

Двор лихорадит от слухов, ни у меня, ни у Георга уже нет сил все отрицать. Раньше — скажи слово против Анны и можешь быть уверен — тебя скоро вздернут на веревке. Теперь песенки и шуточки, как она заигрывает со всеми мужчинами при дворе, а ребенка выносить не может.

— Почему Генрих их не остановит? — спрашиваю мужа. — У него на это власти хватило бы.

— Он теперь всякому позволяет о ней болтать, — качает головой Уильям. — Утверждают, она на все способна, только что дьяволу душу еще не продала.

— Идиоты! — кричу я.

Он берет меня за руки, нежно разжимает сжатые кулачки.

— Сама понимаешь, Мария, откуда тогда взяться младенцу-чудовищу, если не от чудовищного союза. Она, должно быть, погрязла в грехах.

— Какого чудовищного союза? Ты что, тоже думаешь — она продала душу дьяволу?

— А как ты считаешь? Ни на минуту бы не задумалась, если бы получила за это сына.

Крыть нечем. Я взглянула прямо в карие глаза мужа. Боже, какой ужас!

— Ш-ш-ш. — Даже слово сказать страшно. — Думать об этом не хочу.

— А если она занялась колдовством — вот и родился урод?

— И что тогда?

— Тогда от нее можно избавиться.

Я натужно рассмеялась:

— Грустная шутка в грустные времена, Уильям.

— Это не шутка, женушка.

— Мне больше не вынести. — Я вдруг почувствовала — сыта по горло, до чего же все плохо вокруг. — Что с нами тогда станет?

Забыв о том, что мы в парке и весь двор может нас видеть, он обнял меня, крепко прижал, словно мы дома, в конюшенном дворе его маленькой фермы.

— Любовь моя, дорогая, — сказал нежно. — Она, верно, что-то ужасное сделала, такого уroda родить. И ты не знаешь что. Она тебе ничего не поручала? За повитухой сходить? Принести какое-нибудь зелье?

— Ты сам... — начала я.

Он кивнул:

— Да, я похоронил мертвого младенца. Бога молю, чтобы все улеглось, тогда, может, никто не станет ни о чем спрашивать.

Только один раз королеву покинули в пустом дворце — королеву Екатерину, а Анна с королем весело носились по полям. И вот Генрих

снова поступает так же. Анна, никем не замеченная, наблюдает из окна спальни, пристроившись на коленях в кресле — стоять еще нет сил, как король, а рядом с ним Джейн Сеймур, возглавляют королевский поезд, отправляясь в Гринвич, любимый дворец Генриха.

Веселые придворные следом за смеющимся королем и новой хорошенькой фавориткой, а среди них моя семья — отец, матушка, дядя, брат, показывающий ради удовольствия монарха фортели верховой езды. Мы с Уильямом чуть позади, скачем с детьми. Моя дочка тиха и задумчива, оглядывается на дворец, снова поднимает глаза на меня.

— Что с тобой? — спрашиваю я Екатерину.

— Нехорошо вот так, мы уезжаем, а королева остается.

— Она приедет попозже, когда поправится, — стараюсь я утешить девочку.

— Ты знаешь, у Джейн Сеймур во дворце в Гринвиче будут свои комнаты.

— Наверно, будет спать с другой девчонкой из их семейки, — возражаю я.

— Нет. — Ответ дочери краток. — Она сказала, король пообещал ей покои для нее одной, и фрейлин тоже пообещал. Чтобы никто не мешал ей музицировать.

Я сначала не поверила Екатерине, но дочка оказалась права. Прошел слух, сам секретарь Кромвель отказался от своих покоев, чтобы их могла занять Джейн — пусть дергает струны лютни, никого не беспокоя. Сказать по правде, покои секретаря соединялись небольшим коридорчиком с комнатами короля: Джейн удобно обосновалась в Гринвиче, как когда-то до нее Анна — покои не хуже комнат королевы, свой собственный двор.

Когда двор устроился, представители семейства Сеймур стали собираться по вечерам — танцы и прочие развлечения — в новых, роскошных комнатах Джейн, придворные дамы королевы, пользуясь ее отсутствием, тоже не забывали посетить приемную новой фаворитки. Король был там все время, беседовал, читал, слушал музыку или стихи. Он нередко обедал с Джейн в ее комнатах, а бесчисленные Сеймуры смеялись его шуточкам и развлекали за карточным столом. Во время обедов в парадной зале он сажал ее рядом, и только пустой трон королевы напоминал — она где-то там, одна в почти необитаемом

дворце. Иногда я видела — Джейн наклоняется к королю, между ними — место Анны, и кажется — ее нет в природе и ничто не может остановить Джейн, она вот-вот займет пустующее кресло.

Она все время оставалась нежной и ласковой — чистый сахар. Наверное, в детстве, там, в Уилтшире, сахарной свеклой перекормили. Хорошее настроение не изменяло ей ни на минуту, она с обожанием глядела на Генриха, капризничает ли он от того, что болит нога, или радуется как мальчишка, всеми признанный герой, уложивший на охоте оленя. Спокойная, набожная — он нередко заставлял ее на молитвенной скамеечке, пальчики перебирают четки, глаза к небу — и всегда-всегда сама скромность.

Ни за что не наденет французских чепцов в форме полумесяца, введенных в моду Анной после того, как она вернулась из Франции. Нет, на Джейн закрытые плоеные чепцы домиком, какие носила, бывало, королева Екатерина, — еще год назад любая дама, обрядившаяся в такой чепец, была бы признана всеми лишенной элегантности ханжой. Генрих нередко клялся и божился, что ненавидит испанский стиль, но этот суровый аскетизм только оттенял холодноватую красоту Джейн. Она носила чепец как монашеский убор — символ того, что земные соблазны ее не волнуют. И цвета подобраны умело — бледно-голубой, нежно-зеленый, желтовато-кремовый, чистые, светлые, неброские тона.

Я поняла, что Джейн скоро займет место моей сестры, когда Мадж Шелтон, малышка Мадж, любительница пококотничать, и не только, не брезгующая грубым словом, явилась к обеду в бледно-голубом плоеном чепце домиком и в наглухо закрытом платье в тон, рукава французского покроя переделаны на английский манер. Двух дней не прошло, а придворные дамы уже облачились в чепцы домиком, все как одна скромницы — глазки опущены долу.

Анна приехала в феврале, прискакала с величайшей помпой — впереди королевский штандарт, позади штандарт с гербом семейства Болейн, в середине — вереница слуг в ливреях, всадники на конях. Мы с Георгом поджидали ее на ступенях, парадная дверь широко открыта, и каждому видно — Генриха здесь нет.

— Рассказать ей про комнаты Джейн? — спросил брат.

— Давай ты, я не смогу.

— Франциск посоветовал сказать ей, когда вокруг много народа, на людях она не взорвется.

— Ты обсуждаешь ее дела с Франциском?

— Ты же говоришь с Уильямом.

— Он мой муж.

Георг кивнул, глядя на приближающийся поезд королевы.

— Доверяешь Уильяму?

— Конечно.

— А я доверяю Франциску.

— Это не одно и то же.

— Ты просто не понимаешь, что для меня значит его любовь.

— Одно знаю — любовь мужчины к женщине совсем другое дело.

— Нет, я его люблю как мужчина мужчину.

— Это противно Божьему закону.

Он взял меня за руку, улыбнулся неотразимой болейновской улыбочкой.

— Довольно уже, Мария. Времена настали такие страшные, что одно лишь утешает — его любовь. Позволь мне это утешение. Бог свидетель, немного у меня других радостей, а опасности нам грозят немалые.

Следом за всадниками приблизилась и Анна. Сияет улыбкой, темно-красное платье для верховой езды, темно-красная шляпа с огромным пером, приколотым громадной рубиновой брошью.

— *Vivat Anna!* — кричит брат, заметил, как она одета. Она не смотрит на нас, глаза вглядываются в полутьму парадной залы — надеется, король выйдет встречать. Но его нет. Лицо даже не дрогнуло, продолжает улыбаться.

— Здорова? — спрашиваю я.

— Конечно, — отвечает весело. — А почему бы и нет?

Я киваю, говорю осторожно:

— И то правда.

Понятно, и об этом ребенке лучше не упоминать, не говоря уже о других умерших младенцах.

— Где король?

— На охоте.

Анна величественной походкой входит во дворец, слуги несутся открыть перед ней двери.

— Он знал, что я приезжаю? — бросает через плечо.

— Да, — отвечает Георг.

Кивает, идет в свои комнаты, захлопывает дверь.

— А где мои дамы?

— Одни охотятся с королем, — начинаю я. — А другие... — Не зная, как закончить фразу, добавляю уныло: — А другие не охотятся.

Она не глядит на меня, обращается только к брату:

— Объясни, будь любезен, что имеет в виду моя сестрица? Я знаю, ее французский и латынь оставляют желать лучшего, но теперь оказывается — она и английского не знает.

— Твои придворные дамы кудахчут вокруг Джейн Сеймур. — Брату ничего не остается, как только говорить правду. — Король дал ей бывшие покои секретаря Кромвеля, обедает с ней каждый день. У нее теперь свой маленький двор.

Анна переводит взгляд с брата на меня:

— Это правда?

— Да.

— Дал ей покои секретаря Кромвеля? Может пойти в ее комнату, никого об этом не оповещая?

— Да.

— Они любовники?

Я гляжу на Георга.

— Неизвестно, но спорю, что нет.

— Нет?

— Она, похоже, отказывается от предложений женатого мужчины. Гордится своей добродетельностью.

Анна подходит к окну, идет медленно, будто старается разгадать эту загадку — как такая новость отразится на ней.

— На что она надеется? Приманивает и отталкивает одновременно?

Мы не отвечаем, уж мы-то знаем, как это делается. Анна поворачивается, глаза словно у дикой кошки.

— Думает избавиться от меня? Совсем с ума сошла?

Мы молчим.

— Кромвеля выгнали из его комнат ради этой сеймуровской девчонки?

Я качаю головой:

— Он сам предложил ей занять его покои.

Она медленно кивает:

— Значит, и Кромвель теперь открыто против меня.

Ища поддержки и утешения, глядит на Георга, странный взгляд, словно и в нем не уверена. Но брат ее никогда не предавал. Он неуверенно шагнул вперед, положил руку на плечо братским, защищающим жестом. Она не повернулась к нему, не обняла, нет, когда он оказался у нее за спиной, оперлась на него, прильнула плечом к груди. Он вздохнул, обнял ее. Покачивает в объятиях, так и стоят, глядя в окно на Темзу, которая сияет в лучах яркого зимнего солнца.

— Я думала, ты побоишься даже дотронуться до меня, — шепнула она.

— Анна, Анна, — покачал он головой. — Согласно законам церкви и государства меня можно десять раз предать анафеме еще до завтрака.

Меня пробрала дрожь, но она только хихикнула, как девчонка:

— Все, что нами сделано, совершено ради любви.

Повернулась лицом к нему, взглянула, внимательно изучая, в глаза. По-моему, она ни на кого в жизни так не смотрела. Казалось, ее действительно заботят его чувства. Он теперь не просто ступенька на лестнице честолюбия Анны. Он ее любимый.

— Даже когда результаты получаются чудовищные?

Он пожал плечами:

— Я не знаток богословия. Но когда у моей кобылы родился жеребенок с тремя ногами вместо четырех, я не обвинил ее в ведовстве. В природе всякое случается, нет тут ничего такого особого. Просто тебе не повезло, вот и все.

— Меня так легко не запугаешь, — твердо сказала она. — Я видала кровь святых, сделанную из крови свиней, святую воду, набранную в ручье. Церковное учение наполовину увлекает тебя красивым обманом, наполовину запугивает до смерти — знай свое место. Меня не подкупишь и не запугаешь. Ничем. Я приняла решение — у меня свой путь, и я по нему иду.

Вслушайся Георг, заметил бы, наверно, резкие, звенящие нотки в голосе, но он только неотрывно смотрит ей в лицо.

— Все выше и выше, Анна-царица?

Она засияла улыбкой:

— Все выше и выше. Следующий будет мальчик. Повернулась, положила руки брату на плечи, взглянула на него, будто он возлюбленный, которому можно доверить все.

— Что мне теперь делать?

— Заполучить его обратно, — сказал он со всей серьезностью. — Не ругаться с ним, не показывать ему своего страха. Заполучить его обратно — любой женской уловкой. Снова его очаровать.

Она помолчала, улыбнулась и решительно произнесла — горькую правду, которую не скроешь:

— Георг, я на десять лет старше, чем тогда, когда его очаровывала. Мне почти тридцать. Он прижил со мной только одного здорового ребенка, а теперь он знает — у меня родился урод. Я ему буду отвратительна.

Георг еще сильнее обнял сестру.

— Ты не будешь ему отвратительна. А иначе нам всем не уцелеть. Ты его снова завоеешь.

— Но я, именно я, научила его следовать только своим желаниям. Хуже того, я забила его дурацкую башку новыми веяниями. Теперь он думает, его желания — проявления воли Божьей. Ему достаточно чего-либо захотеть, чтобы решить — такова Божья воля. Ему не надо советоваться со священниками, епископами, даже с Папой. Каждая его прихоть — святая истина. Как может такой человек вернуться к своей жене?

Георг взглянул на меня — может, я чем помогу. Я подошла поближе.

— Он любит, чтобы вокруг него носились. Оглаживали его, обхаживали, говорили, какой он замечательный да расчудесный, доброта и ласка — вот что ему нужно.

Она на меня так посмотрела, будто я по-древнееврейски говорю:

— Я его возлюбленная, а не мамочка.

— Но ему теперь нужна мамочка. У него нога болит, ему кажется — он изношен и стареет. Он страшно боится старости, боится смерти. Язва на ноге воняет. Он в ужасе от того, что умрет, не оставив наследника. Все, что королю надо, немножечко ласки, пока нога не заживет. Джейн Сеймур — сама доброта и нежность, сладкая как сахар. Тебе надо ее перещеголять в доброте.

Анна молчала. Мы все знали: никто не сможет сравниться в сладости с Джейн, когда у той перед глазами маячит корона. Никому, даже Анне — всем известной мастерице в науке обольщения, — в этом Джейн не перещеголять. Краски сбежали с лица сестры, и на мгновенье сквозь бледность проступили жесткие черты нашей матушки.

— Боже, пусть она подавится своим сахарным сиропом, — мстительно прошипела Анна. — Если протянет руку к моей короне, а задницу к моему трону, ей не жить. Боже, как я мечтаю, чтобы она умерла молодой. Боже, пусть умрет родами, в тот самый момент, когда собирается подарить ему наследничка. И мальчишка пусть тоже помрет.

Георг напрягся, увидел в окно — охотники возвращаются в замок.

— Беги вниз, Мария, сообщи королю о моем прибытии. — Анна высвободилась из объятий брата.

Я сбежала по ступеням как раз в тот момент, когда король слезал с лошади. Заметила — лицо перекосилось от боли, когда ему пришлось опереться на мгновенье на больную ногу. Джейн прискакала следом, за ними целая толпа Сеймуров. Я оглянулась в поисках отца, матушки, дяди. Тащатся где-то позади, Сеймуры их совсем затмили.

— Ваше величество, — присела в реверансе. — Моя сестра, королева, прибыла в замок и надеется засвидетельствовать вашему величеству свое почтение.

Генрих взглянул на меня, физиономия мрачная, лоб сморщился — наверно, от боли, рот скривился.

— Передайте ей, я устал после охоты, увижу ее за обедом.

Он прошел мимо, ступая тяжело, прихрамывая, чтобы поменьше беспокоить больную ногу. Сэр Джон Сеймур помог дочери спешиться. Я заметила новый наряд для верховой езды, новую лошадь, бриллиант, посверкивающий на затянутой в перчатку ручке. Как же хочется сказать ей какую-нибудь гадость, пришлось даже язык прикусить, чтобы сладко улыбнуться мерзавке и отступить, пока папаша и братец ведут ее во дворец, в роскошные комнаты — покои королевской фаворитки.

Мои родители следуют за Сеймурами, теперь их место позади. Я жду, что они спросят, как Анна, но они проходят мимо, едва мне кивают.

— Она совсем поправилась, — говорю я матери, когда та рядом со мной.

— Отлично. — В голосе лед.

— Вы к ней не зайдете?

Лицо такое, будто я не о ее дочери говорю, словно и я и Анна не от нее родились.

— Я к ней зайду, когда ее посетит король.

Все понятно, у нас — Анны, Георга и меня — больше нет защитников.

Придворные дамы возвращаются в покои королевы подобно стае стервятников — не уверены, где пожива лучше. Я с горьким удовлетворением замечаю, что с возвращением Анны, такой уверенной в себе, произошел раскол в области моды на чепцы. Кое-кто из дам снова надел французские чепцы в форме полумесяца — их носит Анна. Другие остались в чепцах, которые предпочитает Джейн. Как же им всем хочется понять — где теперь быть, в парадных апартаментах королевы или там, где Сеймуры? Куда король придет? Что предпочтет? Мадж Шелтон продолжает носить плюшевый чепец домиком. Пытается стать своей в кругу Сеймуров. Девчонка решила, что Анне уже не подняться.

Я вошла в комнату, три женщины сразу же замолчали.

— Какие новости? — бросила я.

Никто не ответил. Первой не выдержала Джейн Паркер — всегда впереди всех со сплетнями и слухами.

— Король послал Джейн Сеймур подарок — целый кошелек золота. А она отказалась принять.

Я ждала продолжения.

Глаза Джейн Паркер блестят от возбуждения.

— Сказала, что незамужняя девушка не должна принимать таких подарков, это может отразиться на ее репутации.

Я помолчала, пытаюсь понять тайный смысл подобного утверждения.

— Отразиться на ее репутации?

Джейн кивнула.

— Мне надо идти, — сказала я и, больше не обращая внимания на дам, прошла в спальню Анны.

Там Георг, а с ним Франциск Уэстон.

— Мне надо поговорить с вами наедине.

— Можешь говорить в присутствии сэра Франциска, — отрезала Анна.

Я только вздохнула.

— Слышали уже, что король послал этой девчонке Сеймур подарок, а она отказалась его принять?

Они покачали головами.

— Говорят, заявила, не может принимать таких подарков, пока не замужем, боится запачкать свою репутацию.

— Ого, — присвистнул сэр Франциск.

— Наверно, просто выставляет напоказ свою праведность, но во дворце только об этом и болтают.

— Намекает королю, что может выйти замуж за другого, — заметил Георг.

— Тоже мне, добродетель ходячая, — добавила Анна.

— Полно выставляться, — кивнул сэр Франциск. — Театр да и только. Она же лошадь обратно не отослала? А кольцо с бриллиантом? Подвеску с его портретом в медальоне? Но теперь ей удастся убедить и двор, и самого короля — есть на свете молодые особы, совершенно не интересующиеся ни деньгами, ни богатством. Отличный выпад! Туше! Пьеса в одной картине.

— До чего же она несносна! — процедила сквозь зубы сестра.

— Ну Джейн ты сейчас никак не отплатишь, — успокоил ее брат. — Даже думать о ней забудь. Голову выше, улыбку пошире и вперед — очаровывать короля.

— За обедом могут упомянуть союз с Испанией, — предупредил Франциск, когда она встала. — Не стоит против этого возражать.

— Если предстоит превратиться в Джейн Сеймур, — бросила Анна через плечо, — лучше сразу отойти в сторону. Что во мне есть хорошего — мозги, характер, страсть к переменам в церкви, и если это никому не нужно — значит, надо самой уйти. Коли королю понадобилась покорная, послушная жена, зачем мне вообще сдался трон. Если я — не я, незачем и стараться.

Георг подошел, взял ее руку, поцеловал.

— Право, мы тебя обожаем. Все это только прихоть короля, скоро пройдет. Теперь ему подавай Джейн, до того — Мадж, а еще раньше — леди Маргариту. Он придет в себя, вернется к тебе. Вспомни, сколько

времени его удерживала королева. Он уходил и возвращался десятки раз. Ты его жена, мать принцессы, как она. Ты сможешь его удержать.

Она усмехнулась, расправила плечи, кивнула мне — открой дверь. Вышла, роскошное платье зеленого бархата, в ушах изумрудные серьги, на зеленом чепце посверкивают бриллианты, шею охватывает знакомая подвеска в форме буквы „Б“ на жемчужном ожерелье. Я услышала шум голосов в приемной.

К концу февраля похолодало, Темза у дворца замерзла. С пристани можно спуститься по лесенке к белому покрову, ступить прямо на гладкое стекло льда. Река превратилась в дорогу, иди куда хочешь. Где лед потоньше, видна зеленая, опасная глубина, там под прозрачной поверхностью движется вода.

Сады, тропинки, стены и аллеи вокруг дворца побелели от снега, за ночь намерзает ледяная корка, снова идет снег. Кусты в парке покрыты изморозью. По утрам, когда появляется солнце, таинственным, наброшенным на тоненькие ветки кружевом сверкают замерзшие кристаллы паутины. Каждая былинка, каждый прутик очерчены белым, будто все веточки и стволы выкрасил художник.

По ночам ужасно холодно, ветер с востока — русский ветер. Днем ярко светит солнце, в парке приятно гулять или играть на замерзшей лужайке в шары. Малиновки на деревьях ждут хлебных крошек, над головой проносятся стаи гусей — эти создания любят холод. Большие птицы кричат, вытягивают длинные шеи, ищут незамерзшую воду.

Король объявил — пора зимних развлечений, рыцарские турниры на коньках, танцы на льду, зимние маскарады с катанием на санях, пожирателями огня, акробатами из Московии. Пора дразнить медведей, на льду это куда смешнее, бедный зверь скользит и падает, бросаясь на преследующих его собак. Один из псов кидается на зверюгу, надеясь куснуть и отпрыгнуть, но лапам на льду не за что уцепиться, медведь переламывает псине хребет одним могучим ударом. Король просто ревет от смеха.

Со Смитфилда, лондонского рынка, привозят огромных быков — вместо дороги теперь замерзшая река. Жарят их на кострах у самой воды, парни носятся с кухни к реке со свежееиспеченным хлебом, кухонные псы заливаются лаем, путаются у всех под ногами, надеясь на подачку.

Джейн — зимняя принцесса, в белом и голубом, на шее, на оторочке капюшона — белоснежный мех. На коньках держится весьма неуверенно, ее все время с обеих сторон поддерживают брат и отец. Подталкивают ее, красивую куколку, поближе к трону, а я думаю — несладко быть сеймуровской девчонкой, явно не лучше, чем болейновской. Папаша и братец пихают тебя к королю, а у тебя нет ни сил, ни ума убежать подальше.

Ее место всегда рядом с креслом Генриха. Справа от королевского трона, как положено, трон королевы, но слева — скамеечка для Джейн, она там отдыхает, накатавшись на коньках. Сам король не катается — нога беспокоит, поговаривают о том, чтобы пригласить французских лекарей или отправиться в паломничество в Кентербери. Только Джейн может его развеселить, как это у нее получается — безо всяких усилий? Она то сидит рядом, то позволяет катать ее на коньках прямо перед ним, вздрагивает от страха при виде петушиных боев, замирает в восторге, глядя на пожирателей огня, ведет себя как всегда, маленькая дурочка, доставляя королю такое удовольствие, на какое Анна совершенно не способна.

Каждые три дня Анна появляется за обедом, подаваемом на льду, смотрит, как Джейн с неуклюжей грацией танцоров-москвитян движется на острых, сделанных из китового уса, коньках, а мне думается о том, что этой зимой все мы, Болейны, катимся по тонкому льду. Даже самое невинное словцо Анны вызывает раздражение короля, ему все неприятно. Он все время наблюдает за Анной, не сводит с нее подозрительных поросячьих глазок. Смотрит на нее и потирает руки, вертит на мизинце кольцо.

Анна дразнит его своей красотой и заразительным весельем. Она больше не ссорится с ним, какой бы он ни был кислый и скучный. Она танцует, играет в карты, смеется, катается на коньках, она вся радость, легкомыслие и веселье. Джейн Сеймур где-то позади, кто может отвести взгляд от Анны, посмотреть на другую женщину, когда моя сестра в таком радужном настроении. Даже король не спускает с нее глаз, когда она танцует, голова гордо поднята, шея чуть повернута, будто кто-то с ней разговаривает. Вокруг толпятся придворные кавалеры, пишут поэмы, воспевающие ее красоту, музыканты играют только для нее одной, она — центр всех развлечений двора. Король не сводит с нее глаз, но он больше не приходит в восторг. Глядит на нее,

словно пытается что-то понять, будто раскрыл тайну ее колдовского очарования. Все, что когда-то было ему так дорого, теперь исчезло. Глядит на мою сестру с выражением человека, который купил дорожный гобелен, стоивший целое состояние, и неожиданно обнаружил — это подделка, пора ее распускать на нитки. Глядит, словно не может поверить — она обошлась ему так дорого, а взамен не дала ничего. Сколько бы Анна ни старалась, ее очарование и живость ума не убедят его, что сделка того стоила.

Пока я смотрю на Анну, Георг и Франциск наблюдают за секретарем Кромвелем. По дворцу ходят слухи — от Анны избавятся, признают брак недействительным. Мы с Георгом только смеемся над этим, но сэр Франциск напоминает нам — в апреле, безо всякой видимой причины, был распущен парламент.

— И какое нам до того дело? — спрашивает брат.

— Все эти добрые деревенские рыцари разъехались по поместьям, никого здесь не будет, если король решит отделаться от королевы.

— С чего они вообще станут ее защищать, — удивляюсь я. — Они ее ненавидят.

— Они могут подняться на защиту самого принца, — объясняет Франциск. — Их силой заставили выступить против королевы Екатерины, отречься от клятв верности принцессе Марии и признать наследницей принцессу Елизавету. Если теперь король захочет избавиться от Анны, они будут чувствовать себя последними идиотами, им опять указывают, что делать, кому это понравится. Если он теперь снова ухватится за решение Папы, им нелегко будет проглотить без звука подобные перемены — уж больно быстро все меняется.

— Но королева мертва. — Я подумала о своей покойной госпоже, Екатерине. — Даже если брак с Анной будет признан недействительным, он не сможет вернуться к ней.

Георг нетерпеливо присвистнул — ну до чего же я тупа, но Франциск спокойно объяснил:

— По решению Папы брак с Анной недействителен. В таком случае Генрих — вдовец и может жениться снова.

Мы все трое, не сговариваясь, взглянули на короля. Вот он встает с трона, поставленного на помост на льду. Рядом с ним сэр Джон Сеймур и сэр Эдуард Сеймур, ^[31] помогают ему подняться. Джейн тут

же, на губах улыбка, словно видит перед собой молодого красавчика, а не старую, толстую развалину.

Анна, на коньках, в сопровождении Генриха Норриса и Томаса Уайетта. Скользит к мужу, спрашивает:

— Как вы себя чувствуете, дорогой муж? Уже уходите?

Он глядит на Анну. Холодный ветер разгорячил щеки, на ней алая шляпка для верховой езды с длинным, белоснежным пером, прядь волос выбилась из-за уха. Такая веселая, такая невероятно красивая.

— Нога болит, — медленно отвечает он. — Вы тут резвитесь, развлекаетесь, а я страдаю. Пойду к себе, отдохну.

— Я пойду с вами. — Она приближается к нему. — Если бы знала, провела бы все время подле вас, вы сами сказали — иди покатайся. Мой бедный муженек, я вам приготовлю ячменный отвар и почитаю, если хотите.

Он качает головой:

— Мне лучше поспать. Предпочитаю тишину вашему чтению.

Анна вспыхивает. Генрих Норрис и Томас Уайетт отводят глаза, им, наверное, хочется под лед провалиться. Сеймуры делают вид, что ничего не слышат.

— Тогда увидимся за ужином. — Анна сдерживается, не дает себе высказать обиду. — Я помолюсь, чтобы вам стало лучше и боль прошла.

Генрих кивает, отворачивается. Сеймуры берут его под руки, помогают пройти по роскошным коврам, которыми, чтобы не поскользнуться, устлан лед. Джейн с кроткой улыбкой, словно извиняется за то, что выбор пал на нее, семенит вслед за ним.

— И куда это вы направляетесь, мисс Сеймур? — Голос Анны хлещет как кнут.

Девушка оборачивается, делает королеве реверанс.

— Король приказал мне сопровождать его, почитать перед сном. — Глазки опущены, сама невинность. — Я не знаю латыни, но немного читаю по-французски.

— Немного читаю по-французски! — восклицает моя сестра, она-то свободно владела тремя языками еще в шесть лет.

— Да, — гордо отвечает Джейн. — Только я не все понимаю.

— Вы, похоже, вообще мало что понимаете. — Последнее слово за королевой. — Можете идти.

Весна 1536

Снег тает, но до тепла далеко. На лужайке для игры в шары уже кое-где показались подснежники, но играть еще нельзя — слишком много воды, да и тропинки не просохли — не проберешься. Нога короля все не заживает, рана не затягивается, не помогают ни снадобья, ни припарки, воспаление все хуже и хуже. Он боится, что не сможет больше танцевать, а новости из Франции — король Франциск в прекрасном настроении, здоровье отменное — не прибавляют Генриху веселья.

Подошел Великий пост, прекратились танцы и пирушки. Теперь у Анны нет ни малейшей возможности затащить его в постель, а значит, неоткуда будет взяться новому младенцу. Никому, ни даже королю с королевой не дозволено спать вместе во время Великого поста. Анне ничего не остается, как наблюдать за Генрихом, сидящем в мягком кресле, больная нога поднята на табуретку, рядом устроилась Джейн, читает ему душеспасительные трактаты, а она, королева, даже не может заполучить законного мужа в спальню.

На нее больше никто не обращает внимания. С каждым днем все меньше придворных дам толпится в ее приемной, королева их выбрала, платит им содержание, а они весело проводят время в комнатах Джейн Сеймур. Только те, кого туда не приглашают, остаются верны Анне — наше семейство, Мадж Шелтон, наша тетушка Анна, моя дочь Екатерина и я. Бывают дни, когда из всех кавалеров с нами только Георг и его верные дружки — сэр Франциск Уэстон, сэр Генрих Норрис, сэр Уильям Брертон. Как раз те, с кем муж не советовал водиться, но делать нечего — у Анны нет иных друзей. Мы играем в карты, слушаем музыку, а когда появляется сэр Томас Уайетт, устраиваем поэтические состязания. Каждый пишет по строчке сонета, посвященного самой прекрасной королеве в мире, но нам совсем не весело, вместо радости в сердце вползает пустота. Анна уже почти все потеряла и не знает, как удержать хотя бы то, что осталось.

В середине марта она, забыв наконец о гордости, послала меня за дядюшкой.

— Сейчас не могу прийти, я занят. Передай королеве, зайду после обеда.

— С каких это пор королеве приказывают подождать? — заметила я.

Когда он пришел, Анна его дружески приветствовала, отвела в нишу окна поговорить без помех. Я сидела близко и слышала весь разговор, но ни он, ни она, соблюдая приличия, не позволили себе повысить голос.

— Мне нужна помощь — справиться с Сеймурами, — начала Анна. — Нам необходимо избавиться от Джейн.

Он пожал плечами:

— Дорогая племянница, помнится, ты не всегда мне помогала. Совсем не так давно пыталась очернить меня перед королем. Не будешь королевой — значит, ты больше не Говард.

— Что бы там ни было, я останусь Болейн, останусь Говард, — прошептала она, касаясь подвески с золотой буквой „Б“ на шее.

— Уж чего-чего, а недостатка в говардовских девчонках у нас нет, — немедленно отозвался он. — У моей жены герцогини в ламбетском доме их не меньше дюжины, все твои кухни, все как на подбор красавицы, не хуже тебя, Марии или Мадж. Веселые, горячие. Когда он устанет от этой — ни рыба ни мясо, найдется ей на смену какая-нибудь говардовская девчонка.

— Но я королева, а не какая-нибудь там молоденькая фрейлина.

Он кивнул:

— Так позволь сделать тебе предложение. Если в апреле Георг получит орден Подвязки, я буду на твоей стороне. Добьешься награды для семьи — посмотрим, сможет ли семья прийти на помощь.

— Я могу его попросить, — раздумчиво сказала она.

— Попроси. Поможешь семье кое-чего достичь — и мы с тобой договоримся по-новому, будем защищать тебя от врагов. Но на этот раз тебе придется запомнить, кто твой хозяин.

Она закусила губу, сейчас не время выказывать неповиновение. Сделала дядюшке реверанс и опустила голову.

23 апреля король вручил орден Подвязки сэру Николасу Кэрю, другу Сеймуров. Георга обошли. Вечером на пиру в честь этого важного события дядюшка и сэр Джон Сеймур наслаждались теплой

компанией, сидели за столом бок о бок, перед ними огромное блюдо с мясом.

На следующий день Джейн Сеймур — редкая гостья — заявила в приемную королевы. Комната в кои-то веки гудела от обилия народа, позвали музыкантов, собрались танцевать. Короля не ждали, Анна пригласила его на партию в карты, но он холодно отказался, сославшись на срочные дела.

— Чем это он занимается? — спросила Анна Георга, когда тот вернулся с ответом.

— Не знаю. Разговаривает с епископами. И с лордами, по очереди со всеми.

— Обо мне?

Оба старательно избегали глядеть на Джейн, хотя та была в центре внимания — и не где-нибудь, а в приемной самой королевы.

— Не знаю, — угрюмо бросил брат. — Наверно, мне последнему скажут. Но он спросил, кто из придворных тебя посещает каждый день.

Анна глядела на него не мигая:

— Все, конечно. Я же королева.

— Кое-какие имена упомянуты особо, среди них Генрих и Франциск.

— Генрих Норрис здесь появляется каждый день ради прекрасных глаз Мадж, — рассмеялась Анна. И вправду, Генрих склонился за плечом у Мадж, готовый, когда она кончит петь, перевернуть нотную страницу. — Пойдите сюда, пожалуйста, сэр Генрих.

Он шепнул что-то Мадж на ухо, подошел к королеве, шутливо встал на одно колено:

— Слушаю и повинуюсь.

— Пора уже вам жениться, сэр Генрих, — заговорила Анна с нарочитой суровостью. — А то вы все время околачиваетесь в моих покоях, моя репутация страдает. Как насчет предложения руки и сердца Мадж? Я желаю вознаградить достойное поведение моих придворных дам.

Он хохотнул, явно думая о достойном поведении Мадж:

— Она для меня только прикрытие, сердце мое тоскует кое о ком другом.

— Полно уже расточать сладкие речи, — покачала головой Анна. — Пора уже делать Мадж предложение, да и все тут.

— Она — ясный месяц, но мое солнце — вы.

Я закатила глаза, глянула на Георга.

— Мне, право, иногда хочется стукнуть его хорошенько, — громким шепотом отозвался брат.

— Круглый дурак. И толку от него никакого.

— Не могу я предложить мисс Шелтон мое сердце целиком, значит, она его и вовсе не получит. — Генрих с трудом выпутался из клубка любезностей. — Мое сердце принадлежит королеве, владелице всех сердец в Англии.

— Благодарю вас, — оборвала его Анна. — Возвращайтесь поскорее к своему месяцу.

Норрис снова поцеловал ей руку.

— Вы не пожалеете, — пообещал он, — я за вас умереть готов.

И засеменял обратно к Мадж. Мы встретились с ней глазами, я скорчила гримасу, она подмигнула мне в ответ. Нет, эта девчонка никогда не станет настоящей леди.

Георг склонился к Анне:

— Нельзя избавиться от сплетен по одной. Надо жить, будто их и вовсе нет.

— Я избавлюсь ото всех сплетен, — возразила она. — А ты разузнай, с кем встречается король и что они про меня говорят.

Георг никак не мог ничего разузнать. Он послал меня к отцу, тот отвел глаза и велел обращаться за новостями к дядюшке. Я отыскала дядюшку у конюшен, он осматривал перед покупкой новую кобылу. Апрельское солнышко жарило вовсю. Я подождала в теньке у ворот, пока он закончит, потом подошла поближе:

— Дядюшка, король все время заседает с Кромвелем, лорд-казначеем и вами. Королева хочет знать, что у вас за дела такие.

На этот раз он не отвернулся от меня, не ухмыльнулся горько, а посмотрел мне прямо в глаза, и я увидела в них, в первый раз в жизни, жалость.

— Забери поскорее своего сына из школы, — последовал совет. — Он ведь у цистерцианцев вместе с сыном Генриха Норриса?

— Да. — Не понять, какое это имеет отношение к делу.

— На твоём месте я бы держался подальше от Норриса, Брертон, Уайетта и Уэстона. Если у тебя есть их письма, поэмы и прочая любовная чепуха, все сожги.

— Я замужняя женщина и люблю мужа. — Я по-прежнему не могла взять в толк, что случилось.

— Это хорошо, поможет в случае чего, — согласился он. — Иди теперь. То, что я знаю, тебе ни к чему, пусть уж будет на моей совести. Иди, Мария. Но на твоём месте я забрал бы обоих детей и убрался подальше от двора.

Я не пошла к Георгу и Анне, которые с тревогой ждали моих вестей. Я отправилась прямехонько в королевские покои на поиски мужа. Он был в приемной, король заперся у себя с главными советниками. В эти весенние деньки он немало времени проводил запершись с лордами. Уильям увидел меня и сразу же вышел в коридор:

— Плохие новости?

— Даже не новости, загадка.

— Кто тебе ее загадал?

— Дядюшка. Он мне посоветовал держаться подальше от Генриха Норриса, Уильяма Брертон, Томаса Уайетта и Франциска Уэстона. Когда я сказала, что вовсе с ними дела не имею, посоветовал забрать Генриха из школы, держать детей при себе и убираться отсюда поскорее.

— И где же загадка?

— Что все это значит?

— Твой дядюшка для меня всегда загадка, — покачал головой муж. — Вместо того, чтобы задумываться, что он такое имел в виду, поеду немедленно, заберу Генриха, пусть побудет дома с нами.

В два прыжка снова очутился в королевской приемной, тронул одного из служителей за рукав, попросил сказать королю, если спросит о нем, что ему надо срочно отлучиться и он будет обратно через четыре дня. Вернулся ко мне, помчался по коридору с такой скоростью, что я с трудом за ним поспевала.

— Зачем? Что такое происходит? — Теперь мною овладел ужасный страх.

— Не знаю. Все, что мне известно, — твой дядюшка сказал, что Генриху негоже быть в компании сына Генриха Норриса, значит, надо

забрать его домой. А когда я его привезу, мы все уедем в Рочфорд. Меня не нужно предупреждать дважды.

Дверь в сад была открыта, он выбежал из дворца. Я подхватила юбки, помчалась за мужем. Добрался до конюшен, короткое приказание — и конюх уже выводит его кобылу.

— Не можем мы его забрать оттуда без разрешения Анны, — поспешно напомнила я.

— Я его привезу, а разрешение, если понадобится, получим потом. Надо торопиться, а не то поздно будет. Главное, чтобы твой сын был в безопасности. — Он схватил меня в объятия, крепко поцеловал прямо в губы. — Любовь моя, как не хочется тебя оставлять, когда вокруг такое творится.

— Но что может случиться?

Он поцеловал меня еще крепче:

— Бог знает. Но твой дядюшка слов понапрасну не бросает. Я заберу мальчика. А потом постараемся удрать отсюда, покуда и нас не затянуло.

— Я сбегая, принесу твой дорожный плащ.

— Не волнуйся, возьму плащ у конюхов. — Зашел в кладовую, вернулся с простецким дорожным плащом.

— Такая спешка, что не можешь взять свой собственный плащ?

— Лучше поторопиться. — Его решимость испугала меня еще пуще — может, и впрямь мой сын в опасности.

— Деньги у тебя есть?

— Полно, — хмыкнул он. — Только что выиграл целый кошелек у сэра Эдуарда Сеймура. Пойдет на доброе дело.

— Когда ты вернешься?

— Через три дня, — задумался он, — может, через четыре, не больше. Буду скакать без передышки. Продержишься четыре дня без меня?

— Да.

— Если что случится, бери малышку и Екатерину и уезжай немедленно. Не беспокойся, я привезу Генриха к тебе в Рочфорд.

Еще один крепкий поцелуй, нога в стремя, и он уже в седле. Лошадь хорошо отдохнула, горячится, но он заставляет ее идти шагом, не спеша выезжает из ворот на дорогу. Я провожаю его глазами.

Вокруг яркое солнце, а меня знобит, словно тот единственный, кто может меня спасти, уехал.

Джейн Сеймур больше не появлялась в покоях королевы, в солнечных комнатах царит необычная тишина. Служанки по-прежнему моют и чистят все вокруг, камин исправно горит, кресла расставлены, столы ломятся от фруктов, воды и вина, все приготовлено для большой компании, только никто не приходит.

Никого, лишь Анна, я, моя дочь Екатерина, тетушка Анна да Мадж Шелтон. До чего же неуютно в пустых, отдающихся эхом комнатах. Матушка никогда не заходит, она будто забыла, что мы существуем на свете. Отца мы не видим. Дядюшка глядит мимо, словно мы — прозрачное венецианское стекло.

— Я теперь вроде привидения, — жалуется Анна. Вся компания гуляет вдоль реки, она опирается на руку брата. Я следом с сэром Франциском Уэстоном, за нами Мадж с сэром Уильямом Брертоном. Мне ужасно тревожно, и нет желания разговаривать. Я не понимаю, почему дядюшка перечислил все эти имена. Так и не разгадала его загадку. Будто вокруг плетется заговор и в любую минуту я, ничего не понимая, шагну, а ловушка захлопнется.

— Они все совещаются и совещаются, — рассказывает Георг. — Я кое-что узнал от пажа, который разливает вино. Они все там — секретарь Кромвель, дядюшка, герцог Суффолк.

Брат и сестра держатся будто ничего не происходит.

— В чем они нас могут обвинить? Ни в чем.

— Обвинения придумать нетрудно. Вспомни, что они говорили о королеве Екатерине.

Анна внезапно повернулась к нему:

— Мертворожденное дитя. В этом все дело! Выжившая из ума старуха, повивальная бабка, рассказывает безумные байки.

— Может быть, — кивнул брат. — Больше у них ничего нет.

Она вдруг бросилась бежать прямо ко дворцу:

— Я им покажу!

Мы с Георгом помчались за ней.

— Что ты собираешься делать?

— Анна, Анна, не торопись, подумай!

— Вот уже три месяца я во дворце словно маленькая мышка, корчусь от страха по углам. Вы мне сказали — будь милой и любезной.

Сколько можно быть милой и любезной? Пора встать на защиту собственной чести. Они против меня, тайно разбирают мое дело. Пусть говорят вслух! Не дам себя засудить кучке стариков, которые давно меня ненавидят. Я им еще покажу!

Она перебежала лужайку и скрылась во дворце. Мы с братом застыли на мгновение, потом повернулись к остальным.

— Продолжайте прогулку, — резко бросила я.

— Мы пойдем с королевой, — добавил Георг.

Франциск невольно протянул руку, пытаюсь удержать друга, умолить его остаться с ним.

— Не волнуйся, — успокоил его Георг, — но лучше мне сейчас быть с ней.

Мы с братом помчались по траве и следом за Анной вошли во дворец. У двери королевских покоев ее нет, стража сказала, она туда не входила. Непонятно, что теперь делать, куда она подевалась. Тут мы услышали шаги, она бегом спускается по лестнице с принцессой Елизаветой на руках, девочка смеется, что-то лепечет, как хорошо — ее унесли из детской, вокруг мелькают огоньки.

Она расстегнула рубашонку на девочке, кивнула стражнику, тот, не успев понять, что происходит, распахнул дверь.

— В чем меня обвиняют? — едва переступив порог, спросила она короля.

Он неуклюже поднялся с кресла, стоявшего во главе стола. Мрачный взор Анны обводил одного за другим знатнейших людей страны, собравшихся тут.

— Кто осмелится обвинить меня прямо в лицо?

— Анна... — начал король.

Она взглянула на него:

— Вас потчуют ложью, отравляют уши ядом, возводят на меня напраслину. Я заслуживаю лучшего. Я была вам доброй женой, любила вас больше всех на свете.

Он откинулся в глубокое резное кресло.

— Анна...

— Я не сумела доносить сына, но это не моя вина, — продолжала она страстно. — У Екатерины сыновей тоже не было, но вы ее ведьмой не называли.

Среди сидящих прошла волна шепота, когда она громко произнесла это слово — грозное и ужасное. Каждый сделал пальцами знак оберега — крест, защиту против колдовства.

— Но я родила вам принцессу, прекрасную принцессу. Посмотрите на нее — ваши волосы, ваши глаза, как можно сомневаться, чья она дочь. Когда она родилась, вы сказали, что скоро у нас будут сыновья. Тогда вы от собственной тени не шархались.

Она высоко подняла ребенка, показала ему. Генрих вздрогнул, когда девочка протянула к нему маленькие ручки, позвала его: „Папа“.

— Смотрите, чистая кожа, ни малейшего пятнышка, ни малейшего порока. Только не говорите мне — она не благословенное Богом дитя. Только не говорите мне — она не самая совершенная принцесса в мире. Я принесла вам благословенного, здорового, красивого младенца. Будут и другие. Посмотрите на нее, конечно, у нее будут здоровенькие, красивые братья.

Принцесса Елизавета смотрит на суровые лица. Нижняя губка девочки дрожит. Лицо Анны пылает негодованием, она держит дочку в объятьях. Но нет, Генрих только глянул на их обеих и отвернулся — от жены, от маленькой дочурки.

Я думала, сестра снова впадет в ярость, у короля недостает смелости глядеть ей в глаза, но когда он отвел взгляд, весь огонь, казалось, мгновенно улетучился. Теперь Анна знала: решение принято, из-за его упрямства и глупости она обречена на страдание.

— Боже, Генрих, что же вы натворили, — прошептали ее губы.

Он сказал только одно слово: „Норфолк“, и мой дядюшка вскочил на ноги, взглянул на нас с Георгом, застывших в дверях, не знающих, что делать.

— Уведите сестру, — приказал он. — Лучше бы вы ее удержали, не дали ей прийти сюда.

Мы молча шагнули вперед. Я взяла малышку Елизавету из рук Анны, она радостно потянулась ко мне, уютно устроилась в моих объятьях, положила маленькую головку на мое плечо. Георг обнял Анну, повел из комнаты.

Я обернулась. Генрих не пошевелился, отвернулся от нас, Болейнов, от маленькой принцессы. Дверь за нами закрылась, мы так и не узнали, что они обсуждали, к какому пришли решению, чего ожидать в будущем.

Оставалось вернуться в комнаты Анны, нянька забрала ребенка обратно в детскую. Я не хотела ее отдавать, она прижималась ко мне, а я думала о моей маленькой дочурке, представляла себе Уильяма, где он уже, скоро ли доберется до моего сыночка. Во дворце неуютно, как в бурю, всех одолевают дурные предчувствия.

Открыли дверь в спальню Анны, на пороге маленькая фигурка. Анна с криком отпрянула назад. У Георга уже наготове кинжал, он чуть не пустил его в ход, остановился в последнюю секунду.

— Смитон! Что ты тут делаешь?

— Мне надо повидать королеву, — пробормотал парень.

— Боже правый, я тебе чуть горло не перерезал. Негоже тебе тут появляться без приглашения. Уходи, парень, проваливай.

— Я должен сказать... Я должен спросить...

— Прочь! — повторил Георг.

— Вы защитите меня, ваше величество? — прокричал Смитон, когда Георг схватил его за шиворот, чтобы выставить из комнаты. — Они меня позвали и спрашивали, спрашивали...

— Подожди, — остановила я брата. — О чем тебя спрашивали, парень?

Анна села у окна, взгляд отсутствующий.

— Какая разница, — бросила она. — Они теперь всех будут допрашивать.

— Они меня спрашивали, хорошо ли я знаком с вашим величеством. — Парень покраснел, как девчонка. — И с вами, сэр, — сказал он Георгу. — Они спросили, не был ли я вашим Ганимедом. Я не знал, что это такое. И они мне объяснили...

— И ты?

— Я сказал — нет. Я не хотел им говорить...

— Отлично. На том и стой, и держись подальше от королевы, меня и моей сестры.

— Я так боюсь. — Мальчишка весь дрожит, на глазах слезы. Его часами допрашивали о пороках, о которых он слыхом не слыхивал. Эти закаленные, бывалые солдаты и князи церкви все знают о грехах, ему в жизни столько не выучить. Теперь он примчался сюда за помощью, а ему никто не хочет помочь.

Георг поволок паренька к двери, сказал резко:

— Вбей в свою тупую хорошенькую башку. На тебе нет никакой вины, и ты им все сказал, теперь убирайся отсюда. Если тебя здесь найдут, решат, ты у нас на службе. Выкатывайся и больше не появляйся. Здесь тебе помощи не дожидаться, это уж точно.

Брат выставил его за дверь, но парнишка вцепился в косяк, застыл, не оторвал рук даже тогда, когда стражник получил от Георга приказ спустить его вниз по лестнице.

— И не смей упоминать сэра Франциска, — шепнул брат напоследок. — Молчи обо всем, что слышал и что видел. Понял? Молчи обо всем.

Парень продолжал цепляться за дверь.

— Я ничего не сказал! Я вам верен. Но вдруг меня снова позовут. Что тогда? Кто меня защитит, кто за меня постоит?

Георг кивнул часовому, тот сильно ударил мальчишку по руке, парень взвыл от боли и выпустил дверь, Георг резко ее захлопнул.

— Никто, — угрюмо рявкнул брат. — И нас тоже никто не защитит.

Назавтра праздновался Майский день. По обычаю, Анну должны были разбудить поющие под окном девушки, каждая с охапкой ивовых веток. Но никто не отдал приказания, и ничего не было сделано. Она проснулась в обычное время, изможденная, бледная, провела не меньше часа на молитвенной скамеечке, потом отправилась на мессу, а за ней все придворные дамы.

Джейн шла позади, одетая в белое и зеленое. Сеймуры вступали в Майский день с цветами и песнями, Джейн проспала эту ночь с цветком под подушкой и, без сомнения, видела во сне будущего мужа. Я недобро взглянула на это ласковое, милое личико — интересно, понимает ли она, какова ставка в игре. Она улыбнулась мне в ответ, пожелала веселого Майского дня.

Мы шли мимо часовни, где молился король. Увидев Анну, он отвернулся. Она преклонила колени, внимательно следила за ходом службы, не упуская ни слова, благочестивая Джейн, да и только. Служба закончилась, мы вышли из церкви, король показался в дверях часовни, резко спросил Анну:

— Собираетесь на турнир?

— Да, конечно. — Она, казалось, удивилась вопросу.

— Ваш братец бьется с Генрихом Норрисом. — Он не сводил с нее глаз.

— Ну и что? — пожала плечами Анна.

— Трудно вам будет выбрать победителя поединка. — Каждое слово будто наполнено тайным смыслом, словно Анна должна понимать, о чем он толкует.

Анна взглянула на меня, я удивленно подняла брови: ничем не могу помочь, сама ничего не знаю.

— Я, конечно, ставлю на брата, как положено хорошей сестре. Но и сэр Генрих Норрис неплохой рыцарь.

— Похоже, не можете выбрать между этими двумя.

Жалко было смотреть на ее недоуменное лицо.

— Не знаю, сир. А кого вы мне посоветуете выбрать?

Его лицо враз потемнело.

— Будьте уверены, уж я погляжу, кого вы выберете, — с неожиданной злобой выплюнул слова король, повернулся, захромал прочь, подволакивая толстую от повязок больную ногу. Анна, не говоря ни слова, глядела ему вслед.

День выдался теплый, душный, низкие облака нависли над дворцом и турнирной площадкой. Я глаз не свожу с дороги в Лондон, каждую минуту надеюсь увидеть возвращающегося Уильяма, хотя он вряд ли появится здесь раньше чем завтра или послезавтра.

На Анне серебристо-белое платье, в руках белый майский жезл, словно она — беспечная девчонка на веселом празднике. Рыцари готовятся к турнирным состязаниям, скачут по кругу перед королевской галереей, шлемы еще не надеты, улыбаются королю и сидящей подле него королеве, машут придворным дамам, устроившимся за ними.

— Хотите пари? — спрашивает король.

— Конечно, — отвечает Анна, как же она рада услышать такой обычный вопрос.

— И кто же, по-вашему, победит в первом поединке?

Опять тот же самый вопрос, что в часовне.

— Ставлю на брата, — улыбнулась она. — Мы, Болейны, всегда стоим друг за друга.

— Я одолжил Норрису свою лошадь, — предупредил король. — У него больше шансов на победу.

Она рассмеялась:

— Тогда ему достанется мое благоволение, но деньги я поставлю на брата. Довольны вы этим, ваше величество?

Он молча кивнул.

Анна вынула платок, наклонилась, жестом подозвала сэра Генриха Норриса. Он подскакал поближе, отсалютовал ей копьём. Она бросила ему платок, он, легко удерживая лошадь одной рукой, другой грациозно поднял копьё и одним небрежным движением поймал платочек. Так у него это изящно получилось, что все дамы, как одна, захлопали в ладоши. Норрис улыбнулся, опустил копьё, снял с наконечника платок, спрятал его под нагрудник.

Все глядели на Норриса, а я смотрела на короля. Ужасный взгляд, никогда такого раньше не видела, нет, неправда, этот взгляд всегда прятался в уголках глаз словно тень. Он глядел на Анну, бросающую платок, как глядят на чашку, которую вот сейчас швырнут на пол. Так глядят на старую собаку, которую пора утопить. Больше ему моя сестра не нужна, ясно говорили его глаза. Только я еще не понимала, как он собирается от нее избавиться.

Послышался отдаленный раскат грома, зловещий, подобный рыку затравленного медведя. Король объявил начало турнира. Брат выиграл первую схватку, Норрис вторую, брат опять победил в третьей. Отвел коня к краю площадки, готовясь к новому состязанию. Анна стоя аплодировала брату.

Король сидит неподвижно, глаз не спускает с Анны. Так жарко, что от его раны исходит несносная вонь, но он не обращает ни малейшего внимания. Ему принесли вина и ранней клубники. Он осушил бокал, попробовал ягод, бисквита. Состязание продолжалось. Анна повернулась к королю, хотела с ним заговорить. Нет, рядом с ней грозный судья, словно это день суда над ней.

Под конец турнира Анна наделяла победителей призами. Я даже не заметила, кто победил, глаз не сводила с короля и Анны, раздававшей призы, протягивающей изящную руку для поцелуя. Король тяжело поднялся на ноги, пошел по галерее. Жестом поманил Генриха Норриса, махнул куда-то влево. Норрис уже снял доспехи, но еще сидел на взмыленной лошади. Поскакал вокруг, чтобы встретить короля за галереей.

— Куда делся король? — спросила Анна, оглянувшись.

Я глянула на лондонскую дорогу, надеясь увидеть Уильяма. Заметила королевский штандарт, за ним безошибочно угадывается тяжеловесная фигура — король верхом на коне, рядом Генрих Норрис и маленькая группка всадников. Они быстро удаляются по направлению к Лондону.

— Куда это он в такой спешке? — Анну явно не радует отъезд короля. — Не сказал, куда едет?

Джейн Паркер выступила вперед.

— Разве вы не знаете? — весело начала она. — Секретарь Кромвель прислал гонца, объявил, что этого парня, Марка Смитона, вчера взяли у него дома, отправили напрямик в Тауэр. Наверно, король туда поскакал послушать, в чем он признался. Но зачем ему понадобился Генрих Норрис?

Мы с Георгом и Анной затворились у нее в комнате, сидим затаившись. Больше говорить не о чем, нас окружили со всех сторон.

— Я уеду с рассветом, Анна, прости меня. Я должна увезти Екатерину.

— А где Уильям? — спросил Георг.

— Поехал забрать Генриха от цистерцианцев.

Анна вскинула голову.

— Генрих под моей опекой, — напомнила она. — Ты не можешь забрать его без моего разрешения.

Нет, не буду с ней сегодня ссориться.

— Бога ради, Анна, дай мне отправить его в безопасное место. Нет времени ругаться, выяснять, что кому принадлежит. Я постараюсь его уберечь, и если смогу, постараюсь уберечь и Елизавету.

Казалось, она снова начнет спорить, но сестра только кивнула, сказала небрежным тоном:

— Давайте, что ли, поиграем в карты. Спать я не могу. Будем играть всю ночь.

— Хорошо, пойду отправлю Екатерину в постель.

Дочь ужинала вместе с другими дамами. Сказала, что зала просто гудит от сплетен и слухов. Короля не было, место Кромвеля тоже пустовало. Никто не знал, почему арестовали Смитона. Никто не знал, почему король ускакал с Норрисом. Если ему оказан особый почет, то где они? Празднуют где-то Майский день?

— Не важно. Упакуй самое необходимое, перемену белья, чистые чулки, завтра утром уезжаем.

— Мы в опасности? — Она даже не удивилась, она теперь придворная дама, куда только подевалась наивная деревенская простушка.

— Не знаю. Надо, чтобы тебе хватило сил скакать весь день, значит, пора отправляться в постель. Обещаешь?

Дочь кивнула. Я уложила ее в свою кровать, на место Уильяма, укрыла. Помолилась в надежде, что завтра муж привезет Генриха и мы будем все вместе, там, где цветут яблони у дороги и маленькая ферма залита веселым солнечным светом. Поцеловала дочку на ночь, послала пажа предупредить кормилицу, что уезжаем рано утром, на рассвете.

Вернулась в комнату королевы. Анна скорчилась на каминном коврикe, рядом Георг. Сидят перед камином, словно им ужасно холодно, хотя окно открыто и оттуда пышет жаром душной летней ночи, ни ветерка, занавеска даже не колышется.

— Болейны, — позвала я тихонько, переступая порог.

Георг обернулся, протянул мне руку, усадил рядом, обнял нас обоих.

— Спорим, мы и с этим справимся, — твердо сказал он. — Спорим, мы снова поднимемся и расстроим все их планы. Спорим, через год у Анны будет мальчишка в колыбельке, а мне пожалуют орден Подвязки.

Так мы провели всю ночь — тесно прижавшись друг к другу, как бродяги, прячущиеся в страхе от сторожа. С первым знаком зари я тихонько встала. Спустилась на конюшню, бросила камешек в окно, туда, где спали конюхи. Один из парней вышел, я велела ему седлать мою лошадь. Когда вывел лошадь Екатерины, остановился и покачал головой — лошадка потеряла подкову.

— Что?

— Мне надо ее к кузнецу отвести.

— Когда будет готова?

— Кузница еще не отперта.

— Скажи ему, чтобы отпер поскорее.

— Госпожа, там еще огонь не разведен. Надо его разбудить, он огонь разведет, тогда сможет лошадь подковать.

Я не сдержала бранного слова, отвернулась.

— Госпожа, возьмите другую лошадь.

Я покачала головой. Скакать нам долго, а Екатерина не такая искусная наездница, чтобы справиться с новой лошастью.

— Нет, мы подождем, покуда подкуют кобылу. Отведи ее к кузнецу, разбуди его, пусть сделает. Потом найдешь меня, скажешь тихо, что все готово. И не трезвонь об этом по всему замку. — Я тревожно взглянула на еще темные окна дворца. — Не хочу, чтобы весь свет знал, что я собралась на прогулку.

Он смахнул прядь волос со лба, протянул руку ладонью вверх, монета скользнула из моего кармана в его грязные пальцы.

— Получишь еще, когда все сделаешь.

Я вернулась во дворец. Часовой у двери вскинул сонные глаза — куда это я ходила так рано. Я знала, он доложит кому следует — секретарю Кромвелю, а может, дядюшке. А то и сэру Джону Сеймуру, он теперь большая величина, у него тоже небось завелись осведомители.

Помедлила на ступеньках. Как хочется пойти к Екатерине, она, наверно, еще сладко спит в моей огромной постели. Нет, под дверью покоев королевы мерцает свет. Мне надо туда, я должна закончить ночное бдение с ними. Часовой отступил. Я открыла дверь, проскользнула в комнату.

Они так и не ложились, сидят щека к щеке у камина, тихо шепчутся, как пара голубков в голубятне, повернулись на скрип двери.

— Не уехала? — спросила Анна.

— Нет, надо подковать лошадь Екатерины.

— А поедешь? — голос брата.

— Как только кобылу подкуют. Послала парня к кузнецу, он мне скажет, когда готово.

Села рядом с ними у камина, гляжу на пламя. Теперь все трое сидим лицом к камину, следим за язычками пламени.

— Хотелось бы мне тут остаться навсегда, — мечтательно протянула Анна.

— Да? — удивилась я. — Мне кажется, хуже в жизни не бывает. Хорошо бы эта ночь и не начиналась. Лучше всего — заснуть, проснуться и узнать, все только сон.

Улыбка брата мрачнее некуда.

— Значит, ты не так уж боишься завтрашнего дня. Если бы ты его страшилась, как мы, тоже бы желала вечно длящейся ночи.

Но, несмотря на их желание, становилось все светлее и светлее. Было слышно, что в парадной зале уже возятся слуги, служанки позвякивают ведерками с растопкой — пора зажигать камины в покоях королевы. За ними тянутся другие — с тряпками и щетками, протереть столы. Наступает новый день.

Анна поднялась с коврика, в лице ни кровинки, на щеках зола, как будто она в церкви и сегодня пепельная среда.

— Прими ванну, — посоветовал брат, — еще совсем рано. Прикажи подать побольше горячей воды. Вымой голову. Будет легче.

Она улыбнулась — слишком простое лечебное средство, но покорно кивнула.

Георг крепко ее поцеловал.

— До встречи на мессе, — пообещал он и вышел из комнаты.

Больше мы его на свободе не видели.

На мессе Георг не появился. Анна и я, розовые после ванны, чуть более уверенные в себе, ищем брата взглядом, его нигде нет. Сэр Франциск не знает, где он, ничего не знает и сэр Уильям Брerton. Генрих Норрис еще не вернулся из Лондона. Никто ничего не знает — даже в чем обвиняют Марка Смитона. Страх снова придавил нас, сгустился словно облака, нависшие над дворцовыми крышами.

Я послала весточку кормилице, велела ей быть наготове, мы попытаемся выехать через час.

Придворные играют в теннис, Анна пообещала победителю приз — золотую монету на золотой цепочке. Она спустилась к теннисному корту, устроилась в беседке под балдахин, внимательно наблюдает за игрой. Голова — то влево, то вправо, следом за мячом, но глаза ничего не видят.

Я присела рядом, ожидаю весточки от парня с конюшен, Екатерина у меня под боком, готовая по одному моему слову припуститься бегом, переодеться в дорожное платье. Вдруг дверца королевской беседки отворилась, вошли два стражника с офицером. Я тут же поняла — вот оно, самое ужасное. Открыла рот, но слова не шли. Безмолвно дотронулась до плеча Анны. Она повернулась, взглянула на меня, потом увидела суровые лица мужчин.

Они даже не поклонились, как положено. От этого стало еще страшнее. Над головой, пролетая низко-низко, как раненый ребенок, закричала чайка.

— Тайный совет требует вашего присутствия, ваше величество, — без предисловий начал капитан.

Анна с низким горловым звуком поднялась на ноги. Взглянула на Екатерину, на меня. Обвела взглядом остальных придворных дам, никто не глянул в ответ, все отводят глаза, притворяются, будто страшно увлечены теннисным матчем. Как Анна минуту назад, головы влево-вправо, следом за мячом, глаза не видят ничего, каждая в ужасе ждет, вдруг она прикажет следовать за собой.

— Мне нужен сопровождающий, — резко сказала Анна. Ни одна из этих хитрых лисичек даже не обернулась. — Кто-то из дам должен пойти со мной. — Она снова взглянула на Екатерину.

— Нет, — вскрикнула я, уже знала, что она задумала. — Нет, Анна, нет. Умоляю тебя.

— Могу я взять с собой фрейлину? — спросила она капитана.

— Да, ваше величество.

— Тогда я возьму Екатерину, — приказала она и, когда стражник открыл дверцу, торжественной поступью вышла из беседки. Екатерина, ничего не понимая, бросила на меня испуганный взгляд, затем засеменила за королевой.

— Екатерина, — резко позвала я.

Она оглянулась, бедная девочка совсем потерялась.

— Ступай за мной, — обернулась Анна, такое мертвое спокойствие в тоне, что Екатерине ничего другого не оставалось, как улыбнуться мне на прощанье.

— Держись веселей, — невпопад шепнула не своим голосом дочь — будто в пьесе играет. Потом повернулась и последовала за королевой, высоко, словно принцесса, подняв голову.

Я застыла, не в состоянии двинуться, только глядела им вслед, но стоило им скрыться из виду, подобрала юбки и понеслась во дворец, найти Георга, отца, кого-нибудь, кто поможет Анне, кто заберет у нее Екатерину, отдаст ее мне, и мы поскачем в безопасности по дороге в Рочфорд.

Несусь через зал, кто-то ловит меня в объятья, отталкиваю его прежде, чем понимаю — это тот единственный человек в мире,

который мне нужен.

— Уильям!

— Любовь моя, любовь моя, что случилось?

— О Боже, Уильям, они взяли Екатерину! Они взяли мою девочку!

— Арестовали Екатерину? За что?

— Нет, она Анну сопровождает. Анне приказано явиться в Тайный совет.

— В Лондоне?

— Нет, здесь.

Он сразу все понял, выругался, шагнул вправо, шагнул влево, взял меня за руки.

— Тогда надо ждать, пока она выйдет. — Он взглянул мне прямо в лицо. — Да не беспокойся ты, Екатерина — молоденькая девчонка. Они не ее допрашивать будут, а Анну. С ней даже разговаривать не станут, а если и спросят что, ей скрывать нечего.

Я с трудом выдохнула, кивнула:

— Ты прав, ей скрывать нечего. Она ничегошеньки не знает. Ну зададут ей вопрос-другой, она благородных кровей, они ей ничего не сделают. А где Генрих?

— С ним все в порядке, он с кормилицей и малышкой. Я думал, ты так мчишься из-за брата.

— Что с ним? — Страх опять поступил к горлу, сердце часто-часто забилося. — Что с Георгом?

— Его арестовали.

— Вместе с Анной? Держать ответ перед Тайным советом?

Лицо мужа потемнело.

— Нет. Отправили в Тауэр. Генрих Норрис уже там, король сам препроводил его вчера в крепость. И Марк Смитон — помнишь мальчишку-певца? — тоже там.

Губы не двигаются, онемели, не могу задать вопрос.

— В чем их обвиняют? Почему королеву допрашивают здесь?

— Никто не знает, — покачал он головой.

До полудня мы ждали вестей. Я слонялась по коридору перед залой, где заседал Тайный совет, но меня даже на порог не пустили из страха, что я могу подслушать, о чем они там говорят.

— Да не собираюсь я подслушивать. Мне бы только дочку повидать, — умоляла я стражника. Он молча кивнул и жестом приказал отойти подальше.

Вскоре после полудня дверь отворилась, паж выскользнул из комнаты, что-то прошептал солдату.

— Уходите отсюда, — приказали мне. — Велено расчистить проход.

— Зачем?

— Уходите, — только и повторил он. Выкрикнул приказ, снизу из парадной залы донесся ответ. Меня оттеснили, не грубо, но настойчиво, от двери, за которой скрывался Тайный совет, от лестницы, от залы, от выхода в сад, от самого сада. Других придворных, если попадались на пути, тоже теснили в сторону. Требовалось идти, куда приказывают, чтобы и сомнений не оставалось в доселе невиданном могуществе короля.

Я поняла — они расчищают путь к парадной пристани. Побежала туда, где разгружают лодки с товарами. Там стражи нет, остановить меня некому, встала у самой воды, устала на парадную пристань Гринвичского дворца.

Мне отсюда все видно, Анна в голубом платье, в том самом, в каком сидела утром в беседке, Екатерина отстает от нее только на шаг. Как хорошо, она в плаще, не простудится, если на реке холодно. Господи, как же глупо беспокоиться о простуде, когда я не знаю, куда ее везут. Я пристально гляжу на них, будто хочу взглядом уберечь от опасности. Они прошли к барке короля, а не к судну королевы, и грохот барабана, задающий темп гребцам, прозвучал зловеще и печально, подобно барабану у плахи, когда палач берется за топор.

— Куда вас везут? — изо всех прокричала я, больше не в силах сдерживать страх.

Анна не услышала, но белый овал дочкиного личика повернулся на мой голос, она глазами поискала меня в саду.

— Здесь, здесь, — снова закричала я, замахала руками. Заметила меня, махнула мне тоненькой ручкой и взошла следом за Анной на королевскую барку.

Как только они оказались на борту, солдаты одним движением оттолкнули суденышко. Барка дернулась, обе женщины упали на сиденья, я потеряла их из виду. Через минуту снова заметила дочку,

сидит на скамье рядом с Анной, смотрит на меня. Гребцы вывели барку на середину реки, лодка легко двинулась вместе с поднимающимся приливом.

Я не пыталась больше ее звать, знала — голос пропадет в грохоте барабана, да и незачем пугать Екатерину криками. Стояла не шелохнувшись, только махала ей рукой, пусть видит — я тут, знаю, куда их везут, приду к ней, как только смогу.

Даже не глядя, почувствовала — Уильям рядом, тоже машет нашей дочери.

— Как ты думаешь, куда их везут? — спросил он, будто сам не знал ответа на свой вопрос.

— Зачем спрашиваешь, ясно же, в Тауэр.

Мы с Уильямом времени не теряли. Прямо к себе, побросали кое-какую одежду в мешок, побежали к конюшням. Генрих уже ждал у лошадей, широко улыбнулся, мы наскоро обнялись. Все готовы, малышка крепко привязана к нянькиной груди. Уильям торопливо посадил меня в седло, вскочил на коня. Забрали с собой и свежеподкованную лошадку Екатерины. Ее вел в поводу Генрих, а Уильям держал уздечку коренастой, с широкой спиной лошади кормилицы. Мы выехали из дворца, никому не говоря, куда едем и когда вернемся.

Уильям снял несколько комнат в доме позади францисканского монастыря, прямо рядом с рекой. Отсюда ясно видна башня Бошан — там Анна и моя дочь. Брат и другие мужчины, наверно, где-то неподалеку. В этой башне Анна провела ночь перед коронацией. Интересно, вспоминает ли она о роскошном платье, которое было на ней в этот день, и о молчании в Лондоне — знаке того, что ей никогда не стать возлюбленной королевой англичан.

Уильям приказал хозяйке дома приготовить нам обед, а сам отправился разузнавать новости. Вернулся, когда все было готово, подождал, пока женщина накроет на стол и выйдет из комнаты, принялся рассказывать. Трактиры у Тауэра гудят от новостей. Королеву взяли под стражу, обвиняют в супружеской измене, колдовстве и всем таком прочем.

Я кивнула. Теперь ясно, судьба Анны решена. Генрих умело воспользовался слухами, ходящими в народе, чтобы расчистить путь к расторжению брака и взять себе новую королеву. Во всех трактирах

уже говорят, что Генрих снова влюбился — теперь его избранница юна, прекрасна и невинна, истинно английская девица из Уилтшира, храни ее Боже, добрая и благочестивая, не то что Анна — слишком уж образованная, да еще воспитывалась при французском дворе. Уже откуда-то поползли слухи, что Джейн Сеймур — лучший друг принцессы Марии, что она верой и правдой служила королеве Екатерине. Она и молится по-старому, и книг безбожных не читает, и с мужчинами, которые знают толк в жизни, не спорит. Семья у нее что надо, скромные, честные люди, не эти лорды, которым только бы заграбастать побольше. Очень плодovitое семейство. Нет сомнения, у Джейн будут сыновья, это вам не Екатерина с Анной.

— А брат?

— Никаких новостей, — покачал головой муж.

Я прикрыла глаза. Нельзя себе представить жизни без Георга, свободного как птичка, делающего все, что ему угодно. В чем можно обвинить Георга? Как его осудить — такого милого, такого бесполезного?

— А кто с Анной?

— Твоя тетушка, мать Мадж Шелтон и еще пара женщин.

Я поморщилась:

— Ей доверять некому. Но теперь она, по крайней мере, может отпустить Екатерину. Она там не одна.

— Наверно, стоит ей написать. Анне разрешено получать письма, если они не запечатаны. Я отнесу письмо Уильяму Кингстону, он комендант Тауэра, попрошу передать.

Я понеслась по узкой лестнице к хозяйке дома, попросила перо и бумагу. Та показала на свой стол, а когда я устроилась у сереющего в сумерках окна, зажгла свечу.

Дорогая Анна!

Я знаю, с тобой теперь придворные дамы, прошу, отпусти Екатерину, я без нее не могу. Умоляю, отпусти ее.

Мария

Капнула воск со свечи, приложила кольцо с печаткой — буква „Б“, Болейны. Но письмо не запечатала, отдала его Уильяму открытым.

— Хорошо. — Он бегло взглянул на письмо. — Отнесу прямо сейчас. Никакого скрытого смысла, никаких тайн и подвохов. Подожду ответа. Может, сразу приведу ее обратно, тогда завтра с утра двинемся в Рочфорд.

— Буду ждать, — кивнула я.

Мы с сыном играли в карты перед маленьким очагом, шатающийся столик, два колченогих табурета. Ставка небольшая — один фартинг, но потихоньку я выиграла все его карманные деньги. Чтобы немножко проиграть, стала жульничать, да только не рассчитала и продулась в пух и прах. Но Уильям все не возвращался.

Он появился около полуночи.

— Прости, что так долго. — Муж взглянул в мое побелевшее лицо. — Не смог ее привести.

Я тихонько застонала, он бросился ко мне, крепко обнял.

— Я ее видел, поэтому так задержался. Подумал, ты будешь рада, если поговорю с Екатериной, узнаю, как она.

— Очень расстроена?

— Мила и спокойна, — с улыбкой ответил он. — Завтра сама пойдешь и посмотришь, можешь ходить туда каждый вечер, пока королева там.

— Но она ее не отпустит?

— Нет, хочет держать при себе, а коменданту приказано выполнять желания Анны, конечно, в разумных пределах.

— Ясно...

— Я все перепробовал. Но королеве положены придворные дамы, и Екатерина — единственная, которую она потребовала. Остальных ей прислали. Одна из них — жена коменданта, шпионит потихоньку, повторяет все, что она скажет.

— А как Екатерина?

— Можешь ею гордиться. Передает тебе привет, говорит, что останется прислуживать королеве. Сказала, Анна больна, совсем без сил, рыдает, значит, надо остаться с ней, помочь хоть немножко.

— Она еще совсем дитя! — Я вздохнула, не зная — то ли гордиться, то ли расстраиваться.

— Нет, девочка уже выросла. Выполняет свой долг, как положено. Ей ничего не грозит, никто ее не собирается ни о чем спрашивать. Все понимают, она в Тауэре только из-за Анны. С ней ничего не случится.

— А в чем обвиняют Анну?

Уильям глянул на Генриха, потом решил — мальчик уже взрослый, пора и ему знать.

— Похоже, ее обвиняют в прелюбодеянии. Ты знаешь, что такое прелюбодеяние, Генрих?

— Да, сэр. — Мальчишка чуть вспыхнул. — Об этом сказано в Библии.

— Думаю, что на твою тетюшку возвели напраслину, — ровным голосом продолжал муж. — Но таково обвинение Тайного совета.

Теперь и я начинаю понимать.

— Других тоже арестовали? В чем их обвиняют, в том же?

Уильям неохотно кивнул:

— Да, Генриха Норриса и Марка Смитона обвиняют в том, что они — ее любовники.

— Какая чепуха!

Уильям снова кивнул.

— А брата задержали для допроса?

— Да.

Что-то в его тоне меня насторожило.

— Они не будут его пытаться? Не посмеют, да?

— Нет, дорогая. Они не забудут, что он благородных кровей. Его держат в Тауэре, пока допрашивают королеву и остальных.

— Но какое против него обвинение?

Уильям замешкался с ответом, взглянул на мальчика:

— Его обвиняют в том же самом.

— В прелюбодеянии?

Он кивнул.

Я молчала. В первое мгновенье хотелось опять крикнуть: „Чепуха“ — но тут я вспомнила, как нужен был Анне сын, вспомнила ее уверенность, что от короля не родится здорового ребеночка. Как будто снова увидела перед собой, она стоит с Георгом в обнимку и рассуждает, что церковь ей не указ — сама, дескать, знаю, грех это или нет. А он отвечает — меня можно отлучить от церкви, по крайней мере десять раз еще до завтрака, и она смеется. Не знаю, на что Анна могла

решиться от отчаянья. Не знаю, на что Георг мог осмелиться от безрассудства. Нет, не буду больше думать об этих двоих.

— Что же нам теперь делать?

Уильям положил руку Генриху на плечо, улыбнулся мальчику. Его приемный сын уже по плечо отцу, глядит прямо и доверчиво.

— Немножко подождем, пока все уляжется, заберем Екатерину и отправимся в Рочфорд. Там чуток затаимся. Что бы ни случилось с Анной, отправят ее в женский монастырь или в ссылку, но время Болейнов прошло. Настала пора тебе, любовь моя, возвращаться к отжимке сыра.

Нечего больше делать — только ждать. Я отпустила кормилицу на целый день, послала Уильяма и Генриха прогуляться по городу, пообедать в трактире, а сама сижу дома, играю с малышкой. После полудня вынесла ее на воздух, на берег реки, на теплый морской ветерок. Вернулась домой, распеленала, искупала в прохладной воде, вытерла насухо сладкое, розовое тельце, положила девочку на одеяльце, пусть ножки и ручки побудут на свободе. Когда пришли Уильям с Генрихом, крошка уже лежала в чистых пеленках. Мы оставили ее кормилице, а сами отправились к главным воротам Тауэра, испросить разрешения повидаться с Екатериной.

Какая же она маленькая — моя девочка, идет по крепостной стене от башни Бошан к воротам. Нет, она истинная Болейн, шагает, будто вся крепость только ей и принадлежит, голова высоко поднята, на губах улыбка. Увидала меня сквозь деревянную решетку, засияла, выскользнула через открытую стражником калитку.

— Любовь моя. — Я крепко обняла дочь.

Она на мгновенье прижалась ко мне, потом рванулась к брату:

— Ген!

— Кэт!

Радостно взглянули друг на друга.

— Выросла.

— Потолстел.

Уильям улыбался, глядя на детей:

— Думаешь, они хоть когда-нибудь говорят больше одного слова подряд?

— Екатерина, я написала Анне, попросила тебя отпустить, — поспешно сказала я. — Хочу, чтобы ты уехала с нами.

Она мгновенно посерьезнела.

— Я не могу. Она ужасно расстроена. Она еще никогда такой не была. Не могу я ее покинуть. От остальных совершенно нет толку, две новенькие вообще не понимают, что делать, а тетушка Болейн и тетушка Шелтон только и сидят в уголке да все время перешептываются. Нельзя ее с ними оставлять.

— А что она делает целыми днями? — спросил Генрих.

— Плачет, молится. Поэтому я и не могу уйти, просто не могу. Это как младенца бросить, она совсем о себе не заботится.

— Тебя хорошо кормят? — О чем еще мне остается беспокоиться. — Где ты спишь?

— Я сплю с ней, только она совсем не спит. Едим мы хорошо, не хуже, чем при дворе. Не волнуйся, мама, это ненадолго.

— Откуда ты знаешь?

Капитан стражи наклонился, тихо сказал мужу:

— Поосторожнее, сэр Уильям.

— Мы пообещали ничего не обсуждать с Екатериной, — напомнил он мне. — Мы пришли ее повидать, узнать, как она себя чувствует, вот и все.

— Хорошо. — Я глубоко вздохнула. — Если она пробудет здесь больше недели, Екатерина, тебе надо будет уехать.

— Как скажете, матушка, — послушно кивнула дочь.

— Вам что-нибудь нужно? Я могу принести завтра.

— Чистое белье. Пару платьев для королевы. Сумеете забрать из Гринвича?

— Придется. — Делать нечего, всю жизнь я у Анны на посылках, даже сейчас, когда такое творится, выполняю ее приказания.

— Не возражаете, капитан? — спросил Уильям. — Моя жена передаст белье и пару платьев для дам?

— Конечно, сэр, конечно, мадам.

Я улыбнулась угрюмо. Им еще не приходилось держать под стражей королеву, которую неизвестно в чем и на каком основании обвиняют. Трудно сказать, как в таком случае поступать, чтобы не попасть впросак.

Я снова обняла Екатерину, гладко зачесанные волосы под чепчиком уткнулись мне прямо в подбородок. Поцеловала в лоб, вдохнула свежий запах теплой, юной кожи. Нет сил от нее оторваться,

но она уже проскользнула обратно в калитку, бежит по брусчатке двора в тени башни, оборачивается, машет мне рукой, и вот ее уже нет.

Уильям помахал ей на прощание, потом повернулся ко мне:

— Одного у вас, Болейнов, не отнять — безрассудной храбрости. Если бы вы были лошадьми, лучше бы не найти — возьмете любое препятствие. Но с женщинами вашей породы уживаться нелегко, ох как нелегко.

Май 1536

Я наняла лодку до Гринвича — взять платья для королевы, белье для Екатерины. Уильям, Генрих и малышка остались в домике неподалеку от Тауэра. Уильям ни за что не хотел отпускать меня одну, я тоже страшно боялась ехать во дворец, прямо в сердце опасности, но уж лучше так, зато я знаю, мой сыночек — драгоценный, редкий товар, королевский сынок — упрятан подальше от их взглядов. Я обещала управиться за пару часов и нигде не задерживаться.

Попасть к себе комнату нетрудно, но покои королевы опечатаны печатью Тайного совета. Сначала думала найти дядюшку, попросить его, вдруг смогу взять ее платья, но потом решила — неосторожно привлечь внимание ко второй сестре Болейн, когда первая заперта неизвестно за что в Тауэре. Связала в узел пару своих платьев — Анне сгодятся, выскользнула из комнаты, но на пороге столкнулась с Мадж Шелтон.

— Боже милостивый, я думала, тебя взяли под стражу.

— За что?

— А за что всех остальных арестовали? Ты исчезла. Конечно, я решила, ты в Тауэре. Тебя допрашивали?

— Меня никто не арестовывал. Я уехала в Лондон, чтобы быть поближе к дочери. Она с Анной, ей же нужны придворные дамы. Обе в Тауэре. Я приехала за бельем.

Мадж рухнула в кресло, разрыдалась. Я оглядела пустой коридор, переложила сверток из одной руки в другую.

— Мадж, мне пора идти. В чем дело?

— О Боже, я думала, тебя взяли под стражу и скоро придут за мной.

— За что?

— Представляешь, нас словно медведям на растерзание бросили. Меня все утро допрашивали, пытались что-то выяснить. Что я слышала да что видела? Каждое слово выворачивают наизнанку, у них получается — мы просто шлюхи какие-то из публичного дома. Я в жизни ничего плохого не делала. И ты тоже. А им подавай все про всех, каждую мелочь, время, место. Я просто от стыда сгорала.

— Тебя допрашивали в Тайном совете? — Я все никак не могла взять в толк.

— Всех, всех придворных дам королевы, служанок, слуг. Всех, кто хоть раз танцевал в ее покоях. Они бы и Пурки допросили, если бы бедная собачка раньше не издохла.

— И что они спрашивали?

— Кто с кем комнаты делил, кому что обещали. Кто подарки получал. Кто к заутрене не являлся. Все-все. Кто признавался в любви королеве, кто ей стихи писал. Какие песни пели. Кому она особенно благоволила. И так без конца.

— И что им отвечали?

— Сначала мы вообще ничего не говорили, — горячилась Мадж. — Кто бы сомневался. Мы про свои тайны не болтаем и чужих знать не знаем. Но они выудят одно от этой, другое от той, а потом припрут тебя к стенке, начнут опять спрашивать, а это ты знаешь, да вот еще то. Дядюшка Говард глядит на тебя, будто ты последняя шлюха, а герцог Суффолк такой добрый, что поневоле начнешь ему отвечать, и через пять минут понимаешь, рассказала им все, что хотела держать в секрете.

Она снова разрыдалась, утирая глаза кружевным платком. Взглянула на меня:

— Уходи побыстрее. Увидят тебя здесь — примутся допрашивать. Они одно хотят знать, что вы с Георгом да королевой делали, где по ночам бывали.

Я кивнула, подхватила узел с одеждой, она прокричала вслед словно школьник, пытающийся доказать, что не выдал товарищей:

— Если вдруг увидишь Генриха Норриса, скажи, я старалась ничего не говорить. Они меня в ловушку загнали, я им рассказала, что однажды мы с королевой играли в карты на то, кто его поцелует. Но больше я ничего не сказала. Только то, что они и так уже знали от Джейн.

Даже имя жены Георга, этой твари ядовитой, меня не остановило, хотелось поскорее выскочить из дворца. Я схватила Мадж за руку, потащила за собой вниз по ступеням, в открытую дверь.

— Джейн Паркер?

— Она там пробыла дольше всех, исписала целый лист и подписалась. После этого нас всех снова вызвали, спрашивали про

Георга. Только про Георга и королеву, как они пили вместе, как часто вы с братом с ней были, оставляла ли ты их вдвоем.

— Джейн уж на него наговорит, не задумается.

— Она потом хвасталась — сил нет. А эта сеймуровская штучка уехала, будет жить пока с семейством Кэрю в Суррее, пусть там изжарится от жары, пока нас тут таскают на допросы и мучают поодиночке, — закончила Мадж с рыданием. Я остановилась, поцеловала кузину в щеку.

— Можно я с тобой поеду? — убитым голосом спросила она.

— Нет. Лучше уезжай к герцогине в Ламбет, она тебя приютит. И не говори никому, что меня видела.

— Я попытаюсь, — честный ответ. — Но ты просто не знаешь, каково, когда они из тебя все жилы вытягивают, спрашивают одно и то же по сто раз.

Я кивнула и ушла, а она осталась стоять на ступеньках, красивая девчонка, попавшая к самому роскошному и элегантному двору в Европе, все успела, даже короля сумела соблазнить, и вот жизнь рушится, разваливается на куски, короля гложат черные подозрения. Теперь она узнала — ни одной женщине, будь ты даже задорной и хорошенькой, очаровательной и жизнерадостной, в этом мире себя не уберечь.

Я отнесла Екатерине белье, сказала, что платьев королеве не привезла. В подробные объяснения решила не вдаваться — незачем привлекать внимание ни к моей особе, ни к нашему скромному жилищу у стен францисканского монастыря. Не упомянула я и о новостях, услышанных от лодочника, — арестован сэр Томас Уайетт, старый воздыхатель Анны, много лет назад состязавшийся с королем за ее благосклонность — давным-давно, когда мы только тем и занимались, что играли в любовь. Еще один завсегдатай приемной королевы, сэр Ричард Пэйдж, тоже взят под стражу.

— Они скоро придут за мной. — Я сидела с Уильямом у очага в маленькой кухоньке. — Они забирают всех, кто был около нее.

— Тебе лучше не ходить к Екатерине каждый день. Я схожу, или служанку пошлем. А ты оставайся поодаль, найди место у реки, откуда сможешь ее увидеть — будешь знать, что у нее все в порядке.

На следующий день мы отыскивали другое пристанище, поселились там под выдуманными именами. Генрих отправился в Тауэр,

переодетый конюхом, понес сестре книги и всякое такое. Шел к замку обходными путями, а на обратной дороге затесался в толпу, чтобы никто не мог его выследить. Если бы мой дядюшка понимал, что можно любить дочь, а не только сына, он бы следил за Екатериной и уж точно нашел бы меня. Но откуда ему догадаться о такой любви. Немногие Говарды подозревали, что от девчонок какой-то прок — пешки в брачной игре, и только.

Да и занят он был, наш дядюшка. Через неделю мы поняли, что у него и минуты не было свободной — когда узнали, в чем же их все-таки обвиняют. Уильям принес новости из пекарни, где покупал хлеб к ужину. Он ничего мне не сказал, пока я не поела.

— Любовь моя, — начал ласково, — как мне тебя подготовить, даже не знаю.

Я посмотрела на мрачное лицо мужа, отодвинула тарелку.

— Выкладывай все сразу.

— Был суд, и их всех признали виновными — Генриха Норриса, Франциска Уэстона, Уильяма Берттона и этого парня молодого — Марка Смитона. Виновными в прелюбодеянии, совершенном с твоей сестрой королевой.

Мне казалось, я не слышу его голоса, не слышу слов — все будто отдалилось, звучало приглушенно. Уильям рванулся ко мне, тряхнул меня, странное, полусонное чувство куда-то пропало, я снова увидела доски пола, стол, комнату, пытаюсь вырваться из его рук.

— Пусти, я не в обмороке.

Он ослабил хватку, склонился надо мной, заглянул в лицо:

— Боюсь, тебе следует молиться за душу брата. Его уж точно обвинения не минуют.

— Он не был в суде с остальными?

— Нет, их судили в обычном суде. Он и Анна предстанут перед судом пэров.

— Тогда есть надежда. Может, там удастся выпутаться из этого дела.

Он в сомнении покачал головой. Я вскочила:

— Тогда я пойду в суд. Нечего было мне тут таиться, прятаться, как последней трусихе. Пойду и скажу им правду, пока дело не зашло совсем далеко. Если этих признали виновными, мне надо идти в суд, дать показания, рассказать, что Георг невиновен. И Анна тоже.

Я еще и двух шагов сделать не успела, а быстрый, как всегда, муж уже стоял в дверях, загораживая проход.

— Я знал, что ты скажешь. Никуда ты не пойдешь.

— Уильям, мой брат, моя сестра в страшной опасности. Я должна их спасти.

— Нет. Подымешь хоть чуть-чуть голову — сама головы лишишься и им не поможешь. Кто, как ты думаешь, выслушивает показания против всех них? Кто председательствует в суде, когда разбирается дело твоего брата? Твой дядюшка! Попытался он спасти племянника? Или твой отец — заступился за сына? Нет. Они знают — Анна научила короля быть тираном, теперь его уже не остановишь, он совсем сошел с ума.

— Я могу защитить брата. — Я попыталась оттолкнуть мужа. — Это Георг, мой ненаглядный Георг. Как мне жить с мыслью, что он совсем один в суде, оглянется вокруг, а никто даже пальцем не пошевелит, чтобы защитить его. Лучше умру, но пойду к нему.

Уильям отступил от двери:

— Тогда иди. Поцелуй на прощанье малышку и Генриха. Я передам Екатерине твое материнское благословение. И меня поцелуй на прощание. Если ты туда пойдешь, живой не выйдешь. Будь уверена, и тебе придумают преступление — по крайней мере, в колдовстве обвинят.

— За что? Что я сделала? Что, ты считаешь, я натворила? Что такого мы все сделали?

— Анну обвиняют в соблазнении короля с помощью ведовства. Твой брат ей в этом помогал. Поэтому их и судят отдельно от других. Прости меня, что сразу не сказал. Очень трудно такие новости рассказывать жене за ужином. Их обвиняют в прелюбодеянии — друг с другом, в сношениях с дьяволом. Это отдельный суд не потому, что тут дело полегче, нет, такие страшные преступления за одно заседание не рассмотришь.

У меня только и хватило сил, что прислониться к мужу. Он обнял меня, продолжил рассказ:

— Им обоим целый лист обвинений предъявили — навели на короля порчу, лишили его мужской силы, заклинаниями, а может, отравленным зельем. Утверждают, что они любовники, а родившийся ребенок — от Георга, и потому оказался таким уродом. Хочешь ты или

нет, многому из этого поверят. Ты провела немало ночей, пируя в комнатах Анны. Ты ее учила, как соблазнять короля, после того как столько лет была его любовницей. Ты нашла ей знахарку, сама привела колдунью во дворец. Разве не так? А мертвые младенцы? Я похоронил одного, помнишь? И многое-многое другое, я наверно не все и знаю. Правда? Ты же всех секретов семейки Болейн даже мне не раскроешь?

Я отвела взгляд, он покачал головой:

— Так я и думал. А как насчет заклинаний и зелий, чтобы зачать? — Он посмотрел мне в глаза, пришлось кивнуть. — Епископа Фишера, беднягу невинного, она отравила. На ее совести, по крайней мере, три смерти. Пыталась отравить кардинала Уолси и королеву Екатерину...

— Я точно не знаю.

— Ты ее сестра, а ничего лучшего в защиту сказать не можешь. — Взгляд суровый, без улыбки. — Ты точно не знаешь, скольких она погубила, да?

— Не знаю, — прошептали мои губы.

— Она явно приложила руки к ведовству, она, несомненно, виновна в соблазнении короля, помнишь, как непристойно она себя вела. Она, безусловно, виновна в покушении на жизнь епископа, кардинала и королевы. Ты не можешь ее защитить. Она виновна, по крайней мере, в половине того, в чем ее обвиняют.

— Но Георг... — Мой голос еле слышен.

— Георг ей во всем помогал. Да и сам он немало согрешил. Если бы сэр Франциск и остальные признались, чем они занимались со Смитоном, их бы повесили за содомию, а не за что другое.

— Он мой брат. Я не могу его покинуть на произвол судьбы.

— Можешь отправляться туда себе на погибель. Или оставаться здесь, воспитывать детей, забрать дочурку Анны, которая к концу недели останется бесприютной сиротой, всеми забытой, опозоренной. Ты можешь дожить до конца этого правления, увидеть, что будет потом, узнать, какое будущее ждет принцессу Елизавету, уберечь своего сына Генриха от тех, кто захочет сделать его наследником престола или — еще хуже — претендентом на королевский трон. Ты обязана защитить детей. Анна и Георг сами выбрали свою участь. Но у принцессы Елизаветы, у Екатерины и Георга будущее еще впереди. Тебе нужно им помочь.

Я больше не упиралась кулачками ему в грудь, руки безвольно повисли по бокам.

— Да, ты прав, пусть этот суд идет без меня, — сказала я безжизненным голосом. — Не стоит идти туда и бросаться на их защиту. Но постараюсь убедить дядюшку — вдруг что-то еще можно сделать.

Я думала, муж и тут станет возражать, но он только спросил задумчиво:

— А ты уверена, что он и тебя не потащит в тюрьму? Он только что осудил этих троих, каждого знал с детства. Послал их на виселицу, на четвертование. Не очень-то похоже на милосердие.

Я кивнула, задумалась.

— Тогда сначала схожу к отцу.

К моему огромному облегчению, он кивнул:

— Хорошо, я тебя провожу.

Я набросила плащ, позвала кормилицу, наказала следить за малышкой и никуда не отпускать Генриха. Сказав, что уйдем ненадолго, надо кое-кого навестить, мы с мужем вышли из маленького домика.

— А где он, ты не знаешь? — спросила я.

— В доме у дядюшки. Половина двора еще в Гринвиче, но король сидит запершись, говорят, горюет. Правда, некоторые добавляют, он каждый вечер тайно видится с Джейн Сеймур.

— А что будет с сэром Томасом и сэром Ричардом? Их ведь тоже взяли под стражу.

— Кто знает, — пожал плечами Уильям. — Против них ничего нет, ни особой вины, ни особой защиты. Когда тиран сходит с ума, всякое может случиться. Их почти не допрашивали, а этот мальчишка Марк, который всего-то и знает, что свою лютню, его вздернули на дыбу, пытали, пока не зарыдал и не признался во всем, что им угодно было услышать.

Он взял меня за руку, согревая ледяные пальцы.

— Ну вот, пришли, пойдём через задние ворота. Я знаю кое-кого из конюхов. Хотелось бы разведать обстановку, прежде чем наобум бросаться вперед.

Мы тихо вошли на конюший двор, но не успел Уильям позвать кого-нибудь из слуг, мы услышали перестук копыт по брусчатке —

перед нами очутился мой отец собственной персоной. Я бросилась к нему, лошадь шархнула, он грязно выругался.

— Простите, отец, мне надо вас повидать.

— Ты, неужели? Где ты пряталась всю неделю?

— Она была со мной, как ей и положено. — Уильям за моей спиной, в обиду не даст. — С детьми. А Екатерина с королевой.

— Да, знаю, — отозвался отец. — Единственная девчонка из семьи Болейн без пятна и порока, насколько мне известно.

— Мария хочет вас кое о чем попросить, а потом мы уйдем.

Я помедлила. Вот я перед отцом и сама толком не знаю, о чем его умолять.

— Отец, Анну и Георга помилуют? Дядюшка за них заступится?

Он глянул на меня — лицо мрачнее тучи.

— Ты небось не меньше других знала об их делишках. Вы трое всегда заодно, грешники ужасные. Тебя нужно допрашивать, а не других придворных дам.

— Ничего мы не делали, — возразила я со страстью. — Вы все знали, сэр. Нам дядюшка приказывал, а больше ничего. Мне велел научить Анну, рассказать ей, как очаровывать короля. Ей приказал любой ценой зачать младенца. Георгу поручил быть с ней, поддерживать, утешать. Мы только вашим приказам и подчинялись, делали все, что нам велят. А теперь прикажете ей за это умирать? За то, что была послушной дочерью?

— Я тут вовсе ни при чем, — огрызнулся отец. — Я ей ничего не приказывал. Она всегда все сама делала, и он, и ты вместе с ними.

Настоящий предатель! Он спешился, бросил поводья конюху, пошел к дому. Я ринулась за ним, схватила за рукав:

— Сумеет дядюшка ее спасти?

Он повернулся ко мне, шепнул на ухо:

— Время Анны прошло. Король понял — она бесплодна, ему нужна другая жена. Сеймуры выиграли эту схватку, сомнений нет. Брак аннулируют.

— Аннулируют? На каком основании?

— На основании их предварительного родства. Поскольку он был твоим любовником, он не мог стать ее мужем.

— Только меня снова не приплетайте.

— Именно так и будет.

— А Анну куда?

— В монастырь, если будет сидеть тихо. А нет — в ссылку.

— А Георг?

— Ссылка.

— А вы?

— Если переживу эту историю, мне уже ничто не страшно, — промолвил отец угрюмо. — А ты, если не хочешь свидетельствовать в суде, затаись, держись подальше ото всех.

— Но я могу дать показания в их защиту.

Он фыркнул недовольно:

— Не будет никаких показаний в их защиту. Когда судят за измену, защитников нет. Единственная надежда — снисходительность суда и помилование короля.

— А если мне обратиться к королю, попросить их помиловать?

— Если ты не Сеймур, он тебе не обрадуется. Если ты Болейн, по тебе топор плачет. Держись подальше, девочка. Если хочешь помочь брату с сестрой, пусть все будет тихо — тихо и быстро.

Мы услышали приближающийся топот копыт большого отряда, Уильям потащил меня прочь:

— Это твой дядюшка, давай скорей сюда.

Мы бросились в арку ворот, через которые обычно привозят сено. Там маленькая калитка, Уильям ее открыл, вытолкнул меня как раз в тот момент, когда во дворе замелькали факелы. Солдаты уже звали конюхов помочь его милости спешиться.

Мы с мужем шли по темным улочкам и проулкам Сити. Кормилица впустила нас в дом, малышка спала в колыбельке, Генрих рядом на соломенном тюфяке, голова в рыжих тюдоровских кудрях колечками.

Уильям повел меня к нашей кровати, задернул занавески, раздел, уложил. Обнял меня крепко, держал молча в своих объятьях, и я всю ночь прижималась к нему, пытаюсь согреться.

Анна предстала перед судом пэров в Королевском зале лондонского Тауэра. Они побоялись везти ее через весь город в Вестминстер. Мрачное настроение горожан в день коронации теперь сменилось жалостью, народ теперь был на стороне Анны. План Кромвеля не удался — слишком уж много он всего напридумал. Кто поверит, что женщина может быть такой ужасной? Соблазнять мужчин

во время беременности, как ее обвиняют в суде? Просто невозможно себе представить, что женщина станет заводить одного, двух, трех, четырех любовников под самым носом у мужа, если муж — король Англии. Даже те женщины, что в пору суда над Екатериной, завидев королевскую барку, кричали Анне — „шлюха“, убеждены — король опять решил разделаться с законной женой и взять себе другую фаворитку, помоложе.

Джейн Сеймур переселилась в город, в огромный дом сэра Франциска Брайана на Стрэнде. Все знали, что королевская барка причаливает к речной пристани каждый вечер и остается там за полночь, из сада слышна музыка. В этом доме что ни день, то маскарады, танцы и пиры, а королева заперта в Тауэре, и с ней пятеро джентльменов — четверых уже приговорили к смертной казни.

Генрих Перси, старая любовь Анны, заседал в суде вместе с остальными пэрами. Все они пировали у нее за столом, танцевали в ее комнатах, целовали ей руку. Как они себя чувствовали, когда она вошла в Королевский зал, села перед ними, золотая буква „Б“ у горла, французский чепец оставляет открытыми пряди черных волос, темное платье еще сильнее подчеркивает кремовый оттенок кожи. Она непрестанно молилась и плакала у маленького алтаря в часовне в Тауэре, но во время суда оставалась невозмутимо спокойной. Прекрасная, уверенная в себе, словно та юная особа, что только-только вернулась из Франции. Столько лет прошло с тех пор, как наша семья решила — теперь ее черед заполучить моего царственного возлюбленного.

Я бы могла пробраться в зал вместе с простолюдинами, сесть в задних рядах, но Уильям ужасно боялся, вдруг меня кто-нибудь узнает, да и у меня самой не было сил выносить всю эту ложь. Но я знала — мне не вынести и правды. Хозяйка дома, где мы остановились, пошла посмотреть на это величайшее в Лондоне зрелище. Вечером вернулась с полным списком тех, кого соблазнила королева, со всеми деталями — где, когда, как она их целовала, кому давала подарки, кто ночь за ночью старался превзойти один другого в ее спальне. Кое-какая правда в этих историях иногда проскальзывала, но чаще это был поток стремительной, дикой фантазии, который каждый, кто знаком с жизнью двора, мог легко опровергнуть. Но скандал всегда привлекателен, особенно скандал с похотливым душком, с грязью, с

темными наветами. Простому народу нравятся подобные истории, экие страсти выделяет королева, что еще ожидать от шлюхи, которая обманом пробралась в постель короля. Была в этом правда, но не только об Анне, Георге и мне, все эти грязные детали немало говорили и о секретаре Кромвеле, простолюдине.

Не было никаких свидетелей, которые бы видели ее обхаживающей и улещающей мужчин, не было свидетелей, доказывающих, что она замышляла извести короля, напускала на него порчу. Суд утверждал, незаживающая рана на ноге и мужская неспособность короля — ее вина. Анна возражала, она невинна, пыталась объяснить пэрам, и без нее это знавшим, что раздавать подарки — обязанность королевы. Нет ничего странного, если танцуешь сначала с одним, а потом с другим. Конечно, ей посвящали стихи, естественно, любовные стихи. Король раньше никогда не жаловался на традицию куртуазной любви, царящую при всех европейских дворах.

В последний день суда граф Нортумберленд, Генрих Перси, ее первая любовь, не явился в зал заседаний. Прислал сказать, что болен. Тогда я поняла — пощады ей не будет. Лорды, ищущие благоволения Анны при дворе, готовые за ее милости продать собственных матерей на галеры, выносили вердикт, от самого младшего пэра до нашего дядюшки. Один за другим они провозглашали: „Виновна“. Когда дело дошло до дядюшки, он, давясь слезами, едва смог произнести: „Виновна“, никак не мог выдавить из себя решение суда — сжечь или обезглавить ведьму, как того король пожелает.

Хозяйка дома вытащила платок, промокнула глаза, сказала — какая тут справедливость, если королеву сожгут на костре за то, что танцевала с парой молоденьких кавалеров.

— И то правда, — заметил Уильям и выпроводил ее из комнаты. Когда она ушла, взял меня на руки, посадил на колени, баюкал, как дитя, обнимал.

— Ужасно, навсегда запрут в монастыре, ей этого не вынести.

— Придется, тут не до выбора. Монастырь или ссылка — все, что королю будет угодно.

На следующий день, поскорее, пока есть еще силы выносить эту беспардонную ложь, пэры принялись судить брата. Его, как и других, обвинили в том, что он был ее любовником и замышлял заговор

против короля. Он стоически все отрицал. Его обвинили в том, что он сомневался в королевском происхождении принцессы Елизаветы, в том, что смеялся над мужской немощью короля. Георг, связанный принесенной клятвой, молчал — тут не отопрешься. Самое сильное обвинение основывалось на показаниях Джейн Паркер, его жены, которую он всегда ненавидел.

— Слушать оскорбленную жену? — кричала я Уильяму. — Повесить из-за ее показаний?

— Он виновен. Я не его дружок, но тоже не раз слышал, как он смеялся над Генрихом. Говорил, тому и кобылы в горячий сезон не покрыть, не то что такую леди, как Анна.

— Это непристойно и неосмотрительно, но...

— Это измена, любовь моя. — Муж взял меня за руку. — Конечно, за такие разговоры обычно не судят, но если судят, это измена. Обвинили же они в измене Томаса Мора за то, что отрицал верховное главенство короля над церковью. Теперь король сам выбирает, за что казнить, а за что миловать. Он получил эту власть, когда избавился от Папы и его власти над церковью. Мы дали Генриху это право — казнить и миловать. Теперь он решает. Вот и выходит, что твоя сестра — ведьма, а брат — ее любовник, и оба они — враги государства.

— Но он же их помилует, должен же, — плакала я.

Каждый день мой сын шагал к Тауэру и встречался с сестрой. Каждый день Уильям шел за ним следом, смотрел, не следит ли кто за ними. Нет, никто Генриха не выслеживал. Они слишком заняты — возводят напраслину на королеву, заманивают ее в ловушку, обсуждают глупые, вульгарные шутки Георга, готовят ему капкан.

В середине мая я пошла с Генрихом повидать свою дочь. Она выскользнула в калитку, даже отсюда нам слышны молотки — во дворе возводят эшафот, там отрубят головы Георгу и его четверым друзьям. Екатерина бледна, но спокойна.

— Пойдем со мной, — умоляла я ее. — Уедем в Рочфорд, все вместе. Здесь нам больше делать нечего.

Она покачала головой:

— Позволь мне остаться. Я останусь тут, покуда тетюшку Анну не отправят в монастырь и все будет кончено.

— Как она себя чувствует?

— Хорошо. Все время в молитве, готовится к затворнической жизни. Она знает — ей уже не быть королевой. Не сомневается — больше ей не увидать принцессу Елизавету, ее дочери не стать королевой. Суд кончился, теперь стало полегче. Там ее никто не слушал, только смотрели на нее — вот так ужасно. Сейчас она поспокойнее.

— А Георга ты не видела? — Я старалась не показать виду, но голос мой дрожит от горя.

Дочь взглянула на меня с жалостью. Темные болейновские глаза.

— Это тюрьма, матушка, я не могу расхаживать с визитами.

Я покачала головой — конечно, глупый вопрос.

— Когда я тут останавливалась раньше, Тауэр был просто одним из королевских замков. Каждый мог ходить, куда хотел. Ясно, теперь все иначе.

— Женится король на Джейн Сеймур? Она хочет знать.

— Скажи ей, похоже, что непременно. Он бывает у них дома каждый вечер. Все как в былые дни, когда он Анну обхаживал.

Екатерина кивнула — пора идти, часовой уже беспокоится.

— Передай Анне... — У меня не было сил продолжать. Слишком много хочется сказать в одной фразе. Столько лет соперничества, вынужденного единства, всегда и во всем. Они спаяли нашу любовь, заставляли нас поддерживать друг друга. Как выразить все это в одном слове, как сказать, что я ее все равно люблю и счастлива быть ее сестрой, даже если знаю, она сама обрекла себя на это, да и Георга потащила за собой? Я никогда не прощу ее за участь брата, но вместе с тем как же хорошо я ее понимаю!

— Что ей передать? — нетерпеливо переспрашивает Екатерина.

— Передай ей, что я о ней думаю. Все время. Каждый день. Как всегда.

На следующий день брат был обезглавлен, а вместе с ним и его любовник, Франциск Уэстон, и другие — Генрих Норрис, Уильям Брертон и Марк Смитон. Прямо здесь, на зеленой лужайке Тауэра, на глазах у Анны. Она смотрела, как умирают друзья, а за ними и брат. Я гуляла у реки с малышкой на руках, старалась не думать о том, что происходит. Дул легкий ветерок, над головой печально кричали чайки. В прибое болтались вынесенные на берег обрывки канатов, деревяшки, раковины и водоросли. Серая вода, запах соли в воздухе, я

медленно иду, качаю малютку, пытаюсь понять, что же случилось с нами, Болейнами. Вчера мы правили целой страной, а сегодня мы — осужденные преступники.

Для казни Анны вызвали палача из Франции. Король планирует помилование в последнюю минуту, хочет, чтобы представление удалось на славу. В Тауэре, рядом с башней Бошан, опять сколачивают эшафот.

— И король ее помилует?

— Так твой отец говорит, — кивает Уильям.

— Ему нужен настоящий маскарад. — Я же знаю Генриха. — Прикажет помиловать в самую последнюю минуту, все будут так рады, что забудут о смерти этих пятерых.

Палач все задерживается во Франции. Еще день, за ним другой, а на эшафоте так никто и не появляется в ожидании королевского слова. Екатерина, как маленькое привидение, выскальзывает за ворота Тауэра.

— Сегодня приходил архиепископ Кранмер, принес бумаги, аннулирующие брак. Она все подписала. Они обещали ее помиловать, если она подпишет, отправить в монастырь.

— Благодарение Господу. — Боже, как же я боялась. — Когда ее отпустят?

— Наверно, завтра. Отправят жить во Францию.

— Ей там понравится, помяни мое слово, она в пять дней станет в монастыре настоятельницей.

Дочь слабо улыбнулась. Лиловые круги под глазами от усталости.

— Уходи отсюда сегодня. — Внезапно меня охватывает тревога. — Все уже почти кончено.

— Я приду, когда смогу, — обещает она. — Когда Анна уедет во Францию.

Я лежу ночью без сна, уставившись на полог нашей кровати. Шепчу на ухо Уильяму:

— Король сдержит слово, помилует ее в последнюю минуту?

— Конечно, — успокаивает меня муж. — Он уже получил все, что ему нужно. Ее обвинили в прелюбодеянии — значит, мертвый уродец родился не от него. Брак аннулирован, будто его вовсе не было. Все, кто сомневался в его мужских способностях, мертвы. Зачем еще ее убивать? Смысла не имеет. Он ей пообещал помилование. Она

подписала все бумаги. Теперь ему остается только сдержать слово и послать ее в монастырь.

На следующий день ее привели на эшафот. Позади придворные дамы, среди них моя маленькая дочка.

Я в толпе, у самой стены. Но и отсюда мне видна изящная фигурка в черном платье, темный чепец сдвинут, густые волосы рассыпаются по плечам. Сказала что-то, мне не слышно, да и какая разница. Все это чепуха, очередное представление, вроде короля, обряженного Робин Гудом и придворных дам — поселянок в зеленом. Я жду, чтобы открылись выходящие к Темзе ворота, забили барабаны королевской барки, сверкнули весла в темной воде. Я жду появления короля, его слов, дарующих сестре помилование.

Он опять запаздывает, наверное, приказал задержать казнь, подождать, пока над рекой не пропоют трубы, возвещая прибытие монарха. Генрих всегда любил театральные появления. Теперь мы все ждем, когда развернется последнее действие этой драмы, он произнесет заготовленную речь — помилование. Анну отправят во Францию, я заберу дочь и поеду домой.

Вот она повернулась к священнику для последней молитвы. Сняла чепец, расстегнула подвеску с буквой „Б“. Я вонзаю ногти в ладони, сил нет терпеть — Анна красуется в последний раз, а король, как всегда, опаздывает. Почему бы им уже не сыграть до конца, не отпустить нас наконец по домам.

Одна из женщин, не Екатерина, выступила вперед, завязала сестре глаза, помогла ей встать на колени на эшафоте, отступила назад — теперь Анна совсем одна. Как поле ячменя на ветру, толпа у эшафота тоже преклонила колени. Только я стою прямо, гляжу поверх голов на сестру. Она на коленях в черном платье с вызывающе-красной юбкой, глаза завязаны, лицо белее мела.

Меч палача уже сверкнул на солнце, а я все еще жду королевской барки. Вот меч, подобно молнии, идет вниз, вот ее голова уже отделилась от туловища. Все, конец старинного соперничества между мной и другой Болейн.

Уильям бесцеремонно втолкнул меня в одну из ниш в стене. Бросился вперед, расталкивая тех; кто столпился вокруг помоста, где тело Анны заворачивают в белое полотно перед тем, как унести. Хватает Екатерину в объятья, будто она по-прежнему маленькая

девочка, несетя с ней сквозь еще не пришедшую в себя от ужаса толпу.

— Все, конец, — только и говорит он. — Пойдем уже.

Толкает нас перед собой, словно в приступе бешенства. Мы выходим из ворот Тауэра, из Сити, пробираемся сквозь толпы народа обратно к себе. Повсюду люди разговаривают о происшедшем, выкрикивают новости, у каждого свой рассказ — наконец обезглавили проклятую шлюху, убили бедняжечку королеву, избавились от честной жены, чего только не говорят об Анне, как, впрочем, всю ее жизнь.

Екатерина споткнулась, ее не держат ноги, Уильям поднял девочку на руки, понес как младенца, голова в полудреме прислоняется к его плечу. Столько дней она не спала вместе с моей сестрой, ожидая помилования, они же обещали, обещали. Шагаю, с трудом выбирая путь по булыжной мостовой, и все никак не могу поверить — он ее не помиловал. Тот, кого я так любила, прекраснейший принц христианского мира, превратился в невероятное чудовище, которое не держит данного слова. Приказал казнить жену только потому, что не может перенести — она останется жить, полная презрения к нему. Забрал у меня Георга, моего дорогого Георга. Лишил меня второй половины — моей сестры.

Екатерина спала — весь день и всю ночь. А когда проснулась, кони были уже готовы, и прежде чем дочь успела слово сказать, ее уже посадили на лошадь. Мы добрались до реки, пересели на корабль, поплыли вниз по течению, в Ли. Только на барке она немного поела. Генрих не отходил от сестры ни на шаг. Малышка спит у меня на руках, я смотрю на старших детей — благодарение Богу, мы сбежали из города, и если удача нам не изменит, если мы все будем делать по-умному, доживем в глуши, незамеченными, до нового царствования.

Джейн Сеймур выбирала подвенечное платье в тот самый день, когда казнили мою сестру. Не мне ее за это осуждать. Анна, да и я сама поступили бы так же. Если король Генрих передумает, поздно будет жалеть, благоразумной женщине лучше не возражать монарху, а повиноваться. Особенно теперь — с одной верной женой он уже развелся, а другую обезглавил, вошел во вкус власти.

Джейн будет новой королевой, ее дети, коли родятся, станут принцами и принцессами. Или, как другим королевам до нее, придется ей считать месяц за месяцем, ждать в отчаянной надежде, мечтать о

зачатии сына, понимая, что с каждым днем любовь короля все слабее и слабее, а терпения у него все меньше и меньше. А может, проклятие Анны, пожелавшей ей умереть родами, предсказавшей ей смерть младенцев, обернется пророчеством. Не завидую я Джейн Сеймур. Я уже видела двух королей, двух жен Генриха, особой радости эти браки им не принесли.

А что до нас, Болейнов, отец прав — нам остается одно: попытаться выжить. После смерти Анны даже дядюшку покинула удача. Поставил Анну на кон, точно так же как поставил бы меня или Мадж. Коли девчонка годится для того, чтобы соблазнить короля, — хорошо, коли на ней можно сорвать королевский гнев — отлично. Для того чтобы добраться до вершины, занять подобающее место, девчонок не жалко, в семействе Говардов в них недостатка нет. Он-то снова сядет за игорный стол. Только с нами, Болейнами, покончено. Мы потеряли нашу девчонку, знаменитую королеву Анну, мы потеряли Георга, наследника семейного богатства. Дочь Анны, Елизавета, теперь пустое место, ей еще хуже, чем всеми презираемой принцессе Марии. Елизавете уже никогда не называться принцессой. Ей теперь никогда не сидеть на троне.

— Вот и хорошо, — сказала я тихонько Уильяму, когда сын и дочка заснули, убаюканные мерным покачиванием барки во время отлива. — Хочу жить с тобой в деревне, воспитывать детей, учить их любить друг друга и бояться Бога. Хочу немного покоя. Я уже по горло сыта придворной игрой на крупную ставку. Вижу, чем приходится расплачиваться, слишком высока цена, не по карману. Мне нужен только ты. Хочу жить в Рочфорде и любить тебя.

Он обнял меня, прижал к себе, укрыл от холодного, без устали дующего с моря ветра.

— Договорились. Твое дело, благодарение Богу, сделано. — Муж посмотрел туда, где на носу барки спали дети. Лодка шла вниз по течению реки, покачиваясь под мерными ударами весел гребцов. — А эти двое? Когда-нибудь им придется плыть вверх по течению, обратно ко двору, обратно к власти.

Я покачала головой — не хочу.

— Наполовину Болейны, наполовину Тюдоры, — задумчиво сказал Уильям. — Боже мой, что за сочетание. И их кузина Елизавета

— тоже наполовину Болейн, наполовину Тюдор. Заранее не предскажешь, что им в голову взбредет.

---

notes

Примечания

1

Король — Генрих VIII Тюдор (1491–1547). Повествование ведется от лица Марии Болейн (1504/8—1543), жены члена личного королевского кабинета Уильяма Кэри, в течение двух лет являвшейся фавориткой короля. *(Здесь и далее прим. ред.)*

2

Анна Болейн (1500–1536) — с 1533 г. королева Англии, мать Елизаветы I.

3

Речь идет о Марии Английской (1496–1533), сестре Генриха VIII и вдове французского короля Людовика XII.

4

Естественно! (*фр.*)

5

Екатерина Арагонская (1485–1536) — дочь Фердинанда II, короля Арагона и Кастилии, первая жена Генриха VIII и мать Марии Тюдор.

6

У французов! (*фр.*)

Уолси, Томас (ок.1473–1530) — английский государственный деятель, с 1515 г. кардинал, сосредоточил в своих руках всю высшую административную и церковную власть. Впоследствии обвинен в государственной измене.

8

Блаунт, Елизавета (1500–1540) — возлюбленная Генриха VIII и мать его внебрачного сына Генриха Фицроя.

9

Принцесса Мария (1516–1568) — дочь Генриха VIII и Екатерины Арагонской, будущая королева Мария Тюдор (с 1553 г.).

Мария Французская — так в Англии называли королеву Франции Марию Английскую (см. прим. к стр. 9). Графиня Девон — сестра матери Генриха VIII. Джейн Паркер — в дальнейшем фрейлина Екатерины Говард, пятой жены Генриха VIII.

11

Генрих Перси (1500–1537) — лорд, граф Нортумберленд, поклонник Анны Болейн, а в дальнейшем один из ее судей.

12

Боже мой! (*фр.*)

13

Король Франциск — французский король Франциск I (1494–1547).
Император — Карл V (1500–1558), император Священной Римской империи, король Испании (Карлос I).

Да здравствует! Да здравствует Марианна! (*фр.*)

Томас Мор (1478–1535) — знаменитый английский гуманист, государственный деятель и писатель.

Франциск Уэстон (1513–1536) и Уильям Бертон (?—1536) — приближенные Генриха VIII, впоследствии казненные по обвинению в заговоре.

Уайетт, Томас (1503–1547) — английский дипломат и первый поэт английского Возрождения.

Маргарита (Мадж) Шелтон — двоюродная сестра Анны и Марии Болейн. В течение недолгого времени была фавориткой Генриха VIII, воспитательница Елизаветы I.

Ричард де ла Поль—родственник (двоюродный дядя) Генриха VIII и претендент на английский престол.

Артур Тюдор (1486–1502) — старший брат Генриха VIII умер через полгода после женитьбы на Екатерине Арагонской. Папа Римский признал брак Артура и Екатерины недействительным, после чего Генрих VIII женился на вдовствующей принцессе.

Гольбейны — семья немецких живописцев и графиков XV–XVI вв.

Мендоса Уртадо, Диего (1503–1575) — испанский поэт и гуманист, знаток древних языков, философии и гражданского права. Посол императора Карла V в Англии, Франции, Венеции и Ватикане.

Речь идет о Клименте VIII (1478–1534), Папе Римском с 1523 г.

Горячка (английский пот, английская потливая горячка). В Англии было зафиксировано пять эпидемий этой странной болезни, после чего она нигде не возникала, и до сих пор неизвестно, что это за болезнь.

Уильям Стаффорд (1512–1556) — реальный исторический персонаж, второй муж Марии Болейн.

Франциск Брайан (1490–1549/50) — приближенный Генриха VIII и камергер Екатерины Арагонской. Обладал большим влиянием при дворе.

Джейн Сеймур (1507/9-1537) — третья жена Генриха VIII,
мать Эдуарда VI.

Томас Кромвель (1489–1540) — английский государственный деятель, сыгравший большую роль в укреплении власти Генриха VIII. Впоследствии казнен по обвинению в государственной измене.

Кранмер, Томас (1489–1556) — деятель английской Реформации, с 1533 г. архиепископ Кентерберийский. Посредник между Папой Римским и Генрихом VIII в деле о разводе последнего с Екатериной Арагонской. Казнен после восстановления католицизма при Марии Тюдор.

30

Очарован (*фр.*).

Эдуард Сеймур (1506–1552) — старший брат Джейн Сеймур.
После смерти Генриха VIII — лорд-протектор.

Table of Contents

[Филиппа Грегори Другая Болейн](#)

[Весна 1521](#)

[Весна 1522](#)

[Лето 1522](#)

[Зима 1522](#)

[Весна 1523](#)

[Лето 1523](#)

[Зима 1523](#)

[Весна 1524](#)

[Лето 1524](#)

[Зима 1524](#)

[Весна 1525](#)

[Осень 1525](#)

[Весна 1526](#)

[Лето 1526](#)

[Осень 1526](#)

[Зима 1526](#)

[Весна 1527](#)

[Лето 1527](#)

[Осень 1527](#)

[Зима 1527](#)

[Лето 1528](#)

[Осень 1528](#)

[Весна 1529](#)

[Лето 1529](#)

[Осень 1529](#)

[Рождество 1529](#)

[Лето 1530](#)

[Осень 1530](#)

[Рождество 1530](#)

[Весна 1531](#)

[Лето 1531](#)

[Осень 1531](#)

[Весна 1532](#)
[Лето 1532](#)
[Осень 1532](#)
[Зима 1532](#)
[Весна 1533](#)
[Лето 1533](#)
[Осень 1533](#)
[Зима 1533](#)
[Весна 1534](#)
[Лето 1534](#)
[Зима 1535](#)
[Весна 1535](#)
[Лето 1535](#)
[Осень 1535](#)
[Зима 1536](#)
[Весна 1536](#)
[Май 1536](#)
[Примечания](#)

[1](#)

[2](#)

[3](#)

[4](#)

[5](#)

[6](#)

[7](#)

[8](#)

[9](#)

[10](#)

[11](#)

[12](#)

[13](#)

[14](#)

[15](#)

[16](#)

[17](#)

[18](#)

[19](#)

[20](#)

[21](#)

[22](#)

[23](#)

[24](#)

[25](#)

[26](#)

[27](#)

[28](#)

[29](#)

[30](#)

[31](#)

